

Федеральное агентство по образованию
ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова»

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

*Посвящается 100-летию
со дня рождения И.Д. Кузнецова*

**И.Д. КУЗНЕЦОВ – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ,
ЧЕЛОВЕК, ПЕРЕЖИВШИЙ РЕПРЕССИИ
30 – 40-х годов XX века**

**Сборник статей
Всероссийской научной конференции историков
(Чебоксары, 15-16 июня 2006 г.)**

Москва 2006

ББК Т1(2РОС.ЧУВ)6-8я43
К 89

Редакционная коллегия:

**А.В. Арсентьева, В.С. Григорьев, П.В. Денисов,
В.Д. Димитриев, А.Г. Иванов, П.С. Кабытов,
Ю.А. Перчиков, В.Р. Степанов, М.Ю. Харитонов,
В.А. Юрченков, Ю.А. Богомазова (отв. секретарь)**

Главный редактор -
академик РАО Л.П. Кураков

Рецензенты:

д-р ист. наук В.Д. Есаков (Институт Российской истории РАН),
д-р биол. наук Е.С. Левина (Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова), д-р ист. наук Г.Л. Горник (Казанский госархитектурно-
строительный ун-т)

И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший
К 89 репрессии 30 – 40-х годов XX века: Сборник статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15-16 июня 2006 г.). – М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. – 624 с.

ISBN 5-86876-009-3

Сборник научных трудов посвящен памяти видного ученого-историка России И.Д. Кузнецова. Авторы освещают наиболее важные аспекты его жизни и деятельности, а также многогранный научный потенциал его творческого наследия, включающий изучение проблем древней, средневековой и новой истории Отечества; анализ социальных катаклизмов, революционного движения и государственного строительства в национальных окраинах; раскрытие закономерностей и особенностей индустриальной модернизации страны в XX веке. Тексты приводятся в авторской редакции, представленной в оргкомитет.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей науки.

Отв. редактор –
д-р ист. наук, профессор Ю.П. Смирнов

ISBN 5-86876-009-3

ББК Т1(2РОС.ЧУВ)6-8я43

© ИНИОН РАН РФ, 2006
© Чувашский госуниверситет, 2006

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л.П. Кураков

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Ученому, если он не является им номинально, а действует как настоящий исследователь, присущи многогранность культуры мышления, разносторонность интересов, универсальность в подходах и владение инструментарием широкого диапазона научных изысканий. Много и с немалой иронией сказано об односторонних специалистах, которые могут пройти мимо открытия, находясь от него в полушаге. Для этого нужен научный кругозор, базирующийся на глубоких знаниях методологии других научных дисциплин, порой необязательно смежных. Убедительно сказал академик Ю.А. Поляков: «Положение самой науки противоречиво. Она обладает огромной доказательностью, опираясь на подлинные неоспоримые документы. С другой стороны, она уязвима для искажений и фальсификаций. При таком многообразии русел и факторов, из которых складывается исторический процесс, легко выделить одно из русел или гипертрофировать его роль, оставляя в тени другие, умаляя их значение, замалчивая их взаимосвязи и взаимодействие»¹.

Выдающийся чувашский историк И.Д. Кузнецов был наделен тем даром, обладателей которого всегда называли энциклопедистами, или, по меньшей мере, глубокими эрудитами. Ставя научную задачу и определяя приемы и методы ее решения, он никогда не ограничивался исключительно инструментарием своей, исторической науки, поэтому его труды глубоки и многоаспектны. Монографии И.Д. Кузнецова вызывают интерес и у философов, и у культурологов, и у этнографов, и у экономистов. И.Д. Кузнецов в своих исследованиях приходил к оригинальным, часто непривычным выводам. Другие авторы нередко не соглашались с его заключениями и положениями. Мы решили проследить его выводы с точки зрения современной экономической теории и находим, что они обоснованы, объективны.

В этом плане особый интерес представляют экономические положения И.Д. Кузнецова в его фундаментальном труде об истории чувашского крестьянства², в котором на протяжении нескольких столетий показаны масштабные процессы развития населения чувашского края, практически полностью представленного крестьянством.

Показывая изменение экономических отношений в крае после его перехода под власть Москвы, И.Д. Кузнецов подчеркивает роль замены традиционного ясака денежными платежами податей: «Какими бы ни были драконовские царские указы о строгом соблюдении обеспечения прямых и постоянных прибылей с сохранившихся крестьянских дворов, всегда аккуратно выполнявших ясачные повинности – *деньги делали свое дело и втягивали в круговорот первоначального капиталистического накопления помещиков, всякого рода наместников и чиновников и выскочек из самих крестьян*»³. Историк, по сути, делает вывод о том, что переход от продуктообмена к денежному обращению стимулирует, во-первых, расслоение общества, во-вторых, активизацию хозяйственной жизни и финансового обращения. Это - выводы квалифицированного экономиста, построенные на анализе исторической ситуации.

Далее исследователь подкрепляет свои выводы меткими высказываниями самих чувашей: «Именно к этому периоду относится появление у чуваш весьма выразительных пословиц и поговорок касательно денег, торговли, заемных дел:

Деньги камень режут;
Деньги голову поедают;
Кто с капиталом, того и мор не берет;
У богача и петух яйца несет;
Занял, так себя связал;

Дешевые товары пожирают бедняцкие деньги»⁴.

Приведенный выше фрагмент являет новую и несколько неожиданную, но от того не менее интересную грань историко-экономического анализа. Тем более, что отраженные в пословицах и поговорках мысли о роли торгово-ростовщического капитала стали ощутимой реальностью уже с конца XVI в. и были связаны с развитием денежного обращения. И.Д. Кузнецов не только констатирует этот факт, но и как истинный исследователь анализирует его: «Развитие торгово-ростовщического капитала имело среди ясачных крестьян бо-

лее благоприятные условия, нежели среди помещичьих. И не только потому, что барщина задерживала разложение натурального хозяйства, но и потому, что среди ясачных крестьян при всех ограничениях царской монополией в торговле заповедными товарами был гораздо больший простор для наживы русского и другого купечества и путем торговли и путем ростовщичества»⁵.

Анализ исторической литературы в масштабах региона, освещающей положение ясачных людей, входивших в состав Казанского ханства, впоследствии ставших подданными России, показывает, что этот переход сопровождался заменой ясака на денежные платежи, следовательно, развитие торгово-ростовщического капитала с незначительными отклонениями имело аналогичный характер. Почти те же процессы наблюдались в Удмуртии⁶. Выявление этих параллелей свидетельствует о том, что И.Д. Кузнецов как аналитик точно выявил одну из существенных тенденций социально-экономического развития народов Волго-Уралья, перешедших под власть Москвы.

Важной особенностью развития края стало не только расширение и интенсификация торговли, но и ее переориентация из внутреннего товарооборота и восточной ориентации на западное направление, так как Москва имела традиционные и довольно прочные торговые контакты с Северной и Центральной Европой. Об этом И.Д. Кузнецов отмечает следующее: «Чувашский край все больше и больше втягивался в орбиту международной торговли, притом на основе все большего вовлечения крестьян в рыночные отношения»⁷. Подтверждение мысли ученого находим у марийского исследователя А.Г. Бахтина: «С 70-х годов XVI в. стала налаживаться торговля. Развивались торгово-денежные отношения, постепенно складывался всероссийский рынок. Марийский край поставлял хлеб, пушнину, кожу, продукты лесных промыслов и ремесла. Разнообразными стали формы торговли, в крае проходили ярмарки, функционировали базары и торжки. Развитие экономики и торговли способствовало разложению натурального хозяйства»⁸.

Оба приведенных фрагмента из монографий исследователей показывают, что вхождение в состав России и переход к денежному обращению имели позитивное значение для народов, населяющих край, для развития производства и торговли, отхода от натурального хозяйства. Вместе с тем, экономический подъем сопровождался процессами уг-

лублиния социального расслоения. Причем эта тенденция носила всеместный характер и в силу этого может быть признана объективной.

Как отмечал И.Д. Кузнецов, «чуваший народ отнюдь не представлял собой сплошной «хура халӑх», в переводе на русский («черные люди» - прим. автора), в нем была заметная феодальная прослойка, угнетавшая крестьян»⁹. Аналогичные процессы были характерны для удмуртского¹⁰ и мордовского народов¹¹. Таким образом, видный чувашский ученый выявил и сформулировал важную особенность развития народов Волго-Уралья в новых государственно-административных условиях. Однако этого вывода, в сущности, лежащего на поверхности, мало столь глубокому аналитику, как И.Д. Кузнецов. Он, развивая очевидную мысль, приходит к более содержательной оценке: «Чуваший трудовые массы в период царизма, как и в золотоордынский период, находились под двойным гнетом: русских и чувашских феодалов и ростовщических элементов»¹².

Таким образом, И.Д. Кузнецов делает обобщение универсального характера: классовое общество всегда подвержено расслоению на имущественной основе, а национальный фактор в данной социально-экономической реалии практически не имеет никакого значения. Данный вывод убедительно демонстрируется на примере чувашского народа до и после вхождения в состав русского государства.

И.Д. Кузнецов впервые увидел в истории чувашского крестьянства самостоятельное социально-экономическое явление коштаства – незначительной по численности, но очень влиятельной прослойки населения края, имевшей определяющее влияние практически на все процессы, протекавшие в крае. По мнению специалистов XIX в.¹³, кошта - очень влиятельный неформальный лидер, доминирующий над общиной. Он не «опасен» как человек, соединяющий негативные качества с достаточно позитивными по итоговым результатам поступками. Круг его действий и влияния – внутреннее и внешнее администрирование своего селения. Он всегда умеет завладеть инициативой и вмешивается во все дела, причем, его воля – закон, даже если он молчит на сходе.

И.Д. Кузнецов убедительно доказал неизбежность появления коштаства у чувашского народа и обстоятельно проследил эволюцию этого явления в XVII - XVIII вв.¹⁴: «Внеэкономическое принуждение, указное и неуказное насилие и надругательство со стороны помещиков, приказных людей, монастырей и миссионерских черноризников –

вот что благоприятствовало появлению коштанства»¹⁵. Мысль исследователя проста: когда царит произвол извне, со стороны государства, принявшего малые народы после падения Казани и иных сил, нужна опора внутри общины, сильная личность, на которую можно надеяться в повседневной жизни. А так как в то время силой считалось, главным образом, богатство, то коштанами, как правило, становились наиболее успешные ростовщики.

Ученый характеризует подобную ситуацию следующим образом: «Торговля, деньги глубоко проникали в чувашскую деревню и вконец разлагали патриархальный быт, державшийся на базе натурального хозяйства... что открывало большой простор для ростовщиков, для закабаления неимущих теми, кто имел деньги»¹⁶. Историк считает, что каждый чувашский крестьянин жил под постоянным страхом разорения или закабаления и не имел уверенности в завтрашнем дне. Это создавало благоприятную среду для установления коштанами экономической власти, которая превращалась в психологическую зависимость, покорность.

Исследователь приводит данные о том, что «коштаны держали крепкую связь с конокрадами и разбойниками, напускали их на неугодных крестьян... Жизнь чувашских крестьян XVII в. полна открытых грабежей коштанства или при помощи приказных людей, или при помощи воровских шаек»¹⁷. Таким образом делается вывод, что коштаны поддерживали свою власть не только кабальными, долговыми расписками, но и акциями устрашения, а то и прямого террора. Другие историки указывают и на политическую причину возникновения коштанства – стремлению местного управления иметь в чувашской деревне свою агентуру¹⁸.

Исследуя эволюцию коштанства в XIX в.¹⁹, И.Д. Кузнецов показывает, что на пути промышленного развития и становления капиталистической системы хозяйствования коштанство перерастает в буржуазию и обосновывает закономерность этого процесса. Следует отметить пытливость исследователя, выявившего неканоническое, нетрадиционное историческое явление – коштанство, давшего его полнообъемный анализ, показавшего историческое значение и раскрывшего различные, в том числе и социально-экономические, аспекты его проявления.

Во второй части «Очерков по истории чувашского крестьянства» И.Д. Кузнецов представляет анализ социально-экономического развития пореформенной Чувашии. С учетом того, что подавляющее боль-

шинство населения края занималось сельскохозяйственным производством, отмена крепостного права представляется важным системообразующим фактором периодизации. Несмотря на то, что основная масса чувашских крестьян не были крепостными, статус удельных или государственных также лишал их личной свободы, поэтому реформа и для них стала важнейшим фактором новой гражданской и экономической самоидентификации.

Характеризуя экономическое значение реформ, исследователь подчеркивает, что «положение бывших помещичьих крестьян Чувашского края было еще более тяжелым, чем положение крестьян центральной России. Они оказались более малоземельными и по сравнению с местными бывшими государственными или удельными крестьянами, разорались заметно быстрее»²⁰.

Точность выводов ученого, сделанных в 1960-е гг. подтверждается сведениями и оценками, содержащимися в монографиях современных исследователей. Примерно так же характеризует сложившуюся в пореформенной России ситуацию известный отечественный историк Б.Г. Литвак²¹, также подчеркивающий, что бывшие государственные и удельные крестьяне оказались в экономически более выгодном положении.

Одним из самых важных выводов И.Д. Кузнецова стало заключение о том, что углубление социального исследования и имущественного неравенства привело к окончательному переходу чувашской деревни на новый тип хозяйствования. «Устои крепостнического способа производства размывались: деревня встала на путь капиталистического развития»²². Б.Г. Литвак пишет по этому поводу еще более резко: «Феодальное «попечительство», имевшее своей целью сохранить хозяйство крестьянина как пригодный объект эксплуатации, уступило место «свободному» буржуазному грабежу»²³. Эти оценки разделяет треть века, что лишь подтверждает достоверность выводов чувашского ученого.

Следует отметить, что полученные результаты И.Д. Кузнецов трактовал в духе своего времени, что определялось, во-первых, всем его жизненным путем, воспитанием, убеждениями, а, во-вторых, на заключения историков в те годы в существенной мере накладывала отпечаток общая идеологическая ситуация в стране. Поэтому неудивительно, что блестящий анализ социально-экономического развития

пореформенной Чувашии он заключает сугубо классовой оценкой пролетаризации деревни: «На исторической арене появилась сила, способная ликвидировать эксплуатацию человека человеком»²⁴. С позиций сегодняшнего дня мы склонны рассматривать такой акцент как дань времени, нисколько не умаляющий значительность проделанного ученым колоссального труда по изучению истории чувашского крестьянства, по сути, чувашского народа, ибо это была его основная социальная составляющая.

Сегодня труды И.Д. Кузнецова - многогранного и глубокого исследователя, - и начинающими, и сложившимися учеными воспринимаются как своеобразная творческая лаборатория, кладезь идей и подходов, приникнув к которому можно набраться и живительных аналитических сил, и новых идей, или прояснить и углубить ранее не дававшуюся осмыслению суть. Его работы имели и имеют поистине методологическое значение, способствовали и будут способствовать становлению многих поколений историков республики.

Вековой юбилей – достаточный срок, чтобы всесторонне оценить творческое наследие подлинного классика исторической науки Ивана Даниловича Кузнецова.

Примечания

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. - М.: РОССПЭН, 2004. С. 167-168.

² Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. – Чебоксары: Госиздат, 1957. Ч.1; Его же. Очерки по истории чувашского крестьянства. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969. Ч.П.

³ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 68.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. – Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 2004. С. 125.

⁷ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 63.

⁸ Бахтин А.Г. XV – XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1998. С. 178.

⁹ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 76.

¹⁰ История Удмуртии. С. 123.

¹¹ Народы России: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 233.

¹² Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч. I. С. 77.

¹³ См.: Там же. С. 302.

¹⁴ Там же. С. 78, 155-212.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 92-93.

¹⁷ Там же. С. 114, 116.

¹⁸ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773-1775 гг.). – Чебоксары, 1959. С. 146, 333-335.

¹⁹ Там же. С. 213-240.

²⁰ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч. II. С. 16.

²¹ Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская инициатива. – М.: Политиздат, 1991. С. 163.

²² Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч. II. С. 30

²³ Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 188.

²⁴ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч. II. С. 31.

**Ю.П. Смирнов,
А.В. Выйкин,
Ю.А. Богомазова**

**ШКОЛА И.Д. КУЗНЕЦОВА:
ТРАДИЦИИ, НОВАТОРСТВО
В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

11 июня 2006 г. исполняется 100 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, члена Союза писателей СССР Ивана Даниловича Кузнецова. И.Д. Кузнецов принадлежит к замечательной плеяде тех, кто стоял у истоков становления и развития культуры и науки Советской Чувашии. Он родился в деревне полевые Буртасы Яльчикского района Чувашской АССР. В 1922-1923 гг. работал инструктором Батыревского уездного комитета РКСМ. В 1923-1931 гг. учился на Чувашском рабфаке, на подготовительном отделении и в аспирантуре Института красной профессуры в Москве. В период учебы в аспирантуре преподавал в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, на Высших курсах марксизма-ленинизма при ЦИК СССР, а затем в Горьковском отделении Института подготовки кадров. С 1932 по 1937 гг. - заведующий отделами Чувашского обкома партии.

В ноябре 1937 г. И.Д. Кузнецов по ложным обвинениям в национализме и антипартийных делах был арестован. В феврале 1941 г. он был осужден за «групповую контрреволюционную агитацию», приговорен к 8 годам лишения свободы (не считая проведенных в тюрьме 3,5 лет) с последующим поражением в гражданских правах на 5 лет и сослан на север в лагерь Коми АССР и Архангельской области, где провел более 14 лет. После реабилитации в 1955 г. И.Д. Кузнецов вернулся с семьей в Чебоксары. С этого времени начинается второй, наиболее плодотворный этап научной работы ученого, за который им было написано основное количество его трудов.

4 июля 1956 г. И.Д. Кузнецов назначается на должность директора Чувашского государственного книжного издательства¹. Одновременно с этим он работал в правлении Союза писателей Чувашии. Еще в начале своей научной деятельности И.Д. Кузнецовым был поднят вопрос об этнографии чувашского народа, который не ослабел и в дальнейшем. Он активно участвовал в разработке проблем этногенеза чувашей, исследовал сложные вопросы развития духовной культуры, общественных отношений и быта чувашского народа. В работе «К вопросу о про-

исхождении чувашской народности» (сб. ст. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957) И.Д. Кузнецов, придерживаясь теории болгаро-чувашской преемственности, критиковал миф о «золотом» веке в истории чувашей в период существования Волжской Болгарии, показывал фальшивость концепции автохтонности происхождения чувашей, подчеркивал, что болгары являются предками как чувашей, так и казанских татар. В 1957 г. в Чебоксарах выходит в свет монография И.Д. Кузнецова «Очерки по истории чувашского крестьянства. - Ч.1. Чувашские коштаны до XX в.», которая была защищена в качестве диссертации. 29 мая 1958 г. он был утвержден Ученым Советом Института истории АН СССР в ученой степени кандидата исторических наук². Работа представляла собой историю Чувашии X – начала XX вв. На основе скрупулезного и всестороннего анализа документальных источников, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Чувашской АССР, а также документальных публикаций и научной литературы дореволюционной и советской историографии автор на фоне исследования общей истории Чувашии изучил зарождение и развитие коштанства – специфического явления, характерного для Среднего Поволжья эпохи феодализма и капитализма. Помимо изучения основной проблемы, автор здесь же касается вопросов происхождения чувашей, их социально-экономического положения в составе Золотой Орды и Казанского ханства, характеризует производ дворянско-чиновничьей бюрократии Русского государства в Чувашском крае, классовую борьбу крестьянства в эпоху феодализма и капитализма. 8 октября 1957 г. Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики (далее ЧНИИ), Чувашским государственным педагогическим институтом (далее ЧГПУ) и Горкомом КПСС в Чебоксарах была проведена научная сессия, посвященная установлению Советской власти в Чувашии. Одним из докладчиков на ней был И.Д. Кузнецов, который выступил с интересным докладом «Поражение чувашского буржуазного национализма в 1917-1918 гг.»³.

В 1958 г. в свет вышло несколько статей И.Д. Кузнецова: «Серьезный шаг в изучении истории Чувашии» («Советская Чувашия», 1958, 6 августа); «В первые дни возникновения чувашских большевистских организаций (1918 г.)» («Коммунизм Ялавё») ⁴; «Октябрьская революция и крах чувашского буржуазного национализма» в сборнике статей «Установление Советской власти в Чувашии» ⁵; по договоренности с Чувашгизом составлен и сдан издательству сборник «Чăваш халăх ис-

торийё тӑрӑх», который содержал в себе опубликованные в периодике и нигде не опубликованные работы по чувашской истории, написанные на чувашском языке; также был сдан в печать сборник работ по чувашской истории «Очерки истории и историографии Чувашии», содержащей главным образом опубликованные ранее работы, написанные на русском языке (был опубликован в 1960 г.)⁶. Кроме этого в 1958 г. И.Д. Кузнецов участвует в работе расширенного заседания Ученого Совета ЧНИИ совместно с Ученым Советом ЧГПУ, где выступает с сообщением «Архивные материалы о В.И. Чапаеве и его родственниках»⁷.

24 апреля 1958 г. в ЧГПУ состоялось объединенное расширенное заседание Ученых советов педагогического и научно-исследовательского институтов, посвященное 110-летию со дня рождения выдающегося чувашского педагога и просветителя И.Я. Яковлева и 90-летию Симбирской чувашской учительской школы. И.Д. Кузнецов выступил на нем с сообщением о некоторых спорных вопросах в оценке деятельности И.Я. Яковлева⁸. На последующей за этим научной сессии он выступил с сообщением: «Роль И.Я. Яковлева и Симбирской чувашской учительской школы в развитии чувашской печати»⁹. 25 августа 1958 г. И.Д. Кузнецов возвращается на работу в ЧНИИ и с сентября назначается заведующим сектором истории¹⁰. В это время началась подготовка к изданию «Истории Чувашской АССР». Эта тема стала одной из основных тем института и была внесена в семилетний тематический план на 1959-1965 гг.¹¹ Для этой книги И.Д. Кузнецовым была написана гл. VIII - «Чувашия в конце XVIII – первой половине XIX вв.»¹², а в тематический план ЧНИИ на 1959 г. вошло написание им гл. X - «Чувашия накануне и в период буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг.», а также подбор совместно с В.Д. Дмитриевым и В.Л. Кузьминым иллюстраций, карт по разделу «Эпоха капитализма» и подготовка их к печати. Кроме этого, в индивидуальный план И.Д. Кузнецова входило написание им гл. II «Борьба большевистских организаций за установление и упрочнение Советской власти в Чувашии» для «Очерков истории Чувашской партийной организации» и ответственное редактирование Т. I-II «Сочинений» И.Я. Яковлева¹³.

Основная тема плановой работы И.Д. Кузнецова на 1959 г. была определена как: «Борьба чувашских большевистских организаций за победу и упрочнение советской власти в Чувашии, и образование Чувашской автономной области»¹⁴. Выступление И.Д. Кузнецова на расширенном заседании сектора истории 10 мая 1959 г. с докладом «О

кулацком мятеже 1921 г. в Чувашии» вызвало широкий интерес, а его обсуждение фактически превратилось в научную сессию¹⁵. Совместно с В.Д. Дмитриевым И.Д. Кузнецов выпустил брошюру «400 лет вместе с русским народом». В ней рассказывалось о добровольном вхождении чувашского народа в состав Русского государства в середине XVI в., и о его историческом значении, о совместной борьбе русского, чувашского и других народов против внутренних и внешних врагов, о прогрессивном влиянии хозяйства и культуры великого русского народа на чуваш, о помощи русского и других народов чувашскому народу в строительстве социализма и коммунизма¹⁶. В газете «Советская Чувашия» (1959, 28 апреля) была опубликована статья И.Д. Кузнецова «К вопросу о национальном социализме и национальном коммунизме (по поводу статьи доцента Я.К. Павлова)»¹⁷. В общем, за 1959 г. И.Д. Кузнецовым было опубликовано 10 статей (в периодической печати выступал в журналах «Ялав», «Таван Атӑл», газетах «Советская Чувашия», «Коммунизм Ялавӗ», «Колхоз хаҫачӗ» Аликовского района¹⁸), и прочитано 18 лекций («Коммунизм – наше светлое будущее» - 12 раз, «Вот она хваленая Америка (О конгрессе безработных)» – по радио, «Наши стародавние друзья (о чувашско-китайской дружбе)» – по радио, «О берлинском вопросе» - по радио, «Т. Шевченко в Чувашии», «В.И. Ленин в освободительной борьбе чувашского народа» - 2 раза)¹⁹.

В июне 1960 г. в Чебоксарах состоялась научная сессия ЧНИИ, посвященная 400-летию добровольного вхождения чувашского народа в состав Русского государства и 40-летия ЧАССР, где И.Д. Кузнецов выступил с докладом на тему «Расцвет социалистической культуры чувашского народа»²⁰, а на заседании секции истории И.Д. Кузнецов выступил с докладом «Итоги изучения темы «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии»»²¹. Продолжалась также работа над I т. «Истории Чувашской АССР». Помимо гл. X И.Д. Кузнецов начал писать гл. XI – «Чувашия в период развития капитализма (вторая половина XIX в.)», срок предоставления которых было 1 августа и 1 декабря 1960 г. соответственно. И.Д. Кузнецов остается ответственным редактором «Сочинений» И.Я. Яковлева (т. III - IV)²². В это же время вышла его брошюра (на чувашском языке) «Волжский богатырь» (комментарии к легенде о В.И. Ленине) – библиотека журнала «Ялав»²³. Роли В.И. Ленина в судьбах чувашского и других народов Поволжья и Приуралья И.Д. Кузнецов посвятил специальную статью «В.И. Ленин и освободительная борьба чувашского народа» - в сбор-

нике «Очерки по истории и историографии Чувашии» (Чебоксары, 1960).

В апреле 1961 г. завершается редактирование I т. «Истории Чувашской АССР». В числе редакторов были такие ученые, как М.А. Андреев, В.Д. Дмитриев, П.П. Епифанов, И.Д. Кузнецов, М.Я. Сироткин, И.А. Федосов, М.И. Хейфец. В этом же году начинается работа над созданием II ч. этнографического исследования «Чуваши». Книга была посвящена развитию общественно-семейного быта и духовной культуры чувашского народа с древнейших времен. И.Д. Кузнецовым была написана гл. I «Общественные отношения и общественный быт» (завершение планировалось в 1962 г.²⁴, но книга вышла лишь в 1970 г.). В 1961 г. И.Д. Кузнецов приступил к работе над своим фундаментальным исследованием «Чувашское крестьянство в период капитализма», которое вследствие и большой загруженности ученого, и большого объема перешло на 1962 г.²⁵ В это же время им завершается работа над справочником – сборником «Быт и культура сельского населения Чувашии» (по материалам 1933 и 1960 гг.). 12 – 13 января 1961 г. в ЧНИИ состоялась теоретическая конференция, посвященная документам Московского совещания рабочих и коммунистических партий. Ответственным за проведение был В.Д. Дмитриев. В программу конференции И.Д. Кузнецов вошел с докладом «Борьба народов за мир, против империалистической политики подготовки новой войны»²⁶. С 3 по 13 апреля И.Д. Кузнецов направляется в командировку в Москву, где участвует в работе секции институтов археологии и этнографии АН СССР. 10 апреля ученый выступил с докладом об итогах экспедиции по обследованию быта и культуры чувашской деревни 1933 и 1960 гг. Это сообщение вызвало большой интерес участников сессии, которые одобрили работу ЧНИИ и поддержали идею повторного обследования через каждые 5 лет²⁷. Помимо этого, 13 апреля И.Д. Кузнецов участвует на заседании редакционной коллегии Института философии по изданию VI томной «Истории философии СССР». На нем был обсужден представленный им материал для I т. «Истории» и была достигнута договоренность о том, что в октябре 1961 г. И.Д. Кузнецов представит окончательно обработанный материал, как один из авторов этого тома. В декабре в ЧНИИ состоялась научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ 1961 г. Руководителем секции истории был И.Д. Кузнецов, который выступил со следующими докладами: «Программа строительства коммунизма и задачи историков Чувашии» и «Об урожайности крестьянских хозяйств в Чувашии в дореволюцион-

ное время»²⁸. Кроме этого, в течение года И.Д. Кузнецовым было прочитано 19 лекций и опубликована 1 статья, а также выпущены брошюра «Молодежи о коммунизме» (текст лекции) и тезисы «Когда установлена Советская власть в чувашских уездах»²⁹.

В мае 1962 г. состоялась очередная научная сессия ЧНИИ. На ней И.Д. Кузнецов выступил с докладом на тему: «120-летие восстания чувашских и марийских крестьян (1842 г.)»³⁰. Продолжается работа над «Историей крестьянства Чувашии в период капитализма», которая по штатной нагрузке должна была быть закончена 1 декабря 1962 г., кроме этого И.Д. Кузнецов был включен в редактирование и читку корректуры статей по истории в XXII выпуске «Ученых записок». Им был разработан ряд конкретных вопросов по истории Чувашии. Большой интерес представляет его статья «К. Маркс о некоторых вопросах истории народов Поволжья» («Ученые записки ЧНИИ», XXI вып. Чебоксары, 1962)³¹. В ней говорится о том, как изучал К. Маркс историю и жизнь народов Поволжья, какие мысли высказывал он в связи с этим по ряду конкретных вопросов историографии. 4 ноября на заседании сектора истории ЧНИИ слушался вопрос о рукописи И.Д. Кузнецова «Акрамовская война». Было решено издать ее отдельной брошюрой³². В сборнике АН СССР «Особенности аграрного строя России в период капитализма» была опубликована его статья «Аграрный вопрос в Чувашии накануне Октября». Помимо этого, во второй половине апреля И.Д. Кузнецов участвует в работе конференции по вопросам истории социалистического и коммунистического строительства, а также выступает с докладом «Урожайность крестьянских наделных земель в Чувашии в 1858-1917 гг. и значение ее в дифференциации крестьянства» на съезде Историко-археологического общества при Казанском государственном университете имени В.И. Ульянова-Ленина³³. В общем, в 1962 г. им было прочитано 5 лекций, 4 доклада, опубликовано в периодической печати 6 статей и издана книга «Очерки по истории чувашского народа»³⁴.

20 августа 1963 г. на И.Д. Кузнецова была возложена обязанность директора ЧНИИ³⁵. В этом же году в свет выходит его монография «Крестьянство Чувашии в период капитализма». Нужно сказать, что работа над этой темой велась фактически с 1928 г.³⁶ Данное исследование явилось продолжением первой части очерков по истории чувашского крестьянства, посвященных освещению вопроса о чувашском коштанстве до XX в. Поскольку основной упор в той работе был сделан на исследование коштанства, до этого совершенно не изученного,

то в ней лишь бегло затрагивалось положение крестьянства в начальный период капитализма. Вторая часть работы была целиком посвящена истории крестьянства в период капитализма (и империализма) в России и доводилась до февральской революции 1917 г.³⁷ Эта работа получила одобрение Ученого Совета и ряда кафедр и секторов других НИИ, вузов и отдельных ученых, вследствие чего была представлена в Институт истории АН СССР на соискание ученой степени доктора исторических наук³⁸. В тематический план ЧНИИ на 1963 г. вошло написание И.Д. Кузнецовым в соавторстве с Л.А. Ивановым монографии «История передовых колхозов Чувашской АССР»³⁹. Данная монография должна была быть включена в издательский план Чувашского книжного издательства на 1965 г.⁴⁰, но в связи с тем, что работа по выявлению и извлечению архивных материалов в 1963 г. была только начата, то она была заменена на работу И.Д. Кузнецова «История колхоза «Гвардеец» Батыревского производственного управления ЧАССР» и работу Г.А. Мартынова «История колхоза «Знамя труда» Чебоксарского производственного управления ЧАССР»⁴¹. В XXII вып. «Ученых записок» были опубликованы следующие статьи и заметки И.Д. Кузнецова: «Заметки по некоторым вопросам истории социалистической революции в Чувашии», «Обсуждение письма А.В. Васильева на заседании сектора истории», а в Чувашском книжном издательстве вышла брошюра на чувашском языке «О трех программах партии». В 1963 г. началась работа по подготовке и изданию научной литературы, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В рамках этих мероприятий в ЧНИИ был создан коллектив авторов под руководством И.Д. Кузнецова для создания «Очерков по истории Чувашской областной организации КПСС (1920-1965 гг.)». К этому торжеству приурочивалось и издание в 1966 г. монографии И.Д. Кузнецова «Чувашское колхозное крестьянство в строительстве коммунизма», работа над которой началась еще в 1960 г.⁴² Этой книгой автор завершал свое уже частично опубликованное исследование истории крестьянства Чувашии с древнейших времен. В книге освещалась история борьбы трудящихся крестьян за социалистическую переделку деревни, начиная с первых дней массового колхозного движения и заканчивая упрочением колхозного строя. Главное место в работе занимала борьба колхозников Чувашии, подъем сельского хозяйства в годы семилетки⁴³. В Москве с 18 по 22 сентября проходила сессия историков по проблеме национальных отношений на современном этапе, где И.Д. Кузнецов выступил с докладом на тему «Против клеветнических

вылазок антикоммунистов в зарубежной печати против чувашского народа»⁴⁴. Итоговая научная сессия ЧНИИ, посвященная итогам исследовательских работ за год, проходила 23-27 декабря 1963 г. На пленарном заседании (23 декабря) был заслушан доклад И.Д. Кузнецова «Своеобразие национально-освободительного движения в Чувашии накануне и на первом этапе Великой Октябрьской социалистической революции»⁴⁵ (тезисы этого доклада были опубликованы в издании АН СССР в 1964 г.⁴⁶). С аналогичным докладом И.Д. Кузнецов выступил на прошедшем в мае 1963 г. расширенном заседании сектора истории. В сборнике статей «К некоторым вопросам о развитии чувашской культуры и литературы» (Чебоксары, 1963) вышла его статья на чувашском языке «В.И. Ленин в исторических судьбах чувашского народа». Кроме этого, за год им было прочитано 17 лекций, докладов и бесед, опубликовано 4 статьи в журналах и газетах⁴⁷.

27-28 февраля 1964 г. в Горьком проходила сессия Волго-Вятского Совета по координации научно-исследовательских работ. На нем И.Д. Кузнецов выступил с докладом «Опыт изучения истории передовых колхозов Чувашской АССР»⁴⁸. В октябре 1964 г. на научной сессии ЧНИИ по вопросу «Насущные проблемы развития чувашской культуры в период развернутого строительства коммунизма» И.Д. Кузнецов выступил с докладом «Чувашия на путях коммунистической цивилизации»⁴⁹. За год им было прочитано 17 лекций и докладов на разные темы, опубликовано 15 статей, в сборнике «В помощь учителю истории» (Материалы по истории Чувашской АССР) были опубликованы написанные им главы «Кризис крепостнической системы», «Борьба крестьян против усиления крепостнического гнета» и «Культура и просвещение в Чувашии в дореволюционный период»⁵⁰.

В 1965 г. И.Д. Кузнецовым были опубликованы такие работы, как: «Чувашия на путях коммунистической цивилизации» (совместно с И.А. Маркеловым и М.Я. Сироткиным), статья «К вопросу об изучении исторического опыта перехода народов Поволжья к социализму» («Ученые записки ЧНИИ», ХХІХ вып.)⁵¹. В рамках издания «Очерков по истории Чувашской областной организации КПСС» планировалось написание И.Д. Кузнецовым совместно с И.П. Прокопьевым главы IX - «Областная парторганизация в первые годы развернутого строительства коммунизма (1959-1967 гг.)»⁵². В данной работе впервые было дано систематизированное освещение истории областной партийной организации с момента зарождения коммунистического движения в Чувашии и до 1966 г. В них в сжатой, научно-популярной форме описыва-

лась деятельность областной парторганизации по всем этапам социалистического и коммунистического строительства и практического осуществления ленинской национальной политики в Чувашии. Издать «Очерки» Чувашское книжное издательство планировало в 1967 г.⁵³ Совместно с Н.И. Ивановым им было закончено написание главы «Общественные отношения» для II ч. «Чувашей», но в 1965 г. работа еще не была утверждена к печати. Для «Истории философии СССР» И.Д. Кузнецовым был подготовлен раздел «Общественная мысль в Чувашии в пореформенный период»⁵⁴. В это же время начинается работа над созданием Чувашского краеведческого словаря, научным руководителем которого был назначен И.Д. Кузнецов. Срок окончания работы был в 1970 г.⁵⁵ В феврале 1965 г. планировалось выступление И.Д. Кузнецова с докладом «Итоги исследования истории крестьянства Чувашии в период капитализма» на региональной научной сессии Волго-Вятского Совета по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам⁵⁶. В 1965 г. в ЧНИИ отмечалось 75-летие со дня рождения и 50-летие со дня смерти классика чувашской литературы К.В. Иванова. На научной сессии, посвященной этому событию, И.Д. Кузнецов выступил с докладом «К вопросу о мировоззрении К.В. Иванова», который в последующем был опубликован в сборнике статей «Классик чувашской поэзии», посвященному 75-летию со дня рождения поэта (Чебоксары, 1966)⁵⁷. На заключительной научной сессии ЧНИИ, прошедшей 10-14 января 1966 г., посвященной итогам исследовательских работ Института за 1965 г., был обсужден доклад И.Д. Кузнецова «К истории перехода чувашской деревни от капитализма к социализму»⁵⁸. Кроме этого им были составлены справки о деятельности Д.С. Эльменя (совместно с М.В. Румянцевым) и о В.И. Чапаеве. В общем, за год И.Д. Кузнецовым было прочитано 9 лекций и опубликовано 6 статей⁵⁹.

18 февраля 1966 г. на заседании Ученого совета Пермского государственного университета им. А.М. Горького состоялась защита И.Д. Кузнецовым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Его книга «Крестьянство Чувашии в период капитализма», представленная на соискание ученой степени, была издана еще в 1963 г. Официальные оппоненты – доктора исторических наук, профессора С.М. Дубровский, П.Г. Галузо и Е.И. Медведев и неофициальные оппоненты (их было пять) дали высокую оценку работе И.Д. Кузнецова⁶⁰. В 1966 г. продолжается работа над созданием таких работ, как «Очерки истории Чувашской областной организации

КПСС», «Чувашский краеведческий словарь» (в трех томах) в написании которых И.Д. Кузнецов принимал непосредственное участие как один из их авторов⁶¹. Вышел I том 2-х томной «Истории Чувашской АССР» (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). И.Д. Кузнецовым была написана гл. X – «Буржуазные реформы 60 – 70-х годов XIX века и развитие капитализма в Чувашии». В ней обстоятельно освещается история отмены крепостного права в помещичьей, удельной и государственной деревне, проведение буржуазных реформ 60 – 70-х гг. XIX в., развитие капитализма в сельском хозяйстве в пореформенный период: отношений в землевладении и землепользовании, хозяйственные занятия и экономическое положение различных групп крестьянства, разорение массы крестьянства. В главе рассматриваются также вопросы развития капиталистических отношений в сельских промыслах, становления фабрично-заводской промышленности, формирования пролетариата, характеризуется положение социальных групп городского населения, большое место уделено освещению классовой борьбы. Автор прослеживает консолидацию чувашей в нацию, их движение за национальное равноправие. В рамках празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции ЧНИИ был подготовлен план освещения материалов в газете «Советская Чувашия». Это была серия очерков от начала революции вплоть до 1966 г. Материал, посвященный 1965 г., был подготовлен И.Д. Кузнецовым⁶². Этому же событию была посвящена опубликованная в журнале «Ялав» статья ученого «Разрешение земельного вопроса». В 1966 г. состоялась теоретическая конференция по вопросам истории Чувашской организации КПСС, в программе которой был заявлен И.Д. Кузнецов с докладом «Борьба Чувашской организации ВКП(б) с национал-уклонизмом»⁶³. В течение года И.Д. Кузнецов особенно активно участвовал в «лекционной пропаганде» - прочитал 16 лекций (из 250 лекций прочитанных сотрудниками ЧНИИ в 1966 г.), опубликовал в газетах и журналах 3 статьи⁶⁴.

В 1967 г. вышел II том «Истории Чувашской АССР» (от Великой Октябрьской революции до наших дней), для которого И.Д. Кузнецовым была написана гл. X – «Социалистическая Чувашия в первые годы строительства коммунистического общества», в которой повествовалось о новой Программе КПСС, борьбе трудящихся Чувашии за выполнение плана семилетки, о развитии промышленности, успехах и трудностях в подъеме сельского хозяйства, дальнейшем совершенствовании советской демократии, росте материального благосостояния и

культуры чувашского народа, о решениях XXII съезда КПСС и начале осуществления экономических реформ в промышленности и сельском хозяйстве республики. 28-29 сентября 1967 г. ЧНИИ совместно с ЦГА ЧАССР проводил научную сессию на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и чувашский народ», ответственными за проведение которой были И.Д. Кузнецов и В.Д. Дмитриев⁶⁵. В течение 1967 г. проходили выездные научные сессии Чувашского НИИ, посвященные 50-летию Великого Октября (2 марта – Моргауши, 12 мая – Батырево, 13 мая – Яльчики, 7 июля – Ибреси, 12-13 октября – Чебоксары, 25 октября – Козловка, 28 октября – Канаш, 30 октября – Мариинский Посад). В их работе участвовал и И.Д. Кузнецов, который выступил с докладами «Чувашская АССР на путях к коммунизму», «Установление Советской власти в Чувашии и Батыревском районе», «Чувашский народ по пути к коммунизму», «Установление Советской власти в Чувашии и Яльчикском районе», «Великая Октябрьская социалистическая революция и возрождение чувашского народа», «Развитие социальной структуры Чувашии в период перехода от капитализма к коммунизму» (тезисы последнего были опубликованы в печати)⁶⁶. 25 апреля 1967 г. И.Д. Кузнецов выступил на региональной сессии в г. Горьком с докладом «Об этапах перехода чувашского народа от капитализма к социализму». 6-7 июня участвовал в научно-теоретической конференции в г. Казани, посвященной «Торжеству ленинской национальной политики», где он выступил в обсуждениях по теме о двух тенденциях в развитии наций. С 19 по 22 сентября участвовал в работе Международной научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и национально-освободительному движению в странах Азии, Африки и Латинской Америки (г. Баку). Отчет о работе конференции И.Д. Кузнецов дал, представив информацию в газету «Советская Чувашия», но редакция вследствие перезагрузки юбилейными материалами его не опубликовала. 13 сентября ученый принял участие в научной конференции Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (далее ЧГУ), посвященной 100-летию «Капитала», на которой он выступил с докладом «К. Маркс и народы Поволжья». По заказу Исторического отделения АН СССР для сборника была подготовлена статья «Социалистическое возрождение чувашского народа», в которой показано разрешение национального вопроса в Чувашии, социально-экономическое, политическое и культурное развитие чувашского народа за 50 лет Советской власти. По поручению Обкома КПСС им была

составлена подробная научно-биографическая справка о мичмане С.П. Павлове⁶⁷. Вышло из печати учебное издание «Борьба за организационное и идейное сплочение Чувашской областной организации КПСС (1921-1930)». Кроме этого И.Д. Кузнецовым за год было опубликовано 6 статей (2 из них в журнале «Родная Волга» по теме «Борьба чувашского народа за социализм», в газете «Коммунизм Ялавё» - рецензия на брошюру Н.И. Николаева и др.) и прочитано 15 лекций⁶⁸.

В связи с открытием в 1967 г. ЧГУ им. И.Н. Ульянова И.Д. Кузнецов 1 октября 1968 г. переходит на работу в университет, где был сразу же избран заведующим кафедрой истории СССР. В октябре 1968 г. он уходит с поста директора ЧНИИ, но, тем не менее, остается работать в секторе истории на 0,5 ставки⁶⁹. В апреле 1968 г. были проведены выездные научные сессии в трех колхозах им. К. Маркса Вурнарского (25 апреля), Яльчикского (29 апреля) и Моргаушского (30 апреля) районов Чувашской АССР. С докладами на тему «К. Маркс – основоположник научного коммунизма» выступили И.Д. Кузнецов, М.В. Румянцев и Г.М. Матвеев⁷⁰. 5-6 мая 1968 г. ЧНИИ совместно с ЧГУ, Чувашским государственным педагогическим университетом (ЧГПУ) и Чувашским государственным сельскохозяйственным институтом (ЧГСХИ) провел научную конференцию «Торжество марксизма-ленинизма в современную эпоху», посвященную 150-летию со дня рождения К. Маркса, на которой был заслушан доклад И.Д. Кузнецова «Учение К. Маркса о пролетарском интернационализме»⁷¹. 21-22 ноября прошла научная сессия ЧНИИ совместно с ЧГУ и ЧГПУ, посвященная 100-летию Симбирской чувашской учительской школы и 120-летию И.Я. Яковлева. Основным на ней был доклад И.Д. Кузнецова - «Ленинская оценка деятельности И.Я. Яковлева», с которым он выступил на пленарном заседании⁷². С этим же докладом И.Д. Кузнецов выступил на межвузовской конференции в г. Ульяновске (14-15 октября)⁷³. Кроме этого он участвовал в подготовке и редактировании сборника воспоминаний об И.Я. Яковлеве, который был опубликован в этом же году. В общем, об И.Я. Яковлеве им было подготовлено и опубликовано 25 статей (20 – в районных газетах, 3 – в республиканских, 1 – в Марий-Эл, 1 – в журнале «Литературная Россия»). Кроме указанных, он опубликовал статьи в газетах: о борьбе с белогвардейцами в Чувашии в 1918 г. (в альманахе «Таван Атӑл»), о комбедах (в районной газете), свои воспоминания о комсомоле, а также отзыв о книге «Чувашия за 50 лет Советской власти»⁷⁴. В общем, за год

И.Д. Кузнецов по радио и телевидению выступил 5 раз и прочитал 12 лекций и докладов.

В 1969-1970 учебном году из печати выходит сокращенный вариант монографии И.Д. Кузнецова «Крестьянство Чувашии в период капитализма» под названием - «Очерки по истории чувашского крестьянства» (Ч. II). Несмотря на свою большую нагрузку И.Д. Кузнецов вошел в состав редакторов сборника документов, материалов и воспоминаний «В.И. Ленин и трудящиеся Чувашии» (ЧНИИ), к которому им было написано «Предисловие». В том же году вышли публицистические брошюры И.Д. Кузнецова «В.И. Ленин и социалистическое возрождение чувашского народа»⁷⁵, «Волжский богатырь» (о В.И. Ленине и претворении его заветов в Советской Чувашии) – вне плана⁷⁶, а также его статья «В.И. Ленин и самоопределение наций»⁷⁷. В 1969-1970 учебном году им также были опубликованы следующие работы: в т. IV «Истории философии СССР» статья «Общественная мысль Чувашии в конце XIX – начале XX вв.», в XXXXII вып. Ученых записок ЧНИИ, посвященных 100-летию со времени открытия чувашской учительской школы и 120-летию со дня рождения И.Я. Яковлева, статья «Деятельность И.Я. Яковлева по национальному подъему чувашей», в XXXXIV вып. Ученых записок ЧНИИ «В.И. Ленин и чувашский народ» статья «Величайший земельный переворот в Чувашии»⁷⁸. В ноябре 1969 г. был утвержден к печати сборник статей «Вопросы истории и историографии чувашского народа», подготовленный членами кафедр истории СССР и всеобщей истории ЧГУ. В редакционный коллектив вошли И.Д. Кузнецов (гл. редактор), Д.Д. Шуверов, Г.А. Варюхин, П.В. Денисов. В нем вышла статья И.Д. Кузнецова «В.И. Ленин и самоопределение народов Поволжья и Приуралья». Статья была посвящена исследованию неосвещенных до того времени в исторической литературе моментов в разрешении национального вопроса в Поволжье и Приуралье, а также критике ошибочных трактовок этой проблемы⁷⁹. В 1969-1970 учебном году на кафедре истории СССР ЧГУ было проведено 5 занятий методического семинара под руководством проф. И.Д. Кузнецова на тему «В.И. Ленин и разрешение национального вопроса в СССР» и освещение этой темы в преподавании истории СССР⁸⁰. В сентябре 1969 г. И.Д. Кузнецов выступил на прошедшем в Средней Азии международном симпозиуме по проблеме национально-освободительного движения с докладом «В.И. Ленин и разрешение национального вопроса в Чувашии». А 13 ноября того же года он выступает в Киеве на научной сессии, посвященной 70-летию со дня ро-

ждения основоположника чувашской советской поэзии М. Сеспеля, с докладом «Национальное и интернациональное в творчестве Сеспеля»⁸¹. За этот же год им были опубликованы следующие статьи: «Слово о великом просветителе (К 120-летию со дня рождения И.Я. Яковлева)» (в соавторстве с Н.С. Дедушкиным) («Волга» (Саратов), № 1, 1969); «Комитет бедноты в Чувашском крае» (в соавторстве с Н.И. Ивановым) («Ялав», № 2, 1969); «Следуя по ложному пути» (рецензия на литературные произведения М. Ильина–Юхмы) («Ялав», № 10, 1969); «М.И. Калинин в чувашском крае» (в соавторстве с Н.И. Ивановым)⁸²; «В плену теоретической сумятицы» (Полемика с журналом «Дружба народов» по поводу статьи М. Юхмы «Золотое руно традиций») (в соавторстве с И.И. Кузьмичевым) («Советская Чувашия», 16 мая, 1969); «Заветы В.И. Ленина в жизни Чувашии» (статья в районных газетах ЧАССР)⁸³.

В 1970-1971 учебном году И.Д. Кузнецов продолжает работать над своей плановой темой «История чувашского крестьянства» (Ч. III). Кафедрой истории СССР был намечен к изданию в 1971 г. сборник «Вопросы истории и историографии чувашского народа». В него, помимо статей Г.А. Варюхина, Д.М. Макарова, П.В. Денисова и Т.С. Сергеева, была помещена статья И.Д. Кузнецова «Три концепции развития капитализма в Чувашии». 16 ноября 1970 г. прошел теоретический семинар членов кафедр истории СССР, всеобщей истории. На нем был заслушан доклад И.Д. Кузнецова «Национализм и интернационализм». 3 декабря 1970 г. прошла научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса, на котором И.Д. Кузнецов выступил с докладом «Фридрих Энгельс и пролетарский интернационализм». В рамках проведения в университете занятий по повышению квалификации учителей-историков 7 января 1971 г. профессор Кузнецов выступил с сообщением – «Подавление кулацкого восстания 1921 г. в Чувашии». В план выполнения хоздоговорных работ вошло написание «Истории Чебоксарского электроаппаратного завода», руководителем которой был назначен И.Д. Кузнецов. Преподаватели кафедры истории СССР имели тесные связи с промышленными предприятиями ЧАССР. Так, например, в рамках проведения на хлопчатобумажном комбинате соцсоревнования, 20 апреля 1971 г. состоялся выезд преподавателей кафедры истории СССР с лекциями. На нем И.Д. Кузнецов, совместно с П.В. Денисовым, выступил с докладом «Чувашия в период развернутого строительства социализма»⁸⁴.

В 1971-1972 учебном году члены кафедры проводили свою работу в условиях всенародного соревнования за достойную встречу 50-летия образования СССР. По материалам изучения коллектива ЧЭАЗа им была написана статья «Формирование чувашского пролетариата», а также V и VI гл. для «Истории ЧЭАЗа». Рукописи находились в стадии редакционной подготовки к печати. Профессором И.Д. Кузнецовым была сдана в печать статья «Три концепции развития капитализма в Чувашии» («Вопросы истории и историографии чувашского народа». Чебоксары, 1973. Вып. 2), изданы брошюра (по линии НИИ) – «Акромовское восстание 1842 г. Восстание чувашских и марийских крестьян» (Чебоксары, 1972) и статья «Первый этап национального самоопределения народов Поволжья и Приуралья» в сборнике «Торжество ленинской национальной политики» (Чебоксары, 1972). Помимо этого И.Д. Кузнецов занимался редактированием книги В.Я. Канюкова «От фольклора к письменности», двух кафедральных сборников, сданных в печать, рукописи «История областной партийной организации». Им было проведено 2 научные конференции в Урмарах и Шоршелах, посвященные 50-летию образования СССР. Как член общества «Знание» и как штатный лектор обкома КПСС он прочел 10 лекций. И.Д. Кузнецов руководил работой аспирантов своей кафедры: Ю.П. Смирнова, Н.М. Михайлова, В.Г. Шаркова, В.Г. Тимофеева, В.А. Васильева, соискателей У.И. Иванова, В.Л. Алексева и других, председательствовал при приеме кандидатского минимума по истории СССР и всеобщей истории. В апреле 1972 г. он руководил работой студенческой научной конференции. Совместно с П.В. Денисовым и Г.А. Варюхиным им была разработана тематика дипломных работ для студентов-стационарников, а так же впервые – для студентов-заочников. И.Д. Кузнецов активно участвовал и в общественно-научной работе: как член Всесоюзного Комитета солидарности стран Азии и Африки в феврале 1972 г. участвовал на сессии Комитета; вел работу председателя Совета комнаты-музея И.Н. Ульянова. Помимо этого он был членом Ученых Советов исторического факультета, университета, ЧНИИ, а так же членом президиума республиканского правления общества «Знание» (до февраля 1972 г.), проблемного Совета по истории СССР советского периода в АН СССР, экспертной комиссии по истории Волго-Вятского координационного Совета, оргкомитета по проведению сессии по проблемам периода феодализма, проводимой совместно с НИИ и Институтом истории АН СССР⁸⁵.

В 1973 г. заведующим кафедрой истории СССР стал доктор исторических наук, профессор П.В. Денисов, но И.Д. Кузнецов остается работать в стенах университета, продолжая вкладывать силу и энергию в становление и развитие учебно-производственной структуры, разработку новых комплексных тем по истории Чувашии. В 1972-1973 учебном году И.Д. Кузнецовым читался лекционный курс и проводились практические занятия по «Истории Чувашской АССР», а также он руководил аспирантурой. На прошедшей в мае 1973 г. в г. Чебоксары зональной научной сессии по вопросам социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма был заслушан доклад И.Д. Кузнецова «Некоторые вопросы истории народов Поволжья феодально-крепостнического периода в рукописном наследстве К. Маркса». Во втором семестре 1972-1973 учебного года состоялось 6 заседаний теоретического семинара кафедры истории СССР на тему «Роль научно-технической революции в историко-социальном процессе», руководителем которого был И.Д. Кузнецов⁸⁶. Для этих заседаний им была тщательно проработана следующая тема: «Ленинизм и современная научно-техническая революция». Значительный интерес представляет его статья «Некоторые вопросы истории народов Поволжья феодально-крепостнического периода в рукописном наследстве К. Маркса» («Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма». Чебоксары, 1973), где автор приходит к выводу, что в литературном наследии К. Маркса имеются ценнейшие материалы для изучения истории народов Поволжья⁸⁷.

В 1974-1975 учебном году было завершено исследование темы «История ЧЭАЗ», которая входила в число одной из инициативных университетских НИР и была выпущена в виде монографии. Это был первый, весьма удачный, опыт в чувашской историографии по написанию истории предприятия. Работа была выполнена под руководством д.и.н., проф. И.Д. Кузнецова, при участии д.и.н., проф. П.В. Денисова, к.и.н. Ю.П. Смирнова и была посвящена изучению истории одного из ведущих предприятий электротехнической промышленности страны⁸⁸. Авторы шаг за шагом, по основным историческим этапам, прослеживали возникновение, рост и укрепление завода, показывали героические подвиги рабочих и инженерно-технических работников в годы Великой Отечественной войны, их дела в послевоенные годы. В книге хорошо раскрыто значение технического прогресса и социалистического соревнования для повышения производительности труда, роста

объема производства. И.Д. Кузнецов принимал участие в работе над «Очерками истории Чувашской областной организации КПСС»⁸⁹. Им осуществлялось руководство научно-исследовательской работой студентов и аспирантов. Был руководителем кружка по изучению истории Чувашской АССР⁹⁰. В мае 1975 г. на Всесоюзной конференции института этнографии АН СССР, посвященной этнографическому изучению современности (г. Нальчик), И.Д. Кузнецов выступил с научным докладом «Этнодемографические перемены в жизни народов Поволжья в XIX в.»⁹¹. 28 января 1975 г. прошла итоговая научная конференция ЧГУ за 1974 г. На секции археологии, истории и этнографии народов СССР было заслушано и обсуждено всего 19 научных докладов и сообщений, среди которых были и доклады штатных сотрудников кафедры. И.Д. Кузнецов выступил с сообщением на тему «Развитие этнодемографии чувашского народа»⁹².

В 1975-1976 учебном году одним из основных направлений научных исследований кафедры истории СССР являлась разработка хозяйственных тем, таких как «История колхоза «Герой» Батыревского района ЧАССР». Исполнителями являлись д.и.н., проф. П.В. Денисов и д.и.н., проф. И.Д. Кузнецов. Изучение этой темы завершается в 1977 г. в виде издания отдельной монографии. 16-18 ноября 1976 г. совместно с Главным советом по истории МВ и ССО РСФСР, ЛГУ была проведена научная сессия «Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР». На данной сессии И.Д. Кузнецов выступил с докладом «Формирование рабочего коллектива ЧЭАЗа». Все доклады и сообщения, заслушанные на итоговой научной конференции университета и научной сессии по истории рабочего класса автономных республик РСФСР, были рекомендованы к публикации в научных изданиях. Совместно с НИИ при Совмине ЧАССР было проведено несколько научных конференций, сессии и совещания. Одним из таких мероприятий была прошедшая в феврале 1976 г. научная сессия, посвященная 70-летию первой русской революции 1905-1907 гг. в с. Абашево Чебоксарского района. С докладами на ней выступили проф. И.Д. Кузнецов, проф. П.В. Денисов. За отчетный период среди населения республики преподавателями кафедры истории СССР было прочитано 186 лекций по вопросам истории и на общественно-политические темы, из них И.Д. Кузнецовым – 20 лекций⁹³.

В 1977 г. все научные исследования, выполненные преподавателями, аспирантами и соискателями кафедры истории СССР, были объединены в общую проблему «Вопросы истории и историографии чу-

вашского народа». Из многих аспектов этой проблемы основное внимание уделялось изучению актуальных вопросов истории социалистического и коммунистического строительства в ЧАССР, разрабатывались малоисследованные историко-этнографические темы по истории феодализма и капитализма, религии и научного атеизма. И.Д. Кузнецов принимал активное участие в научно-исследовательской работе кафедры. За этот год им были опубликованы следующие работы: «Время и литература» (Чувашгиз, 1977); рецензии на книги Емельянова «Колокольчики» («Ялав», №6, 1977) и Краснова «И.Я. Яковлев» в соавторстве с Н.С. Дедушкиным («Советская Чувашия», 1977); «Счастье свободного труда» («Советская Чувашия», 21 июля, 1977); «В памяти народной» («Советская Чувашия», 23 ноября, 1977); «Знамя труда и счастья» («Таван Атӑл», №10, 1977); «Молодежь Чувашии на ленинском пути» («Дружба», №30, 1977) - с одноименным докладом И.Д. Кузнецов выступил на республиканской научной конференции ОК ВЛКСМ. Кроме того, им были разработаны и реализованы следующие темы: «Великий Октябрь и социальный прогресс» (выступление на научной конференции в ЧГУ и в Яльчиках), «Великий Октябрь и национальное государственное строительство Чувашии» (доклад на республиканской научной конференции и в Батыреве), «Молодежь Чувашии на ленинском пути». Кроме этого в это же время он участвует в работе теоретического семинара «Актуальные задачи советской исторической науки в свете решений XXV съезда КПСС», на котором выступил с докладом «Великий Октябрь – торжество марксизма-ленинизма»⁹⁴.

В число инициативных университетских научно-исследовательских работ, утвержденных ректором университета, в 1978 г. вошла тема «Борьба с проявлениями националистической идеологии в Чувашии», исполнителем которой был доктор исторических наук, профессор И.Д. Кузнецов. Работа была выполнена в объеме 4 п.л. и представлена к публикации в «Трудах» ЧНИИ. И.Д. Кузнецов совместно с проф. П.В. Денисовым и проф. В.Д. Димитриевым, по просьбе дирекции издательства «Наука», в октябре-ноябре 1978 г. рецензировал рукопись монографии А.Н. Халикова «Основы этногенеза народов Поволжья и Приуралья». Как и в предыдущие годы, за отчетный период кафедра истории проводила совместные научные мероприятия с ЧНИИ. Как член Ученого совета ЧНИИ, И.Д. Кузнецов рецензировал почти все статьи по вопросам истории и этнографии, публикуемые в «Трудах» Института, а также участвовал в исследованиях, проводимых в отделах истории и археологии, этнографии и социологических иссле-

дований ЧНИИ. Кафедрой истории СССР совместно с кафедрой всеобщей истории был проведен теоретический семинар «Актуальные задачи советской исторической науки в свете решений XXV съезда КПСС». Одним из основных докладчиков на нем был И.Д. Кузнецов, который выступил с докладом «Великий Октябрь – торжество марксизма-ленинизма»⁹⁵.

В 1979 г. по решению Головного совета по истории МВ и ССО РСФСР основное внимание кафедры было сосредоточено на разработке «Актуальных проблем истории рабочего класса автономных республик РСФСР». В исследовании вопросов данной проблемы участвовали все преподаватели, ведущие учебные занятия по курсу истории СССР советского периода (доц. Ю.П. Смирнов, Г.А. Варюхин, В.Г. Шарков, И.Д. Кузнецов, В.Л. Кузьмин, А.В. Арсентьева). Результаты их научных работ были включены во II выпуск межвузовского сборника статей «Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР», посвященный изучению вопросов количественного и качественного изменений структуры рабочего класса в период развитого социализма. И.Д. Кузнецов, совместно с преподавателями кафедры, продолжал работать над разработкой проблемы «Вопросы истории и историографии ЧАССР», утвержденной в 1977 г. Головным советом по истории МВ и ССО, как основная госбюджетная тема научно-исследовательской работы кафедры. 29-30 мая 1979 г. сотрудники кафедры принимали участие в работе республиканской научной конференции «Развитие науки в Чувашии за годы Советской власти», посвященной 110-летию со дня рождения В.И. Ленина и 50-летию Чувашской АССР. Профессор И.Д. Кузнецов, в соавторстве с Н.И. Ивановым и Б.А. Алексеевым, выступил с докладом «Развитие исторической науки в Чувашии». На межвузовской региональной конференции, посвященной первым пятилеткам Горьковского края, 28 ноября И.Д. Кузнецов представил научный доклад «Особенности социально-экономического развития Чувашской АССР в годы первых пятилеток». В течение всего 1979 г. И.Д. Кузнецов, совместно с В.Д. Дмитриевым, проводил работу по подготовке к переизданию программы по истории ЧАССР, а также совместно с Ю.П. Смирновым и Т.С. Сергеевым вел подготовку к изданию учебного пособия «Практикум по истории ЧАССР (период капитализма)» (для студентов очного и заочного исторического и филологического отделений, изучающих курс истории ЧАССР)⁹⁶.

1 октября 1980 г. И.Д. Кузнецов вновь становится сотрудником ЧНИИ, где трудится вплоть до своей кончины. В 1980 г. из печати вышло учебное пособие «Практикум по истории Чувашской АССР (период капитализма)» под руководством И.Д. Кузнецова, В.Л. Кузьмина, Т.С. Сергеева. 20 июня 1980 г. И.Д. Кузнецов выступил с докладом на Межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию ЧАССР «Торжество ленинской национальной политики КПСС». На кафедре функционировал научно-теоретический семинар «Актуальные проблемы советской исторической науки в свете решений XXVI съезда КПСС». Руководителем семинара был проф. В.Ф. Каховский. В отчетном году состоялось 6 заседаний, докладчиками на которых были: И.Д. Кузнецов, В.Ф. Каховский, П.В. Денисов, В.Е. Полетаев, В.Ф. Корнаковский, В.Г. Шарков, Ю.П. Смирнов, И.И. Демидова⁹⁷.

В 1981 г. И.Д. Кузнецов принимал участие в научной разработке «Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР» под руководством доц. Ю.П. Смирнова. Была завершена монография «Очерки истории рабочего класса Козловского комбината автофургонов», написанная проф. И.Д. Кузнецовыми и доц. Ю.П. Смирновым. Кафедра истории СССР принимала активное участие в работе III конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, организованной комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР Института истории СССР АН СССР и Средневолжским проблемным объединением по изучению аграрной истории в г. Чебоксары 18-21 мая 1981 г. На секционных заседаниях данной конференции проф. И.Д. Кузнецов выступил с докладом «Методологические принципы изучения классовой дифференциации крестьянства». Доклад был рекомендован к публикации в материалах конференции «XXVI съезд КПСС и задачи историков-аграрников Среднего Поволжья»⁹⁸. Кроме того за этот период им были выпущены такие работы, как: «Об изучении «этнопедагогике» чувашского народа» (Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 114-130.) и «Имя его незабвенно (К 100-летию Шелеби)» («Молодой коммунист», 1981, 14 мая).

После ухода на пенсию до конца жизни И.Д. Кузнецов не оставлял свои научные изыскания и продолжал активную деятельность. С 1982 по 1990-е гг. им были написаны такие фундаментальные работы, как: «Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии» (в соавторстве с П.П. Фокиным) («Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР». Чебоксары:

ЧНИИ, 1982. С. 139-152), «Чемеевские баррикады: К 75-летию восстания» («Советская Чувашия», 1982, 20 февраля), «К вопросу о предпосылках массовой коллективизации сельского хозяйства ЧАССР» («Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии». Чебоксары: ЧНИИ, 1983. С. 58 – 71), «Некоторые методологические вопросы изучения истории крестьянства Чувашии периода капитализма» («Вопросы истории сельского хозяйства Чувашии»: Сб. статей ЧНИИ Чебоксары, 1984. С. 20-25), «Эволюция сельского хозяйства и крестьянства Чувашии XIX – начала XX веков» («Исследования по истории Чувашии дооктябрьского периода»: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 3-30), «Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР» («Вопросы истории социального преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР»: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 21-51). В 1986 г. под руководством И.Д. Кузнецова выходит исследование динамики культуры и быта сельского населения республики «Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.)»⁹⁹. В 1988 г. вышла его статья в сборнике «Великий Октябрь и проблемы перестройки» (Чебоксары, 1988. С. 42-49) «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии». В последние годы жизни И.Д. Кузнецова выходит еще два его серьезных исследования. Это - «Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР (1928 – июнь 1941 г.)», написанное им в соавторстве с А.М. Шорниковым, и «Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в конце XIX – начале XX веков», в соавторстве с Г.А. Николаевым¹⁰⁰.

Таким образом, как мы видим, в творческом отношении период с конца 50-х до 90-х гг. был для И.Д. Кузнецова весьма плодотворным. Он увенчался созданием и опубликованием десятков научных статей, брошюр, крупных и серьезных монографий, в которых он исследовал широкий круг вопросов по истории Чувашии и чувашского народа, подверг критическому анализу произведения чувашских писателей и поэтов. Наиболее результативной была его деятельность в изучении аграрной истории Чувашии. В крестьяноведении он стал одним из ведущих специалистов в регионе. Для научных трудов И.Д. Кузнецова характерны умелое обобщение фактического материала, оригинальность выводов, изложение живым и доступным языком. Он воспитал большое число учеников, среди которых есть ученые, учителя и преподаватели вузов, деятели культуры. Особую заботу он проявлял о моло-

дых исследователях, кто только делал первые шаги в науке: даже будучи в преклонных годах и тяжело больным, он охотно консультировал их и делился своим богатым творческим опытом. За успехи и многолетнюю плодотворную деятельность в исследовательской, преподавательской и научно-организаторской сферах И.Д. Кузнецов был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки Чувашской АССР, награжден орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, медалями. За заслуги в области исторической науки и литературно-художественной критики 20 мая 1986 г. Иван Данилович Кузнецов был занесен в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР.

Примечания

¹ РГУ ГИА ЧР. Ф. Р-1699. Оп. 3. Д. 42. Л. 36.

² Там же. Ф. 1515. Оп. 12. Д. 32. Л. 67.

³ Там же. Лл. 42-43.

⁴ Там же. Л. 68.

⁵ Там же. Д. 24. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 32. Л. 68.

⁷ Там же. Д. 24. Л. 41.

⁸ Там же. Л. 52.

⁹ Там же. Д. 105. Л. 34.

¹⁰ Там же. Д. 32. Л. 66; Д. 105. Л. 61.

¹¹ Там же. Д. 32. Л. 64.

¹² Там же. Д. 105. Л. 78.

¹³ Там же. Д. 24. Л. 123.

¹⁴ Там же. Д. 32. Л. 68.

¹⁵ Там же. Д. 39. Л. 9; Л. 109.

¹⁶ Там же. Д. 47. Л. 18.

¹⁷ Там же. Д. 88. Л. 217.

¹⁸ Там же. Д. 46. Л. 223.

¹⁹ Там же. Д. 47. Л. 107; Д. 46. Л. 223.

²⁰ Там же. Л. 36.

²¹ Там же. Д. 59. Л. 11.

²² Там же. Д. 59. Лл. 3-4, 6.

²³ Там же. Д. 88. Л. 217.

²⁴ Там же. Д. 66. Л. 9; Д. 122. Л. 40.

²⁵ Там же. Л. 17.

²⁶ Там же. Д. 59. Лл. 26-27.

²⁷ Там же. Л. 72.

²⁸ Там же. Лл. 199-200.

- 29 Там же. Д. 66. Л. 353; Д. 88. Л. 217.
- 30 Там же. Д. 78. Л. 8.
- 31 Там же. Д. 88. Л. 217.
- 32 Там же. Д. 82. Л. 251.
- 33 Там же. Д. 78. Лл. 102, 280-281; Д. 82. Л. 126.
- 34 Там же. Л. 553.
- 35 Там же. Д. 88. Л. 483.
- 36 Там же. Д. 87. Л. 49.
- 37 Там же. Д. 82. Л. 22.
- 38 Там же. Д. 88. Л. 483.
- 39 Там же. Л. 34.
- 40 Там же. Л. 326.
- 41 Там же. Д. 88. Л. 361; Д. 99. Л. 66.
- 42 Там же. Д. 99. Л. 135.
- 43 Там же. Д. 110. Л. 275.
- 44 Там же. Д. 88. Лл. 224, 531.
- 45 Там же. Д. 99. Л. 395.
- 46 Там же. Л. 442.
- 47 Там же. Лл. 483-484.
- 48 Там же. Д. 88. Л. 388; Д. 99. Л. 393.
- 49 Там же. Д. 98. Л. 64.
- 50 Там же. Д. 99. Л. 442.
- 51 Там же. Д. 110. Лл. 23, 339, 457.
- 52 Там же. Д. 110. Лл. 31-32; Д. 134. Л. 97.
- 53 Там же. Д. 110. Л. 274; Д. 122. Л. 37.
- 54 Там же. Д. 62. Л. 64.
- 55 Там же. Д. 110. Лл. 128-130, 359-360.
- 56 Там же. Л. 295.
- 57 Там же. Л. 141.
- 58 Там же. Д. 122. Л. 349.
- 59 Там же. Д. 110. Л. 457.
- 60 Димитриев В.Д. И.Д. Кузнецов – доктор наук // Советская Чувашия, 1966, 27 февраля.
- 61 Там же. Д. 122. Лл. 5, 21.
- 62 Там же. Д. 126. Л. 101.
- 63 Там же. Л. 114.
- 64 Там же. Д. 122. Л. 321-322, 352; Д. 133. Л. 24.
- 65 Там же. Д. 134. Л. 78.
- 66 Там же. Д. 134. Лл. 260, 260об, 292, 292об, 311, 311об, 320, 408-411.
- 67 Там же. Д. 134. Лл. 422-425, 496-497.
- 68 Там же. Л. 506-507.
- 69 Там же. Д. 138. Л. 154; Д. 142. Л. 21.
- 70 Там же. Д. 142. Л. 169.
- 71 Там же. Д. 138. Л. 166.
- 72 Там же. Д. 133. Л. 138; Д. 138. Л. 168.

- ⁷³ Там же. Д. 142. Л. 168.
⁷⁴ Там же. Д. 144. Лл. 100-101.
⁷⁵ Там же. Лл. 211, 221
⁷⁶ Там же. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 417. Л. 35.
⁷⁷ Там же. Л. 3.
⁷⁸ Там же. Л. 35.
⁷⁹ Там же. Д. 322. Лл. 30, 36.
⁸⁰ Там же. Д. 417. Л. 11.
⁸¹ Там же. Л. 30.
⁸² Там же. Д. 244. Л. 1.
⁸³ Там же. Д. 417. Л. 34.
⁸⁴ Там же. Д. 579. Лл. 3, 5, 17-18.
⁸⁵ Там же. Д. 1254. Л. 9.
⁸⁶ Там же. Д. 820 а. Лл. 7-8.
⁸⁷ Там же. Л. 13.
⁸⁸ Там же. Д. 1289. Л. 1.
⁸⁹ Там же. Л. 5.
⁹⁰ Там же. Л. 8.
⁹¹ Там же. Лл. 11-13.
⁹² Там же. Д. 1289. Л. 11.
⁹³ Там же. Д. 1310. Лл. 1, 6, 7, 13.
⁹⁴ Там же. Д. 1396. Лл. 7, 11.
⁹⁵ Там же. Д. 1622. Л. 3, 6, 7; Д. 1396. Л. 3.
⁹⁶ Там же. Д. 1812. Лл. 2, 8; Д. 1810. Л. 10; Д. 2029. Л. 1об, 3-3об.
⁹⁷ Там же. Д. 2030. Л. 5, 6.
⁹⁸ Ведомственный архив ЧГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2367. Л. 1-6.
⁹⁹ Кузнецов И.Д., Иванов Л.А., Сидоров П.А., Фокин П.П. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 45-93.
¹⁰⁰ Кузнецов И.Д., Шорников А.М. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР (1928 – июнь 1941 гг.) // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. Ч.1. С. 119-180; Кузнецов И.Д., Николаев Г.А. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в конце XIX – начале XX веков // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии / Отв. ред. А.М. Шорников: В 2-х ч. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. Ч.1. Гл. 1. С. 12-44.

В.С. Григорьев

**НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И.Д. КУЗНЕЦОВА:
К ПРОБЛЕМЕ КООРДИНАЦИИ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНЕ**

Предложенная тема интересна не только в плане изучения многогранной деятельности И.Д. Кузнецова, но и в связи с важными вопросами совершенствования управления научной сферой, необходимостью глубокого исследования исторического опыта организации науки в Чувашской Республике в XX веке.

В течение десяти лет И.Д. Кузнецов занимался организационной работой в академической научной сфере: в 1958–1963 гг. – в качестве руководителя сектора истории Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ, ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук, ЧГИГН), с июля 1963 г. по август 1967 г. являлся директором этого института. Характерной особенностью функционирования института в те годы стало значительное расширение научных связей с центральными академическими учреждениями, исследовательскими институтами других регионов, учеными ряда вузов СССР и зарубежья. Активизации роли ЧНИИ в научном сообществе в заметной мере способствовали дружеские связи И.Д. Кузнецова с бывшими соратниками по Институту красной профессуры и со многими видными учеными страны, а также наступательная научно-техническая политика советского руководства в середине XX в. Особо примечательной была работа по координации научно-исследовательских работ (НИР) в республике, Волго-Вятском регионе и стране в целом. Еще будучи руководителем сектора истории ЧНИИ, И.Д. Кузнецов разослал по адресам наиболее результативных исследователей истории Чувашского края письма-обращения с просьбой известить институт об их новых публикациях, подготовленных к изданию работах и современной тематике их исследований, которые можно было бы включить в координационный план НИР по гуманитарным наукам. Разумеется, меры по целенаправленному использованию научных разработок в общественной практике и производстве принимались и ранее, в частности, были составлены перспективные планы НИР на семилетку (1959–1965 гг.). Однако нарастание проблем в сельскохозяйственном производстве, социальной сфере села и эконо-

мике в начале 60-х годов не могло не волновать ученых республики. В июле 1963 г. временно исполняющий должность директора ЧНИИ И.Д. Кузнецов обращается к научным работникам и специалистам, занятым в исследовательских, ведомственных учреждениях и вузах республики, с предложением провести координационное совещание в целях объединения усилий в проработке ряда научно-экономических вопросов. В качестве основы для обсуждения на совещании были взяты подготовленные сектором экономики ЧНИИ планы координации научных исследований по проблемам функционирования системы сельскохозяйственного производства и улучшения использования трудовых ресурсов. Во второй половине 1963 г. все научные учреждения и вузы республики представили в ЧНИИ планы научных исследований на завершающие годы семилетки (1964-1965 гг.), и на их основе был составлен координационный план, который получил одобрение Ученого совета института, был рассмотрен в соответствующих отделах Чувашского областного комитета КПСС и 13 декабря утвержден постановлением Совета Министров ЧАССР. Выполнение координационного плана было поставлено под контроль руководства ЧНИИ и органов исполнительной власти, которые периодически заслушивали вопросы выполнения НИР и оказывали практическое содействие во взаимодействии ученых республики с другими регионами страны. Координационный план включал четыре направления научных проблем (по экономике, истории, языкознанию, литературоведению, искусствоведению), которые предусматривалось разрабатывать совместными усилиями ученых разных учреждений и ведомств. Так, в научном направлении по вопросам экономики сельского хозяйства, промышленности, транспорта и строительства было создано 9 научно-проблемных групп. Первая группа ученых действовала на базе ЧНИИ и Чувашского сельскохозяйственного института (ЧСХИ), состояла из семи человек и под руководством И.П. Прокопьева разрабатывала тему «Специализация и размещение сельского хозяйства в Чувашской Республике». Она уже в 1964 г. составила рекомендации по природно-экономическому районированию территории республики, провела научно-производственное совещание по этому вопросу и организовала подготовку к республиканской конференции по экономическим проблемам региона. Другая группа ученых из шести человек под руководством С.И. Андреева (ЧСХИ) провела крупномасштабное исследование производительной способности почв в Чувашском крае. Успешно справилась с исследовательскими работами и проблемная группа десяти ученых трех вузов

– ЧНИИ, ЧСХИ, ЧГПИ (Чувашского государственного педагогического института) – под руководством А.И. Кузнецова по теме «Агротехнические меры повышения урожайности и увеличения производства сельскохозяйственных культур». Она подготовила и издала практические рекомендации по исследуемой проблеме, представила статью для научного сборника ученых Волго-Вятского региона. Аналогичные результаты по своим исследовательским проектам подготовили проблемные группы под руководством В.Т. Лобанова («Зоотехнические меры по увеличению продукции животноводства» - на базе ЧСХИ и ЧНИИ, 9 чел.) и В.И. Медведева («Механизация и электрификация сельскохозяйственного производства» - на базе ЧСХИ и ЧНИИ, 3 чел.). В других научно-проблемных группах по экономическим вопросам успешно выполнили свои исследования М.А. Андреев, В.Н. Ахмеев, Г.Н. Ахмеев, В.И. Ильдеменов, П.Л. Лебедев, Л.Ф. Громов, Г.С. Николаев, М.Ф. Никишев, И.В. Звонил, В.С. Сергеев, Ю.А. Шапошников.

Крупным вкладом в отечественную историческую науку стало издание двухтомной «Истории Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней». Как и по другим темам координационного плана, над ней работали ученые ЧНИИ и вузов республики, в частности, В.Д. Дмитриев, С.А. Артемьев, М.Я. Сироткин, П.Н. Николаев, А.П. Николаев, Ю.А. Илюхин, В.Н. Любимов, Н.И. Иванов, И.П. Прокопьев, И.Е. Петров, А.П. Николаев, И.А. Маркелов, Н.Р. Романов, А.А. Калинин, А.Ф. Ижойкин, Н.М. Мурышкин, С.Г. Руссаков, Ф.А. Романова, А.Г. Григорьев, П.М. Михайлов. Автором некоторых глав и председателем редколлегии являлся И.Д. Кузнецов. Очень ценным оказалось и сотрудничество с московским профессором-археологом А.П. Смирновым, академиком Академии наук СССР М.Н. Тихомировым, кандидатом исторических наук из г. Уссурийск И.П. Паньковым и т.д.

Исключительно важное значение в плане обеспечения доступности широкой общественности к корпоративным информационным фондам Коммунистической партии Советского Союза имела разработка темы «История Чувашской областной партийной организации». Она велась шестью учеными ЧНИИ, ЧГПИ и Волжского филиала Московского энергетического института (ВФ МЭИ) под руководством И.Д. Кузнецова. Исследователи всех высших учебных заведений республики, ЧНИИ, Центрального государственного архива ЧАССР и Партийного архива Чувашского обкома КПСС активно занимались подготовкой книг о развитии промышленности, сельского хозяйства,

социально-политической жизни региона, а также сборников документов по истории и культуре родного края (руководители: А.Ф. Ижойкин, И.Д. Кузнецов, В.Д. Дмитриев, И.Н. Музыкантов, Г.В. Васильев).

Замечательным результатом коллективной научно-исследовательской работы стала вторая часть монографии «Чуваши. Этнографическое исследование», раскрывающая духовную культуру чувашского народа. Над ней работали И.Д. Кузнецов, Н.Р. Романов, М.Я. Сироткин, Л.А. Иванов, Н.И. Иванов, Л.П. Сергеев, А.Р. Симонова, Г.А. Алексеев, А.Н. Львова, Ю.А. Илюхин, В.Ф. Каховский; научным руководителем и автором главы по народному изобразительному искусству являлся профессор Казанского университета Н.И. Воробьев. Глубокое исследование фундаментальных проблем этнокультуры чувашского народа позволило одному из авторов этой книги Г.Н. Волкову создать оригинальную отрасль в науке – этнопедагогику. В соответствии с перспективным планом НИР на семилетку он работал над докторской диссертацией «Теория и практика чувашского народного воспитания».

В исследовании этнокультуры чувашей и духовной жизни населения региона выдающихся успехов добились искусствоведы. По координационному плану НИР республики декан художественно-графического факультета ЧГПИ А.Г. Григорьев создал монографию «Современное чувашское изобразительное искусство». Сотрудник ЧНИИ Ю.А. Илюхин написал две книги о развитии чувашской музыки в 1933 – 1945 гг., принял участие в написании разделов по истории чувашской музыки для многотомной «Истории музыки народов СССР», которая издавалась Институтом истории искусств при Министерстве культуры СССР. Заведующий кафедрой ЧГПИ В.А. Ходяшев открыл новую благодатную тему, написав брошюру о талантливом чувашском композиторе Геннадии Воробьеве. Во всеоюзную тематику НИР вошли труды заведующего отделом искусств ЧНИИ Ф.А. Романовой. Для двух книг многотомного исследования «История театров народов СССР» она создала два раздела об истории и достижениях чувашского театрального искусства. В этот же период началось сотрудничество с Научно-исследовательским институтом при Совете Министров ЧАССР другого блистательного исследователя – Н.А. Ургалкиной, которая в 1963 г. взялась за разработку монографии «Очерки истории чувашского изобразительного искусства: Живопись. Графика. Скульптура». Признавая творческие успехи чувашских искусствоведов, Институт истории искусств при Министерстве культуры СССР в июне 1963 г. на базе ЧНИИ провел совещание по подготовке многотомных трудов «История театра народов СССР» и «История музыки народов СССР».

В том же году институт по инициативе И.Д. Кузнецова организовал посещение Чувашской Республики видного венгерского этномузыковеда Ласло Викара, исследовавшего исторические связи в венгерской и чувашской музыке.

Вопреки конъюнктурным рассуждениям о гонениях на чувашский язык в 60-е годы, следует отметить фундаментальные труды по основополагающим темам чувашского языкознания и литературоведения, исследовавшимся в эти годы видными чувашскими филологами, которые впоследствии почти все стали докторами наук, профессорами. В соответствии с координационным планом НИР шестеро работников ЧГПИ, ЧНИИ, Чувашского книжного издательства под руководством И.А. Андреева исследовали важные лингвистические проблемы по теме «Фонетика, орфография, грамматика чувашского языка». В рамках этой работы уже в 1965 г. И.А. Андреев написал часть раздела «Синтаксис простого предложения» для научного сборника «Материалы грамматики современного чувашского языка», выпуски которого регулярно издавались в ЧНИИ. Доцент ЧГПИ И.П. Павлов в том же году завершил работу над монографией «Морфология чувашского языка», В.И. Котлеев написал монографию «Система согласных чувашского языка». Были проведены исследования о закономерностях развития чувашского языка в советский период (Н.П. Петров), по чувашской гидрооронимике (Г.Е. Корнилов), чувашской диалектологии (Л.П. Сергеев). Успешно разрабатывалась тема «Лексикология и терминология чувашского языка» (руководитель – М.И. Скворцов), составлялись русско-чувашские словари, учебники и учебные пособия по чувашскому языку. В 1965 г. чувашские литературоведы подготовили научный труд всесоюзного масштаба, представили для многотомного академического издания Института мировой литературы «История советской литературы» разделы о чувашской художественной литературе, написанные М.Я. Сироткиным, В.Я. Канюковым, Н.С. Дедушкиным, Е.В. Владимировым, Н.П. Павловым и Н.С. Павловым. Также были выполнены работы по чувашской драматургии (М.А. Леонтьев, Н.С. Павлов), истории становления чувашской лиро-эпической поэзии (В.Н. Абашев), чувашскому детскому фольклору (В.Я. Канюков), социальной детерминации чувашских народных песен (И.И. Одюков). Доцент Казанского пединститута философ А.И. Петрухин разработал тему «Развитие национальной культуры и устное поэтическое творчество чувашей». Важным шагом в исследовании проблем чувашского литературоведения явилась подготовка второго тома академического собрания сочинений Ф.П. Павлова – основоположника чувашской профессиональной музыки, драматурга, искусствоведа, композитора, дирижера и педагога.

Координационная деятельность периода семилетки позволила привлечь определенные уроки в русле совершенствования планирования и реализации научных исследований. Опираясь на этот опыт, Научно-исследовательский институт при Кабинете Министров ЧАССР как центр гуманитарных наук республики организовал разработку перспективных планов НИР на 1966-1970 гг. В их осуществлении активное участие принимал И.Д. Кузнецов не только в качестве директора института (до 1968 г.), но и как профессор, заведующий кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Следует подчеркнуть, что система координации научно-исследовательских работ функционировала в масштабах всего Советского Союза. В Москве действовали всесоюзные советы по координации НИР по отдельным отраслям науки (истории, филологии и т.д.), в Совете Министров РСФСР был создан Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ. Директор ЧНИИ И.Д. Кузнецов являлся членом Волго-Вятского совета по координации и планированию НИР по гуманитарным наукам. Этот совет составлял сводный координационный план исследований в вузах и научных учреждениях Волго-Вятского экономического района, заслушивал руководителей организаций, отдельных кафедр, научных лабораторий и отделов по вопросам выполнения плановых исследований, держал под контролем ход подготовки и защиты докторских и кандидатских диссертаций, проводил межрегиональные научно-практические конференции и координационные совещания по организации исследований. Ряд научных тем чувашских исследователей был включен в координационный план Волго-Вятского экономического района, в том числе работа над очерками истории Чувашской областной партийной организации; написание истории передовых колхозов Чувашии (руководитель – И.Д. Кузнецов); подготовка книг «Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» (Н.М. Мурышкин) и «История социалистической промышленности Чувашии» (Т.Г. Гусев); составление монографии о развитии материально-технической базы сельского хозяйства в 1946 – 1958 гг. (В.Н. Калашников); исследование этногенеза и ранней истории чувашского народа (В.Ф. Каховский), вопросов экономического развития ЧАССР (Г.С. Николаев, П.Л. Лебедев, С.Р. Малютин, Г.Н. Ахмеев); проблем образования, воспитания и педагогики (Г.Н. Волков, Ю.П. Сокольников, А.И. Калинин, Н.С. Степанов, Н.В. Гольнева). В разделе филологических научных проблем проводили работу А.С. Канюков, В.Г. Макаров, И.Т. Сергеев, Т.Н. Семенова, М.И. Мальцев, З.Е. Семенова, А.А. Кравченко. В специальный раздел

«Структура национальных языков Поволжья» были объединены исследования С.П. Горского, И.П. Павлова, И.А. Андреева, А.С. Уськина, М.Я. Сироткина, В.Я. Канюкова, М.И. Скворцова. В этом же координационном плане значился особый раздел «Формирование национальных литератур Поволжья и межнациональные литературные языки», в нем четыре темы из семи разрабатывали чувашские исследователи: М.Я. Сироткин, В.Я. Канюков, Е.В. Владимиров, И.И. Одюков. В план Волго-Вятского координационного совета по подготовке докторских диссертаций на 1964 – 1965 гг. были включены темы восьми доцентов из Чувашии: В.Ф. Каховского, В.Н. Калашникова, В.Н. Любимова, А.И. Калинина и др.

Многоуровневая система планирования и координации исследований по гуманитарным наукам играла в целом положительную роль, повышала ответственность исследователей за разработку утвержденных тем и повышение научной квалификации. Она позволяла объединять усилия ученых на совместной разработке наиболее сложных, востребованных тем и научных проблем. Вместе с тем, в деятельности организаций по планированию и координации НИР наблюдалось дублирование функций руководства вузов, научных центров и Академии наук СССР, слабая мотивация качественных исследований, недостаточная эффективность системы контроля над своевременным выполнением исследовательских тем и диссертационных работ. Исторический опыт координации научных исследований можно использовать в современных условиях при взвешенном критическом подходе к нему, с учетом значительно возросшей степени автономии вузов, научных организаций и самостоятельности, свободы творчества ученых.

П.В. Денисов

И.Д. КУЗНЕЦОВ – НЕУТОМИМЫЙ УЧЕНЫЙ, ТРУЖЕНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Нелегко раскрыть во всей полноте неопределимую роль Ивана Даниловича Кузнецова в развитии науки в Чувашии, ибо как ученый он был чрезвычайно многогранен. В его лице гармонично сочетаются специальности историка, этнографа, экономиста, филолога и других научных дисциплин. Он заслужил право быть причисленным к любой из них, однако, прежде всего, он был историком в полном смысле этого слова.

На настоящей конференции присутствуют исследователи различного возраста, разных гуманитарных специальностей, занимающихся изучением широкого круга вопросов истории народов Волго-Уральского региона. Все они причастны к проблемам научных занятий Ивана Даниловича и надеемся, что они выскажут свои суждения и оценки по его трудам и концепциям в области истории народов Поволжья.

Сегодня, в день памяти ученого хотелось бы прежде всего отметить его своеобразные черты как исследователя и человека, оценить его вклад в историческую науку и культурологию Чувашии и Поволжья в целом. Иван Данилович относится к числу тех отечественных историков, которые прежде чем стать летописцами событий революционных преобразований нашей страны после Октября 1917 года, были их непосредственными участниками.

Выходец из бедной чувашской крестьянской семьи (родился 11 июня 1906 года в дер. Полевые Буртасы Яльчикского района), и рано осиротев, он прошел свой горький университет: вынужден был батрачить в кулацких хозяйствах, наниматься в пастухи, но несмотря на все жизненные невзгоды он стремился к учебе и уже в 14-летнем возрасте стал организатором новой жизни сельской молодежи.

И.Д. Кузнецов прекрасно знал жизненный уклад своей малой родины, усвоил и запомнил на всю жизнь богатство традиционной культуры чувашского крестьянства, и, будучи уже известным ученым и общественным деятелем, многократно приезжал в родные края со своими друзьями-коллегам по работе и гостями из зарубежных стран.

Его общественно-культурная деятельность и организаторские способности ярко проявились в годы учебы на Чувашском рабфаке (1923-1926 гг.): он был одним из зачинателей молодежной газеты на чуваш-

ском языке «Молодой крестьянин», корреспондентом газеты «Канаш», переводчиком произведений В.И. Ленина на чувашский язык, членом Союза писателей и журналистов «Канаш», в 1924 году вступил в ряды Коммунистической партии.

Определяющую роль в формировании И.Д. Кузнецова как историка-марксиста сыграла учеба в Институте красной профессуры (1926-1931 гг.). Здесь, под руководством видных представителей советской исторической науки, он осваивал теоретические и методологические основы научных исследований в области исторических дисциплин и, по рекомендации академика М.Н. Покровского, в плане диссертации разрабатывал проблему «Народы Волго-Сурья под военно-феодалным гнетом царизма». Реализация этой задачи потребовала от автора напряженной работы в центральных архивохранилищах и библиотеках Москвы, Петербурга и Казани. В результате многолетних поисков было выявлено огромное количество архивно-документальных и литературных материалов, ставших базой для его научных публикаций и огромного личного архива.

После завершения учебы в Институте красной профессуры И.Д. Кузнецов возвращается на родину и, будучи зав. отделом культуры и пропаганды Чувашского обкома ВКП(б) (1932-1937 гг.), становится активным участником всех важнейших общественно-политических культурных и научных мероприятий в республике.

Большинство исследовательских и популярных статей, рецензий и заметок Ивана Даниловича, систематически публикуемых на страницах центральных и местных изданий, было написано в духе марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе, под углом зрения критики буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Подвергая научному анализу исторические и этнографические работы своих предшественников, он подчеркивал, что в исторической литературе 1920-х годов существовало утверждение, что якобы чувашский народ вообще не имел никакого классового расслоения и классовой борьбы как таковой. Он выступал против идеализации болгарской эпохи в истории чувашского народа как «золотого века чувашей», а вхождение Чувашии в состав России объяснял активными действиями чувашских феодалов, разоблачал колониальный гнет царизма в Чувашии. Освобождение чувашского народа от социального и национального гнета царизма считал результатом не чувашского национального движения (к нему он относился отрицательно), а пролетарской революции.

В 1932-1937 гг. И.Д. Кузнецов активно занимался исследованием истории революции 1905-1907 гг., опубликовал по этой проблематике несколько статей и брошюр, выпустил сборник документов «Национальные движения в период первой революции в России» (Чебоксары, 1935). Из указанной выше темы диссертации он обстоятельно разработал вопрос о коштанстве среди чувашей и опубликовал статью по данному вопросу. В двух сборниках статей, изданных в Москве и Чебоксарах, им были опубликованы очерки истории чувашского народа с древнейших времен до образования Чувашской автономии. Он был инициатором и одним из руководителей экспедиции по изучению социально-культурного и бытового состояния деревни, проведенной 16 ноября - 20 декабря 1933 г. Чувашским научно-исследовательским институтом. Предварительные итоги этой экспедиции, характеризующие состояние материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства советской Чувашии, рост его социалистического сознания были освещены И.Д. Кузнецовым в ряде научно-популярных изданий.

В связи с массовыми репрессиями, происходившими в стране, в мае 1937 года И.Д. Кузнецов был исключен из партии, снят с работы и вскоре был репрессирован. Лишь после реабилитации в 1955 году он получил возможность вернуться в родную Чувашию и возобновил свою научно-литературную деятельность.

В 1955 году, когда он находился на поселении в Коми, я получил от него письмо, в котором он сообщил о своей реабилитации и скором возвращении на родину. Летом того же года по пути на отдых в Причерноморье, со всеми членами своей новой семьи, он остановился на несколько дней в Чебоксарах, тогда и состоялась наша первая встреча и последующие три десятилетия, вплоть до его кончины, мы были близкими друзьями.

После возвращения на родину в 1956 году И.Д. Кузнецов был назначен на должность директора Чувашского книжного издательства, а в марте 1957 года, по его приглашению я начал работать в редакции научно-популярной литературы и редактировал немало его научных работ, в том числе и монографии, выполненные в плане диссертационных исследований. Наше сотрудничество продолжалось и в последующие годы, когда он работал в Чувашском научно-исследовательском институте (заведующим отделом истории в 1958-1963 гг., директором - в 1963-1967 гг.), в Чувашском государственном университете – профессором, заведующим кафедрой истории СССР

(1967-1980 гг.). Постоянное общение с ним было самым лучшим периодом моей жизни.

Считаю необходимостью особо отметить значение научного вклада И.Д. Кузнецова в разработку дискуссионных вопросов этнической истории чувашского народа. Еще в начале своей научной деятельности его внимание было приковано к вопросам происхождения чувашского народа, развития его материальной и духовной культуры.

Существенный вклад внес автор в разработку сложных вопросов хозяйственно-бытового уклада, развития общественно-семейного быта чувашского крестьянства в своих фундаментальных исследованиях «Очерки по истории чувашского крестьянства» (Чебоксары, 1958. Ч.1. 1969. Ч.2) и «Крестьянство Чувашии в период капитализма» (Чебоксары, 1963), за которые ему были присвоены ученые степени кандидата и доктора исторических наук. В трудах И.Д. Кузнецова впервые принята попытка дать характеристику философской и социологической мысли чувашского народа.

Как этнограф, я полностью разделяю концепцию И.Д. Кузнецова о древнетюркском происхождении чувашей, изложенную в его выступлении на научной сессии, посвященной вопросам этногенеза чувашского народа (Чебоксары, 22 мая 1965 г.). Аргументируя несостоятельность научных положений сторонников так называемой «автохтонной» теории происхождения чувашей, он указывал на необходимость изучения проблемы формирования народности и не только перспективно, т.е. идя от бесписьменных памятников, но и ретроспективно – идя назад от письменных памятников к «временам бесписьменным». Пользуясь ретроспективным анализом этнолингвистических материалов, сам ученый пришел к заключению, что «изучение азиатского периода истории чуваш может вскрыть нам если не прямое родство, то длительное сосуществование чуваш с гуннами». Исходя из этого положения, И.Д. Кузнецов активно занимался вопросами древних чувашско-китайских связей и определил конкретные области, требующие специального изучения. В порядке постановки вопроса, он предложил обратить особое внимание на сравнительное изучение старинного чувашского орнамента, в котором «явственно обнаруживаются черты некоторой общности не только при сличении с орнаментом соседних народов (русским, марийским, мордовским), но и с орнаментом болгарским, венгерским и китайским».

В своих научных публикациях И.Д. Кузнецов предлагал более основательно заниматься и разработкой проблем общности народной

музыкальной культуры, старинной космогонии, народного календаря, религии и мифологии чувашей и древнетюркских народов азиатского Востока. В поисках древнеазиатского истока чувашского этноса и его традиционной культуры И.Д. Кузнецов имел широкий круг единомышленников среди отечественных и зарубежных ученых-тюркологов, с которыми поддерживал тесные научно-творческие связи на протяжении многих десятилетий.

Бесспорно, Иван Данилович Кузнецов прежде всего был талантливым, высоко одаренным от природы человеком, неповторимым и уникальным по характеру, сильным и негибачаемым по духу. Он обладал незаурядными душевными качествами и огромным человеческим ступком энергии.

Известно, что могут быть молодые старики и дряхлые юноши. Он относился к первым. Жизнь его была далеко не легкой, сложной и довольно противоречивой, но, обладая железным упорством к труду и большими способностями, он добивался многого. Он много читал, обладал невероятной памятью, помнил все до мелочей, был фанатичным библиофилом, любил жизнь и проявлял жадный интерес к ней до глубокой старости. Он любил свой народ, с вдохновением пел чувашские народные песни, а порой и умело их импровизировал.

Его глаза всегда сверкали, никогда не теряли блеска молодости. Умирает человек и, кажется, он много еще не досказал, не успел, унес свои мысли с собой. Но это не с ним.

Он оставил нам огромный архив, ныне хранящийся в Государственном архиве Чувашской Республики, в котором сосредоточено колоссальное число документальных материалов по истории народов Поволжья, неопубликованных рукописей, рецензий, отзывов ученого. Поистине это кладезь науки. И нам, его современникам, а точнее молодому поколению, есть чему поучиться.

Проходят годы, но Иван Данилович Кузнецов всегда с нами, т.к. такого человека забыть просто невозможно. Благодаря таким людям сохраняется наша история.

Секция 1

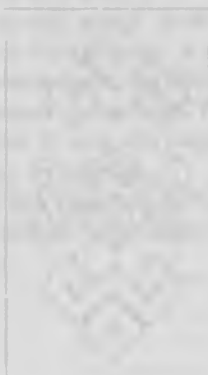
**ЖИЗНЬ,
НАЦИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Д. КУЗНЕЦОВА,
ЕГО ЭПОХА**

СЕРИЯ I

ДЛЯ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО
ИЗДАНИЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВ
СРЕДНИХ ШКОЛ

А.Г. Иванов

ИЗ ОПЫТА НАПИСАНИЯ ИСТОРИИ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ

В год столетнего юбилея профессора Ивана Даниловича Кузнецова мне, как студенту и выпускнику Чувашского государственного университета, весьма памятными представляются его мысли, которые я услышал на первом курсе в 1971–1972 учебном году при чтении им курса «Истории Чувашской АССР». Важнейшими среди них были такие высказывания, как необходимость систематического постоянного труда для историка-исследователя, любовь к своей Родине. Привлекала также его своеобразная манера изложения лекционного материала. Помню, как осенью 1971 года Иван Данилович пригласил студентов нашей академической группы И-1-71 к участию в первичной обработке анкетных материалов по написанию истории Чувашского электроаппаратного завода (работа была платной). В процессе работы он же обращал наше внимание на необходимость изучения не только истории заводов, предприятий, колхозов и совхозов, но и отдельно взятых сел и деревень. Насколько мне известно, он и сам проявлял в этом отношении большую заинтересованность. Об этом я могу судить по разговору с ним спустя многие годы, когда я встретился с Иваном Даниловичем в читальном зале Российского государственного архива в Москве. Безусловно высказанные Иваном Даниловичем мысли сыграли определенную роль в том, что моя работа по написанию истории селений стала более предметной и целенаправленной.

Непосредственно для меня идея о написании истории родных селений окончательно закрепилась в 1988 году, когда ведущие московские ученые, писатели и архивисты выступили с обращением к широкой общественности о создании энциклопедии российских деревень¹. В числе других на этот призыв откликнулся и Марийский государственный университет. На кафедре истории СССР, позднее отечественной истории, в 1988 году было создано специальное научное направление по изучению сел и деревень районов Марий Эл. В течение пяти лет преподавателями разрабатывались отдельные аспекты истории селений, студентами защищались курсовые и дипломные работы, начались работы по сбору материала в архивах и в археографических экспедициях. В целях систематизации дальнейшей работы в 1993 году нами были изданы методические указания по сбору сведений для написания

истории конкретных селений². В 1997 году эти указания стали основой для методических рекомендаций по сбору и написанию истории селений. К этому времени в этот процесс активно включились архивные службы и Правительство республики, краеведы, учителя и все, кому была дорога история своей малой родины. По этой теме стали появляться первые краеведческие публикации. Особенно интенсивная работа по сбору материала проводилась в 1997 – 2000 годах, когда Республиканский координационный совет возглавлял Госсекретарь Правительства республики Николай Никандрович Гаврилов. В 2000 году было издано специальное распоряжение Правительства Республики Марий Эл об издании серии документальных очерков по истории сел и деревень республики. Характер документальных очерков, разумеется, потребовал повышения уровня работы. С одной стороны, она должна была быть строго научной, с другой - общедоступной, общенародной.

В этом русле создавалась история сел и деревень Горномарийского района Республики Марий Эл³. На подготовительном этапе в сборе первичного материала приняли участие широкий круг людей – преподаватели, студенты, аспиранты, учителя, научные сотрудники, работники музеев, библиотек, культурно-просветительных учреждений, архивов, государственных органов, сельских администраций, ветераны войн и труда, журналисты, краеведы и заинтересованные представители широкой общественности. Общее организационно-методическое руководство осуществлялось республиканским координационным советом по подготовке и изданию серии документальных очерков «История сел и деревень Республики Марий Эл», предложения которого воплощались в практической работе районного редакционного совета и нашли отражение в подготовке и издании этих документальных очерков.

Для написания истории конкретных селений были привлечены самые разнообразные источники, включающие архивные и опубликованные документы, периодическую печать, анкетные данные, свидетельства, воспоминания, предания, материалы полевых археографических экспедиций и камеральных архивных записей, а также справочная и историко-краеведческая литература. Особую ценность среди них представляют сведения писцовых, переписных и ландратских книг и ревизских сказок XVIII–XIX веков, материалы Генерального межевания земель Козьмодемьянского и Васильсурского уездов, хранящиеся в различных фондах Российского государственного архива древних актов в Москве и делопроизводственная документация, извлеченная из многих

фондов Государственного архива Республики Марий Эл в Йошкар-Оле. Из опубликованных источников богатый материал содержится в описаниях современников XIX – начала XX веков – Спиридона Михайловича Михайлова, Илиодора Александровича Износкова, Михаила Николаевича Янтемира и других.

Самым сложным оказался процесс отбора, систематизации и изложения текстов документальных очерков.

При написании текста очерков нам пришлось, исходя из уровня собранного материала и рукописного текста, изложить его в новой редакции. На первое место были поставлены историко-тематический и системный принципы изложения документальных очерков. Соответственно в их структуре последовательно прослежены основные исторические вехи каждого селения, приведены официальное название населенного пункта на русском и марийском языках с объяснением их происхождения, сведения о его географическом положении, окружающем ландшафте, времени основания или первого упоминания, динамике численности населения, социальном и этническом составе, принадлежности к административно-территориальным единицам и церковным приходам, основных хозяйственных занятий жителей (земледелие, животноводство, промыслы), культурном и бытовом укладе, достопримечательностях, знаменитых уроженцах, ветеранах войны и труда, современном состоянии с указанием распространенных фамилий. Объем содержания очерков во многом обусловлен полнотой собранного материала и типами поселений.

Обобщенно история сел и деревень Горномарийского района предстала в следующем виде.

Ранние поселения горных марийцев существовали в виде укрепленных городищ и неукрепленных селищ. Такие поселения были малодворными и состояли из одного или большею частью из 2–3 дворов. В XVI–XVIII веках заметно возросло количество среднедворных поселений в 20–30 дворов. На Горной стороне в XIX веке некоторые деревни уже насчитывали до 100–150 дворов и более, что объяснялось высокой плотностью населения. Тем не менее, средние и мелкие деревни были преобладающими. Это было связано с периодическими отселениями взрослых женатых сыновей из отцовских поселений (деревня, село) на дальние участки своих общинных владений. На новых местах переселенцы застраивались дворами и основывали новые выселки и околки. Обычно эти поселения носили имена своих первооснователей. Для горных марийцев, как и соседних чувашей, были характерны незначи-

тельные расстояния между отдельными селениями. Нередко одну деревню от других отделяли лишь овраг, речка, небольшая роща или поле.

Веками формирование поселений происходило стихийно. Первопоселенцы по своему усмотрению выбирали удобные места для усадьбы. Поселение горных марийцев располагались в открытых и лесных местах – в живописной местности с обилием зелени, вблизи источников воды: рек, речек, родников, ключей, озер и оврагов. В XIX веке под поселения стали осваивать и более возвышенные, водораздельные места. Традиционно до середины XIX века горномарийские поселения имели кучевую или гнездовую планировку и состояли из нескольких дворов, частей-выселков или частей-околодков. Обычно несколько дворов группировались вокруг дома своего родоначальника – лишь бы быть поближе к родным. Расположенное в нескольких местах поселение, известное в исторических источниках XVI–XVIII веков как «деревня», имело одно устоявшееся название. В середине XIX века указаниями властей в марийских деревнях была введена уличная планировка по типу русских селений. В конце XIX – начале XX веков уже преобладала уличная и улично-квартальная планировка. Начиная с 1960-х годов в центральных усадьбах сельхозпредприятий стали сочетаться черты уличной, квартальной и зонированной планировки.

Основным типом сельского поселения у горных марийцев в XVI–XIX веках была «деревня». В документах XVIII века стали упоминаться небольшие «выселки» из них, а в XIX веке – «околодки». В конце XIX – первой половине XX века появились немногочисленные «хутора», «лесоучастки», «лесные кордоны», «казенные дома», «лесные рабочие поселки». В связи с массовой христианизацией в середине XVIII века несколько марийских деревень приобрели статус «села». Поселения русского сельского населения традиционно были представлены крупными селами и среднедворными деревнями.

Длительное время планировка горномарийских дворов носила стихийный характер. Традиционно жилые и хозяйственные строения ставились изолированно, разбросано и не связывались между собой. Начиная с середины XIX века под влиянием русских крестьян и правительственных мер, дворы стали застраиваться по-новому с сохранением некоторых традиционных черт. По новой планировке дворы были обращены на улицу, куда выходили дома и некоторые постройки: амбар-клеть, иногда летняя кухня-жилище. В глубине двора имелись надворные постройки, амбары, конюшни, хлев, сарай-сеновал. Заднюю часть усадьбы за двором составляли огород, фруктовый сад, гумно,

баня. Двор обычно был просторным, открытым, покрытым травой и зачастую засаживался деревьями. Скот содержался в хлевах и загородах и не выпускался во двор. Спустя десятилетия, на рубеже XX–XXI веков планировка сельских дворов и улиц в основном сохранила свои традиции.

Документальные очерки расположены в алфавитном порядке в соответствии с административно-территориальным делением Горномарийского района в рамках сельских администраций по состоянию на 2005 года.

Структура сборника состоит из следующих составных частей: слово к читателю, предисловие, документальные очерки о 301 селении Горномарийского района, в том числе о существующих ныне 242 населенных пунктах. В приложении представлены картографический материал, фотографии, принятые сокращения слов, алфавитный указатель названий населенных пунктов, список участников подготовки очерков, перечень использованных источников и литературы.

Примечания

¹ Создадим летопись российских деревень // Ветеран. 1988. № 43. 24 – 30 октября.

² История деревень и сел Республики Марий Эл. Методические указания / Сост. А.Г. Иванов, В.Ф. Абрамов. Йошкар-Ола, 1993. – 24 с.

³ Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Горномарийский район», 2006. – 648 с., ил. (Сер. История сел и деревень Республики Марий Эл).

В.Р. Степанов

ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Один из первых чувашских историков, достигших высшей квалификации, И.Д. Кузнецов обладал уникальным дарованием: он умел в каждом исследуемом эпизоде, изучаемом явлении увидеть и глубокий философский смысл, и культурологическую семантику. Причем, дар ученого заключался не только в том, чтобы ощутить раскрывшийся тайный смысл самому, но и в способности дать это почувствовать другим, тем, кто читает его труды.

Безусловно, главным историческим исследованием И.Д. Кузнецова стало изучение им истории чувашского крестьянства¹, а так как население края в основном принадлежало к этому социальному слою, то правомерно говорить о создании ученым истории чувашского народа после вхождения его в состав Московского государства. Тем не менее, И.Д. Кузнецов осуществил исследование истории именно класса, на что обращает внимание инструментальный анализ. Однако мастерство ученого позволило ему попутно решить немало научных задач по освещению различных аспектов жизни, быта и культуры жителей края.

Одним из существенных вопросов в научном освещении И.Д. Кузнецовым истории чувашского народа выступает проблема выбора исторических перспектив и, соответственно, судеб. В момент острого противостояния Казани и Москвы конечный результат в немалой степени зависел от ясачного населения Поволжья, тогда еще подвластного Казани. «Русские по сравнению с мусульманами, - пишет ученый, - отличались веротерпимостью, поэтому болгаро-чуваши склонились к русским»². Таким образом, языческий народ исламу предпочел православие, главным образом, по признаку веротерпимости, которая на этом этапе выступила интегративным фактором, так как в значительной мере была присуща и чувашскому народу.

И.Д. Кузнецов подчеркивает, что «на этой основе появилась взаимная заинтересованность сближения чувашского народа с Русью и отпадения от Казанского ханства»³. Однако такое решение неизбежно поставило вопрос о самоидентификации и национально-религиозного самосознания, и национально-государственного статуса в новых условиях, ибо, по словам С.Н. Булгакова, «нации не существуют без исторического покрова или облегчающей их скорлупы, эта скорлупа есть

государство»⁴. Современный социолог и философ Л. Гудков говорит о необходимости в некоторых ситуациях обеспечения снижающей адаптации к изменениям институциональной структуры⁵, подразумевая под этим определением возможность некоего исторического компромисса. Но так можно говорить в начале XXI в. о вещах довольно абстрактных, тогда как в середине XVI в. эта составляющая обретения нового государственного тела воспринималась совершенно иначе и предельно реально.

Между тем, самосознание членами народного целого своего индивидуального единства и есть то, что мы называем национальным самосознанием. Оно связывает воедино все стороны, все эмпирические проявления исторического бытия нации. Непременным условием существования и развития является историческая память, разрушение которой вносит в самосознание народа болезненные искажения, приводит его к пагубному самоотжествлению с данным мгновением бытия, к забвению того, что всякое эмпирическое восприятие несовершенно и лишь в непрерывном сознательном становлении может приблизиться к полноте ощущения и складывания исторической судьбы и перманентной ментальности этноса. Разрушение исторической памяти убивает в народе духовную тягу к этой полноте, искажает надежду на возрождение и нетленность системы ценностей⁶.

И.Д. Кузнецов как историк, показавший осуществление чувашским народом судьбоносного выбора в пользу России, как философ не мог обойти вниманием драматизм данной бифуркационной ситуации: гнет Казани сменился на притеснения даже не Москвы, как центра, а тех представителей русского государства, которые обладали реальной силой. Ученый отмечает «массу жалоб на насильственный захват чувашских ясачных земель помещиками, монастырями, мурзами»⁷. Приводится подробное описание поборов: методы, формы, масштабы⁸. И.Д. Кузнецов квалифицирует эти действия именно как насилие, хотя применение силы или принуждение само по себе имеет немало нюансов.

В связи с этим интересно сопоставление оценок И.Д. Кузнецова со взглядами видного русского философа И.А. Ильина, считавшего, что «было бы глубокой духовной ошибкой приравнять всякое заставление насилию и придать центральное значение этому последнему термину. В самом слове «насилие» уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; «насильник» есть человек, престапующий рамки дозволенного, нападающий, притесняющий – угнетатель и злодей»⁹.

Характеризуя формулу существования чувашского народа в составе русского государства, И.Д. Кузнецов находит исключительные

по точности и емкости дедукции, создает оптимальный понятийный аппарат: «Отношения между царизмом, классом русских крепостников и массой чувашских крестьян установились не в форме русской феодальной и крепостнической, а в форме азиатской, ясачной – непосредственное подчинение короне»¹⁰. Конечно, при этом подразумевается и языковой барьер и вероисповедальная парадигма (во всяком случае, на момент вхождения), но все это, в конечном счете, оборачивается пресловутой двойственностью, столь характерной для российского миропонимания. Эту проблему философы начали активно обсуждать с середины XIX в., а в настоящее время ее актуальность даже возросла¹¹.

К числу глубоких мировоззренческих обобщений И.Д. Кузнецова относится его глубоко обоснованное заключение о двойном гнете, который испытывали чувашские крестьяне. В этом фрагменте выводы чувашского ученого перекликаются с мыслями такого корифея социологической науки как П.А. Сорокин. И.Д. Кузнецов констатирует: «Чувашские трудящиеся массы, как и в золотоордынский период, находились под двойным гнетом – русских феодалов и своих феодалов и торгово-ростовщических элементов»¹². Далекое не бесспорный тезис П.А. Сорокина сформулирован в 1918 г. в России следующим образом: «Так называемое «национальное» неравенство есть лишь частная форма общего социального неравенства. Поэтому тот, кто хочет бороться против первого, должен бороться против второго, выступающего в тысяче форм в нашей жизни, сплошь и рядом гораздо более ощутительных и тяжелых»¹³. Радикализм П.А. Сорокина отчасти можно объяснить условиями гражданской войны, когда появились эти строки. Думается, даже анализируя социальные процессы и коллизии и выделяя очевидность социальной несправедливости, нельзя полностью отрицать такие понятия, как «национальное начало», «этническая самоидентификация», «коллективная историческая память», «ментальность». Поэтому, на наш взгляд, И.Д. Кузнецов более убедителен в своей постановке вопроса о разделении дефиниций «национальный» и «государственный» гнет.

Одной из существенных философских проблем, для изучения которых предназначен специальный раздел науки – аксиология – является формирование, функционирование и смена ценностных систем. В этом аспекте значительный интерес представляет подход И.Д. Кузнецова к оценке динамики духовных ориентаций с вхождением чувашского края в состав Московской Руси. Резко изменившиеся условия организации жизни и хозяйствования привели к тому, что, по оценке ученого, «патриархальная идиллия исчезла в чувашской деревне после присоединения к Руси в безвозвратное прошлое, товаром становилось

все, вплоть до лаптей»¹⁴. По мысли исследователя, населению края потребовалась еще одна самоидентификация в новых условиях – духовно-ценностная, чтобы с учетом изменившихся реалий сохранить наиболее нравственно значимые архетипы глубинной истории народа и видоизменив их в сложившейся социокультурной парадигме, дать новую жизнь исконным ценностям.

По мысли И.Д. Кузнецова, народ, прошедший длительный и непростой исторический путь и при этом сохранивший свою самобытность, накапливает огромную духовную силу, которую каждое новое поколение должно осознать, сохранить и приумножить. Эти представления видного ученого обретают особую актуальность в период урбанизации, когда города унифицируют культуру и мировидение представителей разных этносов; во время глобализации, когда универсализируется быт и понимание мира наций с давними традициями. Поэтому труды И.Д. Кузнецова, не утрачивая исторической ценности, обретают сегодня особую значимость в сфере мировоззрения.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары: Госиздат, 1957. Ч.1; Он же. Очерки истории чувашского крестьянства. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969. Ч.II.

² Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. С. 191.

⁵ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. С. 264.

⁶ Борисов В.М. Личность и национальное самосознание // Из-под глыб: Сб. статей. М.: Русская книга, 1992. С. 171.

⁷ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 37.

⁸ Там же. С. 45-60.

⁹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 20.

¹⁰ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 37.

¹¹ См.: Левинсон А. Опыт социологии: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 486-487.

¹² Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 77.

¹³ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 251.

¹⁴ Кузнецов И.Д. Указ. соч. Ч.1. С. 92.

Т.С. Сергеев

УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ

(К 100-летию со дня рождения профессора И.Д. Кузнецова)

Один из первых историков-марксистов Чувашии, Иван Данилович Кузнецов (1906-1991) оставил добрый след в памяти современников и своих многочисленных учеников как исключительно добросовестный и пытливый исследователь, признанный ученый, талантливый и чуткий педагог, человек великой душевной красоты.

Будучи студентом историко-русского отделения историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, я тогда еще мало знал о трудах первого историка-марксиста Чувашии, недавно вернувшегося после длительной ссылки как репрессированный при Сталине и реабилитированный при Хрущеве. Став аспирантом кафедры истории СССР МГПИ им. Ленина, изучая историю культуры и быта предвоенной чувашской деревни, я перебирал материалы фондов Научного архива Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Меня заинтересовали итоги культурно-бытовой (социологической) экспедиции, проведенной в 1933 г. коллективом созданного в 1930 г. Чувашского комплексного НИИ, по инициативе заведующего отделом культуры и пропаганды Чувашского обкома ВКП(б) И.Д. Кузнецова. Поразили масштабы предпринятого тогда грандиозного научно-изыскательского эксперимента: предстояло пройти с карандашом и с анкетами в руках се двory 21 деревни и заполнять ответы на 150 вопросов! На заполнение одной семейной анкеты уходило до получаса времени. Набиралось свыше четырех тысяч крестьянских дворов. В качестве интервьюеров привлекалась местная интеллигенция, а из столицы республики – до 70 писателей, журналистов, художников, композиторов, фотографов и т.д. Экспедиция пришлась на морозные декабрьские дни и вызывала массу хозяйственных забот. Перед исследователями стояла заранее заданная политическая задача: показать преимущества колхозной жизни перед жизнью единоличника. Рекомендовалось записывать только новобытный фольклор (легенды, песни, частушки, сказки, пословицы, поговорки), которые составляли 15% от поступавшего фольклорного материала. Остальное, названное «кулацким фольклором», даже не фиксировалось. Как-то в 70-х годах, в уст-

ной беседе со мной И.Д. Кузнецов намекнул, что такой была установка «сверху».

Предварительные итоги весьма редкой по тому времени социологической экспедиции были освещены им в брошюрах «Растет культурность колхозников» (Чебоксары, 1934, на чув. яз.), «Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема» (Чебоксары, 1934, в соавторстве с С.С. Кутяшовым). Следует отметить, что наряду с материалами последующих подворных обследований, проведенных в тех же селениях в 1960, 1970 и 1980 гг., эти уникальные по своей ценности сведения хранятся в Научном архиве ЧГИГН и ждут своего исследователя. Кстати, автору этих строк удалось участвовать в последних двух из этих экспедиций в роли рядового интервьюера и руководителя одного из четырех отрядов. В данной работе мне весьма пригодились основные положения полевых исследований, заложенные И.Д. Кузнецовым и его сверстниками.

Непосредственно «в одной упряжке» посчастливилось мне работать с историком-марксистом в 1967-1973 гг., когда доктор исторических наук, профессор И.Д. Кузнецов заведовал кафедрой истории СССР вновь открытого Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Он энергично взялся за создание и укрепление кафедры высококвалифицированными кадрами, за создание музея этнографии при кафедре и музея И.Н. Ульянова при университете. На автора этих строк, как преподавателя истории XIX века и коммуниста, была озложена задача в кратчайший срок собрать фактический материал. Это была нелегкая задача. Предстояло побывать в местах, связанных с жизнью и деятельностью инспектора и директора народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянова и представить наглядный материал о его плодотворной педагогической работе. Были привезены 9 физических приборов из Горьковского пединститута им. И.Н. Ульянова (из бывшего кабинета физики Нижегородской мужской гимназии), карты-схемы губернии из Ульяновского архива, материалы Пензенского музея-читальни, Астраханского краеведческого музея, сельских школ Чувашии и многое другое. Была налажена переписка и установлено личное знакомство с внуками педагога-демократа — с В.Д. Ульяновым и О.Д. Ульяновой. Когда после четырех лет кропотливой собирательской работы для музея была выбрана аудитория на втором этаже главного корпуса университета, зав. кафедрой И.Д. Кузнецов проявил энергичные меры по установлению скульптурной группы «И.Н. Ульянов с сыном Володи», приобретению экспозиционных сто-

лов, стендов, планшетов. Художник университета А. Родионов написал на всю заднюю стену размером 4 на 5 метров карту Симбирской губернии с маршрутами инспекторских поездок И.Н. Ульянова. Музей был открыт 14 октября 1971 г., тогда же в связи со 140-летием со дня рождения И.Н. Ульянова была проведена научная конференция с участием гостей «ульяновских» городов: Астрахани, Казани, Горького, Пензы, Ульяновска. Все это было организовано благодаря инициативе и энергичным усилиям профессора И.Д. Кузнецова.

Профессор сам работал много, тщательно готовился к занятиям. Лекции читал он по записям на отдельных бумажках размером в четверть машинописного листа (формата А4). В ходе лекции как бы перебирал лист пальцами по периметру, при необходимости зачитывал оттуда цифры или цитаты. Его лекции и практические занятия изобиловали таблицами, которые лектор составлял сам. Профессор-историк радовался успехам членов возглавляемой им кафедры. Он не особенно «давил» на коллег, но личным примером увлекал на научный труд. В те годы защитили кандидатские диссертации его ученики Ю.П. Смирнов, А.В. Арсентьева, В.Г. Шарков, В.А. Васильев, И.И. Демидова, И.И. Бойко и др. Творческие научные дискуссии, которые приходилось вести маститому ученому в полемике с доцентами Т.Г. Григорьевым и В.Л. Кузьминым, которые велись в доброжелательном тоне, являлись для нас, молодых ученых, поучительными примером научного общения.

Автору этих строк приятно сознавать, что «в одной упряжке» с И.Д. Кузнецовым и В.Л. Кузьминым он издал учебное пособие «Практикум по истории Чувашской АССР» (Чебоксары, 1980). Совместно с И.Д. Кузнецовым и другим маститым ученым-историком профессором В.Д. Димитриевым как члену делегации чувашских историков посчастливилось принять участие в Международном конгрессе исторических наук в Москве в августе 1970 г. Здесь в бытовой обстановке я еще больше поражаюсь скромности, доступности и простоте профессора, заслуженного деятеля науки ЧАССР И.Д. Кузнецова.

Несмотря на разницу в возрасте (я был на 32 года моложе Ивана Даниловича) мы дружили семьями. Когда в начале 70-х гг. их дом по ул. Ленинградская подвергся капитальному ремонту и жильцов переселили в другие жилые помещения, семья Кузнецовых временно поселилась в доме № 2 по ул. Анисимова, рядом с нашим домом. Мы жили на 4-м этаже, а они – на первом. Наши окна смотрели друг на друга. Мы невольно обращали внимание на то, что у Кузнецовых рано зажи-

гался свет. Профессор-историк имел привычку вставать в 4 часа утра и заниматься научным трудом, а затем, когда приходило в движение все население, шел на преподавательскую работу в университет. Иван Данилович с весьма общительной и простой в обращении супругой Анной Владимировной часто заходили к нам, шумно общались с нашими дочерьми Алиной и Инессой, интересовались их учебой. Моя супруга Валентина Ефремовна делилась кухонными рецептами с Анной Владимировной, которая была искусной мастерицей в поварском деле. Когда бывали застолья, профессор иногда рассказывал об эпизодах из своей лагерной жизни. По его словам, когда немцы дошли до Сталинграда, очень ему хотелось на фронт, но заключенным ГУЛАГа тогда оружие не доверяли. В моменты встреч и расставаний Иван Данилович непременно обнимался и целовался со всеми гостями.

Совместная работа с энциклопедически подготовленным и принципиальным ученым, в то же время чутким и внимательным наставником давала нам, молодым, многое, учила нас быть активными гражданами и борцами за свои идеалы.

В сентябре 1980 г. И.Д. Кузнецов ушел на заслуженный отдых. Несмотря на болезнь, в сопровождении супруги Анны Владимировны, он ходил в читальный зал Центрального государственного архива ЧАССР и продолжал извлекать новые документы. Это был настоящий «рыцарь науки», не бросавший оружия до последней минуты жизни. С годами становится все более ясным, что профессор И.Д. Кузнецов — один из классиков чувашской исторической науки XX века.

И.Я. Тенюшев

ТРУДНА ДОРОГА К ВЕРШИНАМ НАУКИ (К 100-летию со дня рождения И.Д. Кузнецова)

Карабкаться по извилистым тропам в горы дело вовсе не легкое. Так же трудна дорога и к вершинам науки. Она далась не легко, даже с большими зигзагами, и профессору Ивану Даниловичу Кузнецову, парню из чувашской крестьянской семьи.

Приземистый домик с двумя небольшими подслеповатыми окнами. Крыша прохудилась и залатана во многих местах. В этом жилище, принадлежавшем крестьянину-бедняку, в деревне Полевые Буртасы Тетюшского уезда, ныне Яльчикского района, 12 июня (29 мая) 1906 г. родился Ваня Кузнецов. Семья его рано лишилась твердой опоры – осталась без кормильца: отец сложил свою голову на Первой мировой войне. Мать с тремя сынишками еле-еле перебивалась до нового урожая.

Пытливому непоседе Ване очень хотелось учиться. Мешали голод и холод. Все-таки ему удалось успешно окончить церковно-приходскую школу и поступить в Яльчикское двухклассное училище, но здесь смог учиться только один год: вынужден был оставить учебу из-за отсутствия средств. Мечту о дальнейшей учебе осуществить ему удалось не сразу. Пока ему пришлось вместе с матерью впрягаться в ведение домашнего хозяйства.

Годы его детства, видимо, правильней было бы назвать лихими. Именно в эти годы складывается мировоззрение мальчика под влиянием тех бурных событий, которые происходили в стране. В начале 1918 г. из Тетюш прибыл в Полевые Буртасы продовольственный отряд. Начальник этого отряда жил у Кузнецовых. Он руководил поисками запасов хлеба, организовывал их обмолот. Парню он нравился и своей подтянутой внешностью, и сочувствием бедным. Ваня охотно помогал его отряду, а весной участвовал в перераспределении земли.

Шире раскрылись глаза у парня после трагической гибели односельчанина – донецкого шахтера Минеева. Вернувшись в родную деревню, он стал принимать активное участие в жизни крестьян. Это не понравилось дармоедам-горлопанам. Они решили использовать в своих целях грязное средство – клевету: обвинили шахтера в краже свиной туши и зверски расправились с ним самосудом. Гибель шахтера, защитника бедных крестьян, глубоко взволновала Ваню Кузнецова.

Очень обрадовался, когда главари банды дармоедов-горлопанов были разоблачены, арестованы и переданы суду.

Вышеописанные события запомнились на всю жизнь. Четырнадцатилетним юношей Ваня вступил в комсомол и организовал комсомольскую ячейку в деревне. Затем товарищи видят его работником волостного и уездного комитетов комсомола.

Вскоре исполняется его мечта об учебе: он поступает учиться на Чувашский рабфак в Чебоксарах. В 1926-1931 гг. Кузнецов – слушатель Института красной профессуры в Москве. В те же годы он работал в вузах Москвы и Нижнего Новгорода. Он вел преподавательскую работу и в вузах Чебоксар. Заведовал отделом культуры и пропаганды, отделом школ и культпросвет работы Чувашского обкома ВКП(б), по совместительству руководил сектором истории Чувашского научно-исследовательского института культуры.

Однако плодотворная творческая деятельность ученого неожиданно прерывается: в 1937 г. по ложному доносу он признается врагом народа и подвергается репрессии. После этого семнадцать лет непрерывно тянет лямку безвинно виноватого. Тяжело было мне слушать его горькие воспоминания об этом. Как его истязали, чтобы подписал надуманные обвинения и выдал своих коллег в качестве националистов и предателей. Не одного его тогдашние следователи подвешивали к потолку с подвязанными под лодыжки ремнями.

Даже в эти тяжкие годы И.Д. Кузнецов не потерял бодрости духа и жизненной энергии. После реабилитации сразу включился в активную трудовую деятельность. В 1956-1958 гг. работал директором Чувашского книжного издательства. А в 1958-1967 гг. - заведующим сектором истории, директором Научно-исследовательского института языка, литературы, искусства и этнографии при Совете Министров Чувашской АССР.

Иван Данилович в продолжении всей своей жизни вел активную научную деятельность. В 1958 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а через семь лет, точнее в 1967 г. ему присваивается ученая степень доктора исторических наук. Докторскую диссертацию защитил на тему «Крестьянство Чувашии в период капитализма». В том же году он становится профессором.

И.Д. Кузнецов является автором более 200 научных работ, в том числе 20 книг и брошюр. Особенно широкий резонанс в научном мире получили следующие труды ученого: «Национальный вопрос и чуваш-

ская художественная литература», «Вопросы быта колхозной деревни», «Из истории Чувашии», «Очерки по истории чувашского крестьянства», «Очерки по истории и историографии Чувашии». Под его руководством была подготовлена и опубликована книга «История Чебоксарского электроаппаратного завода». Как видим, основные его труды посвящены истории Чувашии, истории крестьянства этого края.

Коллеги помнят И.Д. Кузнецова как заведующего кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (1967-1973), профессора этой же кафедры (1973-1980), старшего сотрудника НИИ ЯЛИЭ (с 1980).

В нашем университете Иван Данилович работал с первых дней его открытия. Он организовал кафедру истории СССР, наладил ее работу. Ученый сумел вовлечь в научно-исследовательскую работу всех членов кафедры и организовать систематическое повышение их квалификации. Постоянно добивался улучшения качества преподавания исторических дисциплин. Под его руководством кафедра не раз занимала первое место по факультету и даже первое место в университете – по качеству научно-исследовательских работ студентов. При повседневной заботе Ивана Даниловича в университете налажена работа музея этнографии народов Поволжья, комнаты-музея И.Н. Ульянова.

Вскоре по получении звания профессора Иван Данилович организовал на кафедре истории СССР аспирантуру. Многие его аспиранты стали кандидатами и докторами наук, трудятся в университете, научно-исследовательском институте. Иван Данилович успешно работал по подготовке квалифицированных кадров для вузов и по другим каналам. Он выступал оппонентом по ряду кандидатских и докторских диссертаций в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми, Казани.

Профессор Кузнецов был требователен к студентам и аспирантам, вместе с тем внимательным и добрым. Приятное впечатление оставляло в душе студента общение с чутким профессором, поэтому пользовался Иван Данилович уважением студентов. Большой авторитет имел он и среди преподавателей университета. Мы ценили в нем принципиальность, непримиримость к любым проявлениям чуждой идеологии, преданность интересам дела и коллектива.

Большую и разностороннюю научно-педагогическую работу профессор Кузнецов умело сочетал с активной общественной деятельностью. С 1966 г. он состоял членом Научного совета по истории страны при Академии наук СССР, а с 1970 г. – членом Совета по проблемам

аграрной истории народов Поволжья. Был избран членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Длительное время он работал заместителем председателя президиума правления Чувашского отделения общества «Знание». Систематически выступал с лекциями перед населением города и республики.

Куда бы не направляли И.Д. Кузнецова, везде он проявлял кипучую энергию. В 1934 г. становится членом Союза писателей СССР. Это он явился одним из инициаторов создания чувашской регулярной молодежной газеты «Самрăк хресчен» (Молодой крестьянин). Был постоянным корреспондентом «Крестьянской газеты», нештатным корреспондентом «Правды», редактором журнала «Блокнот агитатора». Переводил на чувашский язык политическую литературу и издавал ее.

За успехи в научно-педагогической, литературной и общественной деятельности профессор И.Д. Кузнецов награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалью «За доблестный труд», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и Чувашской АССР. В 1970 г. ему присвоено звание Заслуженного деятеля науки Чувашской АССР. Его имя в 1986 г. занесено в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР.

Жизнь и творческая деятельность И.Д. Кузнецова оборвалась 1 февраля 1991 г. в возрасте 85 лет. Дальнейшие творческие задумки маститого ученого находят продолжение в деятельности его учеников.

И.И. Демидова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Прикосновение к творческому наследию учёного И.Д. Кузнецова с точки зрения его оценки весьма сложная задача из-за многогранности, ёмкости им созданного. Нужны усилия многих специалистов разного профиля для воссоздания объективной картины вклада учёного в разработку проблем истории и культуры Чувашии на всех этапах исторического развития. Трудно назвать ту сферу жизни чувашского народа, которая не стала бы предметом внимания учёного. Он, как профессиональный историк, понимал важность для себя постижения знаний из различных областей для того, чтобы всесторонне, обоснованно раскрывать ход истории, выявлять тенденции в историческом процессе. Поэтому И.Д. Кузнецов весомо заявлял о себе в области этнографии, литературы, экономики, политики и во многом другом.

Широкий диапазон исследовательских интересов требовал от учёного многих физических сил, невероятного упорства и большого трудолюбия. Именно такие качества помогли ему реализовать огромный потенциал его возможностей, как исследователя и учёного. Он хотел многое сделать, он не хотел терять ни минуты времени. И ему это удалось.

Именно как учёного такого уровня, такого содержания я впервые узнала И.Д. Кузнецова. Знакомство с ним у меня состоялось в 1964 году после моего приезда в г. Чебоксары по завершению учёбы в Горьковском пединституте. Начавшееся общение с Иваном Даниловичем оказалось настолько впечатляющим, что мое неосуществлённое со школы желание стать историком вновь оживило. При живом участии этого ранее неизвестного мне человека через 2,5 года желаемое стало реальностью: я закончила истфак Чувашского пединститута и стала преподавать историю в школе.

С той далёкой памятной для меня встречи и до последнего дня его жизни Иван Данилович стал для меня не просто признанным учёным, видным историком, но и человеком с простым именем – Учитель. Таким он останется в моей памяти навсегда.

В моём дальнейшем профессиональном становлении этот человек, несомненно, сыграл определяющую роль. Благодаря ему я оказалась в 1968 году в числе членов кафедры истории СССР ЧГУ, которую он возглавлял. В тот период историческое отделение, входившее в состав

единого историко-филологического факультета, находилось в стадии становления, предстояло многое сделать. Как руководитель одной из ведущих кафедр отделения, И.Д. Кузнецов поставил одну из задач – создать учебный этнографический музей для ознакомления студентов – историков с национальной культурой проживающих на территории Чувашии народов. С озабоченностью он говорил об исчезновении национальных памятников культуры, поэтому он спешил развернуть это дело. С точки зрения сегодняшнего дня такая позиция учёного оказалась мудрой и прозорливой.

Организацию этого ответственного дела И.Д. Кузнецов возложил на меня, как ассистента кафедры. Пришлось начинать буквально с нуля. Кроме 1,5 десятков музейных экспонатов, умещавшихся на одном небольшом матерчатом стенде, кафедра больше ничем не располагала. Иван Данилович понимал всю сложность положения и всячески поддерживал мои действия. Он предоставлял необходимую в этом случае литературу, вёл постоянные разговоры, строил планы о развитии данного направления на отделении. В учебные планы были включены спецкурсы по этнографии, музейное дело преподавалось как самостоятельный предмет. Студенты, выполнявшие дипломы по этнографическим темам, выезжали на преддипломную практику в музеи г. Ленинграда, Москвы, Казани. Ежегодно, в течение всех лет его руководства кафедрой, студенты-историки 2-го курса выезжали в этнографические экспедиции по Чувашии с целью сбора этнографического материала для учебного музея. Непосредственно сам Иван Данилович решал через администрацию университета вопрос о транспорте, о выделении средств для приобретения у населения музейных предметов. Приобретённые во время экспедиций материалы вызывали у него неподдельный интерес, он не скрывал положительных эмоций, знакомясь с результатами каждой экспедиции.

Год от года фонды музея пополнялись, для их хранения нужны были условия, поэтому профессор поставил вопрос перед руководством факультета о выделении под музей помещения. Им стала аудитория под номером 405 в корпусе «Е», рядом с кафедрой. Для размещения экспозиций и сохранения фондового материала нужно было специальное оборудование. Со свойственной ему оперативностью и ответственностью этот вопрос был решён: дубовые застеклённые витрины, специальные тумбы-витрины придали музею законченный вид. В организации и решении данного вопроса И.Д. Кузнецов лишний раз показал свою основательность, умение доводить дело до конца. Как

руководитель И.Д. Кузнецов не позволял себе давления, никакого администрирования, людей убеждало его слово. Хотелось следовать его советам, рекомендациям. Созданный инициативой и стараниями Ивана Даниловича этнографический учебный музей и сегодня успешно функционирует в структуре исторического факультета, радуя студентов, посетителей своим богатым содержанием и сохраняя во многом память о его первосоздателе.

Трудно переоценить роль И.Д. Кузнецова в подготовке учителей-историков. Понимая ответственность возложенной на него функции, он уделял большое внимание подбору преподавательских кадров. Рядом с ним трудились такие высококвалифицированные специалисты, учёные как В.Д. Дмитриев, П.В. Денисов, Д.М. Макаров, Т.С. Сергеев, Г.А. Варюхин, В.Л. Кузьмин. Это были годы подлинного вдохновения, серьёзной созидательной работы. Специальность учителя истории была тогда одной из престижных, ею овладевали лучшие выпускники школ, им нужны были глубокие, разносторонние знания. Учёный И.Д. Кузнецов подавал пример высокой ответственности по отношению к подготовке будущих специалистов. Он никогда не позволял себе ни на минуту задержаться на лекцию, приходил в день своих занятий задолго до их начала. К каждой лекции он готовился как к большому событию. Как лектор, он не имел привычки стоять за кафедрой, а неторопливо ходил по аудитории, держа в руках записи в виде небольших прямоугольных листочков, которые было удобно держать в руках, испещрённых мелким почерком, понятным лишь ему. При чтении лекции он демонстрировал образцы серьёзной, глубокой работы мысли, логических, аргументированных построений при раскрытии исторического материала. Он любил рассуждать. Его «отступления» иногда затягивались, так он был богат знаниями, так о многом ему хотелось сказать! Иногда создавалось впечатление, что лектор потерял нить в раскрытии поставленного вопроса, забыл то, о чём должен говорить студентам. Но такие моменты быстро проходили, ибо учёный всегда выстроенный им ряд доказательств замыкал логическими, уместными, продуманными выводами, обобщениями, оценками. Его лекции любили студенты, с интересом и осознанной необходимостью посещали их и члены кафедры и особенно молодые, начинающие преподаватели, аспиранты, в том числе и я. Лекции были содержательными, интересными по подбору материала. Иван Данилович по каждому спорному вопросу имел свою точку зрения, что импонировало студентам. Восприятие материала усиливалось в подаче его фактами, почерпнутыми им из личной жизни,

собственными наблюдениями за происходившими в жизни страны процессами. Очень деликатно, спокойно, доброжелательно учёный высказывался о своих оппонентах, доходчиво объясняя суть расхождений с ними в трактовке важнейших исторических проблем. Поведением на лекциях И.Д. Кузнецов преподносил уроки мастерства преподавания в вузе, пример трудолюбия в постижении истории, принципиальности в научном познании, большой любви и интереса к истории.

Пристальное внимание уделял Иван Данилович подготовке научных кадров. С его именем связано открытие аспирантуры в ЧГУ по исторической специальности, под его руководством научной работой стали заниматься как выпускники исторического факультета ЧГУ, так и историки, работавшие в государственных, партийных, общественных структурах. Он учил щедро, бескорыстно. Ему удавалось быстро уловить состояние собеседника, понять, чем он может оказаться ему полезным и спешил поделиться всем, что он имел в своём богатом багаже: знаниями, добытым не без труда архивным материалом, личной научной литературой и др. Его научной библиотекой часто пользовались студенты, аспиранты, коллеги. Не один десяток ценных книг не вернулись на полки его библиотеки и остались у этих людей доброй памятью об этом удивительно добром человеке! Ю.П. Смирнов, Б.Л. Алексеев, Р.Г. Памикова, В.Г. Тимофеев, В.Г. Шарков и другие питомцы научной школы ученого И.Д. Кузнецова достойно заявляют о себе на научном поприще, гордятся своей причастностью к этому значительному человеку.

В моём приобщении к научной деятельности я также обязана И.Д. Кузнецову. Я всегда буду благодарна этому человеку за то, что он дал мне возможность тесного сотрудничества с учёным В.Д. Дмитриевым при выполнении мною кандидатской диссертации по проблеме «Русско-чувашские связи в период капитализма» и не прекращающегося до настоящего времени. Изучаемая мною проблема межнационального общения в народной среде была очень близка учёному, он был компетентен в ней не только в общем плане, но и её конкретном звучании, поэтому помощь его была для меня неоценимой. Его стиль научного общения был своеобразным, во многом оригинальным. В делаемых им пометках на полях просматриваемых им рукописей не столько давались ответы, сколько ставились вопросы: «Подумай, всё ли здесь у тебя раскрыто, нужно обратиться к такому источнику...». В обиходе были такие обороты, как «может быть лучше сделать таким образом», «так ли это, а может надо сказать по-иному», «а нельзя

ли...». Он не давал конкретного ответа, он давал задания, направленные на поиск, на усиление мыслительных процессов автора, на углубление выводов. Иван Данилович чувствовал слабые места в работе и рекомендовал дополнительные источники – название архивных фондов или трудов. «Вот почитай-ка, это есть у автора труда...», «Весьма интересные сведения, прочитай», - советовал он мне. Профессор не боялся признавать, что и сам он находил что-то новое для себя в моих записях: «Это верно», «Это интересно», «А вот здесь ты права», - констатировал он на полях рукописей. Работая над своими проблемами, он не считал за трудность поделиться, зафиксировать обнаруженный интересный, нужный для других, для меня в том числе, материал, делал соответствующие отметки об источнике, а иногда и выписки. Из богатого, собранного им архивного материала, он нередко передавал ту информацию, которая, как он понимал, важнее была для других. Подобного рода щедрость я испытывала и по отношению к себе.

К этому человеку за советом, за помощью шли люди разного возраста, служебного положения: от крупных учёных до увлекающихся историей студентов, простых людей. И.Д. Кузнецов обладал удивительной притягательной силой. Его доступность, простота, богатство души покоряли. Я не помню случая, чтобы он был недоволен приходом к нему на кафедру для решения какого-либо вопроса, он охотно открывал двери своего дома всем, кто искал у него поддержки, защиты. Он не делал тайны из того, что он знал, о чём думал. В процессе общения его уроки постигались легко, поскольку они давались искренне, с желанием.

И.Д. Кузнецов прожил большую, сложную жизнь. В ней было много радости, успехов, счастья. С ними соседствовали неудачи, беды, трудности. В этой жизни много места учёный отводил людям. Одним он помогал обретать надежду, достигать цели, другим – давал уроки преодоления разочарований, неверия в себя.

Он учил жить...

В.И. Соколова

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Д. КУЗНЕЦОВА В ОБЛАСТИ КРИТИКИ, ПУБЛИЦИСТИКИ И ПЕРЕВОДА

Так уж устроен человек, что, совершая поступки или предпринимая важное дело, он порой всю жизнь ощущает влияние авторитетных для него людей, руководствуется их опытом и примером. Очень часто молодежь строит свою жизнь под воздействием уникальных личностей, потрясших их воображение смелостью и талантом, устремленностью к цели или удивительной самоотверженностью и одержимостью. Одной из таких выдающихся личностей, вся жизнь которого для нас является ярким примером преданного и бескорыстного служения своей родине, своему народу смело можно назвать И.Д. Кузнецова, своей увлеченной работой, всей своей жизнью доказавшего, что для пытливого ума и целеустремленной души преодолимы все преграды, какими бы трудными они не казались.

Иван Данилович Кузнецов родился 11 июня (29 мая) 1906 г. в деревне Полевые Буртасы Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикский район Чувашской Республики). Его отец, по профессии кузнец, в начале Первой мировой войны был мобилизован в армию и в 1915 г. погиб. Мать одна вырастила троих детей. Все трое братьев получили высшее образование. Иван Данилович в семье был старшим, помогал матери и опекал младших. Брат И.Д. Кузнецова Федор Данилович Кузнецов (1908 г.р.) окончил Московский рабфак (1929), Московскую высшую военно-инженерную академию (1932), стал известным государственным и общественным деятелем. Его перу принадлежит монография о выдающемся чувашском архитекторе П.Е. Егорове. Младший брат в дружной семье Кузнецовых Никандр Данилович Кузнецов (1910 г.р.) окончил МГУ (1936), аспирантуру НИИ механики МГУ (1940), стал кандидатом физико-математических наук (1951), доцентом кафедры физики ЧПИ (1959-1962), до выхода на пенсию работал в Центральном Статуправлении СССР в г. Москве.¹

Отметим также и окружение И.Д. Кузнецова, друзей его юности, старших товарищей, которые помогли ему сформироваться как комсомольскому и партийному лидеру и оставили заметный след в его жизни. Здесь прежде всего следует назвать одного из первых организаторов комсомольского движения на территории Чувашии, старшего това-

рища и односельчанина Ивана Даниловича Василия Дмитриевича Дмитриева, а также пламенного революционера и поэта Михаила Кузьмина (Сеспель). В. Дмитриев родился в деревне Белое Озеро (деревни Полевые Буртасы и Белое Озеро близко расположены друг от друга, их можно назвать одним населенным пунктом) Яльчикского района в 1899 г., вместе с М. Сеспелем в 1917-1920 гг. учился в Тетюшской учительской семинарии. В 1918 г. при активном участии В. Дмитриева в Тетюшах был организован революционный союз молодежи. Он возглавил Чувашскую секцию губкомла в г. Казани, созданную 2 октября 1919 г. и сыгравшую значительную роль в деле формирования молодежного движения в Яльчикском районе. В 1919-1920 гг. В. Дмитриев руководил чувашской секцией РКСМ Казанской губернии, избирался секретарем Чувашского ОК РКСМ, впоследствии был необоснованно репрессирован, в 1955 г. реабилитирован посмертно.² Можно уверенно констатировать, что именно Василий Дмитриев явился настоящим учителем и заботливым наставником для молодого Ивана Кузнецова в годы его комсомольской юности.

Большое значение для становления И.Д. Кузнецова как лидера молодежи имел состоявшийся 16-20 июня 1920 г. I Всероссийский съезд чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ, который был подготовлен Чувашской секцией при ГК РКСМ г. Казани под руководством В. Дмитриева, т.к. после съезда началась очень активная работа по формированию комсомольско-молодежных ячеек.³ В нынешнем Яльчикском районе учащиеся Тетюшской учительской семинарии В. Дмитриев (д. Белое Озеро), Г. Захаров (д. Полевые Буртасы), З. Сусмет (с. Байглычево), Ю. Сергеева, А. Сергеев (с. Яльчики) начали агитацию молодежи за вступление в ряды комсомола. Они выезжали в деревни и села и вели пропаганду за объединение в союзы. Тогда же в составе молодежных активистов проявился организаторский талант И. Кузнецова.⁴

В декабре 1920 г. в селе Яльчики была проведена первая комсомольская конференция, на которой был организован Яльчикский райком комсомола (в 1919-1920 гг. попытка создать Яльчикский район не удалась). Организаторами конференции были В. Дмитриев и М. Сеспель. В райкоме были созданы четыре отдела. Заведующим отделом агитации и пропаганды была избрана Юлия Сергеева, отдел оборонно-массовой и спортивной работы возглавил 14-летний Иван Кузнецов, культурно-массовую работу - Кедров и Игнатий Молодов. В РК был организован также отдел помощи семьям красноармейцев. Секретарем

РК РКСМ была избрана Зинаида Сусмет (Сусметова), в начале 1921 г. она стала работать секретарем Тетюшского кантонного комитета РКСМ. Все они оставили заметный след в жизни И.Д. Кузнецова, стали для него хорошими друзьями и единомышленниками, помогли стать настоящим лидером молодежи.

Кратко осветив комсомольскую юность Ивана Даниловича Кузнецова отметим, что впоследствии он стал известным ученым, общественным и государственным деятелем. Сегодня в Чувашии издано большое количество публикаций, посвященных его жизни и общественной деятельности, анализу его научно-исследовательской работы, его трудам по истории крестьянства Чувашии и народов Поволжья. В связи с этим, по мнению автора, сегодня особо актуальными становятся вопросы изучения его деятельности как критика и публициста, переводчика и полемиста. Исходя из этого, целью данной работы является попытка объективного анализа его трудов в области критики, публицистики и перевода.

Биографы и близкие друзья И.Д. Кузнецова отмечают, что в годы учебы на рабфаке в г. Чебоксары (1923-1926 гг.) он очень активно выступал на диспутах. Можно сказать, что ни один спор без Ивана не разрешался, он был необычайно интересным и грамотным полемистом, умело владел ситуацией, был уверенным в своей правоте и часто очень категоричным. По воспоминаниям известных литературных критиков и публицистов Василия Архиповича Долгова и Григория Ивановича Кузнецова (псевдоним Кели), которые учились вместе с ним на рабфаке в Чебоксарах, эти словесные баталии иногда так накалялись, что дело доходило чуть ли не до драки. Ребята были молодые, горячие, неумные. После окончания учебы Иван Данилович как лучший выпускник рабфака удостоился чести быть направленным в институт Красной профессуры в г. Москву для продолжения образования. По мнению своих друзей, он оказался просто счастливецом. Тогда не каждому удавалось сделать такую успешную карьеру¹.

И.Д. Кузнецов – один из основателей газеты “Ҫамрăк хресчен” (впоследствии “Ҫамрăк коммунист”), секретарь этой газеты, первый номер которой он выпустил в 1925 г., когда ему было всего 19 лет. Круг интересов его был необычайно широк: он сотрудничал с журналами “Сунтал”, “Ялав”, “Тăван Атăл”, “Ленин Ҫулĕпе”, “Борьба классов”, “Книга и революция”, “Историк-марксист”, “Советская этнография”, “Революционный Восток”, “Социалистическое строительство ЧАССР”, “Вопросы истории КПСС”. Он писал статьи в газеты “Прав-

да”, “Советская Россия”, “Горьковская правда”, “Советская Чувашия”, “Коммунизм ялавё”, “Самрăк коммунист”, “Гвардеец” (орган печати Батыревского района), “Колхоз хасачё” (орган печати колхоза “Гвардеец” Батыревского района) и т.д. Анализируя приведенные здесь данные, можно сделать вывод о том, что И.Д. Кузнецов активно и плодотворно сотрудничал как с центральными изданиями, так и с местными органами печати.

Свою первую критическую статью он издал в 1928 г., когда ему исполнилось только 22 года. Она была написана на чувашском языке и называлась “Тăвăлпа Çунатланă поэтсем, е авалхипе Çуначёсене амантакансем” и напечатана в журнале “Сунтал”. В 1930 г. в Москве была издана его статья “Против правого уклона и национализма среди чувашских коммунистов”. В 1931 г. появилась книга, посвященная чувашской литературе “Национальный вопрос и чувашская художественная литература” (“Наци ыйтăвёпе чăвашсен илемлĕ литератури”), которая свидетельствовала об идейной зрелости и убежденности молодого исследователя. Эта книга помогла правильно расставить акценты в национальном вопросе чувашских писателей. В своих трудах И.Д. Кузнецов с марксистско-ленинских позиций критиковал позиции чувашских националистов в освещении вопросов борьбы трудящихся Чувашии за установление Советской власти в республике. Как убежденный марксист и принципиальный критик, он способствовал правильному освещению вопросов литературы и искусства в прессе. Вместе с тем следует отметить, что его труды несут печать того времени. Некоторые субъективные оценки не выдержали проверки временем. Тем не менее, есть необходимость напомнить о его успешной работе в качестве редактора журнала “Ленин Çулĕпе”. Отметим также, что в 1934 г. И.Д. Кузнецов был принят в Союз писателей СССР, с 1955 г. работал литературным консультантом Союза чувашских писателей, в 1956-1958 гг. – директором Чувашского книжного издательства.

И. Кузнецов дал объективную оценку деятельности таким известным и неординарным поэтам и писателям Чувашии, как М. Çеçпĕль, П. Хузангай, В. Митта, Н. Патман, В. Краснов-Асли, Л. Агаков, В. Долгов, А. Артемьев, Ф. Уяр, М. Юхма, Г. Айги и др. Об этих представителях чувашской литературы им написаны критические статьи, обстоятельные и объективные по содержанию. Его работы постепенно становятся известными в Чувашии. Например, Петр Хузангай, отмечая заслуги Н.И. Полоруссова-Шелепи (в 1936 г. исполнилось 55 лет), написал поэму “Шелепи шерепи”, посвященную ему. В этой поэме

П. Хузангаем были перечислены все известные поэты, прозаики, драматурги и критики того периода, в поэтической форме проанализированы их работы, дана им соответствующая оценка. Там есть строки и о И. Кузнецове. Несмотря на то, что к этому времени И.Д. Кузнецову исполнилось только 30 лет, он уже стал известным критиком, с его мнением считались и даже его бескомпромиссности в суждениях опасались. Об этом свидетельствуют следующие строки поэмы:

“Нумай енлĕ Сынна манăС тивмĕ:

ТишкерүСĕ, историк, культпроп* –

Кузнецов та сăвах Сырать, имĕш,

Ак кунта вара эпĕ хăрап.

Эп хăратăп кĕтүСĕсер сурăх –

Сăвăсем – аташса каясран.

КĕтүСсем пирĕн Çук та-иС урăх,

Камăн ячĕ тухман âнсăртран?”¹⁰

* - культпроп - пропагандист культуры (И.Д. Кузнецов в тот период заведовал отделом культуры и пропаганды, школ и культурно-просветительной работы Чувашского ОК ВКП(б)).

“Многогранный талант быть забытым не может:

Он ученый, историк, культпроп –

Кузнецов стал известен как критик,

Я теперь стал бояться его.

Я тревожусь, как агнец заблудший, –

Растерять поэтический дар.

Где вы, пастыри наши, настоящие, верные долгу,

Может я ненароком кого не назвал?”

(перевод В.И. Соколовой).

Эти слова свидетельствуют о высоком авторитете И.Д. Кузнецова в литературной среде, а также о том, что критиков такого уровня в Чувашии в тот период было крайне мало, научно-литературная критика только-только еще зарождалась. В процессе написания критических статей И.Д. Кузнецов использовал исторические знания, с исторических позиций освещал вопросы литературы, искусства и культуры. При анализе литературного творчества И. Кузнецова следует учитывать морально-психологический климат того времени. Ниже приведем характеристику, написанную ответственным секретарем ОК ВКП(б) С.П. Петровым в 1933 г. и ярко выражающую атмосферу и дух того непростого периода в истории советской страны и ее народа, не меняя стиль изложения автора: “Тов. Кузнецов 1906 г. рождения, член партии

с 1925 г., крестьянин, образование высшее – окончил историческое отделение ИКП, по специальности историк народов СССР и Поволжья. В Красной Армии не был. Тов. Кузнецов был на комсомольской работе (1920-1923 гг.), с 1923 по 1931 гг. находился на учебе (рабфак и ИКП). Работал в Свердловском комвузе, доцент по истории народов СССР. Учился на курсах марксизма-ленинизма. Последнее время работал в подготовительном отделении Нижегородской ИКП – доцентом и завкафедрой истории. Зав. культпропотделом ОК работает с 1932 г. За время работы в культпропе ОК т. Кузнецов проявил большую энергию и умение в развертывании марксистско-ленинского воспитания и постановки дела культпропа и пропаганды. Теоретически развит, партийно выдержан и дисциплинирован. В организации пользуется большим авторитетом. Партвзысканиям, кроме постановки на вид за примиренческое выступление по поводу право-оппортунистической националистической статьи С. Эльмена, не имеет. Но эта ошибка им признана и самим же разоблачена. В практической работе тов. Кузнецов четко проводит генеральную линию партии и ведет непримиримую борьбу как с правым уклоном, левыми загибами, так и гнилым либерализмом. Ответственный секретарь ОК ВКП(б) С.П. Петров.⁷

Разносторонний талант И.Д. Кузнецова проявился также и в переводческой деятельности. Он переводил работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина с русского на чувашский, а также некоторые работы К. Маркса с немецкого на чувашский язык. Например, он перевел на чувашский язык “Манифест Коммунистической партии” К. Маркса и Ф. Энгельса, “Критику Готской программы” К. Маркса, “О новой экономической политике” (“Экономикан Сёне политики Синчен”), “Вопросы диалектики” (“Диалектика ыйтăвё пирки”), “Письмо съезду” (“Съезда Сырнă Сыру”), “К вопросу о национальностях или об “автономизации” (“Национальнăсеме “автономизаци” Синчен таракан ыйту пирки”) В. Ленина, письма к М. Горькому и др. Он был глубоко убежден, что перевод трудов классиков марксизма-ленинизма очень нужное и благородное дело и понимал, насколько это была трудоемкая работа. Он считал, что для работы в этой сфере обязательно следовало сформировать сплоченный коллектив единомышленников, состоящий из профессоров, писателей, журналистов, объединенных одной идеей и преданных своему делу. Данные вопросы освещаются в его крупной критико-публицистической работе “Чăваш культурипе литературип хăшпёр ыйтăвёсем тавра”. Он пропагандировал труды классиков марксизма-ленинизма, разрабатывал новые методы перевода трудов В. Лени-

на, делился своим опытом с начинающими исследователями, выявлял имеющиеся недостатки в этой сфере. Известны его статьи на эту тему: “В.И. Ленин чăваш халăхĕн историлле кунçулĕнче”, “В.И. Ленин иксĕлми хăватлă вĕрентĕвне чăваш халăх ас-хакăльне кĕртсе пырасси”. Не только писатели, но и читатели приняли книгу тепло, с энтузиазмом, высоко оценили обстоятельный труд И.Д. Кузнецова, по достоинству причислив его автора к плеяде принципиальных и объективных критиков Чувашии.

И.Д. Кузнецов дал весьма справедливую оценку деятельности чувашских писателей. Особенно следует отметить критические статьи, посвященные творчеству Г. Айги, т.к. в нем он увидел будущего известного на весь мир писателя, поэта, переводчика. Впоследствии Г. Айги был номинирован на Нобелевскую премию. “Вовремя помочь – дважды помочь”, - так гласит народная мудрость. Это выражение сродни его делам и поступкам, потому что он умел вовремя заметить талант и помочь ему проявиться. Неслучайно среди его учеников и друзей немало известных ученых. Среди них следует назвать В.Д. Дмитриева, П.В. Денисова, Ю.П. Смирнова, А.В. Арсентьеву, И.И. Бойко, И.И. Демидову и др.

Ученые-историки называют его - “Он наш”. Писатели, публицисты, критики, переводчики – “Он наш”. И те и другие правы, потому что его разносторонний талант вполне проявился во всех этих сферах. И.Д. Кузнецова знали многие в республике. В тот период можно было надписать на конверте: “Чувашская АССР. Кузнецову И.Д.” и письмо доходило до адресата. Его можно назвать пионером, первопроходцем в области перевода, он разрабатывал новые методы в этой сфере, у него учились другие. Критику и публицистику он также поднял на новый уровень. Он добивался открытия научно-исследовательского института в Чувашии, стал директором НИИЯЛИЭ (1958-1967 гг.). Он умел жестко отстаивать интересы своей республики, был убежденным марксистом, большевиком. Сегодня, с высоты достижений современной исторической науки, ряд его выводов не получил подтверждения. Его критические статьи и литературные труды кажутся спорными, частью необоснованно категоричными. Отметим также, что и переводы трудов классиков марксизма-ленинизма потеряли былую актуальность, не востребованы временем. Однако это не умаляет значения его трудов для современных исследователей как в области истории, так и литературы и искусства. Его служение науке, его активная жизненная пози-

ция, верность коммунистическим идеалам являются примером для подражания для современной молодежи.

Следует отметить большой вклад И.Д. Кузнецова в исследование истории крестьянства Чувашии и народов Поволжья. Каждый, кто сегодня занимается аграрной историей Чувашии и регионов Поволжья, обращается к его наследию и черпает оттуда необходимые сведения. Его труды являются неисчерпаемым источником информации как для современных исследователей аграрной истории, так и будущих историков. Его вклад в науку и культуру чувашского народа будет иметь непреходящее значение для многих поколений исследователей.

Примечания

¹ Яльчикский район. Краткая энциклопедия / Под ред. К.М. Леонтьевой, Н.Ф. Малышкина. Чебоксары, 2005. С. 80.

² Филиппов И.Ф. Рождение комсомола Чувашии. Чебоксары, 1967. С. 34-35.

³ РГУ ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 11-21.

⁴ Там же.

⁵ Ялав. № 6. Июнь 1986 г.

⁶ Хузангай П. П. Избранные. Том 2. Поэмы на чувашском языке. Чебоксары, 1970. С. 169.

⁷ РГУ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 13. Д. 158. Л. 39.

С.В. Щербаков

**И.Д. КУЗНЕЦОВ И «ПЛАТФОРМА КАПИТУЛЯНТОВ
И ПРАВЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ЧУВАШИИ»**

**(Современный взгляд на события 1937 года
по материалам уголовного дела)**

XX век - век коренных переломов в жизни человечества, который затронул все сферы жизни людей: происходила переоценка вековых традиций и форм общественного устройства, рушились прежние государства-империи, им на смену приходили молодые государства с новой, иной формой общественной жизни. Прежнее лицо мира было совсем не узнать. Наметившиеся в конце XIX и в начале XX веков либерально-демократические тенденции во многих странах начали показывать свою слабость и плохую приживаемость, не смогли закрепиться на местной национальной почве. По ряду ведущих стран прокатывается волна революций, которая требовала вводить новые формы управления. Старая система колониального империализма, кризис которой особенно обострился в годы первой мировой войны и после неё, не могла выдержать напора новых сил.

Значительную роль в мировом масштабе сыграла Октябрьская революция в бывшей Российской империи, где в результате многолетних и трудных испытаний пришла к власти и укрепились новая социальная и политическая формация, практически не имевшая аналогов в других странах и временах. В основу общественного фундамента встала защита интересов трудящихся масс, в первую очередь, пролетариата и крестьянства. Возникшее под знаменем мировой революции, но не получив значительной поддержки в других странах, молодое Советское государство перешло в новую, иную фазу, характерную для многих стран Европы и Азии в 20-30 годах XX столетия – укрепление своих национальных интересов. В Советской России оно проходило под интернациональными лозунгами, но, в сущности, к указанному периоду все же защищала интересы России с единым политическим центром.

Многие пламенные революционеры, которые приняли деятельное участие в установлении Советской власти и расширении мировой Социалистической Революции, так же как и в других странах Европы и Азии становятся аутсайдерами среди своих же прежних товарищей. В Советской России подобные люди стали объединяться вокруг значительной фигуры Л.Д. Троцкого, которые противопоставляли себя

сформировавшейся идее «построения социализма в одной стране», т.е. в Советской России, которую в конце 20-х - начале 30-х годов, развивал и проводил практические действия по ее реализации И.В. Сталин.

В результате политической победы Сталина над Троцким, в Советской России укрепилась сталинская система (модно сейчас называемая некоторыми историками «национал-большевистской»), которая радикальными большевистскими методами преобразовывала лицо Российского государства, делая упор на централизм власти, пресечение сепаратистских тенденций в регионах. «Интернационал-большевизм» вместе с изгнанием Троцкого осуждался и изживался как «левый уклон», волюнтаристское и антисоветское явление, которое подрывает основы идей строительства социализма в отдельно взятой стране.

Образованный СССР имел в своем составе огромное количество самых различных народов, которые после свержения царской власти, встав на путь народной демократии, желали национального самоопределения и вхождения на достойных условиях в мировую семью народов. Подобная идея, конечно, шла вразрез с идеями формирования сильной централизованной Советской власти, что вызвало волну политических репрессий против «местных сепаратистов», которые еще к тому же начали сомневаться, что их народ сможет расцвести при помощи методов социалистического строительства, видя в буржуазных реформах единственный выход (идеи Бухарина с народным капитализмом и НЭПом).

С целью предотвращения и пресечения региональных «национал-буржуазных тенденций», появилась новая волна репрессий 1937-1938 годов, которая вошла в историю под названием борьбы с «правым уклоном» в партии. Она шла уже с конца 20-х годов после победы над так называемым «левым – троцкистским уклоном». В результате чего было репрессировано огромное количество людей, которые хоть каким-либо образом могли стать противниками большевистской сталинской системы. В число таких противников, которых сразу отнесли в разряд «врагов народа», попали истинные революционеры, посвятившие свою жизнь свершению Октябрьской Революции и защите ее завоеваний (тот же Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев и многие другие).

Жертвами политических репрессий стали не только представители старой волны, но и новые люди - «дети революции». Они к тому времени уже выросли и сформировались как убежденные и искренние

марксисты, твердо понимающие суть и смысл ленинско-сталинской генеральной линии, но вследствие трепетного отношения и защиты интересов своей малой Родины, где они родились и выросли, попали под жернова исторических событий, которые вошли в историю как сталинские репрессии.

Трагическим примером подобных времен может послужить судьба сына чувашского крестьянина-кузнеца Ивана Даниловича Кузнецова, процесс формирования личности которого происходил на взлете исторических событий Октябрьской Революции. Впитав все ее идеологические соки еще в подростковом возрасте (1917 год он встретил 11-им мальчиком), в 19 лет вступил в партию, в 20 лет поступил в Институт Красной Профессуры г. Москва по специальности «История», вырос убежденным марксистом школы М. Покровского, который рассматривал историческое развитие человечества исключительно через призму классовой борьбы. Занимаясь историей революции и историей своего родного народа, И.Д. Кузнецов стал одним из первых профессиональных историков чувашского народа, с 1931 года занимал ответственные посты в сфере культурной пропаганды марксизма-ленинизма на своей родине – Чувашии. Но уже в 31 год И.Д. Кузнецов попадает в политические и идеологические тиски обвинений в том, с чем он всегда боролся – буржуазным национализмом. О сложном, противоречивом периоде нашей истории, судьбе и трагедии конкретной творящей личности Ивана Даниловича Кузнецова, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Чувашской АССР, судьба которого стала заложником страшных событий в истории нашего государства и пойдет речь в данной статье.

Чтобы полностью раскрыть проблематику данного вопроса, необходимы документы, которые в полной мере отражают умонастроения той эпохи, как со стороны пострадавших, так и их угнетателей. В открытом доступе история сохранила опубликованные в 1988 году воспоминания самого И.Д. Кузнецова о тех страшных днях конца 30-х годов¹, в которых представлен анализ тех событий, описаны пострадавшие, следователи и «провокаторы». Данный документ интересен ярким и сильным показом тех событий. Но, как известно, подобные воспоминания нельзя назвать объективным источником, вследствие их субъективности.

До недавнего времени были под грифом секретности и другие документы, которые показывают сложность и драматичность тех событий – материалы уголовного дела по обвинению руководителей в

структуре партийной и государственной власти Чувашской АССР в 30-ые годы, которых «уличили» в антисоветской и контрреволюционной деятельности. Данные дела на протяжении многих лет находились в закрытых архивах НКВД, КГБ и ФСБ Чувашской Республики, и стали доступными только в последние годы и вобрала в себя не только протоколы допросов различных людей, но и огромное количество дополнительного материала. В них собраны характеристики, протоколы очных ставок, решения экспертных комиссий, которые непосредственно под углом политической конъюнктуры тех лет изучали книги, материалы выступлений, статьи и брошюры обвиненных в антисоветской деятельности партийных руководителей, где немалое значение уделено работам И.Д. Кузнецова, которые представляют собой огромный интерес и ждут своих исследователей. В данных документах сконцентрирована целая эпоха.

Изучение этих материалов имеет неопределимое значение в осмыслении событий того времени, не только в отношении конкретных личностей, не только касательно истории Чувашской Республики, но и Российской Федерации в целом, и даже в какой-то степени мировой истории, т.к. везде происходили схожие процессы по укреплению централизованной власти и борьбе с «местным сепаратизмом».

Наибольший интерес автора в материалах уголовного дела вызвало заключение общественной комиссии в составе директора партархива ЧАССР, начальника Главлита, секретаря журнала «Сунтал» и ученого секретаря НИИ г. Чебоксары², которое играло роль криминалистической экспертизы и явилось доказательной базой вины И.Д. Кузнецова перед генеральной линией партии и в антисоветской деятельности. Заключение называется «Платформа капитулянтов и правых националистов в Чувашии». Данный заголовок наиболее четко отражает и показывает политику и идеологию Советского государства данного этапа развития в отношении «подобных элементов».

Из дела будут использованы развернутые формулировки сталинской идеологической риторики, а так же конкретные обвинения Советской власти в отношении ее рьяного защитника И.Д. Кузнецова. Большую роль в исследовании будут играть его опубликованные воспоминания, которые показывают невидимое дно и внутреннюю ситуацию в данном деле. В работе будет уделено минимальное внимание иным фигурантам данного дела, т.к. это отдельная тема исследования.

Статья построена следующим образом – в начале будет дана вкратце фабула вышеуказанного дела, место и роль в нем

И.Д. Кузнецова, будут рассмотрены конкретные материалы обвинения, будут использоваться материалы его воспоминаний. Подобный план позволит показать историческую значимость данного события в контексте региональной, российской и всеобщей истории.

С конца 20-х годов начинается этап развития советской политической системы, характеризовавшейся завершением формирования государства тоталитарного типа. Избранный курс на форсирование социально-экономического строительства, чрезмерно высокая социальная цена индустриализации и коллективизации, быстрое свертывание остатков внутрипартийной демократии не могли не породить недовольства среди части членов ВКП(б). Отказ от НЭПа сопровождался свертыванием демократических процессов так же и в сфере национальных отношений. Превалирующей здесь с начала 30-х годов становится тенденция к унификации всего национального многообразия. Национальное стало истолковываться как националистическое и противопоставлялось интернациональному.

Неоправданные надежды на победу мировой пролетарской революции, чрезмерные усилия по ее приближению и неудовлетворение результатами вызвало роптание населения. Особенно болезненно это происходило в национальных республиках, т.к. с Октябрьской революцией они связывали надежды на духовное, культурное, экономическое и социально-политическое «возрождение» своих наций.

В Чувашии это проявилось в выступлении Д.С. Эльменя, в то время слушателя Института Красной Профессуры в г.Москва, который в своей статье, помещенной в журнале «Чувашское хозяйство» №3-4 1928 г. под названием «К вопросу о постановке проблем пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства Чувашской Республики», дал критические замечания по темпам вхождения Чувашии в социалистическое хозяйство в сфере индустриализации, товаризации, транспорта и культурной революции. Согласно выводам Эльменя, чувашаи вырождались во всех отношениях при царизме (физическом, культурном, экономическом) и «революция пока-что не могла поставить что-нибудь реальное для противодействия этому процессу... на наших глазах население мельчает», «Чувашия выбивается из общей орбиты хозяйственного развития... оставаясь в стороне от столбовой дороги к социализму».³

Летом 1928 года была начата кампания против бывшего руководителя Чувашской Автономии по обвинению «в правом уклоне». Боль и тревогу за будущую судьбу своего народа партия признала сразу кра-

мольной и для подавления использовала уже сложившуюся риторику: согласно резолюции ячейки ВКП(б) Института Красной Профессуры: «Эльмень ревизирует генеральную линию партии по ряду крупнейших, принципиальных вопросов, проводя систему право-оппортунистических взглядов... извращающих национальную политику партии, отражает настроение кулацких, мелко-буржуазных и шовинистических элементов Чувашии, представляет собой антипартийное выступление». ⁴ Далее идут опасные по тем временам формулировки: «жалобы т. Эльменя на неправильное проведение национальной политики, на колониальную эксплуатацию, задержку экономического развития Чувашии и т.д. объективно указывают неопценимую услугу внутренней и заграничной контрреволюции для злостных нападок на национальную политику партии». ⁵

В данном выводе четко прослеживается единая генеральная линия, определенная Сталиным: «правый уклон в коммунизме... означает тенденцию, склонность одной части коммунистов, правда, неоформленную и, пожалуй, еще не осознанную, но все же склонность к отходу от генеральной линии нашей партии в сторону буржуазной идеологии», т.е. – «отрицая необходимость наступления на капиталистические элементы деревни, требуют свертывания нашей индустрии, считая нынешний темп ее развития гибельным для страны». ⁶

Определение «местного национализма», наряду с «великорусским шовинистическим», было дано впоследствии в 1930 году - «уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство... культивирует буржуазный национализм» ⁷, как основа отхода от социалистических идей и реставрация буржуазных отношений в стране и национальных республиках.

В 1929 году решением ячейки ВКП(б) ИКП Эльменю и всем, кто поддержали его статью (в том числе и И.Д. Кузнецову – в то время также слушателю Института Красной Профессуры) было предложено отказаться от подобных «опасных» взглядов, грозя серьезными последствиями, что они и сделали ⁸.

Вскоре в 1932 году Эльмень умер из-за болезни, но имя его стало нарицательным, заклеилось в «эльменевщину», которая «есть по сути дела воспроизведение старых чувашских эсеро-националистических взглядов, лишь прикрытая большевистской фразеологией».

Представляет интерес имеющаяся в уголовном деле «Краткая история возникновения контрреволюционной националистической подпольной организации в ЧАССР», которая имела характер обзорной справки по уголовному делу. «Все националистические организации Союза похожи друг на друга: создание самобытного самостоятельного государства на основе проведения в жизнь буржуазной автономии... со свободой слова, совести, собраний и союзов. Задача перед ними: создание великого болгарского государства, в объеме территории не меньше Камско-волжских берегов X века, присоединив к теперешней республике Чувашии чувашские районы Татарии, Башкирии, Куйбышевской области... Конечная цель организации свержение Советской власти с заменой буржуазно националистическими формами государства при помощи международной буржуазии».⁹

Начиная с первой половины 1929 года по середину 30-х годов была проведена так называемая «генеральная чистка партии», которая в основном задела партийные верхушки. Культурные, научные круги были подвергнуты репрессиям в меньшей мере, т.к. они еще могли пригодиться в советском строительстве и конфронтация с ними имела бы сомнительные результаты. Как было отмечено в отчете областного комитета ВКП(б) по итогам чистки, проверка показала, что «значительная часть коммунистов с большим партстажем искривляет партлинию и не способна вести за собой массы»¹⁰. Очередь более широких кругов придет ближе к концу 30-х годов, после закончившейся коллективизации и индустриализации, окончания советского строительства, когда от них решат избавиться из-за «неблагонадежности» в преддверии наступавшей мировой войны.

К 1937 году за короткий срок СССР добился действительно грандиозных успехов. Чувашия работала с большим напряжением, быстро продвигаясь вперед, развивая экономику и культуру. В 1935 году она была удостоена ордена Ленина, в 1937 году наша Республика вырастила и собрала самый высокий за всю свою историю урожай. Все это рождало радость свершений, веру в будущее и способствовало обожествлению того человека, кто стоял во главе партии и государства, его генеральной линии и возможности отринуть «временных попутчиков».

Наряду с успешным советским строительством, в советском обществе наблюдаются явления, свидетельствующие о кризисе всей советской системы, такие как бюрократизм, формализм, голое администрирование, слабая связь с населением, усиление директивных начал, жесткая централизация и контроль, оперативное, а не системное админи-

стрирование, мелочное вмешательство в экономику. Созданное и укрепившееся на крови Советское государство в подобных случаях могло вылечиться, по мнению ее тогдашних руководителей, только методом кровопусканий.

Во всех грехах были обвинены прежние исполнители директив высшего руководства партии - региональные руководители. Наряду с выявленными недостатками им было предъявлены так же обвинения в буржуазно-националистических наклонностях, в том, что они сознательно, с целью подрыва авторитета Советской власти и партии проводили вредительскую политику.

В лучших традициях времен выступления Сталина «Головокружение от успехов» руководители были обвинены в перегибах (левый уклон) и недогибах (правый уклон) еще к этому добавились обвинения в буржуазно-националистических тенденциях. В марте 1938 года в Москве прошли показательные процессы над правыми уклонистами – Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, Х.Г. Раковским, М.А. Черновым и других, которых заклеямили печатью «антипартийной группы правых капитулянтов и реставраторов капитализма».¹¹

В сталинском докладе на февральском пленуме 1937 года под названием «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников» было заявлено: «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств... задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные».¹² Под данным лозунгом началась тотальная зачистка неугодных элементов. Малейшие ошибки и упущения расценивались как вредительство и диверсия, малейшее инакомыслие в настоящее время и в прошлом как антисоветская контрреволюционная деятельность.

В Чувашской АССР сразу припомнили прошлые «нарушения генеральной линии», которые в свое время либо не смогли обосновать, либо в то время сочли преждевременными, но которые находились в засекреченной оперативной разработке. В материалах уголовного дела имеется прелюбопытный том №61, в котором собраны предшествующие 1937 году материалы оперативных разработок.

Согласно им в г. Свердловске в 1935 году был задержан за контрреволюционную деятельность бывший студент Марпосадского лесотехникума, который в ходе проведенного допроса рассказал о якобы существующей в Чувашии «Крестьянской национал-социалистической партии» под руководством Эльменя, куда он вступил в 1932 году. Он

подробно рассказывал о существующей организации и некоторых ее участниках. Программа данной партии, по его словам, сводилась к созданию независимого Чувашского государства с отторжением Чувашии от СССР, замена диктатуры пролетариата на диктатуру крестьянства, отмена коллективизации и всемерное поощрение индивидуального крестьянского хозяйства. Все это обосновывалось тем, что Советская власть разорила Чувашию.¹³

Однако, будучи доставленным весной 1936 года в Чувашию, от данных показаний он отказался, как от написанных под давлением и диктовку оперуполномоченного СПО УГБ НКВД по Свердловской области Сааля. Задержанный признался, что о существовании «крестьянской национал-социалистической партии» он впервые услышал от допрашивающего его работника УГБ по Свердловской области.¹⁴ В докладной записке по данному делу от 17.04.1936 года в связи со смертью главных фигурантов Д.С. Эльменя, И.Г. Григорьева, а так же тем, что на иных компрометирующих материалов не было выявлено, было принято решение, что «разрабатывать дело по одним протоколам допроса, от которых он отказался, опрометчиво и беспочвенно».¹⁵

Но данная тема не осталась без внимания. В том же деле в докладной записке от 15.02.1937 года говорится о дальнейшей разработке по поступившим данным и подтверждением в участии фигурантов агентурного дела «Ученые» – М.П. Петрова, Д.П. Петрова, П.И. Иванова и др. «По имеющимся материалам на сегодня установлены следующие лица принимавшие активное участие в борьбе против линии партии: А.М. Михайлов, Г.И. Иванов, Л.М. Лукин, В.И. Токсин, Н.В. Шубосини (Васильев), Савандеев, И.Д. Кузнецов, А.Я. Яковлев, М.В. Шевле, В.А. Алексеев, М.Ф. Спиридонов, А.П. Лбов и В.И. Захаров. Количество правых этими данными не исчерпано, работа по выявлению продолжается... как видно из списка, все правые являются руководящими работниками».¹⁶ Работники НКВД трудились исправно.

Начавшиеся аресты таких одиозных фигур «чувашского национализма» как Д.П. Петров (Юман), М.П. Петров, А.П. Прокопьева-Милли, потянуло цепочку арестов и дальше. Исправно выполняя поставленное число в 1500 репрессированных (из которых 300 человек должны были быть расстреляны)¹⁷, арестам подверглось огромное количество, как простых работников, так и из числа «верхушки» руководства Чувашской АССР.

В ходе организованной полной проверки под следствием оказалось практически все бывшее руководство республики, куда входили

первый и второй секретарь Обкома ВКП(б) ЧАССР, Председатель СНК и его заместитель, секретарь ЦИК ЧАССР, прокурор ЧАССР и его заместитель, председатель Госплана и многие другие, занимавшие видные должности в народном хозяйстве. К маю 1939 года по данному уголовному делу был привлечен 41 человек (всех на тот момент уже содержали в различных тюрьмах Чувашии, причем предварительное следствие шло уже более двух лет). Составленное к тому времени обвинительное заключение, которое имеется в 8-м томе данного уголовного дела, начинается со стандартной формулировки тех лет: «На территории Чувашской АССР вскрыта и ликвидирована антисоветская право-троцкистская буржуазно-националистическая организация, ставившая своей целью вредительство, диверсию, террор, подрыв экономической мощи Республики, и, наконец, насильственное устранение руководства ВКП(б) и свержение Советского правительства путем вооруженного восстания и восстановления буржуазно-демократического строя».¹⁸

Не впадая в анализ всего процесса и лиц, прошедших по данному делу, можно остановиться на «руководителе существовавшего подполья» С.П. Петрове (в прошлом выдвиженце Сталина и активного борца с «врагами народа», с 1926 по ноябрь 1937 года - первого ответственного секретаря Чувашского обкома ВКП(б)), арестованного в декабре 1938 года в г. Челябинск. По заготовленным лекалам на допросе от 31.01.1939 года он признается: «Я являлся одним из активных участников антисоветской буржуазно-националистической организации, существовавшей на территории Чувашской Республики... я вел активную борьбу, направленную к насильственному устранению руководства ВКП(б) и захвата власти право-троцкистским и буржуазно-националистическим блоком... Я продолжал двурушническую линию... не веря в победу социализма в отдельно взятой стране... руководил подрывной работой... участниками антисоветской буржуазно-националистической организации являлись...», далее шел длинный список «участников подполья».¹⁹ Здесь представлен перечень всех смертных грехов Советской власти в одном обвинении.

С.П. Петров был обвинен в том, что «прикрываясь тем, что «партия не должна карать, а воспитывать» борьба с эльменевщиной до конца доведена не была, от эльменевцев добивались лишь словесного признания».²⁰ «Петров С.П. везде и всюду, почти в каждом из своих выступлений говорил о том, что буржуазные националисты... уже разгромлены... усыплял бдительность трудящихся Чувашии, т.к. действи-

тельность говорит о том, что буржуазные националисты и прочие враги партии не были фактически разгромлены». ²¹

Кроме этого, он был обвинен в перегибах в хозяйственном управлении, насильственном принуждении вступления единоличников в колхозы путем запугивания, вождизме (С.П. Петров занял в партийно-государственной иерархии республики такое же место, какое занимал Сталин в стране, был создан своего рода культ его личности, а этого Сталин разумеется потерпеть не мог). В какой-то мере подобные обвинения можно назвать справедливыми касательно административной и хозяйственной деятельности, но все-таки он вошел в историю Чувашской Республики, как один из тех, кто внес значительный вклад в развитие экономики и культуры Республики.

Одним из «активных деятелей контрреволюционного блока» следствием был назван И.Д. Кузнецов. Справка о мотивах ареста от 22.05.1937 года составленная следователем Савиным, гласила: «УГБ НКВД по Чувашской АССР располагает данными, что И.Д. Кузнецов являясь убежденным националистом и состоя членом подпольной к-р националистической организации Чувашии, на протяжении ряда лет ведет широкую организаторскую к-р деятельность... На основании изложенного И.Д. Кузнецов подлежит аресту и привлечению к ответственности по признакам ст. 58 ч.10, ст. 58 ч.11 УК РСФСР». ²²

Вот как описывает сам Кузнецов впоследствии в прошении в Президиум Верховного Совета СССР от 26.09.43 г. данный арест: «в ходе борьбы против врагов Ленинско-Сталинской Партии я очутился в очень досадном положении. В начале мая 1937 один из чувашских националистов (М.П. Петров-Тинехпи) репрессированный органами НКВД ЧАССР... по предложению Савина дал показания, включив в число националистов и меня... Это показание заведомо лживое и клеветническое... На основе упомянутого показания и факта исключения из Партии Партколлегии по ЧАССР следователь Савин (впоследствии разоблаченного как белогвардейца и в 1939 году осужденного) составил протокол о аресте и 29.11.37 я был взят под стражу и следствие». ²³

Через 9 месяцев застенков и бесчеловечных методов получения признаний и условий содержания, хорошо описанных в его воспоминаниях «Как это было», после различных попыток защитить свое честное имя, он на допросе от 04.09.1938 года подписывается под поистине бредовыми, но крайне необходимыми следствию фразами: «Признаю, что я действительно на протяжении многих лет являлся участником к-р националистической организации... вел националистическую деятель-

ность на идеологическом фронте... меня вовлек Эльмень... принимали участие... (*стисок руководителей*). Моя к-р деятельность заключалась в следующем... сознательно завуалировал контрреволюционную националистическую деятельность и выделял Петрова, Токсина, Никитина как честных и преданных партии большевиков. Не вел никакой борьбы против их к-р троцкистской и националистической деятельности... покрывал их. При моем содействии были выдвинуты на ответственную партийную и советскую работу буржуазные националисты, правые троцкисты. Мне было известно, что среди писателей орудовали враги народа - буржуазные националисты и троцкисты... я объективно покровительствовал им... вели вражескую работу прикрываясь званием Советского писателя. Я встал на путь двурушничества, совершив тяжчайшее преступление перед партией и Советской властью».²⁴ Очень интересно и характерно, что в материалах, где особо не допускаются сокращения слов, слово «контрреволюционный» заменяется на «к-р», это свидетельствует о том, что данное слово имело очень ходовое применение и его расшифровка не требовалась.

Кроме всего этого Кузнецову инкриминировалось (из обвинительного заключения): «на учебе в ИКП установил тесную связь с активным бухаринцем террористом, (личным секретарем Бухарина) в 1932-1933 годах возглавлявшим к-р террористическую группу правотроцкистского блока в г. Саратове А.Д. Зайцевым... в 1932 году встречался с ним... В 1929 году Кузнецов открыто выступил с защитой к-р буржуазно-националистической статьи Эльменя и бухаринца Зайцева... после осуждения этой статьи... двурушнически формально заявил об отходе... в 1932 году пригласил из Горького в Чувашию на пропагандистскую работу идеолога буржуазного национализма Эльменя... в целях сокрытия своей преступной деятельности... написал некролог на смерть Эльменя, где характеризовал его крепким большевиком... Во вражеских целях срывал перевод на чувашский язык классиков Марксизма-Ленинизма, а большинство переводов умышленно делалось с троцкистскими искажениями... В Чувашской парторганизации насаждал подхалимство и вождизм... подготавливая для издания сборник речей и статей врага народа С.П. Петрова, сравнивая его с 3-м издания Ленина... В 1933 году в течении 3-х месяцев держал на квартире австрийского шпиона Шельман Фриц, через свою жену содействовал этому шпиону принять советское подданство».²⁵

На судебном допросе Военного Трибунала ПриВО, который состоялся 02.11.1939 году, И.Д. Кузнецов, как практически все обвиняе-

мые по данному делу, заявил: «Виновным себя не признаю. Раньше признавал себя виновным в ходе предварительного следствия... под физическим воздействием следователя с 1 сентября 1938 года. Принуждать меня начали с 3 мая по 19 сентября 1938 года».²⁶

Находясь под следствием, И.Д. Кузнецов ведет изнурительную борьбу за свое честное имя, отстаивает честь и достоинство известных людей Республики, объявленных сталинским режимом «врагами народа». Оставленные им нам в наследие воспоминания «Как это было» весьма красочно и правдиво рисуют систему ломки человека, получения признаний.

Материалы обвинения, которые «появились в результате провокационных усилий «охотников за ведьмами», когда решается вопрос о жизни людей – а «на нашей крови, видимо, хотят ордена заработать», ярко показывают, как в угоду политической конъюнктуры, под жернова репрессий попадают честные и искренние граждане нашей страны, которые хотели видеть свою родину процветающей. Материалы уголовного дела так же показывают, что своя точка зрения, инакомыслие в те времена расценивались как страшное преступление, отход от генеральной линии карался пулей в затылок, либо смертью в «местах не столь отдаленных». Исторические дискуссии в рамках уголовного дела, как, например, протоколы очной ставки Кузнецова и Прокопьева-Милли, представляют собой образец чудовищной и страшной нелепости, где историческую мысль колючими проволоками вгоняют в четкие идеологические рамки. Малейшую недоработку могут объявить идеологической диверсией, не законченную мысль вредительством, использование «неблагонадежных» историков – антигосударственной деятельностью.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 08.04.1955 года приговор Военного Трибунала ПриВО в отношении И.Д. Кузнецова и других был отменен за отсутствием состава преступления. В нем говорилось: «Обвинение Кузнецова в протаскивании троцкизма и буржуазного национализма в выступлениях и статьях основано только на заключении, составленном экспертами во время предварительного следствия». Повторно допрошенные члены экспертной комиссии показали, что «они обнаружили в работах Кузнецова только ошибки и неточности, но не говорят об антисоветском характере произведения», так же они добавили, что «Кузнецов активно боролся с проявлениями буржуазного национализма»²⁷. Так же были установлены и иные неточности в обвинении.

Как относится к событиям? О постигшей его участи Кузнецов в своих мемуарах рассказывает с болью, но без злобы. Давайте и мы учиться этому у него. Кузнецов представляет собой один из лучших образцов, когда человек, незаслуженно попав в сталинские лагеря, пройдя круги ада, сохранил уважение к себе, не обозлился, как некоторые, на Советскую власть, оставаясь, как и в молодости, до конца жизни убежденным марксистским историком.

Заканчивая данную статью, было бы необходимым остановиться на итогах «большого террора» в СССР второй половины 30-х годов. В ходе репрессий 1937-1939 годов пали жертвами крупнейшие политические, партийные и административные работники Советского государства, что за собой потянуло цепочку продолжения репрессий в регионах. В РСФСР было разгромлено до 90% обкомов партии и облисполкомов, а так же большинство городских, окружных и районных партийных и советских организаций. Почти весь партийный актив был уничтожен в Москве, Ленинграде, Горьком, Иваново-Вознесенске, Костроме, Ярославле, Мордовии, Удмуртии, Якутии, Коми АССР и других республиках, в том числе и в Чувашской.²⁸

Под предлогом борьбы с «националистами» многие руководящие работники, а так же представители национальной интеллигенции Чувашии были репрессированы. После «изъятия» национальных кадров основные посты в руководящих органах автономии заняли русские: обком ВКП(б) возглавляли секретари А.А. Волков, потом И.М. Чарыков, председателем Совнаркома стал А.В. Сомов, первым секретарем обкома ВЛКСМ – Д.Т. Пароятников и другие.²⁹

Подводя итоги, можно сделать вывод, что светлые надежды деятелей культуры и науки, которые стремились к лучшей доли своего народа, попали в тиски советской политической конъюнктуры в преддверии нарождающейся второй мировой войны. Свершившиеся в 30-ые годы перемены в национальной сфере явились закономерным итогом общего развития политических процессов в стране. Было сформировано общество тоталитарного типа с его стремлением к унификации политического и этнического многообразия. Как следствие, в принятой в 1937 году Конституции Чувашской АССР, положение о добровольности принципа федерации для автономных республик был исключен, каждая автономия объявлялась лишь неотъемлемой частью СССР.

Примечания

- ¹ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. 10-16 марта 1988 г.
- ² ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3796. Л. 84-114.
- ³ Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 5.
- ⁴ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3817. Л. 81-84.
- ⁵ Там же. Л. 84.
- ⁶ Сталин И.В. О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК 19 октября 1928 года // Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Москва, 1936. С. 307.
- ⁷ Сталин И.В. Заключительное слово по политотчету ЦК XVI съезду ВКП(б) // Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). С. 491.
- ⁸ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3817. Л. 91-97.
- ⁹ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3848. Л. 8-9.
- ¹⁰ История Чувашии. Новейший период. Книга 1 (1917-1945). Чебоксары, 2001. С. 175.
- ¹¹ Волков Д.Ф. Взлет и падение Сталина. Москва, 1992. С. 129.
- ¹² Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. 10 марта 1988 г.
- ¹³ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3849. Л. 4.
- ¹⁴ Там же. Л.19.
- ¹⁵ Там же. Л. 36.
- ¹⁶ Там же. Л. 38-40.
- ¹⁷ Таллеров П.П. Время выносит приговор. Чебоксары, 2000. С. 12-17.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3796. Л. 4.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3788. Л. 27-40.
- ²⁰ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3796. Л. 91.
- ²¹ Там же. Л. 95.
- ²² ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3815. Л. 1.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3804. Л. 188.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3815. Л. 24-40.
- ²⁵ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3842. Л. 39-42.
- ²⁶ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3803. Л. 48.
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3802. Л. 21.
- ²⁸ Волков Д.Ф. Взлет и падение Сталина. Указ соч. С. 113.
- ²⁹ История Чувашии. Новейший период. Книга 1 (1917-1945). Указ. соч. С.187.

О.В. Ершова

ПУТЬ И.Д. КУЗНЕЦОВА В БОЛЬШУЮ НАУКУ

Иван Данилович Кузнецов внес весомый вклад в изучение истории чувашского народа. Сегодня, когда исполняется 100 лет со дня рождения ученого, актуально, оглянувшись в прошлое, рассмотреть основные вехи его профессиональной подготовки.

Будущий историк родился в крестьянской семье 11 июня 1906 года в деревне Полевые Буртасы Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикский район Чувашской Республики). Родители его, будучи людьми грамотными, хорошо осознавали важность учения. «Кто гусиным пером владеет, тот нужду одолеет», - часто повторял отец¹. С шести лет Ваня Кузнецов стал учиться в церковно-приходской школе. Вспоминая об этом, историк писал: «Осенью 1912 года отец повел меня в школу и велел надеть валенки.

- А зачем валенки? Ведь сейчас не холодно...

- Как только пойдем к учителю, приподнимешься на цыпочки, в валенках не заметно. А то выглядишь ты низеньким, таких могут в школу и не принять, понял? – пояснил мне он.

- Ага, - ответил я... Мне недавно исполнилось 6 лет. Но в школу принимали только с 8 лет»².

После завершения церковно-приходской школы в 1916 году с похвальным листом Иван Кузнецов продолжил обучение в Яльчикском двухклассном училище. Жить и учиться вдаль от дома оказалось нелегко. Он вспоминал, что мать каждую субботу присылала и сама привозила каравай хлеба, ведро картошки³. В школу ходил в отцовской шубе, одновременно служившей ему матрацем.

«В учебе больше всего времени уходило на зубрежку ветхого и нового заветов катехизиса. Поп Долматов был строгим и не знал никаких других отметок, кроме 1 и 5. Математика давалась мне легко, я ее хорошо усвоил в первых классах. Но в грамматике разбирался плохо; тут был какой-то разрыв между программой четвертого и пятого классов»⁴.

Несмотря на материальные сложности и юные годы Кузнецов проявлял упорство и стремление учиться, во что бы то ни стало. Осенью 1917 года по совету односельчанина Егора Векова он решил поступать в Хорноварскую второклассную школу, по окончании которой можно было работать учителем. В связи с событиями, происходившими в стране в 1917 году, ученики жили ожиданием перемен и обсуждали вероятное переименование школы в Высшее народное училище. Но

продолжить в нем свое обучение Кузнецову не удалось. Вследствие тяжелой болезни он вернулся домой, где прожил до осени.

«Осенью я снова поехал учиться в Яльчики. Школа уже называлась Вышеначальным училищем. Под нее заняли дом бывшего земско-го начальника. Учила нас Анна Сергеевна. В 1919 году училище преобразовали в Единую трудовую Советскую школу II ступени, которая должна была давать образование не ниже гимназии – полное среднее. Я был переведен во 2-й класс»⁵.

Революционные изменения, произошедшие в стране, безусловно, повлияли и на жизнь будущего историка. В годы учебы в школе II ступени он познакомился с группой молодых агитаторов-коммунистов и комсомольцев. Под их влиянием 8 мая 1920 года в Яльчиках была создана комсомольская ячейка. В этот день в комсомол вступил и Иван Кузнецов. С этого момента он принимал самое активное участие в общественной работе, проводимой комсомолом. Участь на третьем курсе школы II ступени, юноша работал в Райкомле заведующим экономико-правовым отделом. После вхождения Яльчикского района в Ибресинский уезд Чувашской области, Кузнецов был назначен волостным организатором комсомола в Шимкусы (волкомол). В условиях страшного голода 1921 года, охватившего территорию Чувашии, шестнадцатилетнему юноше приходилось решать серьезные вопросы по обеспечению детей продовольствием. Он был назначен секретарем волостного комитета помощи голодающим (волпомгола) и секретарем волостной детской комиссии. За эти годы он приобрел огромный опыт общественной и административной работы и проявил себя как ответственный работник. Иногда Кузнецов не ел по несколько дней, а в столовых есть отказывался, чтобы не давать повода для обвинений в хищении детских продуктов⁶.

Летом 1922 года Ивана Даниловича назначили инструктором в Батыревский укомол, где он проработал до поступления по комсомольской путевке на Чувашский рабфак осенью 1923 года. Рабочие факультеты возникли в РСФСР как новый тип общеобразовательных учебных заведений для подготовки в вузы рабочих и крестьян, не имевших ранее возможности получить среднее образование. Чувашский рабфак был открыт 29 октября 1921 года в Чебоксарах⁷. За десять лет своей работы рабфак подготовил 12 выпусков. Многие выпускники продолжили обучение в вузах Москвы, Ленинграда, Казани и других городов.

Вспоминая об этом времени, И.Д. Кузнецов писал: «Рабфак дал мне весьма многое. В нем я не только получил прочное среднее образование, но и большую политическую зарядку. «От молота и сохи к высшему свету науки» - на всю жизнь врезался в память девиз рабфак-ковцев. Я учился и активно участвовал в общественной жизни: полит-

рук, председатель профкома, секретарь ячейки ВЛКСМ, член шефбюро, член горкома комсомола, член переводческой комиссии Обкома комсомола, кандидат в члены облпрофсовета, член Бюро Пролетарского студенчества... В рабфаке я стал активным юнкором газет. Писал не только в «Канаш», но и в московские молодежные и другие журналы, был корреспондентом «Крестьянской газеты». Был одним из организаторов, секретарем первого номера чувашской газеты «Голос молодежи»⁸.

Следующей ступенью образования И.Д. Кузнецова стал Институт Красной Профессуры (ИКП) – специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук, научных и партийных работников. Летом 1926 года И.Д. Кузнецов начал подготовку к вступительным экзаменам в институт, в ходе которой перевел на чувашский язык работу В.И. Ленина «О новой экономической политике» и опубликовал статьи на разные темы в периодической печати. Попастъ в ИКП было нелегко, тем более что для поступления необходим был трехлетний партийный стаж. Так как Иван Данилович состоял в партии к этому моменту только два года, обком послал в приемную комиссию ЦК специальное ходатайство, и он был допущен к экзаменам⁹. Успешно пройдя вступительные испытания, Кузнецов стал самым молодым икапистом.

После окончания подготовительного отделения института перед ним встал вопрос о выборе специальности: «Философ Ю. Милонов советовал мне идти на философское отделение. Профессор Поздняков похвально отозвался о моем семинарском докладе «Диалектика в «Капитале» Маркса» (считал возможным даже издать его брошюрой) и не сомневался, что я пойду на экономическое отделение. А математик Выгодский все время напоминал: «Тебе, Кузнецов, следует немедленно бросить ИКП и пойти на математический факультет университета!»¹⁰. Выбор истории сам И.Д. Кузнецов объяснял сложившейся к тому моменту ситуацией: «... на историческом фронте Чувашии орудовали бывшие эсеры-националисты, безбожно фальсифицируя подлинную историю и выставляя самих в качестве ветеранов революции, духовных вождей чувашского трудового народа»¹¹.

В стенах Института Красной Профессуры И.Д. Кузнецов сформировался как историк-марксист. Посещение лекций видных ученых он совмещал с работой в архивах. В 1928 году М.Н. Покровский одобрил результаты его научных поисков и план кандидатской диссертации на тему «Народы Волго-Сурья под гнетом царизма», после чего историк выявил в архивах значительное количество документов по истории чувашского народа XVII-XVIII веков. Параллельно он разрабатывал проблемы общероссийской истории, в частности, революции 1905-1907 годов. Научную деятельность Кузнецов совмещал с педагогической работой: «В 1929-1931 годах я работал доцентом в Коммунистиче-

ском университете имени Я.М. Свердлова, в Высших курсах марксизма ленинизма при ЦИК СССР, в ИМЗО ЦК партии»¹².

В 1931 году Иван Данилович Кузнецов окончил историческое отделение Института Красной Профессуры по группе историков народов СССР. Завершить диссертацию ему не удалось: «... при нас никто еще не кончил ИКП защитой диссертации»¹³.

Таким образом, формирование профессиональных наклонностей историка И.Д. Кузнецова, обладавшего от природы большими способностями и трудолюбием, относится к 20 – началу 30-х годов XX века. Будучи человеком активным, стремящимся совершенствовать свои знания и приносить пользу обществу, историк приступил в начале 30-х годов к своей профессиональной деятельности. Первый этап его научной работы продолжался до 1937 года. По мнению В.Д. Димитриева, научно-исследовательская деятельность И.Д. Кузнецова в 1929-1936 годах представляет собой целую стадию в развитии чувашской историографии¹⁴. Будучи практически единственным чувашским историком-марксистом в это время он разрабатывал разные проблемы истории Чувашского края и областной партийной организации.

Второй этап исследовательской деятельности И.Д. Кузнецова, начавшийся в 1956 году, характеризуется созданием крупных монографий и многочисленных статей по истории Чувашии. Научное наследие Ивана Даниловича представляет весомый вклад в чувашскую историографию и востребовано новыми поколениями историков.

Примечания

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Личный фонд И.Д. Кузнецова. Рукопись «Как это было». С. 35.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары, 1992. С. 35.

⁸ ГИА ЧР. Личный фонд И.Д. Кузнецова. Рукопись «Как это было». С. 100.

⁹ Там же. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 103.

¹¹ Там же. С. 103.

¹² Там же. С. 119.

¹³ Там же. С. 119.

¹⁴ Димитриев В.Д. Труды И.Д. Кузнецова по истории Чувашии (К 60-летию ученого) // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Вып. XXXI. С. 320-331.

О.А. Надикова

И.Д. КУЗНЕЦОВ – ЧЕЛОВЕК НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИИ

Жизнь выдающегося сына чувашского народа, видного деятеля национальной культуры, признанного ученого И.Д. Кузнецова совпала со временем ярких взлетов и тяжелых потрясений в истории нашей страны. На долю Ивана Даниловича в полной мере выпало и того, и другого. Для описания событийной канвы его жизни, перипетий его судьбы потребуются тома. В этом коротком материале хотелось бы остановиться на одном эпизоде, растянувшемся на года, чтобы преклониться перед мужеством и величием этого человека.

В стране царила атмосфера поисков «врагов народа», шли аресты безвинных людей. В январе 1937 г. И.Д. Кузнецов попал под подозрение в связях с троцкистами. Основанием для этого послужило то, что он в свое время проходил обучение в Институте Красной профессуры, созданном и руководимом Н.И. Бухариным. После прибытия в Чувашскую Республику уполномоченной Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.М. Сахьяновой у ученого отняли партбилет, предъявив обвинение в насаждении «врагов народа» в Педагогическом институте и других учреждениях культуры. М.М. Сахьянова всячески пыталась доказать его связь с «бухаринцем» Зайцевым¹ и то, что он является агентом бухаринской группы в Чебоксарах.

Хотя бюро Чувашского областного комитета партии опротестовало перед КПК ЦК ВКП(б) решение М.М. Сахьяновой, положение И.Д. Кузнецова оставалось сложным. Неожиданно была подвергнута аресту его жена – Иза Николаевна Кузнецова: ее, привлеченную в 1934 г., как владеющую в совершенстве немецким языком, к обслуживанию зарубежной делегации, подозревали в тайной переписке с подданными Австрии². Судьба И.Н. Кузнецовой сложилась трагично. Она бесследно исчезла в сталинских лагерях.

К разоблачению И.Д. Кузнецова как «троцкистско-бухаринского последыша» подключилась печать. Стала складываться гнетущая атмосфера: знакомые, сослуживцы по работе начали его сторониться. 29 ноября 1937 г. последовал арест³.

Находясь под следствием, И.Д. Кузнецов прошел все унижения и издевательства и, несмотря на это, вел изнурительную борьбу за свое

честное имя, отстаивал честь и достоинство известных людей республики, объявленных сталинским режимом «врагами народа». Поскольку он не шел на оговор себя и товарищей по партийной работе, его стали подвергать пытке бессонницей (обвиняемый допрашивался непрерывно в течение нескольких суток сменяющимися друг друга сотрудниками НКВД). Не добившим желаемого, следователи стали прибегать к мерам физического воздействия. В феврале 1941 г. ему был вынесен обвинительный приговор – восемь лет лишения свободы с поражением в гражданских правах на пять лет.

Свой срок И.Д. Кузнецов отбывал в расположенных в Коми АССР лагерях. Испытал все: голод, холод, побои, издевательства уголовников и лагерного начальства, болезни. Все его заявления с просьбой отправить на фронт остались без ответа⁴.

29 ноября 1945 г. истекли восемь лет заключения и И.Д. Кузнецов, лишенный на пять лет гражданских прав, был причислен в состав вольнонаемных служащих. По окончании срока ссылки продолжал трудиться на предприятиях Коми АССР, получил профессию инженера-экономиста. Вскоре после смерти И.В. Сталина Иван Данилович возобновил борьбу за возвращение честного имени. Решением Пленума Верховного Суда СССР от 8 апреля 1955 г. он был полностью реабилитирован – за отсутствием состава преступления.

Сегодня, перечитывая письма из архивного наследия И.Д. Кузнецова, можно сказать, что это было человек неиссякаемой энергии, о постигшей себя участи профессор рассказывает с болью, но без злобы.

Отрывок из письма И.Д. Кузнецова друзьям и близким (21 октября 1955 г.): «... решение послано 12.X в райком партии для ознакомления меня. Сегодня – 21.X. Меня вызвали в райком партии и дали на ознакомление. Решение таково: восстановить членом КПСС с X.1925 г., отметив перерыв с VI.37 по X.55 г. ... Мой тюремный стаж будет записан как стаж работы зав. кафедрой Чувашского ВПСШХ, а лагерный стаж, как стаж работы экономистом на Севере, т.е. как льготный стаж. Исключение из партии в 1937 г. никак не отмечается, так что никаких партвызисканий я никогда не имел. ... Итак, я снова в полноправных и активных рядах членов КПСС. С этим и решил поздравить вас всех, коль скоро вы сколько переживали мою участь. А все остальное теперь будет зависеть от того, насколько хватит моего здоровья, времени. ...»⁵.

Несмотря на все перенесенные тяготы судьбы И.Д. Кузнецова остался большим оптимистом, благодаря чему, вернувшись к своему привычному делу, достиг высочайших вершин в науке.

Примечания

¹ Зайцев Александр Данилович (1899-1938) – видный журналист, профессор в советское время; разделял взгляды Н.И. Бухарина. Расстрелян.

² Николаев Г.А. Профессор Иван Данилович Кузнецов и его воспоминания «Как это было» // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX-XX веках: Сб. ст. Чебоксары, 1996. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Из архивного наследия И.Д. Кузнецова // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX-XX веках: Сб. ст. Чебоксары, 1996. С. 71.

В.В. Тимофеев

КОМСОМОЛ В СУДЬБЕ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Даже не верится, что уже пятнадцать лет нет с нами этого замечательного человека, отдавшего свою юность комсомолу.

После октябрьских событий 1917 года волна перемен захлестнула всю страну, дошла она и до родной деревни юного Ивана Кузнецова Полевые Буртасы Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикский район Чувашской Республики). Несмотря на свой юный возраст, Иван Кузнецов душой и сердцем воспринял идеи новой власти. Куда бы его не забрасывала судьба в юношеские годы, везде и всюду он был комсомольским вожаком.

В 1916 году после испытательного экзамена он начал учиться в Яльчикском двухклассном училище. Его взгляды на молодежно-комсомольское движение начали формироваться не без влияния таких видных общественных деятелей того времени, как Мишши Сеспель - чувашский поэт и Павел Бекшанский - председатель Тетюшского Укома комсомола, которые активно участвовали в создании первых комсомольских ячеек. После создания в мае 1920 года в с. Яльчики комсомольской ячейки, туда записался и Иван Кузнецов. Через определенное время он и другие ее члены разъехались по сельским населенным пунктам, чтобы словом и делом помочь своим сверстникам и единомышленникам в создании союзов молодежи в своем округе.

Иван Кузнецов выбрал свою малую родину – Полевые Буртасы, где его, четырнадцатилетнего учащегося, и избрали секретарем комсомольской ячейки. Так началось первое комсомольское поручение Ивана Кузнецова. Вскоре он стал уездным инструктором комсомола. Здесь он работал на различных выборных должностях в комсомоле, активно участвуя в подавлении антисоветских крестьянских выступлений, принимая участие в организации помощи голодающим, он же бессменный участник добровольной пожарной дружины и т.д.

На заре советской власти на территории Чувашии, как и по всей стране, началась целенаправленная работа по подготовке к поступлению представителей рабочего класса и крестьянства в высшие учебные заведения. Выполняя распоряжения руководства советского государства, республиканские власти в 1921 году в столице Чувашии открывают рабфак. Не мог остаться в стороне от новых прогрессивных веяний и жаждающий получить знания Иван Кузнецов, который становится в ря-

ды рабфаковцев. Он здесь не только преуспевающий рабфаковец (пробует себя как начинающий журналист, писатель, переводчик, ученый), но и прежде всего комсомольский лидер – секретарь комсомольской ячейки Чувашрабфака. В 1925 году он становится членом Коммунистической партии. Как и все молодые коммунисты, он с жаром принимается за общественную работу: становится секретарем комсомольской организации первой чувашской коммунистической газеты «Ҫамрăк хресчен» («Молодой крестьянин»), членом Чебоксарского горкома КСМ.

После успешного завершения чувашского рабочего факультета перед И.Д. Кузнецовым появилась новая перспектива в развитии интеллектуального труда. Выдержав большой конкурс, он становится аспирантом Института красной профессуры (ИКП). И.Д. Кузнецов в этом учебном заведении не только общается с видными учеными и проводит занятия в вузах столицы, но и волею судьбы его избирают секретарем ячейки комсомола Института красной профессуры (кстати, Институт красной профессуры И.Д. Кузнецов закончил с отличием). Не только как аспирант ИКП, но и как лидер комсомольской организации этого учебного заведения по поручению Московского комитета ВКП(б) он агитирует крестьян Московской области всячески укреплять и развивать коллективные хозяйства на селе, часто выступает перед рабочими г. Москва с разъяснениями политики советского государства.

«Десять комсомольских лет... – вот она комсомольская школа, давшая мне путевку в жизнь», – гордо вспоминал ветеран партии и комсомола, видный историк-ученый И.Д. Кузнецов.

И.Д. Кузнецов особую заботу проявлял о тех молодых людях, которые только делали первые шаги в общественной жизни, эту заботу чувствовали и мы, лидеры комсомольской организации ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Даже будучи в преклонных годах, он с удовольствием делился своим богатым жизненным опытом со студенческой молодежью.

Иван Данилович Кузнецов жил, творчески работал и оставил свой неповторимый след в той стране и в той социально-экономической формации, которой уже не существует. С тех пор неузнаваемо изменилась социально-политическая ситуация в стране. И.Д. Кузнецов был отражением своей эпохи, он жил и творил во имя этой эпохи.

А.П. Данилов

**УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ,
СОВРЕМЕННОК И.Д. КУЗНЕЦОВА**
(Творческая деятельность Ивана Яковлевича Тенюшева)

В шестидесятых годах XX века в республике остро ощущалась нехватка национальных журналистских кадров. С открытием университета возникла идея готовить их в новом учебном заведении с первого же года его существования. Публицисту и писателю Ивану Яковлевичу Тенюшеву выпала интересная судьба, ему довелось стоять у истоков подготовки журналистских кадров в Чувашии. В ноябре 1967 г. по рекомендации правления Союза журналистов республики И.Я. Тенюшева пригласили на кафедру чувашского языка и литературы вести журналистские дисциплины. Так зародилась подготовка журналистских кадров в университете путем специализации. Начал он работу почасовиком, вскоре стал ассистентом, а впоследствии - старшим преподавателем и доцентом.

Скажем прямо, нелегко давалась ему работа по подготовке специалистов нового профиля, так как ни программ, ни учебных пособий по дисциплинам национальной журналистики тогда не было. Ночи напролет приходилось ему сидеть и корпеть над составлением конспектов лекций, циклов упражнений по дисциплинам специализации. Шаг за шагом им были разработаны курсы лекций по истории чувашской журналистики, основам журналистики, переводу газетных материалов с русского на чувашский язык, литературному редактированию и мастерству журналиста. Им также была продумана система прохождения студентами журналистской практики в средствах массовой информации в летнее каникулярное время. Труд практикантов ими оплачивался.

Подготовка журналистских кадров в университете осложнялась тем, что группа профессоров ставила палки в колеса. Они выдвинули ложную версию о том, что ведение журналистских дисциплин не углубляет, а мешает филологической подготовке студентов; сделали попытку свести на нет нужное дело путем перевода на факультативные начала даже постановлением бюро обкома КПСС. Однако удалось сохранить специализацию журналистских кадров в университете в первоначальном статусе. Во всех этих перипетиях преподаватель журналистики сумел проявить гибкость и напористость.

«Мне вообще везло в жизни, - рассказывает он сам. - На моем жизненном пути постоянно встречались настоящие друзья, которые охотно протягивали руку помощи. Такими оказались заведующие кафедрами член-корреспондент Академии педагогических наук, профессор М.Я. Сироткин, профессора И.Д. Кузнецов, И.И. Одюков, деканы профессор М.М. Михайлов, доцент В.Я. Канюков». В деле подготовки журналистских кадров во всем поддерживают наши усилия первый ректор университета, профессор С.Ф. Сайкин, ректор университета академик Л.П. Кураков.

В подготовке журналистских кадров доцент И.Я. Тенюшев считает главным правильный подбор контингента студентов. Журналистами становятся по призванию. Следовательно, у них, как и у поэтов, должно быть нечто данное богом, то есть определенный задаток в способностях, увлечение данным видом деятельности. Именно таких следует искать среди абитуриентов, среди творческой молодежи. Главное в судьбе молодого человека - сесть в свои сани. А о журналистах доцент судит так: они должны быть наблюдательными и вдумчивыми людьми, борцами за правду и справедливость, нести ответственность за все происходящее.

В первое время журналистские дисциплины преподавал в университете только И.Я. Тенюшев. С расширением подготовки журналистских кадров пригласили на почасовых началах вести практические занятия тогдашнего редактора газеты «Пионер сасси» Клима Сергеевича Сергеева, ответственного секретаря газеты «Коммунизм ялавё» Владимира Петровича Петрова. Через некоторое время удалось «переманить» из Казанского университета доцента Константина Константиновича Петрова. В течение первых 18 лет в университете путем специализации было подготовлено и направлено на работу по полученной профессии 150 журналистов, большинство из которых продолжает успешно трудиться в редакциях газет и журналов, на телевидении и радиовещании. Многие из них стали ведущими руководителями средств массовой информации. В числе таких назовем председателя ГТРК «Чувашия» Н.А. Григорьева, главного редактора флагамена чувашской печати - газеты «Хыпар» А.П. Леонтьева, редакторов газет «Чăваш ен» и «Хресчен сасси» И.И. Семенова и С.Л. Павлова, заместителя редактора газеты «Хресчен сасси» В.Н. Рыбкина, ответственных секретарей редакций газет «Советская Чувашия» и «Хыпар» В.И. Васильева и Т.В. Ильину, председателя правления Союза журналистов Чувашской Республики В.П. Комиссарова и многих других. Ряд выпускников уни-

верситета трудятся на ключевых должностях в чувашском телевидении и радиовещании (Т.В. Ильина, М.Н. Мареева, Л.Н. Сачкова, И.Н. Перов, Л.И. Ильин, Ю.А. Фролов), редакторами районных газет (Н.Д. Ларионов, А.И. Тихонов, В.Н. Константинов, Н.А. Порфирьев, И.А. Прокопьев, Ю.П. Листопад и др.). Пятеро выпускников продолжительное время находилось у руля вузовской газеты «Ульяновец». Приведенные факты красноречиво свидетельствуют о том, что подготовка журналистских кадров в университете велась и ведется на должном уровне.

Иван Яковлевич делом своей жизни по-прежнему считает журналистику и подготовку кадров для нее. Он продолжает работать доцентом факультета журналистики, ведет ответственные лекционные и практические курсы: историю чувашской и русской журналистики, литературное редактирование и книгоиздательское дело.

Родился И.Я. Тенюшев 19 января 1923 года в селе Алманчикове Батыревского района Чувашской Республики в крестьянской семье. В Великую Отечественную войну он вместе со своими ровесниками надел серую солдатскую шинель. Признаться, оказался счастливее многих. Из парней 1923 года рождения девяносто девять из ста остались лежать на полях сражений. Был трижды ранен, однако находил силы снова воспрянуть духом. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 степени, медалями. Удостоился личной благодарности маршала И.С. Конева.

Бывший воин в 1955 г. окончил Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева и отделение журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС в 1964 г. Кандидатскую диссертацию по теме «Литературно-публицистическая деятельность чувашского просветителя И.Я. Яковлева» защитил во Львовском государственном университете им. Ивана Франко. В соответствии с полученным образованием работал ответственным секретарем редакции районной газеты, редактором районной газеты, редактором комсомольско-молодежной газеты Чувашии, заведующим отделом редакции республиканской газеты «Коммунизм ялаве», заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Чувашского обкома КПСС. Ему довелось принимать самое активное участие в возрождении газеты «Пионер сасси», в создании библиотечки «Капкана» и всечувашской газеты «Вучах» и быть главным редактором последней. В течение десяти лет возглавлял университет общественных корреспондентов республики в качестве его ректора.

После выхода на пенсию продолжал работу на должностях редактора и старшего редактора в Чувашском книжном издательстве. Одновременно перешел в бизнес - организовал Производственно-издательское и торговое малое предприятие «Булгар». Кроме того, он имеет личный патент на печатную продукцию. Выпущена им и его малым предприятием 21 книга, много другой печатной продукции. К ним следует отнести книги «Рецепты народной медицины», «Там, где жил и воевал В.И. Чапаев», «Рассказы о животных», «Чудо природы - грибы» и др.

Известно, сегодня книгоиздание не всегда является прибыльным бизнесом, но альтернативное издательство используется им как творческая студия студентов-журналистов. В данное время они готовят книгу «Мечты и разочарования предпринимателей». Осуществлен выпуск книги об агрофирме им. Ленина Батыревского района.

К творческой литературной деятельности приобщился с 1946 г. опубликованием в журнале «Ялав» рассказа «Тавáру» (Месть). С тех пор он постоянно выступает в печати с публицистическими, литературоведческими и художественными произведениями. Им опубликовано 14 книг.

Свои основные научные труды он посвятил истории и теории чувашской журналистики, анализу публицистической деятельности тех или иных деятелей чувашской культуры. К ним относятся: «Роль стеной печати в организации и воспитании детского коллектива» (1959), «Радио - важная форма партийной пропаганды» (1960), «Чувашский праздник учюк» (в показе И.Я. Яковлевым, 1971), «У истоков письменности» (1971), «При братской помощи» (1973), «Такой статьи не было» (1974), «Литературно-публицистическая деятельность чувашского просветителя И.Я. Яковлева» (1980), «Журналистская практика. Программы и методические указания по учебной и производственной практике студентов отделения чувашского языка и литературы» (1983), «Массовые рейды рабочих и сельских корреспондентов в Чувашии» (1983), «Оружием публициста» (О публицистической деятельности чувашского народного поэта Я.Г. Ухсая, 1984), «Незабываемые встречи» (О литературно-публицистическом творчестве И.Н. Никифорова-Яндаша, 1984), «В поисках нового» (О научной деятельности К.К. Петрова, 1984), «Он звал к борьбе» (О творчестве журналиста и писателя Д.А. Деомидова, 1986), «Завещание известного писателя» (О творчестве В.З. Иванова-Паймена, 1987), «Первые чувашские публицисты» (1987), «И.Я. Яковлев-публицист» (1980), «Пиши да умеючи»

(1988), совместно с А.П. Павловым «Чувашскому книжному издательству - 70 лет» (1990), «Чувашскому книжному издательству - 75 лет» (1995). Им также написаны и опубликованы книги «Ял Советёнче» (В сельском Совете, 1958), «Из опыта работы школьной парторганизации» (в соавторстве с В.Н. Николаевым, 1961), «Организация самостоятельной работы студентов» (в соавторстве с другими учеными, 1984) и др. Указанные его труды опубликованы отдельными книгами или в сборниках и журналах.

И.Я. Тенюшев причастен к переводческой работе. Лучшими переводными книгами его являются трилогия Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», Н. Котыша «Чайка». В газетах и журналах постоянно публикуются художественные произведения Ивана Яковлевича. Их сборник был издан в 1956 году под названием «Сыхман ҫапă шăпăр мар» (Рыба в реке - не в руке). Однако опубликованные рассказы и очерки пока еще так и не воплотились в отдельный сборник. В 1994 году читатели с большим интересом встретили его роман «Вёсем виҫсён ҫеҫ юлчёҫ» (Их оставалось только трое). Кстати, это издание было раскуплено буквально в несколько недель. Автор находит время и для продолжения писательской деятельности. Он подошел к завершению подготовки к печати сборника исторических легенд. Дописывает вторую книгу романа «Их оставалось только трое», где ведется повествование о боевых буднях солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны. Как всегда богата творческая деятельность И.Я. Тенюшева в текущем году. Готова первая часть учебного пособия «Зарождение и развитие чувашской публицистики и журналистики». Усиленно ведет он работу над второй книгой. В журналах «Ялав», «Таван Атӑл» и сборнике научных трудов выступил с тремя статьями по вопросам публицистической и просветительной деятельности И.Я. Яковлева. По вопросам истории и теории публицистики опубликовал четыре статьи в республиканских газетах. Пишет как на родном, так и на русском языках. В дни празднования 150-летия со дня рождения И.Я. Яковлева выступил на научно-практических конференциях в Чебоксарах, Ульяновске, Батыреве и Цивильске с пятью докладами с показом просветительной деятельности патриарха чувашской культуры в современной прессе.

На факультете журналистики доцент И.Я. Тенюшев пользуется уважением как студентов, так и своих коллег. Он добросовестно исполняет обязанности председателя Совета ветеранов университета, заместителя декана по научной работе, ученого секретаря Совета фа-

культета и куратора группы. Он не ограничивается тем, что неустанно ведет научную работу, к этому делу вовлекает студентов факультета.

И.Я. Тенюшев награжден Грамотой Академии педагогических наук РСФСР, Почетной грамотой Президиума Центрального Комитета профсоюза работников культуры, Почетной грамотой обкома КПСС и Совета Министров ЧАССР, Почетной грамотой Союза журналистов СССР. В 1987 году удостоился получения ежегодной журналистской премии им. С.В. Эльгера. Многолетний плодотворный труд своего земляка по воспитанию молодого поколения алманчиковцы отметили присвоением ему звания Почетного гражданина села. Совсем недавно Указом Президента Чувашии от 17 февраля 1998 г. И.Я. Тенюшеву присвоено звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики».

Иван Яковлевич является членом Союза журналистов Чувашской Республики, принят в члены Союза писателей России. Неумоимо ведет он разностороннюю, многогранную творческую деятельность. Значительному кругу читателей он известен как журналист-публицист, писатель-романист и исследователь-ученый. Его отличают завидное трудолюбие, внутренняя дисциплина и постоянное стремление к поискам. Много сил и энергии он отдает благородному делу воспитания молодого поколения, подготовке журналистских кадров, изучению истории и теории чувашской журналистики.

Ю.А. Богомазова

ЛЮДИ И СУДЬБЫ В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ
(По воспоминаниям И.Д. Кузнецова «Как это было»)

Кузнецов Иван Данилович (1906 - 1991 гг.) – выдающийся ученый, крупный и талантливый историк, литературовед, публицист и журналист, редактор, педагог, профессор, принципиальный человек. Он оставил яркий след в истории нашего края. Об этом свидетельствуют его труды, общественно-политическая и педагогическая деятельность. На его долю выпало столько испытаний, что с лихвой хватило бы на несколько жизней.

Биография неутомимого исследователя, его научная деятельность получили отражение в многочисленных статьях и очерках¹. Удачным дополнением к ним являются отрывки из воспоминаний самого И.Д. Кузнецова «Как это было», написанные им в 1963 г., вскоре после полной его реабилитации, когда с него было снято позорное клеймо «врага народа».

В своих мемуарах ученый рассказал о восемнадцати отнятых у него сталинским режимом годах – незаконном аресте, предъявленных ему чудовищных обвинениях, пребывании в лагерях, ссылке². В них наглядно передана обстановка той поры и обрисована та реальная картина, в которой фабриковались дела о «врагах народа», «вредителях и шпионах», «буржуазных националистах» и т.д.³ Он не просто свидетель, который по воле случая мог видеть грубейшие нарушения социалистической законности, но человек, испытавший их на себе, долгие годы живший только надеждой, что правда, справедливость рано или поздно восторжествуют.

На Февральском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. Сталиным было заявлено, что «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств... задела в той или иной степени все или почти все наши организации как хозяйственные, так и административные и партийные». Так были обоснованы массовые репрессии тех лет. Политическая бдительность при этом вырождалась в подозрительность, в недоверие к местным руководящим партийно-советским и хозяйственным работникам. Малейшие ошибки и упущения расценивались как вредительство или диверсия. Карьеристы, всякого рода нечистоплотные люди, да и подлинные враги Советской власти под флагом критики и бдительности занялись клеветой на безвинных работников.

В этой обстановке в 1937-1938 гг. и в Чувашии проходили необоснованные репрессии, невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные. Руководящий актив Чувашской АССР подвергся ежовско-бериевскому погрому (как «антисоветский, правотроцкистский, буржуазно-националистический, террористический центр»⁴).

Сам И.Д. Кузнецов в мае 1937 г. по ложным доносам обвиняется в антипартийных делах⁵, который ему предъявила уполномоченная комиссия партийного контроля М.М. Сахьянова⁶, обвинив его также в насаждении «врагов народа» в Педагогическом институте и других учреждениях культуры. Примечательно, что незадолго до этого обвинения И.Д. Кузнецов на собрании городского партийного актива серьезно поспорил с ней. Впоследствии, в Москве специальная комиссия, рассмотрев его персональное дело, решила, что нет оснований для исключения И.Д. Кузнецова из партии, но вопрос остался открытым до выяснения истины о его жене. А 29 ноября 1937 г. последовал его арест.

Под судом и следствием И.Д. Кузнецов пробыл до февраля 1941 г. Все это время он ведет изнурительную борьбу за свое честное имя, отстаивает честь и достоинство известных людей республики, объявленных сталинским режимом «врагами народа». В воспоминаниях И.Д. Кузнецова ненавязчиво прослеживаются судьбы десятков лиц, кому выпала горькая доля быть виновным без вины: С.П. Петров⁷, В.И. Токсин⁸, Я.А. Андреев⁹, А.Н. Никитин¹⁰, А.В. Васильев¹¹, П.Ф. Юрьев¹², Е.С. Чернов¹³, П.П. Хузангай¹⁴ и другие, которые были арестованы и осуждены в 1937-1938 гг. Остановимся подробнее на судьбах некоторых из тех людей, с кем И.Д. Кузнецову пришлось бороться за справедливость и о ком он пишет в своих воспоминаниях «Как это было».

В середине декабря 1937 г. И.Д. Кузнецова из Чебоксарской городской тюрьмы перевозят тюрьму НКВД, где ему было предъявлено обвинение по статье 58 п. 10-11 уголовного кодекса и начинаются его допросы. В камере от других заключенных он узнает, что одними из первых, еще весной сюда привезли Ем.З. Захарова¹⁵, Т.М. Матвеева¹⁶, П.И. Тимофеева¹⁷, С.С. Кутяшева (директора Пединститута) и некоторых других. После одного из допросов, на котором следователь Савин стремился выбить из него признание в контрреволюционной деятельности, Иван Данилович был посажен в холодный карцер. Там на стене остались нацарапанные слова: «Говорите только правду, только прав-

ду, иначе гибель!». По почерку он узнал автора этих строк – это был Г.М. Титов¹⁸, знакомый ему еще с комсомольских лет.

На следующем допросе от И.Д. Кузнецова следователь стал добиваться показаний о «вражеской деятельности» В.И. Токсина, Ф.М. Зефирова, А.Х. Харитоновы и других недавних руководящих работников республики, которые также находились под следствием. Не добившись от него показаний, Савин перевел И.Д. Кузнецова в горячий карцер, где уже находилось пять-шесть человек. Здесь он встретился с А.И. Золотовым¹⁹, который уже долгое время болел туберкулезом. Иван Данилович писал, что «особую досаду он испытывал за Аркадия Ивановича». Он, в 1918 г., еще несовершеннолетним юношей пошел добровольцем против белогвардейцев, имел ранение, а затем непрестанно работал, то налаживая республиканскую газету, то радио, то дела союза писателей, дела всего чувашского искусства. Много труда вложил он и в дело издания произведений В.И. Ленина на чувашском языке как переводчик. Золотова (да и Кузнецова, поскольку он как завкультпроп отвечал за переводы) обвинили в умышленном протаскивании троцкистской формулы о «диктатуре партии», так как он при переводе одного сложного предложения в «Вопросах Ленинизма» Сталина допустил одну нечеткую формулировку: по переводу можно было понять и как «диктатуру пролетариата» и как «диктатуру партии»²⁰.

И.Д. Кузнецова поражало и огорчало то, что кое-кто из его товарищей не выдержали нажима следователей и подписали чудовищно лживые показания против себя и против многих других. Раньше всех сдались бывший секретарь Горкома партии Ф.М. Зефирова и бывший народный комиссар финансов ЧАССР А.И. Марков. Они подписали показания, что занимались контрреволюционной деятельностью под руководством первого секретаря Обкома С.П. Петрова, который якобы и возглавлял в Чувашии контрреволюционный правотроцкистский, националистический центр. Затем в состав этого центра попал весь областной партийно-советский актив. Но ему было трудно и даже грешно осуждать людей, погибших в лагере. К тому же, «показания» были добыты путем насилия, шантажа, психологического давления. Следователи доводили арестованного до состояния безразличия, сходного с невменяемостью, и добивались своего.

Затем следствие наслело на бывшего предсовнаркома В.И. Токсина и второго секретаря и на других, вызывая на очные ставки Зефирова и Мар-

кова. Токсин вскоре был доведен до сумасшествия и отправлен в Казанскую психиатричку, но через некоторое время его вернули оттуда²¹.

Обвинению и арестам подверглись также и Н.И. Шелеби²², П.П. Хузангай, К. Грасис²³, В.И. Краснов-Асли²⁴. В свою очередь, на одном из допросов И.Д. Кузнецов был обвинен в том, что дал звание народного поэта «националисту» Шелеби, разрешил продажу «националистических книжек» Хузангаю, возобновил издание словаря Ашмарина, в котором было «полно националистической галиматши», поручил «троцкисту» К. Грасису написать воспоминания о 1917 г.²⁵ Тут же от следователя он узнает, что С.С. Кутяшев, Ем.З. Захаров, В.И. Краснов-Асли и некоторые другие заключенные «честно» признались, что вели под его «крылышком враждебную деятельность» и разоблачали его. Но на всем продолжении следствия он стремился обосновать правильность своих действий в отношении этих лиц и доказать их невиновность.

После 12-13 бессонных ночей, проведенных у следователя, И.Д. Кузнецов был помещен в камеру, в которой сидели А.И. Марков и П.П. Хузангай, а на следующий день к ним впустили председателя Центрального совета Осоавиахима Чувашской АССР М.Т. Ермакова²⁶. Он рассказал, что его 18 суток подряд держали на допросах по стойке «смирно». Три следователя по очереди допрашивали его непрерывно и под конец у него начались галлюцинации, так что он уже не помнил, что делал и что подписал. Требовали же от него одного – рассказать, как готовилось в Чувашии восстание, по чьему заданию и при чьей помощи.

Через несколько дней И.Д. Кузнецов был вызван на очную ставку с А.П. Прокопьевым–Милли. Этого человека он знал давно и был с ним давним идейным противником, в связи с тем, что еще «будучи редактором эсеровской газеты «Хыпар» в 1917 г. Милли клеветал на большевиков, на Ленина, называя его немецким шпионом»²⁷. Милли подтвердил, что И.Д. Кузнецов занимался контрреволюционной деятельностью и дал письменные показания на 150 машинописных страницах. По тексту и оформлению было видно, что он писал свое показание не одну неделю, имея под руками книги, брошюры и даже журнальные статьи И.Д. Кузнецова.

В нем излагалось, прежде всего, обвинение в том, что И.Д. Кузнецов якобы являлся учеником «школы Покровского», извращенно освещал историческую роль Ивана Грозного, затем и Петра I,

смазывая прогрессивное значение их деятельности. Во-вторых, Милли обвинял его в симпатии и султангалиевщине, а значит, и к пантюркизму, если считал, что чувашаи по происхождению родственны с казанскими татарами. В-третьих, он излагал, что И.Д. Кузнецов в сборнике документов «Национальное движение в период первой революции в России» явно нарочно умалчивает роль Сталина в первой революции, ограничиваясь ничем не говорящими словами о революционной активности крестьян Гурии и о деятельности закавказских социал-демократических организаций. Да и в «Письме чувашского народа к Сталину», которое не могло быть составлено без самого Кузнецова, имелась антисоветская контрабанда. В нем восхвалялся Тухачевский как полководец, освободивший Чувашию от чехословаков, - писал он²⁸.

Вскоре И.Д. Кузнецов был вновь переведен в другую камеру, где сидели: бывший председатель облсовпрофа Г.О. Осипов²⁹, бывший инструктор обкома А.И. Сарра и бывший секретарь обкома комсомола, а в последнее время – зам. председателя Совнаркома Ф.А. Матвеев³⁰. Обстановка в камере была гнетущая, каждый думал о том, что ждет его завтра на новом допросе, выдержит ли он и не сломается ли под гнетом новых избиений и издевательств. На одном из таких допросов И.Д. Кузнецов, доведенный до бредового состояния, признал себя состоящим в нелегальной организации во главе с Петровым. После этого допросы прекратились и он был перевезен в Цивильскую тюрьму, где сидели бывший нарком юстиции ЧАССР В.В. Анчиков и управляющий делами Совнаркома ЧАССР М.А. Афиногенов. Но через три дня его вновь вернули в подвал здания НКВД. Из соседней камеры им передали, что привезли С.П. Петрова.

Летом 1939 г. начались судебные процессы. Первое судебное слушание прошло по делу А.И. Сарра, на котором с него были сняты все обвинения. Затем состоялось слушание по делу П.П. Хузангая, на который И.Д. Кузнецов был вызван как свидетель. Процесс продолжался три дня и на каждом заседании суд требовал его присутствия. По ходу дела, по серьезному, тщательному его ведению было видно, что Хузангай будет оправдан. Освобождение Хузангая вселяло в заключенных уверенность, что суд и их дело разберет так же справедливо.

Затем И.Д. Кузнецов был вызван свидетелем на судебный процесс «сельхозвредителей». Процесс был закрытым, и кроме 20-25 подсудимых в зале никого не было. На скамье подсудимых были работники Наркомзема - нарком А.В. Васильев, заведующий сельхозотделом об-

кома Н.Ф. Юрьев, уполкомзаг И.Я. Морозов, секретари райкомов партии и председатели райисполкомов. И.Д. Кузнецов дал многим из них персональную характеристику, отметив их неусыпную и неустанную работу, «благодаря которой укреплялись наши колхозы, как большевистские, а колхозники начали давать высокие урожаи, жить зажиточно, культурно, сознавая свой долг перед Родиной, как настоящие строители социализма»³¹.

Вскоре после этого в камере И.Д. Кузнецов узнал, что трое из этих подсудимых (Юрьев, Васильев, Морозов) приговорены к расстрелу, многие из них получили срок от 5 до 25 лет, кого-то оправдали, а кому-то изменили статьи обвинения с 58-й на статью, обвиняющую в должностных преступлениях.

Ровно через два года со дня ареста И.Д. Кузнецову было предъявлено обвинительное заключение по его делу и то обрывочно. Согласно этому заключению, «перед судом предстал «подпольный контрреволюционный правотроцкистский, националистический террористический центр», обвиняемый по 2, 7, 8, 10-11 пунктам 58-й статьи уголовного кодекса РСФСР, т.е. шайка, которая ставила своей целью отторжение Чувашии от СССР путем вооруженного восстания, проводила широкую вредительскую деятельность во всех областях хозяйственного и культурного строительства, разделяла террористические взгляды, вела контрреволюционную пропаганду»³².

На следующий день состоялось короткое судебное заседание. Процессом руководила выездная коллегия Приволжского Военного Трибунала. На скамье подсудимых никого не было, заслушивали лишь одного И.Д. Кузнецова. Перед судом он заявил, что отказывается признать себя виновным в представленном ему обвинении, т.к. дал эти показания под принуждением.

Через три дня состоялось новое заседание. На скамьях подсудимых сидело около 15 человек, в том числе: С.П. Петров, В.И. Токсин, Я.А. Андреев, Г.И. Иванов³³, М.Т. Ермаков, Т.П. Хрисанфов, Е.С. Чернов, его брат С.С. Чернов (наркомснаб), А.С. Сымокин (секретарь Обкома комсомола), Ф.М. Зефирин, А.Х. Харитонов (секретарь ЦИК), А.Я. Яковлев (заместитель председателя СНК). Председателя ЦИК А.Н. Никитина не было - он лежал в тюремной больнице.

Главным свидетелем обвинения был вызван Прокопьев-Милли, который в своей речи еще раз подтвердил данные им ранее показания о

недооценке И.Д. Кузнецовым во всех его книгах и статьях по истории роли Сталина, о его связях с бухаринцами и с троцкистами и о том, что тот руководил идеологическим фронтом, спекулируя на пустяковых ошибках писателей и историков, раздувая их³⁴.

Приговор был суда кратким, но ошеломляющим: по п. 8 ст. 58 УК РСФСР через ст. 16-17 УПК оказались осуждены все до единого, кроме отсутствовавшего по болезни А.Н. Никитина. Пятерых (С.П. Петрова, В.И. Токсина, Я.А. Андреева, Г.И. Иванова и М.Т. Ермакова) – к расстрелу, несколько человек к лишению свободы на срок 15-25 лет, и, наконец, группу подсудимых – к лишению свободы на 10 лет с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией всего лично каждому принадлежащего имущества (в числе последних был и И.Д. Кузнецов).

Осужденные на 10 лет - И.Д. Кузнецов, Е.С. Чернов, Т.П. Хрисанфов и А.С. Сымокин – находились в одной камере и просидели вместе с декабря 1939 г. до октября 1940 г. вместе. Ровно 300 дней просидели тот же срок пять человек в смертной камере, ожидая с минуты на минуту, особенно по ночам, вывода на расстрел.

Всеми осужденными были написаны кассационные жалобы на имя Верховного суда СССР с просьбой тщательно изучить обстоятельства их дела, и оно было возвращено на дорасследование. В конце 1940 г. И.Д. Кузнецова вновь после долгого перерыва вызывали на допрос, после которого ему предъявили стенограмму этого допроса. В ней от лица И.Д. Кузнецова говорилось, что в Чувашии существовала контрреволюционная организация, но на судебном процессе обвиняемые, боясь за содеянное, отказались говорить об этом суду³⁵. В ответ на отказ И.Д. Кузнецова подписать эти ложные показания он был подвергнут жестоким избиениям. После этого его на допросы больше не вызывали.

В начале февраля 1941 г. ему было предъявлено длинное обвинительное заключение. Были выставлены те же пункты обвинения, было выброшено только «Отторжение Чувашии от СССР», ничего внятного не говорилось и о восстании. Сокращен был список привлекаемых по делу, из группы «сельхозвредителей» к ним приобщили одного А.В. Васильева. П.Ф. Юрьев уже умер в камере.

На другой день начался, как и в первый раз, закрытый процесс в здании НКВД. Выездная сессия Военного Трибунала ПРИВО прибыла в новом составе. На скамье подсудимых сидели: С.П. Петров, В.И. Токсин, И.Д. Кузнецов, Г.И. Иванов, Я.А. Андреев, Е.С. Чернов,

А.В. Васильев, А.С. Сымокин. А.Н. Никитина не было, он числился за тюремной больницей. Суд спросил всех подсудимых и никто, кроме Андреева, не признал себя виновным. В качестве свидетеля со стороны обвинения вновь был вызван Милли. Со стороны защиты были приглашены А.И. Золотов, который подтвердил непричастность И.Д. Кузнецова к ошибочной формулировке в переводе «Вопросов Ленинизма», а также Д. Ивлев, бывший заместитель председателя Горьковского крайисполкома Л.С. Спасов.

Были зачитаны выдержки из показаний бывшего наркома внутренних дел Чувашии А.И. Розанова, который арестовал их и бывшего (после С.П. Петрова) секретаря обкома Гер. Иванова³⁶. Они были арестованы в Москве решением военной коллегии Верховного суда и оставили показание, что признают себя виновными в том, что состояли в той же контрреволюционной организации, которую якобы возглавлял С.П. Петров, а потому умышленно затягивали следствие по делу этой организации.

В приговоре Военного трибунала из 12 страниц, 10 было посвящено оправданию, с тщательным обоснованием, по п.п. 2, 7, 8 ст. 58 УК РСФСР. Но оставлены пп. 10-11, т.е. обвинение в групповой контрреволюционной агитации. Суд признал виновниками всех, кроме А.В. Васильева. Виновными в том, что они опубликовали некролог на смерть Д.С. Эльменя, «восхваляя врага народа». Кроме того, С.П. Петрову были приписаны обвинения в вождизме. Гр.И. Иванова суд признал неподсудным, т.к. он еще ранее был осужден особым совещанием НКВД к 10 годам содержания в лагере. С.П. Петрова, Я.А. Андреева, В.И. Токсина военный трибунал приговорил к 10 годам лишения свободы, а И.Д. Кузнецова и Е.С. Чернова – к 8 годам с лишением в правах на 5 лет, но уже без конфискации имущества. А.В. Васильев был полностью оправдан.

Сразу же после суда И.Д. Кузнецова вместе с С.П. Петровым, Я.А. Андреевым и В.И. Токсиным, перевезли в Цивильскую тюрьму и поместили в одной камере. В тот же день была написана кассационная жалоба. Просидели они в ожидании ответа из Москвы долго, вплоть до нападения Гитлера на СССР, а летом 1941 г. И.Д. Кузнецов был отправлен на север, где он прожил в изоляции, лишенный возможности творчески трудиться вплоть до полной реабилитации за отсутствием состава преступления в 1955 г.

Примечания

¹ Дмитриев В.Д. Труды И.Д. Кузнецова по истории Чувашии (к 60-летию ученого) // Исторический сборник: Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. XXXI. С. 320-331; Денисов П.В., Дмитриев В.Д., Долгов В.А. Иван Данилович Кузнецов // История Чувашской ЛССР: Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. LXVIII. С. 5-18; Егоров Н.Е. С неумной жадой познания: (И.Д. Кузнецов) // Они боролись за счастье народное. Чебоксары, 1985. Вып. 3. С. 321-325; Тенюшев И.Я. Трудная дорога к большому счастью // Ульяновец, 1976, 9 июня; Иванов Н.И. Комсомольская юность ученого (Профессору И.Д. Кузнецову - 80 лет) // Молодой коммунист, 1986, 26 июня и др.

² Кузнецов И. Синкерлѣ кунсем // Ялав (Знамя), 1988, № 7. С. 8-12; № 8. С. 26-29; № 9. С. 19-21; № 10. С. 10-13; № 11. С. 24-27; Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 10 марта; 11 марта; 12 марта; 13 марта; 15 марта.

³ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. 1988. 10 марта.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Сахъянова М.М. Родилась в 1896 г. в Бурятии. В партию большевиков вступила в 1916 г. Была секретарем Иркутского комитета ВКП(б), секретарем Бурят-монгольского обкома, ответственным секретаре окружного обкома партии, инструктором ЦК ВКП(б). В 1934-1936 гг. работала в аппарате ЦК при ЦК ВКП(б) по Чувашской АССР. В последующие годы работала и жила в Москве и Бурятии.

⁷ Петров С.П. (1889-1942) – член партии с 1917 г. С 1919 по 1923 гг. находился в рядах Красной Армии. В конце 1923 г. отозван на партийную работу. Был секретарем Центрального райкома партии Самары, затем секретарем Бугурусланского укома. В 1926 г. учился на курсах партийных работников в Москве, затем ЦК ВКП(б) направляет его в Чувашскую областную партийную организацию для укрепления ее руководства. В сентябре 1926 г. С.П. Петров избирается первым секретарем Чувашского обкома партии и в течение одиннадцати с лишним лет возглавляет областную парторганизацию. В 1935 г. награжден орденом Ленина. Был делегатом XIV, XV, XVI, XVII съездов, XV и XVI конференций ВКП(б), участвовал в работе V, VI и VIII Всесоюзных съездах Советов, избирался членом ЦИК СССР и ЦИК Чувашской АССР. В октябре 1979 г., в день его девяностолетия, С.П. Петров занесен в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (посмертно).

⁸ Токсин В.И. (1899-1942) один из активных и видных руководящих партийных и советских работников республики. Член партии с 1919 г. Участвовал в разгроме войск Юденича. С мая 1920 г. служил в политотделе Реввоенсовета.

В 1921-1924 гг. учился в Коммунистическом университете имени Свердлова в Москве. Затем работал в совпартшколе, заведующим отделом обкома партии (1924-1928 гг.), заместителем народного комиссара земледелия, народным комиссаром финансов республики. С марта 1932 по июль 1937 г. – председатель Совета Народных Комиссаров Чувашской АССР. Делегат XVII съезда ВКП(б).

⁹ **Андреев Я.А.** (1888-1976) – член партии с 1919 г. Организатор Яльчикской районной парторганизации (1920 г.). Работал ответственным секретарем Тетюшского укома, инструктором Татарского обкома ВКП(б). С 1927 г. – инструктор Чувашского обкома партии, с 1928 г. – секретарь Чебоксарского горкома ВКП(б), с 1929 г. – ответственный секретарь партколлегии Чувашской областной контрольной комиссии, заведующий организационным отделом обкома партии. В 1932-1937 гг. работал вторым секретарем обкома ВКП(б).

¹⁰ **Никитин А.Н.** (1892-1942) - активный партийный и советский работник, государственный деятель. Окончил городское училище, работал учителем начальной школы. После Февральской революции избирался в органы земства, был делегатом Первого Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Участвовал в создании местных органов Советской власти. Член РКП(б) с октября 1918 г. Заведующий отделами Цивильского уисполкома, заместитель председателя исполкома уездного Совета (1919-1922 гг.). В годы борьбы с голодом и его последствиями работал уполномоченным чувашского представительства при ВЦИК. В 1922-25 - зав. отд. управления и зам. пред. облисполкома, в 1925-1927 гг. - наркомом просвещения, в 1927-1929 гг. - секретарь ЦИК Чувашии. С марта 1929 по октябрь 1937 г. – председатель ЦИК Чувашской АССР. Был репрессирован, умер в тюремной больнице, реабилитирован в 1956 г.

¹¹ **Васильев А.В.** (1897-1983) – член партии с 1923 г. Участник гражданской войны. Ответственный секретарь Батыревского укома (с марта 1926 г.), заведующий отделом по работе в деревне обкома партии (с июня 1928 г.), редактор республиканской газеты «Канаш» (с июня 1929 г.), нарком земледелия Чувашской АССР (1932-1939 гг.), заместитель председателя ЦИК республики (с августа 1937 г.). С 50-х годов до ухода на пенсию (1964 г.) работал в Министерстве сельского хозяйства республики: начальником конторы пчеловодства, заведующим отделом землепользования и землеустройства, главным агрономом по садоводству.

¹² **Юрьев П.Ф.** - член партии с января 1920 г. Был заведующим сельскохозяйственным отделом Чувашского обкома ВКП(б). В момент ареста – нарком земледелия республики (после Васильева). Скончался в тюрьме в 1940 г. Реабилитирован в ноябре 1956 г.

¹³ **Чернов Е.С.** (1898-1965) – член партии с 1919 г. Участник гражданской войны. Секретарь Ядринской районной парторганизации, секретарь Чебоксарского укома партии. В 1929 г. назначен заведующим агитропотделом Чуваш-

ского обкома ВКП(б). С ноября 1930 г. – народный комиссар просвещения (до июня 1937 г.).

¹⁴ **Хузангай П.П.** (1907–1970) – поэт, переводчик, общественный деятель. Член СП СССР (1934 г.). Окончил литературный институт им. А.М. Горького (1957 г.). Арестован по обвинению в национализме в январе 1938 г. Освобожден по решению суда (август 1939 г.). Участник Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.). Народный поэт Чувашской АССР (1950 г.), лауреат Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова (1967 г.), премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля (1969 г.). Награжден орденами Трудового Красного Знамени (дважды), Красной Звезды, медалями. Занесен в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1967 г.).

¹⁵ **Захаров Ем.З.** (лит. псевд. Маден) (1893–1941) – чувашский литературовед, критик, лингвист, педагог. Член СП СССР (1934 г.). Окончил словесно-историческое отделение Петроградской духовной академии (1917 г.), аспирантуру НИИ этнических и национальных культур народов Востока при РАНИОН СССР (1920 г.). Работал заведующим Чувашского рабфака (1923–1926 гг.), доцентом ЧГПИ (1930–1937 гг.), в ЧНИИ (1935–1937 гг.). Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁶ **Матвеев Т.М.** (1884–1939) – исследователь чувашского языка. Учился в Симбирской чувашской учительской школе, после окончания которой 8 лет проработал учителем. В 1908 г. экстерном сдал экзамены на гимназические курсы и поступил на славяно-русское отделение Казанского университета, где под руководством проф. В.А. Богородницкого экспериментально изучал звуковой состав чувашского языка, слушал лекции проф. Н.Ф. Катанова по тюркологии. После университета 10 лет преподавал русский язык в школах, техникумах, Глазовской учительской семинарии. В 1925 г. был направлен в аспирантуру Яфетического университета к академику Н.Я. Марру. В 1936 г. по обвинению в национализме был репрессирован, умер в Соликамском лагере ГУЛАГа. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁷ **Тимофеев Ф.Т.** (Тимухха Хёветёрё) (1887–1941) – исследователь чувашского языка, педагог, пионер в деле составления орфографических и пунктуационных правил, создатель первых программ и учебников родного языка для всех классов и пособий для учителей-языковедов как по чувашскому, так и по русскому языкам. Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1909 г.), аспирантуру в Яфетического института АН СССР (1930 г.). Работал преподавателем в Ядринской школе (с 1918 г.), заведовал педагогическими курсами в Вурнарах (1921 г.). В 1918 г. издал брошюру «Наглядно-переводный метод ведения разговорных уроков в инородческих училищах» (1918 г.); преподавал чувашский язык в Симбирском педагогическом и сельскохозяйственном техникумах (1922–1925 гг.), одновременно заведовал чувашским музеем.

После аспирантуры работал заведующим отделением языка, затем – заместителем директора ЧНИИ. в 1930-1934 гг. читал лекции по чувашскому языку в педагогическом и сельскохозяйственном институтах в качестве доцента. В 1937 г. был необоснованно репрессирован, умер в лагерях ГУЛАГА.

¹⁸ **Титов Г.М.** (1905-1975). Член Коммунистической партии с 1927 г. Был на комсомольской работе. В 1928-1929 гг. – инструктор обкома ВКП(б). В 1929-1932 гг. работал заместителем редактора республиканской газеты «Канаш», в 1932-1933 гг. - секретарем Чебоксарского горкома и ответственным секретарем Красночетайского райкома партии. В 1934 г. назначен заместителем редактора газеты «Красная Чувашия». После реабилитации в 1956 г. продолжал работать (до ухода на пенсию) в редакции «Советской Чувашии».

¹⁹ **Золотов А.И.** (псевд. Арис) (1901-1942) – писатель-переводчик, литературный критик. Член партии с 1919 г. Член СП СССР (1934 г.). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу. Руководитель чувашского сектора отдела народного образования Симбирского губисполкома (1919 г.). В 1920-1921 гг. был на фронте Гражданской войны. В 1928-1931 гг. – редактор газеты «Канаш», в 1931-1932 гг. – директор Чувашского рабфака. В 1925-1933 гг. возглавлял писательскую организацию Чувашии. Талантливый организатор литературного движения, регулярно выступал в печати с литературно-критическими статьями: «Будущее чувашской советской литературы» (1925 г.), «Куда идем?» (1926 г.), «О чувашской литературе» (1926 г.), «Сегодня и завтра пролетарской литературы» (1929 г.) и др. На чувашский язык перевел «Мои университеты» М. Горького, роман «Чапаев» Д. Фурманова. Арестован в 1937 г., умер на ст. Иланский Красноярского края в заключении. Реабилитирован в 1955 г. посмертно.

²⁰ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 11 марта.

²¹ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 12 марта.

²² **Шелеби Н.И.** (Шелепи) (псевд.; наст. фам. Полоруссов) (1881-1945) – поэт, переводчик. Член СП СССР (1934 г.). Его песня «Рафсей» (1905-1906 гг.) распространилась в устной форме. В 20 - 30-х гг. на современные и исторические темы написал поэмы «Эссепе», «Пүлере илин» (О взятии Аксак-Тимуром Билара), «Шулашкар» и др., создал стихи и сказки для детей. Перевел сказку М. Метерлинка «Синяя птица», составил антологию татарской поэзии и прозы. Народный поэт Чувашской АССР (1936 г.). Награжден орденом «Знак Почета».

²³ **Грасис К.Я.** (1894-1937) – революционер, чекист, журналист. С 1914 г. член РСДРП (меньшевик), с 15 мая 1917 г. большевик. Учился в Москве в Народном университете Шаняевского. В апреле 1915 г. арестован, сослан в Харьков, в 1916 г. - в Чебоксары. В 1917 г. - председатель Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов, редактор газеты «Чебоксарская правда», с сентября председатель Казанского комитета РСДРП (б). В октябре 1917 г. -

председатель Казанского революционного штаба, редактор газеты «Знамя революции». С августа 1918 г. - чрезвычайный комиссар Казанской губернии по борьбе с контрреволюцией, прифронтовой (Вост.) ЧК, председатель ЧК Каспийско-Кавказского фронта. С 1919 г. - политработник Реввоенсовета Восточного фронта, редактор газеты «Заря» (Симбирск). Далее - журналист: редактор газеты «Красный маяк» (Севастополь), «Харьковский пролетариат», других изданий в Сибири и Поволжье. Автор ряда книг, пьес и других трудов. Арестован в 1933 г. и в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

²⁴ **Краснов-Асли В.И.** (1900–1978) - прозаик, партийный работник. Член СП СССР (1934 г.). Участник Гражданской войны. Работал на шахте в Донбассе, в органах ВЧК - ОГПУ, зав. отделом агитации и пропаганды Чувашского обкома ВКП(б) и др. Окончил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова (1929 г.), красной профессуры (1936 г.). Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1956 г. Автор книг для пропагандистов «По ленинскому пути» (1924 г.), о революции и Гражданской войне - «Три революции» (1926 г.), «Борьба с белыми» (1929 г.) и др. Заслуженный работник культуры Чувашской АССР (1975 г.). Награжден орденом Ленина. Занесен в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1970 г.).

²⁵ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. 1988. 12 марта.

²⁶ **Ермаков М.Т.** Родился в 1902 г. Член КПСС с 1925 г. Служил в рядах Красной Армии, кадровый военный. С 1932 г. до момента ареста был председателем Центрального совета Осоавиахима Чувашии. Как «враг народа» был приговорен к расстрелу, а затем к 10 годам ссылки. Реабилитирован после XX съезда партии. Вернулся на родину – в Яльчикский район, в село Шемалаково, но прожил недолго.

²⁷ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 12 марта.

²⁸ Там же.

²⁹ **Осипов Г.О.** (1901-1948) – член партии с 1924 г. Служил в Красной Армии. С сентября 1921 г. – начальник заградительного отряда на железной дороге. В 1923 г. уволен в запас. В 1925 г. избран председателем Яниково-Шоркистринского волисполкома, через год он – заведующий орготделом Цивильского уездного Совета. В 1927-1928 гг. обучался на курсах уездных партийных работников ЦК ВКП(б), затем был ответственным секретарем Красночетайского райкома партии. В 1929 г. назначен заведующим отделом обкома ВКП(б). В 1930–1937 гг. председатель областного совета профсоюзов. В 1937 г. избран председателем Центрального совета Осоавиахима Чувашской АССР.

³⁰ **Магвеев Ф.М.** (1902-1943). Член партии с 1924 г. Ответственный секретарь чувашского обкома комсомола (с мая 1924 г.), председатель Чувашского обкома профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих (с декабря

1926 г.), секретарь Нижегородского краевого комитета профсоюза сельхозлес-
рабочих (1929-1931 гг.). С 1932 г. – заместитель председателя Горьковского
краевого совета профсоюзов. После реорганизации Горьковского края вернул-
ся в Чебоксары и был назначен заместителем председателя Совета Народных
Комиссаров Чувашской АССР. В этой должности проработал с апреля 1936 по
сентябрь 1938 гг.

³¹ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 13 марта.

³² Там же.

³³ **Иванов Г.И. (1894-1944)** – член партии с 1919 г. Участник гражданской
войны. С ноября 1920 г. - заведующий областным статистическим бюро облас-
полком. С сентября 1921 по январь 1924 г. работал в Москве председателем
представительства Чувашской автономной области. Начиная с мая 1927 г. в
течение одиннадцати лет работал в Госплане республики (с 1928 г. – председа-
тель).

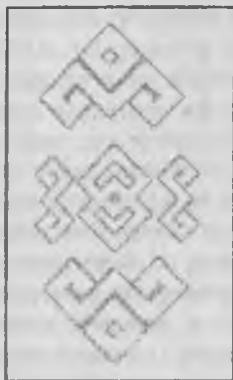
³⁴ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 13 марта.

³⁵ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 15 марта.

³⁶ **Иванов Гер.И.** Родился в 1905 г. Член КПСС с июля 1925 г. Окончил
комвуз имени Сталина в г. Ленинграде. С 1932 по 1933 гг. пропагандист лек-
торской группы ЦК ВКП(б) по Чувашской АССР. С 1937 по 1938 г. (до ареста)
– первый секретарь Чувашского обкома ВКП(б). В 1938 г. был арестован вме-
сте с А.И. Розановым на Лубянке.

Секция 2

**ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ,
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
И НОВОЙ ИСТОРИИ
В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА**

В.П. Иванов

РАССЕЛЕНИЕ ЧУВАШЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Чуваши – один из наиболее дисперсно расселенных народов. Согласно данным переписи населения 2002 г., 45,7% всего их числа проживает вне территории Чувашской Республики. При этом чувашки были зафиксированы во всех субъектах Российской Федерации, причем в 57 из них числом 1000 и более чел. Данное этногеографическое состояние чувашского народа является результатом длительного исторического развития и в значительной мере определилось еще досоветскую эпоху.

Следует отметить, что начало специальным исследованиям данной проблематики было заложено прежде всего в трудах Н.В. Никольского, И.Д. Кузнецова, П.А. Сидорова, В.Д. Дмитриева. В частности, в монографиях И.Д. Кузнецова «Очерки по истории чувашского крестьянства» (1957) и «Крестьянство Чувашии в период капитализма» (1963) анализируется ряд важных причин и факторов и расселений чувашей. Хотя И.Д. Кузнецов и не задавался специальной целью рассмотреть данные вопросы, тем не менее в его трудах приводятся весьма интересные статистические сведения, характеризующие миграционную подвижность чувашей на территориях наиболее компактного их проживания в Казанской и Симбирской губерниях в XVIII–начале XX вв.

Со второй половины XVI в., по существу с присоединения Чувашского края к Русскому государству и последовавшего затем покорения Казанского ханства, началась эпоха российской многонациональной государственности. Данный факт для чувашей был событием прогрессивным. По справедливому утверждению В.Д. Дмитриева, самым важным его результатом было сохранение их как народности. Исторически важен и этногеографический аспект происшедшего, выражающегося в том, что в составе гигантского по размерам Русского государства чувашки получили практически неограниченные возможности для расширения территории своего обитания, в т.ч. путем расселения на ранее оставленных их предками землях в Средневолжском регионе.

После присоединения Волго-Уралья к России началось сооружение засечных черт. С этого времени до начала XVIII в. наблюдается достаточно активный процесс заселения чувашами земель юго-восточных и южных районов Чувашии. Чувашки проникают в правобережные районы Сурского бассейна. В XVII–XVIII вв. они начинают

переселяться в Симбирский край – на территории правобережья Волги, ныне входящие в Ульяновскую и Самарскую области.

Первыми поселенцами в «диком поле» были крестьяне северо-восточных и центральных земель Чувашии. В последней четверти XVI в. началось заселение чувашами территорий современных Яльчикского и Комсомольского, а также Батыревского и Шемуршинского районов, тогда же появились чувашские поселенцы и на землях соседних районов Татарстана и Ульяновской области. Заселение интенсивно шло в XVII в., охватывая и лесное Присурье.

Некоторая часть приказанско-казанских чувашей-язычников возвращается в XVI–XVII вв. в Закамье, другие их группы в XVI в. переселяются в юго-восточные и южные районы современной Чувашии и активно участвуют в освоении «дикого поля». Причем, ряд деревень, основанных переселенцами с левобережья Волги, продолжали числиться в Казанском же уезде.

Согласно I ревизии (1719 г.), в России насчитывалось 218 тыс. чувашей. В первой четверти XVIII в. в составе населения Среднего Поволжья удельный вес чувашей достигал 13,8%, в то время как татар – 13,3%, мари – 3%, мордвы – 4,9%. В конце XVIII в. (1795 г.) в Казанской губернии татар обоего пола насчитывалось 211340 чел., чувашей – 228233, т.е. на 16893 чел. больше. По подсчетам В.М. Кабузана, если в первой половине XVIII в. процент чувашского населения России возрастал, то во второй половине столетия он начал падать, что ученый однозначно объясняет начавшимся в 50-х годах XVIII в. процессом отатаривания той части чувашей, которая не приняла крещения.

Основной зоной колонизационного освоения чувашей становится Закамье. Фактором, благоприятствовавшим переселению чувашей в Закамье и далее в Приуралье, становится, начиная со второй половины XVI в. и в течение XVII–первой половины XVIII вв., строительство укрепленных линий также и на левобережье Волги. К заселению Симбирско-Саратовского Предволжья чуваша приступили не позже первой половины XVII в. Миграция чувашей в Башкирию значительными потоками началась уже в середине XVII в.

Динамика численности чувашей в Казанской и Симбирской губерниях во второй половине XVIII в. характеризуется, в отличие от первой половины и середины столетия, рядом особенностей. В заволжских уездах Казанской губернии, где они численно значительно уступали татарам, их доля быстро снижалась. В Симбирской губернии положение было иным. Сюда в XVIII в. еще переселялись чуваша из Ка-

занской губернии, хотя одновременно наблюдался и уход их в Оренбургскую и Саратовскую губернии. Татар здесь было немного, и они численно уступали чувашам, поэтому отатаривание не получило значительного развития.

Одним из важнейших факторов переселения чувашей с территории Чувашского края явилось то, указывает В.Д. Димитриев, что здесь к середине XVIII в. стало сказываться малоземелье. Чувашаи убежали из родных мест вплоть до Урала от преследований за участие в крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина, от невероятного разорения в первой четверти XVIII в. и от принудительного крещения в середине XVIII в., и от наказаний за участие в Пугачевском восстании. В XVIII в. бегство и переселение чувашей в Закамье, Приуралье, Самарский и Саратовский края приняло значительные размеры, так что правительству приходилось даже вести поимку беглых с помощью специальных отрядов. Немало чувашей в XVII–XVIII вв. оказывались за пределами Чувашского края из-за необходимости выполнения различного рода повинностей: трудовой, извозной, дорожно-мостовой и др. К середине XVIII в. широкое распространение получил отход чувашей на металлургические заводы в Вятской, Уфимской, Пермской губерниях.

Таким образом, в ходе активных миграционных сдвигов, имевших место именно в XVIII в., сложилась основная конфигурация территориального размещения чувашского населения как в самом Чувашском крае, так и в других районах Среднего Поволжья и Южного Приуралья.

В Сибири первые чувашские мигранты появились предположительно одновременно с русскими. Можно уверенно принять XVIII в. за точку отсчета участия чувашей в освоении европейцами Сибири – именно с этого времени все чаще встречаются упоминания о приезде торговцев-чувашей в Зауралье, хотя сведения о чувашах в Сибирском ханстве отложились и с более ранних времен, с периода правления тайбугинов. По мнению известного сибирского этноисторика Н.А. Томилова, можно говорить об участии чувашей в формировании искеротобольской группы сибирских татар.

В течение всего XIX столетия у всех народов Волго-Уралья наблюдался устойчивый прирост численности. У чувашей он составил в первой половине XIX в. 48,5%, во второй половине – 61,1%, а в целом за весь XIX в. увеличился в 2,4 раза. Это свидетельствует о необоснованности появлявшихся в публикациях начала XX вв. утверждений о

«вымирании», «вырождении» чувашского народа. Вместе с тем следует отметить, что в сравнительном плане показатели прироста у чувашей в XIX в. выглядят все же ниже, чем у татар и башкир, и существенно не отличаются от показателей по марийскому, мордовскому и удмуртскому этносам.

Как в начале, так и в середине и конце XIX в. большинство чувашей находилось на территории Казанской и Симбирской губерний (в 1897 г. соответственно 60% и 19%). К концу XIX в. в России насчитывалось 843755 чувашей. 98,9% из них проживали в Волго-Уралье. Небольшие их группы имелись в Западной Сибири (в основном в Тобольской и Томской губерниях), остальная часть была распылена в других губерниях.

На протяжении всего столетия сравнительно высокой оставалась численность чувашей за пределами границ современной республики. Если в 1795 г. их насчитывалось 118103 чел. (33,5%), то ко времени переписи 1897 г. 316182 (37,5%). В досоветскую эпоху численность чувашей на территории Чувашского края увеличилась в 3,4 раза, а за его пределами – в 18,8 раза именно по причине активного миграционного оттока. Что касается чувашей-горожан, то в 1897 г. в городах Чувашии было зафиксировано всего 874 чуваша, из них 439 проживали в Чебоксарах. Численность чувашей в губернских центрах Волго-Уралья была мизерной и составляла в общей сложности чуть более 1 тыс. чел. Сравнительно многочисленны были чувашаи лишь в Казани (501 чел.) и Симбирске (303 чел.).

Относительно отходничества среди чувашей следует отметить, что оно в середине и третьей четверти XIX в. еще не имело массового характера. Его активизации, начиная с последней четверти XIX в., благоприятствовало строительство Самаро-Златоустовской, Самаро-Оренбургской и особенно Казанской железных дорог.

Считаем важным подчеркнуть, что переселения чувашей за пределы Чувашского края были связаны также с политикой насильственного насаждения христианства среди инородцев в середине и второй половине XVIII в. Одной из форм сопротивления этому был уход населения с мест обитания и миграция в восточном направлении. По-видимому, в связи с этим на протяжении всего XVIII в. миграции чувашей носили неравномерный, «пульсирующий» характер, что, по-видимому, как раз и отражало, кроме всех других причин, также и латентные этноконфессиональные процессы. На территории одних уездов численность чувашей повышалась, в других, наоборот, неожиданно и резко убывала,

причем в ряде случаев весьма значительно и в течение короткого времени. Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, В.Д. Димитриев, В.М. Кабузан и другие сходятся во мнении, что прирост численности чувашей в XVIII–XIX вв. был бы более значительным, если бы не их частичное отатаривание. Дело в том, что в отличие от православных церковников, не принуждавших чувашей при крещении к отказу от своей национальности, мусульманские миссионеры при переходе их в ислам требовали отречения и от своей национальности. Принимая мусульманство, чувашаи как бы автоматически становились и этническими татарами. Для чувашей отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста. Если на рубеже XVIII–XIX вв. доля чувашей в Казанской губернии была выше удельного веса татар, то в XIX в. татар становится больше. Только с 1795 г. по 1858 г. прирост татар здесь составил 107%, мордвы – 59,4%, мари – 58,6%, чувашей – 48,7% и удмуртов – 40,3%. Сравнительно более чем высокие темпы увеличения численности татар за относительно короткое время определенно объясняются ассимиляцией татарами башкир, мишарей, чувашей, а также удмуртов, бесермян и марийцев.

Интересно отметить, что из всех этнографических групп чувашей наиболее активной миграционной мобильностью отличались низовые. На втором месте в этом смысле стоят средненизовые. В колонизации «новых земель» участвовала также и небольшая часть верховых чувашей, но селились они в чужих краях подчеркнуто кланово, своими родами, редко смешиваясь с низовыми. Оказываясь в других краях, выходцы из различных этнографических групп и подгрупп этноса смешивались (миксировались) и консолидировались в других комбинациях, образуя со временем в границах определенных территорий новые группы (подгруппы) с новыми своеобразиями в языке и этнокультуре. С учетом этого, применительно к чувашскому населению, проживающему в течение ряда веков за пределами Чувашского края, корректнее было бы использование термина «этнотерриториальные группы».

Из данных 1912 г., выявленных Н.В. Никольским, следует, что в начале XX в. чувашаи были расселены в 15 губерниях, в 4 областях, в 55 уездах, в 262 волостях. При этом общее число селений с чувашским населением составляло 2129, в 1632 из них (76,65%) жили исключительно чувашаи. Следует отметить, что в течение всего XX в. шло формирование основных зон и ареалов сравнительно компактного размещения чувашей в Поволжье и Приуралье. На заселение Сибири чувашаи

шами огромное влияние оказала аграрная политика правительства П.А. Столыпина начала XX в.

Во второй половине XIX в. среди чувашей оживляются этноконсолидационные процессы. К концу столетия в семи смежных уездах Казанской и Симбирской губерний (Буинском, Тетюшском, Курмышском, Ядринском, Чебоксарском, Цивильском, Козьмодемьянском) находилось 662 тысячи чувашей, т.е. 78% всей их численности в Российской империи. Чуваша проживали здесь более чем компактно, что явилось этногеографической предпосылкой к упрочению у них внутриэтнических хозяйственно-экономических культурно-языковых связей. На общей территории данных уездов удельный вес чувашей достигал в среднем 54,3%. Именно этот массив, вступив в конце XIX–начале XX в. в процессы национальной консолидации, и становится ядром этноса, а земли указанных уездов, составив в последующем территориальную основу создаваемой автономии – «материнской» родиной для большинства чувашей России.

Л.А. Таймасов

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА¹

Научные труды И.Д. Кузнецова внесли огромный вклад в исследование истории чувашского и других народов Среднего Поволжья. Многие узловые проблемы истории и культуры чувашского народа он разработал впервые. В многогранном творчестве ученого, несомненно, доминировала аграрная тематика, ибо поземельные отношения определяли многогранную жизнь крестьянских народов региона. Фундаментальные монографии ученого по истории чувашского крестьянства навсегда вошли в золотой фонд отечественной аграрной историографии².

В современных условиях в связи с ростом общественного интереса к истории в целом и, в частности, к истории религии и церкви, существует необходимость научной оценки сложных и неоднозначных процессов утверждения христианства среди крестьянских народов региона. В этой связи большое научное значение приобретают экономические вопросы функционирования церковных институтов, проблема взаимоотношений крестьян и духовенства. В трудах И.Д. Кузнецова получило отражение становление и развитие церковно-монастырского землевладения на территории Чувашии. Различные аспекты этой темы освещались П.В. Денисовым, В.Д. Дмитриевым, Д.М. Макаровым, Л.А. Таймасовым и др.³ В данной работе, анализируя исследования И.Д. Кузнецова, а также привлекая материалы из источников и научной литературы, проследим динамику церковно-монастырского землевладения в Чувашском крае с момента его возникновения до начала XX века.

В двухтомной монографии «Очерки по истории чувашского крестьянства» И.Д. Кузнецов показал развитие церковно-монастырского землевладения в Чувашском крае во второй половине XVI – начале XX вв. Возникновение монастырей автор связывал с утверждением в Среднем Поволжье царизма посредством русско-православной колонизации⁴. На церковь возлагалась задача христианизации «казанских иноверцев». Церковный историк второй половины XIX в. А.Ф. Можаровский писал, что только духовное покорение иноверцев позволит окончательно трансформировать местное население в российское об-

щество⁵. Успешное завершение казанской кампании укрепило Ивана IV в мысли о православной унификации поликонфессионального населения завоеванной территории. Во время встречи в Москве после Казанского похода царь заявил: «... Да познают Бога истинного неверные, новые подданные России и вместе с нами да славят Святую Троицу во веки веков»⁶. По существу, Иван IV обозначил общую государственно-церковную задачу христианизации народов Казанской земли. Церковная иерархия проявила полную солидарность с идеей царя, в ответном слове митрополит Макарий благословил Ивана IV на «подвизи и труды» во имя распространения «света Христова» среди «иноверцев» казанских⁷.

Важным фактором, качественно преобразившим этноконфессиональную карту Среднего Поволжья, И.Д. Кузнецов, как и многие другие исследователи истории народов Среднего Поволжья, считал русскую колонизацию. Действительно, в условиях непрекращающихся народных восстаний, слабости управленческих структур, отсутствия надежной социальной опоры новой власти в Казанском крае московское правительство пошло по пути его заселения русскими православными людьми. И.Д. Кузнецов писал: «Присоединение Казанского царства к Руси имело своим ближайшим последствием экспроприацию значительной части чувашских земель в Свияжском и Казанском уездах»⁸.

Церковь за относительно короткое время при активной поддержке самодержавия сумела создать здесь сильную церковную инфраструктуру с солидной экономической базой. Казанская епархия уже к концу XVI в. превратилась в одну из ведущих епархий РПЦ. Во второй половине XVI - XVII вв. интенсивно проходил процесс церковно-монастырской колонизации Среднего Поволжья. Значительные земельные владения были пожалованы архиепископскому дому. Подробные сведения о предоставлении первому архиепископу Казани Гурию земельных и других угодий были приведены Г.И. Перетятковичем⁹, С.Н. Каштановым¹⁰ и некоторыми другими исследователями. В 1555 г. воевода П.И. Шуйский «до цареву приказу» дал архиепископу Гурию грамоту на владение семью населенными пунктами с двумя тысячами четвертей земли¹¹. По данным писцовых книг 1565-1568 гг., во владении архиепископа и казанских монастырей находились значительные земельные угодия: им принадлежали 4 села, 4 сельца, 6 деревень, 10 починков, 4 пустоши и займище. В них было 165 дворов, «а людей 170, да 9 дворов пустых», доброй пашни 920 четей, перелогу

842 чети, зарослей и дубравы 746 четей «в поле, в дву по тому же» (всего 3762 десятины в трех полях) сена 13 270 копен и леса у деревень пашенного 486 дес., черного 33,5 версты в длину, 20,5 версты в ширину¹². За свияжскими Богородицким (1555 г.) и Троицким (1553 г.) монастырями числились 2 сельца, 2 слободки, 10 деревень, 3 починка, займище и пустошь, в которых насчитывалось 116 только русских хозяйств. Земли монастырям было отмерено: пашни - 372 четверти, сена - 4 тыс. копен, лесу пашенного - 515 дес. и «черного лесу на 9 верст в длину и на 5 верст в ширину»¹³. Прежде всего, интенсивно росли монастырские владения Казанского и Свияжского уездов. Некоторые исследователи, ссылаясь на писцовые книги, полагают, что в этих уездах было роздано русским монастырям 57554 дес. пашни, 770 дес. перелога, на 305710 копен (15285 дес.) лугов и 14582 км² лесов¹⁴. К монастырям XVI в. Зилантову и Спасо-Преображенскому, Иоанновскому Предтеченскому в Казани, Богородицкому в Свияжске, Пурдошанскому в Мордовии, Троицкому в Чебоксарах и др. в XVII в. прибавилось свыше 30 новых монастырей¹⁵. Церковно-монастырские владения находились под защитой государства. По мнению С.М. Каштанова, «появление тарханских грамот на казанские и вятские места было вызвано необходимостью укрепления позиций правительства в присоединенной Казани и соседних с ней землях»¹⁶. Аналогичные грамоты выдавались и другим монастырям Казанского края. Например, в книге Г.Н. Айплатова и А.Г. Иванова приведен документ о выдаче Спасо-Юнгинскому монастырю «бережьей грамоты» в 1630 г.¹⁷ Расширение имущественных и несудимых прав монастырей на свои земли и крестьян способствовало росту населения в монастырских вотчинах, что позволяло черному духовенству интенсивно заселять монастырские вотчины русскими крестьянами, бобылями и «всякими вольными людьми». Рост монастырского землевладения в Казанском крае шел вразрез с общей политикой правительства по отношению к монастырскому землевладению, направленной на сдерживание роста монастырского землевладения в центральных уездах страны. В «иноверческом» же крае, где усиление дворянско-монастырского землевладения, составлявшего опору самодержавного режима в крае, считалось важнейшей государственной задачей, правительство поддерживало и поощряло расширение церковно-монастырских земельных владений.

Изучив писцовые книги 1566-1568 гг., И.Д. Кузнецов выявил 66 дворов, принадлежавших архиепископу Герману, «татарских и чувашских, которые живут во крестьян место», а именно: в починке Смоила

Исенева дворов чувашских 9, татарских 3; в деревне Елшикове соответственно 14 и 7; в селе Карайш - 3 и 10; в селе Селик Кабан - 7 и 13. Итого: чувашских 33, татарских 33¹⁸. Исследователь считает архиепископа крупным помещиком, т.к. ему было отмежевано: пашни добрые 712 с полов. четвертей, перелогу 779 четвертей, зарослей и дубрав пашенных 358 дес., всего по 1850 четвертей в каждом из трех полей, сена на 10 тыс. копен, леса пашенного 436 дес., непашенного в длину 22, а в ширину 12 с половиною верст¹⁹.

И.Д. Кузнецов считал, что между архиепископом и нерусскими крестьянами были установлены оброчные отношения. Последние платили оброк натурой или деньгами, о чем есть свидетельства в писцовой книге: «Татарам и чюваше давати в архиепископскую казну с двора по полуполтине или за деньги медом давати». Татары преимущественно платили деньгами, «а чюваша с 33 дворов дают ясак, в оброку место, медом... итого 40 пуд с полупудом»²⁰. Мнение И.Д. Кузнецова позже подтвердил С.Х. Алишев, отметивший в составе зависимого населения казанских духовных феодалов помимо русских татар и чувашей²¹. Однако же следует признать, что в составе церковно-монастырских крестьян подавляющее большинство составляли русские. Вместе с оброком в монастырском хозяйстве, как считает В.Д. Дмитриев, еще с XVII в. использовалась барщина, которая в течение XVIII в. постепенно сокращалась, а некоторые селения совершенно освободились от этой формы феодальных отношений²².

К концу XVII в. общее количество земли у духовенства в Среднем Поволжье составило 170 тыс. дес. и Казанскому архиерейскому дому принадлежали 1199 крепостных крестьян²³. В течение первой половины XVIII в. правительство постепенно проводило политику политического и экономического подчинения церкви государству. В условиях активизации борьбы монастырских крестьян правительство решило завершить секуляризацию: в 1764 г. у духовенства отобрали населенные имения и значительное число монастырей было закрыто²⁴. В связи с секуляризацией в 1764 г. произошло резкое сокращение церковно-монастырского землевладения. Этот процесс не оставил в стороне и Чувашский край, однако И.Д. Кузнецов его не анализирует.

Монастыри стремились расширить свои земельные владения. При отсутствии свободных земель нередко происходил захват крестьянских участков из-за чего возникали тяжбы между крестьянами и монастырской братией. Подобные примеры приводились и другими исследователями²⁵. И.Д. Кузнецовым также отмечены такие тяжбы. Например,

он привел дело 1652 г., в котором чуваш Зюрейской дороги деревни Беленчи «челом бил» на строителя Пыскорского монастыря «в овладенье пашенной земли и сенных покосов»²⁶. Исследователь неоднократно возвращался к вопросам земельных споров между чувашскими крестьянами и монастырями. Он отмечает случаи нападения крестьян на монастырские владения в ходе восстаний под предводительством Ивана Болотникова и Степана Разина. И.Д. Кузнецов утверждает, что эта была социальная борьба против феодального угнетения. По его мнению, «в Чувашском крае не было ни одного случая, чтобы были хоть какие-либо мало-мальски значительные стычки между разными народами – между чувашскими, русскими, татарскими, мордовскими, марийскими, удмуртскими и др. крестьянами»²⁷. В целом соглашаясь с ученым, видимо, нельзя идеализировать межэтнические отношения. Вряд ли можно полностью исключить стычки на национальной и конфессиональной основе, хотя они проявлялись в основном на бытовом уровне.

Говоря о хозяйственном освоении Чувашского края во второй половине XVI – XVII вв. русскими феодалами, И.Д. Кузнецов отмечал совместную деятельность в этом процессе государства и церкви. Царское правительство помимо иммунных прав предоставляло монастырям возможность укреплять свое финансовое положение, предоставляя им возможность иметь доход за счет торговых операций. Например, приказ Казанского дворца, ведавший от царского имени управлением ясачными крестьянами, каждый раз требовал высылать крестьян с посопным хлебом «при себе тотчас безо всякие мешкоты» да «с провозными деньгами», то есть «от хлебных запасов за провоз» их по Волге на Астрахань. А провозом хлеба в то время помимо купцов-подрядчиков занимался и Троицко-Сергиевский монастырь, к которому попадала часть провозных денег²⁸. Этому же монастырю царской грамотой от 10 июня 1588 г. было предоставлено право беспошлинной рыбной ловли на Волге - «Тетюшах и уездах»²⁹. Жалованные грамоты на ведение торговых операций получали и другие монастыри. Так, 21 мая 1584 г. Свяжский Богородицкий монастырь получил разрешение иметь на Волге водоходное судно, ежегодно нагружать его в Астрахань 10 тыс. пудов соли или рыбою и торговать без пошлин³⁰.

И.Д. Кузнецов обратил внимание и на такое обстоятельство, когда монастыри тяготели городовым, засечным, валежным, строительным и другими делами в Поволжье в XVII - начале XVIII вв. и всячески пытались перекладывать эти тягла на ясачных крестьян. Например, старцы Тетюшской монастырской братии в 1643 г. били челом царю о том,

что им тягостно отдавать своих крестьян (монастырских бобылей) на засечные дела, и просили «велети б крестьян их от засечной службы отставить, а вместо крестьян их велеть на Тетюшской засеке горные стороны Балабужские волости ясачной чуваше. А живут де та чуваша в ызбыли, нигде нашей службы не служат». И был дан указ, чтобы ясачные чуваша выставляли на засеку с 10 дворов по человеку, а монастырских крестьян освободить, чтоб «монастырю раззорения не было». А горные стороны балабужские (палапусьские) волости «ясашной чуваше на той Тетюшской засеке с служилыми людьми стоять будет пристойно... с 10 дворов по человеку»³¹.

По мере укрепления экономической базы РПЦ в Казанском крае и усиления кадрового состава духовенства с конца XVII в. власти стали больше внимания уделять проблеме христианизации «иноверческого населения». И.Д. Кузнецов достаточно подробно анализировал процесс христианизации чувашей, акцентируя внимание на его социально-экономических аспектах. Он писал, что «экономические последствия этой христианизации, кратко говоря, были следующие: легче стало помещикам и купцам закабалить новокрещенов; легче стало и покупать земли не только новокрещенов-служилых чуваш, но и новокрещенов-крестьян; в ходе христианизации многократно усилилось разорение некрещеных крестьян, т.к. они должны были выполнять всякие подати и отработки за льготные годы новокрещенов»³². Автор заметил, что многие чувашские коштаны в числе первых приняли христианство и, считаясь среди тех, «кто знатнее», получили повышенные льготы вместе с серебряными крестами³³. Подробный анализ взглядов ученого на проблему христианизации чувашского народа не входит в задачу данного исследования, поэтому обратимся к ним в будущем.

И.Д. Кузнецов оставил без внимания функционирование церковно-монастырского землевладения в конце XVIII - первой половине XIX в. Возможно, это объясняется незначительностью этой формы землевладения для Чувашского края и отсутствием у исследователя репрезентативных источников этой эпохи.

Постепенно происходит укрепление церковно-монастырского землевладения, которое снова стало важной экономической основой церкви в эпоху развития капиталистических отношений, о чем, в частности, свидетельствуют и исследования И.Д. Кузнецова. Согласно инструкции о межевании, каждой сельской церкви было отведено 36 дес. земли, в том числе 33 дес. пахотной. Самими членами причта земля обрабатывалась редко, обычно уголья сдавались в аренду окрестным

крестьянам. Правда, не все причты эффективно использовали свои участки. Как свидетельствуют архивные материалы, во многих церквях не было даже планов земельных участков, а священники знали о церковной земле лишь по «преданию» и жили за счет собираемой с крестьян руги³⁴. Так как никакие юридические документы, регламентирующие арендные отношения церкви с прихожанами, не оформлялись, священники часто допускали злоупотребления, иногда дело доходило и до стычек с прихожанами.

В целях улучшения и упорядочения экономических взаимоотношений сельских церковных причтов с прихожанами в 1851 г. управление Департамента уделов направило запрос епархиальным архиереям представить в его распоряжение следующую информацию: «1) удобно ли духовенству... наделить землю, положенной законными пропорциями; 2) удобно ли крестьянам, составляющим приход, обрабатывать для приходского священника следующую на его часть землю; 3) могут ли быть выстроены повсеместно в селах дома для священнослужителей от прихожан и как могут быть исправляемы в случае ветхости; 4) нет ли препятствий к производству новоприбывающим в приход членам причта единовременных пособий»³⁵. На наш взгляд, представленные самарским архиереем Евсеем предложения заслуживают особого внимания. По его мнению, «священноцерковнослужители епархии повсеместно легко могут быть наделены землею в узаконенных пропорциях...»³⁶. Он называет три способа извлечения пользы от земли: получение доходов с земли за счет обработки ее прихожанами; сдача земель в аренду крестьянам на условиях расчета продуктами или деньгами. Первый из этих способов признавался наименее подходящим в связи с тем, что крестьяне Самарской губернии имели большие земельные наделы и «в рабочую пору», заботясь «об уборке собственного хлеба», не располагали возможностями обрабатывать дополнительные площади³⁷. Трудно было рассчитывать на единодушную помощь крестьян при обработке церковных земель. Удобным являлось получение традиционной арендной платы готовыми продуктами, но наиболее приемлемым вариантом признавался денежный сбор. Целесообразность последнего способа использования церковных земель преосвященный объяснял тем, что увеличение налогов с крестьянского общества на несколько десятков рублей «важного ничего не составляет», «не будет задето самолюбие крестьян, не привыкших слыть работниками своего священника... избавит и священника от жалоб на непокорность ислушание крестьян... При таком сборе и сек-

танты, или малопросвещенные христиане, не понимающие важности духовного сана, не будут иметь повода к ропоту и негодованию...»³⁸

К середине XIX в. в результате принятых епархиальными властями мер вопрос церковного землевладения несколько упорядочился, однако коренного изменения в пользовании землей не произошло. И.Д. Кузнецов отметил попытки правительства урегулировать вопросы церковно-монастырского землевладения и землепользования, которые осложняли взаимоотношения духовенства и крестьянства. Он привел слова министра Государственных имуществ, который в 1861 г. заявил, что «в Казанской губернии не все причты получают жалованья от казны, некоторые из них, получая от прихожан условную хлебную ругу, пользуются отведенной им землею, во многих приходах крестьяне просят об уменьшении собираемой духовенством руги или замене оной землею»³⁹. Во второй половине XIX в. во многих нерусских православных приходах внедрялась денежная форма руги. Так, в отчете Казанского архиепископа Антония за 1875 г. имеется сообщение о том, что «рекомендуемая и поощряемая епархиальным начальством капитализация так называемых сборов с прихожан в пользу причтов... так удачно начатая в приходах Ядринского уезда, распространяется, хотя и медленно, в других уездах, например, в Казанском и Козмодемьянском. Этот способ обеспечения главных причтов доставляет настоятелю взамен руги и прочих доходов за требоисправления от 800 до 1000 руб. в год и псаломщику до 300 руб.»⁴⁰. Традиция собирать с прихожан натуральную ругу в средневожских епархиях сохранилась до 70-х годов XIX в., до назначения основной массе приходского духовенства государственного жалования. Были и другие предложения улучшения материального обеспечения духовенства. В этом отношении представляет интерес письмо тайного советника Попова, обнаруженное нами в фонде Канцелярии Синода, которое имеет заглавие «Производство специальных изысканий с целью возвращения духовенству, отошедших от него земель». По мнению автора письма, от церкви в разное время было отторгнуто до 1 млн. дес. земли, что являлось одной из причин бедственного положения духовенства. Он предлагал восстановить все сведения о церковных землях по документам из архивов, из всех государственных учреждений, сопоставлять эти данные по клировым ведомостям и т.д. Выявив размеры церковных наделов, юридически закрепить их за епархиальным начальством для надлежащего контроля за их использованием⁴¹. Нам не известна дальнейшая судьба этого письма, однако его реализация даже теоретически была проблематичной. Положение в церковном землепользовании мало изменилось в Чувашском крае и через 50 лет. Так, И.Д. Кузнецов обнаружил доку-

мент 1909 г., в котором крестьяне Буртасинского прихода Цивильского уезда, жалуясь в Казанскую консисторию о чрезмерных поборах духовенства, в частности, писали: «... И сколько они получают и других доходов, и все-таки им не хватает, и они в эти тяжелые для крестьян дни... собирают по три меры с венца ругу»⁴². Расширение церковно-монастырского землевладения происходило в рассматриваемый период прежде всего за счет выделения земель для вновь строящихся церквей и монастырей как сельскими обществами, так и казной. Например, в конце мая 1896 г. инициаторы основания православной общины на реке Вурнарка при поддержке местного духовенства сумели убедить крестьян четырех сельских обществ Тойсинской волости Ядринского уезда: Хорасирминского, Ершипосинского, Абакасинского и Мамалаевского - выделить для размещения общины 16 десятин земли⁴³. Позже Кошлаушскому Александрийскому женскому монастырю по ходатайству архиерея Казанское управление государственных имуществ отвело участок леса в количестве 79 десятин 1224 квадратных сажен⁴⁴. В начале XX в., опираясь на материалы официальной статистики, размеры церковно-монастырские владения в Чувашском крае И.Д. Кузнецов определяет в количестве 15847 дес.⁴⁵ Некоторые более предприимчивые сельские причты сумели значительно расширить земельные участки церквей за счет новых приобретений. Например, земельные участки Шихазановской, Второ-Чурашевской, Бигильдинской, Аликовской, Тобурдановской, Кошелевской и некоторых других церквей составили 100 и более десятин⁴⁶. В качестве арендной платы, помимо хлебной руги, в ряде приходов причты стали практиковать и денежные сборы, что нередко вызывало протест со стороны крестьян.

Во второй половине XIX - начале XX вв. земельные наделы стали приобретать отдельные представители духовенства. Например, священник с. Большие Кошелеи (Цивильский уезд) Зайков владел 100 дес. земли⁴⁷. Духовных лица активно участвовали в купле-продаже земли. По подсчетам И.Д. Кузнецова, в период с 1871 по 1907 гг. в Козьмодемьянском, Тетюшском, Цивильском, Чебоксарском и Ядринском уездах Казанской губернии духовенством было продано 114 дес., куплено - 89⁴⁸. Эти примеры, хотя и не дают основания говорить о массовом участии духовенства в земельном рынке, но свидетельствуют о предпринимательской активности отдельных его членов.

Значительные земельные владения принадлежали монастырям. Например, в начале XX в. Цивильский Тихвинский монастырь владел 268 дес. земельных угодий, в том числе: 4 дес. усадебной, 68 - пахотной, 41 - луговых, 44 дес. - лесных. Владения Чебоксарского Троицкого мужского монастыря превышали 300 дес., Алатырский Троицкий мужской монастырь имел 516 дес. удобной земли. Около 100 дес. зе-

мельных угодий было выделено вновь основанным Александроневскому мужскому и Александрийскому женскому чувашским монастырям⁴⁹. Монастырские земли обрабатывались монашествующими, паломниками, лицами, отбывающими епитимьи, или сдавались в аренду крестьянам на различных условиях. Небольшие, но стабильные доходы приносила сдача в аренду рыбных ловель и лесных дач. К примеру, в 1897 г. Цивильский Тихвинский монастырь сдал свои рыбные ловли в аренду за 370 руб. в год⁵⁰.

Таким образом, анализ трудов И.Д. Кузнецова позволяет представить динамику церковно-монастырского землевладения за длительный исторический период. Ученый одним из первых среди чувашских историков привел отдельные документальные материалы, проанализировал статистические данные по этой важной и интересной теме. Вместе с тем И.Д. Кузнецов рассмотрел не все исторические этапы этой формы землевладения. Он практически оставил без внимания функционирование церковно-монастырского землевладения в конце XVIII – в середине XIX в. Так же вне поля зрения автора остались и некоторые другие аспекты этой многогранной темы. Труды ученого создавались в условиях господства атеистической идеологии, поэтому вполне понятны его резко критические оценки всего, что связано с религией и церковью. Тем не менее взгляды И.Д. Кузнецова по вопросам церковно-монастырского землевладения и сегодня сохраняют свою научную значимость, позволяют читателю воссоздать исторические процессы давно минувших дней.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 05-01-22100 а/В.

² Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1-2. Чебоксары, 1969; Он же. Крестьянство Чувашии в период капитализма, Чебоксары, 1963; Он же. Очерки по истории чувашского народа (на чувашском языке). Чебоксары, 1962.

³ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959; Дмитриев В.Д. История чувашского народа в XVIII веке. Чебоксары, 1959; Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI-XVIII вв.). Чебоксары, 1959; Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века. Чебоксары, 1992; Он же. Причт и паства нерусских приходов Среднего Поволжья в XIX в. // Крестьянство и власть в Среднем Поволжье. Саранск, 2003.

⁴ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1. С. 36-37.

⁵ Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М., 1880. С. 5-6.

⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 223, 224.

⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 226.

⁸ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1. С. 37-38.

⁹ Перетяткович Г. Поволжье в XV-XVI вв. М., 1877. С. 248-250.

¹⁰ Каштанов С.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. С. 167; Его же. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в.: (По актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. С. 165.

¹¹ Перетяткович Г. Поволжье в XV-XVI вв. С. 249.

¹² Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 63.

¹³ Список с писцовой и межевой книги по г. Свияжску и уезду. Казань, 1909. С. 124.

¹⁴ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1921. С. 196; Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. С. 93.

¹⁵ См.: Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. Составил В.В. Зверинский. СПб., 1890; Русские монастыри. Центральная часть России. М., 1995; Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI-XVIII вв.). Чебоксары, 1959. С. 76-82.

¹⁶ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 139.

¹⁷ Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. С. 56-59.

¹⁸ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1. С. 39.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. С. 93.

²² Дмитриев В.Д. История чувашского народа в XVIII веке. С. 118.

²³ Водарский Я.Е. Землевладение Русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 535.

²⁴ Там же. С. 547.

²⁵ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. С. 166-170;

²⁶ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1. С. 44-45.

²⁷ Там же. С. 152.

²⁸ Там же. С. 52.

²⁹ Там же. С. 66.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 52.

³² Там же. С. 176.

³³ Там же. С. 179.

³⁴ ЦГА РТ (Центральный государственный архив Республики Татарстан) Ф. 4. Оп. 1. Д. 1909. Л. 1.

³⁵ РГИА (Российский государственный исторический архив) Ф. 515. Оп. 8. Д. 943. Л. 6.

³⁶ РГИА Ф. 515. Оп. 8. Д. 943. Л. 6.

³⁷ Там же. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 7-9.

³⁹ Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963. С. 346.

⁴⁰ РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 680. Л. 21-22.

⁴¹ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 91. Л. 4-5.

⁴² Денисов П.В. Указ. соч. С. 336.

⁴³ ЦГА ЧР. Ф. 330. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁴⁴ Там же. Оп. 182. Д. 1498. Л. 1 об.

⁴⁵ Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. С. 55.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

А.В. Малюгин

ОСВЕЩЕНИЕ РАЗВИТИЯ НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРОМЫСЛОВ В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Исследование становления и развития неземледельческих промыслов и кустарной промышленности Чувашского края не было специальной отдельной темой научных интересов И.Д. Кузнецова. Однако этот вопрос занимает важное место в творческом наследии ученого, начиная с ранних обзорных статей, написанных им еще в 30-е гг. XX в.¹, и заканчивая крупными фундаментальными исследованиями², посвященными проблемам пореформенной (1861 г.) эволюции Чувашского края в её экономическом и социальном аспектах. И это не случайно, ибо в состоянии и особенностях формирования кустарной промышленности, как в капле воды, отражается специфика социально-экономического развития Чувашского края и дореволюционного и советского периодов, да, пожалуй, отголоски этих особенностей сказываются и сегодня.

Архивные фонды ЦГА ЧР переполнены различного рода конъюнктурными обзорами промышленности, докладами о хозяйственном строительстве и развитии отраслей производства, обзорами состояния кустарной промышленности, планами её восстановления и т.п.³, относящимися к 20-30-м гг. XX в., что свидетельствует о злободневности данной темы в эпоху восстановления и последующей реконструкции народного хозяйства Чувашии.

В силу ограниченности рамок данной статьи можно остановиться лишь на оценке общих экономических условий республики, приведенной в «Обзоре состояния кустарной промышленности ЧАССР за 1923-1925 гг. и плане ее развития на 1925/26 и 1933/34 гг.»⁴. Отмечая чрезвычайно высокую плотность населения республики, острую нехватку земли для него и «маломощность крестьянского хозяйства», документ констатирует факт невозможности обеспечения занятости всего работоспособного населения в силу того, что «по общему правилу, густота населения в стране характеризует развитие промышленности, а отчасти обуславливается ею, Чувашская же Республика в этом отношении является исключением...»⁵, то есть не имеет фактически сколько-нибудь серьезной промышленности, а лишь традиционные (развившиеся еще в дореволюционный период), но малопродуктивные и пришедшие в упадок

кустарные промыслы, в основном связанные с лесным хозяйством. Учитывая, что «столь слабый хозяйственный организм не только не имеет необходимых условий для дальнейшего развития, а, наоборот, предоставленный своим силам, рискует... лишиться возможности успешного восстановления в дальнейшем»⁶. Цитируемый обзор обосновывает перед центральными ведомствами необходимость финансовой поддержки хозяйственного комплекса края, т.к. «... настоящая экономика Чувашской Республики настойчиво требует восстановления кустарных промыслов, которые займут большое количество свободных рук крестьянского населения... и выведут из тупика в борьбе за существование... Без государственной помощи дело восстановления и развития кустарных промыслов, а тем самым и подъем экономического уровня Чувашской Республики, затянутся очень надолго, и все-таки цель не будет достигнута».⁷

Прочитанный выше документ приведен нами для того, чтобы подчеркнуть значимость для эпохи строительства социализма тех научных наблюдений и выводов, к которым пришел И.Д. Кузнецов по рассматриваемой нами теме в своих научных исследованиях, посвященных более общим и крупным проблемам. На этих выводах хотелось бы остановиться подробнее. Уже в первых своих статьях молодой ученый пришел к принципиально важным заключениям о том, что «своеобразие капиталистического развития Чувашии» состояло в «чрезвычайной слабости предпринимательства» и что «очень слабое развитие промышленности» в крае было обусловлено «колониальным положением Чувашии»⁸. Обратил исследователь внимание и на то, что, несмотря на вышеупомянутую «слабость предпринимательства», развивавшиеся кустарные промыслы завоевали уже рыночное признание: «кулеткачи и смолокуры за кабарно дешевые цены сбывали свою продукцию казанским купцам Тихомирновым и др.»⁹.

В «Очерках по истории чувашского крестьянства»¹⁰, подытоживших на основе обширного архивного материала многолетние исследования процессов социального расслоения в чувашской деревне под влиянием капитализации экономики, автор, опираясь, правда, на авторитет теоретика Маркса в оценках чувашской экономики пореформенного периода, уточняет и детализирует свои выводы об особенностях социально-экономического развития края: «... Невысокий процент (6% среди чуваш против 17,3% в среднем по России) «торгово-промышленного населения и высокий процент» (16,8% среди чуваш против 5,5% в среднем по России) непроизводительного населения...

выпукло отражают колониальное положение Чувашского края... задержку в развитии промышленных предприятий на месте. Эти цифры, однако, не оставляют никакого сомнения в том, что Чувашия была полностью вовлечена в орбиту капиталистического развития»¹¹.

Вывод И.Д. Кузнецова о колониальном характере Чувашской экономики нашел свое развитие в его фундаментальной, основанной на многочисленных источниках, монографии «Крестьянство Чувашии в период капитализма»¹². Детально прослеживая на примере смолокурения и углежжения становление капиталистической кооперации, основанной на разделении труда, а также превращение с конца XIX в. первоначально бывшего местно-подсобным кулеткацко-рогожного промысла в капиталистическую мануфактуру, исследователь выявляет причину, порождающую нарастание хронического отставания Чувашского края: «дешевизна надомной рабочей силы, возможность переложить на надомных кулеткачей все потери от колебаний рыночной конъюнктуры, а также и монопольное положение нескольких промышленников в крае не дали этому промыслу перерасти в фабричную промышленность с применением машин»¹³. Процесс отделения домашней промышленности от земледелия и развития внеземледельческого товарного производства не менее подробно рассматривается ученым и на примере занимавших наибольшее место в хозяйственной структуре края деревообрабатывающих промыслов (производство бочкотарной клепки, кулеткачество, изготовление курманов и других плетенки, лап-теплетение, изготовление музыкальных инструментов и др.).

Следующий вывод «Очерков по истории Чувашского крестьянства» перекликается с положением цитированного выше архивного документа о проблемах занятости трудоспособного населения: «пролетаризация разорившихся чувашских крестьян на фабриках и заводах далеко не поглощала массу пауперизованных крестьян», в силу чего «... большая часть обнищавшего чувашского крестьянства находила себе... арену пролетаризации вне территории Чувашии...», то есть в отходничестве на внеземледельческие промыслы. Общая численность отходников в конце XIX в. составляла, по мнению И.Д. Кузнецова, «не менее 15 тыс. человек... Такой отход был уже значительным, однако он далеко не поглощал того избытка рабочей силы, который имелся в деревне... Накануне первой мировой войны ежегодно около 50 тыс. человек брали паспорта... для отхожих занятий. Число отходников увеличивалось в среднем на тысячу человек ежегодно»¹⁴.

Помимо «внешнего» отходничества существовало и «внутреннее»: занятия неземледельческими промыслами и ремеслами «на дому», либо уход в города или на лесоразработки в пределах Чувашского края. «В Ядринском уезде близость винокуренного завода, а в Чебоксарском и Козмодемьянском уездах близость промышленных лесоразработок Ефремовых и др., а также развитие промышленной эксплуатации на дому в виде кулеткачества и т.п. на скупщиков способствовали сохранению за многими работниками земельного надела. Поэтому отрыв от земли и уход в город, конечно, неполно отражает процесс пролетаризации чувашских крестьян...»¹⁵.

Признавая справедливость утверждения ученого о том, что отставание Чувашии в промышленном развитии явилось одной из причин, породивших отходничество на неземледельческие промыслы, нельзя не согласиться и с другим его утверждением, что «отход крестьян на посторонние заработки зависел не столько от местной экономической конъюнктуры, сколько от общероссийской...»¹⁶ (емкость промышленного рынка, экономические кризисы и т.п.).

Дальнейшее скрупулёзное исследование И.Д. Кузнецовым экономического значения и роли кустарных промыслов (особенно связанных с деревообработкой) в процессе капиталистического переворота и формирования товарного производства в деревне пореформенного и более позднего периодов, привело учёного к новым умозаключениям об эволюции промыслов в сторону капиталистической промышленности и влиянии этого процесса на социальную сферу. Доказывая статистическими выкладками факты «просачивания» ремесла из города в деревню в пореформенный период его развития, выражавшегося в росте числа промыслов и их доходности, автор заостряет внимание на такой важной особенности Чувашского края как более слабое развитие неземледельческих занятий именно среди чувашских крестьян в сравнении с проживавшими на его же территории другими народами Поволжья¹⁷. Тем не менее, несмотря на относительное запаздывание «разложения натурального хозяйства и развития неземледельческих занятий в чувашских деревнях», общий показатель края по этому параметру к концу XIX в. был довольно высоким: «В числе занятых побочными промыслами было около 60 тысяч мужчин, что составляет около 30% мужчин, самостоятельно занятых сельским хозяйством. Стало быть, в деревнях исключительно хлебопашеством занимались всего 63,5% мужчин; 26,5% наряду с земледелием занимались какими-либо промыслами, а 10% - уже совершенно не было связано с земледелием.

Кроме того, здесь не учтены отходники... Приведенные данные свидетельствуют, что, по сравнению с 1870 г., численность промысловиков выросла более чем вдвое (даже без учета отходников)»¹⁸. Однако оказалось, что в ряде губерний Европейской России процент незанятых в земледелии был еще выше, но там значительно больше было и возможностей для неземледельческих занятий или в промышленности или в морских и лесных промыслах. В Чувашском же крае «... из избыточного... рабочего контингента находило занятие вне земледелия... всего 38% (менее 25 тыс. человек), а в состоянии скрытой безработицы оставалось около 40 тыс. работников, или около 25% всего рабочего контингента»¹⁹. Фабрично-заводская промышленность поглощала ничтожную часть крестьянского рабочего контингента. Подавляющее большинство крестьян-промысловиков находило занятие в отхожих промыслах. Слабое развитие индустрии в крае и наличие избытка рабочего контингента тормозили пролетаризацию разорившегося крестьянства и применение его рабочих рук на фабриках и заводах. «В Чувашском крае положение было ещё труднее, т.к. очень мало было не только фабрик и заводов, но и помещичьих имений, привлекавших наёмную рабочую силу»²⁰.

Наконец, еще одним важным наблюдением ученого, подтвержденным статистически, является положение о том, что «в Чувашском крае почти повсеместно преобладало ремесло, связанное с переработкой древесины и других лесоматериалов... Рост шёл главным образом за счёт следующих занятий: плотничество и столярное дело, изготовление изделий из лыка и мочала (лаптей, кулей, рогож, циновок)... Наиболее многочисленная часть крестьян, работавших по найму, была в крае ежегодно занята в лесах на заготовке строительного леса, дровяника, на их вывозке и сплаве, на разделке, затем – на заготовке мочала, смолы, древесного угля, дубовой, бочкотарной клепки и массы других различных изделий на дому и в лесопилении»²¹.

Значимым для понимания особенностей развития Чувашского края является и вывод о том, что лесная промышленность не только опережала другие отрасли по количеству заработков, но и по темпам капитализации производственных отношений: «... в восьми уездах Чувашского края было занято на наёмных работах в лесной промышленности примерно 15 тыс. человек; подавляющее большинство из них (96%) были сезонниками, остальные – кадровыми рабочими. В качестве лесопромышленников и лесоторговцев выступало 700 с лишним предпринимателей»²².

Не прошел мимо внимания исследователя и такой важный фактор капитализации экономики Чувашского края, как втягивание её во все-российский и мировой рынки: «... заготовка французской клёпки в широких масштабах развернулась в 1891-1892 гг... Ежегодно в чувашских уездах заготавливали французской клепки свыше 2,5 млн. штук... Кроме заготовки французской клепки на экспорт, ежегодно в меньшем количестве заготавливалась астраханская клепка для внутреннего рынка»²³.

То обстоятельство, что с 80-х гг. XIX в. «лесная промышленность стала доминирующей» в экономике Чувашии, отчасти объясняет весьма своеобразную особенность ее промышленного развития, а именно: «преобладание фабрично-заводских предприятий» (насчитывавших «лишь 14-15 заведений», большинство из которых были лесопильными и деревообрабатывающими) «вне городов» и формирование местного пролетариата «главным образом из обнищавшего крестьянства», что имело далеко идущие социально-политические последствия (например, в годы революционных потрясений)²⁴.

Итак, обобщая сказанное выше, попытаемся подвести некоторые итоги. В научных исследованиях И.Д. Кузнецова, посвященных проблемам социально-экономической эволюции Чувашского края во второй половине XIX - начале XX вв., затронут очень важный аспект: анализ зарождения и развития неземледельческих промыслов, как составной части экономики Чувашии. Разработка этого вопроса позволила ученому нащупать такие «больные места» в хозяйственном развитии республики, «лечение» которых представляет весьма значительную проблему, имеющую как бы «сквозной» характер, мало зависящий от переживаемых исторических эпох. Эти «больные места» можно вкратце свести к следующему перечню.

1. Колониальный, аграрно-сырьевой характер экономики Чувашского края при царизме, порождавший в сочетании с объективными факторами (высокая плотность населения, негативные климатикогеографические условия и т.п.) дешевизну рабочей силы, а также монополизм промышленников (субъективный фактор) явились главными причинами, тормозившими развитие Чувашии и обусловившими слабость ее хозяйственного механизма, не позволившую ему своевременно перейти от стадии кустарно-промысловой к стадии фабрично-заводской.

2. Из-за слабости собственной промышленности пролетаризация нищавшего чувашского населения (в основном крестьянства) шла главным образом не «внутри» края, а «вне» его – за счет отходничества в

экономически более развитые области. Имевшее же место «внутреннее» отходничество в основном ориентировалось на кустарно-промысловую (а не фабрично-заводскую) сферу, ограниченную главным образом лесной и деревообрабатывающей промышленностью и к тому же слабо охватывавшую именно коренное население (по части использования квалифицированной рабочей силы). Результатом было отставание пролетаризации массы крестьян от их пауперизации, что вело к формированию резервной армии дешевой рабочей силы.

3. Эволюция кустарных промыслов (в первую очередь, опять-таки деревообрабатывающих) в сторону капиталистической промышленности (рост числа, размеров, доходности предприятий, применение наемного труда и т.д.), а также втягивание Чувашского края во всероссийский и мировой рынки протекали непоследовательно, с отставанием от темпов промышленно развитых губерний и с поправкой на колониальный характер экономики края. Радикальное «лечение» перечисленных «болезней» представлялось возможным И.Д. Кузнецову, как ученому и человеку своей эпохи, в духе господствовавшей в тот период идеологии и теории «научного» социализма. Казалось естественным, что с заменой рыночных законов плановым началом, частной собственности и погони за наживой обобществлением средств производства и введением социалистических принципов распределения сами собой отпадут все экономические и социальные проблемы. Однако этого не произошло. Не вдаваясь в анализ просчетов и достижений эпохи социализма (об этом имеется необозримая литература и статистика), хочется обратить внимание на то, что архивные фонды, относящиеся к 20-30-м гг. и более поздним периодам, включают огромное количество документов, содержащих перечень экономических «болезней» советской Чувашии, сильно напоминающих симптомами «пережитки прошлого». Ограничимся, для примера, цитатой из выводов «Конъюнктуры промышленности ЧАССР в I квартале 1925-26 операционного года»²⁵, опустив, из соображений лаконичности, аналитическую часть.

«1. Производственные итоги промышленности за I квартал нужно в общем признать крайне неудовлетворительными... Промышленность ЧАССР испытывает финансовые и сырьевые затруднения... транспортные затруднения... 2. ... Невыполнение производственной программы в I квартале имело место по всем предприятиям... 3. Нисколько не лучше обстоит вопрос производительности труда... Выработка... рабочего в один человеко-день в I квартале 1925-26 года по сравнению с IV кварталом 1924-25 года значительно пала и только по фабрике

«Единство» это падение определяется в 24,3%, в то время как реальная зарплата выросла на 14%, следствием чего явились возрастающие с неимоверной быстротой прогулы, низкая квалификация рабочих, расшатанность оборудования и т.п. По отношению к 1913 году валовая выработка по фабрике «Единство» в I квартале 1925-26 года составила 74,9%... 6. Результаты ослабления трудовой дисциплины в промышленности дали увеличение в I квартале прогулов на 54,6% против IV квартала или, другими словами, почти вдвое...»²⁶.

Как видно из процитированного документа, и советской экономике ЧАССР присущи «родимые пятна» прошлого: отсутствие сырьевой базы, слабость основных фондов и отсутствие оборотных средств, низкая квалификация кадров и вытекающие из нее низкие производительность и дисциплина труда и т.д. Интересно отметить, что и отраслевой состав промышленности Чувашии вплоть до Великой Отечественной войны нес на себе следы «колониального» прошлого. Например, в «Тезисах по докладу ЦСНХ ЧАССР о работе и состоянии промышленности, подведомственной ЦСНХ ЧАССР за 1924-25 операционный год и за первое полугодие 1925-26 операционного года»²⁷ состав «промышленности, подведомственной Чувашскому ЦСНХ, в самых общих чертах представляется в следующем виде: лесопильная – 18 заводов и 7 заготовительных контор, деревообрабатывающая – 3, мукомольно-крупяная – 3, винокуренная – 3, маслостоловая – 1, кожевенная – 1, металлообрабатывающая – 1, скипидаро-очистительная – 1»²⁸ (таким образом, из 38 предприятий 28 относятся к лесопильной и деревообрабатывающей отраслям, а из 8 отраслей лишь 2 – металлообрабатывающая и кожевенная, насчитывавшие по одному предприятию, - носят чисто «техногенный» характер). Процитированный документ заканчивается разделом «Наша просьба к ВСНХ», состоящим из 9-и пунктов. Показателем слабости экономического механизма республики служит то, что 6 пунктов из 9 касаются выделения финансовых средств ЧАССР из центра (показатель «колониальности» или, по-современному, дотационности), а 2 просьбы свидетельствуют об острой нехватке в республике квалифицированных кадров.²⁹

Конечно, неоспоримы, при всех недостатках, те достижения и успехи, к которым пришла Чувашия за годы социализма (опять-таки, из соображений лаконичности изложения, не будем загружать читателя общеизвестными цифрами). Но вот что интересно: после «демократических» реформ 90-х гг. «не по Адаму Смиту», когда общепризнанным стал крах советской экономики (за 1990-е гг. ежегодное падение про-

изводства составляло 9% и к 2001 г. доля России в мировом промышленном производстве упала до 2% против 25% аналогичной доли СССР в 1980-е гг., к 2003 г. по добыче угля мы оказались на уровне 1957 г., автомобилей – 1937 г., обуви – 1900 гг., сельское хозяйство стало производить меньше продукции, чем в 1861 г., абсолютный показатель бедности за 1990-е гг. вырос в 20 раз и по интегрированному показателю уровня благосостояния населения РФ опустилась на 72 место в мире)³⁰, к нам стали возвращаться «тени прошлого»:

- высокая плотность населения при отсутствии значительных запасов природных ресурсов (которыми можно торговать) и остановке трудоемких промышленных производств привели к созданию резервной армии дешевой рабочей силы;

- возродились «внешнее отходничество» (в Москву, Татарстан, Тюменскую область и т.д.) и «внутреннее отходничество» (переход от производительного труда к торговле, в сферу обслуживания, к мошенничеству и «кустарным промыслам» – по-современному, «малому предпринимательству»);

- слабость экономического механизма обернулась дотационностью для бюджета республики.

Перечень можно, при желании, продолжить. Но, думается, пора сделать вывод из сказанного: научное наследие И.Д. Кузнецова, крупного ученого-исследователя, и сегодня не потеряло своей актуальности и значимости. Оно нуждается в пристальном и вдумчивом изучении.

Примечания

¹ См.: Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. - Чебоксары, 1960. С. 46-47.

² См.: Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. - Чебоксары, 1957; Он же. Крестьянство Чувашии в период капитализма. - Чебоксары, 1963.

³ См.: Ф. 202. Оп. 2. Д. 49, 107, 110, 245 и др.

⁴ Ф. 202. Оп. 2. Д. 110. Лл. 1-12.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ См.: Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 47.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства.

¹¹ Там же. С. 244.

¹² Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма.

- ¹³ Там же. С. 192.
- ¹⁴ Там же. С. 246-251.
- ¹⁵ Там же. С. 254.
- ¹⁶ Там же. С. 244.
- ¹⁷ Там же. С. 155.
- ¹⁸ Там же. С. 157.
- ¹⁹ Там же. С. 238.
- ²⁰ Там же. С. 239-240.
- ²¹ Там же. С. 161.
- ²² Там же. С. 163.
- ²³ Там же. С. 171-172.
- ²⁴ Там же. С. 256-264.
- ²⁵ ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 2. Д. 245. Лл. 31-48.
- ²⁶ Там же. Лл. 46-47.
- ²⁷ Там же. Лл. 67-72.
- ²⁸ Там же. Л. 67.
- ²⁹ Там же. Л. 69.
- ³⁰ Шутов А.Д. На руинах великой державы, или Агония власти. 1991-2003
годы. - М., 2004.

Н.А. Петров

ВОПРОСЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ И ОБЫЧНОГО ПРАВА В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Исследование вопросов функционирования крестьянской общины и обычного права занимает важное место в кругу проблем истории и этнографии чувашского народа. После победоносного завершения Великой Отечественной войны в Советском Союзе начинают создаваться сводные труды, посвященные узловым проблемам истории и этнографии народов страны, в том числе и о чувашах. Существенный вклад в разработку проблем сельской общины и обычного права чувашского крестьянства внесли известные историки Чувашии И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов. В частности, в работах И.Д. Кузнецова¹ на основе привлечения широкого круга источников изложены вопросы имущественной дифференциации и социального расслоения чувашского крестьянства в эпоху господства феодально-крепостнической системы, ярко показано формирование прослойки богатеев–коштанов и их роль в жизни крестьянской общины. Автор справедливо полагает, что «в конце XIX века жизнь чувашской деревни вступает в такую полосу развития, когда происходит сращивание кулачества и коштанства, и в экономике Чувашского края господствующие позиции начинают занимать капиталистический и мелкотоварный уклады». «В деревне, – далее отмечает автор, – появились земельные собственники, владельцы земель, купленных у помещиков, удела и казны. Многие кулаки пользовались также землей, заарендованной на длительные сроки от тех же землевладельцев. Интересы крестьян-частновладельцев не могли вполне и до конца совпадать с интересами частных собственников вообще»².

В своих работах И.Д. Кузнецов подробно охарактеризовал эволюцию крестьянского землевладения и землепользования в Чувашском крае в эпоху капитализма. В рассматриваемый период «земля превращается в товар и все больше вовлекается в рыночное обращение». По мнению автора, «в пореформенный период землевладение постепенно утрачивало свой феодальный характер, приобретая капиталистические черты»³, т.к. в конце XIX в. широкое распространение получила аренда земли, которая, как и развитие купли и продажи, внесла существенную перемену в землепользование различных групп крестьянства. Обобщая

материалы исследования по пяти уездам Казанской губернии и трем уездам Симбирской губернии, автор пришел к выводу, что сельская община в дореволюционный период являлась важным звеном в общественной организации чувашского крестьянства.

И.Д. Кузнецов справедливо утверждает, что «по сравнению с Европейской Россией в целом и такой соседней губернией, как Нижегородская, развитие капитализма в чувашской деревне шло медленнее, с относительным преобладанием первичных форм капиталистического предпринимательства» и «капиталистическая эволюция деревни в Чувашском крае протекала в условиях переплетения многочисленных остатков крепостничества, национального угнетения и формировавшихся буржуазных общественно-экономических отношений»⁴.

У чувашского крестьянства даже в условиях господства государственного права сохранялось и действовало обычное право на уровне сельских общин, хотя сфера его действия была значительно сужена. Во второй половине XIX – начале XX вв. правовые отношения в крестьянской общине по-прежнему регулировал обычай, изменявшийся в зависимости от места, времени, различных обстоятельств. Повторяемость обычая в сходных ситуациях (прецедент) служила руководством при разрешении тех или иных спорных дел. Социальная обособленность крестьянства как сословия феодального общества, замкнутого в рамках сельских общин, обуславливала неизбежность стойкого функционирования обычно-правовых норм. Обычное право, как и ранее, регулировало в деревне сферу хозяйственных, поземельных отношений, касающихся внутриобщинного распределения и пользования земельными участками, имущественных и семейно-имущественных отношений. На его основе решались все вопросы семейно-бытового (в том числе и внутрисемейные конфликты) и частично уголовного характера. Нормы обычного права определяли также многие морально-этические аспекты жизненного поведения как каждого члена крестьянской общины в отдельности, так и всей общины в целом.

Ученый особо подчеркивает, что в рассматриваемый период поземельная община чувашей, как и у других народов Волго-Уральского региона, являлась основным социальным организмом в общественной жизни крестьян. Хранителем общинных традиций в пореформенном чувашском обществе выступали представители старшего поколения, в первую очередь взрослые женатые ее члены. Чувашская община по сравнению с общинным устройством русских крестьян Среднего По-

волжья была менее подвержена разрушающему действию товарно-денежных отношений.

По мере социально-экономического и культурного развития, роста классовых противоречий в чувашской деревне функции общины менялись, но на всех этапах феодального, капиталистического обществ, вплоть до коллективизации сельского хозяйства в СССР, она была наиболее универсальной и массовой организацией крестьянства. Крестьянский мир защищал, спасал и воспитывал крестьянина, но этот же мир, придерживаясь жизненного принципа «как все», вынуждал своих членов многое терпеть, не переступать рамок общинного сознания, общинной системы хозяйствования.

В рассматриваемый период обычно-правые нормы чувашского крестьянства продолжали функционировать, многие из них теряют свое значение под влиянием развития правовой системы в России, складываются новые традиции. Даже в ходе ликвидации крестьянской общины, разрушения ее экономической основы, традиции мира не ушли в прошлое, а продолжали жить еще долгое время.

Коллективистские принципы обычного права, сложившиеся в условиях докапиталистической деревни и отражавшие общинное владение землей, диктат общины и семьи в хозяйственной жизни крестьян оказались несовместимыми со сильно развившейся к концу XIX в. частной собственностью и предпринимательской свободой, что приводило к постепенному размыванию, расшатыванию норм обычного права.

Позднее результаты исследования И.Д. Кузнецова по чувашскому крестьянству были представлены в крупном этнографическом исследовании «Чуваши. Этнографическое исследование»⁵.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. Ч.1; Он же. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960; Он же. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963; Он же. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1969. Ч.2.

² Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч.2. С. 401.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Чуваши. Этнографическое исследование // Под редакцией И.Д. Кузнецова. Н.И. Иванова и др. Чебоксары, 1970. Т.2.

В.В. Андреев

ОТРАЖЕНИЕ В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905-1907 гг.

Научное наследие И.Д. Кузнецова является образцом комплексного освещения избранной темы исследования. Общеизвестно, что главным трудом ученого стало изучение истории чувашского крестьянства. Но даже анализируя казалось бы узкий сегмент минувшего – историю одного социального слоя, - он сумел раскрыть ряд сопутствующих черт, которые существенно расширили диапазон описываемых явлений и процессов.

Характеризуя события революции 1905-1907 гг., ученый отмечает, что «первыми в Чувашии трехдневную забастовку провели алатырские телеграфисты (4-7 февраля 1905 г.). Тут же (9 февраля) объявили забастовку рабочие алатырских паровозоремонтных мастерских и депо. Они выставили 28 требований, направленных на улучшение жизни. Забастовка длилась до 15 февраля несмотря на угрозы подавить ее оружием»¹.

Освещение И.Д. Кузнецовым забастовочного движения в крае полностью соответствует общему контексту развития событий и дополняет его существенными деталями. Действительно, рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги, проходившей по территории Чувашии, представляли группу наиболее организованных и социально активных трудящихся. Так, забастовка телеграфистов началась по команде из Москвы, и лишь объявление Министром путей сообщения Хилковым о сокращении с 14 февраля 1905 г. рабочего дня до 9 часов, ставшее серьезной уступкой бастовавшим, а также принятие специального циркуляра «Об уплате за дни болезни полной поденной платой»² остановили стачечное движение на этом этапе революционных событий.

Однако процесс продолжал развиваться и, по описанию И.Д. Кузнецова, майскую демонстрацию «алатырские рабочие, среди которых преобладали железнодорожники, провели под лозунгом «Долой самодержавие!». 7 мая на Сурской ветке станции Алатырь была проведена массовка рабочих, на которой читались большевистские листовки. Массовую первомайскую демонстрацию провели рабочие

Звениговского затона. 2 мая полиция арестовала некоторых вожаков, но рабочие судоремонтного завода тотчас бросили работу и заставили освободить арестованных, проводили большевистских агитаторов, прибывших из Казани с революционными песнями на пароход. Работой Казанских большевиков руководил тогда присланный ЦК РСДРП(б) Я.М. Свердлов»³. Длинная цитата позволяет показать, с одной стороны, диапазон подхода ученого, пишущего о крестьянстве, к освещению революционных событий как единого процесса, с другой стороны – свидетельствуют о дотошности исследователя, не оставляющего без внимания ни одного мало-мальски значимого факта.

Между тем, рост активности рабочих и служащих привел к созданию в стране первых профсоюзов. В апреле 1905 г. был создан «Всероссийский железнодорожный союз». Вслед за этим профсоюзные группы и комитеты возникли на станциях в Москве, Рязани, Алатыре, Сызрани, Пензе и Казани. И.Д. Кузнецов приводит сведения от июльской забастовки алатырских железнодорожников, которая «в отличие от февральской носила ярко выраженный политический характер, была открыто направлена против самодержавия. Во время забастовки ежедневно проводились митинги рабочих. Ожидалось, что 26 июля начнется всеобщая забастовка по всей железной дороге, но она не состоялась и алатырцы приступили к работе. Полиция арестовала членов стачкома и наиболее активные 43 человека были отправлены в солдаты на Дальний Восток. Многие уволены»⁴.

События в течение 1905 г. развивались по нарастающей. Рабочие Московско-Казанской железной дороги стали инициаторами Октябрьской всеобщей железнодорожной забастовки. 6 октября ее начали машинисты товарных поездов, и вскоре она распространилась по всей дороге. Бастовали 21 тысяча рабочих и служащих Московско-Казанской железной дороги. 17 октября стачка переросла во Всеобщую и охватила практически все железные дороги страны.

Далее процесс принял еще более радикальный характер и проходил в контексте начавшегося в Москве вооруженного восстания. По Московскому участку дороги до Коломны начал курсировать поезд с боевой дружиной железнодорожников. 8 декабря прекратили работу рабочие и служащие станций Пензы, Алатыря, Сызрани, Казани и Нижнего Новгорода. На ряде станций начали формироваться боевые дружины. Движение на железной дороге фактически прекратилось.⁵

И.Д. Кузнецов дал более подробное описание событий в Чувашии: «Рабочие железнодорожной линии Алатырь – Ибреси – Шихраны в начале декабря забастовали, движение поездов было приостановлено. Это не только создавало затруднения в передвижении полицейских отрядов из Казани, но и задержало отправку на Москву новобранцев из Казани и Шихранов. В Алатыре были задержаны 3 вагона с винтовками, предназначенными к отправке в Казань. Жандармы опасались, как бы рабочие не захватили эти вагоны»⁶. Интереснейшие детали и подробности, приводимые историком, существенно дополняют общую картину происходивших событий.

В условиях обострения революционной борьбы правительство приняло решение использовать войска для подавления восстания. 15 декабря 1905 г. в 12 часов 55 минут на Казанский вокзал прибыл эшелон из Санкт-Петербурга, в котором находились солдаты и офицеры гвардейского Семеновского полка. Вокзал, станция и мастерские были очищены от дружинников. Перед войсками была поставлена задача, двигаясь по Московско-Казанской дороге до Рязани, уничтожить боевую дружину, арестовать ее главарей и восстановить движение. Приказ был выполнен, и к 22 декабря движение было восстановлено. Участники восстания были арестованы и преданы суду.⁷

После этих событий на Московско-Казанской железной дороге был создан «Особый комитет» во главе с управляющим дороги П.И. Шестаковым. В его состав входили военные и жандармские чины, на который была возложена обязанность произвести расследование происшедших событий и установить конкретных лиц, несущих ответственность за беспорядки на дороге. По типу «Особого комитета» было создано пять местных комитетов по всей линии Московско-Казанской железной дороги с аналогичными функциями – в Рязани, Арапове, Инзе, Нижнем Новгороде и Казани. По результатам деятельности этих комитетов с дороги были уволены многие рабочие и служащие, принимавшие участие в волнениях. На заседании правления общества в 1906 г. было принято решение, что по итогам года «все служащие, которые в 1905 г. проявили нерадение или небрежение к интересам порученного дела, должны, в зависимости к означенным событиям, или совершенно лишены награды, или же таковая по сравнению с другими должна быть им уменьшена»⁸. Первая русская революция развивалась стихийно и нередко непоследовательно. Пики чередовались со

спадом, успехи с поражениями. В целом общий процесс складывался из отдельных эпизодов. Для исторической науки любой фрагмент – данность, требующая, во-первых, фиксации, во-вторых, – анализа. Образцы такого тщательного и взвешенного подхода мы находим в трудах И.Д. Кузнецова, существенно дополнивших общую картину освещения революции.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. Очерки истории Чувашского крестьянства. Чебоксары, 1969. Ч. П. С. 278.

² Филатов Л.Г. Железнодорожники Мордовии в огне первой русской революции. Саранск, 1972. С. 38.

³ Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 280.

⁴ Там же.

⁵ Филатов Л.Г. Указ. соч. С. 62.

⁶ Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 285.

⁷ Высший подъем революции 1905 – 1907 гг. Вооруженное восстание. Документы и материалы. М., 1955. Ч. I. С. 97.

⁸ РГИА. Ф. 350. Оп. 89. Д. 16. Л. 135.

Е.К. Минеева

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Иван Данилович Кузнецов – истинный, заслуженно признанный учёный и общественный деятель Чувашии, положивший свою жизнь на «алтарь» исторической науки. Несмотря на объективные преграды, вставшие на его жизненном пути, он не только не потерял интереса к исследовательской деятельности, наоборот, по возвращении из политической ссылки продолжил активную работу по изучению истории чувашского народа. Исследователю свойственны далеко не каждому предоставленные природой и опытом интеллектуальные качества: глубина и острота мысли, способность анализировать, на высоком уровне обобщать имеющиеся источники и факты, простота, доходчивость изложения и искусство владения убедительностью слова. Но главное – его вера, сказавшаяся на методике и выводах историка. И.Д. Кузнецов – глубоко верующий человек. Речь, понятно, идёт не о сверхъестественном, он был принципиальным атеистом. Изучая монографии и статьи И.Д. Кузнецова, не перестаёшь удивляться его искренней, бесконечной вере в святость марксистско-ленинских идеалов, в правоту теории В.И. Ленина о классах, государстве, нации. В настоящее время не принято вслух положительно говорить о подходах, отстаивающих социализм и существование Советского Союза. Легче было бы промолчать, как это делают многие другие. Но давайте называть вещи своими именами. Только на основе правдивости и объективности возможно дальнейшее продвижение научной мысли.

Работы вождя пролетариата стали настольной книгой исследователя, он знал Ленина, умело цитировал его, применял идеи и основные положения учения этой выдающейся харизматической личности, «великого мечтателя», по словам Герберта Уэльса, в своих статьях. Изучение (не критика, а именно изучение) наследия самого Ленина ещё впереди. Смысловое значение исторической науки заключается не в вывешивании ярлыков, а в кропотливом восстановлении прошлого во имя совершенствования будущего общества. Чем выше степень культуры и нравственной чистоты учёного, тем объективнее и полезнее станут плоды его познавательного труда.

Актуализация этической роли научного знания имеет вполне конкретную почву – оно не должно быть связано с политикой и идеологией государства. Советское прошлое ещё раз убедительно подтвердило

этот неписанный закон. Идеологизация научных изысканий ограничивает объективность, тормозит, успокаивает настоящее и не имеет будущего. Наука по своей сути отличается толерантностью и стремлением к истине. К сожалению, на практике на позицию исследователя зачастую оказывают влияние политические убеждения, националистические взгляды, штампы возрастного авторитета былых заслуг, подчиняющие субъективизму истинное, правдивое знание.

Партийность, ленинизм историка И.Д. Кузнецова не могли не сказаться на его исследовательской деятельности. На первое место учёный выдвигает классовый подход, не приемлет немарксистские взгляды, призывает «организовать отделения историков-марксистов, которые в едином коллективе историков всего края вели бы непримиримую борьбу за партийность в исторической науке...»¹. Политические убеждения отразились и на определённой категоричности исследователя, с которой он подвергает жёсткой критике историков, этнологов, деятелей культуры, наконец. С другой стороны, несмотря на идеологические установки, а, возможно, и благодаря им, И.Д. Кузнецов одним из первых среди национальных историков активно включается в процесс глубокого, содержательного изучения давнего и ближайшего прошлого своего народа. Не случайно позиция и работы исследователя стали предметом анализа учёных². Кропотливо собирая и изучая источники, он создал не один сборник документов, обнаруживая и вводя ранее неизвестные данные в научный оборот. Знание большого количества источников, изучение быта и культуры чувашей, родного языка с точки зрения лингвистики, а также глубокая принципиальность, уверенность в своей позиции позволили ему сделать целый ряд выводов, подтверждённых его сподвижниками и учениками.

Важным вопросом, на котором специально останавливается И.Д. Кузнецов, стало происхождение чувашского народа. В целом ряде статей он обращается к данной проблеме³. В первую очередь, Кузнецов справедливо отмечает тот факт, что вопрос об этногенезе чувашской народности долгое время имел «политический привкус», «перешёл, поэтому с арены академических исследований на арену острой идеологической борьбы»⁴. Далее он убедительно, с точки зрения историка, доказывает неправоту тех, кто пытался отнести болгарское наследство к одним казанским татарам или к одним чувашам. В этой связи следует заметить, что в настоящее время связь чувашей с тюрками стала аксиомой для большинства краеведов. В период научной деятельности И.Д. Кузнецова интересующий нас вопрос продолжал оставаться проблемным и весьма дискуссионным. Заслуга учёного и заключается в том, что он отказался от теории автохтонности чувашей и занялся изучением этнической базы, на которой сложилась чувашская народность.

Приступая к рассмотрению происхождения конкретного народа, И.Д. Кузнецов даёт своё представление о народности и нации в целом. Оставаясь историком-марксистом, он различает народность и нацию по их обязательным признакам, определённым в марксистско-ленинской теории. При этом народность выявляется в качестве закономерного этапа по пути развития к нации. Национальное же единство предполагает «установление связей буржуазных (рыночных), хотя и не обязательно индустриально-капиталистических, сначала, как правило, торгово-капиталистических»⁵. Следовательно, по мнению учёного, если народность складывается в результате разрушения патриархально-родового строя, возникновения классового общества и формирования государства, то нация способна появиться не раньше, чем при капитализме.

В связи с национальным вопросом, требовавшим своего разрешения в первые годы советской власти, перед национально-государственным строительством встала проблема происхождения чувашской нации. Все аспекты национально-государственного строительства в Чувашском крае были связаны с изучением данной проблемы. Поэтому исследователи, так или иначе касавшиеся национального вопроса в Чувашии, вынужденно затрагивали и формирование своей нации⁶. По-разному они отвечали на данный вопрос. Признавая развитие торгового капитализма, городов в Чувашском крае, И.Д. Кузнецов фактически придерживался мнения о сформировании к 1917 году чувашской нации. Выйти за рамки марксистско-ленинской идеологии в то время учёный так и не смог.

Теория нации, национализма и национальных отношений после семидесятых годов XX века в исследовательской литературе Чувашии, к сожалению, не получила своего обстоятельного анализа. В этом региональные учёные отстали от своих братьев и коллег центра. Освободившись от «единственно верного» взгляда на нацию как на надэтническую общность, возникающую лишь при наличии высоко развитых экономических связей, историки Москвы, Санкт-Петербурга начали объективный поиск в данном направлении. Пересмотр национального вопроса ведёт к новым выводам, требующим дальнейших изысканий и подтверждений со стороны представителей исторической области научного знания национально-государственных образований Российской Федерации. Так, теперь нация рассматривается не только с точки зрения экономических, но и со стороны политических связей (её связи с государством)⁷. Региональная наука всегда тяготеет к центру и ориентируется на него, не бездумно используя новые теории и взгляды, а кропотливо перерабатывая их с учётом преломления через призму национального восприятия. Указанная детерминированность представ-

ляет собой факт, имеющий отношение к бытованию полиэтнического государства, государства, созданного на основе национально-территориального принципа. Пришло время национальным историкам по-новому взглянуть на историческое прошлое и историческую литературу о нём с тем, чтобы сохранить и развить её рациональное зерно.

Выступая против концепции автохтонности происхождения чувашского народа, И.Д. Кузнецов даёт объяснение своим взглядам. В качестве одного из главных аргументов он выдвигает несправедливость вывода об этнической консолидации, исходя лишь из тех археологических культур, которые выявлены на территории нынешнего обитания народа. Формирование чувашского этноса имеет свою длительную историю, включающую географические перемещения различных народов. Встреча азиатских и европейских этнических носителей самобытных культур в результате великого переселения народов, продвижение гуннов, болгар, акацер, хазар, сувар и множества других маньчжурских, монгольских, прототюркских и тюркских племён через территории Семиречья, Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа оказали существенное влияние на этногенез чувашей. Каждая из автохтонных и пришлых в Поволжье этнических групп имела и привносила элементы духовной и материальной культуры не только своего этноса, но и тех народов, которые находились на пути следования перекочевавших племён. Для более детального выявления этнической истории чувашской народности необходимы аналогии, сравнительно-сопоставительный анализ их прошлой и современной культуры. Иначе история народа будет подменена историей территории.

Критикуя теорию автохтонности в качестве антинаучной или антиисторической, учёный выступает против признания территориального постоянства народов в период формирования народности. Помимо участия в процессе генезиса чувашского этноса пришлых народов, здесь следует отметить перемещения самих волжских болгар в более позднее время. В итоге завоевания Волжской Болгарии монголами в XIII веке, разорительных походов золотоордынцев волжские болгары покидают окультуриванные ими ранее земли, создавая так называемое «дикое поле». В XV-XVI веках чувашаи начинают осваивать эти плодородные незаселённые, пустующие земли, распространяя национальную культуру на южные территории современной Чувашии. Позже, в XVI-XX веках по различным политическим, социально-экономическим и культурным причинам складывается чувашская диаспора, в любом случае связанная с перемещениями представителей чувашской национальности. Другое дело, что формировавшаяся диаспора подтверждала факт существования её метрополии или Чувашского края, поскольку чувашская народность в это время уже существова-

ла. Таким образом, действительно «признать территориальное постоянство, значит идти против исторической правды»⁸.

Научно несостоятельной рассматривает И.Д. Кузнецов и точку зрения, по которой «чувашаи как народность представляют собой такой сложный конгломерат, что и сказать невозможно, кем являются их предшественники»¹⁰. Очень точно подметил исследователь сущность скептического толкования проблемы, а именно стремление отказаться от разрешения вопроса. Он констатирует тот факт, что в чувашском народе исторически переплавилось большое количество этнических элементов: не только мари, буртасы, можары, русские, но и другие. Не отрицает учёный и того, что часть чувашей отатарилась, обрусела, омадьрялась, отуречилась¹¹. Вполне закономерно, что любой народ, всякая культура синкретичны по своему содержанию. Нет ни одного абсолютно «чистого» в этническом отношении народа. Географические перемещения, проживание в соседстве с различными этносами, тесные политические (военные походы, дипломатические отношения), социально-экономические и культурные (торговля, брачные союзы, приглашение мастеров зодчества, живописи и т.п.) контакты неизбежно приводят к смешиванию народов. Однако имеются основные этнические элементы, сыгравшие определяющую роль в этнической истории народа.

Болгаро-суварский компонент стал превалирующим в генезисе чувашей, о чём свидетельствуют как язык, единственный сохранившийся в видоизменённом варианте от огузской ветви тюркских языков, так и другие показатели культуры народа. Тем не менее, нельзя отождествлять отдельные древние этносы с чувашами. Чувашская народность в качестве самостоятельной сформировалась позднее. Её непосредственной основой стали волжские болгары. Уже одно то, что чувашский язык являлся государственным или языком деловой письменности в Волжской Болгарии, говорит о многом. Но не следует забывать, что в формировании народности участвуют не только язык, но и факторы типа: завоевание народа, его пребывание под данью, управление со стороны государства, в состав которого он вошёл, создание социально-экономической, хозяйственной специфики, религия, территориальные перемещения и окончательное оседание на определённом месте, наконец, осознание себя единой общностью. Все они проявляются у чувашей, именно как у самостоятельной чувашской народности, лишь в XIV-XVI веках, а не в период существования Волжской Болгарии. Чувашаи – ясачное земледельческое население с определённой территорией проживания, своим языком, язычеством, духовной и материальной культурой – сложились к XVI веку. Не случайно, немецкий путешест-

венник Герберштейн в начале XVI столетия назвал край проживания народности Чуваший (всем известный факт). Если рассматривать волжских болгар чувашами, тогда возникает естественная закономерность в признании происхождения поволжских татар от чувашей. Этногенез поволжских татар также имел длительную по времени и качественно очень не простую историю. В сложных процессах происхождения приказанских татар приняли участие как тюркские и монгольские племена, так и волжско-болгарская народность. Вывод исследователя о Волжской Болгарии в качестве источника формирования будущих чувашской и татарской народностей звучит весьма аргументированно¹². Удревление же истории чувашей вызывает сомнения.

Ещё в 1935 году в «Правде о «Золотой Булгарии» он пишет о том, что Булгарское ханство в IX-XII веках угнетало чувашское крестьянство¹³. В статье «О древних чувашско-китайских связях», составленной им в порядке постановки вопроса в 1958-1959 годах, Иван Данилович отмечает буквально следующее: «Возможно, что чувашские племена жили в Азии 2-3 тысячелетия тому назад под другим названием»¹⁴. Ранее, в «Заметках по этнографии чувашского народа» от 1957 года он выступает против формирования чувашской народности в XIV-XVI веках¹⁵. В этой статье Кузнецов справедливо подвергает критике позицию Н.И. Воробьёва по поводу финно-угров в качестве основного этнообразующего чувашскую народность элемента. Однако некоторые высказывания профессора Воробьёва, приводимые И.Д. Кузнецовым в своих «Заметках» в качестве неверных, звучат убедительно. К примеру, Воробьёв делает вывод о том, что «... нельзя говорить о... приходе чуваш со стороны в уже сложившемся виде, нельзя ставить знак равенства между ними и ... древними народами...»¹⁶. В статье «Серьёзный шаг в изучении истории Чувашии» И.Д. Кузнецов рецензирует работу В.Д. Димитриева «О происхождении чувашского народа»¹⁷. Не соглашаясь с мнением автора о начале складывания чувашской народности с X века, учёный пишет: «... нет никаких оснований утверждать, что этническое формирование чуваш (сузавов и др.) не произошло даже раньше консолидации Волжской Булгарии»¹⁸. Думается, изучение этнических элементов, участвовавших в генезисе народа, ещё не означает его отождествления с процессом формирования чувашей в качестве осознающей себя единой самобытной общности – чувашской народности.

Следующим важным вопросом концепции И.Д. Кузнецова в области национально-государственного развития чувашского народа стало создание его национально-территориальной государственности. Условно историческое начало данного процесса по работам учёного следует отнести к первой революции в России. По взглядам историка,

«среди чувашей уже в те времена существовали различные партийные группы»¹⁹. Он называет октябристов, кадетов, эсеров, трудовиков, социал-демократов, монархистов²⁰. Именно размежевание чувашей на основе классового антагонизма привело, по убеждению исследователя, к непримиримой политической борьбе в Чувашском крае²¹. Соглашаясь в целом с признанием участия чувашского народа в событиях 1905-1907 годов, трудно принять само их изложение в подаваемом учёным контексте. Оно выглядит несколько предвзято. И.Д. Кузнецов говорит о наличии среди чувашей буржуазной и рабочей прослойки, об активной деятельности большевиков, под руководством которых проводились революционные выступления, о съездах чувашских революционных организаций²². Подобные факты, кстати, далеко не всегда подтверждаемые документально (ссылками на источник), без объективного фона грешат преувеличением. В действительности, малообразованное чувашское крестьянство, с низким уровнем культуры, задавленное поборами и повинностями, в абсолютном своём большинстве пребывало вдалеке от политики.

Заслуженное внимание учёный уделяет правым и левым эсерам, активно действовавшим в Чувашии начиная с 1905 года. И.Д. Кузнецов выступает принципиально против действий обеих групп чувашских социалистов-революционеров, обвиняя их в борьбе против советской власти и в национализме. Эсеры стремились к объединению всех чувашей безотносительно к месту проживания, по Кузнецову, к объединению чувашской интеллигенции на платформе буржуазного национализма²³.

Однозначно негативно учёный оценивает деятельность Чувашского национального общества (ЧНО). Считаясь формально беспартийным, общество руководилось фактически правыми эсерами во главе с Г.Ф. Алюновым. Одним из выделяющихся действий ЧНО стала организация выпуска прежде (с 1906 года) революционной, по мнению исследователя, а затем (в 1917 году) буржуазно-националистической, учредительской газеты «Хыпар»²⁴. Возглавив единственную тогда чувашскую газету, общество стало монопольным организатором общественного мнения чувашей. Последовательно, шаг за шагом учёный иллюстрирует националистическую и антисоветскую сущность политики эсеров. Национальный вопрос, вопрос о равноправии народов стали главным стержнем деятельности правых эсеров в борьбе с большевиками и Советами. Поддержав Временное правительство, они выступили за идею созыва Учредительного собрания, рассчитывая при его помощи попасть во власть. После разгона большевиками представительного форума в начале января 1918 года они выдвинули лозунг образо-

вания не центрального всероссийского, а национального чувашского Учредительного собрания, что могло означать только отсоединение от советской власти. И.Д. Кузнецов совершенно правомерно разоблачает правых эсеров в их антибольшевистской направленности. Факт признания Комуча в Самаре, поддержки белогвардейцев в период гражданской войны – явное тому подтверждение. Призывы к объединению чувашей всей России, к развитию собственной культуры, к созданию национальных организаций, отстаивающих, якобы, интересы всего чувашского народа, использовались ими в политических целях. Всё их антисоветское движение формально проходило под «национальным» флагом. Национальный вопрос использовался в борьбе за политическую власть.

С другой стороны, это характерно не только для эсеров, но и для всех остальных политических партий, возникших в России в начале XX века. Партия представляет собой политический институт, главной целью которого является борьба за власть. Наличие идеологии, отражающейся в программном документе, – один из важнейших признаков политических партий. Каждая из них стремится претворить в жизнь программные требования. Национальный вопрос в качестве неотъемлемой части программной идеологии был представлен всеми партиями полиэтнической России. Отсталое, в большинстве своём аграрное, население национальных районов бывшей Российской империи слабо разбиралось в политическом размежевании, но имело свои национальные чувства и интересы. Привлечь на свою сторону народности стало важнейшей установкой политических партий.

Разрабатывая теорию национального вопроса, В.И. Ленин исходил из главной идеи – пролетарской революции и диктатуры пролетариата. И это не открытие современной науки. Аналитические рассуждения самого вождя пролетариата в его статьях по национальному вопросу, работы советских историков подтверждают данное положение. Лозунги равноправия наций и национальных меньшинств, права наций на самоопределение вплоть до образования собственного государства, объединения народов в первую очередь подчинены политической цели. Под нацией Лениным подразумевалась именно пролетарская часть российских этносов. Мелкобуржуазным и буржуазным национальным слоям было отказано в инициативе создания будущего многонационального государства, если только на основе признания власти рабочего класса под руководством партии большевиков. Складывание однопартийного режима и установление диктатуры рабочего класса неизбежно привели не просто к политическому противостоянию, но и к открытой вооружённой гражданской войне. Таким образом, нацио-

нальный вопрос стал краеугольным камнем в политической борьбе российских партий за власть.

И.Д. Кузнецов – марксист, учёный советского государства. Его рассуждения – это размышления с точки зрения победы большевиков в борьбе за власть. С позиции победителя по отношению к побеждённому дается его оценка событий 1917-1920 годов. Однако весьма позитивным для исторической науки стало подробное, с выдержками из источников, рассмотрение исследователем политической истории Чувашского края. Он описывает все, наиболее значительные собрания, съезды чувашских представителей (собрания представителей мелких народностей Поволжья, Общечувашский национальный съезд, съезды чувашских военных организаций и т.п.) с наименованием и обсуждением поставленных в повестке вопросов, с резолюциями их решений. Из данных, введённых учёным в оборот, становится заметным и объяснимым большое влияние на чувашей социалистов-революционеров. Национальный и крестьянский вопросы для чувашских крестьян были основными. Понятные народным массам лозунги эсеров о социализации земли и культурно-национальной автономии отвечали чаяниям слабо в политическом отношении развитого чувашского крестьянства. Кроме того, представителей эсеров среди чувашской интеллигенции было значительно больше, чем партии большевиков. Активная агитация с их стороны имела свои результаты.

Большой активностью в Чувашском крае выделялись левые эсеры. В первую очередь, историк отметит их шаткую позицию²⁵, суть которой заключается, по справедливой оценке исследователя, в метаниях между правыми социалистами-революционерами и Советами. Выдержки из решений Чувашского окружного съезда, открывшегося в Казани 10 декабря 1917 года, убедительно демонстрируют их колебания в сторону правых, в сторону ЧНО²⁶. Постепенно подпадая под влияние чувашских солдатских масс, в силу определённых условий и причин, более активно подвергавшихся большевизации, левые эсеры начинают переходить на позицию поддержки советской власти. Двойственность и непоследовательность левых эсеров объяснима. Две самостоятельные политические партии (РСДРП(б) и социал-революционеры), у каждой из которых свои идеологические установки, собственное видение будущего устройства государства и общества. И если картины политической жизни менялись достаточно быстро, поменять так же стремительно сознание и психологию невозможно. Для признания несправедливости или правдивости той или иной позиции, той или иной идеологии необходимы были время, анализ конкретной ситуации, поднятие культурного уровня людей. Поэтому трудно солидаризироваться с категоричностью И.Д. Кузнецова в

оценке левых социалистов-революционеров Чувашского края. Тем более, нельзя им отказать в большой консолидирующей роли по объединению чувашского народа, по формированию его национально-территориальной государственности. Они признали Советы в качестве государственного органа власти, отстаивающего интересы трудящихся. Это было главным в их позиции. Отрицать данный факт, значит идти против истины.

Другое дело, далеко не сразу они согласились со всеми идеями большевиков, в частности, в области разрешения национального вопроса. Нельзя отрицать и националистическое содержание некоторых их лозунгов. Так, долгое время чувашские социалисты-революционеры вслед за правыми эсерами выдвигали лозунг культурно-национальной автономии, предполагая создание Большой Чувашии. Формирование подобного государства на практике невозможно без ущемления интересов других этносов. Несмотря на то, что в настоящее время институт национально-культурной автономии (НКА) введён в Российской Федерации, принципиально он не решает проблему взаимоотношений наций нашего многоэтнического государства. НКА при помощи федеральных органов государственной власти может способствовать лишь укреплению диаспоры народа с его национально-государственной метрополией, то есть развитию национальной культуры.

В условиях подъёма национально-освободительного движения в период распада Российской империи в 1917 году право наций на самоопределение, выдвинутое партией большевиков, сразу решало две задачи: объединение пролетариата и всех трудящихся российских этносов, а также создание федеративного государства, принципиально по-новому решавшего национальный вопрос на основе интернационального сплочения народов. Федерация, формировавшаяся советской властью по национальному принципу, отражала движение народов России за равноправие. Идея федеративного государственного устройства на национально-территориальной основе не только напрашивалась конкретными историческими условиями, но и укладывалась в политические идеалы партии большевиков. Знание ситуации, аналитический дар и гений предвидения В.И. Ленина сыграли здесь судьбоносную роль.

Национально-территориальная государственность чувашей рождалась в тяжёлых муках споров, дискуссий, отстаивания экстерриториальной или культурно-национальной автономии. Не сразу сложилось видение содержания федеративного устройства и у центральных советских органов власти. К примеру, в целях скорейшего практического разрешения национального вопроса, Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) РСФСР выработал «Положение о Татаро-Башкирской Советской республике»²⁷. Татаро-Башкирская Совет-

ская республика создавалась в качестве антипода несоветским Волжско-Уральским штатам, инициатива образования которых исходила с мест, от националистических кругов. Идея навстречу мусульманам, советское государство не учло интересы немусульманских народов Поволжья и Приуралья. Территориальное оформление подобной республики на практике в обход народов мари, чувашей, удмуртов и др. кажется весьма проблематичным. Да и её исламский характер налицо. Не случайно, представители Чувашского левосоциалистического комитета (ЧЛСК), созданного 5 апреля 1918 года, от имени чувашского пролетариата и беднейшего трудового крестьянства предъявили советской власти ультиматум. Основное требование социалистов сводилось к несогласию с образованием Татаро-Башкирской республики²⁸.

И.Д. Кузнецов крайне негативно оценивает занятую левыми эсерами Чувашии по данному вопросу позицию. Учёный убеждён в том, что ЧЛСК захлестнула волна национализма в стремлении ратифицировать насаждаемую социал-революционерами культурно-национальную автономию²⁹. «Положение» же правительства о создании Татаро-Башкирской республики исследователь не оспаривает. Создаётся впечатление, что автор не стремится давать оценку решениям центральных органов власти. Предмет его анализа – исключительно местные организации, действовавшие в это время на территории края. Однако поиск формы нового государства был обоюдным и двусторонним, он шёл и в центре, и на местах. Обсуждение настоящего и будущего Татаро-Башкирской Советской республики действительно могло отвлечь народы от Идиль-Уральских штатов, и это логично. С другой стороны, становится непонятным, как светское по своей сути государство могло пойти на формирование территориально-административной единицы на основе религиозного принципа? Не одобренная народами Поволжья и Приуралья, республика так и не получила всего необходимого для дальнейшего существования. Идея В.И. Ленина о национально-территориальной государственности возобладала, и она стала принципиальной позицией советского правительства в разрешении национального вопроса.

Левые эсеры Чувашии пошли на тесное сотрудничество с советской властью, что подтверждает их деятельность по созданию Чувашской автономной области. Образование ЧАО напрямую связано с организацией Чувашского отдела при Наркомнаце. Именно он занимался в 1918-1920 годах вопросами связи местного населения с центром, повышения уровня грамотности и самосознания чувашского народа, распространения политической информации среди чувашей, разработкой проектов их будущей национально-территориальной государственности. В историче-

ской литературе до сих пор нет единства взглядов относительно степени участия ЧЛСК в процессе создания Чувашского отдела. И если В.Н. Любимов, к примеру, считает, что ЧЛСК активно участвовал в организации отдела³⁰, то И.Д. Кузнецов настаивает на том, что «Чувашский отдел был организован по инициативе и совету Наркомнаца»³¹. «По инициативе Ленина и Сталина был создан при Наркомнаце Чувашский отдел», - такой вывод делает Кузнецов³². Опираясь на телеграмму наркома по делам национальностей И.В. Сталина, извещавшего Чувашский комиссариат о необходимости выделения представителя для работы в отделе Наркомнаца³³, учёный отказывает левым эсерам края в инициативе образовании отдела при Наркомнаце и ЧАО. Однако архивные документы говорят о тесном сотрудничестве левосоциалистического комитета с комиссариатом по чувашским делам при Казанском губернском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов³⁴. Данный факт, в свою очередь, подтверждает связь ЧЛСК с советскими органами и демонстрирует участие социалистов в делах чувашского народа. Казанский комиссариат по чувашским делам под руководством левого эсера А.Д. Краснова, тесно сотрудничавший с левым социалистическим комитетом, в апреле 1918 года был единственным государственным органом, представлявшим интересы всей чувашской народности. С другой стороны, факт его создания при Казанском Совете говорит об областном характере его задач и обязанностей. Такая двойственность тормозила работу комиссариата и требовала либо расширения его функций и прав, либо создания органа, способного решать проблемы, выходящие за рамки Казанской губернии. Руководители комиссариата избрали первый путь решения проблемы, обратившись в апреле 1918 года в Совет Народных Комиссаров РСФСР «об официальном признании комиссариата в качестве административного органа для всего чувашского народа и разрешении иметь при центральном правительстве представителя для защиты национальных интересов чувашского пролетариата и беднейшего трудового крестьянства»³⁵. Видимо, этот документ и следует считать исходным пунктом в процессе образования Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР.

Так или иначе, и советское правительство, и местные органы, действовавшие в крае, были заинтересованы в национальном самоопределении чувашской народности. НКДН стремился привлечь представителей Чувашии к проекту создания национально-территориальной автономии. Через свои территориальные комиссариаты и отделы, являвшиеся его структурными единицами, он имел возможность руководить национальной политикой на местах. Одной из главных задач наркомата была борьба с национализмом и с остатками всех небольшевистских партий. Распространение советской власти и установление однопар-

тийного режима стало неотъемлемой частью политики Наркомнаца РСФСР. Местным организациям, принципиально решившим для себя вопрос о власти, важным являлось формирование собственной государственности. Контакты с советским правительством привели к тому, что большинство левых эсеров (основная часть ЧЛСК) перешло в партию большевиков. Вместо левосоциалистического комитета создаётся коммунистический комитет. Основной кадровый состав Чувашского отдела при Наркомнаце представлял бывших эсеров. Именно отдел во главе с бывшим левым социалистом-революционером Эльменем проделал всю необходимую работу по созданию государственности чувашского народа. К сожалению, И.Д. Кузнецов незаслуженно мало внимания уделяет Чувашскому отделу при Наркомнаце. Признать создание Чувашской автономной области в качестве результата деятельности отдела для исследователя означает придать позитивность политике эсеров. Такая позиция никак не вписывается в концепцию учёного. Наоборот, по убеждению историка, именно сопротивление чувашских националистов и левосоциалистов, отстаивавших идею экстерриториальной автономии, с претензией на управление чувашским населением всей России, оттягивало решение национального вопроса в Чувашии³⁶.

В соответствии со своей общей позицией оценивает И.Д. Кузнецов и отдельные личности, участвовавшие в политических событиях 1905-1920 годов. С резкой критикой он обрушивается на А.Д. Краснова, не говоря уже о правых - Г. Алюнове, Д. Петрове (Юмане) и др. Марксист Кузнецов обвиняет «бывшего эсера и бывшего коммуниста» Краснова в том, что его уверения о руководящей роли эсеров в революционных и государственнообразовательных процессах в Чувашском крае, не имеют под собой реальной почвы³⁷. По-разному называет учёный эсеров: «националистами», «позорными капитулянтами», «махровыми контрреволюционерами», «саботажниками» и т.п. Отношение к ним как к врагу – принципиальная и бескомпромиссная позиция исследователя. В редких случаях он смягчается, да и то достаточно абстрактно, как правило, без называния имён³⁸. С позиций советского строя и неприимности к иной политической идеологии И.Д. Кузнецов оценивает не только революционных деятелей, но и представителей культуры и науки. К примеру, обвиняет профессора Н.В. Никольского в полном игнорировании диалектики, в эклектичности взглядов, в отсутствии дифференциации чувашей на кулака, середняка, бедняка³⁹. Непокоримая вера в марксизм-ленинизм приводит И.Д. Кузнецова к абсурдным выводам. Этнология – наука об отличительных особенностях этносов: об их быте, национальном чувстве, образе мышления, характере

и т.п. Не следует переводить её понятия на политическую терминологию. Научное познание имеет своей целью обрести истину, поэтому наука не должна реагировать на политические установки и штампы.

Таким образом, профессор Иван Данилович Кузнецов – выдающийся историк Чувашии, многие идеи и выводы которого в области национально-государственного развития чувашского народа были продолжены и развиты учёными республики. Однако его убеждённости в абсолютной правоте коммунистических идеалов не позволила исследователю многосторонне и правдиво рассмотреть отдельные события, организации и личности чувашской истории.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. О некоторых уроках Октября и об истоках коммунистического движения в Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 73.

² Димитриев В.Д. Труды И.Д. Кузнецова по истории Чувашии // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 31. Чебоксары, 1966. С. 320-331; Денисов П.В. Димитриев В.Д., Долгов В.А. Иван Данилович Кузнецов // Учёные записки ЧНИИ. Вып. 68. Чебоксары, 1976. С. 5-18 и др.

³ Кузнецов И.Д. К вопросу о происхождении чувашской народности / Текст выступления на научной сессии Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики 22 мая 1956 г. // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 7-15; Он же. О древних чувашско-китайских связях // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 15-17; Он же. Правда о «Золотой Булгарии» // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 35-54 и др.

⁴ И.Д. Кузнецов К вопросу о происхождении чувашской народности. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Павлов Я.К. Тридцать лет Чувашской советской автономии. Чебоксары, 1950; Семёнов Н.П. Тридцать лет Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Чебоксары, 1950; Любимов В.Н. К вопросу о возникновении чувашской нации. Чебоксары, 1952; Григорьев П.Г. К вопросу об образовании чувашской буржуазной нации. Чебоксары, 1953; Лебедев П.Л. О формировании чувашской нации. Чебоксары, 1955; Румянцев М.В. К вопросу о формировании чувашской социалистической нации. Чебоксары, 1968; Васкин И.А. О двух направлениях формирования социалистических наций в СССР. Чебоксары, 1970; Кузнецов И.Д. В.И. Ленин и социалистическое возрождение Чувашии. Чебоксары, 1970 и др.

⁷ Абдулатипов Р.Г. Заговор против нации. Национальное и националистическое в судьбах народов. СПб., 1992; Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994; Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998; Нации и национализм: Сб. ст. М., 2002 и др.

- ⁸ Кузнецов И.Д. К вопросу о происхождении чувашского народа. С. 9.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 9-10.
- ¹² Там же. С. 10-11.
- ¹³ Он же. Правда о «Золотой Булгарии». С. 35.
- ¹⁴ Он же. О древних чувашско-китайских связях. С. 16.
- ¹⁵ Он же. Заметки по этнографии чувашского народа // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 347-348.
- ¹⁶ Там же. С. 349.
- ¹⁷ Кузнецов И.Д. Серьезный шаг в изучении истории Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 360-367.
- ¹⁸ Там же. С. 363.
- ¹⁹ Кузнецов И.Д. Правда о «Золотой Булгарии». С. 51.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 51-56.
- ²³ Там же. С. 52.
- ²⁴ Там же. С. 51-52.
- ²⁵ Там же. С. 71.
- ²⁶ Там же. С. 71-72.
- ²⁷ Там же. С. 85.
- ²⁸ Там же. С. 86.
- ²⁹ Там же. С. 87.
- ³⁰ Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х. Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967. С. 162.
- ³¹ Кузнецов И.Д. Ленин и самоопределение народов Поволжья и Приуралья // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары, 1970. С. 21.
- ³² Он же. В.И. Ленин и освободительная борьба чувашского народа // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 208.
- ³³ Кузнецов И.Д. Правда о «Золотой Булгарии». С. 88.
- ³⁴ Архив ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 2059. Инв. 8086. Л. 290.
- ³⁵ ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
- ³⁶ Кузнецов И.Д. В.И. Ленин и освободительная борьба чувашского народа. С. 207.
- ³⁷ Он же. Социалистическая революция и крах буржуазного национализма в Чувашии // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 221-223.
- ³⁸ Там же. С. 224.
- ³⁹ Он же. О книге профессора Н.В. Никольского // Очерки по истории и историографии Чувашии. С. 336-338.

С.Ю. Михайлова

«В КОЛЛЕКТИВНОМ ПОДВИГЕ ТРУДА ...»
(Рабочая молодежь промышленных предприятий Чувашии
в трудах профессора И.Д. Кузнецова)

В названии статьи звучит строка из стихотворения В.Н. Нерубенко «Заводская молодежная», работавшего старшим мастером третьего сборочного цеха Чебоксарского электроаппаратного завода. Творчество «рабочего поэта» («заводского поэта») вызывало большой неподдельный интерес со стороны профессора Ивана Даниловича Кузнецова¹. Данная поэтическая строка, как никакая другая может охарактеризовать отношение Ивана Даниловича к молодому поколению рабочего класса. Он рассматривал труд рабочей молодежи как подвиг во имя Родины и во имя родного предприятия. В толковых словарях встречаются различные определения слова «подвиг» - действие, совершенное в трудных, опасных условиях, или самоотверженный героический поступок. По нашему мнению, наиболее подходящим в контексте изучаемой проблемы является следующее толкование: подвиг – это важное по своему значению деяние. В своих работах по истории промышленности и рабочего класса Чувашии И.Д. Кузнецов показал огромное значение рабочей молодежи в экономическом и социальном развитии общества, которое еще более возрастало в чрезвычайных условиях.

Обращение Ивана Даниловича к изучению проблем молодых рабочих не носило сугубо академического характера. Можно сказать, он хорошо знал вопрос «изнутри». Его сыновья были высококвалифицированными рабочими (Михаил – сварщик, Вячеслав и Владимир – электрики). Они начали свои трудовые биографии с работы на Чебоксарском заводе электроизмерительных приборов. Иван Данилович уважал выбор своих детей, гордился их рабочими профессиями и трудовыми достижениями. Вообще он очень хорошо относился к рабочим, высоко ценил их труд².

Интерес к исследованию рабочего класса в целом и рабочей молодежи в частности И.Д. Кузнецов сумел привить своим ученикам – студентам и аспирантам. В годы его работы в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова он проявлял особую заботу о молодых исследователях. Здесь в 1969/1970 учебном году была открыта аспирантура. На заседании кафедры истории СССР, которую возглавлял Иван Данилович, было принято решение с «1 сентября 1969 г. ас-

пирантуру вести по тематике «История рабочего класса Чувашии»³. Первый аспирант кафедры истории СССР Юрий Петрович Смирнов в 1972 г. защитил диссертацию «Рабочий класс Чувашии в годы развертывания коммунистического строительства (1959-1965)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Его научным руководителем был И.Д. Кузнецов⁴. Впоследствии доктор исторических наук, профессор Ю.П. Смирнов написал серию работ о молодых рабочих национальных республик Российской Федерации и создал научную школу по изучению истории рабочей молодежи промышленности Волго-Вятского региона на базе исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова⁵.

Иван Данилович приобщал и студентов к изучению истории рабочего класса и рабочей молодежи. С 1972/1973 учебного года при кафедре истории СССР действовал студенческий научный кружок по изучению истории заводов⁶. В 1978 г. студенты-историки участвовали в социологическом исследовании на Чебоксарском заводе промышленных тракторов⁷. Совместно с сектором историко-социологических исследований Института истории СССР Академии наук СССР кафедра организовывала поездки студентов в крупные промышленные центры страны с целью проведения социологических обследований и сбора материалов по истории рабочего класса.

Как отмечали современники, «Иван Данилович Кузнецов — исследователь, обладающий широкой эрудицией и редкой работоспособностью. Творческий путь профессора — интересная страница в истории становления и развития науки в Советской Чувашии»⁸. В сферу его разносторонних научных интересов входили проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии. Еще в 1930-е гг. он опубликовал труды, в которых освещался ход индустриализации в Чувашской республике. Позднее он написал главу X «Социалистическая Чувашия в первые годы строительства коммунистического общества (1959-1966 годы)» для второго тома «Истории Чувашской АССР»⁹. И.Д. Кузнецов отмечал, что в изучаемые годы Чувашия стала одним из районов концентрированного промышленного строительства. В промышленности республики были введены в эксплуатацию новые предприятия и цехи, происходили значительные структурные изменения, росло потребление электроэнергии. Как следствие, возросла валовая продукция промышленности. Исследователь описывал трудовое соревнование рабочих, рационализаторское и изобретательское движение на промышленных предприятиях, рассматривал проблемы повышения производи-

тельности труда. Он подчеркивал, что в процессе индустриализации существенно изменились старые города, возник ряд новых городов и рабочих поселков городского типа.

В главе десятой «Областная партийная организация в годы развертывания строительства коммунизма (1959-1965 годы)» «Очерков истории Чувашской областной организации КПСС» И.Д. Кузнецов в соавторстве с Н.И. Ивановым писал о быстром развитии промышленности и росте рабочего класса республики, о руководстве областной партийной организации развитием промышленности¹⁰. Историки показали социально-экономические условия, потенциальные возможности и место Чувашии в Волго-Вятском экономическом районе, охарактеризовали увеличение промышленного строительства, освоение новых видов продукции, изменение отраслевой структуры промышленности, проанализировали пути решения вопросов внедрения новой техники и передовой технологии, деятельность рационализаторов и передовиков производства. Особое внимание ученые уделили работе партийной организации Чебоксарского электроаппаратного завода. В то же время авторы отмечали, что для Чувашии были характерны такие недостатки, как отставание объема выпускаемой продукции от роста производственных фондов, замедление темпов роста производительности труда, медленное освоение новых мощностей, затягивание сроков ввода в действие новых предприятий, серьезные недостатки в материально-техническом снабжении предприятий.

Большой вклад Иван Данилович внес в разработку такого научного направления, как история предприятий. Крупной научной заслугой И.Д. Кузнецова считается создание совместно с кандидатом исторических наук Г.П. Петровым «Истории Чебоксарского электроаппаратного завода»¹¹, которая охватывает период с 1941 г. по 1973 г. «Это первый, весьма удачный, опыт в чувашской историографии по написанию истории предприятий. Авторы шаг за шагом, по основным историческим этапам, прослеживают возникновение, рост и укрепление завода, показывают героические подвиги рабочих и инженерно-технических работников в годы Великой Отечественной войны, их славные дела в послевоенное время. Хорошо раскрыто в книге значение технического прогресса и социалистического соревнования для повышения производительности труда, роста объема производства. Авторы с восхищением рассказывают о делах передовиков производства, о работниках, удостоенных высоких правительственных наград»¹². В соавторстве с Ю.П. Смирновым Иван Данилович написал книгу, посвященную исто-

рии Козловского комбината автофургонов в 1931-1984 г.¹³. С 1977 г. кафедра истории СССР Чувашского университета под руководством И.Д. Кузнецова совместно с Институтом истории СССР Академии наук СССР работала над созданием истории Чебоксарского завода промышленных тракторов¹⁴.

В вышеназванных трудах И.Д. Кузнецова и его коллег рассмотрены социально-демографические характеристики, различные формы социальной и трудовой активности молодых рабочих промышленных предприятий Чувашии.

Большое внимание уделено выявлению роли молодых рабочих в чрезвычайных ситуациях на примере Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В первую очередь отмечено, что они активно участвовали в борьбе за выполнение производственных планов. В цехах Чебоксарского электроаппаратного завода и Козловского комбината автофургонов были организованы фронтовые бригады и стахановские вахты. Молодые рабочие поддерживали трудовые почины комсомольцев Московского автомобильного завода, Московского завода «Каучук» и др., участвовали в движении двухсотников и трехсотников.

Для контроля над выполнением производственных заданий были организованы сигнальные посты. Также проводились рейды по проверке экономии электроэнергии, сохранения тепла в цехах, чистоты и порядка рабочих мест. Заводские комитеты ВЛКСМ взяли под свой контроль работу учеников и оказание им помощи, вовлечение молодежи в социалистическое соревнование.

Значительную роль в решении одной из главных задач рабочей молодежи военной поры – повышение производительности труда – сыграло соревнование комсомольско-молодежных бригад¹⁵. «Сила и популярность комсомольско-молодежных бригад заключалась в том, что они умело решали задачи улучшения выпуска продукции для фронта и одновременно являлись школой коллективной стахановской работы и воспитания молодежи»¹⁶. Победители в трудовом соревновании получали переходящие красные флажки.

В годы войны особая нагрузка пришлась и на молодых работниц. Это подтверждается рассказами Н. Константиновой, А. Артемьевой, В. Маркиной-Кольцовой и др. Бригадир четвертого сборочного цеха Чебоксарского электроаппаратного завода Ю.Г. Шаркова-Алексеева вспоминала: «Мы были молодые, озорные, но работали как взрослые»¹⁷.

После многочасовой и напряженной работы в цехах предприятий молодые рабочие занимались в стрелковых и пулеметных кружках, школах медицинских сестер, участвовали в сборе теплых вещей для воинов Советской Армии, шефствовали над военными госпиталями, участвовали в выступлениях культбригад. Они направляли личные средства на строительство боевой техники. Одним из видов участия молодежи в создании Фонда обороны страны были комсомольско-молодежные воскресники¹⁸.

Как видно, рабочая молодежь промышленных предприятий Чувашии активно помогала фронту. В «Истории Чебоксарского электроаппаратного завода» сделан вывод о том, что «молодой коллектив электроаппаратного завода, в основном состоящий из молодежи и женщин, внес достойный вклад в дело разгрома фашистской Германии и оказания помощи народам Европы в освобождении от фашистского ига»¹⁹.

В описании социального облика молодых рабочих второй половины 1940-х - начала 1980-х гг. упор сделан на их возрастной состав²⁰, уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки. «Успех любого дела решают кадры»²¹. Детально проанализирована деятельность стахановских школ, курсов и кружков техминимума, школ фабрично-заводского обучения и фабрично-заводского ученичества, школ рабочей молодежи, технических училищ, профессионально-технических училищ, производственно-технических курсов, курсов целевого назначения, школ передовых методов труда, школ передового опыта. Обобщена практика проведения технических конференций и совещаний, технических викторин. Охарактеризована шефская помощь передовых рабочих, индивидуальное, бригадное и индивидуально-бригадное обучение²². Показано большое значение заводской библиотеки, заводской печати (технические бюллетени, «Листок передовика» и т.п.), заводского радио в повышении уровня технических знаний молодых рабочих²³.

На основе вышеизложенного сформулирован вывод о том, что многообразные формы повышения квалификации в целом отвечали потребностям повышения культурно-технического уровня производственных рабочих предприятий. В свою очередь, рост культурно-технического уровня способствовал росту производительности труда.

Производственная активность молодых рабочих рассмотрена сквозь призму ее участия в трудовом соревновании. Рассмотрены стахановское движение, соревнование комсомольско-молодежных бригад, соревнование за право называться лучшим по профессии и бригадой

отличного качества, за перевыполнение производственных заданий, за улучшение технико-экономических показателей предприятия, в честь юбилейных дат, за досрочное выполнение важных заказов ударных комсомольских строек, за максимальный вклад в строительство коммунизма, за коммунистическое отношение к труду²⁴.

Показан значительный потенциал движения за коммунистическое отношение к труду: «Самым примечательным было то, что комсомольцы и молодежь, включившись в это соревнование, подняли свою трудовую активность»²⁵. Дана высокая оценка деятельности коллектива Чебоксарского электроаппаратного завода, который «одним из первых в республике положил начало движению за коммунистический труд. Инициаторами за звание ударников коммунистического труда явились комсомольцы»²⁶. Комсомольская организация предприятия ежедневно обобщала результаты соревнования в цехах и бригадах, объявляла их через доски соревнования и по заводскому радиовещанию, на страницах газеты «Электрик»²⁷.

В «Истории Чебоксарского электроаппаратного завода» и «Истории Козловского комбината автофургонов» обосновано положение о том, что характерная черта молодых рабочих – стремление ко всему новому, передовому. В этом ключе рассмотрены черты рабочего-изобретателя и новатора, деятельность молодых рационализаторов, массовое техническое творчество (например, в 1971 г. каждый десятый работник Чебоксарского электроаппаратного завода участвовал в движении изобретателей и рационализаторов)²⁸.

И.Д. Кузнецов прекрасно понимал всю сложность процесса становления рабочего. С этих позиций исследованы вопросы производственной дисциплины молодых рабочих, обобщен опыт воспитательной работы на предприятиях. Так, на Чебоксарском электроаппаратном заводе «пристальное внимание обращалось на укрепление производственной дисциплины, искоренение прогулов и соблюдение общественного порядка вне завода. Каждый случай пьянки и допущения хулиганских поступков подвергался обсуждению в коллективе, бригадах или на товарищеском суде»²⁹.

Иван Данилович всегда интересовался проблемой межнационального общения. Применительно к рабочей молодежи в ней можно выделить два аспекта:

1. Вовлечение в индустриальное производство представителей коренной национальности. Например, положительно оценен тот факт, что на протяжении первой половины 1960-х гг. среди комсомольцев Че-

боксарского электроаппаратного завода «число юношей и девушек чувашской национальности выросло с 40 до 56 процентов»³⁰.

2. Воспитание рабочей молодежи в духе интернационализма. Так, на Чебоксарском электроаппаратном заводе «установилась прекрасная интернационалистская традиция воспитания кадровых рабочих. Русские, украинцы, евреи и других национальностей инженеры, техники, мастера и рядовые кадровые рабочие, как, например, знатный фрезеровщик Н.А. Королев, не жалели сил и времени для воспитания нового поколения кадровых рабочих»³¹.

Рассуждения Ивана Даниловича об интернационализме получают новое звучание в начале XXI в., когда усугубляются социально-экономические диспропорции между «русскими» и «национальными» субъектами Российской Федерации. «Последние, за редким исключением, относятся к разряду экономической периферии, их перспектива – дальнейшее обострение кризиса. Поляризация на бедные и богатые регионы имеет негативные последствия. Уже сейчас в республиках РФ раскручивается этноклановая борьба за сферы влияния и управления, практикуется протекционизм по национальному признаку при приеме на работу, все более основательно укореняется этническая безработица (ситуация, когда люди одной национальности чаще становятся безработными, чем их соседи другой национальности)»³².

В изучаемых трудах много внимания уделено разработке вопросов преемственности между различными поколениями рабочего класса. Представлены рабочие династии, проанализировано движение наставничества, а также показана «помощь передовых рабочих и инженерно-технических работников молодежи, только что пришедшей на производство». Они передавали «юношам и девушкам свой многолетний производственный опыт, учили бережному обращению с техникой, инструментом, материалами, помогали партийной, профсоюзной и комсомольской организациям воспитывать молодых рабочих»³³. И.Д. Кузнецов и Г.Н. Петров пришли к выводу о том, что в «борьбе с текучестью кадров имело значение не только обучение и воспитание нового пополнения, материально-бытовое благоустройство рабочих и молодых специалистов, но и надежно взятый коллективом завода курс на образование династий». Опрос более чем 9 тыс. работников Чебоксарского электроаппаратного завода в 1971 г. показал, что среди них работали более чем по 3 человека из одной семьи 4,1%, два из одной семьи – 31%³⁴.

Оценка того, как изменились качества россиян за последние 10-15 лет

Качества	Усилились	Ослабли	Остались на прежнем уровне
Агрессивность	91,1	4,5	4,4
Цинизм	83,9	6,2	9,9
Внушаемость	57,0	18,8	24,2
Активность, целеустремленность, инициативность	44,8	39,2	16,0
Способность к сотрудничеству	27,3	39,8	32,9
Образованность	24,4	48,4	27,2
Трудолюбие	16,2	57,8	26,0
Патриотизм	4,5	72,9	22,6
Душевность	4,2	81,0	14,8
Бескорыстие	3,4	82,9	13,7
Искренность	2,9	84,0	13,1
Доброжелательность	2,6	85,7	11,7
Честность	2,3	81,6	16,1

К основным качествам молодых рабочих отнесены «трудолюбие», «инициативность», «оптимизм», «энтузиазм», «беззаветность», «патриотизм», «долг», «честь», «коллективизм», «взаимовыручка» и т.д. Как видно из вышеприведенной таблицы, они существенно отличаются от качеств современных россиян³⁵. В разные периоды времени определенные требования социальной среды накладывают существенный отпечаток на модели поведения.

Современные исследователи констатируют, что «реальная социальная активность рабочих имеет явную нисходящую тенденцию, что обусловлено совокупностью факторов». В частности, у них снижается уровень притязаний, ослабляется чувство солидарности. Рабочие становятся покладистыми, думающими «о себе в первую очередь»³⁶.

Оценивая вклад И.Д. Кузнецова в изучение рабочей молодежи промышленных предприятий Чувашии, можно говорить о том, что ему удалось дать ей объективную историческую характеристику. Его труды имеют огромное значение для современных историков, работающих в условиях «историографической революции», когда «усиливается потребность не только разобраться в текущей ситуации и открывающихся горизонтах, но также оглянуться и оценить пройденное»³⁷. В завершение приведем выдержку еще из одного литературного произведения: «Нельзя понять природу советского общества, забывая о том,

что его жизнеспособность создают вовсе не те, кто им правит, не саванные бюрократы, послушные аппаратчики. А те честные люди, которые просто не умеют плохо работать, преданы своему призванию и своей стране»³⁸. Таким человеком был И.Д. Кузнецов и подобных людей он воспитывал.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. Виктор Николаевич Нерубенко – заводской поэт // Электрик. 1979. 14 сентября; Он же. Виктор Нерубенко – рабочий поэт: (Предисловие И.Д. Кузнецова к подборке стихов поэта) // Советская Чувашия. 1973. 9 сентября; Он же. Рабочий поэт: [К 60-летию со дня рождения В. Нерубенко] // Молодой коммунист. 1973. 8 сентября.

² По воспоминаниям кандидата исторических наук, доцента кафедры средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Иды Ивановны Демидовой.

³ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 415. Л. 1.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 820. Л. 18.

⁵ Смирнов Ю.П. Социальный облик рабочей молодежи // История СССР. 1981. № 2; Он же. К вопросу об источниках и формах пополнения рабочего класса Чувашии в 1960-е годы // Рабочий класс в условиях развитого социализма. Источники и формы пополнения. 1960-1980 гг. М., 1984; Он же. Рабочая молодежь и ее роль в ускорении социально-экономического развития общества // Социальная активность рабочей молодежи автономных республик РСФСР. Чебоксары, 1988; Он же. Рабочая молодежь Российской Федерации в 70-е и первой половине 80-х годов. Чебоксары, 1989; Он же. Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в 50-80-е годы: опыт и проблемы. Чебоксары, 1996. С. 152-162 и др.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 879. Л. 7.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 1622. Л. 6.

⁸ Денисов П.В., Димитриев В.Д., Долгов В.А. Иван Данилович Кузнецов // История Чувашской АССР. Труды НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 68. Чебоксары, 1976. С. 6-7.

⁹ История Чувашской АССР. Т.2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Чебоксары, 1967. С. 158-186.

¹⁰ Очерки истории Чувашской областной партийной организации КПСС. Чебоксары, 1974. С. 451-504.

¹¹ Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары, 1975. 280 с.

¹² Денисов П.В., Димитриев В.Д., Долгов В.А. Указ. соч. С. 12-13.

- ¹³ Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. История Козловского комбината автофургонов. Чебоксары, 1984. 176 с.
- ¹⁴ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 1622. Л. 6.
- ¹⁵ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 30-34, 40-41, 44-49, 51-52.
- ¹⁶ Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁷ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁸ Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 30-32, 35-36.
- ¹⁹ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 56.
- ²⁰ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 91.
- ²¹ Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 46.
- ²² Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 90, 93, 123, 126-127, 162-166, 173; Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 17, 33, 46, 83-84.
- ²³ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 94.
- ²⁴ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 75-76, 78, 82-83, 85-86, 117-120, 145-146, 149-152, 154; Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 21-23, 34-36, 55
- ²⁵ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 145.
- ²⁶ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 182.
- ²⁷ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 182.
- ²⁸ Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 19-21, 37, 42
- ²⁹ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 175.
- ³⁰ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 172.
- ³¹ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 173.
- ³² Степанов В.В. Особенности экономики этнопроблемных регионов // СОЦИС. 2000. № 2. С. 69.
- ³³ Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. Указ. соч. С. 46.
- ³⁴ Кузнецов И.Д., Петров Г.Н. Указ. соч. С. 175.
- ³⁵ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. С. 163.
- ³⁶ Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб., 2004. С. 70, 259.
- ³⁷ Репина Л.П. Историк в двадцатом веке: вместо предисловия // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. М., 1996. С. 3.
- ³⁸ Орлова Р., Копелев Л. Генерал (Глава из книги «Мы жили в Москве») // Миф о застое. М., 1991. С. 18.

Е.В. Касимов

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЧУВАШИИ В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

В историографии истории коллективизации сельского хозяйства в Чувашии видное место принадлежит И.Д. Кузнецову. Уже в своих первых работах, увидевших свет в 1930-е гг., ученый затронул такие вопросы, как влияние коштанов на процесс коллективизации и изменение быта сельчан в результате создания колхозов¹. В наибольшей степени взгляды И.Д. Кузнецова проявились в статьях «К вопросу о предпосылках массовой коллективизации сельского хозяйства в Чувашской АССР» и «Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР», опубликованных в сборниках Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, а также в совместно написанной с А.М. Шорниковым главе «Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР (1928 – июнь 1941 гг.)» в книге «Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашской АССР»².

Из всего многообразия аспектов проблемы, рассмотренных И.Д. Кузнецовым, в первую очередь необходимо отметить его вклад в изучение колхозного движения на территории Чувашии до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства. Отличительной чертой отечественной историографии долгое время было преувеличение успехов первых коллективных хозяйств. И.Д. Кузнецов, напротив, отметил слабость колхозного движения в организационно-хозяйственном отношении в 1920-е гг., подчеркнув, что примером показательного ведения хозяйства по сути могла служить только коммуна «Чăмăртанни» (Единение)³, которая имела заметно более высокую урожайность по сравнению с единоличниками и другими колхозами. Правда, указав, что коллективные хозяйства были мелкими по числу семей и по посевным площадям, ученый в качестве важнейшей причины распада объединений назвал не производственные трудности, а влияние «эсеров-националистов» и «национал-уклонистов». По мнению исследователя, их взгляды о невозможности коллективизации в Чувашии в силу малоземелья получили распространение среди работников земельных орга-

нов, вследствие чего колхозы не получали «необходимой организационной и материально-технической помощи»⁴.

Несколько точек зрения сложилось в историографии по вопросу, на какой земле организовывались первые коллективные хозяйства. Согласно самой распространенной из них, в силу незначительного числа частновладельческих имений колхозы на территории Чувашии в 1918–1929 гг. возникали на надельной земле с крестьянским инвентарем и постройками⁵. И.Д. Кузнецов же писал, что артели и коммуны до начала массовой коллективизации возникали главным образом на земельных участках, выделенных на лесных пустошах или вырубках. При этом, оторвавшись от своих односельчан, коллективы не могли оказывать благотворного влияния на умы и настроения крестьян-единоличников⁶. Следует отметить, что в обеих точках зрения есть рациональное зерно. И.Д. Кузнецов прав в том отношении, что на территории Чувашии, как и по всей стране, коллективные хозяйства первоначально возникали не на надельных участках, а на частновладельческих (помещичьих, купеческих), церковных, городских и казенных землях. В то же время, данное обстоятельство не следует абсолютизировать, экстраполировать его на все десятилетие. Уже в начале 1920-х гг. свободные участки из государственного фонда были исчерпаны, и новые объединения возникали на надельной земле.

Создание объективной картины колхозного строительства в 1918–1929 гг. невозможно без изучения кооперативного движения в целом. И.Д. Кузнецов ввел в научный оборот фактические данные о первичном кооперировании крестьян, на основании которых сделал вывод, что к началу массового колхозного движения практический опыт кооперативного строительства в Чувашии был весьма незначительным⁷. Вместе с тем, ученым указано, будто на 1 октября 1927 г. сельскохозяйственное производственное кооперирование охватывало лишь 888 крестьянских хозяйств или 0,5% всех хозяйств республики⁸. На самом деле эти цифры характеризуют степень охвата кооперативных объединений Чувашским союзом производственных кооперативов. Поскольку кроме вовлеченных в союз объединений, было много так называемых «диких» кооперативов⁹, приведенные цифры не могут служить показателем развития производственной кооперации.

Одним из важнейших направлений в историографии являлось изучение предпосылок сплошной коллективизации. Рассматривая этот вопрос, И.Д. Кузнецов охарактеризовал состояние сельского хозяйства, межселенного землеустройства, уровня грамотности сельского населе-

ния накануне массовой коллективизации. По сравнению с предшествующими работами, исследователь более подробно остановился на роли «эсеров-националистов» и «национал-уклонистов» в замедлении колхозного движения¹⁰.

В освещении процесса сплошной коллективизации сельского хозяйства в Чувашии И.Д. Кузнецов выступал против абсолютизации его принудительного характера. По словам ученого, «1212 селений записать полностью в колхоз никто и никак не мог, конечно, принудительно или угрозами»; раздувание процентов коллективизации происходило из-за создания колхозов посредством голосования на собраниях бедняков и середняков деревни, когда персональное согласие каждого крестьянина не принималось во внимание и вопрос об организации колхоза в деревне решался без индивидуальных заявлений участников собрания¹¹. Кроме того, нарушение свободного волеизъявления крестьян о вступлении в колхоз происходило и из-за попыток в отдельных районах Чувашии посредством создания колхозов-гигантов разрубить «гордиев узел» запутанного землеустройства, вызванного существованием большого количества сложных общин¹². На эти аспекты колхозного движения И.Д. Кузнецов первым обратил внимание среди исследователей истории Чувашии. Первым он ввел в научный оборот и данные о количестве преданных суду в 1930 г. за «перегибы» в коллективизации, отнеся, правда, большинство «загибщиков, извратителей политики партии» к подкулачникам-коштанам¹³.

Особую позицию И.Д. Кузнецов занял в отношении использования таких образных выражений, как «приливы» в колхозы и «отливы» из колхозов. По его мнению, они неточно отражают действительный ход дела, т.к. во время «отливов» не только распадались колхозы, но и возникали новые, крестьяне не только покидали колхозы, но и вступали в них вновь, как и ряд единоличников¹⁴.

Значительное место в работах И.Д. Кузнецова отведено истории сельскохозяйственного производства в годы сплошной коллективизации. Ученым проанализированы среднегодовые показатели посева зерновых и валовых сборов зерна, урожайность зерновых в колхозах и единоличных хозяйствах, размеры государственных заготовок зерна в республике, состояние животноводства¹⁵. В «Очерках истории сельского хозяйства...» кроме статистических показателей, характеризующих развитие сельскохозяйственного производства в Чувашии, содержится конкретный материал по отдельным районам, колхозам, передовикам сельского хозяйства¹⁶. Широкое отражение в работах И.Д. Кузнецова нашли также мероприятия по организационно-хозяйственному укреп-

лению колхозов в 1930-е гг.: развертывание сети машинно-тракторных станций, внедрение сдельной оплаты труда, развитие бригадной формы организации труда и социалистического соревнования.

На труды И.Д. Кузнецова наложил отпечаток дух времени, в котором жил исследователь. Особенно это проявилось в освещении вопросов, связанных с проведением раскулачивания. Ученый писал об «озверелых кулаках», терроризировавших коммунистов и других сельских активистов, активно выступал против точки зрения о раскулачивании в годы коллективизации середняков¹⁷. В представленной им картине «ликвидации кулачества как класса» по существу замалчивается факт необоснованного раскулачивания значительной части крестьянских хозяйств. Так, И.Д. Кузнецов писал, что районы республики на основе решений бедняцких групп, собраний колхозников, сельских Советов и районных партийных и советских органов составили списки крестьян, намеченных к раскулачиванию. В них вошли 5653 кулацких и зажиточных крестьянских хозяйств. После тщательной персональной проверки характеристик кулаков Комиссией ЦИК ЧАССР в списке было оставлено 2181 хозяйство¹⁸. То есть, здесь не говорится, что пересмотр произошел уже после фактического раскулачивания крестьянских хозяйств. Не совсем точно определено исследователем и количество кулаков, выселенных за пределы республики в 1931 г. Им приведены данные о 1378 выселенных хозяйствах, хотя по имеющимся архивным материалам, 44 кулацких хозяйства были выселены в марте 1931 г., 1455 хозяйств – с начала июля до середины августа 1931 г.¹⁹

В целом, достижения И.Д. Кузнецова в изучении истории коллективизации сельского хозяйства в Чувашии значительны. Его работы, не являясь системным изложением всей рассматриваемой проблемы, охватили ключевые аспекты темы и представляют собой довольно обстоятельное освещение различных сторон многосложного процесса становления новых производственных отношений в деревне. Материалы и наблюдения И.Д. Кузнецова имеют большой интерес для всех занимающихся историей Чувашии советского периода.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. О куштанстве и куштанах // Социалистическое строительство ЧАССР. 1934. № 2 (6). С. 31; Кутяшов С.С., Кузнецов И.Д. Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема. Очерки по материалам культурной экспедиции 1933 года. Чебоксары, 1934. С. 9.

² Кузнецов И.Д. К вопросу о предпосылках массовой коллективизации сельского хозяйства в Чувашской АССР // Вопросы истории сельского хозяй-

ства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1983. С. 58–71; Он же. Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1985. С. 21–51; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашской АССР. (Часть 1). Чебоксары, 1989. С. 119–180.

³ С конца 1980-х гг. в историографии используется русскоязычный вариант названия коммуны – «Чеморданы».

⁴ Кузнецов И.Д. Некоторые особенности сплошной коллективизации... С. 60.

⁵ Десять лет Чувашской АССР. (1920–1930). Чебоксары, 1930. С. 53; Иванов Н.И. Коммунисты – организаторы и руководители колхозного движения в Чувашии. Чебоксары, 1967. С. 7; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства... Ч. 1. С. 104; Развитие экономики и культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1960. С. 132.

⁶ Кузнецов И.Д. Некоторые особенности сплошной коллективизации... С. 62.

⁷ Кузнецов И.Д. К вопросу о предпосылках массовой коллективизации... С. 60, 67–68.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ «Дикие» колхозы (кооперативы) – колхозы (кооперативы), основанные по правилам, предусмотренным советским законодательством, но не зарегистрированные ни в земельных органах, ни в одном из союзов.

¹⁰ Кузнецов И.Д. К вопросу о предпосылках массовой коллективизации... С. 60.

¹¹ Кузнецов И.Д. Некоторые особенности сплошной коллективизации... С. 31.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 45–50.

¹⁶ Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства... Ч. 1. С. 156–172.

¹⁷ Кузнецов И.Д. Некоторые особенности сплошной коллективизации... С. 33, 39.

¹⁸ Там же. С. 40; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства... Ч. 1. С. 138.

¹⁹ Кузнецов И.Д. Некоторые особенности сплошной коллективизации... С. 40; О выселении кулаков из пределов Чувашской АССР в июле–августе 1931 г. // Вестник Чувашской национальной академии. 1993. №1. С. 123–130.

Д.А. Пинаева

ИСТОРИЯ КОЛХОЗОВ ЧУВАШИИ В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

История крестьянства Чувашии всегда привлекала внимание исследователя Ивана Даниловича Кузнецова, по проблеме социалистического переустройства деревни им выпущено большое количество работ¹. На протяжении всей своей научной деятельности И.Д. Кузнецов не оставлял работы над этой темой, при этом он неуклонно продвигал идею осуществления ленинского кооперативного плана. Одной из задумок, частично осуществленной исследователем, было создание книги, посвященной истории колхозов Чувашии. «Колхозная переделка деревни, укрепление колхозного строя и развитие колхозов по пути коммунизма – это золотые страницы в жизни народа», - писал ученый председателям колхозов². Исследователь считал это задачей первоочередной важности, так как создание колхозного строя – беспрецедентное явление в мировой истории, а со временем многие даты и подробности времени возникновения колхозов в Чувашской республике могли быть утеряны и забыты. Он предлагал руководителям колхозов вести своего рода летопись (дневник) своего колхоза, отмечая в ней все значимые события. Благодаря сведениям откликнувшихся на просьбы ученого руководителей колхозов, им были составлены история колхоза «Герой» и «Гвардеец» Яльчикского района. Стоит отметить и тот факт, что Иван Данилович Кузнецов приложил немало усилий по облегчению введения хозрасчета в колхозах республики. Для этих целей Научно-исследовательский институт посылал специалистов-экономистов в колхозы, которые не только помогали руководителям колхозов быстрее и безболезненнее перевести колхоз на хозрасчетное обеспечение, но и проводили семинары по обучению местных экономистов. Всю эту работу координировал И.Д. Кузнецов, при этом он постоянно поддерживал связь не только с работниками Министерства сельского хозяйства, но и с председателями колхозов, о чем свидетельствуют письма, сохранившиеся в личном архиве ученого.

К 1988 г. И.Д. Кузнецов собрал материалы практически по всем колхозам Яльчикского района, включавшими следующие сведения: доколхозное состояние деревень, хроника организации колхоза в каждой деревне, процесс объединения мелких колхозов в более крупные³.

Некоторые материалы и показатели по колхозам Яльчикского района были опубликованы в газете «Коммунизм ялаве», где из номера в номер выходила его рубрика «Юлташлăхран пуçланна»⁴.

Все колхозы исследованы ученым примерно по следующему плану:

- год, месяц, число образования первого колхоза, входящего теперь в объединенный колхоз;
- в какой деревне был образован колхоз;
- фамилия, имя и отчество организатора колхозов, даты жизни, принадлежность партии;
- сколько дворов объединилось в колхоз первоначально;
- в каком году произошло укрупнение и какие колхозы были объединены;
- количество человек в объединенном колхозе, количество земли, неделимые фонды;
- данные о председателях колхоза.

Причем вся информация о колхозах района преподносится в хронологическом порядке, с выделением важных периодов деятельности каждого колхоза. Необходимо рассмотреть, какие периоды деятельности колхозов выделяет И.Д. Кузнецов и дать общую характеристику этих этапов:

1) 1926 – 1930 гг. – период формирования первых кооперативных хозяйств – ТОЗов и сельскохозяйственных артелей, на базе которых в дальнейшем формировались колхозы. Иван Данилович указал названия кооперативных хозяйств, сколько единоличных крестьянских дворов включало каждое хозяйство, сколько человек жило в каждом объединенном хозяйстве, количество обрабатываемой земли и дату образования артели;

2) 1935 г. – пограничный год, показывающий, как прошла в районе коллективизация. Здесь для ученого важно было показать следующие сведения: название колхоза, количество домов, посевную площадь (в га), количество земли на единицу населения, а также количество лошадей и плугов. Все это отражало уровень развития колхоза, его материальную базу, а также возможные перспективы расширения;

3) 1936 – 1941 гг. – в этот период шло интенсивное развитие колхозов, поэтому ученому важно было показать динамику численности хозяйств в колхозах и динамику количества земли. Названия колхозов даны на чувашском и русском языках. Отдельно показана динамика

развития материально-технической базы: приведены данные по количеству плугов, сеялок, молотилок и веялок за 1940 г.;

4) 1945 – 1950 гг. – период первой послевоенной пятилетки, характеризующийся восстановлением сельского хозяйства. И.Д. Кузнецов привел данные, отражающие динамику численности хозяйств в колхозах, количество человек в них, а также количество пахотной земли за 1940 и 1945 гг. Эти данные являются особо важными, так как отражают динамику восстановления сельского хозяйства в послевоенные годы, а также тот урон, который нанесла коллективным хозяйствам война;

5) 1950 – 1951 гг. выделены особо, так как именно в эти годы произошло объединение мелких колхозов в более крупные. И.Д. Кузнецов собрал ценнейшие сведения, включающие в себя следующие показатели: какие артели были объединены и как стал называться объединенный колхоз, дату объединения, сколько единоличных хозяйств было объединено и количество пахотной земли во вновь образованном колхозе. Как правило, колхоз получал название самой большой по количеству хозяйств, входивших в нее, и земли артели;

6) 1960 – 1985 гг. – в этот период показана динамика развития материально-технической базы колхоза (количество комбайнов и тракторов), а также динамику расширения посевных площадей и урожайности колхозов.

Ценнейшие сведения собраны И.Д. Кузнецовым по колхозу «Победа». Им исследована каждая деревня, где были доколхозные объединения – первичные ТОЗы и артели. С 1926 по 1930 гг. на территории будущего колхоза «Победа» существовало более десяти довольно крупных деревень, объединявших от 42 (в деревне Сёнь Арланкассинче) до 193 (деревня Асла Пала Тимешре) дворов. В период с 1936 по 1941 гг. на базе объединенных деревень были образованы колхозы: колхоз им. Ворошилова, «Хлебороб», «Комбайн», колхоз им. Пушкина, «МОПР», «Комсомолия», «Энтепей», им. М. Горького и «Марс». Причем приведены показатели по количеству хозяйств, входивших в каждый колхоз, и количеству земли в каждом колхозе в 1936 и 1941 гг. Отдельно в табличной форме приведены показатели по количеству сельхозинструментов (плугов, сеялок, веялок и др.) и лошадей за 1935 и 1940 гг. по каждому колхозу, что дает исследователю возможность сравнивать и увидеть динамику развития колхоза⁵. Необходимо отме-

тить, что И.Д. Кузнецовым выбрана удобная форма для подачи сведений – в форме таблиц по периодам развития колхозов. Такая же динамика приведена и за первую послевоенную пятилетку⁶.

В период с 1950 по 1951 г. количество колхозов значительно уменьшилось в связи с политикой укрупнения. Вместо десяти колхозов осталось три крупных колхозных объединения, самым крупным из которых стал колхоз им. Ворошилова, переименованный в декабре 1957 г. в колхоз «Победа»⁷. Территория колхоза включала селения Янтиково, Н. Изамбаево, К.-Куликеево. Позднее к колхозу «Победа» были присоединены колхозы «Комбайн», «Марс» и им. М. Горького. Таким образом, после объединения колхоз «Победа» стал одним из самых крупных и перспективно развивающихся колхозов района и республики, о чем свидетельствуют приведенные И.Д. Кузнецовым показатели по количеству посевных площадей и урожайности в колхозе «Победа» за период с 1940 по 1985 г. Отметим ученый и количество техники, комбайнов и тракторов, в колхозе⁸. Анализируя сведения, собранные И.Д. Кузнецовым, можно отметить, что политика укрупнения привела к укреплению колхозов, увеличилась не только посевная площадь, но и урожайность зерновых и других видов культур. Кроме того, объединение тракторных парков колхозов позволило оперативно справляться с трудностями посева и уборки урожая. Колхоз «Победа» на протяжении всего периода своего существования показывал лучшие результаты, им успешно решались производственные и хозяйственные вопросы, лучше использовалась земля, производственные фонды и трудовые ресурсы⁹.

Второй по величине колхоз района – колхоз «Слава» был образован на базе семи первичных артелей, самой крупной из которых была артель им. Крупской. 20 июля 1950 г. из пяти коллективных хозяйств был образован крупный колхоз «Слава», объединивший 735 хозяйств с общей площадью более четырех тысяч га. В 1960 г. к колхозу «Слава» присоединились колхозы «Октябрь», «2-ая пятилетка» и «Хунав». Посевная площадь колхоза увеличилась в 1985 г. до трех тысяч. Урожайность возросла до 25,9 ц с га¹⁰. Этот колхоз также стал одним из крупных и экономически крепких хозяйств в районе и республике¹¹.

Примерно такие же сведения можно почерпнуть из сводок И.Д. Кузнецова в газете «Колхоз ялав» по колхозам им. Ленина, «Урожай», «Прогресс», «Знамя», «Правда», им. Карла Маркса и им. Чкалова.

Сведения, собранные И.Д. Кузнецовым, являются по сути дела уникальными, поскольку в них представлены названия и характеристики тех поселений и ТОЗов, которые после укрупнения перестали существовать. Эти сведения являются ценнейшим источником для тех, кто изучает историю коллективизации, политику укрупнения и другие вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства республики и района. Данные, представленные Кузнецовым, можно считать вполне достоверными, поскольку их предоставляли сами работники колхозов, а также использованы годовые отчеты и отчеты правления колхозов на годичных собраниях, копии которых исследователю присылали сами руководители колхозов¹². Очень интересно, как объединялись хозяйства в колхозы, как проходило в дальнейшем укрупнение и как впоследствии развивались колхозы. Все эти данные собраны в одной хронике, представленной И.Д. Кузнецовым.

Проанализировав собранные И.Д. Кузнецовым данные, можно увидеть общую тенденцию развития колхозов района. Сравнивая, например, показатели по посевным площадям колхозов республики за 1940 и 1960 гг. можно увидеть, что в результате войны посевная площадь многих колхозов уменьшилась. Особенно это отразилось на колхозах «Победа» и им. Карла Маркса, посевная площадь которых уменьшилась более, чем на тысячу гектаров. То же самое можно увидеть и по урожайности колхозов. Зато в последующие годы и посевная площадь и урожайность неуклонно росла практически по всем колхозам, увеличивалось и количество техники, укреплялась материально-техническая база.

Также нужно указать, что подробная характеристика колхозов является по меньшей мере необходимой, а по большому счету очень важной для исследователей сельского хозяйства и колхозного строительства в республике в целом и каждого района в частности, поскольку официальная статистика, как правило, отражает только показатели всего района в целом и проследить динамику развития каждого колхоза в отдельности становится весьма затруднительно. Таким образом, собранная, систематизированная, тщательно проанализированная и беспристрастная информация позволяет составить общее представление о развитии колхозного движения в Чувашии – и в этом неоценимую помощь для исследователей оказал ученый И.Д. Кузнецов.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1969; Он же. К вопросу о предпосылках массовой коллективизации сельского хозяйства чувашской АССР // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1983. С. 58 - 71; Он же. Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства чувашской АССР // Вопросы истории и социалистического преобразования и развития сельского хозяйства ЧАССР. Чебоксары, 1985. С. 21 - 51 и др.

² Личный архив И.Д. Кузнецова.

³ Там же.

⁴ Кузнецов И.Д. // Колхоз ялавё. Юлташлăхран пусланнă. №118 - 129.

⁵ Там же. №118. С. 2.

⁶ Там же. №119. С. 2.

⁷ Яльчикский район. Краткая энциклопедия / Под ред. К.М. Леонтьевой, Н.Ф. Малышкина. Чебоксары, 2005. С. 74.

⁸ Кузнецов И.Д. Указ. соч. № 119. С. 2.

⁹ Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. I. Чебоксары, 1989. С. 274.

¹⁰ Кузнецов И.Д. Указ. соч. №120. С. 3.

¹¹ Яльчикский район. Краткая энциклопедия / Под ред. К.М. Леонтьевой, Н.Ф. Малышкина. Чебоксары, 2005. С. 75.

¹² Личный архив И.Д. Кузнецова.

**Г.В. Ертмакова,
В.Ф. Питернова**

**КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА
ТЕРРИТОРИИ НОВОШИМКУССКОГО СЕЛЬСКОГО
ПОСЕЛЕНИЯ ЯЛЬЧИКСКОГО РАЙОНА в 1930-е гг.
(По документам ГИА Чувашской Республики)**

В состав Новошимкусского сельского поселения Яльчикского района ныне входят 7 населенных пунктов: села Новое Байбатырево, Новые Шимкусы, деревни Белое Озеро, Полевые Буртасы, Карабаево, Новое Ищеряково, Новое Чурино.

История этих населенных пунктов уходит в глубь веков. Они возникли в основном в XVII в., население – чувашаи, до 1866 г. имели статус государственных крестьян. Занимались земледелием, животноводством, кустарными ремеслами, отхожими промыслами.

В административно-территориальном отношении их положение претерпело определенные изменения. Так, до 1920 г. эти селения были в составе Новошимкусской волости Тетюшского уезда Симбирской губернии, до 1927 г. – в составе Батыревского уезда Чувашской АССР. В 1927 г. в результате районирования был образован Малояльчикковский район (с 1935 г. - Яльчикский). В составе этого района, как и по всей республике, сеть сельсоветов была неустойчивой. До 1960 г. деревни Белое Озеро, Полевые Буртасы и Новые Шимкусы входили в состав Новошимкусского сельсовета, Карабаево, Новое Байбатырево, Новое Ищеряково (в 30-е гг. – Другое Ищеряково), Новое Чурино - Новобайбатыревского. В январе 1960 г. эти 2 сельсовета были объединены в Новошимкусский сельсовет¹.

Сельское хозяйство в этой местности, как и по всей Чувашии в целом, было крайне отсталым в агрикультурном отношении и слабым в отношении материально-технической базы. Небольшая часть крестьян наряду с земледелием занималась и кустарными промыслами. Так, по данным переписи 1926 г.:

- «- производством кирпича в Н. Шимкусах занимались 3 человека;
- жестяных изделий – 4, в Чурине – 1;
- кузнечным делом - Буртасах – 2, Н. Шимкусах – 1, Чурине – 1;
- бондарным – Б. Озере – 1, Н. Шимкусах – 2;
- портновским - Н. Байбатыреве – 2, Буртасах – 2, Б. Озере – 2, Чурине – 2, Н. Шимкусах – 1;

- сапожно-башмачным – Н. Байбатырево – 3, Н. Шимкусах – 2, Др. Ищерякове – 4»².

Накануне коллективизации в вышеуказанных 7 селениях насчитывалось 752 крестьянских хозяйства, 3820 человек обоего пола. В том числе:

- в д. Б. Озеро – 110 хоз., 275 муж., 322 жен.;
- с. Н. Байбатырево – 180 хоз., 430 муж., 469 жен.;
- д. Др. Ищеряково – 36 хоз., 86 муж., 106 жен.;
- д. П. Буртасы – 112 хоз., 278 муж., 298 жен.;
- д. Чурино – 80 хоз., 206 муж., 239 жен.;
- с. Н. Шимкусы – 194 хоз., 429 муж., 489 жен.;
- д. Карабаево – 40 хоз., 99 муж., 112 жен.³

Коллективные хозяйства в этой местности, как и по всей Чувашии, первоначально зарождались в форме сельскохозяйственных коммун, товариществ по совместной обработке земли, только потом образовались сельхозартели. Одной из первых коммун в Чувашии была сельхозкоммуна «Заря», образованная в д. П. Буртасы, фактически представлявшая крестьянский кооператив в форме машинного товарищества. В 1922 г. она распалась. В 1920 г. в Н. Шимкусах создан ТОЗ «Степь» (председатель В.М. Смирнов). В этом же году ТОЗ «Сатурн» - в с. Н. Байбатырево (председатель Г.Н. Гаев)⁴. 4 апреля 1928 г. был зарегистрирован ТОЗ «Ново-Чурино» в д. Н. Чурино, в августе этого же года в д. Б. Озеро создан ТОЗ «Канаш»⁵. В последующие годы они явились базой для создания сельхозартелей.

Несмотря на недолгое существование первые коллективные хозяйства сыграли определенную роль в подготовке основной массы крестьянства к массовой коллективизации на селе. Развитие простейших форм кооперации в 20-е гг. позволило сохранить в крестьянских хозяйствах рабочий скот, сельхозинвентарь и др. средства производства. В то же время в них появилась общественная собственность на сельхозмашины – сортировки, сеялки и др. Простейшие кооперативные товарищества явились переходной ступенью от единоличных хозяйств к коллективным. На их примере крестьяне убеждались в преимуществах колхозов перед мелким индивидуальным хозяйством: в колхозах можно было рациональнее организовать производство, применять сложные сельхозмашины, повысить доходность и улучшить свое материальное положение.

В начале 1930 г. началась форсированная коллективизация крестьянских хозяйств. Партийные органы, руководившие колхозным строи-

тельством, приняли решение «довести процент коллективизации в Чувашии к юбилею автономии, т.е. к 24 июня 1930 г., до 75%». Малояльчикковский, Батыревский, Цивильский районы, а позднее и вся республика были объявлены районом сплошной коллективизации. Во многих селениях наблюдались факты принуждения крестьян к вступлению в колхоз. В результате получилось искусственное раздувание процентов коллективизации, создание колхозов на бумаге. Так, в срочных донесениях правлений колхозов в Яльчикский райколхозсоюз от 1 марта 1930 г. указано, что в с. Н. Шимкусы вошли в колхоз 151 хозяйство, в Б. Озере – 95, П. Буртасах – 116, Н. Байбатыреве 135 из 180, Н. Чурино – 80, Др. Ишеряково – 32, Карабаево – 37 и т.д.

Фактически дело обстояло следующим образом. В селениях на собраниях бедняков и середняков происходили обсуждения вопроса об образовании колхозов. Кто-либо выступал с докладом о необходимости и полезности создания в деревне коллективного хозяйства, выступавшие в прениях поддерживали предложение докладчика. Возражений против колхоза, как правило, не бывало. Ставился вопрос на голосование – большинство участников собрания голосовало за создание колхоза. Так, собрание бедняков д. Б. Озеро 23 января 1930 г. постановило: «Вступить в колхоз в числе 66 хозяйств». 29 января 1930 г. на общем собрании граждан с. Н. Шимкусы решили: «Ознакомясь с уставом и положением колхоза, мы, граждане села Н. Шимкусы считаем войти целиком в колхоз за исключением кулацкой и лишенной части». В результате считалось, что вся деревня вполне демократическим способом превращается в колхоз, без индивидуальных заявлений крестьян.

По всей республике из 1212 колхозов, созданных протокольными решениями крестьянских сходов, на 20 апреля 1930 г. остался всего 51 колхоз, в 652 селениях они на время развалились. Из исследуемых нами 7 колхозов Яльчикского района в этот период развалились три, четыре сохранились.

Бюро Чувашского обкома ВКП(б) в своем решении от 18 апреля 1930 г. «Об ошибках в колхозном строительстве» признал допущенные искривления в коллективизации и наметил меры по их исправлению⁶.

Весной 1930 г., после ликвидации перегибов, коллективизация крестьянских хозяйств в Яльчикском районе, как и по всей республике, притормозилась. Вот что сообщало правление сельхозартели «Новошимкуская» (позднее – «Автогигант») 10 мая 1930 г. в срочном донесении в райколхозсоюз: «Общее число хозяйств в колхозе – 37, население обоего пола – 162, число членов колхоза – 86, из них батраков - 6,

бедняков - 41, середняков - 30, служащих - 9. Площадь пашни - 271,79 га, фактически засеяно - 95,94 га. Рабочих лошадей - 29. Коров обобщественных нет, оставшихся необобщественными у членов колхоза - 30. Число конных плугов - 10. Всего неделимых капиталов на сумму 5146 руб. 50 коп., в т.ч. от имущества раскулаченных хозяйств - 2000 руб.»⁷. Примерно такая же ситуация была во всех соседних колхозах.

Но колхозное движение продолжалось. И одна из драматических страниц этого движения - раскулачивание крестьян. В советское время считалось, что кулачество действительно «оказывало упорное сопротивление строительству социализма в деревне»⁸. С этой точки зрения объявленная Сталиным политика ликвидации кулачества как класса считалась вполне оправданной. Осуждались только перегибы, заключавшиеся в раскулачивании середняков, бедняков, факты насилия, расщипывания имущества и т.д.

Но рассекреченные в последние десятилетия архивные документы, в том числе и документы Государственного исторического архива Чувашии, свидетельствуют о том, что фактически эта политика подорвала не только кулачество, но и основы всего трудового крестьянства в целом. Несколько примеров из документов. Например, вот что требовала инструкция Наркомата земледелия ЧАССР, направленная районным исполнительным комитетам 1 февраля 1930 г.:

«[...] 2. Кулакам и лишенцам предоставить самые худшие земли вне колхозов без права переселения и расселения, преимущественно пески, болота и склоны оврагов, без каких-либо надбавок за качество [...].

9. В отмену всех ранее действовавших указаний категорически запретить отпуск сортовых семян, семян трав, машин, удобрений и пр. кулацким хозяйствам. В целях обеспечения сохранности сплошных массивов сортовых посевов кулацким хозяйствам, не лишенным земли, отводить место вне массива чистосортных посевов - на бросовых, негодных землях, очищая семеноводческие гнезда от кулацких элементов»⁹.

В начале 1930 г. в с. Н. Шимкусы было раскулачено 10 семей, в д. Б. Озеро - 7, в П. Буртасах - 3, в Н. Байбатыреве - 7, д. Чурино - 2. Решением президиума Малояльчикского райисполкома от 21 апреля 1930 г. часть решений о раскулачивании была отменена¹⁰.

Новая, более жестокая волна расправы с кулаками прошла летом 1931 г. Оставленные в своих деревнях раскулаченные были высланы из пределов ЧАССР, как, например, семьи Родионова Мирона, Савиновых

Алексея и Сергея, Ласкина Ильи из д. Б. Озеро, Ивановых Захара и Дмитрия, Ласточкина Леонтия, Воробьева Константина, Пыркина Антона, Грибова Трофима из д. Н. Байбатырево¹¹, Шайкиных Егора и Василия из с. Н. Шимкусы, Воробьева Константина из д. Др.Ищеряково, Турхана Федора из д. Карабаево и др¹².

А всего в 1930-1931 гг. из деревень Чувашии было выслано 1455 семей¹³, т.е. около 0,8% из общего числа крестьянских семей.

Средством искоренения кулачества являлось не только раскулачивание путем экспроприации, но и такие меры, как установление повышенных индивидуальных и твердых заданий по сдаче государству хлеба, обложение повышенным налогом. Этим путем «раскулачено» 2107 хозяйств, в том числе несколько десятков в Яльчикском районе. Таким образом, в республике в 1930-1931 гг. было ликвидировано 3684 крестьянских хозяйства, т.е. около 2% общего количества хозяйств. В том числе в Яльчикском районе 297¹⁴. Но точное количество раскулаченных до сих пор не установлено.

Задачи объединения крестьянских хозяйств в сельхозартели на территории Новошимкусского и Новобайбатыревского сельсоветов были решены в 1928-1931 гг. По данным экономико-статистического справочника «Районы Чувашской АССР» за 1934 г., в Н. Шимкусах колхоз «Авангард» был создан в 1930 г., в Б. Озере – «Канаш» (1928), П. Буртасах – «Путь Ленина» (1931), Н. Байбатыреве – «Сатурн» (1929), Новом Чурино – «Ново-Чурино» (1928), в Др. Ищерякове – «Другое Ищеряково» (1931, позднее «Ново-Ищеряково»), в Карабаево – «Звезда» (1931)¹⁵.

Колхозы эти были еще слабыми как в экономическом, так и в организационном отношении. Не было опыта ведения коллективного хозяйства, организации и оплаты труда. Как правило, очень слабой оставалась материально-техническая база. Урожайность сельхозкультур была очень низка, сократилось поголовье скота. Не было квалифицированных руководителей и специалистов сельского хозяйства.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов во многом зависело от того, кто стоит во главе артельного хозяйства. Немалую роль в укреплении состава руководящих работников сыграли двадцатипятидесятники. Почти все они были заняты на руководящей хозяйственной работе. Так, первыми председателями в колхозах «Авангард», «Сатурн», «Канаш» были 25-тысячники. Добрую славу заслужил честной и самоотверженной работой председатель Новошимкусского колхоза С.В. Савоськин. В 1931-1933 гг. они уехали.

Проблема сельскохозяйственных кадров была очень острой, хотя и принимались меры по их подготовке. В республике были открыты сельскохозяйственные техникумы, профшколы, с 1931 г. в Чебоксарах открылся Чувашский сельскохозяйственный институт.

Но текучесть кадров председателей колхозов и бригадиров продолжала оставаться высокой. Так, в 1930-1940 гг. в исследуемых нами колхозах председателями работали:

- «Авангард» - В. Смирнов, С. Савоськин, С. Скворцов, В. Прохоров, Соловьев, В.П. Никонов, И.Н. Сусликов;

- «Путь Ленина» - А. Веков, Ф. Федоров, П. Козлов, С. Трофимов;

- «Канаш» - Марков, Никифоров, П. Миронов, Е.Ф. Федоров;

- «Сатурн» - Измайлов, Сорокин, Ф. Куртин, И. Докторов, М. Яковлев;

- «Звезда» - Сергеев, Баранов, Трофимов, Волков;

- «Н.-Чурино» - Ильин, Николаев, Волков, П. Красильников, В. Павлов;

- «Н.-Ищеряково» - В. Германов, П.А. Бурмистров, З.И. Воробьева, А. Никитин.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов наметилось в 1933 - 1937 гг. В 1934 г. число колхозов в Малояльчиковском районе достигло 52, в них насчитывалось 4095 колхозников (58% населения), 3310 хозяйств еще оставались единоличными. Из исследуемых нами 7 колхозов самый большой процент коллективизации был в колхозе «Н.-Ищеряково» (87%), «Н.-Чурино» - 66%, «Сатурн» - 62,5%, «Канаш» - 62%, Путь Ленина - 59%, «Звезда» - 50%, «Авангард» - 50%¹⁶. В эти годы были приняты уставы сельскохозяйственных артелей, колхозам выданы Государственные акты на вечное пользование землей, совершенствовалось землеустройство. Большое значение для развития колхозов имело создание МТС (в с. Б. Яльчики МТС была организована в 1935 г.).

Документы свидетельствуют, что утверждающийся в деревне колхозный строй оказывал благотворное влияние на подъем сельскохозяйственного производства. Колхозы добились заметного повышения урожайности полей¹⁷. Очень хорошим для республики был урожай 1937 г. - в среднем 12,5 ц с га. Отдельные же хозяйства собрали поистине рекордный для того времени урожай, и среди них отличился колхоз «Н.-Ищеряково» Яльчикского района - 24,26 ц зерновых с га. В

¹⁶ Сведения взяты из годовых отчетов колхозов за 1933-1940-е гг. Некоторые фамилии пропущены из-за неразборчивости текста.

остальных 6 исследуемых нами колхозах урожайность составила от 17 до 19 ц с га. Причина хорошего урожая была, думается, не только в погодных условиях 1937 г. Немалую роль в этом сыграли: совершенствование структуры посевных площадей, улучшение семеноводства, агротехнические мероприятия, использование техники, введение и освоение многопольных севооборотов, увеличение поголовья общественного скота.

Так, например, в 1937 г. в колхозе «Автогигант» общая земельная площадь по Государственному акту, полученному в 1936 г., составила 1913,49 га. Причем из этой площади 1742,35 га было занято пашней (посев, перелог, пар, залежь, целина), из них 1014,62 га было засеяно зерновыми и бобовыми культурами (рожь – 458,57 га, пшеница яровая – 185,93 га, гречиха – 3,65 га, овес – 302,93 га, просо – 2 га, вика на зерно – 11,34 га, бобовые (горох, гречиха) – 3,06 га, полба – 12,14, картофель – 45,9 га, технические (конопля) – 8,69 га, овощи – 1,16 га). Причем в посевах ржи, пшеницы, овса, гороха, чечевицы и конопли были использованы прогрессивные для того времени сорта «Авангард» (рожь), «Лютесценс» (пшеница), «Диппе» (овес), «Капитал», «Виктория» (горох), «Тарелочная» (чечевица). Урожайность зерновых в «Автогиганте» составила 17,93 ц с га. Такие же примерно культуры и сорта выращивались и в соседних колхозах.

В колхозе «Путь Ленина» (Полевые Буртасы) средняя урожайность зерновых была немного выше – 18,62 ц с га. Обращалось внимание на развитие животноводства, но фермы были все еще мелкие. К этому времени в колхозе были молочно-товарная ферма на 65 голов, 87 лошадей, пасека на 32 семьи. В колхозе «Канаш» (д. Б. Озеро) – урожайность 17,29 ц с га, животноводство: МТФ на 34 головы, овец – 84, лошадей – 80. Пасека была небольшая – 8 семей.

Во всех хозяйствах шло строительство. В 1937 г. были достроены или строились деревянные или глинобитные помещения: в колхозе «Автогигант» - конюшня, «Путь Ленина» - 3 амбара, крытый ток, плотина, «Н.-Ищеряково» – свинарник и хлебный амбар, «Звезда» - амбар, кузница, «Канаш» - жеребятник, «Сатурн» - хлебный амбар, плотина, «Н.-Чурино» – конюшня, картофелехранилище, шахтный колодец¹⁸.

Рост и развитие колхозов сопровождалось совершенствованием организации и оплаты труда. Создавались производственные бригады с постоянными составом, за ними закреплялись земельные участки с севооборотами, сельхозинвентарь, рабочий скот и др. Уже к началу весенне-полевых работ 1933 г. в колхозах были созданы: в «Автогиган-

те» - 6 бригад (бригадиры – Козлов, Маркова, Веселина, Григорьев, Смирнов, Николаев), «Путь Ленина» - 4 бригады (Миронов, Чернов, Титов, Степанов), «Сатурн» – 5 бригад (Измайлов, Шумилкин, Наумов, Иванов, Митрофанов), «Н.-Ищеряково» – 2 бригады (Воробьев, Порфирьев), «Н.-Чурино» - 3 бригады (Павлов, Ларионов, Ильин), «Звезда» - 1 бригада (Ильин). Вот типичная характеристика-биография одного из бригаиров тех лет: «Бригадир 2-ой бригады колхоза «Автогигант» Веселина Елизавета Ивановна родилась в 1907 г., по социальному положению беднячка, выросла полусиротой. В настоящее время – кандидат в члены ВКП(б). В колхозе состоит с начала организации. В 1930 – 1931 гг. была членом Новошимкусского сельсовета. К севу подготовила свою бригаду по-большевистки, в ее бригаде лошади средней упитанности, активно участвует во всех хозполиткампаниях, борется за выполнение планов. Перед массой имеет авторитет, в родне нет лишенцев»¹⁹.

Введением бригадной формы организации труда в основном была ликвидирована обезличка в использовании земли и других средств производства, улучшилась постановка учета в колхозах. Во многих артелях стали разрабатывать нормы выработки и расценки на сельхозработы, внедрялась сдельщина. Упорядочению организации и оплаты труда способствовало внедрение трудодня и трудовых книжек. Во многих из них количество выработанных колхозниками трудодней записывалось регулярно. Введение трудодня, как меры учета труда и распределения, и норм выработки сыграло неоценимую роль в улучшении организации коллективного труда и в укреплении трудовой дисциплины в колхозах. В целом оплата трудодня в колхозах постепенно повышалась. Возросли доходы колхозников. Так, в 1937 г. в колхозе «Автогигант» на 1 трудодень было выдано 9,3 кг зерна, 4,5 кг картофеля, 15 кг соломы; в колхозе «Путь Ленина» соответственно: 7,1 – 4 - 19; «Канаш» - 9,38 - 2,2 - 31; «Н.-Чурино» - 8,32 - 1,65 - 23; «Сатурн» - 8 - 0,5 - 20; «Звезда» - 9,9 - 2,8 - 0,07 кг меда; «Н. Ищеряково» - 8,2 - 1,6 - 20, овощей – 1,5²⁰. Причем основная масса колхозников вырабатывала от 100 до 200 и более трудодней. Доходы колхозников превысили доходы единоличников в 2 раза. Колхозы имели в основном зерново-животноводческое направление. Если животноводство только набирало темпы, то в зерновом хозяйстве уже были успехи.

Смотром достижений сельского хозяйства явилась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ), открывшаяся в Москве 1 августа 1939 г. Она подвела итоги работы колхозов за 10 лет. На выстав-

ке участвовали 190 колхозов и 371 колхозник из Чувашской АССР, в том числе 12 колхозов из Яльчикского района, среди них «Н.-Чурино», «Звезда», «Н.-Ищеряково», 36 передовиков сельского хозяйства (среди них – председатель колхоза «Н.- Ищеряково» П.А. Бурмистров и счетовод И.К. Кузьмин)²¹.

Колхозу «Н.-Ищеряково» постановлением Главного выставочного комитета были присуждены Диплом 1-ой степени, премия в 10 тыс. руб. и легковая автомашина, председателю колхоза П.А. Бурмистрову – малая серебряная медаль ВСХВ и денежная премия в 500 руб.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1940 г. за выдающиеся успехи в подъеме сельского хозяйства и перевыполнение показателей ВСХВ в течение двух лет – 1937 и 1938 гг. колхоз «Н.-Ищеряково» был награжден орденом Трудового Красного Знамени²². Колхозы «Звезда» и «Н.-Чурино» были удостоены дипломов ВСХВ²³.

К началу 1940 г. коллективизация крестьянских хозяйств на территории нынешнего Новошимкусского сельского поселения Яльчикского района достигла в среднем, как и по всей республике, 85,5%. В некоторых колхозах этот показатель был выше, например, в П. Буртасах («Путь Ленина») – 97%. Несмотря на ошибки, просчеты, перегибы и другие недостатки наблюдались рост и динамичное развитие всех сельхозартелей. Для примера возьмем средний по всем показателям колхоз «Путь Ленина» и представим некоторые из них в виде следующей таблицы:

Колхоз «Путь Ленина» - показатели	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Число колхозных дворов	98	109	123	133	133
Урожайность зерновых (ц/га)	7,43	18,62	9,8	4,41	8,48
Доход от продажи продуктов растениеводства, животноводства и подсобных предприятий (руб.)	10234	14176	18620	17190	22268

Итак, изучение документов по истории становления и развития колхозов на территории Новошимкусского сельского поселения в 1930-е гг. позволяет сделать вывод, что коллективизация крестьян явилась необходимой мерой в подъеме сельского хозяйства после разорительных революций и войн начала XX в. В целом колхозное строительство было прогрессивным явлением. Но осуществление коллективизации административно-командными методами, ограничение свободы

колхозников и другие ошибки в последующие годы привели к негативным результатам.

Примечания

¹ Нестеров В.А. Населенные пункты Чувашской АССР в 1917-1974 гг. Чебоксары, 1974.

² Население Чувашской АССР по материалам переписи 1926 г. Чебоксары, 1927.

³ Там же. С. 75-76.

⁴ Яльчикский район Чувашской Республики. Краткая энциклопедия. Чебоксары, 2005. С. 114, 143.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 831. Оп. 2. Д. 79. Л. 85, 85об.

⁶ Красная Чувашия. 1930. 19 апреля.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 831. Оп. 2. Д. 79. Л. 129, 129об.

⁸ Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. I. Чебоксары, 1989. С. 137.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 172-173.

¹⁰ Там же. Ф. 831. Оп. 2. Д. 44. Л. 103.

¹¹ Там же. Д. 86. Л. 7-8, 26-26об.

¹² Там же. Д. 83. Л. 101, 102, 114.

¹³ Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. I. Чебоксары, 1989. С. 139.

¹⁴ Яльчикский район Чувашской Республики. Краткая энциклопедия. С. 74.

¹⁵ Районы Чувашии в цифрах. Чебоксары, 1935. С. 76.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1349. Л. 15.

¹⁷ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 18. Д. 362. Л. 13-14.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 197. Оп. 15. Д. 81. Л. 148-153, 179-186, 386.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1224. Л. 5.

²⁰ Там же. Оп. 15. Д. 81. Л. 153, 186, 386.

²¹ Там же. Оп. 18. Д. 100. Л. 37-38.

²² Красная Чувашия. 1940. 22 февраля.

²³ ГИА ЧР. Ф. 197. Оп. 18. Д. 100. Л. 37.

А.Д. Григорьев

**И.Д. КУЗНЕЦОВ – ОРГАНИЗАТОР
И АВТОР СОЗДАНИЯ КНИГИ
«ИСТОРИЯ ЧЕБОКСАРСКОГО
ЭЛЕКТРОАППАРАТНОГО ЗАВОДА»**

В 1975 году в год 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне чувашская историография пополнилась таким серьезным изданием, как книга И.Д. Кузнецова и Г.П. Петрова «История Чебоксарского электроаппаратного завода». Работа выполнена как монографическое исследование и является первым в республике сочинением подобного рода, получившем высокую положительную оценку как в местной, так и в союзной печати. Она посвящена истории одного из ведущих предприятий электротехнической промышленности СССР.

Инициатором написания монографии выступил доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета И.Д. Кузнецов. Ещё в октябре 1970 г. по его инициативе на кафедре было принято следующее решение: «считать возможным принять на себя при заявке колхозов, предприятий, написание истории данных предприятий»¹. Результатом этого явилось создание такого классического труда чувашской историографии, как «История Чебоксарского электроаппаратного завода».

В ходе работы над монографией в августе 1971 г. было принято решение о том, что в сентябре-октябре 1971 г. необходимо провести анкетирование рабочих и служащих электроаппаратного завода². В обобщении материалов анкетного опроса работников завода приняла участие группа студентов и аспирантов исторического отделения историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова под руководством профессора И.Д. Кузнецова. Важную роль в анкетировании (были собраны и обработаны 9193 анкеты) сыграли аспиранты кафедры истории СССР Ю.П. Смирнов и И.И. Демидова, что отдельно было отмечено авторами исследования³. При создании монографии И.Д. Кузнецовым был привлечен обширнейший источниковый материал центральных, республиканских, текущих заводских и других архивных фондов, материалы

периодической печати и заводского музея, собранные его директором М.Л. Брикером.

Уже к августу 1972 г. хоздоговорная работа с Чувашским электроаппаратным заводом находилась на стадии завершения. Главы монографии были представлены на чтение и обсуждение членами кафедры. Тогда же состоялась встреча с ветеранами завода для совместного обсуждения работы⁴. В итоге, по решению И.Д. Кузнецова, на ЧЭАЗе состоялась научная конференция, в которой принял участие практически весь коллектив кафедры истории СССР⁵.

На заводе в помощь Ивану Даниловичу Кузнецову при исследовании и освещении истории завода была создана специальная комиссия содействия из работников самого завода, а также членов редакции заводской газеты «Электрик», заводского архива и созданного в декабре 1971 г. музея истории Чебоксарского электроаппаратного завода. Они оказали всевозможную поддержку при проведении конференций, анкетного опроса. Особая благодарность авторами созданного труда была выражена В.П. Аксеновой, М.Л. Брикеру, О.В. Троицкому, И.Л. Княжевскому, Ф.И. Недергину, Н.П. Рогачёву, Г.Ф. Эдельштейну, М.Б. Цфасману⁶.

Первая глава книги полностью посвящена тяжелым условиям начального периода войны – конец 1941 г. и начало 1942 г., - когда на основе цехов эвакуированного Харьковского электромеханического завода и Ленинградского завода «Электрик» было создано новое предприятие⁷. Уже в годы войны завод стал одним из крупнейших предприятий электротехнической промышленности страны, а в 1944 г. удостоился высокой награды – ордена Трудового Красного Знамени. На основе широкого круга разнообразных источников авторы книги подробно и всесторонне освещают путь завода в годы войны, трудовой героизм рабочих и инженерно-технических работников, направленный на обеспечение достойного вклада в разгром врага. От внимания авторов не ускользают и бытовые проблемы, которые стояли перед коллективом завода, а также кадровые вопросы и их разрешение.

Вторая глава книги посвящена первым послевоенным годам работы завода и охватывает период 1946-1950 гг.⁸ Авторы подробно повествуют о наращивании мощностей, техническом совершенствовании производства, а также об освоении производства новых изделий. Все это проводилось в условиях борьбы за досрочное выполнение заданий четвёртой пятилетки. Социалистические соревнования сплотили кол-

лектив завода, где упорно трудились все его цехи. Коллектив предприятия, преодолев трудности, обеспечил равномерную работу всех цехов и участков предприятия. В эти годы за счёт вернувшихся с фронта начинается активный рост коллектива завода, в полной мере начинают работать курсы повышения квалификации рабочих.

Третья и четвертая главы монографии повествуют о следующих 15 годах работы предприятия⁹. В них рассказывается о переоснащении предприятия в связи с техническим прогрессом, разработке и выпуске в связи с этим новых изделий и расширении производственных площадей. Так, в 1959 г. было положено начало развёртыванию второй, дополнительной площадки завода. На данном этапе работы ЧЭАЗа происходит совершенствование планирования и учёта выпускаемой продукции, все шире разворачивается социалистическое соревнование, которое на всём протяжении данного периода является важным фактором в достижении новых свершений. Подчёркивается, что как и в предыдущие годы наблюдается стремительный качественный и количественный рост заводского потенциала, говорится о новых путях и методах переподготовки профессиональных кадров путём индивидуального и бригадного обучения.

Пятая и шестая главы¹⁰ были написаны И.Д. Кузнецовым к концу 1972 г.¹¹, в них вошла информация о работе Чувашского электроаппаратного завода в период с 1966 по 1972 гг. Здесь автор рассматривает и анализирует новые задачи, вставшие перед предприятием в связи с дальнейшей механизацией и автоматизацией производственных процессов и ростом производственных мощностей. Значительное внимание исследователь обращает на культуру и быт рабочих завода, на различные формы организации досуга тружеников (в особенности на художественную самодеятельность), а также на празднование тридцатилетнего юбилея завода в декабре 1971 г.

Монография содержит богатый иллюстративный материал: в многочисленных фотографиях отражена трудовая биография предприятия, представлены передовики производства. Отдельно представлена подробная хроника заводской жизни, дан список руководителей завода и подробный именной указатель. Все это значительно повышает значимость проделанной работы.

В отчёте кафедры истории СССР Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по научно-исследовательской работе

за 1975 г. говорилось, что «из инициативных (хоздоговорных) университетских НИР завершено исследование темы «История Чебоксарского электроаппаратного завода» в виде монографии в объёме 22,5 п.л. Работа была выполнена под руководством доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова, при участии доктора исторических наук, профессора П.В. Денисова, кандидата исторических наук Ю.П. Смирнова»¹². Таким образом, советская историческая наука обогатилась значительным исследованием, не потерявшим значимость и сегодня.

Примечания

¹ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 576. Л. 4.

² ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 703. Л. 3.

³ Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары, 1975. С. 4.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 819. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Кузнецов И.Д., Петров Г.П. Указ. соч. С. 5.

⁷ Там же. С. 5-62.

⁸ Там же. С. 63-97.

⁹ Там же. С. 98-168.

¹⁰ Там же. С. 169-217.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 1254. Л. 8.

¹² Там же. Д. 1289. Л. 1.

С.Б. Харитонова

**ФОРМЫ РАБОТЫ ЖЕНОТДЕЛОВ
СРЕДИ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
в 20-30-е гг. XX в. (На материалах Чувашии)***

В Чувашии в начале XX в., как в России в целом, женщины не имели ни политических, ни экономических прав. Они находились в подчиненном положении согласно официальному, церковному и обычному праву; почти поголовно были неграмотными. Ключевые насущные проблемы, касающиеся всего женского населения страны (провозглашение полного политического и юридического равенства женщин и мужчин, издание необходимых законов об охране женского труда и материнства, введение законодательства в сфере брачных отношений), были решены первыми декретами и постановлениями нового советского правительства. В дальнейшем основной задачей стало, прежде всего, «завоевывание» женщин и повышение их общественно-политической активности. В сентябре 1919 г. в ЦК РКП(б) был создан Отдел по работе среди женщин (женотдел), главной целью которого стало проведение культурно-просветительной и агитационной деятельности среди женщин, привлечение их к социалистическому строительству. Женские отделы были созданы также при губернских, в частности, при Казанском и Симбирском, уездных и волостных комитетах партии. Несмотря на наличие специального партийного органа - женотдела, необходимо было и наличие беспартийных организаций. Этим осуществлялся более широкий охват населения, возможность эффективного влияния на него.

Вовлечь широкие массы чувашских женщин в общественное движение было нелегкой задачей. Этому мешали сложившиеся устои и традиции, почти поголовная неграмотность и незнание русского языка, представления о месте женщины в семье и обществе, а также преобладание крестьянской составляющей среди населения и, следовательно, отсутствие почвы для утверждения новой идеологии. Первоначально основная цель работы среди женщин была достаточно скромной: «просвещение и политическое воспитание работниц и крестьянок»¹, но очень скоро она стала постулироваться иначе: «привлечение широких масс женщин к практической работе по строительству социалистического общества»². Постепенно основной формой работы женотделов

стали специальные женские собрания, что признавали и лидеры партии.

С 1917 г. на общей волне демократизации началось проведение конференций беспартийного населения, которые впоследствии обрели четкую структуру и форму. Обычно они проводились в деревнях и населенных пунктах, в которых еще не функционировали партийные и комсомольские организации. Женские конференции были разнообразностью беспартийных собраний и организовывались женотделами в основном среди представителей беспартийных женщин, чтобы подтянуть их к уровню передовых³. Именно специальные конференции беспартийных женщин стали в течение 1920-1921 гг. массовой формой работы среди крестьянок.

На собраниях заслушивались политические доклады и предложения о путях решения женского вопроса, а затем проводились выборы делегатов на конференцию. Повестка дня, тезисы докладов и проекты решений губернских и уездных конференций разрабатывались заранее и рассылались на места. Это позволяло при выборе делегатов определить мнение коллектива по вопросам, которые предстояло обсудить. Выступая на конференции, делегатки могли высказать не только свое мнение, но и мнение женщин, избравших их. В соответствии со специальной инструкцией женотдела ЦК РКП(б) на конференции выносились обычно три вопроса: общеполитический (международное или внутреннее положение страны), об участии женщин в социалистическом строительстве в данной губернии, городе или уезде (их участие в работе местных Советов, в местных отделениях рабоче-крестьянской инспекции и т.д.), об улучшении положения женщин (помощь семьям красноармейцев, создание и работа детских дошкольных учреждений и др.)⁴.

Уездные женотделы сталкивались с серьезными трудностями при организации конференций: не было возможности собрать женщин на митинги, собеседования и чтения вследствие полевых работ, во многих волостях работа не велась из-за отсутствия волостных организаторов женщин⁵. Тем не менее, в течении 1920 г. Ядринским женотделом было проведено 3 уездных, 3 районных и 16 волостных беспартийных конференций женщин (10-12 июня 1920 г. прошла уездная конференция женщин-чувашек, 15-16 ноября 1920 г. работала конференция русских женщин)⁶. Уездным конференциям предшествовали собрания женщин во многих населенных пунктах, причем большей была активность деревень и поселков с русским населением.

Не все мероприятия поддерживались женщинами единодушно. Так, на беспартийной конференции в Шихранах, состоявшейся 27 июня 1920 г. с участием 88 делегаток, были обсуждены следующие проблемы: текущий момент; о правах и обязанностях работниц и крестьянок в Советской России; организационный и продовольственный вопросы. Женщины решили, что несмотря на свои новые права они лишь принимают их к сведению, но не соглашаются с созданием специальных организаций для детей и желают «растить их по-старому». Женщины также заявили, что не желают отделения от Казанской губернии, детей будут учить Закону Божию и регистрировать их по-прежнему в церкви. Подчеркивалось нежелание воспринимать такие реалии, как «ликвидация безграмотности, коммуны и наряды на подводы»⁷. Созыв женских конференций часто проходил в борьбе с «классовыми» врагами. Избрание женщин на конференции часто сопровождалось осложнениями в семьях и порицанием окружающих⁸.

В городах ситуация складывалась лучше. Так, 10-11 октября 1920 г. в Чебоксарах была проведена городская конференция беспартийных женщин. Ее участниками стали: домашние хозяйки - 27, из предприятий - 4, учреждений - 7, сельскохозяйственных коллективов - 2. Возраст от 17 до 53. Все делегатки были грамотными. В отчете о конференции отмечалось: «конференция прошла вполне удовлетворительно» и все женщины «желают познакомиться с основными законами Советской России»⁹. Такая же ситуация была и в другом уездном городе – Цивильске, где на конференции, проведенной 28-29 ноября 1920 г., где присутствовало 100 делегатов среди которых было 30 женщин¹⁰.

Женские беспартийные конференции проходили успешно и давали хорошие результаты. Они были мощным средством пропаганды и агитации среди широких масс женщин. На конференциях выявлялся актив, в дальнейшем использовавшийся на партийной и государственной работе. Иногда на конференциях избирались комиссии для помощи Советам или проведения каких-либо мероприятий. Беспартийные конференции сыграли немалую роль в укреплении связи партии с массами работниц и крестьянок, готовили первых агитаторов из числа самих женщин. К 1921 г. конференции в основном выполнили свои задачи, женщины стали более активно участвовать в общих мероприятиях вместе с мужчинами. Женские конференции созывались и в последующие годы, но не так часто и не систематически.

С организацией женотделов формы и методы работы партийных комитетов среди работниц и крестьянок Чувашии значительно расширились. Пропаганда и агитация среди них стали лучше сочетаться с практическими делами. Постепенно более распространенной формой работы среди женского населения становятся женские делегатские собрания. По мнению А.В. Изоркина, из многих организационных форм работы женотделов, сложившихся в 1918-1920 гг., именно делегатские собрания оказались тем приводным ремнем диктатуры пролетариата, посредством которого партия и органы Советской власти установили широкую и прочную связь с женскими массами¹¹. Если на беспартийных конференциях проявлялись определенные тенденции свободомыслия, то выборы же делегаток проводились ежегодно по всей стране одновременно, обычно в осенние месяцы, как «массовая политическая кампания», проводимая специально и под контролем женотделов и других партийных и советских органов. Так осуществлялось все более сильное «закручивание гаек». Делегатские собрания стали действенным методом осуществления женской политики в стране. Возникшие в 1919 г., они просуществовали до 1933 г. Чтобы понять необходимость и сущность делегатских собраний, надо принять во внимание, что первоначально было чрезвычайно сложно проводить работу среди женщин. В такой обстановке женотделы сосредоточили главное внимание на работе с представителями женщин-беднячек и батрачек, которых называли делегатками, через которых женотделы оказывали влияние на остальных женщин.

Делегатки избирались работницами и крестьянками на годичный срок. Они объединялись в группы, называемые делегатскими собраниями, в составе которых проходили определенную теоретическую подготовку и получали навыки практической работы в государственных учреждениях и общественных организациях. Совещание при ЦК РКП(б) заведующих губернскими женотделами в 1921 г. нацелило делегатские собрания на работу среди отсталых слоев работниц и крестьянок, вовлечение их в круг общественных, производственных, профессиональных и партийных интересов¹².

В городах делегатские собрания создавались на крупных предприятиях, имеющих 300 и более работниц, или даже в отдельных цехах, если в них работало много женщин, кроме того, при городских, районных и уездных женотделах для работниц мелких предприятий, кустарок и жен рабочих. В аграрной Чувашии они были необходимы прежде всего в деревнях и создавались при волостных комитетах партии или в

отдельных населенных пунктах, но не во всех, а только в тех, где можно было осуществлять квалифицированное партийное руководство их работой. После создания колхозов женские делегатские собрания стали создаваться при них.

Перед выборами делегатских собраний женотделы и женорганизаторы подбирали кандидатов, списки которых согласовывали с первичными партийными организациями. Во многих деревнях список кандидатов вывешивался на видном месте для всеобщего обозрения. Затем собирались собрания, избравшие делегатов. Работницы проходили эту процедуру на общих собраниях тружениц предприятий, кустарки - на собраниях артелей, домработницы и жены рабочих - на районных или общегородских собраниях. В сельской местности при наличии работниц сельскохозяйственных артелей, значительного числа батрачек от каждого из этих слоев выборы проводились отдельно. На собрания по выборам делегатов приглашались и мужчины, принимавшие участие в обсуждении кандидатов¹³.

Делегатские собрания, состоявшие из женщин различных социальных слоев, комплектовались так, чтобы работницы, как наиболее передовые, составляли в них большинство (если была такая возможность) и оказывали пролетарское влияние на других делегатов. С этой целью для работниц устанавливались особые нормы представительства. Так для беднячек и батрачек устанавливались льготные нормы, чтобы обеспечить за ними большинство в составе делегатов. Но т.к. очень скоро основной массой в деревне стали середняки, ЦК РКП(б) рекомендовал увеличить в делегатских собраниях число представительниц от середнячек, а также включать в них учительниц, врачей и других интеллигенток, близко стоящих к партии и Советской власти¹⁴. Кулачки к выборам делегатов не допускались.

В Чувашии первые делегатские собрания были организованы в декабре 1920 г.¹⁵ (16 декабря в Ядрине¹⁶, 23 декабря в г. Чебоксары¹⁷). После проведения первых делегатских собраний стала ясна необходимость углубления процесса агитации. Женотдел Чувашской автономной области первой задачей поставил созыв I областной конференции беспартийных женщин, которая была открыта 8 марта 1921 г. Делегатки избирались по следующему принципу: от волости - 5, города - 10, сельскохозяйственных коллективов (совхозов и коммун) - 1¹⁸. Организация такого мероприятия означала, что женщины выходят на публичную политическую арену. В работе двух секций «чувашской» и «русской» приняло участие 206 делегатов¹⁹. Несмотря на специально под-

черкиваемый «беспартийный» характер, тон обсуждения задавали работницы женотделов. На конференции обсуждались вопросы экономического и культурного развития страны и Чувашской автономной области, были разработаны рекомендации по проведению делегатских собраний²⁰.

В условиях голода работа затормозилась, но к концу 1921 г. делегатские собрания были образованы во всех уездных центрах Чувашской автономной области. О количестве делегатов и характере проведенных работ сохранились довольно скудные сведения. Во всех уездах работа велась преимущественно в городах, в деревнях они проводились бессистемно и редко. Причинами этого были голод, полное отсутствия средств и активных работников, что стало следствием сокращения штатов женотделов. В 1921 г. в области было 72 делегатки²¹.

Учитывая общий уровень развития женщин-чувашек, областной комитет РКП(б) в 1922 г. разработал и утвердил специальную программу работы среди делегатов-крестьянок. На делегатских собраниях крестьянки получали общие сведения по вопросам санитарии и гигиены, охраны материнства и детства, а также изучали основы естествознания. Большое внимание также уделялось изучению вопроса об отношении партии к крестьянству и ее работе в деревне. Делегатки изучали вопросы налоговой и земельной политики партии, кооперативного строительства и ликвидации неграмотности, развития экономики Чувашской автономной области на ближайшие годы. Тщательный анализ программы свидетельствует о том, что делегатские собрания повышали общеобразовательный уровень и формировали новое мировоззрение женщины.

Делегатские собрания в 1922 г. по всей области шли с перебоями. Причинами этого являлись праздники, полевые работы, трудности на дорогах. Чебоксары были исключением: в городе еженедельно проводились делегатские собрания женщин. Причем, при наличии 16 делегатов в городе, собрания посещали 40-60 женщин²². Осенью 1922 г. работа несколько стабилизировалась, хотя во многих деревнях ситуация была такая, что женщины в деревнях начинали протестовать против насаждения антимужских настроений, заявляя, что не желают «выйти из воли мужчин». Голосование за ту или иную кандидатку начиналось и проводилось только по инициативе и при одобрении мужчин²³.

Определенную опасность представлял и НЭП, усиление собственных тенденций. Необходимо было срочно проводить агитацию, чтобы женщины не попали в чуждую среду. В 1923 г., например, стали

возникать женские общества, которые заявляли, что будут вести борьбу за улучшение экономического положения женщин в быту. Партийные органы сделали вывод, что это отдалит женщин от общеклассовой борьбы, от решения основных задач социалистического строительства того времени. XII съезд РКП(б) осудил создание таких женских организаций²⁴. Работники женотделов Чувашии это осознавали. Они писали в ЦК РКП(б), что в непромышленной области, где нет ни фабрик, ни заводов, следовательно, нет и работниц, сложнее вести работу с женщинами. Приходилось организовывать домохозяйек и совслужащих. Причем, с хозяйками можно было работать только в зимний сезон, когда они свободны от полевых и огородных работ²⁵.

Осенью 1922 г. пере выборы делегатов прошли как важное политическое мероприятие. «Делегатское собрание - школа коммунизма», «Делегатское собрание - первый друг женщины в деле ее раскрепощения», - писала газета «Чувашский край» в материалах «Страницы работницы», посвященных этому событию²⁶. Несмотря на все трудности, выборы состоялись, и по области делегатками были избраны 799 женщин²⁷, делегатские собрания крестьянок были организованы во всех 58 волостях. Выбор делегатов нередко проводился без точного соблюдения правил - делегатки, посылаемые на волостные конференции, механически зачислялись в постоянные делегатки от той деревни, откуда её направляли²⁸. В созыве 1923 г. делегатками были избраны 1817 женщин²⁹.

В целях повышения активности крестьянок проводились женские собрания. Хотя партийные и советские органы принимали меры по повышению их активности, участие женщин в общих сходах не превышало 10%. Семейно-бытовые традиции крепко держали чувашскую женщину в своем плену. Для их преодоления необходимо было активизировать среди женщин воспитательную и агитационно-пропагандистскую работу. В 1923 г. были проведены специальные волостные беспартийные съезды, устраиваемые членами волостных исполкомов, куда привлекались женщины от 30 до 50% общего количества делегатов съезда³⁰ (в 1923 г. на общеволостных беспартийных конференциях участвовало 857 человек, а за май-июнь 1924 г. в них участвовало 5712 женщин и 789 мужчин³¹).

Собрания по выбору делегатов проводились совместно с выборами в сельсоветы, чтобы обеспечить явку, однако делегатки были недовольны тем, что созываются вместе с мужчинами, т.к. они не могли свободно высказываться. Были и другие трудности: пассивность при

голосовании за резолюции; слова «коммунизм» и «компартия» насто-раживали женщин, т.к. они боялись «как бы их не записали в комму-нию»; имели место насмешки со стороны мужчин, женщины «слишком стесняются», отсутствие поддержки со стороны некоторых сельсоветов³². Чувашские женщины порой требовали привлечения мужчин для участия в собраниях, мотивируя это тем, что они всегда вместе - и дома, и на работе³³. Так, известная женорганизатор М. Максимова отмечала после своей поездки в село Янгильдино, которая состоялась 22 января 1925 г., «из 19 делегаток женотдела ни одна не посещает школу ликвидации безграмотности, хотя почти все они неграмотны. Делегатки выбраны по инструкции... с ними никакой работы не ведется, даже на собрание делегатки не являются... Никто не представляет роли делегатки и с какой целью ее выбрали. Доклад очень трудно было проводить (тема доклада: «Жизнь и деятельность В.И. Ленина»), потому что все сидели и глазели на докладчиков как на зверей. Ни одного вопроса, ни одного замечания, даже на реплику вызвать не удалось, только потом, когда мы с ними разговаривали, они стали смелее. Казалось, граждане исполняют повинность для нашего удовольствия. Вошла группа девушек и вот одна заявила сельсовету: «Хаваласа килтём ёнте, кай-атап» и ушла, другие остались»³⁴.

Проведение кампаний, политических, хозяйственных и культурных мероприятий сопровождалось по возможности массово-разъяснительной работой среди крестьян и охватывало по республике десятки тысяч женщин. Если в 1924 г. в городах автономной области состоялось 122 собрания женщин, а в деревнях было проведено 193 собрания волостных делегаток, 152 конференции и 261 сельское собрание женщин³⁵, то в 1926 г. только в Цивильском уезде состоялось 288 сельских собраний с участием 6441 женщины³⁶.

В созыве 1924 г. делегатками были избраны на 1691 собрания 5045 женщин³⁷. В 1925 г. было избрано 7048 делегаток, в 1926 г. - 7493, в 1927 г. - 8208³⁸. Всего делегатских собраний по ЧАССР в 1927/1928 г. было проведено 509 с количеством делегаток 11387 чел., а в 1928/1929 г. 439 собраний и 11592 делегаток³⁹, причем среди делегаток по социальному положению преобладали крестьянки⁴⁰.

В целом по СССР численность делегаток также постоянно возрастала. В 1922. г. их было 95 тыс., в 1927 г. - 620 тыс., а в 1932 г. - 2,2 млн.⁴¹ В первые годы из-за нехватки кадров партия вынуждена была строго ограничивать число делегаток. Но по мере возрастания сил партии их число можно было увеличивать. Это отразилось на норме

представительства. Если в 1925 г. одна делегатка избиралась в среднем от 25 трудящихся женщин⁴², то в 1927 г. - от десяти, пяти или трех работниц в зависимости от размера предприятия (меньше предприятие - меньше норма)⁴³.

В результате выборов 1929 г. численность делегаток по Чувашской АССР составила 15412 человека, 1931 г. – 11791, и наконец в ходе последних выборов 1932 г. число делегаток достигло 15502, к весне 1933 г. стало 15582⁴⁴. Выборы делегаток показывают постепенное уменьшение численности новых делегаток и уменьшение числа вновь созываемых делегатских собраний. Так, если по результатам выборов 1931 г. было проведено 980 делегатских собраний, то по результатам работы делегаток последнего созыва 1932 г. число собраний сократилось до 763. Причем 93,3% собраний в 1931 г. и 83,9% в 1932 г. приходилось на собрания, проведенные в деревнях. Это еще раз подчеркивает приоритетное направление работы делегатских собраний по втягиванию в общественную работу жительниц села. Одним из важнейших направлений деятельности делегатских собраний было как можно более широкое вовлечение женщин через работу в качестве делегаток в общественно-политическую жизнь города или села. В связи с этим, предпочтительным был элемент «новоизбранности» делегаток, а не переизбрание женщин, ранее участвовавших в работе делегатских собраний. Тем не менее, цифры говорят о неуклонном росте среди делегатского состава женщин, ранее избиравшихся и принимавших участие в работе делегатских собраний предыдущих созывов. Так, в 1928 г. повторно было избрано 18% делегаток, в 1929 г. - 3238 (21%), в 1931 г. - 4174 (35,4%), в 1932 г. - 4080 (26,3%). Как правило, делегаток не переизбирали на второй срок⁴⁵. Но ввиду особой отсталости крестьянок в деревне допускались и повторные избрания некоторого количества делегаток.

Вовлечение женщин в общественную работу проходило с большим трудом. В кампании перевыборов на 1928/1929 гг. были случаи избияния их мужьями за то, что они пошли в делегатки. Зачастую мужчины приходили на собрания и задавали вопросы, как, например, смотрит женотдел, если жена встает с постели позже мужа. Это свидетельствовало о том, что мужчины не осознавали необходимости работы среди женщин. По их мнению, женотдел был органом, портящим женщин и защищающим преступницу⁴⁶.

Планомерные государственные мероприятия по организации и проведению женских делегатских собраний совпали по времени с ко-

ренной перестройкой в области аграрного сектора, с процессами индустриализации и создания промышленной базы, с коллективизацией в деревне. Женщины, ранее избиравшиеся в качестве делегаток из числа домохозяек и батрачек, с созданием колхозной системы в деревне продолжили осуществлять основные формы работы делегаток в новой колхозной структуре. Так, если в выборную кампанию 1929 г. делегатками были избраны 1139 (8,1%) женщин из числа членов коммун и колхозов, то по результатам выборов 1931 г. их число увеличивалось до 5208 (44,1%), а в выборах 1932 г. число делегаток-колхозниц достигало 9045 (58,3%) человек. Одновременно наблюдалась тенденция к увеличению среди делегаток работниц или обслуживающего персонала на производстве 136 (0,88% от общего числа избранных) делегаток в 1929 г., 672 (5,6%) – в 1931 г., батрачек и сельхозработниц 528 (3,4%) делегаток в 1929 г., 307 (2,6%) – в 1931 г., кустарок и ремесленниц 29 (0,2%) делегаток в 1929 г., 257 (2,8%) – в 1931 г.

Учитывая, что перевыборы делегаток являлись важной политической кампанией, областная партийная организация и местные партийные органы уделяли серьезное внимание увеличению среди делегаток прослойки коренного населения. В результате принятых мер в этот период количество делегаток из числа чувашек значительно увеличилось. В частности, если в 1923 г. среди делегаток Чувашской автономной области чувашки составляли 65,4%, то в 1927 г. – 88,2%⁴⁷. Постепенно расширялась сеть делегатских собраний и росло количество делегаток. Во время избирательной кампании 1927 г. из 36727 женщин-избирательниц Батыревского уезда в собраниях участвовало 10426 чел.⁴⁸ Эти цифры ярко иллюстрируют возросшую активность чувашских женщин. Отрываясь от вечных домашних дел, они все чаще и чаще собирались решать вопросы и дела государственной важности.

Выборы делегатских собраний и их работа проходили в борьбе с пережитками реакционных взглядов на женщин. Часть кулачества путем угроз пыталась парализовать активность делегаток. Порой против делегаток распространяли клеветнические слухи, их избивали, были случаи убийства. В то же время, отмечалось, что «кулачество и духовенство» стремились провести в делегатские собрания своих представительниц. Были случаи, когда некоторые делегатские собрания приходилось из-за этого распускать. Отсталые рабочие и еще в большей степени отсталые крестьяне тоже препятствовали женщинам участвовать в делегатских собраниях. В некоторых волостях перед выборами делегаток организовывали собрания мужчин, где им разъясняли, что

такое делегатские собрания, и только после этого призывали на собрания женщин.

Работа делегатов складывалась из трех частей: теоретические занятия, прохождение учебной практики в государственных учреждениях и общественных организациях, участие в политических и хозяйственных кампаниях и других формах общественно-политической жизни. Для теоретических занятий делегатки собирались примерно два раза в месяц и изучали в основном политические вопросы. Учебная практика в государственных учреждениях и общественных организациях была главной частью работы делегатов. Именно она давала женщинам необходимые навыки общественно-политической работы, что позволяло в дальнейшем выдвигать их на руководящую работу. Учебная практика имела три основные формы: экскурсии, обследования и участие в практической работе государственных и общественных организаций. К экскурсиям относились посещения промышленных предприятий, судебных процессов, музеев, типографий. Обследовать делегаткам поручали состояние технического оборудования, организацию охраны труда, производственные конфликты на предприятии, культработу, работу государственных магазинов, кооперативов, столовых, складов. Учебную практику в городах проходили в руководящих органах советов, профсоюзов и кооперативов, в рабоче-крестьянской инспекции и суде, в детских учреждениях и больницах; в деревнях - в советах, кооперативах, избах-читальнях, детских домах, школьных советах. Однако в Чувашии, хотя и применялось направление практиканток в различные органы, но традиция не привилась вследствие нехватки времени и отсутствия средств на их содержание. Из 90 практиканток в 1924 г. работали в сельсоветах - 14, в РКИ - 15, суде и прокуратуре - 6, народных заседателей - 39, в кооперативных организациях и комитетах взаимопомощи - 20 женщин⁴⁹. Прикрепленность делегатов к местам практик со временем углублялась. Так в 1929 г. в Красночетайском районе постоянные места прикрепления имели 75% делегатов. Однако не все прикрепленные имели хорошие отношения с организациями, в некоторых местах на них не обращали внимания, в других - насмехались или давали заведомо непосильные задания (Козловский, Порецкий районы). В большинстве своем делегатки прикреплялись к сельсоветам и их секциям, кооперативам, школам, дошкольным организациям⁵⁰.

Многие делегатские собрания разбивались на секции, в каждой из которых делегатки изучали в большей степени такие вопросы, которые

им были нужны для выполнения практических заданий. Основными секциями делегатских собраний были советские (по охране материнства и младенчества, народному образованию, коммунальному хозяйству), профсоюзные и кооперативные, также имелись семейно-бытовые и правовые. Так, успешно работала секция благоустройства и сельского хозяйства при Москакасинском сельском Совете Татаркасинского района. По инициативе делегатов секции в деревнях ежегодно проводили работу по укреплению оврагов, ремонту противопожарного инвентаря, колодцев, очистке прудов. Делегатки сел Абызово и Артеменькино Вурнарского района при сельских Советах организовали правовые секции⁵¹. Делегатки принимали участие в обследовании на местах социального положения беднейших семей на предмет оказания им помощи, в проведении кампаний по борьбе с социальными болезнями, участвовали в работе крестьянских комитетов взаимопомощи и сельских Советов, являлись ходатаями перед местной властью за справедливое решение нужд более отсталых женщин.

С целью улучшения работы делегатских собраний между ними организовывались соревнования на лучшую постановку работы. Проводились соревнования между районами, областями и республиками на лучшую организацию делегатскими собраниями женских масс на сельскохозяйственные кампании. Объявлялись конкурсы на лучшее делегатское собрание района или области. В Чебоксарах, например, в 1933 г. в условия конкурса входили выполнение промфинплана, экономное расходование материалов, ликвидация промышленного брака, борьба с прогулами, повышение квалификации делегатов, выдвижение их на руководящую производственную работу, участие делегатов в соревнованиях, субботниках, подписка на государственный заем, работа в военных добровольных обществах⁵².

Большинство делегатских пунктов начинали свою работу в декабре-январе при средней продолжительности деятельности 5-6 месяцев. Все делегатские пункты вели работу по общей программе, разработанной с содержанием бесед на чувашском языке. Основным методом был докладно-беседный, каждый общий вопрос сопровождался практическими рекомендациями⁵³. Посещаемость делегатов на собраниях варьировалась от 20% в Чебоксарском районе, до 100% на некоторых собраниях Алатырского района. Этот показатель постепенно улучшался, т.к. появлялась заинтересованность, и состав постоянно обновлялся.

Работа среди делегатов стала более продуманной и многосторонней. Было решено провести специальные курсы для руководителей

делегатских собраний, в программу которых включалось рассмотрение постановлений ЦК ВКП(б), областной и краевой партконференций, планов и итогов работы делегатских собраний. Выявлялись ошибки и недочеты. Так, на Канашских районных курсах руководителей делегатских собраний, проведенных с 16 по 19 октября 1929 г. при РК ВКП(б), было вызвано 34 чел., но явилось всего 16 чел. Программа, рекомендованная обкомом ВКП(б), была включена в план проработки курсов полностью с добавлениями о колхозном строительстве, трахоме, третьем займе индустриализации. Программа делегатского собрания была увязана с учетом практических аспектов. Недолжное отношение секретарей партийных ячеек к подбору руководителей отразилось в недостаточном количестве охвата курсами руководителей делегатских собраний⁵⁴.

В 1930 г. по указанию Центрального Комитета ВКП(б) деятельность делегатских собраний была перестроена по территориально-производственному принципу⁵⁵. Женские делегатские собрания промышленных предприятий истроек превратились в приводные ремни партийных организаций. Состав делегатских собраний тоже изменился. Почетное звание делегатки побуждало женщин, несмотря на инструкции, избирать в делегатские собрания наиболее передовых работниц и колхозниц. Во многих районах преобладание активисток среди делегатов стало считаться заслугой организаторов этих собраний. Но именно это делало делегатские собрания неэффективными, т.к. особая работа должна была проводиться, прежде всего, с отсталыми слоями женщин. Теоретические занятия и учебная практика перестали быть главным содержанием работы делегатских собраний, а их основное внимание направлялось на выполнение планов промышленности и колхозного производства.

Делегатские собрания стали резервом для выдвижения женщин на руководящую работу. За 15 лет их функционирования через них прошло тысячи делегатов. Многих из них, особенно хорошо зарекомендовавших себя, оставляли работать там, где они проходили практику, или направляли на аналогичную работу.

К выводу о том, что делегатские собрания, как форма организации женщин, перестали соответствовать новой обстановке, приходили многие партийные работники⁵⁶. В 1931 г. прошли последние выборы в делегатские собрания (в Чувашии в 1932 г.), а с 1933 г. они перестали созываться⁵⁷. Важным обстоятельством было и то, что политическая система в целом к 1930-м гг. значительно окрепла, возросли возможно-

сти для работы среди широких масс женщин непосредственно, а не через представителей (делегаток) от них. Тем не менее, они вошли в историю как оптимальная форма работы среди масс женщин на этапе становления нового общественного устройства.

Делегатские собрания и конференции стали массовыми формами политического просвещения женщин, где они получали навыки общественно-политической и хозяйственной работы. Женские делегатские собрания были одной из составных частей политической организации общества, на которую опиралась диктатура пролетариата под руководством Коммунистической партии. Осуществление связи партии с беспартийными массами трудящихся женщин было главной политической задачей делегатских собраний. К 1930-м гг. делегатские собрания свою задачу в основном выполнили, и стало намечаться несоответствие этой формы организации изменившейся обстановке. В период их создания большинство трудящихся женщин составляли отсталые слои и делегатские собрания были рассчитаны на работу с этой основной массой. К 1930-м гг. женщины, не втянутые в общественное производство и общественно-политическую жизнь, не составляли большинства. Поэтому работа с ними через делегатские собрания не могла оставаться главным направлением работы среди женщин и стала затруднять их мобилизацию на борьбу за выполнение планов дальнейшего развития.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ проект № 06-01-22104 а/В.

¹ Решения I Всероссийского съезда работниц.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 521.

³ Владимирова С.В., Тимофеева Л.П. Вовлечение женщин Чувашии в социалистическое строительство (1920-1929 гг.) // Социалистическая революция и социалистическое строительство в Волго-Вятском регионе: Межвуз. сб. Чебоксары, 1985. С. 41; ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 6; Д. 67. Л. 1; Д. 68. Л. 1-35; Д. 72. Л. 5; Д. 73. Л. 1.

⁴ Сборник материалов III Всероссийского совещания губженотделов, инструкций и циркуляров отделов ЦК РКП и Кавбюро ЦК РКП по работе среди женщин. Ростов-на-Дону, 1921. С. 30-31.

⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 72. Л. 5; Д. 73. Л. 2; Оп. 2. Д. 188. Л. 3; Ф. 11. Оп. 1. Д. 40. Л. 10; Д. 85. Л. 1, 14.

⁷ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 65. Л. 3.

- ⁹ Там же. Д. 67. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Д. 71. Л. 4 об.
- ¹¹ Изоркин А.В. Из истории вовлечения женщин Чувашии в социалистическое строительство в 1917-1927 гг. // История и культура Чувашской АССР: Сборник статей. Чебоксары, 1971. Вып. 1. С. 67.
- ¹² Отчет за год работы ЦК РКП (с XI до XII съезда РКП) // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 4. С. 52; Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана. С. 48.
- ¹³ Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.). М., 1978. С. 90-91.
- ¹⁴ Положение о работе делегатских собраний работниц и крестьянок. Утверждено ЦК 8 июня 1927 г. // Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 28. С. 6.
- ¹⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 4.
- ¹⁶ Там же. Д. 85. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Д. 76. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 153. Л. 17; Д. 158. Л. 3.
- ¹⁹ Изоркин А.В. Указ. соч. С. 66; С.В. Владимиров и Л.П. Тимофеева считают, что на конференции было более 300 человек. См.: Владимиров С.В., Тимофеева Л.П. Указ. соч. С. 40; ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 158. Л. 10, 17.
- ²⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 158. Л. 10; Д. 183. Л. 15, 16, 17; Оп. 3. Д. 161. Л. 11.
- ²¹ Там же. Ф. 1. Оп. 10. Д. 290. Л. 10.
- ²² Чувашский край. 1922. 18 марта; ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 3. Д. 175. Л. 28.
- ²³ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 164. Л. 87.
- ²⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 724.
- ²⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 3. Д. 160. Л. 58.
- ²⁶ Чувашский край. 1922. 17 сентября.
- ²⁷ Урукова О. Чувашская женщина в общественной работе. Чебоксары, 1927. С. 10; ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 9. Д. 6. Л. 175; Оп. 10. Д. 48. Л. 114; Ф. 1. Оп. 4. Д. 71. Л. 166.
- ²⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 71. Л. 132.
- ²⁹ Там же. Оп. 5. Д. 117. Л. 51. В архиве приводится также цифра 1917 человек. См.: Там же. Л. 10; Оп. 10. Д. 290. Л. 10.
- ³⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 71. Л. 132, 132 об.
- ³¹ Там же. Оп. 5. Д. 117. Л. 51.
- ³² Там же. Оп. 5. Д. 121. Л. 38, 38 об.; Д. 123. Л. 24, 26, 26 об.
- ³³ Там же. Оп. 4. Д. 71. Л. 132.
- ³⁴ Там же. Оп. 7. Д. 230. Л. 8, 8 об.
- ³⁵ История Чувашской АССР. Кн. 2. С. 60.
- ³⁶ Канаш. 1927. 5 марта.

³⁷ Урукова О. Указ. соч. С. 10; Орлова Е. Октябрьская революция и чувашская женщина. С. 40-44; Горохов К. Освобождение женщины от рабства. Чебоксары, 1926. С. 54; Канаш. 1928. 8 марта; ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 9. Д. 6. Л. 175; Оп. 10. Д. 48. Л. 114.

³⁸ Урукова О. Указ. соч. С. 10; Орлова Е. Указ. соч. С. 40-44; Горохов К. Указ. соч. С. 54; Канаш. 1928. 8 марта; Изоркин А.В. Указ. соч. С. 68. Имеются сведения о том, что в созыве 1925 г. на 1926 г. было 7676 делегатов и проведено 3183 собрания, а в созыве 1927 г. было 384 делегатских пункта и 7723 делегатки. См.: ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 9. Д. 6. Л. 175; Оп. 10. Д. 48. Л. 114. Динамика у П.В. Денисова также положительная, но цифры разнятся. См.: ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 10. Д. 6. Л. 80; Канаш. 1926. 6 ноября. № 254; Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972. С. 442.

³⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 9. Д. 6. Л. 175; Оп. 10. Д. 48. Л. 114; Д. 291. Л. 39. В кампании 1928 г. имеются данные о выборе всего 755 делегатов, из них городских – 112. См.: Там же. Оп. 9. Д. 231. Л. 7.

⁴⁰ История Чувашской АССР. Кн. 2. С. 60.

⁴¹ Чирков П.М. Указ. соч. С. 93.

⁴² ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 176. Л. 133. От мелких коллективов (3 или 5 человек) в 1925 г. избиралась 1 делегатка. От домохозяйек городских «районов» - 2-3 делегатки.

⁴³ Чирков П.М. Указ. соч. С. 91.

⁴⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 10. Д. 297. Л. 2; Оп. 13. Д. 222. Л. 3, 77; Д. 227. Л. 1; Оп. 14. Д. 222. Л. 1, 1 об.; Ванеркке. Опыт лучших - всем женделегатским собраниям края. Делегатки Чувашии в первых рядах // Горьковская коммуна. 1933. № 7. 8 января.

⁴⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 176. Л. 133.

⁴⁶ Там же. Оп. 9. Д. 231. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Оп. 8. Д. 12. Л. 6.

⁴⁸ Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

⁴⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 71. Л. 132.

⁵⁰ Там же. Оп. 10. Д. 291. Л. 40.

⁵¹ Там же. Оп. 9. Д. 246. Л. 78.

⁵² Конкурс на лучшее делегатское собрание // Работница. 1933. № 4. С. 5.

⁵³ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 10. Д. 291. Л. 39.

⁵⁴ Там же. Л. 123.

⁵⁵ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана. С. 137-139.

⁵⁶ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л., 1930. С. 123-124.

⁵⁷ Чирков П.М. Указ. соч. С. 100.

Н.С. Яковлева

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЖЕНСКОГО ТРУДА В РАБОТАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА

В работах И.Д. Кузнецова вопросы женского труда не были предметом специального изучения, однако отдельные их аспекты все же рассматривались в следующих монографиях: «История Чебоксарского электроаппаратного завода» и «История Козловского комбината автофургонов».

Источниковой базой данных исследований послужили фонды разных архивов, в том числе Центрального государственного архива ЧАССР, Партийного архива Чувашского обкома КПСС, архивов предприятий, а также материалы периодической печати, социологических опросов работников и т.д. Кроме перечисленных источников, в работе «История Козловского комбината автофургонов» были использованы мемуарные записки и интервью с ветеранами комбината¹.

Анализ количественного и качественного состава женщин, работающих на Чебоксарском электроаппаратном заводе, содержится в статье И.Д. Кузнецова «Женщины в коллективе ЧЭАЗ: заметки по анкетному опросу». В ней отмечается, что в ходе опроса, проведенного в октябре 1971 г., было охвачено более 82% всего промышленного персонала (9193 человека). При этом более половины производственного коллектива завода (58,3%) составляли женщины, особенно высокой была их доля среди служащих – 90,4%. Автор довольно подробно останавливается на характеристике женщин титульной национальности. Так, среди всех женщин, работающих на заводе, чувашки составляли более 53%. Причем, высокие темпы роста их численности наблюдались лишь после 1955 г. Если до этого на заводе работало только 17,4% чувашек, то после 1955 г. – 82,6%. В то время как 32,4% других женщин приступили к работе еще в 1941-1955 гг. Женщины-чувашки, по данным анкет, были моложе женщин других национальностей, так, только половина из них была старше 30 лет. Средний уровень образования у них был не ниже, чем у остальных женщин. В статье также приводится цифровой материал, характеризующий возрастную структуру и образовательный уровень женщин завода. Из него следует, что среди женщин-работниц преобладали лица молодого и среднего возраста. Так, доля женщин в общей численности работниц в возрасте до 21 года составляла 14,9%, 21-31 год – 28,8%, 31-50 лет – 51,4%, старше 50 лет – 4,9%. Что касается их уровня образования, то только 29,1% всех опрошенных женщин имели высшее и среднее специальное образование, в

том числе высшее и незаконченное высшее – 5,8%, среднее и незаконченное среднее – 23,3%, учились в вузах и техникумах – 4,2%. Роль женщин в коллективе ЧЭАЗа ярко проявлялась и в активном участии их в общественной жизни. Среди них члены КПСС составляли 4,2% (226 человек), комсомолки – 23,4% (1252 человека). Многие работники завода являлись кавалерами орденов, были награждены медалями СССР. Так, из 5360 опрошенных женщин, работающих на заводе, 76 (1,4%) были награждены орденами СССР, 793 (14,8%) – медалями². Таким образом, в ходе опроса, проведенного на ЧЭАЗе, была выявлена социально-демографическая структура женщин-работниц.

В 1975 г. была издана монография И.Д. Кузнецова, Г.П. Петрова «История Чебоксарского электроаппаратного завода». В ней авторы, освещая историю одного из ведущих предприятий электротехнической промышленности страны, показали трудовые подвиги женщин-работниц в военные и послевоенные годы, рассказали о женщинах-передовиках производства, женщинах-общественницах, привели биографии наиболее знатных из них. Работа состоит из шести глав. В ней содержатся фотоснимки, демонстрирующие труд женщин в тяжелые дни войны, а затем и в мирное время, а также женщин, награжденных за трудовые успехи орденами.

Авторы книги на протяжении всего рассматриваемого периода - с 1941 г. до начала 1970-х гг. - раскрывают активную роль женщин-работниц в трудовой и общественной жизни завода. С первых же дней Великой Отечественной войны, пришедшие на завод женщины, в основном бывшие домохозяйки и молодежь, показывали высокие образцы труда. Многие из них брали на себя очень высокие индивидуальные обязательства. Например, слесарь первого сборочного цеха З.М. Данилова сказала: «Фронту нужно много продукции. Поэтому мы, стахановцы и стахановки, все рабочие завода, работаем не жалея сил, не считаясь со временем. Но высокая награда обязывает нас удесяттерить усилия, добиться новых успехов. Я выполняю производственные нормы на 300 процентов. Обязуюсь давать по четыре нормы за смену. Стахановским трудом приблизим час полной победы над гитлеровскими поработителями»³. Лучшие работницы ЧЭАЗа за успехи в производстве оборонной и гражданской продукции в январе 1944 г. были награждены орденами и медалями Советского Союза. Орденом «Знак Почета» была награждена револьверщица А.И. Зверева, «За трудовую доблесть» - слесарь З.М. Данилова, прессовщица А.И. Ильина, медалью «За трудовое отличие» - слесарь М.С. Чиркова. Большая группа передовиков производства была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР. Среди них – В.М. Анд-

реева, А.А. Артемьева, А.Я. Асянина, И.В. Башмачникова, М.А. Белова, В.С. Жолобова, М.Г. Филиппова и другие⁴.

В послевоенный период женщины – работницы, инженеры, техники участвовали в социалистическом соревновании, движении за коммунистическое отношение к труду, рационализаторстве и изобретательстве. Однако здесь следует отметить, что уровень технического творчества женщин-работниц был значительно ниже, чем у мужчин. Женщины значительную часть свободного времени тратили на работу по дому, уход за детьми, поэтому были ограничены в возможностях активного включения в техническое творчество.

Среди женщин-работниц ЧЭАЗа выросли такие замечательные кадры, как слесарь Ю.А. Андреева, намотчица Н.В. Никитина, бригады которых неоднократно завоевывали звание бригад отличного качества по Министерству электропромышленности в годы четвертой и пятой пятилеток⁵, Г.И. Матвеева⁶, Г.И. Мухина⁷, Ю.Ф. Артемьева, Е.В. Жидкова⁸, их бригады коммунистического труда успешно трудились в годы семилетки, мастер А.К. Никитина, кавалер ордена Трудового Красного знамени⁹, слесарь К.И. Семенова, награжденная медалью «За трудовую доблесть», токарь Р.В. Кивит, занесенная в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР¹⁰, монтажница А.И. Алексеева, кавалер ордена Ленина, монтажница восьмого сборочного цеха М.Л. Лаврентьева и многие другие. Последняя, например, имела яркую трудовую биографию. М.Л. Лаврентьева пришла на завод в 1956 г. из Мариинско-Посадского района. За высокие производственные показатели она десять раз была награждена Почетными грамотами завода, четыре раза занесена на Доску Почета своего предприятия, один раз – на городскую Доску Почета, занесена в Книгу Трудовой Славы завода. Ее грудь украшали медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Мария Лаврентьевна была активной общественницей, она являлась депутатом Чебоксарского Городского Совета девятого и десятого созыва, а в 1967 г. избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР. Она также была членом партийного бюро цеха и парткома завода¹¹.

В 1984 г. И.Д. Кузнецов и Ю.П. Смирнов издали монографию «История Козловского комбината автофургонов», в которой рассказывалось о возникновении одного из первых промышленных предприятий Советской Чувашии. В ней также повествовалось о том, какие образцы трудового героизма проявляли женщины в разные периоды работы предприятия, о тех женщинах, кто отличился в труде, заслужил уважение в коллективе, был в числе передовиков и новаторов произ-

водства. В работе четыре главы, имеются фотографии женщин-работниц – кавалеров орденов, медалей.

Практически с самого начала функционирования комбината (начало 1930-х гг.) женщины быстро влились в рабочий коллектив, составив его половину. Они участвовали в рационализаторстве, изобретательстве, стахановском движении. Так, в числе первых стахановцев Козловского комбината были станочницы И. Людкова и А. Фирсова. Например, выпускница школы ФЗУ А. Фирсова регулярно выполняла план на 400-500 процентов. Энергичную и инициативную девушку выдвинули начальником цеха (в 1938 г.), избрали депутатом Верховного Совета Чувашской АССР¹². В годы предвоенных пятилеток в республике было широко известно имя передовой работницы комбината Е.П. Цыгановой, члена Чувашского ЦИКа. Она пришла на комбинат в 1932 г. из села Тюрлема, выросла от подручной рамщика до мастера, начальника цеха, была избрана депутатом Верховного Совета СССР первого созыва¹³.

Женщины-работницы комбината еще более самоотверженно трудились в годы Великой Отечественной войны, заменив ушедших на фронт мужчин. Образцы стахановского труда показывали Е.П. Цыганова, станочница М.Е. Мясникова, Максимова, Морскова¹⁴, Е. Фадеева¹⁵ и другие.

В послевоенное время многие женщины были инициаторами новых трудовых починов. Так, в годы пятой пятилетки станочница Н.З. Сымолкина, кавалер ордена «Знак почета», выступила организатором соревнования по профессиям¹⁶, станочница М.Е. Мясникова, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, была в числе инициаторов движения по распространению шефской помощи передовых рабочих и инженерно-технических работников, молодежи, только что пришедшей на производство¹⁷. В годы шестой пятилетки М.Е. Мясникова, подрамщица В.А. Борисова, сборщица З.С. Гиниатуллина, столяр А.П. Манюков развернули соревнование за достойную встречу 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции¹⁸. В годы семилетки бригада Н. Пышковой, коллектив мебельного участка Е. Ястребовой были инициаторами соревнований за звание бригады, участка, смены коммунистического труда, за досрочное осуществление семилетнего плана по всем технико-экономическим показателям¹⁹. В 1962 г. с ценным начинанием выступила станочница мебельного отделения В.М. Иванова: она поставила перед собой задачу – непрестанно повышать производительность труда, используя для этого все резервы. 130-140 процентов нормы – таков был ее показатель за смену при отличном качестве обработанных деталей. Одной из первых на своем участке В.М. Иванова перешла на самоконтроль. Она вела большую

общественную работу, являлась депутатом поселкового Совета²⁰. В числе лучших производственниц, награжденных орденами, были также отделочница К.А. Лабаева, фрезеровщица Ю.Д. Андрецова, станочницы А.Т. Леванова, В.Н. Кудрявцева. Г.А. Алексеева и другие²¹.

Таким образом, в вышеперечисленных работах, на фоне исследования общей истории Чебоксарского электроаппаратного завода и Козловского комбината автофургонов, рассматривалась трудовая активность женщин-работниц, их участие в производственной и общественной жизни предприятий. Авторы обращали внимание, прежде всего, на проявления трудового героизма женщин-работниц. Они особенно полно освещали их массовое участие в социалистическом соревновании, движении за коммунистическое отношение к труду. Вместе с тем, проблемы количественно-качественных и структурных изменений, роста культурно-технического уровня женщин-работниц были рассмотрены недостаточно. Однако, несмотря на это, работы И.Д. Кузнецова внесли свой вклад в изучение проблем женского труда в Чувашии.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары, 1975. С. 260; Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. История Козловского комбината автофургонов. Чебоксары, 1984. С. 141.

² Кузнецов И.Д. Женщины в коллективе ЧЭАЗ: заметки по анкетному опросу // Электрик. 1972. 7 марта. С. 2.

³ Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары, 1975. С. 33.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Там же. С. 74, 85.

⁶ Там же. С. 145, 146.

⁷ Там же. С. 148.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ Там же. С. 160.

¹² Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. История Козловского комбината автофургонов. С. 22.

¹³ Там же. С. 19, 34.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 44, 47.

¹⁷ Там же. С. 46.

¹⁸ Там же. С. 52.

¹⁹ Там же. С. 55.

²⁰ Там же. С. 68.

²¹ Там же. С. 71, 75.

А.Л. Мочалов

ИЗУЧЕНИЕ И.Д. КУЗНЕЦОВЫМ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ЧУВАШИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Данная тема очень актуальна, т.к. культура - это все самое ценное, созданное обществом. Не будет преувеличением сказать, что культура представляет собой меру человеческого в человеке. Культура – это особая сфера и форма деятельности, она выступает необходимым условием существования общества.

Особое внимание И.Д. Кузнецов уделял изучению материальной культуры сельского населения Чувашии. Под его руководством и при его непосредственном участии были проведены экспедиции 1933, 1960, 1970, 1980 гг. Исследователи Чувашии (Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин) впервые в Среднем Поволжье провели массовое анкетное обследование сельского населения.

Для сбора массового материала было разработано несколько инструментов. Основной из них — «Анкета подворного обследования культурно-бытового состояния крестьян»¹. Анкета позволила собрать данные по каждой семье, каждому домохозяйству по следующему плану: социальное положение, половозрастная структура, занятия, личное подсобное хозяйство, жилище, постройки, одежда, утварь, пища.

Материал, собранный экспедицией, в определенной степени помог делу дальнейшей социалистической реконструкции сельского хозяйства, культурных преобразований сел и деревень Чувашии.

Конкретные статистические данные этих экспедиций послужили одним из основных источников для ряда научных трудов. Надо, однако, отметить, что систематизированные и обобщенные материалы всех четырех экспедиций пока еще не опубликованы.

Особый интерес для исследователей представляли *поселения и жилища*. При обследовании в 1933 г. 21 деревни выяснилось, что из 4869 семей собственных домов не имели 73, т.е. 1,5%. Ко времени следующей экспедиции (1960 г.) специалистам жилье стали предоставлять колхозы и местные Советы. В 1980 г. 7,3% обследованных семей проживали в домах, принадлежащих колхозам, совхозам, местным Советам. В 1960-е гг. в индивидуальном жилищном строительстве стала проявляться тенденция к строительству многокомнатных домов. Самыми распространенными типами сельских индивидуальных жилых сооружений являются деревянные дома. В 1960 г. они составляли 99,4% жилого фонда. Среди обследованных 4741 дома только десять домов было кир-

пичных, 116 — деревянных на каменном фундаменте. В 1970 г. 5,6% домов были кирпичные. Доля деревянных домов к 1980 г. уменьшилась до 80,2 %, а кирпичных увеличилась до 19,2%.

Рост материального благосостояния сельского населения сказался и на *кровельном материале*. В 1933 г. тесом были покрыты 57,9% домов. соломой - 32,8% всех обследованных домов. Под железной крышей находилось всего 3,6% домов. Обследование 1960 г. показало, что с 1933 г. доля соломенных и глино-соломенных крыш сократилась и составила 21,4%, увеличилась доля домов под железом (12,5%). Получает распространение шифер. Начинают применять в эти годы толь. В 1960-е гг. существенно улучшилось снабжение сельских жителей кровельным железом. Для защиты от коррозии листовое железо с внутренней стороны смазывали солидолом. Соломенные крыши выявлены в 1980 г. лишь в 5 селениях на усадьбах 26 семей.

Баня является для многих народов традиционным местом мытья. Строительство индивидуальных бань, рассчитанных на одну семью, в общем комплексе дворовых хозяйственных построек началось только в советское время. По материалам обследования, в 1933 г. собственные бани имели 43% семей. К 1960 г. доля индивидуальных бань возросла незначительно. В 1970 г. имели бани 64% семей. Материалы обследования 1980 г. показали расширение в сельской местности сети общественных бань. Правда, сельские общественные бани — это обычные срубные бани, топящиеся по-белому. И те, кто ими пользуется, топят их своими же дровами, сами же таскают воду и т.д. Строились бани на средства колхоза, совхоза или местного Совета. 83,5% обследованных семей в 1980 г. имеют бани. Доля черных бань в 1980 г. составляла 52,4%. В 1960-е гг. имелись единичные бани, топившиеся по-белому.

Внешняя отделка жилища отражает рост благосостояния, повышение эстетических требований населения. В 1950-е гг. в индивидуальном строительстве обшивка домов почти не практиковалась. Обшивка защищает стены от дождя, предохраняет от гниения, зимой задерживает ветер. Обшитый дом смотрится аккуратнее и наряднее. Доля обшитых деревянных домов в 1970 г. составляла 26,6%, в 1980 г. — уже 57,7%. Как правило, обшитые стены окрашивают в один цвет масляной краской. Резьбой в прошлом украшали свои дома, как правило, состоятельные крестьяне. Резьбой и полихромной раскраской в 1970 г. было украшено 25,6% домов, в 1980 г. — 40,1%.

Ворота с изменением их хозяйственных функций претерпели изменения и в конструкции. У большинства ворота были без крыш, а у бедняков только ворота-прясла, которые служили и для проезда, и для про-

хода людей. В 1960 г. 40,5% обследованных хозяйств ворота имели глухие, с крышей (русские) и 1-2 калитками, 24,5% — без крыши, но со сплошным глухим забором по обеим сторонам. «Русские» ворота в 1970 г. были у 53,4% хозяйств, а в 1980 г. — у 76,4%. Вопрос о раскраске ворот в анкете 1960 г. не ставился. В 1970 г. были окрашенными 15,5% ворот, в 1980 г. — 70,9%. Абсолютное большинство ворот в 1980 г. имели проезжую часть и калитку-воротце.

Изменился и *интерьер жилища*. В первые десятилетия Советской власти в прошлое ушли избы, топившиеся по-черному. Для отопления дома и приготовления пищи стала служить русская печь. Две из важных функций старых печей — хлебопечение и место для спанья стариков и детишек — ушли в прошлое. Печи начали ставить меньших размеров. Многокомнатные дома стали обогревать водяной системой отопления. Существенным моментом в изменении бытовых условий является использование газа при приготовлении пищи. 65,8% обследованных в 1980 г. семей пользуется газом. У абсолютного большинства газ подается из баллонов. Некоторая часть сельских жителей в летнее время газовые плиты устанавливает в летних кухнях.

Внутренняя отделка жилых помещений также претерпела существенные изменения. Раньше сельские жители неохотно шли на покраску полов: крашенные полы казались холодными, да и цвет красок делал помещение несколько сумрачным. Но постепенно, сначала сельская интеллигенция, за ними и другие, стали красить полы масляными красками. Окрашенных полов в 1930-е гг. почти не было. В 1960 г. в 23,2% обследованных домов, в 1970 г. — в 82,3%, в 1980 г. — в 91,6% полы были окрашены; 0,2% в 1970 г. и 0,7% полов в 1980 г. — паркетные. Потолки начали красить также в послевоенные годы. Их красят белилами или масляной краской. В 1960 г. было окрашено 9,1% потолков, в 1970 г. — 57,2%².

Освещение жилья у чувашей в дореволюционное время было скудным. Окна были маленькие, волоковые. В темное время суток жгли лучину. В период работы первой экспедиции в Чувашии в некоторых деревнях уже появились электрические лампы, но в обследованных деревнях еще не было электрических станций. Годовой расход керосина на душу населения в 1932 г. составлял 1,89 литра. К моменту обследования 1960 г. 9 селений было частично или полностью электрифицировано. 34,3% семей пользовались электрическим освещением. В 1967 г. электрификация сельских населенных пунктов завершена. В 1970-е гг. появляются абажуры. В 1980 г. их имели 32,3% обследованных хозяйств. В

числе домов, не имевших абажуров и люстр, 10% освещались лампами дневного света.

Убранство жилищ является важным показателем изменения как этнических, так и специфических сельских традиций. В 1933 г. сельские жители на стены домов вешали плакаты, портреты. Кроме того, фотографии членов семьи или родственников обязательно вставляли в настенную застекленную раму-витрину. Распространяется традиция иметь в доме цветы, что косвенно служило показателем добротности дома. Цветы имели 19,8% семей. Даже потребность в зеркалах показывает повышение внимания к внешнему виду, стремление к опрятности. По обследованию 1933 г., настенные зеркала имелись в 57% домов. К 1960 г. увеличилось число настенных зеркал (76,4%). В 71,2% обследованных домов имелись иконы. По обследованию 1980 г. выяснилось распространение тенденции иметь на стене фотопортреты членов семьи, родителей. В 94,9% домов были настенные зеркала. 39,8% семей имели настенные ковры. Иконы имелись у 74,8% опрошенных.

Мебели в дореволюционные годы в чувашских избах было мало. Обследование 1933 г. зафиксировало постепенное внедрение кроватей, стульев, табуреток, посудных шкафов и т.п. В избе обычно ставили 1-2 скамейки. К 1960 г. количество скамей уменьшилось, увеличилось количество стульев, табуреток. В 1960 г. на 100 семей приходилось 147 кроватей, причем 42,6% были еще деревянные. К 1970 г. интерьер сельских домов существенно изменился. На 100 семей приходилось 34 платяных, 27 посудно-пищевых, 48 — посудных шкафов. Каждая пятая семья (21%) имела книжный шкаф, в каждом пятнадцатом доме имелся сервант. На 100 семей приходилась 271 кровать, в т.ч. традиционных деревянных — 35. Кроватей металлических в 1980 г. на 100 семей приходилось 203. Из обследованных в 1980 г. домов, в 89,5% спят только в постелях, 3,8% — на кроватях, иногда и на печи³.

Кухонные и столовые принадлежности свидетельствуют об изменениях традиций в бытовой культуре. Экспедиции 1933, 1960 и 1970 гг. выявили следующие основные изменения в наличии посуды и кухонного инвентаря. Металлическая и фарфоровая кухонная и столовая посуда и приборы заметно вытесняют аналогичные деревянные и глиняные изделия. Исчезают деревянные ковши, половники, их заменяют металлические ковши. Деревянные ковши и половники в 1960 г. составляли 15%, в 1970 г. — 10% от всех ковшей. В 1960 г. на каждые 100 семей приходилось 1,5 холодильника. В 1980 г. холодильники имелись у 26,5% семей.

Изменились также *одежда и обувь*. В 1933 г. 62% населения носили лапти попеременно с кожаной и резиновой обувью. В 1960 г. только 4,3% населения изредка обували лапти. К 1970 г. лапти не носили вообще.

В дореволюционное время сапоги считались роскошью. Обследования показали, что в 1931 - 1933 гг. на 100 семей было приобретено 17 пар сапог, а в 1958 - 1960 гг. - 58 пар. В 1970 г. на 100 человек приходилось 107 пар резиновой обуви. Вопрос о гардеробе в анкету 1980 г. включен не был.

В целом, статистические материалы, полученные в результате повторного анкетного обследования населенных пунктов в 1933, 1960, 1970, 1980 гг., выявили значительные изменения в материальной культуре сельского населения Чувашии, в чем проявляется объективный процесс преодоления различий между городом и деревней в условиях социалистического строительства.

За годы Советской власти, как показывают материалы экспедиций, продолжается процесс количественного и качественного обновления материальной культуры сельского населения Чувашской АССР.

Не проходили мимо внимания И.Д. Кузнецова и книжные новинки в области истории, на многие из которых он живо откликался. Среди них – книга А.И. Маркелова «Культура возрожденного народа». В ней живо и интересно рассказывается о том, как развивалась культура Чувашии после Великой Октябрьской социалистической революции. Автор всесторонне осветил подъем и расцвет духовной культуры. Народное образование, формирование и подготовка кадров народной интеллигенции, массовая культурно-просветительная работа, развитие очагов культуры в городах и деревнях, художественное творчество масс, литература и многогранное искусство, повседневная тесная связь их с массами трудящихся, печать, радио и телевидение – таков круг вопросов, к которым привлекается внимание читателя.

За 50 лет упорного труда И.Я. Яковлева была достигнута азбучная грамотность 11–12% населения Чувашии. Накануне Октября чувашей с высшим образованием насчитывалось не более 30 человек.

Республика покончила с безграмотностью населения за 20 лет Советской власти, что является показателем активной работы новой власти среди неграмотного населения Чувашии. Как показала перепись населения 1959 г., в Чувашии на каждую тысячу человек трудоспособного населения 474 человека имели высшее, среднее и неполное среднее образование, а в 1970 г. их было более 500⁴.

Хотя современная чувашская письменность появилась более 100 лет назад, до революции на чувашском языке было издано всего 716 книг, из них 64% церковно - миссионерских. «Нарспи» К.В. Иванова, «Арçури» М. Федорова и некоторые другие произведения смогли появиться только под маской народных сказок и преданий. Всего полтора года (1906 - 1907) существовала первая чувашская газета «Хыпар», возникшая на волнах народной революции в России.

По словам И.Д. Кузнецова, в Чувашии издается книг ежегодно не меньше, чем за все дореволюционные годы. Союз писателей Чувашии объединяет в 1970 г. более 70 мастеров художественного творчества, а пишут и издают книги многие сотни авторов, начиная с рядовых рабочих и кончая учеными разных специальностей. Не только в Чебоксарах и районных центрах, но и на многих заводах и в колхозах массовыми тиражами выпускаются газеты. На родной язык переведены произведения Маркса, Энгельса, Ленина, классиков русской и мировой художественной литературы. В свою очередь, уже немало произведений чувашских писателей, чувашских ученых вошли в золотой фонд интернациональной культуры и науки.

Народ творил, как умел, свое искусство — песенное, хореографическое, музыкальное, орнаментальное, архитектурное. Но профессиональное искусство было только в зародыше. Многие таланты гибли, не имея возможности показать свою силу. Иван Данилович отмечает, что теперь в Чувашии работают театры разных жанров и профилей, вплоть до оперного и балетного на чувашском и русском языках, имеют богатый национальный и интернациональный репертуар, процветают музыкальное и изобразительное искусство.

И.Д. Кузнецов ярко и содержательно рассказывает о мощном подъеме творческой самостоятельности народной массы. На наших глазах идет процесс сближения профессионального и самостоятельного искусств. Одно питает и поднимает другое. Происходит сближение духовной жизни города и деревни.

Автор обстоятельно освещает развитие искусства Чувашии, что вполне заслуженно и уместно. Но автор не ограничивается упоминанием широко прославленных, знатных деятелей культуры, он умело показывает рост, мастерство и заслуги множества активных борцов и творцов национальной культуры.

Автор раскрывает благотворное значение общения чувашских деятелей культуры с деятелями культуры других братских республик.

По мнению И.Д. Кузнецова, автор чересчур прямолинеен и избегает освещения того, какие трудности встречались на пути культурного воз-

рождения народа. Вместо компактных динамичных показателей автор иногда ограничивается эпизодическими показателями за случайно взятые годы.

Таким образом, И.Д. Кузнецов отмечает, что мелочи не умаляют ценности работы И.А. Маркелова. Он рекомендует ее читателям, особенно пропагандистам, лекторам, культработникам.

Освещает И.Д. Кузнецов и деятельность своего единомышленника Михаила Сеспеля. Сеспель Мишши – основоположник чувашской советской поэзии – широко популярен не только в Чувашии, но и за ее пределами. Он был одним из организаторов чувашского комсомола. В памяти И.Д. Кузнецова сохранились встречи с ним в Яльчикском районе, еще до того как возникла там первая комсомольская ячейка. Пламенный оратор, он призывал бедняцкую молодежь сплотиться в комсомол для активного участия в упрочении Советской власти, сплотиться для строения счастливой жизни. 8 мая 1920 г. в Яльчиках возникла комсомольская ячейка.

К концу года в районе насчитывалось более 400 комсомольцев и их конференция сформировала райком комсомола, избрав ответственным секретарем Зинаиду Сусметову. В составе бюро райкома был и И.Д. Кузнецов, сначала в качестве заведующего военно-спортивным, а позже - экономическо-правовым отделом.

В июне 1920 г. Сеспель участвует в работе Всероссийского съезда чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ в г. Казани, работает его секретарем. Сеспель Мишши во всей своей общественной и творческой деятельности непрестанно и неустанно боролся за то, чтобы выправить из массы чувашских трудящихся пережитки рабской пассивности, поднять их на активное участие и строительстве новой жизни. В 1921 г. в стихотворении «Пашня нового дня» он подчеркивает живительную силу интернациональной дружбы.

Таким образом, Михаил Сеспель был полон оптимизма, уверенно высказывал свои мечты о приближении счастливой жизни народа, призывая трудящихся к дружной работе для превращения мечты в действительность.

Таким образом, в научно-исследовательской работе ученого, помимо изучения социальных процессов, особое место занимало освещение культурного развития Чувашии. И.Д. Кузнецов основательно осветил культуру и быт чувашей и показал чувашский мир. В процессе исторического развития любого народа изменяется не только социально-экономическая жизнь, глубокие изменения происходят также и в куль-

туре. Именно в рамках сельской общины происходил процесс формирования и развития общественного быта и духовной культуры.

Следует также отметить, что культура чувашского народа, как и многих остальных народов, является продуктом сложного и длительного взаимовлияния многих национальных культур, постоянно испытывавших в процессе своего исторического развития благотворное влияние русской культуры.

И.Д. Кузнецов внес весомый вклад в изучение культурного развития Чувашии. Его творческое наследие как классика чувашской науки всегда будет востребовано новыми поколениями исследователей.

Примечания

¹ Иванов Л.А., Кузнецов И.Д., Сидоров П.А., Фокш П.П. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С.51.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 86.

⁴ Кузнецов И.Д. Культура возрожденного народа // Советская Чувашия, 1970, 30 января. С. 3.

⁵ Кузнецов И.Д. «Наш край возродится родной...». О делах и мечтах Михаила Сеспеля // Молодой коммунист, 1969, 7 ноября. С. 3-4.

Секция 3

**НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО,
СОЦИАЛЬНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ
И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ
РОССИИ**

М.С. Черкасова

МОНАСТЫРИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ОПИСИ 1641-1643 гг.

В 1641-1643 гг. была проведена грандиозная правительственная проверка крупнейшего в России Троице-Сергиева монастыря. Комиссию по ревизии имущества и хозяйства мощной духовной корпорации возглавил окольный Ф.В. Волынский, а проводили ее непосредственно два дьяка (И. Федоров и Д. Прокофьев) и восемь подьячих. Затронула она и его многочисленные приписные «филиалы», среди которых три располагались в Среднем Поволжье - Казанский, Свяжский и Алатырский монастыри. Первые два изначально возникли в 1550-е гг. как приписные к «большой» Троице, передача же Алатырского монастыря под ее управление произошла на протяжении 1615-1617 гг. Для него подобное описание являлось по крайней мере уже четвертым или пятым. Наряду с архимандритом, келарем и соборными старцами, опись 1641 г. подписал казначей Симон Азарьин, который до попадания на столь высокий пост управлял как раз Троице-Алатырским монастырем (в начале 1630-х гг.)¹.

Опись дошла до нас в подлиннике, хранящимся в Сергиево-Посадском музее-заповеднике (объемом в 893 лл.)². Ее полная рукописная копия, изготовленная в 1919-1923 гг. искусствоведами Ю.А. Олсуфьевым и С.Н. Дурылиным, - в фонде Московской Духовной академии в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки³. Опись 1641-1643 гг. является очень содержательным многоплановым источником, весьма ценным для изучения ряда важных вопросов социально-экономической истории и культуры Среднего Поволжья. По каждому монастырю были описаны церковные и хозяйственные строения и службы, интерьеры церквей, утварь, промысловоремесленные инструменты, земледельческие орудия, крепостная казна (документы и деньги), книжные собрания, состав братии, слуг, служебников, сельского зависимого населения, перевозки через реки, городские дворы и лавки. Фиксация запасов в монастырских службах показывает значение средневожских филиалов Троицы в рамках внутривотчинной хозяйственной специализации. Например, у Троице-Свяжского монастыря отмечено 80 кулей солода ячного немолотого и 210 кулей муки ржаной, изготовленных для Астраханского насадного промысла. Крупная монастырская экспедиция в составе 600 чел. еже-

годно совершала длинный маршрут из центра до низовьев Волги, и по пути ее следования были необходимы продовольственные запасы⁴. На *леднике* в Троице-Свияжском монастыре хранилась бочка рыбы «сопы» объемом в 20 ведер; в *сушиле* 150 связок «летеовой рыбы и вялых щук», в *чулане* 6 возов мелкой рыбы (плотицы и карасей). В *хлебодарне* находились 34 пуда соли-бузуну.

У Троице-Казанского монастыря было 1,5 рогожи соли-бузуну (45 пудов) и 10 пудов соли-пермянки⁵. Большие запасы соли были необходимы не только для развития монастырских промыслов и торговли, но и для предоставления потребительского кредита нуждающимся крестьянам (солью, рыбой, хлебом). В местечке Узи под Тетюшами Троице-Казанский монастырь успешно развивал рыбный промысел, и на крестьянах весьма отдаленных от Казани Троицких сел (например, Костромского уезда) были отмечены денежные долги за «Узские стерляди». Описью 1641-1643 гг. был зафиксирован большой долг на крестьянах Троице-Казанского монастыря за соль – 633 руб. 23 алт. 4 ден. В казначейском ведомстве Симона Азарьина Опись 1641-1643 гг. отметила 72 рогожи соли и большие рыбные запасы (4040 астраханских «калуг», 1675 осетров, 1010 полурыбников белужьих и осетровых, 197 косяков и 30 «тем» белужьих).⁶

В крепостной казне каждого монастыря хранились государевы жалованные грамоты, частнопровольные акты, выписи из писцовых книг, но более всего – заемные кабалы и ссудные записи. Ими оформлялась передача в долг денег, хлеба, соли, скота нуждающимся монастырским крестьянам, бобылям и жителям городов Алатыря, Казани. Свияжска (посадским и служилым людям, мордовским мурзам, иноземцам, сторонним крестьянам). Долг хлебом и хлебопродуктами собственных крестьян Троице-Свияжского монастыря составлял более 95 четв., а деньгами – по 47 кабалам старцев Тихона Казанца, Мисаила Новосильцова и Аврамы Федотова – свыше 75 руб. На крестьянах Троице-Казанского монастыря по 18 кабалам старца Маркела числилось 84 руб. долга.

Крестьянское и бобыльское население неравномерно распределялось по вотчинам приписных монастырей Троицы в Среднем Поволжье: у Троице-Казанского монастыря отмечено 4 жилых селения и в них 76 дворов; у Троице-Свияжского – 17 селений и 634 двора, у Троице-Алатырского – 7 селений и 385 дворов. Сильно отличались и средние размеры селений – в Казанском уезде по 19, в Свияжском по 39, в Алатырском – по 47 дворов. Размеры эти существенно превосходили

показатели центрально- и севернорусских уездов с их по преимуществу малодворными деревнями.

К 1641 г. вотчина Троице-Алатырского монастыря состояла из четырех сел (Тургакова, Мишукова, Ичиксы, Четвертакова) и трех деревень (Милениной, Кладбиш и Подгородней). Именно села отличались особо крупными размерами: по 75-85 дворов. Еще одно село – Языково – находилось у Алатырского монастыря в совладении с поместными казаками, и корпорации в нем принадлежало 7 крестьянских дворов. Крестьяне в описи отмечены иногда с добавлением «тяглые и старинные». 87% дворов у Троице-Алатырского монастыря были крестьянскими (в абс. 335), 13% - бобыльскими (в абс. 50). 9 чел. были захребтниками и жили со своими семьями в чужих дворах.

Описью были отмечены следующие виды крестьянской и бобыльской семьи: малая отцовская (нуклеарная) – почти 70%, неразделенная отцовская двухпоколенная – 23% и незначительное количество братских семей – 4,7%. Семьи с пасынками, зятьями, внуками и вдовьи исчислялись единицами. При всей несформированности крестьянских фамилий для того времени наблюдения над отчествами показывают, что рост дворов совершался за счет разделения братских семей. Например, «во дворе Ермачко Мартемьянов, во дворе Симанка Мартемьянов»; «во дворе Останка Резанов, во дворе Никифорко Резанов» и т.п.

В наиболее крупном алатырском селе – Тургакове, насчитывавшем 91 крестьянский и бобыльский двор, монастырь разместил собственное хозяйство: здесь в житницах хранились 14 четв. ржи, 70 четв. овса, 15,5 четв. пшеницы, 19,5 четв. ячменя, 18 четв. полбы. Из других хозяйственных объектов в селе были коровий двор, овчарник, три хмельника. Господское стадо включало 14 коров и три подтелка. В подгородней дер. Иванковой описью были зафиксировано 96 четв. наличного ярового хлеба, 5 монастырских служебников и при них «пашенной ружляди» - восемь сошников с полицами, восемь кослировок, снасть для кос – наковальня, молот, 4 серпа, топор, 4 клещей. Интересны данные и о транспортных средствах в этой деревне – 5 саней, дровни, 4 колеса. Значительные запасы разнообразного хлеба и хлебопродуктов имелись в самом Алатырском монастыре – 605,5 четв. ржи, 100 четв. пшеницы, 1010 четв. овса, 17,5 четв. гороха, 99 четв. ячменя, 60 четв. гречи, 6,5 четв. крупы овсяной, 5 четв. проса, 6 четв. муки пшеничной, 30 четв. муки ржаной, 6,5 четв. толокна. Из технических культур отмечены 12,5 четв. конопли.

Крупным центром земледельческого производства был Троице-Свияжский монастырь. Опись отметила большие запасы различного хлеба в трех его селах - Городище (62 четв.), Большом Услоне (164 четв.), Килдеее (135 четв.). Упоминался умолот хлеба не только ближайшего к моменту проведения ревизии 1640/1641 г., но и 1631/1632 г. Посев же конопли в с. Килдеее к 1640/1641 г. составил 18 четв. В вотчине Троице-Казанского монастыря наибольшие запасы господского хлеба и хлебопродуктов отмечены в с. Петрецы (свыше 101 четв.). Здесь были учтены даже семенной пыж, молотое и немолотое толокно, солод ржаной и ячной. Запасы господского хлеба на мельнице на реке Ноксе составили 11 четв., а в житнице казанской дер. Пермяки – 38 четв.

О ремесленной специализации монастырских крестьян свидетельствуют такие определения, как бочкарь, гребенщик, кузнец, колесник, плотник, токарь, ситник, солодило. В описи сообщаются весьма колоритные прозвища некоторых крестьян – Широкая Изба, Синебрюх, Синица, Скалозуб, Баланда, Белоног, Вакура, Толстопят, Пуговка. О смеховой народной культуре заставляют догадываться такие прозвища деревенских жителей, как Дуда, Скоморох, Потеха, Потешка.

Примечания

¹ Оформленные при Симоне Азарьине документы см.: Черкасова М.С. Вотчина Троице-Алатырского монастыря в XVII – начале XVIII в. // Марийский археографический вестник. 2003. № 13. Приложения. С.10-12.

² Сергиево-Посадский музей-заповедник. Инв. № 289; копия XIX в. Там же. Инв. № 187. Здесь же хранится большой комплекс монастырских и лаврских описей XVIII в.

³ ОР РГБ. Ф. 173. II (Собрание МДА). Кн. 225. См. также: Клитина Е.Н. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Древнерусское и народное искусство. Сообщения Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 7-16.

⁴ Подробнее см.: Кириченко Л.А. Торговые экспедиции Троице-Сергиева монастыря конца XVI – начала XVII в. // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2004. С. 52-55.

⁵ ОР РГБ. Ф. 173. П. Кн. 225. Л. 582-583.

⁶ Там же. Л. 185-об.

Г.Н. Айплатов

**ИЛЬЯ ИВАНОВ И МИРОН МУМАРИН –
СПОДВИЖНИКИ РАЗИНА
(О социальном факторе
в Крестьянской войне 1670 – 1671 гг.)**

В современной отечественной историографии, начиная со времен так называемой «перестройки», в изучении народных движений в XVII – XVIII вв. наметилась тенденция к фактическому замалчиванию классовой борьбы в феодальной России, в том числе крестьянских войн XVII – XVIII вв. Сам термин «крестьянская война» под предлогом критики догматического подхода к изучению крупнейших антикрепостнических движений стал заменяться другими – «социальные конфликты», «протестные движения».

В нашей литературе высказаны мысли о том, что крестьянские войны «не могут быть предметом гордости», что они представляют «не героические, а трагические страницы нашей истории», что в восстании Разина «богатые крестьяне боролись за право предпринимательской деятельности в рамках региона», а в основной массе восставших были представители «сомнительных прослоек общества (бродяги, разбойники с большой дороги, босяки, тюремные узники и т.п.)»¹. Такой подход к изучению крупнейших народных движений в истории России, какими были крестьянские войны XVII – XVIII вв., является крайне односторонним, не учитывающим их социально-экономических причин, предпосылок, характера, движущих сил, их чаяний, требований и лозунгов, масштабы, последствий и исторического значения.

Несмотря на «инвентаризацию» историографии российских крестьянских войн, эта тема, несмотря на определенную «заявленность», и сегодня остается актуальной, яркой страницей истории Отечества, имеющей обширную историографию и прочную документальную базу, позволяющую объективно, не предвзято и без крайних оценок, поднять новые исследовательские пласты, расширить и углубить их проблематику (классы и сословия, социальные национальные и религиозные факторы в крестьянских войнах, социальная психология восставших и т.д.).

Одним из основных направлений в изучении крестьянских войн в феодальной России, кроме создания обобщающих трудов по их истории (В.И. Буганов, А.А. Зимин, В.И. Лебедев, В.В. Мавродин,

Х.И. Муратов, Р.В. Овчинников, А.Н. Сахаров, И.И. Смирнов, И.В. Степанов, Е.В. Чистякова и др.) во второй половине XX в., особенно в 60 – 80-х гг., было исследование проблем участия в крестьянских войнах трудовых масс на Яике, Урале и в Сибири (А.И. Андрущенко, Н.Е. Бекмаханова, М.Н. Мартынов, И.Г. Рознер), в Башкортостане (И.М. Гвоздикава, И.Г. Акманов, А.И. Усманов), Татарстане (С.Х. Алишев), Чувашии (В.Д. Димитриев, В.А. Нестеров), Мордовии (А.В. Клеянкин), Вятском (А.В. Эммауский), Нижегородском (М.Д. Курмачева) и Марийском (Г.Н. Айплатов, Л.А. Дубровина, А.Г. Иванов) краях, на Дону (А.П. Пронштейн). В эти же годы изданы тематические сборники документов и материалов, проведены научные конференции (в Оренбурге, Уфе, Казани, Чебоксарах). В мае 2004 г. в г. Саранске проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Социальные конфликты в России XVII – XVIII веков», на которой были заслушаны и обсуждены доклады В.А. Юрченкова «Социальные конфликты XVII – XVIII вв. в Среднем Поволжье и имперский социум: опыт западной русистики», А.С. Ахиезера «Социальные конфликты в России: Опыт цивилизационного осмысления», Л.Е. Морозовой «Проблемы методологии исследования народных движений в Поволжье в начале XVII в.», Ю.Н. Смирнова «Современные проблемы истории народного движения 1773 – 1775 гг.», А.Г. Иванова «Православное духовенство и марийское крестьянство Среднего Поволжья накануне и в годы пугачевского движения» и другие. Это свидетельствует о реанимации темы массовых народных движений XVII – XVIII вв. В последнее время официальные органы власти и средства массовой информации стали уделять больше внимания патриотическому воспитанию на традициях славного прошлого народов нашей страны. Следовательно, традиции отечественной историографии в изучении грандиозных крестьянских войн в России, называемых гражданскими, востребованы обществом и в начале XX в.

Тема борьбы крестьянства за землю и лучшую долю занимала достойное место в научном наследии видного чувашского историка, профессора И.Д. Кузнецова (разинское движение, «Акрамовская война» 1842 г. и др.). В частности, событиям времен Крестьянской войны 1670 – 1671 гг. в Волго-Окском регионе была посвящена специальная статья, в которой автором раскрыты социальные факторы в действиях восставших крестьян (русских, чувашей, марийцев, мордвы). О том, что социальные факторы играли ведущую роль в Крестьянской войне 1670 – 1671 гг., свидетельствуют события в другом, Ветлужско-

Унженском, районе, где действовал повстанческий отряд сподвижников Разина Ильи Иванова (он же: Долгополов, Попов, Пономарев) и Мирона Мумарина, благодаря которым география Крестьянской войны была значительно расширена в северном направлении.

После поражения С.Т. Разина под Симбирском в начале октября 1670 г. Крестьянская война не прекратилась. Она перекинулась, в частности, в лесное Заволжье, распространилась в Поветлужье и охватила Тотемский уезд². У руководителей уцелевших разинских отрядов, действовавших на северном фланге войны, возникла мысль о превращении некоторых северных городков, в том числе Соли Камской, в свои оплоты³. Особенностью антифеодального движения конца 1670 – начала 1671 г. в этих районах явилось резкое столкновение между «прожиточными» людьми и остальными крестьянами.

Примечательную роль в продолжении борьбы на нисходящем этапе Крестьянской войны сыграл повстанческий отряд, возглавленный атаманом Ильей Ивановичем Долгополовым и старшиной Мироном Федоровичем Мумариным. 1 октября 1670 г. один из разинских отрядов при поддержке посадских людей и крестьян окрестных деревень взял Козьмодемьянск. Воеводу и подьячего восставшие казнили и создали новую воеводскую администрацию из пяти выборных людей во главе с посадским человеком Иваном Шустом. В городе было установлено управление типа казачьего круга. Оно являлось в глазах народа как бы гарантией от восстановления прежних, крепостнических порядков. Крестьяне и социальные низы города считали казаков вольными людьми, не признававшими над собой власть крепостников и защищавшими себя от всяких посягательств с их стороны. Повстанцы стали сноситься с восставшими жителями городов Ядрина, Курмыш и Цивильска. Они установили в Козьмодемьянске строгий контроль над распределением продовольствия. Хлеб, хранившийся в житницах, был передан в распоряжение повстанческих органов⁴.

Участники восстания уничтожили воеводское делопроизводство⁵, выпустили на свободу заключенных узников. Из тюрьмы было освобождено много марийцев: «В Кузьмодемьянском воеводу воровские казаки убили и тюремных сидельцев русских людей и черемису из тюрьмы выпустили»⁶. Среди заключенных был и один из будущих организаторов и руководителей крестьянского движения на Ветлуге и Унже, И.И. Долгополов (он же Иванов, Пономарев, Попов). Свидетели взятия Козьмодемьянска сообщали, что «как воровские казаки город Кузьмодемьянск взяли и тюремных сидельцев распустили, и тюремно-

го сидельца Илюшку Долгополова они, воровские казаки, выбрали атаманом»⁷. Узник Долгополов был освобожден Шустом⁸. На допросе после его поимки в декабре 1670 г. Долгополов сообщил о себе следующее: «А в роспросе, государь, вор и крестопреступник Илюшка сказался – Иванов сын Пономарев и Попов, он же родом черкашенин Кадома города. Бывал дворовой человек боярина князь Юрия Петровича Буйносова-Ростовского и женат тут же во дворе, а жену его зовут Грунькою, Иванова дочь. Вписку и прибору он вор и крестопреступник, атамана и старшины казачья Стеньки Разина воровской казачей атаман»⁹. Сохранилось описание его внешнего вида: «Илюшка Иванов ростом средний человек, волосом светлорус, в лице продолговат, нос прям, продолговат, борода невелика, з бровьми небольшими почернее волос».

Новые органы власти в Козьмодемьянске заботились о дальнейшем распространении восстания и об организации обороны города. Так, сразу же после его взятия восставшими была предпринята попытка оказать помощь повстанцам Цивильского уезда. Отряд козьмодемьянцев, возглавляемый И. Долгополовым и И. Сорокой, направился к Цивильску. Но плохо вооруженные повстанцы не могли оказать сколько-нибудь действенной помощи и вынуждены были вернуться обратно. Подкрепив свои силы двумя пушками, И. Сорока вновь двинулся под Цивильск, а И. Долгополов намеревался пойти с отрядом в Поветлужье¹⁰. В октябре восстание охватило всю территорию Козьмодемьянского уезда. В движение включились крестьяне. Основной удар повстанцы направляли против представителей местной административной власти, дворян, детей боярских, а также на Спасо-Юнгинский монастырь. Восставшие марийцы вместе с разинскими казаками захватили его. Документы монастырского архива (отводные книги, долговые расписки, приходно-расходная документация и пр.), содержавшие различные грамоты о незаконных захватах марийских земель и олицетворявшие в глазах местных крестьян феодальное угнетение, были уничтожены. «Во 179-м году в бунтовое время Ахпарысовы сотни деревни Коптяковы и деревни Кадышевы с воровскими казаками черемиса Янсайко Няников, Юванайко Тювяков, Атьюко Адимов с товарищи приходили они в наш Спасов монастырь и всякие крепости и жалованные грамоты подрали и всякую церковную утварь разграбили, а нас, богомольцев ваших, хотели смерти предать»¹¹, – сетовал позже, в 1684 г., архимандрит монастыря. В другом документе говорится, что в 1670 г. «воровские казачишка и черемиса приходили... в монастырь и

грабили и всякие монастырские крепости и отводные вотчинные монастырские земляные книги подрали»¹². Уничтожение кабальных актов для массы восставших означало восстановление справедливости и торжества «мужицкой» правды.

Восстание распространилось далее по территории Среднего Поволжья. Новые и новые города переходили в руки восставших. Ими были взяты Васильсурск (отрядом И. Васильева), Верхний Ломов (отрядом М. Харитонов), Нижний Ломов (отрядом В. Федорова), Ядрин (отрядом П. Иванова, И. Васильева, И. Константинова). 7 октября Л. Федоров со своим отрядом вступил в Кадом. На следующий день в руках повстанцев, возглавляемых В. Федоровым и М. Харитоновым, оказался Керенск. А в середине октября отряд М. Осипова овладел Курмышем. Неправильно было бы думать, что Крестьянская война в Среднем Поволжье своим размахом обязана действиям только разинских отрядов. Инициатива исходила также от местных крестьян (марийцев, чувашей и др.) и городских низов. Крестьянская и городская беднота восторженно встречала разинцев, открывала городские ворота, выходила навстречу повстанцам, расправлялась со своими классовыми врагами, создавала свои отряды. Без активной поддержки местного населения – марийских, чувашских, мордовских и других нерусских крестьян – немногочисленные разинские отряды не могли бы рассчитывать на серьезный успех в борьбе с царскими воеводами.

Спустя некоторое время после взятия Козьмодемьянска повстанческое войско в городе насчитывало около 15 тыс. человек. Оно состояло в основном из русских и марийских (горных и луговых) крестьян. «Собралось де их всех в Кузьмодемьянском тысячь с 15, а все крестьянство да черемиса луговая да нагорная Кузьмодемьянского же уезда»¹³. Восставшее население было поделено на тысячи, сотни, десятки во главе с выборными атаманами, старшинами, десятниками и другими «начальными людьми». Это войско возглавляли четыре атамана: Серик Черкашенин, донской казак Иван Васильев, марийский пристав «кузьмодемьяновец» М. Мумарин¹⁴ и И. Долгополов (Иванов). Под их руководством находились «начальные люди»: марийцы Шабанко и Индуйко, сотник Ахпарус («чей сын, того не помнит»), а также русские Дмитрий Куварка, Андрей Скукарок, козьмодемьянские ямщики Иван Аникин, Дмитрий Андреев, Федор Яковлев, Андрей Сухово, Вавил Федоров, посадские люди Давид Игнатъев, Михаил Андреев. Игоньва Ушаков, Семен Федоров, Андрей Михайлов, Игонька Андреев, Васи-

лий Никифоров, Янка Михайлов, Петр Петухов, Дмитрий Дмитриев, Куприян Соловьев, некий Оська и многие другие¹⁵.

Осенью – зимой 1670/1671 г. район Поветлужья был охвачен пламенем Крестьянской войны. Здесь были расположены поместья крупных феодалов – боярина и оружейничего Б.М. Хитрово, Григория и Василия Собакиных, астраханского воеводы кн. Г.С. Черкасского, Макарьевско-Унженского монастыря¹⁶. Сразу же после взятия восставшими Козьмодемьянска началось массовое выступление русских и марийских крестьян Заволжья. Для оказания помощи ветлужанам по их просьбе из Козьмодемьянска был отправлен отряд, руководимый И. Долгополовым и М. Мумариным. В отряде было около 100 горных марийцев, с которыми Мумарин и Долгополов добрались до Ветлужского уезда. Но с увеличением притока местных крестьян в этот отряд горные марийцы были посланы вновь в Козьмодемьянск для укрепления повстанческого гарнизона на случай прихода царских карателей. Общее руководство военными действиями Козьмодемьянских отрядов осуществлял атаман Иван Васильев, находившийся с войском в самом городе¹⁷. Численность отряда Долгополова – Мумарина, по мере продвижения к с. Воскресенскому и с. Баки росла за счет русских и марийских крестьян, прибывавших к ним «из розных приходов и поместей и вотчин».

25 октября их отряд достиг с. Баки Ветлужской волости Галичского уезда, что в 150 верстах от Козьмодемьянска. Здесь И. Долгополова застал посланный от И. Шуста крестьянин дер. Коротни Козьмодемьянскою уезда, крепостной Спасо-Юнгинского монастыря Осип Черепанов, который вручил ему письмо с требованием возвратиться для обороны Козьмодемьянска. Над городом нависла опасность в связи с приближением царских войск: из Казани вверх по левому берегу Волги 11 октября выступил отряд М. Баракова, но правому берегу 17 октября двинулся отряд Д. Барятинского¹⁸. Поэтому «Илюшка с Ветлуги послал в Кузьмодемьянск к Ивашку Шусту в лодках 100 человек» из своего отряда. Сам И. Долгополов с оставшимися у него 150 повстанцами¹⁹ двинулся в «Лапшинскую волость и в-ыные дальняя места». А в это время в Козьмодемьянске сложилось тяжелое положение: отряды восставших, посланные из Козьмодемьянска, в боях 26 и 31 октября были разгромлены карателями. 3 ноября царские войска взяли штурмом Козьмодемьянск. Начались массовые казни пленных разинцев. Был схвачен и О. Черепанов, вернувшийся с письмом от И. Долгополова. Ю.А. Тихонов сделал справедливое заключение о возможном уча-

сти бойцов его отряда в обороне города и отметил, что падение Козьмодемьянска изолировало отряд И. Долгополова от других разинских отрядов, действовавших южнее.

В дальнейшем события в Галицком уезде развивались обособленно, вне связи с движением в других районах, охваченных Крестьянской войной²⁰. Вскоре отряд насчитывал 400 человек²¹. Повстанцы распределялись по сотням и десяткам. У каждой сотни имелось свое пестрядинное знамя красного цвета. Войско Мумарина и Долгополова было тепло встречено местным населением. Русские и марийские крестьяне повсеместно оказывали ему поддержку и помощь: снабжали продовольствием, обеспечивали транспортными средствами, приводили в отряды восставших представителей царской власти на расправу. Повстанцы на «Ветлуге и в иных местах побивали по мирской скаске черных людей приказных люден боярских и прикащиков их». Судом в повстанческом отряде руководил Куварка Дмитрий Семенов – козьмодемьянский стрелецкий сын.

29 октября отряд повстанцев достиг с. Никольского на реке Лапшанге – центра вотчины боярина Б.М. Хитрово. Двор вотчинника был разорен. Крестьяне забрали собранные с них оброчные деньги. Б.М. Хитрово в челобитной на имя царя писал, что восставшие крестьяне пограбили боярский двор, взяли много оброчных денег, а приказчика Лику Бочкова хотели «убить до смерти». Ряды восставших пополнялись не только крестьянами, прибывшими из сел Воскресенского, Баки, Дмитровска, Лапшанги и примыкавших к ним деревень, движение поддержали также представители низшего духовенства, сельские попы. В вотчинных селах боярина Б.М. Хитрово (Никольское, Ильинское, Воскресенское и др.) сельские попы посылали к Долгополову посыльных за «прелестными грамотами». Получив их, «чли всем вслух по многие дни» и призывали население к выступлению²². А когда же в эти села прибыли сами повстанцы из отряда Долгополова, то сельские жители выходили встречать их с «образами и с хлебом»²³.

Мумарин и Долгополов рассылали во многие деревни свои воззвания – «воровские письма» или «прелестные грамоты». Грамоты Долгополова доходили до Яранского уезда. В октябре 1670 г. в Яранск из приказа Казанского дворца была послана грамота, предостерегавшая по поводу «прелестных грамот». «И ныне ведомо нам, – говорилось в ней, – учинилось, что в Галицком уезде во Ветлужской волости по погостом вор и изменник казак Илюшка Иванов розсылает воровские прелестные письма, а вы (яранцы. – Г.А.) им верите»²⁴. В «прелестных

грамотах» крестьяне призывались к расправе с приказными людьми и конфискации их имущества («приказных людей крепить и животы... печатать до ево, Илейкина, приезду»). Восставшим предлагалось направлять свой удар не только против приказных людей, но и против зажиточных, «лутчих» людей: «А он де, Илейка, хочет ийти в поместье боярина князя Григорья Сунчелеевича (Черкасского. – Г.А.) на приказнова человека и по иным вотчинам и по поместьям вверх по Ветлуге на приказных же людей, а приказных людей сечь и животы их грабить, а крестьян добрить. А как де он, Илейка, прикащиков вырубит верховых всех, и хочет назад поворотиться и крестьян богатых мучить из живота и, мучив, сечь»²⁵. Таким образом, лозунги ветлужских повстанцев мало чем отличались от лозунгов, провозглашенных С.Т. Разиным в речи весной 1670 г. на кругу под Паншиным городком: «Ийти против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывезть изменников и думных людей и в городех воевод и приказных людей... и чорным людем дать свободу»²⁶.

Лозунги восставших пользовались большой популярностью среди частновладельческих поместных и вотчинных крестьян Поветлужья: «А в которых вотчинах и помесьях те воришки приказных людей прирубили и животы их пограбили.. тех вотчин и поместей крестьяне с теми воришками збираются заодно»²⁷. «Прелестные грамоты» и письма переписывались и распространялись по всему Поветлужью. Например, прибыв в Галицкий уезд, Долгополов разослал во многие деревни воззвания и «тем де воровским письмом посадцких людей и помещиковых и вотчинниковых крестьян прельщает и многих прельстил на всякое воровство и на бунт». Посадские люди и уездные крестьяне под влиянием этих воззваний восстали и стали расправляться с приказными людьми. В отписке в приказ Казанского дворца воевода Ю. Долгорукый сообщал о появлении в Галичском уезде Долгополова и о присоединении к нему крестьян: «А Галитцкого де уезду... посадцкие люди и уездные старосты же и крестьяня того ево Илюшкина воровского письма послушали и забунтовали и за галицкими пушкарями и за площадным подьячим гоняли и хотели их побить. И во многих де... вотчинах прикащиков почали побивать, и помещиковых и вотчинниковых и иных приказных людей по тому ж ево, Илюшкину, воровскому письму тех же поместей и вотчин крестьяне держат у себя в чепях и в железах и во многих крепостях, а иных де привозят на Унжу и сажают в тюрьму»²⁸.

Известность руководителей повстанческого движения на Ветлуге была велика. Вот что писал Долгополов о ветлужских крестьянах в письме, отправленном из Баков в Козьмодемьянск атаманам И. Иванову и И. Андрееву 26 октября 1670 г.: «И аз рад бы к вам в Кузьмодемьянской назал воротиться, и меня чернь не отпускает, потому что здесь на Ветлуге кричат, бояря появляютьца, и где чернь наедут, и рубят»²⁹. С Ветлуги отряд Долгополова – Мумарина двинулся на Унжу. В 10 верстах от Унжи отряд повстречал старосту, сопровождавшего казну. Повстанцы отняли у него деньги, грамоты и лошадей, а в Унжу был отправлен с письмом Д. Тонконогов. Письмо это было зачитано на торговой площади. Вскоре, 3 декабря, с Ветлуги в Унжу со своим отрядом прибыл И. Долгополов, радостно встреченный местными жителями. Повстанцы разорили таможенный и кружечный дворы, разгромили тюрьму, освободили заключенных, которые присоединились к повстанцам. Этот повстанческий отряд насчитывал 400 конных и 300 человек «по саням». В Унже он задержался недолго и в начале декабря направился в Верховскую волость.

И на Унже и на Ветлуге повстанцы выступали против представителей феодальной власти – дворян, детей боярских, приказных людей. В отписке воеводы В. Нарбекова тотемскому воеводе М. Ртищеву отмечалось: «В нынешнем во 179-м году в октябре пришел на Ветлуге из Козьмодемьянска вор Илюшка Иванов с товарищи и прибрал к себе в Ветлужских волостях в розных поместьях и в вотчинах воров многих людей из розных поместей и вотчин. И с теми ворами в Галицком уезде по Ветлуге и по Унже многое разоренье учинил и дворян и детей боярских и прикащиков, боярских слуг побил»³⁰. Об этом же красноречиво говорит выдержка из отписки соликамского воеводы И. Монастырева в Новгородский приказ: «И возмутил и собрал в тех местах по деревням и по селом человек с сот с 5 и больши и назвался де вор и изменник Илюшка атаманом и почали в Ветлужском уезде воровать, боярские и помещиковы вотчины разорять. И тамошних помещиков, детей боярских и прикащиков многих людей побили и животы пограбили без остатка». Крестьяне добровольно шли к Долгополову. В декабре 1670 г., после разгрома его отряда, многие участники восстания во время допросов, сопровождаемых жестокими пытками, заявляли, что они «с вором Илюшкою Ивановым с товарищи ездили недели з 2–4 своєю охотою»³¹.

В первых числах декабря Долгополов и Мумарин узнали от сотника Поливкина, посланного в Унжу для сбора подвод ратным людям и

захваченного повстанцами, что их отряд преследуется войском, возглавлявшимся воеводой В. Нарбековым, приход которого в Унжу ожидался с часу на час. Это сообщение заставило Долгополова и Мумарина оставить город и уйти в Богородский стан. Царские войска догнали повстанцев, и в сражении в верховьях р. Шанги, левого притока Ветлуги, 13 декабря они потерпели поражение. Карателями было побито «в разных местах» более 500 человек, пленено 75 человек, а «завотчики» были повешены. Взятые в плен соратники Долгополова старшина Евсевий Иванов, сотник Левка Неустроев, безымянный поп сообщили во время допроса, что Долгополов, надев «простое деревенских крестьян платье» и взяв с собою «чернеческое платье, манатью и клубук», скрылся. В. Нарбеков в отписке тотемскому воеводе М. Ртищеву сообщал о дальнейших намерениях И. Долгополова: «А хотел укрыватца до весны какими-нибудь обычаи по уездом на Тотъме и на Устюге и у Соли Камской и проиматца хотел на Волгу в Вятцкий уезд, в Пермь и в Царево-Кокшайский и в Санчурской уезд»³². В случае успешного осуществления этого замысла Марийский край весной 1671 г. мог быть снова охвачен массовым крестьянским движением.

Царские власти приложили немало усилий, чтобы обезглавить движение крестьян и тем самым «не дать воровству расплодитца». В погоню за Мумариным и Долгополовым был послан отряд стрельцов во главе с Б. Мишевским. Мумарину и 7 его «товарищам» – есаулу Федьке Дураку, устюжанину Гальке Швецу и другим на санях удалось спастись. В каком направлении они поехали, не известно. Во время допроса, учиненного В. Нарбековым, пленные давали различные показания: одни утверждали, что Мумарин и его товарищи направились на Галич, другие указывали Ветлугу, третьи – Парфенеveckую осаду; поп с. Покровского, ходивший «блиско к старшине», заявил, что Мумарин хотел бежать к ветлужскому пригороду – Кологриву. Посланному Нарбековым конному отряду не удалось напасть на след мумаринцев.

Повстанцы понимали, что для успешного продолжения дальнейшей борьбы им необходимо умножить свои силы. Сразу же после поражения в первых числах декабря у Судаева городка собрались оставшиеся повстанцы. Их насчитывалось более 200 человек. На своем собрании они решили держать путь па восток – на Вятку и Соликамск, Вятский и Усольский уезды. В их планы входило уничтожение «приказных подьячих и лутчих посадских людей» этих мест и привлечение крестьян и городских бедняков на свою сторону («чернь с собою взять»). Для сбора новых сил было решено отпустить 150 ветлужан в

свои деревни, в которых «прибрать... многих людей». Получив пополнение, повстанцы должны были сойтись в «великий мясоед» (с 25 декабря 1670 г. по 6 января 1671 г.) и двинуться к Вятке и Соликамску: «А из Ветлужского и из Вохминского и из Вятцкого уездов которые многие люди в воровство от тех воров призваны к ним будут, и тем людей приказал он, вор Илюшка, приходить наскоро нынешним мясоедом на Вятку и к Соле Камской и над городами и уезды всякое воровство чинить»³³.

Основное ядро повстанческого войска, состоявшее из 50 человек, разделилось на три отряда. Один отряд во главе с Долгополовым, усольцем Андреем Дураком, ветлужанином Федором Носком, козьмодемьянским денщиком Дмитрием Куваркой и Куперкой³⁴ направилась к Соли Камской «наскоро», чтобы к началу следующего года «усольцов, всяких людей своею... прелестию» склонить к восстанию. Другой отряд был послан Долгополовым в Вятку с тем, чтобы выяснить настроение местного населения, «вятчан всяких чинов людей в прелесть приводить». Этот отряд возглавил Мумарин. В него входили козьмодемьянские посадские люди Петр Носов, Степан Чистов, Осип, Тимофей, сотник Никита Новокрещенов, Степан Леонтьев, Иван Алексеев (прозвище Давыдка) и другие, всего 20 человек. Наконец, третий отряд повстанцев (20 человек) во главе с десятником Степаном Шабановым и Данилой, крепостными крестьянами вотчинника А. Дурова, был оставлен на Ветлуге и в Устюжском уезде с тем, чтобы поддерживать мятежный дух среди крестьян Ветлужского, Устюжского и Вятского уездов. Современники отмечали, что «те люди в Устюжском уезде на Вохме блиско Вяцкого уезду такое воровство чинят, на Вятку и к Соле Камской к смуте подговаривают». Все три отряда должны были сойтись в начале 1671 г. в районе Соли Камской и Вятки³⁵.

В случае успешного осуществления намеченного плана повстанцы намеревались спуститься с Вятки вниз по Каме, взять Казань и идти по Волге до Симбирска на соединение с армией С.Т. Разина, о поражении которой повстанцы Марийского, Ветлужского и Вятского краев не знали вплоть до начала 1671 г.³⁶ Более подробно намерения участников восстания видны из одного документа, в котором отмечается, что они, добравшись через Вятку до Соли Камской, хотели там жить «до весны, а иных воров, товарищев своих, для всякой воровской прелести хотели оставить на Вятке и на Вятке город и городовые крепости и ружье высмотреть. И на Вятке и на Соли Камской меж христианы хотели воровские всякие прелести чинить (то есть исподволь готовить восста-

ние.- Г.А.) и своим товарищам вором к весне збираться к Соли Камской, – и на Вятку, и чтоб на Вятке стольника и воеводу Венедикта Змеова и подьячих и всяких приказных и лутчих посадцких людей, а у Соли Камской... приказных же и посадцких лутчих же людей побить и разграбить, и идти к вору и изменнику к Стеньке Разину на низ Камою рекою»³⁷.

Узнав о замыслах повстанцев, власти Чердынского, Усольского уездов и в вотчинах Строганова ввели осадное положение и укрепили сторожевые посты. Основное их внимание было сосредоточено на том, чтобы Долгополова, его сподвижников «в Сибирь не пропустить для такова же возмущения и прелесш». О планах восставших было немедленно сообщено и в Верхотурье и в Кунгур. Сильнейший страх испытывали власти в Соликамске. Соликамский воевода И. Монастырев сообщал, что в связи с бегством к Соликамску атамана восставших Долгополова создавалась угроза восстания и в этом уезде. «И ныне мы, – писал воевода, – холопи твои, будучи на твоей, великий государя, службе у Соли Камской и в Чердыни, от такой воровской прелести живем в большом опасении и остерегательстве»³⁸. А причины для этого были налицо: гарнизон города состоял из 30 стрельцов, оборонительные сооружения были в крайне запущенном состоянии («а город гораздо худ и весь развалился, а стоячей острог вывалился во многих местах, и башен около того острогу мало»). В Соликамске скопилась внушительная армия «гулящих людей», которые являлись активным резервом восстания. Это понимал и воевода, когда писал: «Нам, холопом твоим, у Соли Камской в такое нынешнее шаткое время от таких пришлых ярыжных голых людей жить, конечно, опасно и страшно, потому что у Соли ярыжных и набродных людей безмерно много»³⁹.

Между тем руководители восстания в Поветлужье и на Унже предприняли попытки к организации новых сил. Долгополов направился к Кологриву, а Мумарин – к г. Судай. Первый в сопровождении 10 конников выехал через Леденгское усолье (ныне Бабушкино) и Отченскую волость к Тотьме. Он рассчитывал на поддержку со стороны работных людей тотемских солеваренных промыслов и речных барж⁴⁰. Между тем события развивались следующим образом: 11 декабря из Леденгского усолья на Тотьму прибежал работный человек Павел Замятин и донес тотемскому воеводе Ртищеву, что «сего числа ехали мимо их Усоля Леденгского в санях на пяти лошадях незнаемые люди, сидят по два человека в санях, а перед ними лошадь простая заводная бежит, а сказываютьца казанцами»⁴¹. Ртищев тотчас послал 100 че-

люди «в подъезд» по дороге к Усолю Леденгскому. В 5 верстах от Тотьмы «посыльщики» обнаружили след от дороги в сторону леса. Когда воеводские люди пошли по этому следу, то на болоте за Сухоною нашли «незванных» 6 человек, остановившихся на ночевку. Отряд, посланный Ртищевым, окружил их, захватил в плен и привез в Тотьму к воеводе. На допросе выяснилось, что это были остатки отряда Долгополова. Жестокие пытки во время допроса не сломили твердости и мужества Долгополова и его спутников. И. Долгополов на допросе с гордостью заявил, что он «казацей атаман» «войску и прибору... атамана и старшины казачья Стеньки Разина». В ходе допроса Ртищев узнал о скором приходе отряда Мумарина на Тотьму. Об этом же сообщил Долгополов во время допроса.

Страшась прибытия Мумарина, Ртищев торопился с казнью. После пыток и допроса, продолжавшихся в съезжей избе до утра следующего дня, все шесть человек были повешены на берегу реки Сухоны⁴². То были Илья Иванович Долгополов, козьмодемьянский стрелецкий сын есаул Дмитрий Семенович Куварка, кукарский посадский человек есаул Андрей Федорович Власовых, бывший дворовый человек стольника А. Буйносова-Ростовского из с. Никольского, Галичского уезда (по другим сведениям – козьмодемьянский посадский человек), Дмитрий Дмитриев по прозвищу «Мекерка», крестьянин д. Чошиха, Галичского уезда, крепостной князя М.В. Львова (по другим источникам козьмодемьянский посадский человек) Куприян Кузьмич Соловьев, крестьянский сын Тотемского уезда, беглый московский стрелец Петр Ларионович Петухов (другие источники называют его козьмодемьянским посадским человеком). Так тотемский воевода расправился с предводителем повстанческого отряда И. Долгополовым и его соратниками до того, как тотемская беднота разобралась в сути событий⁴³.

Местные власти скоропалительно казнили долгополовцев, «опасаясь... от старшины от Миронка Мумарина с товарищи на Тотьму приходу их воровского з боем»⁴⁴. Но Мумарин на Тотьму не пришел. Повидимому, Долгополов обманул Ртищева, чтобы вызвать панику в воеводской канцелярии, воспользовавшись которой рассчитывал бежать. Расправившись с руководителем повстанческого движения в Поветлужье и на Унже И.И. Долгополовым 12 декабря 1670 г., Ртищев усилил сторожевые посты города и одновременно написал во все «низовые» города, также в Великий Устюг, на Вагу к воеводам, чтобы они в тех городах жили «с великим опасением». В документах о событиях, имевших место после гибели Долгополова, упоминается его имя в качестве руководителя повстанческого движения. В это время в Галичском уезде среди крестьян даже распространился слух о том, «будто не

вор Илюшка повешен». Для устрашения местных жителей труп Долгополова по просьбе галичского воеводы был отправлен из Тотьмы в Галич. 25 декабря галичский воевода С. Нестеров «Илюшкино мертвое тело велел на торговой площади повесить и в торговые дни велел всему народу объявлять, чтоб в народе впредь смятения не было, и письмо над ним, написав вину ево, велел прибить на столбу». Из Галичской тюрьмы под усиленным конвоем выводились единомышленники и сподвижники Долгополова, которых под угрозой лишения жизни заставляли подтверждать личность атамана: «И те ево товарищи всему миру сказывали, что он – Илюшка»⁴⁵.

Когда же в Галицком уезде «стало смирно», по просьбе стольника и воеводы, труп Долгополова 15 января был отправлен для устрашения крестьян Ветлужский волости на Лапшангу. Более месяца власти глумились над трупом Долгополова: возили его по деревням, пытались устрашить крестьян и убить в них веру в возможность нового восстания. Но повстанцы не слагали оружия. После гибели Долгополова участники восстания «разошлись по волостям и стали призывать к себе в товарищи многих охочих людей». Они намеревались также заняться изготовлением стругов с тем, чтобы весной 1671 г. снова начать активные действия⁴⁶. Другие соратники Долгополова направились через Вятку к Соли Камской. Но вскоре все повстанцы из небольшого отряда долгополовцев (61 человек) были пойманы и посажены в тюрьму. Трое из них были приговорены к смертной казни, а остальные после наказания кнутом – к ссылке в Сибирь. После казни Долгополова движение возглавил Мумарин⁴⁷. Некоторые представители его отряда дошли до Яранска. В частности, 29 декабря в Яранском уезде были пойманы и приведены в приказную избу повстанцы Герасим Сергеев и Семен Фадеев, которые сражались под знаменами Долгополова и Мумарина на Ветлуге, на р. Вохме, правом притоке Ветлуги, участвовали во взятии Унжи.

В 20-х числах декабря некоторые мумаринцы находились в Орлове, Вятке. Например, Степан Леонтьев, бывший «человек» козьмодемьянского воеводы И. Побединского, участник Крестьянской войны, представитель повстанческого отряда Мумарина, был пойман в Орлове и приведен в Вятке к воеводе В. Змееву вместе с И. Алексеевым, человеком казанского дворянина Ф. Кроткова, М. Михайловым, человеком князя Г.В. Оболенского, А. Буниным, поповским сыном из с. Большая Юнга, Козьмодемьянского уезда. А в начале 1671 г. в Великом Устюге был схвачен Мирон Мумарин. Тотемский воевода в отписке соликамскому воеводе от 12 января 1671 г. сообщал: «Товарищи его, Илюшкины, старшина Миронко Мумарин с товарищи в 7-ми человеках, пой-

маны на Устье Великом. И тот Миронко в 3-х человеках посланы к великому государю к Москве, а 4 человека на Устье Великом сидят в тюрьме»⁴⁸. Мумарин и его соратники под усиленным конвоем были отправлены в Москву, где их казнили. Некоторые участники отряда Мумарина были заключены в Устюжскую тюрьму. Так, в 1673 г. в тюрьме на Устье Великом томились «прибору Мумарина люди»: Степан Сивков, Василий Панков, Иван Якшаров, Аника Константинов, Трофим Торопов, Федор Ронжин⁴⁹. Неизвестный иностранный автор «Сообщения касательно подробностей мятежа, недавно произведенного в Московии Стенькой Разиным» отмечал, что «близ города Устья схватили и повесили нескольких подосланных Стенькой людей»⁵⁰. С разгромом отряда Мумарина власти потушили последние очаги Крестьянской войны в Заволжье, Ветлужско-Унженском крае.

Примечания

¹ Соловьев В.М. Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3. С. 130–145; Историческая наука и школьное историческое образование: «Круглый стол» в редакции журнала «Преподавание истории в школе» 28 марта 1990 г. (Стенографический отчет) // Преподавание истории в школе. 1990. № 4; Павленко Н.И. Историческая наука в прошлом и настоящем (Некоторые размышления вслух) // История СССР. 1991. № 4. С. 81–99; Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3–20; Он же. О новых подходах в российской исторической науке // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С. 3–28.

² Тихонов Ю.А. Крестьянская война 1670-1671 гг. в лесном Заволжье // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; Колесников П.А. Восстания в Тотьме и Тотемском уезде в XVII веке // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.

³ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в годы Крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. М., 1967; Его же. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972.

⁴ Семевский М. Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий. М., 1870, № 26. С. 28-29.

⁵ Документы, «которые были в Кузьмодемьянску в приказной избе... в бунтовое время воровские казакишка изодрали». Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 252. Оп. 1. Св. 3. Л. 153.

⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. II. Ч. 1. М., 1957. С. 469.

⁷ Там же. № 232. С. 281.

⁸ И. Долгополова «выпустили в Кузьмодемьянску ис тюрьмы вор Ивашко Шуст» (Там же. С. 250). Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах Долгополов был заключен в тюрьму. Воевода Ю. Долгорукий в отписке в приказ Казанского дворца указывал, что И. Долгополов «называетца де донским казаком» (Там же, № 233. С. 285) Как известно, в сентябре из-под Симбирска в различных направлениях – по Симбирско-Саранской засечной черте, вверх по Суре и Волге – были посланы повстанческие отряды, руководимые разинскими атаманами. Возможно, один из отрядов возглавлял Долгополов, и этим отрядом в сентябре была предпринята попытка взять Козьмодемьянск, завершившаяся неудачей. В числе попавших в плен к воеводе И. Побединскому, а затем заключенных в тюрьму мог оказаться и Долгополов (Там же, № 82. С. 95). Второе предположение: Долгополов был крепостным боярина кн. Ю.П. Буйносова-Ростовского. Быть может, он ушел от своего боярина в Козьмодемьянский уезд, куда в 60-х – 70-х годах XVII в. бежали многие крестьяне из других уездов. Во время сыска беглых Долгополова могли поймать и заключить в тюрьму.

⁹ Там же, № 321. С. 405, 408.

¹⁰ Там же, № 370. С. 400.

¹¹ ГА РМЭ. Ф. 252. Оп. 1. Св. 3. Лл. 156-157.

¹² Там же. Лл. 84, 88.

¹³ Крестьянская война... Т. II. Ч. 1. № 324. С. 408.

¹⁴ О Мумарине сведений очень мало. В «Переписной книге посадских дворов города Козьмодемьянска, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в уезде», составленной А.Г. Ладыженским и подьячим Андреем Булыгиным 12 июля 1646 г., имеется любопытное упоминание. В число 10 бо-быльских дворов села Троицкого назван «двор Фетки Семенова сына Мумарина, у него три сына – Миронко, Гришка и Левка» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 390 об.).

¹⁵ Крестьянская война... Т. II. Ч. 1. № 324. С. 408.

¹⁶ Крестьянство и националы в революционном движении 1666–1671 гг. Разинщина. М.-Л., 1931. С. 324; Материалы по истории марий в XVII веке // Марийская автономная область. 1936. № 4. С. 26.

¹⁷ «А он де, Ивашко, с войском остался... под Кузьмодемьянским, а войско де с ним тысяч 15» (Крестьянская война... Т. II. Ч. 1. С. 408).

¹⁸ Там же. С. 241, 218, 249.

¹⁹ «А у Илюшки де за Ветлугою рекою в селе Баках в собрание осталось воров с полтораста человек» (Там же. № 205. С. 250).

²⁰ Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 271.

²¹ «На Ветлуге де прибралось к ним из Воскресенских да из Баков, из Дмитровска да с Лапшанги из розных приходов и поместей и вотчин крестьянства с 300 с 70 человек. Всех в зборе стало 400 человек» (Крестьянская война... Т. II. Ч. I. С. 408).

²² Сельский священник Григорий Яковлев в «Галицком уезде был с воров; с-Ылюшкою Ивановым и писал у нею, Илюшки, воровские письма», то есть воззвания, за что после подавления восстания был сослан с семьей на вечное поселение в Холмогоры (Крестьянская война... Т. III. М., 1962. С. 17).

²³ Крестьянская война... Т. II. Ч. I. № 242. С. 292.

²⁴ Там же. № 192. С. 228.

²⁵ Там же. № 279. С. 34, 347.

²⁶ Крестьянская война... Т. I. М., 1954. С. 235; Маньков А.Г. Круги в разинском войске и вопрос о путях и цели его движения // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. С. 267.

²⁷ Крестьянская война... Т. II. Ч. I. С. 347.

²⁸ Там же. С. 286.

²⁹ Там же. С. 202; Порфирьев С.И. Разинщина в Казанском крае // «Известия» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 29. Вып. 5-6. Казань, 1915. С. 322-323.

³⁰ Крестьянская война... Т. II. Ч. I. № 321. С. 405.

³¹ Там же. № 370. С. 469; № 375. С. 477-478.

³² Там же. № 321. С. 405.

³³ Там же. С. 470, 500-501.

³⁴ Сохранилось описание их внешнего вида: «Федька Носок низмен, волосьми рыж, борода сива, невелика, лицом островат, сухощав. А Куперка плоек, волосом рус, борода мала, только ус вырезался. А Сенька Полиция островат, ростом невелик, Федьки Носка ниже, волосом рыж, борода ржетца. А Ондрюшка Пермяк волосом черн. кудряват, сутул, на правой щеке знамя невелико богряно. А Федька Северга – борода маленька, сива, ус ржетца, ростом средней, тонок, речь писклява» (Там же. № 321. С. 405).

³⁵ Подробнее о событиях в районе Соликамска см.: Преображенский Л.А. Урал и Западная Сибирь в годы Крестьянской войны... С. 280-293.

³⁶ Например. спустя более чем два месяца после поражения Разина под Симбирском. 11-12 декабря во время допроса и перед казнью Долгополов сказал: «А Стенька Разин и иные старшины и атаманы где ныне, того он не ведает» (Крестьянская война... Т. II. Ч. I. № 324. С. 409).

³⁷ Там же. № 370. С. 470; ср. также: Т. III. № 64. С. 69.

³⁸ Там же. Т. II. Ч. I. № 370. С. 470.

³⁹ Там же. С. 470-471. Насколько массовым было отходничество в 70-х годах XVII в., свидетельствует такое сообщение: «Ныне мимо Соль Камскую идут в Сибирь и из Сибири и к Соли Камской для работы многие гулящие,

самые скудные и голые людишки яржным делом... из русских из дальних городов» (там же).

⁴⁰ Колесников П.А. Указ. соч. С. 272-283.

⁴¹ Крестьянская война... Т. II. Ч. I. С. 408; Голубев А.А.. К истории бунта Стеньки Разина в Заволжье // «Чтения» Общества истории и древностей российских. 1894. Кн. 3. С. 5-6; Его же. Атаман Илюшка Пономарев // Исторический вестник. Т. 33. 1888, август. С. 355-363.

⁴² В отписке М. Ртищева в приказ Устюжской четверти о действиях повстанцев в районе Унжи и Ветлуги и о поимке, допросе и казни Долгополова сообщалось: «А декабря, государь, в 12 день те воры атаман воровских казаков Илюшка Иванов с товарищи против твоего великого государя указу и соборного уложения и градских законов греческих царей вершен на Тотьме на реке Сухоне»; «И те воры на Тотьме кажнены, на реке на Сухоне повешены» («Крестьянская война...»). Т. II. Ч. I. С. 410, 523).

⁴³ Колесников П.А. Указ. соч. С. 281.

⁴⁴ Крестьянская война... Т. II. Ч. I. № 324. С. 410.

⁴⁵ Там же. С. 476, 525.

⁴⁶ Крестьянская война... Т. III. № 26. С. 32-33.

⁴⁷ В «Очерках истории СССР (XVII в.)» (М., 1955. С. 309) ошибочно отмечается, что в начале 1671 г., когда главные силы повстанцев были разгромлены, Долгополов с товарищами оказался в районе Вятки, Соли Камской, Устюжского и Сольвычегодского уездов, где призывал к себе «охочих людей».

⁴⁸ Крестьянская война... Т. II. Ч. I. С. 523.

⁴⁹ Крестьянская война... Т. III. № 241. С. 289.

⁵⁰ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 110.

Д.М. Морозов

К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕЙ во второй половине XVI – начале XVII веков

Вопрос о возникновении Приказа Казанского дворца и складывании системы управления Казанской землей во второй половине XVI – начала XVII вв. давно интересует историков. Под Казанской землей понимается территория бывшего Казанского ханства, охватывает области проживания чувашей, марийцев, татар, а также западных башкир и южных удмуртов, в рамках которой проводилась особая царская политика.

Создание приказной системы привлекала к себе внимание ученых. Представители дореволюционной историографии, выступавшие с многотомными курсами истории России, вскользь касались этой проблемы. Например, Н.М. Карамзин относил оформление приказной системы на вторую половину XVI в.¹ С.М. Соловьев отметил, что источники умалчивают об этих учреждениях до конца XVI в. и относил появление важнейших приказов ко времени царствования Федора Ивановича². Первым, кто дал характеристику круга вопросов, подведомственных Приказу Казанского дворца, был известный историк, публицист второй половины XIX в. А.Д. Градовский, указавший на исключительную широту вопросов, решаемых Казанским дворцом: от сбора всех видов податей и повинностей до дел гражданского и уголовного суда, а также «ведомству их [Приказу Казанского дворца] подлежали почти все виды служилых людей, не исключая стрельцов»³. Развернутую схему образования приказов создал В.О. Ключевский. Он считал, что образование приказов началось в сфере дворцового управления и выразилось в переходе от единоличных поручений по управлению к созданию постоянных присутственных мест, получивших название «изб» или «приказов»⁴.

Новое слово в освещении вопроса привнес видный советский историк А.А. Зимин, который впервые связал процесс образования приказов с борьбой за централизацию государственного управления, и указал, что приказы как учреждения начали формироваться к середине XVI в.⁵ А.К. Леонтьев относит складывание приказов к первой половине XVI в. и считает, что они возникли из разросшихся функций ряда учреждений, таких как Казна, Боярская дума, дворцовые учреждения⁶. В монографии Н.П. Ерошкина Приказ Казанского дворца упоминается в связи с событиями 1637 г., когда управление Сибирью перешло в специально созданный Сибирский приказ⁷. Большая заслуга в изучении

становления и функций Приказа Казанского дворца принадлежит региональным ученым. В.А. Нестеров писал, что «Приказ Казанского дворца отличался от других приказов тем, что, возникнув первоначально как обычный территориальный приказ, он очень скоро приобрел черты учреждения со специальным профилем по определению общей национальной политики царского правительства в государстве»⁸. Немалая роль в изучении данного вопроса принадлежит казанскому историку И.П. Ермолаеву⁹, который, указывая на недостаточность источниковедческой базы, считает, что «контроль за управлением края в 50–е гг. XVI в. поручался, по-видимому, отдельным лицам»¹⁰. По источникам Приказ Казанского дворца прослеживается с 60-х гг. XVI в., а административно-территориальное деление края завершилось уже в XVII в. В.Д. Дмитриев убедительно показал, что как центральное территориальное учреждение, Казанский дворец (Приказ) осуществлял через городских (уездных) воевод на подчиненной ему территории полную власть, включая экономические, политические, судебные и военные функции. Как орган власти русского феодального класса, господствовавшего в государстве, Казанский дворец (Приказ) преследовал цель пресекать «шатость, смуту и измень», подавляя классовую борьбу трудовых масс против феодально-крепостнической эксплуатации, обеспечивал поступление налогов в царскую казну, всячески изыскивая «прибыли для царя»¹¹.

Вопрос о дате возникновения приказа долгое время оставался спорным. Существовавшее мнение о создании приказа в 90-е гг. XVI в.¹² оставалось неизменным до конца XIX в., когда Н.П. Лихачев предположил, что «основание Казанского дворца последовало тотчас после покорения Казани»¹³. Данную точку зрения поддержал И.И. Вернер¹⁴, однако ни тот, ни другой точной даты образования приказа не называют. В многотомном издании истории СССР создание Казанского дворца относят к 1570 г.¹⁵ Публикация и анализ текста описи Царского архива XVI в. позволило С.О. Шмидту сделать вывод, что Казанский приказ стал функционировать к концу 50 – началу 60-х гг. XVI в.¹⁶ Данную точку зрения поддержал И.П. Ермолаев. Иную версию событий отстаивает В.Д. Дмитриев, считая, что первым казанским дворецким был в январе 1553 г. Д.Р. Юрьев, который в источнике упоминается как «дворецкий мешерский и дворецкий казанский». Этим можно объяснить и непосредственное участие Д.Р. Юрьева в походе на Казань зимой 1553–1555 гг.¹⁷

История же становления воеводского управления в землях с нерусским населением в дореволюционное время историками обходилась стороной. Монография Н.А. Фирсова рассматривала политику

Москвы в нерусских районах европейской и азиатской частей России в XVI–XVII вв. Исходя из тезиса, что «все учреждения, которые Москва вводила в тяглых и ясачных инородцев, вызывались одним соображением правительства: «чтоб казне не было порухи, а было ей как можно прибыльнее», автор видит функции воевод в том, чтобы защищать инородцев от «воровских казаков», следить за запретом торговать с ясачными людьми, «перезывать» тяглых людей с других земель и давать им «подмогу и льготу»¹⁸. Такой аспект воеводского управления, как организация строительства городов и засечных черт, отметил Г.И. Перетяткович в своем труде¹⁹. Данные авторы не ставили целью раскрыть этот вопрос: по словам Н.А. Фирсова, он лишь наметил «пути изучения жизни инородцев».

В советской историографии данный вопрос нашел свое развитие в различных курсах истории СССР и автономных республик. Так, в «Очерках истории СССР» особенностью воеводского управления крупных пограничных городов, в том числе и в Казани, является широта подведомственных ему вопросов и обладание властью московских приказов. При этом авторы отмечают, что воеводы оказались в непосредственном подчинении московским приказам²⁰. В исторических курсах автономных республик данный вопрос рассматривается подробнее. Например, строительство городов, передача земель русским служилым людям, подавление восстаний, сбор ясака – основные задачи воевод, считают татарские ученые²¹. «Царский» наказ кокшайскому воеводе использует И.Д. Кузнецов для выяснения политики воеводского управления. Автор приходит к выводу, что главной целью воеводства было обеспечение постоянной, устойчивой прибыли царской казне, выполнение ясачными крестьянами всех повинностей, не допуская «шатости», а в остальном должна быть «ласка и привет». Ученый подробно рассмотрел административное устройство Казанской земли, которое выглядело следующим образом: были установлены уезды (сначала — Казанский, Свияжский, Чебоксарский, Курмышский, позже еще Цивильский, Ядринский, Симбирский и др.), которыми ведал Приказ Казанского дворца. В уездах были волости и сотни, в деревнях — старошенья. Управление уездом было предоставлено воеводе, который имел при себе приказную избу, где были приставы, дьяки и подьячие, толмачи и прочие чиновные люди. В волостях, как правило, заправляли сотники и тарханы, в деревнях выбирались старосты, десятники²². И.П. Ермолаев, автор монографии по этому вопросу, считает, что в 50–60–е гг. XVI в. происходило становление органов местной администрации, а воеводское управление носило наместнический характер. В 70–90–е гг., когда оформляется Приказ Казанского дворца, окончательно складывается воеводское управление, а управление краем ста-

новится более централизованным²³. В.Д. Дмитриев сделал вывод, что система воеводского управления была введена уже в первое десятилетие после присоединения ханства, им были определены социальный состав и полномочия местного аппарата управления — «татарские головы», «случные люди» и ябедники-коштаны. Он считает, что уже в первые десятилетия после присоединения к России в Казанской земле местному населению было запрещено заниматься кузнечным делом, а в управлении использовался институт аманатства²⁴.

Сложность в работе представляет небольшое количество сохранившихся источников. Многочисленные пожары уничтожили большую часть документов, так во время пожара в 1701 г. полностью сгорело здание Приказа Казанского дворца, погибли «казанские дела» в Государственном архиве. По подсчетам Г.Н. Айплатова, во время этих пожаров погибли «101 писцовая книга, 39 названий столбцов и 89 писцовых дел и выписок»²⁵.

Центральным органом управления Казанской землей был созданный Казанский дворец, или Приказ Казанского дворца, согласно источнику его первым дворецким был Д.Р. Юрьев в 1553 г. Данную дату можно считать и основанием приказа. Хотя разрядные книги во второй половине XVI в. говорят о назначении в города Казанской земли только воевод, скорее всего, это вызвано нестабильностью в регионе, военные функции воеводы были первостепенными, а хозяйственная жизнь еще не была отлажена. В 1558–1562 гг. «дворецким казанским» был боярин М.И. Вороной-Волынский, при нем состоял на службе дьяк Истома Кузьмин. С начала 70–х гг. упоминания об этом органе власти становятся постоянными, так в это время дьяком Приказа Казанского дворца был А. Щелкалов, который подписал большое количество грамот, направленных в Казань и Свияжск. Документы 80–х гг. носят подпись дьяков Грязного Ивашева и Дружины Петелина. О постоянном функционировании приказа Казанского дворца применительно к 90–м гг. XVI и к началу XVII вв. говорят уже многие документы. В это время одновременно встречаются различные названия Приказа: Казанский дворец, Казанский и Мещерский дворец, Приказ Казанского дворца. Все эти названия были равнозначными и обозначали одно и то же учреждение, которое существовало на протяжении всего XVII в.

Первоначально территория бывшего Казанского ханства была разделена на области Казанскую и Свияжскую. Так, в 1554 г. Иван IV указал: «свияжскому воеводе до казанского воеводы дела нет, а казанскому воеводе до свияжского воеводы дела нет»²⁶, такое разделение показывает особое положение Горной стороны, мирно вошедшей в состав

России. В начале эти области назывались «сторонами», позднее получившие привычное для России наименование «уездов».

В начале своего существования Приказ Казанского дворца управлял всей территорией бывших ханств Казанского и Астраханского, т.е. всеми «понизовыми» землями (или городами, как тогда говорили), в состав которых входило не только Среднее и Нижнее Поволжье, но также «мещерские» города по Оке. По мере присоединения к России новых земель в Сибири территория, находившаяся в ведении Приказа Казанского дворца, постоянно расширялась и, в конце концов, стала трудно управляемой. В 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ, который и стал ведать всей Сибирью, а в дальнейшем некоторые города территории бывшего Астраханского ханства были изъяты из ведомства Приказа Казанского дворца и переданы в управление Посольского приказа. В результате в ведении Приказа Казанского дворца остались Среднее и Нижнее Поволжье и Приуралье (Башкирия).

По мере создания новых городов-крепостей в Поволжье в каждую из них назначался воевода, и она подчинялась Казанскому приказу. Сведения о назначении воевод в эти города появляются со следующих годов: Свияжск — с 1551 г., Казань — с 1552 г., Чебоксары — с 1555 г., Алатырь, Курмыш, Астрахань — с 1565 г., Тетюши — с 1572 г., Кокшайск — с 1574 г., Лаишев, Арск, Арзамас (Арзамас лишь иногда упоминали среди городов, подведомственных Приказу Казанского дворца, обычно он входил в число городов Новгородской чети) — с 1576 г., Алатырь — с 1583 г., Царевококшайск, Царевосанчурск, Козьмодемьянск — с 1586 г., Самара и Уфа — с 1587 г., Цивильск — с 1589 г., Терки (Терский городок), Царицын (Царев город), Саратов, Ядрин, — с 1590 г., Уржум, Яранск, Кадом — с 1594 г., Яик (собственно Яик в составе Приказа Казанского дворца упоминается лишь два года) — с 1595 г., Койса — с 1597 г., Малмыж и Оса - с 1610 г.²⁷

Таким образом, можно утверждать, что сфера деятельности Приказа включала в себя следующие группы городов с прилегающими к ним территориями: 1) Свияжск и Казань с пригородами (в составе казанских пригородов еще во второй половине XVI в. стали упоминаться Тетюши, Лаишев, Арск, Алаты, Малмыж, Оса); 2) Сурско-Волжское междуречье (Васильгород, Чебоксары, Алатырь, Курмыш, Козьмодемьянск, Ядрин, Цивильск, позднее — Симбирск и Пенза) и Самарская Лука (Самара); 3) «Луговая сторона», или левобережье Волги (Кокшайск, Царевококшайск, Царевосанчурск, Яранск); 4) Приуралье (Уфа, позднее — Бирск); 5) Нижняя Волга (Астрахань, Терки, Царицын, Саратов, позднее — Черный Яр, Дмитриевск); 6) «Мещерские города» (Шатцк, Темников, Касимов, Кадом, Елатьма, Мокшанск).

Компетенция Приказа Казанского дворца была своеобразной и весьма высокой. Он был не просто областным приказом, подобно челям, а приказом особого характера, который был центральным учреждением по управлению всеми вопросами и сторонами жизни Поволжья. По характеристике, данной Н.Ф. Демидовой, «Приказ Казанского дворца осуществлял административное, финансовое и судебное управление подведомственной ему территории, ведал натуральными сборами с нерусского населения, контролировал составление ясачных книг»²⁸. К этому можно добавить, что он ведал и военно-организационными (разрядными) вопросами, что обычно входило в исключительную компетенцию Разрядного приказа и было чуть ли не единственным исключением в общей компетенции приказов России. Ни один из других областных приказов по полноте своей компетенции не мог сравниться с Казанским дворцом. Приказ обладал даже в определенной степени функциями внешнеполитическими. По свидетельству Я.К. Котошихина, он ведал «войским делом и опасением от турецкой и персической границы и от калмыков и башкирцев»²⁹, т.е. защищал Россию от Турции, Персии и еще не вошедших в состав России кочевников юго-восточных степей Европы.

Завоеванная территория Казанского ханства в социально-политическом и культурном плане значительно отличалась от остальной России, поэтому создаваемые здесь местные органы власти должны были сочетать как гражданские, так и военные формы правления. Историю первых дней и месяцев деятельности Ивана IV после завоевания Казани, а также восстаний охвативших регион в 1552–1557 гг. и 1582–1584 гг., довольно подробно сообщают летописи — это «Казанский летописец», «Летописец начала царства» и «Новый летописец». Еще будучи в Казани, Иван IV «выбрал воевод, кого ему оставити после себя в Казани». Главным «болшим» воеводой на предстоящий год «на годованье» был назначен боярин князь А.Б. Горбатый, ему было приказано «в цареве место управляти». Вторым главным воеводой был назначен князь В.С. Серебряный. Кроме того, царь оставил «иных воевод многих, да с ними... дворян своих болших и детей боярьских многих и стрелцов и казаков»³⁰. «Болший» воевода, скорее всего, концентрировал в своих руках всю полноту власти в воеводстве, «меншие» воеводы могли назначаться в города и уезды, либо выполнять поручения старшего.

Интересно отметить, что в источниках встречаются воеводы «острожные» и воеводы «на вылазке», последние как раз и предназначались для подавления восстаний. Результаты деятельности воевод «на вылазке» мы видим в окончании сепаратистских мятежей 1552–

1557 г., когда «казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися»³¹. В таком беспокойном крае, где недавние мятежи сменились восстаниями ясачных людей, военные функции воевод имели первостепенное значение. Обеспокоенное таким положением, государство укрепляло свое присутствие ростом количества городов-крепостей в крае, главной целью которых было подавление народных движений. Так, большая часть городов в Чувашском крае появилась именно в годы восстаний: Чебоксарская крепость — в 1555 г., город Алатырь к 1555 г. уже существовал, Кокшайск — в 1574 г., Козьмодемьянск — в 1583 г., Цивильск — в 1589 г., Ядрин — 1590 г.³², ставшие центрами новых уездов.

Воеводы, управлявшие городом и уездом, были наделены широким кругом полномочий, на это указывает доступный нам круг источников. Согласно уставной грамоте волостям Казанской земли 1574 г., воеводы были обязаны обеспечивать поступление налогов от ясачных людей, выполнение ими повинностей, городского дела, несение военной службы служилыми и ясачными людьми, устанавливать тайную слежку для предотвращения мятежей. Грамота запрещает наместникам и воеводам наносить обиды местному населению, принимать взятки и предписывает судить безволокитно. Последняя статья в дальнейшем постоянно повторяется во всех известных нам наказах, что говорит о ее неисполнении³³. «Наказная» память Б.Ю. Сабурову от 1581 г. описывает процедуру передачи дел одного воеводы другому, заостряет внимание на деятельности по обеспечению воеводами боевой готовности города и порядка внутри города. Писцовое описание Н.В. Борисова и Д.А. Кикина 1565–1568 гг. указывает и на хозяйственные функции воевод – торговые операции, строительное дело и т.д. Одним из важнейших полномочий воевод было наделение поместьями служилых людей на основе верстания их центральной властью, так называемых «государевых присыльных грамот». Кроме того, воевода обязан был составлять список служилых людей, а также контролировать их службу, об этом упоминает «память» казанскому воеводе Г.А. Булгакову от 1585 г.

Все это говорит о том, что воеводы обладали широким спектром полномочий и кругом вопросов. В помощь в управлении уездом и городом у воевод был аппарат чиновников, важным элементом которого были дьяки, вместе с воеводами они руководили хозяйственной жизнью города: предоставляли землю в оброчное содержание, собирали оброк в казну. Дьяки ведали и всей документацией, которая сосредотачивалась в приказной или съезжей избе³⁴. Подьячие составляли основу аппарата воеводского управления, нам известны подьячие избные, подьячие площадные и подьячие житного двора. Большую роль в

управлении играли годовальщики, по мнению И.П. Ермолаева, их главной деятельностью был сбор ясака с нерусской части населения края. В 70–80-е гг. XVI в. эта должность стала поручаться местным служилым людям, а термин стал подразделяться на «недельщик», «выемщик», «отдельщик»³⁵. Для управления местным населением назначались специальные «татарские головы» из русских дворян и детей боярских. Как указано в уставной грамоте волостям Казанской земли 1574 г., они вершили суд среди нерусского населения края, «докладывавая бояр и воевод, приговаривая с их лутчими людми, которые будут выбраны землею вправду бес поноровки»³⁶. Головы также возглавляли отряды ясачных людей в военных походах. Под «лутчими людми» в Казанской земле подразумевались представители местной феодальной и патриархально-феодальной прослойки. Кроме участия в суде, местные «лутчие люди» — татарские мурзы, чувашские, марийские, удмуртские сотные и десятные князьки и тарханы назначались сотниками и пятидесятниками нерусских волостей и сотен. Из ясачных людей выбирались сельские старосты. Делопроизводство, судопроизводство и вся административная служба велись на русском языке, поэтому в штаты воеводского управления (в приказных палатах и избах) были введены толмачи, которые были весьма влиятельны среди нерусских крестьян края. В источниках XVII в. упоминаются ябедники-коштаны из чувашей, марийцев, татар и других народов края. Исследуя царские указы XVII в., В.Д. Дмитриев пришел к выводу, что ябедники стоят выше рядовых ясачных людей, наносят последним и обиды. Можно считать, что в условиях «государственного» феодализма среди нерусских крестьян Казанской земли появилась прослойка ябедников-коштанов — сельских заправил и посредников между сельской общиной и воеводским управлением. Их возникновение следует отнести ко второй половине XVI в.³⁷

Неоценимым источником изучения сущности воеводского управления, его системы и функций являются указы воеводам, поэтому очень большое значение имеет публикация В.Д. Дмитриевым найденных в РГАДА и отделе письменных рукописей в ГИМ СССР шести указов воеводам³⁸. Ранее опубликованный указ от 1611 г. ядринскому воеводе М.И. Соловцову был дан не царем, а подмосковным правительством — Приказом Казанского дворца, действовавшим при этом правительстве. Город, особенно в смутное время, имел первостепенное значение, поэтому неудивительно, что М.И. Соловцову предлагается принять по ведомости артиллерийские орудия, в казне: прежние указы и указные грамоты, приходные и расходные книги, наличные деньги, порох и свинец, «ядра железные и нарядные»; прочие съестные

запасы³⁹. Одна из главных задач воеводы - отражение набегов крымских и ногайских военных людей. Для этого воевода, при подходе крымских и ногайских орд, обязан был организовать захват языков, допросить их и сопроводить в подмосковное правительство. Воеводе вменяется обязанность укреплять крепостные стены города и острога, помогать другим уездам в борьбе с ратными людьми. Следить, чтобы «ни в ком шатости никаковы и лихих заводов и недовольства не было»⁴⁰. В наказе вообще не говорится о налогах с людей и способе их доставки. Наоборот, наказ указывает людей не ожесточать, без указа подмосковного правительства не позволять закрепощать их. Видимо, слабое и неустойчивое правительство смутного времени боялось вспышек народного гнева, поэтому наказ носил мягкий, сдержанный характер.

Наказы 1613 г. чебоксарскому и казанскому воеводам сходны в том, что написаны в первый год царствования Михаила Федоровича и малы по объему. В обоих наказах вновь назначенным воеводам предлагается принять «... ключи и на городех наряд, и в казне зелья и свинец, и всякие пушечные запасы вотвес, и в ызбе прежние наказы и грамоты о всяких делех, и в казне денги налицо вотчет...»⁴¹. О приеме и сдаче всего вышеуказанного сообщалось в Приказ Казанского дворца, эти акты дошли до нашего времени, благодаря которым мы можем судить о состоянии финансов и количестве вооружения вышеуказанных городов. В наказах предлагается воеводам «всякие дела делати в Казани по прежним государевым наказом и по грамотам и по сему государеву наказу»⁴². Это позволяет нам утверждать, что наказы были во многом идентичны друг другу. Повторяется основная обязанность воеводы — «о всем ему государевым делом промышлять и государеве казне прибыль чинить, смотря по тамошнему делу»⁴³. В наказах царь Михаил Федорович сообщал воеводам, что их «правда и служба государю и всей земле ведома и за тое их прямую службу и за правду государь хочет жаловать великим своим жалованием»⁴⁴. Себе в помощники воевода мог взять так называемого «татарского голову», чтобы всякие дела «... служилых людей, и князей, и мурз, и татар, и вотяков, и башкирцов, и чювашу, и черемису судили и управу меж их чинили по государеву указу», однако регулярно повторяемая во всех наказах эта формулировка позволяет предположить, что это требование не соблюдалось. В наказе чебоксарскому воеводе имеется статья, предупреждающая участие местного населения в восстаниях. Это говорит о том, что данное явление имело место в крае и население не всегда было довольно политикой царя. «А то бы велети беречи накрепко, чтоб в Чебоксарех чюваше и в черемисе шатости и смуты воровские некоторые не было...». Наказы 1613 г. заканчиваются предупреждением воевод:

«И посулов и поминков ему ни у ково ничево не имати», а если «какие дела делать не по государеву указу и учинит своим нерадением государеву делу какую поруху, а после про то сыщется, и Федору за то от государя быти в великой опале»⁴⁵. Такое предупреждение наталкивает на вывод о том, что взяточничество и вымогательство воевод и других чиновников имели большие масштабы.

Источники позволяют сказать, что Приказ Казанского дворца, созданный в 1553 г. и существовавший вплоть до губернской реформы Петра I 1708 г., к концу XVI в. стал универсальным органом центрального управления. Он осуществлял правление на подвластной территории функции всех других отраслевых приказов, ведая как административно-политическими, так и фискально-финансовыми делами.

После присоединения Среднего Поволжья созданное здесь управление строилось по воеводскому принципу. В первые десятилетия на первое место среди обязанностей воевод были поставлены военные вопросы. Воеводская служба, как и раннее, была «срочной» – годовой. Но смена воевод и их «товарищей» через год проводилась редко. Чаще всего продолжительность воеводской службы составляла два–три года, но не более. Для упрочнения своей власти на местах царское правительство строило города-крепости, ставшие центрами новых уездов. В крупных городах, например, в Казани, Свияжске, обычно было не менее двух воевод, в других городах – один–два. Главная цель управления воеводы – максимальное извлечение прибыли в пользу государства. Для осуществления этой функции воевода наделялся широчайшими полномочиями: сбор налогов и земельной ренты, судопроизводство, охранительно-карательные мероприятия, военные функции. При воеводах, которые были прямыми представителями власти на местах, имелись съезжие или приказные избы, аппарат которых состоял из дьяков, подьячих, приставов, толмачей, «годовальщиков». «Татарские головы» назначались для управления местным населением, «лутчие люди» – татарские мурзы и местные князьки назначались сотниками, пятидесятниками и десятниками. Показав свою эффективность, воеводское управление в начале XVI в. вводится на всей территории России.

Примечания

¹ Карамзин И.М. История государства Российского. СПб., 1854. Т. 6. С. 609.

² Соловьев С.М. История России. М., 1988. Т. 5. С. 202.

- ³ Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб., 1899. Т. 2. С. 332.
- ⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2. С. 339.
- ⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 180-181.
- ⁶ Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 193.
- ⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений в дореволюционной России. М., 1983. С. 57.
- ⁸ Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. I. С. 131.
- ⁹ Ермолаев И.П. Город Казань по писцовой книге 1565-1568 годов // Страницы истории города Казани. Казань, 1981. С. 3-15; Он же. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. Казань, 1982; Он же. Управление Казанским краем во второй половине XVI века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 3-7.
- ¹⁰ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. С. 54.
- ¹¹ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. С. 72.
- ¹² Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Ч. XII. С. 278.
- ¹³ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 38.
- ¹⁴ Вернер И.И. О времени и причинах образования московских приказов. М., 1908. С. 34.
- ¹⁵ Очерки истории СССР. М., 1955. Т. III. С. 324.
- ¹⁶ Шмидт С.О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений. М., 1957. Т. 8. С. 265; См. также: Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под. ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 32.
- ¹⁷ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 51.
- ¹⁸ Фирсов Н.А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 171, 183, 184, 247.
- ¹⁹ Перетяткович Г. Поволжье в XV-XVI вв. М., 1877. С. 310-311.
- ²⁰ Очерки истории СССР. М., 1955. Т. IV. С. 386-387.
- ²¹ История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 102-109.
- ²² Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. С. 61.
- ²³ Ермолаев И.П. Управление Казанским краем во второй половине XVI века. С. 7.
- ²⁴ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 52.
- ²⁵ Айплатов Г.Н. Переписанная книга города Царевококшайска и уезда 1646 года // Труды Марийского НИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII. С. 261.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 222.

- ²⁷ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 467-507.
- ²⁸ Демидова Н.Ф. Служила бюрократия в России XVII века. М., 1987. С. 94.
- ²⁹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1989. С. 115.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 222.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 282.
- ³² Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 76-112.
- ³³ Там же. С. 71.
- ³⁴ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. С. 45.
- ³⁵ Там же. С. 48.
- ³⁶ Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 74.
- ³⁷ Там же. С. 52.
- ³⁸ Документы по истории города Чебоксар XVII - XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. XXI. С. 285-287; Дмитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. III. С. 284-419; Дмитриев В.Д. Наказ царя Михаила Федоровича царевokokшай-скому воеводе В.Я.Воронову от 1628 года // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1992. № 2. С. 62-65.
- ³⁹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. II. С. 526.
- ⁴⁰ Дмитриев В.Д. Политика Московского правительства в Чувашском крае в XVII в. // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской республики. 2002. № 4. С. 22.
- ⁴¹ Дмитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII в. С. 289.
- ⁴² Там же. С. 290.
- ⁴³ Там же. С. 287.
- ⁴⁴ Там же. С. 288.
- ⁴⁵ Там же. С. 288.

**А.В. Арсентьева,
А.П. Петрянкина**

**РОЛЬ ГОРОДСКИХ УЧИЛИЩ
В ПОВЫШЕНИИ ГРАМОТНОСТИ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКОГО КРАЯ
в конце XVIII – начале XX вв.**

Территория Чувашии в современных условиях представляет собой один из аграрно-индустриальных районов Российской Федерации. К такой картине своего развития наш регион подошел в результате взаимодействия целого ряда факторов: природно-климатических условий, особенностей его хозяйственного и социального развития, прохождения модернизационных процессов и др. На протяжении нескольких столетий Чувашский край являлся преимущественно сельскохозяйственным районом с незначительной долей промышленности. В связи с этим в его социальной структуре преобладало аграрное население, т.е. крестьяне. По этой причине, говоря об уровне грамотности на территории Чувашского края, особое внимание необходимо уделить образованию крестьянских детей.

На территории края в основном функционировали те же учебные заведения, что и во всей Российской империи. Возникновение первых школ в Чувашии приходится на конец XVIII в., когда в результате школьной реформы Екатерины II в уездных городах страны были открыты малые народные (городские) училища. На протяжении XIX столетия в развитии образования произошли существенные изменения как количественного (увеличение числа), так и качественного (появление школ различных типов) характера.

В разветвленной системе образовательных учреждений Чувашского края можно выделить следующие типы: малые народные училища, уездные училища, приходские училища, земские школы, «образцовые» училища министерства народного просвещения, церковно-приходские школы, школы грамоты, городские училища по «Положению» 1872 г., гимназии и прогимназии, реальные училища, высшие начальные училища. Помимо данных школ общеобразовательного характера можно назвать учебные заведения, которые давали специальную подготовку. Это учительские семинарии, духовные училища, ремесленные классы при уездных училищах и ремесленные школы.

Несмотря на присутствие в образовательном пространстве Чувашии учебных заведений разных типов, наше внимание будет сосредоточено на изучении доли крестьянского населения в социальном составе учащихся городских училищ. Эти учебные заведения занимали особое место, т.к. играли большую роль в развитии школьного образования в связи с возросшим значением городов. Они являлись центрами развития образования в регионе, в силу аграрного характера его экономики они испытывали влияние этого фактора и на организацию учебно-воспитательного процесса, и на социальный состав учащихся.

В нашей статье речь пойдет об Алатырском, Чебоксарском, Ядринском и Цивильском училищах, которые были открыты соответственно в 1787 г., 1789 г., 1791 г. и 1817 г.

К сожалению, динамику ученического состава городских училищ Чувашского края на всем протяжении их существования не удастся проследить из-за отрывочных сведений архивных документов. На основании дошедших до нас материалов можно утверждать, что дети крестьян составляли значительную часть среди учащихся. Правда, в одних случаях эта часть составляла приблизительно 10%, в других около 50%.

Например, в Ядринском училище в первой половине XIX в. преобладали дети крестьян и разночинцев (в 1832 г. – 40%), а начиная с 40-х гг. картина меняется, больше становится детей купцов и мещан (12,5%) (табл.1).

Таблица 1

*Состав учеников
Ядринского уездного училища в первой половине XIX в. ¹*

Год	Всего поступило, из них		
	дети крестьян и разночинцев	дети купцов и мещан	дети дворян и чиновников
1832	6	9	-
1833	8	2	1
1834	6	8	3
1835	23	5	2
1836	9	22	8
1837	27	22	6
1838	9	15	5
1839	4	25	2
1840	8	14	2
1841	2	12	2

В 1855-1856 учебном году в Ядринском училище обучалось всего 132 человека, из них 51 – непосредственно в самом училище, 81 – в подготовительном классе. Из общего количества учащихся детей дворян и чиновников было – 13, купцов и мещан – 80, разночинцев и крестьян – 39 (29,5%) человек².

В Цивильском уездном училище в начале XIX в. дети крестьян и дворовых составляли 27,3% учеников (в 1818 г.)³. Это были Волков Иван – 12 лет, Карташев Семен – 12 лет, Кренделев Андрей – 11 лет. Остальные преимущественно были детьми мещан. В 1865 г. в Цивильском уездном училище занималось 86 учеников, из них детей дворян и чиновников – 6; купцов и мещан – 44; лиц духовного звания – 2; крестьян – 30; солдат – 4. Таким образом, дети крестьян составляли 34,9%⁴.

Применительно к Цивильскому городскому училищу очень наглядно прослеживается тенденция увеличения среди обучающихся детей крестьян на протяжении XIX в. К концу века этот показатель выглядит следующим образом: в 1898 г. из 13 учеников 7 составляли крестьянские дети (53,8%), в 1899 г. – 9 из 19, 1900 г. – 12 из 20, 1901 г. – 16 из 24, 1904 г. – 44 из 77 (57%). Таким образом, мы видим, что наблюдается рост выходцев из числа крестьян среди учащихся училища.

Если обратиться к документам Чебоксарского городского училища, получается следующая картина. В 1847-1848 учебном году в училище поступили 20 человек, из них детей дворян и чиновников – 5 (25%), купцов и мещан – 11 (55%), разночинцев и крестьян – 4 (20%)⁵, т.е. одну пятую часть учащихся составляли дети низших слоев общества.

К 1861 г. число учеников здесь увеличилось до 63 человек⁶. Социальный состав их будет уже иной. Детей дворян насчитывалось 9 человек (14,3%), купцов – 8 (12,7%), мещан и разночинцев – 37 (58,7%), крестьян – 9 (14,3%), т.е. изменилось процентное соотношение сословных групп среди учащихся. Если еще по данным на 1847-1848 учебный год детей дворян и чиновников здесь насчитывалось 25%, то теперь они заметно уступили свои позиции. К сожалению, проследить изменения среди других социальных групп по этим данным невозможно, т.к. в документах 1847-1848 учебного года показатель по детям купцов и мещан дается вместе, их расчленить не представляется возможным, а в данных 1861 г. купцы представлены отдельно, мещане вместе с разночинцами. Это сравнение можно провести только по статистическим данным 1873 г. (табл. 2).

Таблица 2

Изменения в социальном составе учащихся
Чебоксарского училища в середине XIX в. ⁷

Социальные группы	Годы	
	1847-1847	1873
Дворяне и чиновники	5 (25%)	5 (7,1%)
Купцы и мещане	11 (55%)	43 (61,4%)
Разночинцы и крестьяне	4 (20%)	
Рабочие и крестьяне		19 (27,1%)
Духовенство		3 (4,3 %.)
Всего	20	70

Приведенная таблица наглядно демонстрирует произошедшие изменения в социальном составе учащихся. Наблюдается дальнейший рост детей крестьян и мещан в городских училищах. Причина этих изменений связана с последствиями крестьянской реформы.

Несколько иным был состав учащихся в Алатырском городском училище. Например, в 1916 г. в училище обучались 97 человек, из них детей крестьян – 69; чиновников – 18; мещан – 6; купцов – 3; дворян – 1, т.е. 71,1% учащихся были дети крестьян⁸.

Число желающих получить образование в начале XX в. значительно возросло, особенно это было характерно для сельского населения. Например, согласно сохранившемуся архивному документу, из 45 детей, желающих поступить в Алатырское городское училище в 1904 г., 29 были крестьянскими детьми (64%)⁹. К сожалению, невозможно проследить их дальнейшую судьбу, т.к. не сохранились документы. Большинство из них до поступления в городское училище обучались в приходском, двухклассном или церковноприходском училищах Алатыря.

Поступившие на учебу крестьянские дети отличались старанием, неплохими успехами в учебе – все это не проходило незамеченным со стороны администрации училища. Частой практикой в училище было проведение педагогических советов, на заседаниях которых регулярно обсуждалась успеваемость учеников. По этому поводу на одном из заседаний инспектор отметил: «Усердие и любовь учителя к делу обучения, к ученикам, всегда неизменно производит то, что училище переполнено учениками, тогда как другие школы, несмотря на побудительные меры своих волостных и сельских старшин остаются не едва ли пустыми совершенно, наше училище, благодаря способностям и

усердию преподавателей, все более приобретает доверие общества. Большое усердие в учебе среди крестьянских детей весьма похвально. Многие посылают детей в школу, даже те, кто исповедания неправославного»¹⁰.

Значительная часть служащих учебных заведений также была представлена выходцами из крестьян. Например, в Алатырском высшем начальном училище (этот статус городское училище получило в начале XX в.) в 1916 г. служащие по социальному происхождению относились к выходцам из крестьян 9 человек, дворян – 3, других сословий – 7¹¹.

По завершении курса городских училищ крестьянские дети могли замещать должности бухгалтеров, сельских архитекторов, народных механиков и др. Документы свидетельствуют, что в таких результатах заинтересованы были не только сами крестьяне, но и органы местного управления: «Туда могли поступить ученики только с разрешения Палаты государственных имуществ и окончившие приходское училище с похвалой, для того, чтобы впоследствии приготовить из них бухгалтеров, сельских архитекторов, народных механиков»¹².

В городских училищах давались хорошие знания. Несмотря на некоторую корректировку учебных планов на протяжении всего времени их существования, традиционно курс обучения в городских училищах предполагал изучение следующих предметов: закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, история всеобщая, русская история, география, физика, черчение и рисование, т.е. школа давала общеобразовательную подготовку. В начале XX в. в городских училищах начали преподавать иностранные языки.

Помимо обязательных учебных занятий ученики посещали за плату дополнительные занятия по музыке (исполнение на скрипке, виолончели, гитаре и т.д.), участвовали в любительских спектаклях и литературных вечерах.

В преподавании предметов школьного курса можно выделить следующие методы: объяснительного чтения, беседы (катехизация), наглядного обучения, письменные и самостоятельные работы. В зависимости от предмета преподавания, учителя могли использовать преимущественно одни или другие методы. Материально-техническая база школ позволяла широко использовать методы наглядного обучения. В училищах имелись специально оборудованные учебные кабинеты. В кабинете естественной истории имелись карты и глобусы (небесные и земные). Был специальный кабинет физики. В училищах имелось

достаточное количество других учебных средств: собрание предметов для рисования и черчения, математические готвальни и прочее. Например, в 1818 г. в Цивильском училище был открыт минералогический кабинет.

В целом на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. происходило совершенствование методики преподавания предметов, повышались требования к квалификации и профессиональным навыкам учителей.

Учебное оборудование училища приобретали из столичных магазинов. Например, в 1905 г. Алатырское городское училище приобрело Прибор для добывания кислорода, прибор для добывания водорода, прибор Гравезанца, циркуль деревянный, циркуль деревянный с дугой, уровень, буссоль, готвальня № 519, транспортир деревянный с масштабом, угольник деревянный.

Училища располагали достаточно богатыми библиотеками, фонды которых имели не только учебную и методическую, но и научную литературу. Например, в 1914 г. в фундаментальной библиотеке Алатырского городского училища было 2240 наименований книг. В 1911 г. в библиотеке Чебоксарского городского училища – 3376 томов книг, в Цивильском – 2019 названий книг (3798 томов). В целом библиотеки городских училищ были укомплектованы неплохо.

Основную часть расходов городских училищ Чувашского края, как и по всей России, составляли не государственные ассигнования, а средства местных органов самоуправления, общественности, частных лиц, также плата за учебу, вносимая родителями учеников. К названным источникам финансирования с начала XX в. необходимо добавить участие местных купцов и предпринимателей в приобретении книг, оборудования, ремонта зданий. Это Поповы в Алатыре, Курбатовы в Цивильске, Таланцевы в Ядрине и Ефремовы в Чебоксарах.

На всем протяжении существования городских училищ наблюдается большое расхождение между количеством поступивших на учебу и окончивших его, т.е. был высок показатель отсева учащихся. В архивных документах называется несколько причин данной ситуации. Чаще всего речь идет о причинах семейных, когда дети несостоятельных родителей в силу материальных проблем не имели возможности продолжить обучение. В связи с необходимостью помогать родителям в сельскохозяйственных работах, они также были вынуждены оставить учебу.

На убывание детей из училища помимо семейных обстоятельств влияли еще и другие факторы. Нужно отметить, что чаще выбывали не

по причине провалов на экзаменах, а в течение учебного года: из-за «неявок на уроки, частых отлучек, перемены места жительства». Но основная причина крылась в качестве успеваемости учеников.

Анализируя этот показатель, следует отметить, что уровень успеваемости был далек от отличного или даже хорошего. Размышляя о причинах подобной ситуации, необходимо учитывать следующие причины, которые часто встречаются в документах. Это «неспособность», «нерадение, лень», «редкое посещение классов». Нередко на успеваемость учеников влияло и качество преподавания в училище.

Например, неудовлетворительные результаты преподавания по русскому языку и чистописанию за сентябрь 1849 г. штатный смотритель Чебоксарского училища Петр Попов объяснял таким образом: «учитель русского языка все еще привыкает к тому, чтобы преподавать сей предмет простым и легким способом», «по предмету чистописания ученики высших классов пишут мелким почерком, отчего почерк руки их портится, а ученики первого класса, поступив из приходского училища с ограниченными способностями в чистописании не могут никак усовершенствоваться». Продолжая дальше свои размышления, он отмечает, что основной причиной плохой успеваемости учеников является отсутствие у преподавателей «каллиграфических сведений»¹³.

Чаше всех пропускали занятия ученики из расположенных на большом расстоянии от училища селений, которые «уезжали домой дня за 2, за 3 до роспуска и приезжали спустя дня 2-3 после начала уроков»¹⁴.

Несмотря на имеющиеся проблемы, за весь период существования городских училищ их закончили тысячи воспитанников. Выпускники городских училищ в основном находились «на частной службе», занимались торговлей, ремеслом, сельским хозяйством, служили в канцеляриях, становились учителями начальных школ и городских училищ. Менее 30% продолжили учебу в гимназиях, реальных училищах, учительских семинариях. Единицы получали высшее образование.

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что доля сельского населения в социальном составе учащихся городских училищ была существенной. Если учитывать, что данный тип учебных заведений в соответствии с сословно-охранительной политикой правительства был рассчитан не на крестьян, а на средние слои городского общества, получается, что в Чувашском крае в процентном соотношении получалась очень неплохой.

Приведенный анализ свидетельствует об устойчивой тенденции роста выходцев из крестьян в городских училищах, что было следствием модернизационных процессов, затронувших российское общество и государство на протяжении XIX в. и начале XX в. Содержанием этих

изменений стали отмена крепостного права, рост заинтересованности в получении образования детьми крестьян, т.е. повышение престижа образования в среде крестьянства, также дальнейшая эволюция капиталистических отношений в сельском хозяйстве, ускоренные темпы развития промышленности в Чувашском крае и др.

Примечания

- ¹ ЦГА ЧР. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1. Л. 46-47.
- ² ЦГА ЧР. Ф. 222. Оп. 1. Д. 142. Л. 6.
- ³ ЦГА ЧР. Ф. 211. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.
- ⁴ ЦГА ЧР. Ф. 503. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.
- ⁵ ЦГА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 33. Л.27.
- ⁶ ЦГА ЧР. Ф. 490. Оп. 1. Д. 6.
- ⁷ ЦГА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 206.
- ⁸ ЦГА ЧР. Ф. 498. Оп. 1. Д. 74. Л. 21.
- ⁹ ЦГА ЧР. Ф. 498. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-4.
- ¹⁰ ЦГА ЧР. Ф. 498. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.
- ¹¹ ЦГА ЧР. Ф. 498. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.
- ¹² ЦГА ЧР. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
- ¹³ ЦГА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 19. Л. 107-108 об.
- ¹⁴ ЦГА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 329. Л. 37,37 об.

И.П. Иванова

ЗЕМСКИЕ И ДРУГИЕ НАЧАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ В ЧУВАШСКОМ КРАЕ

В последней трети XIX – начале XX веков
(По материалам Цивильского, Чебоксарского
и Ядринского уездов)

Министерство народного просвещения не всегда располагало реальной базой для открытия и содержания сельских начальных школ, поэтому существовавшая в стране потребность в грамотных людях выливалась в стихийно организуемые начальные школы другими ведомствами и частными лицами. Первоначально Министерство государственных имуществ и Министерство уделов. Роль этих школ в количественном и качественном отношении была более значительна, чем роль школ Министерства народного просвещения.

После земской и школьной реформы наибольшее распространение в 70-80-х гг. XIX в. получили земские школы. Количественно они уступали лишь церковным школам, зато качественно превосходили все другие типы школ.

До 1860 г. в Ядринском уезде новых приходских училищ не открывалось. Но уже в следующее десятилетие, с 1860 по 1874 гг., в период реформ, в уезде было открыто 20 училищ разных ведомств (табл. 1).

Таблица 1

Типы училищ (в населенных пунктах)

ЧАСТНЫЕ	БРАТСКИЕ (СВ ГУРИЯ)	СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ	ЗЕМСКИЕ	МНП
Алманчино	Шемердянова	Ядрин (село)	Абызово	Аликово
Бол Шятыма	Янгоры (Сюрбю- лы)	Кошлоуши	Убеево	
Альменево	Малая Шятыма	Селоустье		
Мал. Шятыма	Кошлоуши	Тораево		
Мал. Яуши		Хочашево		
Сугут-Торбиково	Св. Синода	Шумшеваши		
Туруново	Норусово (ЦПШ)	Оточево		
Чиганары		Русская Сорма		
Чувашская Сорма		Салтыганово (Богатырёво)		
Яндоба		Чурашево		
		Шуматово		
		Балдаево		

Как видно из табл. 1, в указанный период наибольшее число школ было организовано сельскими обществами и частными лицами, причём

последние в большинстве случаев были местные священники или их жёны.

Но уже на 1 января 1875 г. в Ядринском уезде функционировали следующие сельские училища, открытые земством: Ядринское (городское), Ядринское (сельское), Балдаевское, Хочашевское, Тораевское, Селюстьянское, Норусовское, Шуматовское, Абызовское, Шемердяновское, Янгорчинское, Кошлоушское, Аликовское и Убеевское. Всего 14 училищ.²

Общая сумма расходов на содержание разных типов школ показана в табл. 2³

Таблица 2

Расходы на содержание школ с 1860 по 1875 гг.

ЧАСТНЫЕ	800 руб
БРАТСКИЕ	580 руб
МНП	2025 руб.
СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ	16122 руб.
ЗЕМСКИЕ	1790 руб
СВ. СИНОДА (ЦПП)	50 руб
ИТОГО.	22377 руб.

Таблица наглядно иллюстрирует разницу выделяемых на школы средств разными ведомствами. Поскольку наибольшее количество школ было организовано сельскими обществами, то и общая сумма расходов их была наибольшая, отчего содержать открытые школы поселянам было весьма обременительно. Это явилось одной из причин частого их закрытия.

Например, средняя сумма содержания одной школы в год миссионерским Братством св. Гурия составляла 40 руб. Здесь учителя, как правило, священники, жалования не получали. Сельские общества выделяли на школу от 160 руб. до 200 руб. в год. Наибольшие ассигнования на содержание одной школы – 2025 руб. в год - выделяло Министерство народного просвещения. Правда, это были двухклассные училища. Стабильно и значительно превосходя суммы, выделяемые сельскими обществами, выделяло уездное земство: в среднем на одну школу – 260 руб. в год.

В Чебоксарском уезде школы содержались преимущественно на средства земства, а также сельских обществ. Например, Чурашевское училище получало в этот период от общества 189 руб., а от земства 111 руб. в год; Байгуловское – 97 руб. от общества, 126 руб. - от земства.⁴

Таким образом, после земской и школьной реформ 60-х гг. различались следующие типы училищ: земские, духовные (братства Святого Гурия), общественные (волостные и сельские), министерские и частные. Тип училища определялся источником финансирования.

Поскольку школы финансировались из разных источников, то и сумма содержания их значительно отличалась. Самыми благополучными были школы земские, волостные и министерские, на их содержание выделялось от 375 до 300 руб. в год. Наоборот, недостаток выделяемых средств испытывали братские и частные школы, открытые и содержащиеся на средства священников. В таких школах, например в Старо-Муратовской, Старо-Щелканской Цивильского уезда, учителя брали с каждого ученика плату в размере 20 коп. в месяц. Помимо этого, ученики по очереди сами отапливали школьное помещение. Нередко, школа размещалась в доме учителя: Кудеснерская, Старо-Урмарская, Старо-Арабосинская, Средне-Имашевская, Старо-Тюмеревская.⁵

После проведения земской и школьной реформы 60-х гг. XIX в. количество школ в Чебоксарском уезде также значительно возросло.

Приводимая ниже табл. 3 охватывает 8-летний период значительного расширения сети начальных училищ в Чебоксарском уезде – с 1868 по 1875 гг.⁶

Таблица 3

Начальное училище	Год основания	Число учащихся (с 1868 по 1875 гг.)	Из них		Рус	Чув	Мар	Тат
			М	Д				
Чебоксарское Приходское (мужское)	1816	532	532		532			
Чебоксарское (женское)	1869	280		280	280			
Бичуринское двухклассное	1867	405	405		125	280		
Бичуринское (женское)	1870	30		30		30		
Бичуринское одноклассное мужское	1868 (закрыто в 1872 г.)	92	92			92		
Маринское приходское	1859	393	393		393			
Яндановское	1855	158	158		96	62		
Акуловское	1869	175	163	12	18	157		
Абашевское	1871	101	101			101		
Икковское	1871	70	70			70		

Начальное училище	Год основания	Число учащихся (с 1868 по 1875 г.)	Из них		Рус	Чув	Мар	Тат
Аньгаловское	нет сведений	14	14			14		
Писаринское	1868	117	107	10	10	107		
Ситликовское	нет сведений	12	12			12		
Кушниковское	1869	77	77		77			
Кускшарское	1869	91	91		18		73	
Красноярское (с. Красный Яр)	1870	92	80	12			92	
Чурашевское	1870	102	102		7	95		
Покровское	1868	117	117		117			
Тогашевское	1846	111	111		12	99		
Карамышевское	нет сведений	77	75	2		77		
Байгуловское	1870	91	91		91			
Вознесенское (в Янцибулове)	нет сведений	54	54		54			
Беловолское	1867	247	167	80		247		
Турнешинское	1870	106	98	8	12	82		12
Аттиковское	1867	176	160	16	12	148		
Никольское	1866	162	140	22	24	138		
Помарское	1870	132	102	30	16		116	
Исневское	нет сведений	62	34	28	62			
Козловское	закрыто в 1872 г	40	26	14	40			
Комаровское	1870	45	37	8	45			
Бишевское	1870	148	146	2	7	141		
Масловское	1871	10	10		10			
Полькинское	1870	8		8	8			
Луговское	1869	29	14	15	29			
Алексеевское	нет сведений	67	59	8	67			
Истонецкое	закрыто в 1872 г за неимением учителя, знающего марийский язык							
Лягушкинская	1872 (закрыта в 1873 г.)	12	12		12			
Семенчанская (Братская)	1872	27	27			27		

Всего в Чебоксарском уезде в этот период функционировало 38 начальных школ, в которых обучалось 568 девочек и 4108 мальчиков.

Из них 12 были земскими, 3 – министерскими, остальные – сельские и городские училища.

Таблица иллюстрирует рост числа обучающихся девочек, которые уже учатся не только в городском приходском училище, но и в сельских: Бичуринском, Писаринском, Красно-Ярском, Акуловском, Карамышевском, Беловском, Турнешинском, Аттиковском, Никольском, Помарском, Исеневском, Козловском, Комаровском, Бишевском, Полькинском, Луговском и Алексеевском училищах, общим числом 17. В 1877 г. открывается ещё одно женское одноклассное училище – в г. Мариинский Посад.⁷

Экономическое развитие страны требовало от людей низших сословий знания первоначальной грамоты. Это определило на рубеже 80-х гг. значительный рост школ разных ведомств, особенно увеличилось число земских и церковных школ.

По данным за 1885 г. в Цивильском уезде функционировали следующие типы школ:⁸

1. Сельские училища в селениях: Русские Норваши, Мокрино, Малые Бикшихи, Ковали, Батеево, Биболдино, Тоиси, Высоково, Асакасы, Шихазаны, Кошели, Луцково, Чуратчиково, Воскресенские Шигали, Гришаны, Первое Семёново, Иваново, Малькеево, Ново-Чурашево, Ново-Буяново, Кудеснеры, Старые Арабоси, Старые Шигали, Латышево, Старые Тюмеры, Старо-Буяново, Старые Шимкусы. Всего 32 школы.

2. Земские школы в селениях: Новоименево, Старые Шигали, Старые Тюмеры, Бахтиярово, Шакулово, Байгеево, Байглычево, Высоково, Вурманкасы, Нижары, Иваново, Тойси Яниково и Мусирма. Всего 13 школ.

3. Школы духовного ведомства в селениях:

- школы грамотности – в г. Цивильске (Монастырская женская школа), Старых Арабосях, в Старых Муратах, Новоисакове, Старых Урмарах, Юмашеве, Щелканах, Среднем Имашеве, Подлесино, Турмышях, Уразлино, Новобуянове и Старобуянове. Всего 13 школ.

- школы братства святителя Гурия – в Атыково, Новых Ачкасах – мужская и женская, Андрееве, Верхней Яндобе, Хозясанове, Чутееве, Беляеве. Всего 7 школ.

4. Частные школы в селениях: Нюрчи, Новоисаково и Кудеснеры. Всего 3 школы.

5. Школы ведомства МНП в г. Цивильске - уездное училище и женское городское приходское училище, а также в селениях Норваши Яншихово и Андреево-Шибулги. Всего 4 училища.

Всего в Цивильском уезде к 1885 г. было 72 школы разных ведомств. В последующем, частные и сельские училища были преобразованы в земские, и к началу XX в. (1902 г.) из 22 светских школ, 20 были земскими, в них обучалось 1047 человек.⁹

К началу XX в. в Ядринском уезде состояло 47 училищ: 1 городское приходское, основанное по Уставу 1828 г., 9 сельских МНП, из них 6 двухклассных и 3 одноклассных, созданных на основании инструкции МНП 1875 г.,¹⁰ 29 сельских земских школ по Правилам 1870 г. об «инородческих школах»¹¹, 8 начальных училищ по Правилам 1874 г.¹² Наибольшее число школ было организовано уездным земством. Школы эти были благоустроенными, отличались квалифицированным учительским составом, а отсюда – лучшим качеством обучения.

Земства не ограничивались содержанием открытых ими школ. С расширением сети церковных школ, на их содержание земства выделяли в среднем по 180 руб. в год, включая жалование учителю.¹³ В дальнейшем, многие церковные школы перешли в ведение земств, поскольку финансирование их почти прекратилось.

Вследствие увеличения количества школ, возникла острая проблема нехватки учителей с достаточной квалификацией. Зачастую, в качестве учителей работали так называемые «самоучки», т.е. выучившиеся грамоте, но не имевшие свидетельства на право заниматься учительской деятельностью. Поэтому учителя с необходимыми знаниями и подготовкой особо ценились уездными властями.

Проблемы с качественной подготовкой учителей стали решаться в 80-х гг. XIX в., когда стали функционировать учительские курсы. В июле 1882 г. в г. Цивильске были организованы краткосрочные учительские курсы под руководством видного чувашского просветителя И.Я. Яковлева. Курсы проходили при Цивильском уездном училище.¹⁴ Наблюдение за курсами, а также составление программы обучения курсистов, было возложено на инспектора чувашских школ Ивана Яковлевича Яковлева совместно с инспектором 3 участка Беляевым. На курсах Яковлевым настойчиво внушалась учителям мысль о том, что главное средство привлечения детей в школу – это любовь учителей к ученикам и к школьному делу. Учитель должен сблизиться с кре-

стьянами, завоевать их доверие, и тогда крестьяне будут рассматривать учителя как помощника в деле воспитания детей.

На курсах учителями был поднят вопрос о необходимости ремесленных занятий для детей. Курсистам было предложено развивать те ремёсла, для которых существовали условия в данной местности.

Курсы учителей, организованные под патронажем И.Я. Яковлева, имели огромное дидактическое и воспитательное значение для учителей Цивильского уезда, явились большим стимулом для их профессионального и личностного роста.

Однако, несмотря на бурный рост числа вновь открываемых школ, особенно земских и церковных, по-прежнему невелико было число детей, окончивших полный курс школьных наук. Например, в 1905 г. в Ядринском уезде закончили школу 496 человек, в то время как всего во всех школах обучалось в тот же период 2899 учащихся,¹⁵ т.е. значительная часть детей выбывала до окончания учёбы: завершило обучение в 5 раз меньше детей, чем поступило первоначально. Условия крестьянской жизни, где всегда ощущалась необходимость в рабочих руках на полевых работах, были главной причиной данного явления.

В этих условиях земская школа стремилась увеличить привлекательность школьного обучения введением предметов, расширяющих круг знаний аграрного характера. Происходит постепенная ориентация школьного образования на формирование у учащихся навыков практического применения знаний по предметам, близким крестьянскому быту, что вылилась в организацию при школах опытных участков для ведения садово-огороднических занятий. В Ядринском уезде к 1905 г. такими участками располагали 27 училищ: Ядринское приходское и Ядринское мужское, Аликовское двухклассное и одноклассное, Персирланское, Норусовское, Тораевское, Хочашевское мужское и Хочашевское женское, Абызовское, Артемь-касинское, Балдаевское, Богатырёвское, Кошлоушское, Мало-Яушевское, Ново-Мадиковское, Оточевское, Седойкинское, Сугут-Торбиковское, Стрелецко-Слободское, Убеевское, Чемеевское, Чувашско-Сорминское, Шуматовское, Ядринское сельское, Яндобинское и Ямашевское. Участки были неодинаковыми по размерам: от 120 кв. сажень - в Ядринском мужском до 3600 кв. сажень - в Хочашевском училище.¹⁶

Кроме знаний по сельскому хозяйству, многие земские школы вводят изучение ремесла и рукоделия.¹⁷ Рукоделие преподавалось в следующих земских школах - Кошлоушской, Русско-Сорминской, Се-

лоустынской, Сугут-Торбиковской, Янгорчинской и Янишевской школах Ядринского уезда.

В Ядринском женском училище преподавался курс кройки и шитья. Обучали шитью дамского и детского белья, платьев.

В целях гармоничного развития умственных и физических способностей учащихся в отдельных школах – 2-классной Аликовской МНП и Муньяльской земской – было введено изучение физической культуры в виде нового предмета – гимнастики.¹⁸

Таким образом, земские школы, широко распространившие свою деятельность во второй половине XIX в., принимали активное участие в просвещении сельских и городских детей. Можно отметить, что преподаваемые знания носили прикладной характер, что было немаловажно для сельского населения, с другой стороны, это служило фактором, стимулирующим отдачу крестьянами детей в школу. Помимо основных наук, дети развивали навыки грамотного ведения садоводства и огородничества, знакомились с новыми сельскохозяйственными культурами. В женских школах преподавали рукоделие, в мужских – ремесло.

Население Цивильского, Ядринского и Чебоксарского уездов отличалось разнообразной религиозной и национальной принадлежностью. Школа выступала объединяющей силой, успешно осуществляющей совместное обучение детей, что, в свою очередь, создавало условия для плодотворного культурного сосуществования детей различной национальной и конфессиональной принадлежности.

Однако возможности для повсеместного и регулярного ведения занятий в школах уезда были реализованы лишь частично. Главной проблемой было отсутствие достаточных средств для открытия и содержания школ, обеспечения их необходимыми учебными пособиями. Сельские общества не всегда могли выделять необходимые денежные суммы. По-прежнему охват детей школьным обучением оставался недостаточным: школу посещали менее трети от всего количества детей школьного возраста. Только десятая часть девочек посещала школу.

В непростых условиях работали учителя сельских школ. Порой не имея бумаги, перьев, чернил, аспидных досок, учителя эти умудрялись обучить детей письму, пользуясь обложками старых тетрадей. Читать учили, имея 1 или 2 книжки на всю школу, и в течение 3-4 месяцев достигали того, что ученики могли разобрать любую чувашскую книгу, а некоторые достаточно сносно читали. Те немногие успехи, которые

показывали на испытаниях учащиеся, достигались огромным трудом и усердием учителей.

Тем не менее, вторая половина XIX в. стала переломной в сознании сельских обывателей, школа широко и основательно входила в быт крестьян и горожан.

Примечания

- ¹ Научный архив ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 68. № 154. Л. 35.
- ² Там же. Л. 33.
- ³ Там же. Л. 41.
- ⁴ Там же. Отд. 2. Ед. хр. 68. № 154. Л. 40.
- ⁵ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 3. Д. 399. Л. 7.
- ⁶ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 68. № 154. Л. 33.
- ⁷ Там же. Л. 37.
- ⁸ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 3. Д. 646. Л. 35 - 144; НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 422. № 1768. Л. 42, 42 об.
- ⁹ ГИА ЧР. Ф. 229. Оп. 1 Д. 2. Л. 22, 228.
- ¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 222. Оп. 1. Д. 176. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 2.
- ¹² Там же. Л. 6.
- ¹³ ГИА ЧР. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
- ¹⁴ Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Ф. 222. Оп. 1. Д. 176. Л. 9.
- ¹⁶ Там же. Л. 6 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 10.
- ¹⁸ Там же.

Д.А. Ялтаев

БОРЬБА ПОЛИЦИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ С КРЕСТЬЯНСКИМИ ВОЛНЕНИЯМИ в начале XX в. НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

Чувашские уезды до революционных событий 1905-1907 гг. не отличались сложной идеологической обстановкой. Вследствие слабого развития городов и политической индифферентности среди в подавляющем большинстве неграмотных чувашских крестьян редко встречались агитаторы и было крайне мало революционно-настроенных представителей местного населения. По мнению местных полицейских властей, случаи волнения крестьян объяснялись недоразумениями, возникавшими из-за неправильно понимаемого права пользования землей, а не из-за политического сопротивления или попытки захвата помещичьей земли¹. Причины видели в неправильных действиях различных государственных чиновников, вызывавших справедливую реакцию или недопонимание производимых действий. Обычно полиция ограничивалась простыми разъяснениями населению волнующихся обществ, не стремясь к насильственным мерам и арестам. 4 марта 1868 г. крестьяне Буртасинского общества Яниково-Шоркисринской волости Цивильского уезда оказали сопротивление мировому посреднику и производителю работ по составлению и предъявлению владенных записей. Цивильский исправник писал по этому поводу в рапорте губернатору: «Если бы г. мировые посредники проявили на себя труд своевременно в частных беседах с крестьянскими обществами объяснить им <...> дела о земельных наделах <...> не было бы никаких беспорядков»². В крестьянском населении полиция не искала идей о смене политического строя³. Во время вооруженного конфликта в д. Первой Семеновой 1906 г. губернатор в первую очередь жестким тоном потребовал объяснений земского начальника, считая вполне вероятной причиной восстания неправомерность и провокационность действий местных властей⁴. Политических волнений в сельской местности до XX в. практически не наблюдалось. По отчету жандармерии 1899-1901 гг., в большинстве уездов Казанской губернии не было ни одного случая волнения среди населения, и отношения различных классов считались вполне нормальными⁵. Начальник Казанского губернского жандармского управления К.И. Калинин 6 июля 1902 г., в период подъема революционной ситуации, рапортовал директору Департамента полиции МВД,

что «из сведений по $\frac{3}{4}$ территории Казанской губернии, никакого брожения, а тем более сильного, не замечено»⁶. Ситуация на рубеже XIX–XX вв. в чувашских уездах полиции представлялась настолько безоблачной, что даже в самом политически неблагонадежном из этих уездов, Чебоксарском, на тот момент постоянно никто из состоящих под негласным надзором полиции не проживал (кроме одного заезжего дачника летом 1901 г.)⁷. Буквально за четыре года до того, как в Чебоксарах пройдут массовые революционные волнения, помощник начальника Казанского губернского жандармского управления считал возможным пункт в Чебоксарах упразднить, пункт из г. Свияжска перевести в г. Казань⁸. Во многом спокойствие объясняется резким сокращением числа местных аграрных беспорядков после 1884 г. Даже во время ужасного голода 1891 г. крестьяне продолжали «страдать молча»⁹. До начала XX в. в Чувашском крае хотя и встречались политически неблагонадежные лица (обычно учителя), но они никак не влияли на окружающее население¹⁰. Власти легко справлялись с задачей сдерживания революционного брожения среди населения. На смену чрезвычайным мерам и экспромтам Александра II пришла система репрессий, своей отлаженностью напоминая времена Николая I¹¹.

Однако во время революционных событий 1905–1907 гг. картина резко изменилась. С 1906 г. полиция начала тотальное расследование агитационной деятельности учителей, многих из которых подвергли административной высылке. В марте 1906 г. из 5 политарестантов при ядринской полиции все были учителями¹². От рутинной переписки по оскорбительным высказываниям в адрес императора полиция перешла к активной деятельности. Среди архивных материалов, датированных 1906 г., содержится огромное количество дел не только по оскорбительным, антиправительственным высказываниям, но и по обыскам и арестам. Вообще 1906 г. – это пик подобных дел (несколько сотен). 16 января 1906 г. губернатор П.Ф. Хомутов в соответствии с циркуляром 7 декабря 1905 г. приказал арестовывать всех агитаторов и подстрекателей. С 23 по 27 января 1906 г. ядринская полиция успела арестовать на этом основании 11 человек, причем и за агитационные призывы в предыдущие месяцы¹³. Согласно циркуляра МВД от 11 июня 1906 г. №5643 и циркуляра вице-губернатора Д. Кобеко от 19 июня 1906 г. №5290 уездным исправникам и земским начальникам приказывалось зорко наблюдать за всем происходящим в крестьянской среде и незамедлительно доводить до сведения губернатора о малейших признаках брожения. В том случае, если волнения обострялись и становились

противозаконными, то приказывалось привлекать виновных к судебной ответственности, руководствуясь мнением Государственного совета 15 апреля 1906 г. о правилах против стачек среди сельских рабочих. Причем, независимо от судебного преследования, полиция выясняла главных руководителей движения и подвергала их аресту в порядке Положения об охране, доставляя губернатору подробные сведения о виновности арестованных лиц для возбуждения ходатайства об административной высылке¹⁴.

В начале XX в. отрицательное отношение к полиции со стороны крестьян стало открытым. В 1910 г. уездный полицейский служитель с долголетним стажем указывал в письме, опубликованном в «Вестнике полиции», что «деревенская молодежь, не чувствуя над собой никакой власти, дебоширничает. Стонут старики и мирные обыватели от этих дебоширств. Не властны мы, чины полиции, дисциплинарно наказывать их и не боятся они нас. В деревне неурядки, нечистота, воровство, но десятские бездействуют. На вопрос о причинах бездействия отвечает: А не хочу «опостыляться» с народом, чи мне век быть десятским! Я человек рабочий, мне некогда смотреть за порядком! Жалованья я не получаю, а хлеб надо есть и надо его заработать»¹⁵. Из-за отсутствия полицейской агентуры среди сельского населения, революционеры с успехом пользовались этим положением. Один из полицейских писал в 1910 г.: «Я помню, как лет 15 назад, при проезде через деревню буквально каждый крестьянин кланялся мне, снимая шапку. Теперь все резко изменилось»¹⁶. Другой чиновник вторил первому в своем письме в «Вестник полиции»: «Со введением стражников, сельские власти не находятся более в подчинении у чинов полиции. Все чаще и чаще можно наблюдать, что сельские власти отказываются оказывать содействие низшим агентам полиции, тогда, когда они обязаны это делать, – единственно только потому, что в волости говорили, что пристав теперь не начальство»¹⁷.

Во время революционных событий 1905-1907 гг. среди крестьян под влиянием революционеров-агитаторов формируется убеждение, что начальство, включая полицию, служит только для богатых, а не для бедных, почему и не слушает народ. Эсеры убеждали крестьян, что для победы революции достаточно только победить полицию, служащую за деньги, а войска состоят из крестьян, которые должны перейти на сторону народа¹⁸. Эти идеи способствовали активной агрессии части крестьян Чувашского края в отношении полиции. Влияние оказали и военные поражения 1904-1905 гг., слухи о повсеместных беспорядках в ходе революции, новые реформы, пошатнувшие доверие к чиновникам и поколебавшие крестьянскую привычку к повиновению. По общерос-

сийским данным 1905-1907 гг., проанализированным С. Дубровским на основе полицейских отчетов, лишь 14,5% волнений были направлены против полиции и армии, большинство (75,4%) – против помещиков¹⁹. Но, учитывая, что Чувашский край не отличался распространением помещичьего землевладения, то недовольство здесь крестьян малоземельем обращалось непосредственно против властей.

Существует устойчивое мнение, что полицейские власти использовали исключительно грубую силу, не стесняясь в средствах при подавлении оппозиционных царско-помещичьему режиму различных народных движений. Этому способствовали центральные власти, опиравшиеся на силовые охранительные меры, предпочитавшие уничтожать, а не упорядочивать. Так, на пике народнического движения Министр юстиции в августе 1878 г. приказал при сопротивлении властям, нанесении ран полиции и военным, предавать нарушителей военному суду «по законам военного времени»²⁰. Но данный вопрос нельзя рассматривать односторонне. В начале XX в. в Казанской губернии было мало случаев применения оружия против населения, причем большинство из них произошли в Чувашском крае. Жестокость не была распространена, но имела место. В Казанской губернии на несколько десятков аграрных восстаний против столыпинских реформ приходится только один случай применения оружия, правда отличавшийся крайней жесткостью действий. 9 мая 1907 г. в д. Атмени Ядринского уезда, ничем не выделявшейся по числу правонарушений, было убито 3 и ранено 4 местных жителя²¹. По свидетельству помощника исправника Маслова, на отряд стражи в 33 человека бросилась вооруженная кольями и вилами толпа более чем в 600 человек. По другим свидетельствам, толпа не была вооружена²². 12 ноября 1906 г. в д. Первое Семеново было убито 4 и ранено 3 человека, но опять в ходе самообороны²³.

С другой стороны, несмотря на то, что Казанская губерния во время событий 1905-1907 гг. не отличалась спокойствием, крайние меры власти к восставшим применяли редко. Командующий военным округом генерал И.А. Касис (утверждавший приговоры военно-полевых судов) не подписал ни одного смертного приговора, говоря, что «готов пролить свою кровь за Россию, но не хочет на старости лет пачкать себя чужой»²⁴. Существовало крайне негативное отношение к применению оружия. Начальник Казанского губернского жандармского управления полковник К.И. Калинин в письме губернатору М.В. Стрижевскому был недоволен действиями уездной полиции, применившей в одном из случаев оружие, и называл это неверным²⁵. Уездная полиция Казанской губернии в разгар революционных событий 1905-1907 гг. крайне неохотно применяла силу против населения,

даже когда это было связано с опасностью для здоровья и жизни полицейских. Существует огромное количество свидетельств, рассказывающих о бегстве полицейских от восставших крестьян. Это происходило даже в случаях относительно большого численного состава полицейских отрядов. Команда в десяток и более хорошо вооруженных, прошедших военную службу полицейских при применении огнестрельного оружия могла легко разогнать безоружную толпу даже в несколько сотен человек. Но этого не происходило. Как правило, полицейские предпочитали отступить, а затем вернуться численно превосходящим отрядом, который бы мог количественно утратить население, что, в свою очередь, не потребовало бы применения оружия. Во время чебоксарского восстания 6 августа 1906 г. часть урядников бежала, не сопротивляясь толпе, состоявшей из подростков и отчасти взрослых из крестьян и мещан²⁶. 7 августа 1906 г. чебоксарский исправник с двадцатью конными стражниками пытался вернуть отнятые у земского начальника книги в околотке Ошурге (после восстания в Звениговом затоне). При приближении к околотку большая масса народа побежала к ним навстречу с «диким криком», в котором слышались угроза и нецензурная брань. На приказ исправника команде зарядить ружья, стражники ответили, что ружья они зарядят, но стрелять не будут. В результате полиция бежала, а толпа крестьян осталась с победным криком и гиком²⁷. 11 августа 1906 г. в выселке Тогаевом Воскресенской волости во время базара группа манифестантов, выйдя с красным флагом и пением революционных песен, пошла через базар, на котором к ним примкнула базарная толпа, возросшая до 700-800 человек. Находившаяся там для наблюдения за порядком конно-полицейская стража, в составе 8 стражников, под начальством урядника отступила на большой московский почтовый тракт. Когда на стражу из толпы стали бросать камни, урядник скомандовал произвести залп из ружей, который не причинил никому в толпе никакого вреда. Интересно, что выстрелы в толпе вызвали еще большее ожесточение. По сути, население четко знало, что стражники в людей стрелять не собираются. После этого многие из толпы стали разбирать заборы и вооружаться жердями, вследствие чего были сделаны еще два последовательных залпа, от последнего из которых один из демонстрантов был убит, а другой тяжело ранен²⁸. Толпа сразу рассеялась. Из описанного случая видно, что огонь по восставшим велся намеренно неприцельный (два попадания из более 20 выстрелов по толпе в несколько сотен человек). Население же четко знало нежелание полицейских стрелять на поражение, и, как только видело нарушение «традиции», сразу устращалось и не оказывало ни малейшего сопротивления.

Нежелание применять оружие не было связано с тем, что стражники и урядники (особенно к началу XX в.) могли быть из местного населения²⁹. Военные команды, никак не связанные с местным населением, тоже старались не применять оружия. Во время Чебоксарского восстания 1906 г. толпа до 1000 человек пыталась отнять винтовки у солдат конвойной команды в управлении местного воинского начальника. Из толпы раздались несколько револьверных выстрелов, что было веской причиной для применения крайних мер полицией и солдатами, и, естественно, обороняющимися было сделано несколько залпов, рассеявших толпу³⁰. Но за все восстание упомянут только один раненый солдатами человек. Следовательно, выстрелы носили сугубо предупредительный характер (промахнуться из нескольких залпов по такой толпе физически невозможно). Во время ивановского восстания Цивильского уезда 1906 г. плохо вооруженной толпе крестьян противостояли хорошо вооруженные становой пристав, цивильский надзиратель и 10 стражников. При этом отряд был вынужден ретироваться из села, для обороны было сделано до 50 выстрелов, но о раненых и убитых среди нападавших не упоминалось³¹.

Насильственные действия по отношению к полицейским по политическим мотивам во время революции 1905-1907 гг. стали частым явлением. Но следует заметить, что по отношению к штатным чинам полиции дело даже в разгар восстаний ограничивалось «площадной бранью». В случаях нападения на надзирателей, исправников и их помощников, им всегда удавалось или бежать, или ограничиться перебранкой. То есть штатным чинам населением всегда давалась возможность избежать насилия. Так, 8 сентября 1906 г. в с. Полянки Балдаевской волости Ядринского уезда толпа напала на помощника ядринского уездного исправника Г.Г. Покровского, но тот «убежал на лошади»³². К нижним же чинам наблюдалось совершенно безропотное отношение. Городовых били до крови. Во время митинга в казенном лесу близ д. Кокшамар Чебоксарского уезда было оказано сопротивление вооруженным чинам полицейской стражи. Урядника и двух пеших полицейских стражников разоружили (о сопротивлении полицейских в документах не было ни слова)³³. 11 ноября 1906 г. в преддверии восстания д. Первой Семеновой Цивильского уезда крестьяне отняли у стражника винтовку и вынули из ножен шашку³⁴. На следующий день крестьяне всячески оскорбляли земского начальника и стражников, напали на них, при этом ни в одном документе нет ни слова об оскорблении присутствовавшего здесь исправника В.И. Ефимова³⁵.

Сопротивление полиции по политическим мотивам во время революционных событий начала XX в. оказывала в основном молодежь, реже среднее поколение. Это во многом объяснялось распространив-

шейся в Чувашии агитации эсеров. В демонстрации и вооруженном нападении на полицейскую стражу 11 августа 1906 г. в Чебоксарах были признаны виновными крестьяне от 21 до 29 лет. Среди зачинщиков упоминались люди в возрасте от 18 до 33 лет³⁶. При погромах в числе участников упоминались в основном подростки. Среди десяти попавших под гласный надзор зачинщиков восстания с. Иванова 1906 г. средний возраст составлял 34 года (из четверых сорокалетних, двое были отцами молодых зачинщиков), зачинщики восстания д. Первой Семеновской имели средний возраст около 26 лет (из них только одному было более 30 лет)³⁷. Взрослые и старики начала XX в. в большинстве своем не были склонны к борьбе против полиции. Но молодежь крайне радикализировалась. Один из сельских старост говорил, что когда кто-либо из стариков предупреждал молодых не читать «какие-то листки против правительства», то они в ответ угрожали смертью и побоями³⁸.

Были и случаи солидарных действий крестьян против полиции, носившие ультимативный характер. 26 ноября 1905 г. для допроса полиция забрала в Чебоксары крестьянина д. Б. Крышкова Чебоксарского уезда студента Казанского ветеринарного института Николаева (одного из лидеров местных эсеров), организовавшего в с. Бичурино съезд крестьян для смены должностных лиц волостного правления. Исправник с приставом прибыли в с. Бичурино, где крестьяне вместе с учителями (всего около 500 человек) объявили, что не выпустят их из села, пока не вернется Николаев и только к вечеру по возвращении последнего, толпа разошлась и полицейские уехали³⁹. В 1906 г. крестьяне с. Иванова Цивильского уезда, уже имевшие опыт восстания 1905 г. проявили чувство массовой солидарности, защищая семью обвиняемого в революционной деятельности односельчанина⁴⁰. Хотя следует заметить, что это село отличалось от других чувашских поселений. Здесь проводилась активная антиправительственная пропаганда революционером Верцелиусом, фактически сложилась молодежная революционная организация, да и вообще крестьяне этого села два года подряд каждодневно по вечерам пели на улицах песни «безобразного содержания», то есть революционные песни и ломали изгороди землевладельца Курбатова⁴¹. К 1906 г. действия крестьян против полиции на фоне общероссийских событий все чаще носили наступательный, а не оборонительный характер. В 1915 г. в районе Мурманска становится популярной частушка «Мы урядника убили, станового бить идем. Вся деревня нам знакома, губернатор нипочем»⁴². Появились случаи, когда крестьяне готовились к встрече с полицией, вооружаясь заготовленными заранее рычагами, баграми, веслами, палками⁴³. С 1906 г. в Чувашии распространился революционный призыв бить полицейских «кро-

вопивцев до смерти»⁴⁴. С другой стороны, практически во всех случаях, на следующий же день после восстания, крестьяне полностью усмирялись и начинали раскаиваться⁴⁵.

Уездная полиция иногда испытывала бессилие в случаях массового неподчинения. Причем это не было связано с малочисленностью полиции. Десятки случаев подтверждают, что крестьяне легче подчинялись внешней силе, чем знакомым карательным органам. Существовала интересная закономерность, что население могло оказывать сопротивление отряду полиции, однако с прибытием двух-трех казаков, восставшие легко и скоро усмирялись без всяких особых мер⁴⁶. Во время волнений в Чебоксарском уезде губернатор с командой казаков без сопротивления восстановил порядок в околотке Ошурге, откуда были выгнаны за три дня до того 20 конно-полицейских стражников во главе с исправником⁴⁷.

При всей массовости восстаний подавляющее большинство их участников не привлекалось к ответственности, за исключением пороков. Наиболее активные революционеры из народа подвергались аресту в административном порядке на 1-2 месяца на основе ст. 29 «Положения об охране» (арест на 7 суток) и циркуляра губернатора П.Ф. Хомутова № 8894 от 17 декабря 1905 г.⁴⁸

Несмотря на вышеуказанные события, полиция Казанской губернии не видела особой радикальности в настроениях местного населения. В политическом обзоре за 1907 г., подготовленном Казанским губернским жандармским управлением, отмечалось, что в Тетюшском, Свияжском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах в 1907 г. из революционных выступлений были отмечены только поджоги, да и тех совсем немного⁴⁹. Ядринский исправник в 1906 г., характеризуя настроения крестьян, писал лишь о разговорах в ожидании увеличения земельных наделов⁵⁰. И это при том, что уже в следующем году в д. Атмени произошла самая кровавая расправа с крестьянами во всей Казанской губернии за годы революции 1905-1907 гг., имевшая общероссийский резонанс. Революционность идей приписывалась больше «учителям-подстрекателям».

Подводя итоги, следует сказать, что уездная полиция в случаях конфликтов с населением старалась мирно урегулировать проблему, но делала это с позиций силы, подтверждая ее командами стражников и, в крайнем случае, оружием. В результате видимость поддержания порядка и законопослушания удавалось сохранять, но именно видимость. Невозможность сугубо мирных методов подтверждает факт того, что весной и летом 1917 г. (после ликвидации полиции и отказа от ее методов) уговоры и воззвания, рассылаемые губернским и уездным комиссиями, вместо привычных конных стражников, «скорее раздражали,

чем вразумляли»⁵¹. В деле охраны политического строя, уездная полиция на местах оказалась эффективней жандармерии, поскольку располагала большим числом кадров. Но она не имела агентуры в сельской местности. Сказывалось отсутствие опыта борьбы с законспирированным революционным движением и сохранение стереотипа пассивности чувашского населения. В деле преследования революционеров уездная полиция использовала фактор узости круга образованных оппозиционно настроенных людей из чувашей и реагировала только на открытые, известные действия, «не озабочиваясь» поиском скрытой угрозы. Внешне эффективная милитаризация полиции давала только единичные бессистемные успехи. Полиция Казанской губернии старалась не применять без особой причины вооруженную силу, пользуясь методами устрашения, а не действия. Но общероссийские революционные события, негативный ореол полиции и отсутствие каждодневной профилактической работы приводили к массовым выступлениям, что иногда вынуждало полицейских в чувашских уездах прибегать и к расстрелам.

Примечания

- ¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 123. Л. 187(об.).
- ² ЦГА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 34. Л. 1, 16.
- ³ ЦГА ЧР. Ф. 359. Оп. 2. Д. 24. Л. 194.
- ⁴ ЦГА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 147. Л. 3(об.).
- ⁵ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 123. Л. 99.
- ⁶ Там же. Л. 187.
- ⁷ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 123. Л. 105.
- ⁸ Там же. Л. 112.
- ⁹ Шанин Т. Революция как момент истины 1905-1907 → 1917-1922. М., 1997. С. 145.
- ¹⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 123. Л. 99, 102(об.) - 103.
- ¹¹ Чернышевский Д.В. Карательная политика царизма 1881-1894 гг.: Истоки, характер, результаты. С. 33-34.
- ¹² ЦГА ЧР. Ф. 359. Оп. 2. Д. 24. Л. 111, 142.
- ¹³ Там же. Л. 11-12, 22, 64.
- ¹⁴ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 169-169(об.).
- ¹⁵ Гривачевский И.В. Сельская полиция // Вестник полиции. 1910. № 7. С. 190.
- ¹⁶ Быстрицкий П. Мысли полицейского чиновника по поводу крестьянских беспорядков // Вестник полиции. 1910. № 2. С. 40.
- ¹⁷ Попов Вс. Сельские власти и полиция. С. 40.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 148. Л. 26-26(об.).

- ¹⁹ Шанин Т. Революция как момент истины 1905-1907 → 1917-1922. С. 152.
- ²⁰ ГИА ЧР. Ф. 354. Оп. 1. Д. 13. Л. 107.
- ²¹ НА РТ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 1379. Л. 18-25.
- ²² История родного края. Учеб. пособие. Хрестоматия. Чебоксары, 1993. Ч. 1. С. 367-368.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 147. Л. 1.
- ²⁴ Локшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века. Казань, 1995. С. 66.
- ²⁵ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 168.
- ²⁶ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 262.
- ²⁷ Там же. Л. 326(об.)-327.
- ²⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 416.
- ²⁹ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 924. Л. 6.
- ³⁰ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 255.
- ³¹ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 148. Л. 18-19(об.).
- ³² НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 331.
- ³³ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 268.
- ³⁴ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 147. Л. 2, 7.
- ³⁵ Там же. Л. 1-9.
- ³⁶ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 281.
- ³⁷ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 160. Л. 126.
- ³⁸ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 147. Л. 9.
- ³⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1887. Л. 16-17(об.).
- ⁴⁰ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 148. Л. 17-35.
- ⁴¹ Там же. Л. 1, 35.
- ⁴² Вестник полиции. 1915. № 41. С. 32.
- ⁴³ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 147. Л. 7(об.).
- ⁴⁴ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 148. Л. 19.
- ⁴⁵ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 147. Л. 4.
- ⁴⁶ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3902. Л. 108.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 460. Л. 327, 329.
- ⁴⁸ Локшин Д.И. Указ. соч. С. 66.
- ⁴⁹ Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 261.
- ⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. 359. Оп. 2. Д. 24. Л. 194.
- ⁵¹ Локшин Д.И. Указ. соч. С. 119.

В.Г. Тимофеев

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (1917-1925 гг.)

Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, на территории которого проживает более 170 народов¹. Многонациональность России всегда была ее богатством. При этом государственная национальная политика, вопросы формирования государственности различных народов, проблемы их реализации с давних пор были одними из важнейших.

Вместе с тем, если в дореволюционной России большинство народов не смогло обрести своей национальной государственности, то с победой Октябрьской социалистической революции и установлением диктатуры пролетариата, в нашей стране сложились основные предпосылки для разрешения национального вопроса. К началу 1918 г. в сфере организации государственного единства появились определенные достижения, основой которых стали первые шаги Советского государства в сторону раскрепощения народов России. Коренные изменения в положении нерусских национальностей внес, несомненно, Октябрь 1917 г.²

Национальное движение являлось одной из важных составных частей, питавших революционный поток и использовавшийся многими партиями, в том числе большевистской для борьбы против царизма и победы революции. Эта партия еще до революции включила в свою программу важнейшие требования по национальному вопросу. Придя к власти, она немедленно стала проводить их в жизнь. Уже обращение "Рабочим, солдатам и крестьянам", принятое II Всероссийским съездом Советов, заверяло народы России, что Советская власть обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение. Это обещание стало проводиться в жизнь с первых же дней Советской власти. Документом громадной политической важности явилась Декларация прав народов России, принятая 2 ноября 1917 г.³

Отмечая, что освобождение народов России должно быть проведено решительно и бесповоротно, Декларация закрепляла основные принципы национальной политики, которые Совет Народных Комиссаров положил в основу своей деятельности. Это такие принципы, как равенство и суверенность народов России, право их на самоопределе-

ние вплоть до отделения, отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных ограничений и привилегий, свободное развитие национальных меньшинств.

На основе Декларации началась дальнейшая практическая работа Советского государства по раскрепощению народов России. В целях ее лучшей организации, учитывая важное значение быстрого разрешения национального вопроса, с первых же дней существования Советской власти по инициативе В.И. Ленина был создан специальный орган - Народный комиссариат по делам национальностей (далее Наркомнац), образованный вместе с другими наркоматами постановлением II Всероссийского съезда Советов⁴.

В этот период перед национальными отделами Наркомнаца были поставлены следующие задачи:

- информировать центральные органы государственной власти и управления о нуждах данной национальности;
- информировать национальности о всех мероприятиях государственных органов власти и управления;
- удовлетворять через органы Советской власти культурно-просветительские нужды масс населения данной национальности;
- организовать широкую агитацию и пропаганду среди населения данной национальности;
- улаживать конфликты и трения, возникающие между органами власти и управления и национальностями на местах;
- выработать, где это требуется особыми экономическими и территориальными условиями, положения административно-территориальной автономии на основе Советской Конституции⁵.

Важным средством решения национального вопроса должно было стать национально-государственное строительство. Советское государство изначально возникло в России как унитарное. Однако вскоре после Октября все сильнее стала проявляться тенденция к усложнению формы его государственного единства, вытекающая из многонационального характера Советской России и политики коммунистической партии, направленной на разрешение национального вопроса путем предоставления народам широкого права на самоопределение. В принятых нормативно-правовых актах, в частности, «Декрете о мире», «Декларации прав народов России», в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», Советское правительство объявило о равенстве и праве народов на самоопределение, отменило всякие национальные привилегии и ограничения, открыв тем самым новую эпо-

ху в жизни народов нашей страны⁶. Однако практическая реализация самоопределения наций встретила немало трудностей, а порождаемые этим процессом общественно-политические отношения вызвали многочисленные публикации в местной и центральной прессе.

Различные аспекты разрешения национального вопроса нашли свое освещение также в научных исследованиях известных чувашских ученых И.Д. Кузнецова, Я.К. Павлова, И.Е. Петрова, М.В. Румянцева, В.Н. Любимова, С.А. Артемьева, Т.А. Ахазова и других⁷.

Создание государственности чувашского народа происходило в острой борьбе с буржуазными националистами, выступавшими за национально-культурную автономию. В решении вопроса о национальной государственности чувашского народа большую роль сыграл I съезд представителей чувашских солдат и офицеров Казанского округа, состоявшийся с 10 по 16 декабря 1917 г. в г. Казани⁸. Съезд принял резолюцию о необходимости активизации разъяснительной работы по национальному вопросу среди трудящихся чувашей⁹.

В дальнейшем, вопрос о создании государственности чувашского народа со всей остротой был поднят на I Всечувашском военном съезде, который проходил с 12 января по 1 февраля 1918 г. в г. Казани. На съезде развернулась острая борьба между сторонниками Советской власти и буржуазными националистами, выступавшими за Учредительное собрание. Съезд не смог принять решения по вопросу о власти. В этом сказалась непоследовательность чувашских левых эсеров, которые, хотя и выступили сторонниками власти Советов, но сделали это недостаточно решительно.

В разрешении национального вопроса в Чувашии в первые годы Советской власти большую роль сыграли Комиссариат по чувашским делам при Казанском губсовете и Чувашский отдел при Наркомнаце. Именно им пришлось вести наиболее активную борьбу против идей буржуазных националистов.

Комиссариат по чувашским делам был создан 6 марта 1918 г. при Казанском губернском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На него были возложены экономико-хозяйственные, политико-массовые, культурно-просветительные и другие функции.

18 мая 1918 г. на основании решения Коллегии Наркомнаца был учрежден Чувашский отдел, который проводил линию национального и политического самоопределения чувашского народа на основе Советской власти и в составе РСФСР, хотя на первом этапе на его деятель-

ность довольно сильное влияние оказывали левые эсеры. В его создании активное участие принимал Чувашский левый социалистический комитет (ЧЛСК), по рекомендации которого заведующим Чувашским отделом Наркомнаца был назначен известный чувашский революционер Д.С. Эльмень, а его заместителем С.А. Коричев¹⁰.

В условиях острой классовой борьбы Наркомнац направлял работу Чувашского отдела, способствовал активизации процесса создания национальной государственности чувашского народа. При содействии Наркомнаца при Чувашском отделе в этот период были созданы 6 отделов: общий, связи и иногородний, культуры и просвещения, печати и агитации, труда и экономики, административно-справочный.

9 июня 1918 г. в Казани начал свою работу Общечувашский рабоче-крестьянский съезд. Он был созван по инициативе Чувашского отдела при Наркомнаце и Комиссариата по чувашским делам при Казанском Совете Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В работе съезда принимали участие как большевики, так и представители партии левых эсеров и максималистов.

Чувашский отдел при Наркомнаце и Комиссариат по чувашским делам при Казанском губсовете проделали большую работу по укреплению Советской власти на местах, привлечению трудящихся к работе Советов, воспитанию их в интернационалистическом духе, по подготовке и образованию государственности чувашского народа. Они же предложили Общечувашскому рабоче-крестьянскому съезду высказать свое мнение о форме организации государственности чувашского народа.

С осени 1918 г. подготовка к созданию автономии чувашского народа приобрела более конкретный характер. В частности, вопрос об областной автономии был поднят коммунистами Чувашии сразу же, как только территория Казанской губернии была освобождена от белочехов и белогвардейцев. Был разработан проект, по которому в состав автономии, кроме чувашей, проживающих в пределах Казанской губернии, должны были войти чувашаи, проживающие на территории Самарской, Симбирской и Уфимской губерний. Однако продолжающаяся Гражданская война «заморозила» эти планы.

В условиях непродолжительной мирной передышки в начале 1920 г. среди чувашей вновь активизировалось движение за создание своей государственности. Ведущее положение в решении этого вопроса занимал Чувашский отдел. Учитывая стремление трудящихся масс, 3 января 1920 г. Чувашский отдел в своей докладной записке в Народ-

ный комиссариат по делам национальностей указывал, что «... жизнь властно требует, чтобы вопрос об административном выделении чувашей был поставлен в порядок сегодняшнего дня. Он настолько назрел, что требует скорейшего своего разрешения... Чувашская беднота и трудящиеся массы жаждут такого объединения чувашей в отдельную административную единицу: на митингах, съездах, собраниях они выражают это требование»¹¹.

Успехи Красной Армии на фронтах гражданской войны дали возможность коммунистической партии и Советскому правительству приступить к социалистическому строительству и, в первую очередь, решению вопроса о создании национально-государственных формирований.

В условиях значительного повышения политической активности трудящихся масс с 4 по 8 февраля 1920 г. в Казани состоялся I Всероссийский съезд чувашских секций и ячеек РКП(б) и активных работников коммунистов-чувашей. Съезд принял решение о создании Революционного комитета Чувашской трудовой коммуны в составе пяти человек и обратился к чувашской бедноте с призывом поддержать решение съезда коммунистов. Делегаты съезда тщательно рассмотрели представленный Чувашским отделом проект границ будущей Чувашской трудовой коммуны.

В конце февраля 1920 г. в ходе работы VI съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Казанской губернии состоялось совещание делегатов-чувашей, где обсуждался доклад о работе Чувашского отдела при Наркомнаце и о решениях I съезда коммунистов-чувашей. Совещание одобрило работу Чувашского отдела по подготовке к автономии и предложило немедленно ходатайствовать перед ЦК партии и правительством об организации «Чувашской трудовой коммуны».

ЦК партии и Советское правительство положительно отнеслись к решению чувашского народа о создании своей государственности. 11 мая 1920 г. материалы, собранные для образования Чувашской автономии и определения ее границ, были рассмотрены на заседании коллегии Народного комиссариата по делам национальностей. Наркомнац полностью поддержал инициативу и стремление трудящихся масс чувашей и обратился в Административную комиссию ВЦИК с просьбой рассмотреть вопрос об образовании Чувашской автономии в ближайшее время.

22 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) и СНК РСФСР на объединенном заседании под председательством В.И. Ленина рассмотрели и одобрили проект Положения о чувашской национальной государственности, а 24 июня ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет об образовании Чувашской советской автономии с поправкой границ области и с изменением названия автономии. Вместо «Чувашской трудовой коммуны», как ее определил I съезд коммунистов-чувашей, чувашская административная единица по предложению В.И. Ленина была названа «Автономная чувашская область», создаваемая на правах губернии. Декрет об образовании Автономной чувашской области был подписан В.И. Лениным, М.И. Калининым и секретарем ВЦИК А.С. Енукидзе.

Национальный состав Автономной чувашской области по переписи населения 1920 г. выглядел следующим образом: чуваша составляли 82,4%, русские - 10,6%, татары - 3,6%, мари - 2,8%, мордва - 0,5% и другие - 0,1%¹².

В условиях дальнейшего усиления политической активности трудящихся масс 7 ноября 1920 г. в Чебоксарах начал свою работу I областной съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Он принял «Декларацию к трудящимся массам области», в которой говорилось, что «Героическая борьба русского пролетариата принесла чувашским массам освобождение. С образованием Чувашской автономной области сбылись вековые чаяния и стремления чуваш к свободе. Теперь перед нами открыты широкие перспективы национального развития, устройства своей счастливой жизни»¹³.

Съезд подвел итоги построения новой жизни чувашского народа за годы Советской власти, наметил пути укрепления местных органов власти, план экономического и политического развития Чувашии, избрал и утвердил государственный аппарат власти, оформив создание Чувашской автономной области. В связи с избранием областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 11 ноября 1920 г. Ревком прекратил свою деятельность и передал свои полномочия вновь избранному органу государственной власти¹⁴.

С образованием автономной области чувашский народ наконец-то получил свою национальную государственность и возможность на родном языке строить работу государственных учреждений, обучать детей, развивать национальную литературу и искусство, овладевать всеми достижениями современной культуры, готовить национальные кадры для всех отраслей народного хозяйства. Образование национальной государствен-

ности сыграло огромную роль в дальнейшем повышении политической активности чувашского народа.

Завершение гражданской войны и образование Чувашской автономной области создали хорошие предпосылки для всестороннего развития чувашского народа в братской семье народов России и перехода от одной формы - административной автономии к другой, более высокой - политической автономии.

Однако переход к послевоенному восстановлению экономики и начало строительства чувашской автономии совпали с неурожаем 1921 г. Голод стал тяжелым бедствием для молодой Советской республики. Он охватил территорию 35 губерний и областей Южного Урала, Крыма, части Украины и Среднего Поволжья с населением около 40 млн. человек¹⁵.

В тяжелом положении оказалось все хозяйство Чувашии. Многие ее предприятия из-за отсутствия сырья, топлива, запасных частей для ремонта не работали. В области резко сократилось поголовье скота и снизилась урожайность зерновых. Если для удовлетворения нормальной потребности населения области в хлебе на год следовало иметь не менее 14 млн. пудов хлеба, то весь урожай 1921 г. по Чувашии составил чуть более одного миллиона пудов. Масштабы всенародного бедствия оказались огромными. Из 859982 человек населения Чувашской автономной области на 1 января 1922 г. голодало 743400 человек¹⁶.

В это трудное для области время чувашский народ получил огромную помощь от Советского государства и братских народов. В организации всенародной помощи голодающим большую роль сыграло Чувашское представительство при ВЦИК РСФСР. В сентябре - декабре 1921 г. при его содействии в Чувашскую автономную область было доставлено 102 вагона хлеба¹⁷, а количество семян, отпущенных области для весеннего сева, увеличено с 600 тыс. пудов до более чем 1200 тыс. пудов¹⁸.

Успешное послевоенное восстановление народного хозяйства и преодоление последствий голода давали возможность также ускорить решение вопроса о введении чувашского языка, которое начало осуществляться в области на основании постановления облисполкома от 26 января 1922 г.

Параллельно с осуществлением мероприятий по дальнейшему хозяйственному и государственному строительству, в Чувашии шла подготовка по преобразованию ее в автономную республику. Этот вопрос многие областные руководящие партийные и советские работники од-

новременно тесно увязывали с идеями расширения территории Чувашии.

19 февраля 1925 г. ЦК РКП(б) признал необходимым осуществить расширение территории Чувашской автономной области и преобразовать ее в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. По этому поводу ВЦИК СССР принял два постановления: «О преобразовании Чувашской автономной области в Чувашскую Автономную Советскую Социалистическую Республику» от 21 апреля 1925 г. и «О расширении границ Автономной Чувашской АССР» от 20 июня 1925 г.¹⁹ В частности, в соответствии с постановлением ВЦИК СССР от 20 июня 1925 г. в состав Чувашской АССР были включены Алатырская, Кувакинская и Порецкая волости и г. Алатырь.

Образование республики и расширение ее территории за счет г. Алатыря и Алатырского уезда с их значительным промышленным и социальным потенциалом для Чувашии имело огромное политическое и экономическое значение.

После преобразования автономной области в автономную республику повсеместно развернулась активная работа по организационному оформлению и укреплению советских, партийных и общественных организаций на местах.

29 апреля 1925 г. на заседании областного исполкома было принято решение о созыве I съезда Советов Чувашской АССР, в связи с чем в республике развернулась активная работа по его созыву и разработке проекта первой Конституции Чувашской АССР.

26 января 1926 г. в Чебоксарах начал свою работу I съезд Советов Чувашской АССР. Он одобрил и поддержал факт преобразования автономной области в автономную республику.

Одним из основных вопросов, вынесенных на I съезд Советов был вопрос о принятии Конституции Чувашской АССР. С докладом по нему на съезде выступил народный комиссар юстиции Чувашской АССР Ф.С. Степанов. После тщательного и всестороннего обсуждения 30 января 1926 г. делегаты съезда Советов Чувашской АССР единогласно приняли Конституцию Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. В ней нашли отражение основные цели и задачи, стоящие перед Чувашской Республикой, а также правовые основы, обеспечивающие успешную деятельность государственных органов по развитию инициативы и политической активности трудящихся масс, строящих социалистическое общество.

Таким образом, в результате Октябрьской социалистической революции при огромной поддержке других братских народов чувашский народ впервые за многовековую историю получил свою национальную государственность. «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, - говорилось в статье 1 Конституции Чувашской АССР, - свободно и добровольно входящее в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики на началах федерации согласно Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой 3-м Всероссийским съездом Советов»²⁰.

Конституция провозглашала с классовой точки зрения передовые демократические принципы и определяла не только права, но и обязанности советских граждан. Среди них наиболее важными являлись труд на благо Родины и защита Отечества.

В последний день работы съезда (31 января) был избран ЦИК Чувашской АССР в составе 65 членов и 26 кандидатов. Среди членов ЦИК чуваша составляли 81,5%, русские - 13,8%²¹. В этот же день было сформировано правительство Чувашской АССР - Совет Народных Комиссаров ЧАССР в составе 11 народных комиссариатов. Председателем СНК I сессии ЦИК ЧАССР 1 февраля избрала С.А. Коричева, заместителем председателя - А.Я. Яковлева, а также избрала Чувашское представительство при ВЦИК РСФСР (председатель - М.В. Шевле, заместитель председателя - Т.А. Алексеев).

Преобразование автономной области в автономную республику и принятие Конституции ознаменовали собой завершение решения вопроса о создании государственности чувашского народа. Под руководством коммунистической партии и Советского правительства при поддержке братских народов трудящиеся Чувашской АССР не только создали и укрепили свою государственность, но и приобщились к социалистическому строительству, значительно развив все отрасли экономики и культуры республики, создав задел для дальнейшего общественно-политического развития и процветания Чувашии.

Примечания

¹ Зорин В.Ю., Хабриева Т.Я. Государственная национальная политика Российской Федерации: проблемы реализации и совершенствования // Журнал российского права. 2003. № 8. С. 30.

² Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М., 2003.

³ Там же. Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М., 2003.

⁴ Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. 1917-1923 гг.: Исторический очерк / Отв. ред. Л.У. Юсупов. М., 1987.

⁵ Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. М., 1969. С. 89.

⁶ Тимофеев В.Г. Создание национальной государственности чувашского народа: Текст лекций. Чебоксары, 1986. С. 3.

⁷ Кузнецов И.Д. Очерки истории чувашского народа (на чув. яз.). Чебоксары, 1962; Павлов Я.К. Образование Чувашской Автономной Советской Республики (на чув. яз.). Чебоксары, 1949; Петров И.Е. Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1968; Румянцев М.В. У истоков партийного и национального строительства (на чув. яз.). Чебоксары, 1967; Любимов В.Н. В.И. Ленин и образование Чувашской автономии // В.И. Ленин и чувашский народ / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 44; Артемьев С.А. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары, 1972; Ахазов Т.А. Национально-государственное строительство и разрешение национального вопроса в Чувашской АССР. Вопросы истории Чувашии / ЧНИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 73.

⁸ Правда. 1917. 19 дек.

⁹ Румянцев М.В. Чаваш Совет автономилле обласе туса хуни. Шупашкар, 1969.

¹⁰ Тимофеев В.Г. Создание национальной государственности чувашского народа. С. 12.

¹¹ Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области: Сб. док. Чебоксары, 1960. С. 337.

¹² ЧАССР в цифрах: Стат. справ. 1920 - 1924. Чебоксары, 1925. С. 8 - 9.

¹³ Жизнь национальностей. 1920. 25 ноября.

¹⁴ Тимофеев В.Г. Создание национальной государственности чувашского народа. С. 27.

¹⁵ Сов. архивы. 1983. № 6. С. 34.

¹⁶ Итоги борьбы с голодом в 1921 - 1922 гг. М., 1922. С. 271.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 20. Л. 148.

¹⁸ Там же. Л. 149.

¹⁹ Сб. декретов и постановлений законодательных органов РСФСР и СССР, изданных о Чувашской АССР за 10 лет (с 24 июня 1920 по 24 июня 1930 г.). Чебоксары, 1930. С. 18, 35.

²⁰ Конституция Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. С. 4.

²¹ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

Л.П. Тимофеева

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА в 1917 – 1929 гг.

Споры об участии и роли женщины в системе государственной власти, обществе, ее предназначении и социальном положении происходили во все времена. При этом вопрос о возможности участия женщин в управлении государством, его строительстве был одним из наиболее острых. Столетиями женщины постепенно завоевывали себе право находиться на лидирующих, командных позициях, будь то государственная власть, финансовая система, промышленное производство, научная деятельность, военная служба, работа в правоохранительных органах и т.д.

На протяжении длительного времени женщины практически не могли реализовать право на определение своего будущего, находились в состоянии экономического и духовного порабощения, не обладали равными с мужчинами правами. Поэтому актуальным является осмысление уроков прошлого, когда Октябрьская революция освободила трудящихся женщин нашей страны от векового угнетения и предоставила ей равные права с мужчинами. «Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправность женщины»¹. Отмечая это, В.И. Ленин говорил, что «... ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования»². Поэтому представляет значительный интерес участие женщин Чувашии в строительстве основ социализма в начальный период советской государственности, а также реализация политики вовлечения женщин в деятельность органов власти и управления.

До Октябрьской социалистической революции женщины России не имели политических прав. Они не обладали ни активным, ни пассивным избирательным правом, т.е. не могли участвовать в выборах и не могли быть избранными в органы власти и управления. Царизм и буржуазия боялись предоставлять женщинам равные с мужчинами избирательные права, поскольку это привлекло бы их к более активной политической борьбе за свои права. Октябрьская революция установила равенство женщин с мужчинами в области политических прав, в том числе при выборах в органы народной власти - Советы.

Придавая Советам большое значение, В.И. Ленин еще на VII съезде РКП(б) в марте 1918 г. говорил: «Советская власть есть аппарат - аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе»³.

В первые годы Советской власти женщины слабо участвовали в работе Советов. Даже в составе сельских Советов, не говоря уже о волостных и уездных, женская прослойка была очень низкой. Поэтому распоряжением от 1 декабря 1918 г. НКВД предложил отделам местного управления добиваться систематического и планомерного привлечения самых широких слоев деревенской бедноты, в том числе и женщин, к работе местных Советов.

Несмотря на это, в работе Советов в Чувашии женщины почти не участвовали. В частности, пятому Цивильскому уездному крестьянскому съезду, который состоялся 6 марта 1919 г., был представлен доклад, где прямо указывалось, что на всех четырех предыдущих крестьянских съездах не было ни одной женщины, не было их и среди 15 членов уездного исполнительного комитета⁵. Такое же положение было в Чебоксарском и Алатырском уездах, где среди 23 и 27 членов уездного исполкома, соответственно, не было ни одной женщины⁶. Только пятый Ядринский уездный крестьянский съезд, состоявшийся 10 июня 1919 г., сформировал уездный исполнительный комитет из 19 человек, в состав которого вошла одна женщина. Заведующим отделом социального обеспечения исполкома была избрана А.А. Русланова⁷.

Приведенные данные наглядно подтверждали то, что провозглашение предоставления женщинам политических прав не решает автоматически проблему повышения их политической активности и не сразу способствует увеличению женской прослойки в Советах. Для изменения ситуации в лучшую сторону надо было усилить агитационную и разъяснительную работу среди женщин. Учитывая это, газета «Знамя революции» в этот период регулярно печатала статьи, призывающие женщин к активной работе в Советах. Например, в одной из них указывалось, что «раскрепощение женщин есть дело наших собственных рук. До тех пор, пока мы не возьмемся за дело строительства сами, пока не пошлем активных представительниц из своей среды в Советы, до тех пор, пока через них не будем помогать делу строительства новой жизни, мы не будем освобождены от старого наследия. Выбирайте в Совет лучших своих представительниц. Помните, что они будут передовыми строителями нашей жизни, от них зависит улучшение нашей жизни»⁸.

«Работницы в Советы! - призывала другая статья. - Наше счастье в наших собственных руках. От нас зависит победа над голодом, холо-

дом, разрухой и над всеми остатками рабства. Только когда мы примем деятельное участие в Советах, они могут выполнить стоящую перед нами огромную задачу. Идите в Советы и за Советы. Помните, что от нас самих зависит наша судьба и судьба всего трудового мира!»⁹

Несмотря на агитацию и принимаемые меры, женщины недостаточно широко использовали свои политические права. Часто этому мешало наличие отсталых взглядов на женщин, политическая незрелость, обремененность их домашним хозяйством и т.д.

В этих условиях коммунистическая партия и Советское правительство стремились вовлечь широкий круг трудящихся, особенно женщин, в активную политическую жизнь. «Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции, - писал В.И. Ленин, - есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме... А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин»¹⁰. В связи с этим В.И. Ленин неустанно предлагал «выбирайте же больше женщин-работниц в Советы, как коммунисток так и беспартийных»¹¹.

Однако в первые годы автономии чувашские женщины еще недостаточно участвовали в работе Советов. Например, на I съезде Советов Чувашской автономной области, состоявшемся с 7 по 11 ноября 1920 г., участвовало всего четыре женщины, из которых одна - Е.Я. Орлова была избрана членом областного исполнительного комитета¹².

Летом 1921 г. в целях более широкого привлечения женщин к участию в предстоящих выборах в Советы, намеченных на 1 октября 1921 г., областной женский отдел направил в уездные женотделы специальный циркуляр с требованием о необходимости активизации работы среди женщин, особенно среди крестьянок¹³. По рекомендации обкома партии на местах проводились женские собрания, где им разъясняли их права и обязанности, заслушивались отчеты избирательных комиссий по работе среди женщин. Особенно активно использовались для проведения агитации среди отсталой части женщин делегатки - выбранные сроком на 1 год на общих женских собраниях работницы, крестьянки и домохозяйки - участницы делегатских собраний. Однако следует отметить, что в 1923 г. из 799 делегаток Чувашской Автономной Области только 15 женщин являлись членами Советов¹⁴.

О недостаточном участии женщин в работе Советов, тем более в работе центральных органов власти, говорит тот факт, что даже на высшем форуме страны - I Всесоюзном съезде Советов, который провозгласил образование СССР, участвовало только 77 женщин, что со-

ставляло всего 3,5% от общего количества делегатов этого съезда. Среди них была единственная чувашка А.И. Сухарева¹⁵.

В привлечении женщин к управлению государственными делами значительную роль сыграли решения XII съезда РКП(б). В резолюции съезда было указано, что в органы Советской власти в национальных районах должны привлекаться по преимуществу люди местные, знающие язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов, а сами эти органы должны функционировать на языках этих народов¹⁶.

Выполняя директивы коммунистической партии и указания В.И. Ленина, партийные и советские органы Чувашии проводили большую организаторскую работу. Хотя принятые меры позволили несколько оживить работу по вовлечению женщин в Советы, однако женская прослойка в Советах по-прежнему оставалась незначительной. В частности, на 1 января 1924 г. в Чувашской Автономной Области членами облизполкома были избраны - 2, уисполкомов - 3, волисполкомов - 3 и сельских Советов - 33 женщины¹⁷.

ЦИК СССР также систематически контролировал вопрос о вовлечении женщин в работу Советов. Учитывая небольшую женскую прослойку в Советах, ЦИК СССР перед избирательной кампанией 1925 г. дал местным советским органам указание о том, что результаты выборов, проведенные без достаточного участия женщин, вообще не будут утверждаться¹⁸.

Учитывая это, областная партийная организация и облизполком развернули массовую разъяснительную работу среди женщин. В результате этого из года в год росло количество женщин, принимавших участие на выборах в местные органы власти.

Сведения об участии женщин на выборах в сельские Советы¹⁹

Годы	Всего
1924	17656
1925	34246
1926	24932
1927	63762

В 1927 г. на выборах в Советы в Чебоксарском уезде участвовало 35,2%, Цивильском - 34,2%, Алатырском - 31,0%, Батыревском - 30,2% и Ядринском - 28,6% женщин, достигших избирательного возраста и имеющих право голоса²⁰.

Систематическая и целенаправленная работа, проводимая партийными и советскими органами, давала положительные результаты: постепенно начало расти количество женщин, избираемых в органы власти.

Сведения об избрании женщин в советские органы²¹

Наименование	1925/26		1926/27	
	Всего	в %	Всего	в %
Советов				
Члены сельских Советов	647	7,8	5931	17,2
Члены волостных Советов	5	2,7	5	3,0
Члены уездных Советов	6	6,9	10	8,8
Членов ЦИК	7	10,7	8	11,6

Работа по вовлечению женщин в органы власти Чувашии еще более активизировалась после принятия ЦК ВКП(б) 7 марта 1927 г. постановления «О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат», в котором ЦК обязал местные партийные и профсоюзные организации широко выдвигать в госаппарат представителей трудящихся, особенно работниц и крестьянок²².

В улучшении работы по вовлечению женщин в деятельность Советов большую роль сыграл I Всечувашский съезд работниц и крестьянок - членов местных Советов Чувашской АССР. Съезд состоялся в г. Чебоксары с 23 по 28 сентября 1928 г. На нем было заслушано и обсуждено около 10 вопросов, в том числе об участии женщин в работе Советов, положении женщин к 10-летию Октябрьской революции, международном и внутреннем положении СССР и другие²³. В работе съезда приняло участие 68 женщин из всех уездов республики. В числе делегатов съезда чувашек было 43 человека, русских – 19 человек, мордочек – 4 человека, татарок – 4 человека. Из них 54 женщины являлись членами сельских, 10 - городских, 2 - волостных Советов. Среди делегатов партийно-комсомольская прослойка составляла 33,8%²⁴.

Партийные и советские органы Чувашии также принимали меры по выдвижению женщин на руководящую работу в Советы. Для них открывались специальные курсы, после которых они проходили практику. Это, несомненно, давало положительные результаты. Однако женская прослойка в Советах все еще оставалась незначительной. Учитывая это, XII областная партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1927 г., отмечала, что в Чувашии «слабо проводится выдвижение работниц и крестьянок...»²⁵.

Выполняя постановления ЦК ВКП(б) от 7 марта 1927 г. «О задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат», XII областной партийной конференции и I Всечувашского съезда работниц и крестьянок, партийные и советские органы Чувашии в 1928 г. на руководящую работу в Советские органы выдвинули 86 женщин²⁶. В ча-

стности, в Красночетайском районе в 1928 г. на должность председателя районного Совета избрана Михеева, председателями сельских Советов - В. Никитина, А. Ярсакова, А. Гаврилова, членами президиума сельских Советов - Д. Романова, М. Михайлова, Е. Стаканкина, Н. Толстова²⁷.

Благодаря принятым мерам, в конце 1928 г. женская прослойка в сельских Советах Чувашской АССР поднялась до 23,3%²⁸. Членами президиума исполкомов сельских Советов в этот период работало 349 женщин, а районных Советов - 81 женщина²⁹.

В целях повышения активности женщин только в 1928-1929 гг. в республике было проведено 1354 специальных собрания при участии 43198 женщин. На своих собраниях они обсуждали и выдвигали кандидатов в Советские органы, заслушивали доклады и сообщения женщин - членов Советов³⁰. Активизация работы дала положительные результаты: уже в 1928-1929 гг. на выборах в Советы участвовали 31,4% женщин³¹. Если в 1926-1927 гг. в Чувашской АССР председателями сельских Советов работало только 3 женщины или 0,2%, то в 1928-1929 гг. - уже 30 женщин или 4,9%³². В эти же годы среди женщин - членов местных Советов несколько увеличилась партийная прослойка: если в 1925-1926 гг. она составляла 2,1%, в 1926-1927 гг. - 2,5%, то в 1928-1929 гг. - 3,2%³³.

Начиная с 1928 г. в Чувашии значительно улучшилась подготовка работников местных органов власти путем организации их обучения на различных курсах. Если раньше подготовка работников местных Советских органов велась без плана и от случая к случаю, то только в 1928 г. трехмесячные республиканские курсы окончили 14 женщин, одномесячные курсы по подготовке председателей сельских Советов - 142 женщины³⁴.

При исполкомах местных Советов, как правило, в этот период функционировали санитарная, культурно-просветительная, сельскохозяйственная, финансово-налоговая, страховая секции и секция благоустройства. Женщины Чувашии более активно участвовали в работе санитарной и культурно-просветительной секций. В частности, в работе санитарной секции Янгиковского сельского Совета Канашского района в 1928 г. принимали участие 13 женщин³⁵.

Таким образом, женщины страны Советов, в том числе и Чувашии, прошли сложный путь борьбы и самоотверженного труда. В то же время активная работа по вовлечению женщин в советские органы, несомненно, сыграла положительную роль и способствовала дальнейшему повышению общественно-политической активности, политического кругозора женщин Чувашии. Они с каждым днем все активнее стали принимать участие в строительстве новой жизни.

Примечания

- ¹ Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 201.
- ² Там же. С. 201.
- ³ Ленин В.И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 52.
- ⁴ Власть Советов. 1918. № 27. С. 1.
- ⁵ Знамя революции. 1919. 11 мая.
- ⁶ ГИА ЧР. Ф. 868. Оп. 1. Д. 30. Л. 73.
- ⁷ Там же. Л. 20.
- ⁸ Знамя революции. 1920. 17 января.
- ⁹ Там же. 1920. 6 февраля.
- ¹⁰ Ленин В.И. Международный день работниц. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 368.
- ¹¹ Ленин В.И. К женщинам-работницам. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 158.
- ¹² ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 16. Лл. 3, 4.
- ¹³ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 3. Д. 36. Л. 70.
- ¹⁴ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 4. Д. 66. Л. 68.
- ¹⁵ Ионкина Т.Д. Делегатки I Всесоюзного съезда Советов // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 180.
- ¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 252.
- ¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 132. Л. 7.
- ¹⁸ Бочкарева Е., Любимова С. Светлый путь. М., 1967. С. 196.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 266. Л. 153.
- ²⁰ Там же. Л. 101.
- ²¹ Там же. Оп. 9. Д. 245. Л. 109; Оп. 7. Д. 249. Л. 80.
- ²² Известия ВЦИК. 1927. 28 марта.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 262. Л. 129.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 266. Л. 147.
- ²⁵ Отчет Чувашского областного комитета ВКП(б) к XII областной конференции. Чебоксары, 1927. С. 81.
- ²⁶ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 10. Д. 183. Л. 25.
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 158. Лл. 14-16.
- ²⁸ Десять лет Чувашской АССР (1920-1930 гг.). Чебоксары, 1930. С. 24.
- ²⁹ ГИА ЧР. Ф. 1. Оп. 12. Д. 244. Л. 40.
- ³⁰ Десять лет Чувашской АССР (1920-1930 гг.). Чебоксары, 1930. С. 23.
- ³¹ Там же. С. 23.
- ³² Там же. С. 24.
- ³³ Там же. С. 25.
- ³⁴ Там же. С. 27-29.
- ³⁵ Трудовая газета. 1928. 24 июня.

**И.В. Алметева,
А.А. Иванов**

**ИЗЪЯТИЕ ЦЕННОСТЕЙ В ЦЕРКВЯХ
МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ в 1922 г.
(По документам ГА РМЭ)**

Голод 1921–1922 гг., его последствия для демографической и народнохозяйственной жизни советского государства, конфискация церковных ценностей на борьбу с ним — тема не новая в отечественной историографии. Но далеко не все аспекты этой трагической страницы в истории России XX в. снабжены соответствующей и, главное, доступной документальной базой, даже без обращения к бывшим ранее засекреченным материалам. Научной общественности только в последнее время становится известна история с конфискацией церковных ценностей по отдельным регионам (губерниям и уездам). Попыткой восполнить информационный вакуум по этой проблеме на материалах Марийской автономной области (МАО) по материалам Государственного архива Республики Марий Эл является предложенное сообщение. За основу при его подготовке были взяты документы фондов двух, главных в данном случае, органов управления — областного исполнительного комитета (ф. Р-250) и областного финансового отдела (ф. Р-246), недавно введенные в научный оборот¹.

В современных исследованиях МАО, наряду с Калмыцкой АО, Чувашской АО, Татарской АССР, Челябинской губернией относят к числу регионов, где голодало до 90% населения². По данным областной комиссии помощи голодающим, «... в Марийской области из 400000 человек ее населения голодало 300000 человек (75%) и болело на почве голода 70000 человек (17,5%)»³. В отчетном докладе облисполкома на III областном съезде советов в декабре 1922 г. были приведены такие цифры: от голода умерло около 8160 человек и от болезней — 1728 человек⁴. Только за период с 1 января по 1 сентября 1922 г. областной здравотдел зарегистрировал 6904 смерти на почве голода, в том числе: в Сернурском кантоне — 5382 смерти, в Краснококшайском кантоне — 1408, в Козьмодемьянской кантоне — 114⁵. Действительное количество людей погибших от голода и его последствий было значительно больше. Зачастую органы власти не успевали, или были не в состоянии регистрировать всех умерших. Нередкими были случаи вымирания целых дворов и даже деревень. Особенно трудным был пери-

од с апреля по июнь 1922 г.⁶ Корреспондент газеты «Голос мари» сообщал в мае 1922 г. из Шиньшинской волости Краснококшайского кантона: «Много гибнет народу, много их отправляется на тот свет, но никто не записывает число умерших голодной смертью, даже волисполком не осведомляет никого, только и слышишь случайно от голодных граждан, посещающих массами компомгол... Все деревни волости сильно страдали от голода. Но, однако, между ними особенно изнемогали деревни Нижние Шиньши, Ишли-Пичуш (тат.) и Шор-Уньжа с околотками. В первой деревне умерло всего до 80 человек, причем совсем вымерло 5 домов. В дер. Ишли-Пичуш умерло около 70 человек, а число вымерших дворов 6. О дер. Шор-Уньже речь особо. В начале апреля, когда из-за распутицы нельзя было доставить продовольственную помощь, здесь произошла, можно сказать, настоящая паника. Умиравших было много, хоронили нескоро и нехотя. В это время матери предлагали хоронить своих живых младенцев...»⁷.

В такой ситуации руководство страны, среди прочих мер по ликвидации голода и его последствий, принимает решение о конфискации церковных ценностей, используя для этого соответствующий порыв части духовенства. 23 февраля 1922 г. появляется известный декрет ВЦИК о конфискации имущества церкви на нужды голодающих⁸. Официальное руководство этим мероприятием должно было осуществляться Помголом (Центральной комиссией помощи голодающим при ВЦИК) и его органами на местах в сотрудничестве с исполнительными государственными структурами. Фактически, изъятие церковных ценностей, как показывают недавно ставшие доступными документы Политбюро ЦК РКП(б) из Архива Президента РФ, стало прерогативой партийных организаций и спецслужб (ВЧК—ГПУ). Сама кампания рассматривалась как ширма для окончательного развала структур Русской Православной церкви (а также других конфессий) в России⁹. Составной ее частью были политические преследования и репрессии духовенства и выступившего в его поддержку населения. Однако общий итог «операции» оказался далек от предполагавшегося. К 1 ноября 1922 г. в руки государства перешло около 33 пуд. золота, 24 тыс. пуд. серебра, несколько десятков тысяч бриллиантов и т.д. на общую сумму 4650 тыс. золотых руб.¹⁰

В МАО, как и во всех административных единицах губернского уровня, была создана своя комиссия по конфискации церковных ценностей (13 марта 1922 г.) в составе председателя облисполкома, представителя областного Помгола и заведующего облфинотделом. В кан-

тонах (Козьмодемьянском, Сернурском, Краснококшайском) создавались кантонные комиссии¹¹.

Механизм проведения кампании был отработан до мелочей. Предварительно члены кантонных комиссий были ознакомлены с основными инструкциями по проведению конфискации церковного имущества. Прибыв в волость, они через волисполком собирали в течение трех дней со всех церковных советов описи и договоры, заключенные с прихожанами. На основании данных описей и других имеющихся документов уполномоченный с участием представителей волисполкомов и волпомголов намечал порядок изъятия ценностей. Назначался день и час конфискации имущества в конкретной церкви. К этому времени приглашались несколько представители верующих, обычно 3—5 человека. Составлялся особый протокол, который подписывали уполномоченный, представители волисполкома, волпомгола и группа верующих. К протоколам прилагались описи изымаемых ценностей. Эти два документа в двух экземплярах отправлялись в кантонную комиссию. При отсутствии какого-либо предмета из описи или книги, составленной до 1917 г., составлялся особый протокол и передавался в следственные органы для производства розыска и привлечения виновных к ответу. Представителям верующих предоставлялось право вносить в протокол все свои замечания и возражения по поводу передачи в пользу голодающих того или иного предмета. Однако при этом делалась приписка, что «лица, противодействующие проведению настоящего постановления, будут рассматриваться как враги трудящихся, и, сообразно с этим, будут ответственны пред судебной властью»¹².

Первоначально работу волостных уполномоченных предполагалось завершить не позднее 1 апреля 1922 г. В виду приближающегося праздника пасхи Президиум Мароблисполкома издает постановление об изменении срока конфискации церковных ценностей с 20 апреля до 1 мая 1922 г.¹³

Население области сочувственно восприняло проводимые мероприятия, чему немало способствовала тактичная политика низовых работников соваппарата. Поэтому эксцессов, подобных тем, что были в некоторых губерниях и городах (особенно крупных), здесь не наблюдалось. Известен случай осуждения ревтрибуналом ряда жителей г. Краснокошайска и пригородных деревень за агитацию против изъятия церковных ценностей. По итогам судебного процесса, все они получили наказание в виде лишения свободы сроком от 6 месяцев до 2 лет (некоторые условно). Столь мягкий приговор объяснялся «несозна-

тельностью» подсудимых. Отдельные эпизоды недовольства сельского населения были зарегистрированы в Сернурском кантоне, но дальше «клеветы на соввласть» они не развивались и не могли воспрепятствовать сбору ценностей¹⁴. Единственное, в чем можно было «упрекнуть» организаторов акции в МАО, это то, что «изъятие идет чрезвычайно слабо» (из сводки Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей от 10 мая 1922 г.)¹⁵.

Также с пониманием отнеслись к необходимости изъятия церковных вещей для помощи голодающим Поволжья и священнослужители. Представители православной церкви в уездах и большинстве волостей выступили с публичной поддержкой мероприятий советской власти по данному вопросу. Так, в областной печати 16 апреля 1922 г. было опубликовано обращение священнослужителей г. Краснококшайска ко всем священнослужителям и верующим: «Не идите по ложному пути сопротивления выдачи церковных ценностей. Помогите голодающим. Это заповедовал Христос (Евангелие Матфея. Гл. 25. Стих 31—46). Если Вам жаль умирающих от голода братьев и сестер, спасите их от голодной смерти; если у Вас есть чувство долга, передавайте немедленно все драгоценности церковью для голодающих Поволжья; промедление грозит смертью тысячам братьев. Кто будет идти против передачи излишних церковных ценностей, тот пойдет против заповеди Христа. Помните — кто говорит: «Люблю Бога, а брата своего ненавидит» — тот лжет (Евангелие Иоанна. Гл. 2. Стих 20)»¹⁶. О лояльности служителей культа свидетельствует поступок священника Ирмучашской волости Попова Иннокентия, который после завершения собрания в Сернурском кантоне, подошел к столу президиума, снял свой личный крест (шейный) с серебряной цепью, положил на стол и проговорил: «Примите мое искреннее жертвование на это благое дело на спасение умирающего от голода моего ближнего»¹⁷.

Найденные материалы позволяют нам рассмотреть организацию работы по конфискации церковных ценностей на территории МАО. Так, в Сернурском кантоне было созвано совещание из представителей всех старших служителей церкви, церковных старост и председателей волисполкомов. Перед ними ставилась цель тактично объяснить положения и условия, которые вынудили государство изъять церковные ценности и тем самым предупредить возможные недоразумения на почве неосведомленности массы и непонимания. Собрание прошло успешно, все его участники единодушно выразили поддержку в данном деле. Присутствующие на заседании представители мусульманства

заявили, «... что у них в мечетях ценностей нет, но, что они в свою очередь могут обратиться с призывом к мусульманскому населению — жертвовать ценности»¹⁸. Договорившись о дне и порядке изъятия, полученных указаний собрание закрыли.

Все церковные ценности, подлежащие изъятию, готовились заранее. Некоторые из них выкупались на серебро, золото и т.п. Для приемки ценностей в волостях выдвигались уполномоченные — по одному из членов кантонной комиссии, которые и производили прием конфискованных церковных вещей. Все изъятые предметы по каждой церкви строго протоколировались, указывались название, количество и вес вещей. Предоставленные волостными уполномоченными предметы и протоколы далее сверялись уполномоченным кантона, и если была произведена замена некоторых ценностей на серебряные деньги и вещи, то проверял все на торговых весах, принимая основой вес церковных ценностей, указанный в протоколах местной комиссии. При этом составлялся акт проверки, который прилагался к другим сопровождающим предмету документам. По Сернурскому кантону изъятие церковных ценностей было завершено 5 мая. Всего было изъято 6 п. 26 ф. 67 з.¹⁹ Как отмечалось в докладе Сернурской кантонной комиссии, «Работа по изъятию церковных ценностей прошла успешно. Никаких недоразумений не имелось. Все собрано в срок. Население довольно и благодарно, что работа кантонной комиссии проводилась и проведена тактично, с полным пониманием и оценкой времени и условий и психологии местного населения»²⁰.

По аналогичному сценарию сбор церковных ценностей происходил в Козьмодемьянском кантоне. Здесь все работы были завершены 26 мая 1922 г. Из храмов г. Козьмодемьянска и кантона собрали серебряных вещей с ломом 16 п. 2 ф. 80 з. и серебряных монет 1 п. 3 ф. 67 з. 48 долей, общий вес - 17 п. 6 ф. 51 з. 48 долей, кроме того, — 2 зол. 72 доли жемчуга, четыре ризы шитые жемчугом и один венчик шитый жемчугом²¹. Самое большое количество ценных вещей дали городские храмы и монастыри: Тихвинская церковь — 2 п. 30 ф. 36 ½ з., Смоленский собор — 2 п. 30 ф. 6 з., Богоявленская церковь — 1 п. 27 ф. 76 з., женский монастырь — 1 п. 4 ф., сельские: Владимирская церковь — 1 п. 32 ф. 73 з., Михаило-Архангельский монастырь — 1 п. 25 ф. 49 з., Введенский монастырь — 14 ф. 70 ½ з.²²

В состав изъятых церковных вещей вошли следующие предметы: ризы с икон, венчики, крышки от евангелия, серединки, угольники, кресты, диски, тарелки, ложки, чаши, лампы, кадильницы, дарохрани-

тельницы, ковши, звезды, портсигары, солонки, подстаканники, ситце, наперсные кресты, столовые, десертные, чайные ложки, стаканчики, рюмки, разные мелкие изделия и лом, жемчуг, ризы шитые жемчугом, серебряные монеты. Собранные церковные ценности, серебряные деньги и вещи упаковывались в деревянные ящики отдельно по каждой волости и направлялись в Москву в Государственное хранилище вещей ценностей.

Общие итоги кампании по конфискации церковных ценностей в автономной области были подведены к середине июля 1922 г. В фонд государства было передано в два этапа более 42 пуд. ценностей, преимущественно изделий из серебра и серебряных монет, собранных вместо предметов культа. Золото, бриллианты, а также другие драгоценные вещи были редкостью²³.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что привлеченные документы по одной из наиболее сложных и драматических страниц истории России — изъятию церковных ценностей на борьбу с голодом 1921—1922 гг. — естественно не охватывают всего информационного массива по проблеме даже по такому сравнительно небольшому региону как Марийская автономная область. Предложенное сообщение является лишь первым шагом на пути изучения взаимоотношений религиозных организаций и советского государства после октября 1917 г. Дальнейшее выявление, археографическая обработка и источниковедческие исследования материалов партийных организаций, специальных и чрезвычайных органов должно подготовить полноценную базу для конкретно-исторических исследований.

Примечания

¹ См.: Голод 1921-1922 гг. и конфискации церковных ценностей в Марийской автономной области / Публикация А.А. Иванова // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение. Материалы региональной научной конференции (Йошкар-Ола, 23-24 ноября 2000 г.). Йошкар-Ола, 2001.

² Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993. С. 10.

³ Голод в Марийской автономной области (сборник материалов о голоде). Краснококшайск, 1923. С. 4.

⁴ Отчет трудов 3-го областного съезда советов Маробласти. (Декабрь 1922 г.). Краснококшайск, 1923. С. 19.

⁵ Голод в Марийской автономной области. С. 120.

⁶ По информации ряда источников уровень смертности сельского населения области от голода достиг своего максимума в апреле 1922 г. когда число умирающих в сутки доходило до «50 человек на волость» (Пять лет строительства МАО. Краснококшайск, 1926. С. 31).

⁷ Голод в Марийской автономной области. С. 62-63, 77.

⁸ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 19. С. 217.

⁹ См.: Архивы Кремля. В 2 кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. М.; Новосибирск, 1997.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Голод 1921-1922 гг. и конфискация церковных ценностей... С. 161-162.

¹² Там же. С. 162.

¹³ Там же. С. 163.

¹⁴ Голод в Марийской автономной области. С. 118-119.

¹⁵ Архивы Кремля. В 2 кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. С. 177.

¹⁶ Голод 1921-1922 гг. и конфискация церковных ценностей... С. 163.

¹⁷ Там же. С. 168.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 169.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 171.

²² Там же.

²³ История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1987. Т. 2. С. 86.

А.Г. Петров

**И.Д. КУЗНЕЦОВ – ЧЕЛОВЕК,
ПЕРЕЖИВШИЙ РЕПРЕССИИ 30-40-х годов**

Сегодня до сих пор трудно получить точные и неоспоримые цифры о жертвах политических репрессий 30-40-х гг. Трудность в реалистической оценке размаха «чисток» связана с определением того, что считать потерями, вызванными непосредственно ими. Известный советолог Тонни Клифф пришел к выводу, что в конце 30-х гг. в лагерях должно было находиться, по крайней мере, 11 млн. чел. Примерно такие же цифры приводили С. Сваневич (6,9 млн.), Р. Конквест (8 млн.), П. Джувилер (12 млн.). В некоторых работах имеются данные об общем числе жертв репрессий. Чаще всего речь идет о 20 млн. человек (Р. Конквест, С. Козн)¹. По нашему мнению, эти данные не отражают истинную картину политических репрессий, т.к. при анализе происходящих в СССР процессов игнорировались многие факты, не укладывающиеся в западную «модель». А.Д. Сахаров считал, что жертвами репрессий стало 10-15 млн. советских граждан². Н.С. Хрушев также говорил о миллионах расстрелянных в 1935-1941 гг. Он писал, что после смерти Сталина в лагерях находилось до 10 млн. человек³. По мнению Л.Д. Рассказова⁴, в 1930-1938 гг. было арестовано 3 830 981 чел., из них 85,9% (3 293 912 чел.) по политическим мотивам. Число арестованных по политическим мотивам в разные годы было различным. Например, 29,7% (979 120 чел.) арестованы за контрреволюционную деятельность и антисоветскую пропаганду в годы коллективизации (1931, 1932, 1933 гг.). В 1934, 1935, 1936 гг. количество арестованных по этим статьям значительно снизилось – 11,6% (383 063 чел.). Пик арестов по политическим мотивам приходится на 1937-1938 гг. – 50,5% (1 664 050 чел.). В 1930 – 1938 гг. было осуждено за контрреволюционную деятельность 2 736 016 чел., или 83% от всех осужденных. Следует отметить, что на два года (1937–1938 гг.) приходится 49,1% осужденных «врагов народа» (1 344 923 чел.), а на остальные 6 лет (1930–1936 гг.) – 50,9% (1 391 093 чел.). К высшей мере наказания приговорено 26,3% (721 892 чел.) осужденных за контрреволюционную деятельность. Из них 94,4% (681 692 чел.) приговорены к высшей мере наказания в 1937–1938 гг. 73,7% осужденных по политическим мотивам направлялись в места заключения, ссылку, высылку. Решения о направлении заключенных в указанные места в основном принимались

«тройками» – 65,3% (178 265 чел.), трибуналами и судами – 24,2% (669 616 чел.), коллегией ОГПУ, спецколлегией – 3,1% (86 681 чел.). Учитывая специфику дислокации мест заключения, ссылки и высылки, можно утверждать, что это было одно из насильственных форм перемещения больших масс людей в малоосвоенные северные и восточные регионы СССР. Причем, если в 20-е гг. это перемещение исчислялось ежегодно десятками тысяч, то в 30-е гг. – уже сотнями тысяч человек.

Таким образом, утверждение о том, что в 30-е гг. были расстреляны или находились в тюрьмах, ссылке, высылке 10-20 млн. чел., является ошибочным. Число осужденных по политическим мотивам в этот период составлял от 2,5 до 3 млн. чел. Из них четвертая часть была приговорена к высшей мере наказания.

Одним из таких заключенных был видный чувашский ученый и литературовед, доктор исторических наук профессор Иван Данилович Кузнецов. Выходец из бедной крестьянской семьи, И.Д. Кузнецов уж с 14-летнего возраста (род. 11 июня 1906 г. в д. Полевые Буртасы ныне Яльчикского р-на Чувашской АССР) выступил как один из организаторов комсомольской молодежи в деревне. В 1921 г. в Чебоксарах открывается рабочий факультет – в 1923-1926 гг. И.Д. Кузнецов в рядах рабфаковцев. Именно в эти годы начинается его журналистская деятельность: он один из зачинателей комсомольской газеты на чувашском языке, корреспондент газеты «Канаш», член Союза чувашских писателей, в 1924 г. И.Д. Кузнецов вступил в ряды Коммунистической партии. После завершения рабфака И.Д. Кузнецов продолжил свое образование в Институте красной профессуры (ИКП). Участь в ИКП, он отдал предпочтение истории. После окончания ИКП в 1931 г. молодой ученый был направлен на партийную работу в г. Горький, где одновременно преподавал исторические дисциплины в высших учебных заведениях. На следующий год И.Д. Кузнецов был послан на партийную работу в Чебоксары и в течение пяти лет последовательно заведовал отделом культурно-просветительной работы Чувашского обкома ВКП(б). В эти годы в стране начинается поиск «врагов народа». В печати развернулась огульная критика М.Н. Покровского и его научной школы, многие видные ученые стали жертвами произвола и беззакония. Не стал исключением и И.Д. Кузнецов. Сначала была арестована его жена – Иза Николаевна Кузнецова, а затем 29 ноября 1937 г. последовал арест его самого. Ему инкриминировалось участие в деятельности якобы созданной первым секретарем обкома комитета ВКП(б) подпольной контрреволюционной организации – «правотроцкистского

националистического террористического центра». Под судом и следствием И.Д. Кузнецов пробыл до февраля 1941 г. Без вины И.Д. Кузнецов признается виновным в «групповой контрреволюционной агитации» и приговаривается к восьми годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет. Свой срок он отбывал в лагерях Коми АССР, а после истечения восьми лет заключения 29 ноября 1945 г., лишенный на пять лет гражданских прав, трудится на предприятиях Коми АССР. После смерти И. Сталина Иван Данилович продолжил борьбу за возвращение честного имени. 8 апреля 1955 г. решением Пленума Верховного Суда СССР Иван Данилович Кузнецов реабилитирован за отсутствием состава преступления. В 1956 г. И.Д. Кузнецов возвращается в родную республику, где продолжает упорно трудиться, сначала возглавляя Чувашское книжное издательство, затем являлся заведующим сектором истории и директором Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). В 1967 г. ему присуждается ученая степень доктора исторических наук и присваивается ученое звание профессора. Долгие годы И.Д. Кузнецов преподавал в Чувашском государственном университете на историко-филологическом факультете (1967-1980 гг.) За эти годы он воспитал не одну сотню высококвалифицированных кадров историков⁵ (автор также был учеником И.Д. Кузнецова – А.П.)⁶.

Примечания

¹ Дугин А.Н., Малыгин А.Я. Солженицын, Рыбаков: технология лжи // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 67.

² Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мировом сосуществовании и интеллектуальной свободе. М., 1968. С. 14.

³ Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917-1941 гг.). – Уфа. 1994. – С. 381.

⁴ Там же.

⁵ Денисов П.В., Дмитриев В.Д., Долгов В.А. Иван Данилович Кузнецов / История Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Чебоксары. 1976. Вып. LXVIII. С. 5-18.

⁶ Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий. Опыт историко-правового анализа. М., 2005. С. 148. 306.

П.Н. Матюшин

ТРАГИЗМ И ВЕЛИЧИЕ В СУДЬБЕ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Кузнецов Иван Данилович (1906 - 1991) – выдающийся ученый, крупный историк, литературовед, публицист и журналист, редактор, педагог, принципиальный человек. Он оставил яркий след в истории нашего края. Об этом свидетельствует его труды, общественно-политическая и педагогическая деятельность. На его долю выпало столько испытаний, что с лихвой хватило бы на несколько жизней.

Окончил Институт красной профессуры (1931). В 1926-1932 гг. вел преподавательскую деятельность в вузах Москвы и Нижнего Новгорода. В 1932-1937 гг. заведовал отделом культуры и пропаганды, отделом школ и культпросветработы Чувашского ОК ВКП(б). По совместительству вел преподавательскую работу в вузах г. Чебоксары, руководил сектором истории Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. В 1937 г. был репрессирован, реабилитирован в 1955 г.¹

За этими сухими строками биографии – тяжелая судьба талантливого человека в лучшие годы своей жизни оторванного не по своей воле от любимого дела.

Перечитывая еще раз эти строки невольно задумываешься об историчности жизненного пути Ивана Даниловича. С одной стороны, судьба Кузнецова была типичной для многих представителей населения Чувашии (да и Советского Союза) того периода. Ученый был выходцем из крестьян, благодаря своему дарованию и стремлению быстро достиг вершин науки и управления. Его судьба была типичной в 20-30-е годы XX в. в СССР – времени, когда молодые кадры были необходимы новому строящемуся государству.

Далеко не всем удавалось окончить курсы Красной профессуры, да и вообще быть направленным на эти курсы от какой-либо организации. Здесь выявляется «нетипичность» судьбы Ивана Даниловича Кузнецова.

До начала «чистки» в Чувашской областной организации ВКП(б) (1937-1938) неоднократно проходили проверки качества её работы. Так, 20-22 марта 1932 года прошло совещание заведующих оргкультпропотделов райкомов ВКП(б), редакторов районных газет и пропагандистов, которое обсудило вопрос о марксистско-ленинском воспитании и доклады культпропотделов райкомов о постановке партийно-воспитательной работы на местах, «отметило низкий уровень марксистско-ленинского воспитания кандидатов и молодых членов партии, недостаточную помощь пропагандистам в улучшении методической

работы, указало на необходимость устранения отрыва марксистско-ленинского воспитания от практических задач строительства социализма»². Все эти «недочеты» непосредственно касались И.Д. Кузнецова как заведующего отделом культуры и пропаганды, отделом школ и культпросветработы Чувашского ОК ВКП(б).

Вот выдержка из характеристики на члена бюро и заведующего культпропотделом Чувашского ОК ВКП(б) товарища И. Д. Кузнецова:

«Товарищ Кузнецов 1906 года рождения, член партии с 1925 г., крестьянин, образование – высшее – окончил историческое отделение ИКП, по специальности историк народов СССР Поволжья. В Красной Армии не был. Товарищ Кузнецов был на комсомольской работе (1920-1923 гг.), с 1923 по 1931 годы находился на учебе (рабфак и ИКП). Работал в Свердловском комвузе, доцент по истории народов СССР. На курсах марксизма-ленинизма. Последнее время работал в подготовительном отделении Нижегородского ИКП - доцент, кафедрой истории, зав. культпроп. отделом ОК работает с 1932 года.

За время работы в культпропе ОК товарищ Кузнецов проявил большую энергию и умение в развертывании марксистско-ленинского воспитания и постановки дела культпроп. и пропаганды. Теоретически развит, партийно выдержан и дисциплинирован. В организации пользуется большим авторитетом. Партвзысканиям кроме постановки на вид за примиренческое выступление по поводу право-оппортунистической националистической статьи С. Эльменя не имеет. Но эта ошибка им признана и самим же разоблачена. В практической работе т. Кузнецов четко проводит генеральную линию партии и ведет непримиримую борьбу как с правым уклоном, левыми загибами, так и гнилым либерализмом.

Отв. Секретарь ОК ВКП (б) Петров».
Написана между 1932-1934 гг.³

Таким образом, уже в 1932-1934 гг. над И. Д. Кузнецовым начинают сгущаться тучи. Несмотря на формулировку «полного признания собственных ошибок в отношении статьи С. Эльменя», этот эпизод не мог не сыграть своей пагубной роли через 5 лет. За прошедший период Иван Данилович должен был постоянно доказывать искренность своих политических взглядов, свою преданность делу партии. Такое стремление было характерно для многих сотен людей по всему Советскому Союзу.

В 1936-1937 гг. в Чувашии пострадали от репрессий тысячи коммунистов и беспартийных, в том числе практически все руководство республики, все члены бюро обкома партии. И возглавляла здесь тогда

эту «работу» присланная из Москвы подручными Сталина на должность уполномоченной Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Чувашской АССР М.М. Сахъянова. «В апреле 1937 г. она отобрала у И.Д. Кузнецова партийный билет и протрубила на Чебоксарской городской партийной конференции, что он тесно связан с троцкистами, бухаринцами и является ярким защитником национализма в среде чувашской творческой и научной интеллигенции, пригрозил к тому же под боком шпионку-жену»⁴.

Жена И.Д. Кузнецова, Иза Николаевна, сотрудница газеты «Советская Чувашия», была арестована еще раньше: Сахъянова обвинила её в контрреволюционной шпионской деятельности. Хотя обвинение не было доказано, но суд тем не менее приговорил её к отбыванию наказания в лагере»⁵.

Темной и скорбной страницей в биографии И.Д. Кузнецова стал период с 1937 по 1955 гг. В эти годы он не только теряет право заниматься научно-исследовательской деятельностью, но, самое главное, он теряет своих родных и друзей, а вместе с ними веру в справедливость советской политической системы. Все его внутренние переживания, негодование и злорадия, а также немая скорбь выражены в автобиографическом очерке «Как это было».

Следственное дело шло более трех с половиной лет, и лишь в феврале 1941 г. на закрытых заседаниях выездной сессии военного трибунала Приволжского военного округа было рассмотрено дело по обвинению арестованных в 1937 г. ответственного секретаря Чувашского обкома ВКП(б) С.П. Петрова, председателя Совнаркома ЧАССР В.И. Токсина, секретаря Чувашского обкома ВКП(б) Я.А. Андреева, заместителя председателя ЦИК ЧАССР А.В. Васильева, председателя Госплана ЧАССР Г.И. Иванова, заведующего отделом культуры и пропаганды Чувашского обкома ВКП(б) И.Д. Кузнецова, наркома просвещения ЧАССР Е.С. Чернова «в групповой контрреволюционной агитации». «По приговору военного трибунала С.П. Петров, В.И. Токсин, Я.А. Андреев, Г.И. Иванов были приговорены к 10 годам содержания в лагерях, И.Д. Кузнецов и Е.С. Чернов – к 8 годам содержания в лагерях с лишением в правах на 5 лет»⁶.

Большой интерес представляет любопытный архивный документ – Постановление Президиума Верховного суда Чувашской АССР от 3 марта 1961 г. Документ касается снятия обвинения с Кутяшова Сергея Спиридоновича, директора Чувашского педагогического института. В частности, интересен один из абзацев судебного дела: «Кутяшов осужден на основании показаний арестованных по другим делам: Мухина, Токсина, Васильева, Юрьева, Золотова и Кузнецова, которые на допросах давали показания о своей принадлежности к контрреволюци-

онной организации, существовавшей на территории Чувашской АССР, а также о принадлежности к ней Кутяшова. Однако впоследствии они от этих показаний отказались, как от вымышленных, полученных от них в результате применения недозволенных методов следствия. Дела в отношении этих лиц в 1955-1956 годах прекращен».

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 8-го апреля 1955 г. по делу бывших руководителей Чувашской АССР Петрове, Токсине, Кузнецове и других указано, что «обвинение их в том, что они являлись руководителями контрреволюционной националистической организации, необоснованное и наличие такой организации в Чувашской АССР материалами дела не установлено».

Таким образом, жизненный путь Ивана Даниловича Кузнецова с 1937 по 1955 гг. можно отнести к некоей типологии судеб значительного числа населения Советского Союза. Разделение общества на тех, кто «прав» и тех, кто «не прав» окончательно определился в годы Великой Отечественной войны. Многие талантливые и яркие представители народа в тот период ушли на фронта Великой Отечественной, резко изменив не только свой внешний образ жизни, но и ход своих мыслей. Однако, не всем удалось доказывать своё политическую преданность партии, проливая кровь за Отечество. Многие из тех, кого считали «истинными» деятелями партии в тот же период находились в местах заключения и исправительно-трудовых лагерях. Но несмотря на фактический отрыв этих людей от общественной жизни, они также своим бескорыстным трудом, прежде всего, помогали «ковать» победу в глубоком тылу страны.

Примечания

¹ Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930-2005). Чебоксары, 2005. С. 97.

² Чувашская областная организация КПСС. Хроника. 1898-1990. Кн. 1. Чебоксары, 1989. С. 118.

³ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 13. Д. 158. Л. 39.

⁴ Иванов М. Мой папа... в тюрьме // Советская Чувашия. 1990. 13 июня. С. 2.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Чувашская областная организация КПСС. Хроника. 1898-1990. Кн. 1. Чебоксары, 1989. С. 187.

Д.А. Кириллова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В СССР в первой половине 1930-х годов

Рождаемость – демографический показатель, зависящий от многих причин как экономических, политических и социальных, так и этнических, культурологических, конфессиональных, а также вопросов санитарно-гигиенического и медицинского характера. На территории СССР в рассматриваемый период рождаемость изменялась под воздействием вышеуказанных причин. Экономические и социальные катаклизмы, например, голод в Поволжье и на Украине, сильно влияли на снижение рождаемости. Но она сокращалась и под воздействием социально неблагоприятных факторов, неуверенности в завтрашнем дне.

Определяющим для демографической ситуации в целом по стране было естественное движение населения в РСФСР, самой крупной республики. До 1936 г. в ее состав входили также Казахстан и Киргизия. Несмотря на то, что в силу социокультурных и религиозных особенностей, в азиатской части республики семьи имели традиционно много детей, и отмечалось большое число родов, удельный вес родившихся в европейской части республики был выше, чем в азиатской. Эта ситуация объяснялась, с одной стороны более эффективным статистическим учетом в европейской части, с другой – сохранявшей свою силу в центральной России традиции иметь многодетные семьи. И.Д. Кузнецов, характеризуя эту тенденцию применительно к первому десятилетию XX в. для преимущественно крестьянской страны, отмечает: «Естественный прирост населения... является более высоким нежели в других европейских странах»¹. За два прошедших десятилетия уровень урбанизации увеличился не настолько, чтобы произошли коренные изменения в масштабах воспроизводства населения.

Тем не менее, именно снижение рождаемости было главной причиной сокращения естественного прироста населения страны в первой половине 1930-х годов. Работники Центрального управления по народнохозяйственному учету (ЦУНХУ) в «Материалах к естественному движению» населения за 1933 г. отмечали, что огромную роль в формировании отрицательного прироста населения по РСФСР имеет не только большая смертность, но и снижение рождаемости даже по сравнению с отнюдь не благоприятным для страны 1932 г.: «Если сопоставить данные годовой разработки 1932 года с конъюнктурными данны-

ми 1933 года, то разница в отрицательном приросте в 1551 тыс. человек на смертность падает только 144 тыс. Если даже произвести распространение данных за 1933 год до охвата 1932 года, то и тогда из дефицита примерно 1600 тыс. человек на рождаемость падает 1100 тыс., или около 70%»².

В 1934 г. рождаемость в стране значительно снизилась, что вполне естественно, если вспомнить о голоде, коллективизации, приводившей к массовому оттоку населения во вновь осваиваемые районы как добровольному, так и принудительному, о проводившейся ускоренными темпами индустриализации, связанной с первоначальной бытовой неустроенностью.

Между тем, статистически прогнозировали пусть небольшое, но все-таки увеличение рождаемости в РСФСР. Однако действительность опровергала эти прогнозы. На самом деле она уменьшилась на 25186 человек в городах и на 128941 человек в сельской местности. В целом по РСФСР количество родившихся было меньше, чем даже в 1933 г. Как отмечалось в «Конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930-1934 гг.», составленном в декабре 1934 г. под грифом «совершенно секретно»: «Число родившихся по Союзу СССР в первом полугодии 1934 года по предварительным данным меньше не только числа родившихся в 1932 году, но даже в 1933 году... В III квартале 1934 года наметился некоторый подъем рождаемости, отражающий зачатия последних месяцев 1933 года (месяцы после уборки урожая). Есть основания ожидать некоторого дальнейшего повышения рождаемости в ближайшие месяцы. Однако уровень коэффициентов рождаемости настолько низок, что вряд ли до конца года он сможет дойти до уровня 1932 г., тем более, что подъем рождаемости, отражающий высокий урожай хлеба в 1933 г., происходит на уровне общей неуклонной тенденции значительного понижения рождаемости, имеющий у нас место в последние годы»³.

В 1935 г. относительно предыдущих лет рождаемость значительно увеличилась, но, главным образом, за счет появления сведений по Туркменской и Таджикской ССР, где по этническим и традиционным причинам рождаемость была достаточно высокой и возрос охват населения органами ЗАГСа.

Следует отметить, что самое большое увеличение рождаемости (более 50% по отношению к предыдущему году) дали Саратов и Куйбышев, которые в середине 1930-х годов бурно развивались. Индустриализация способствовала строительству новых промышленных

предприятий, привлечению на них кадров. В рассматриваемый период население этих городов активно пополнялось за счет села. Приехав в город, деревенские жители долго сохраняли привычный им уклад жизни, в том числе достаточно высокую рождаемость. Сказанное в значительной мере относится ко всем крупным городам РСФСР. Кроме того, к 1935 г. в городах гораздо меньше ощущались последствия голода 1932-1933 годов.

Однако демографическая ситуация в стране в целом не претерпела кардинальных изменений. Общее положение не мог улучшить даже неуклонный рост рождаемости. Чрезмерная смертность в стране из года в год сокращала разницу между родившимися и умершими, т.е. естественный прирост населения.

Наиболее логичным и естественным выходом из сложившейся демографической ситуации представляется увеличение рождаемости с одновременным уменьшением смертности населения страны. Однако это требовало решительного пересмотра всех приоритетов государства: переориентация его на интересы граждан, изменения политики в социальной сфере. Между тем, положение населения, особенно в сельской местности МАО отличалось от описанной И.Д. Кузнецовым ситуации первого десятилетия XX в.: «Безработица и плохое питание, антигигиенические бытовые условия весьма заметно отражались на здоровье сельского населения»⁴.

Следовательно, повышение рождаемости не зависело напрямую от количества населения города или деревни, доли женщин детородного возраста, но в большей степени от развитости системы здравоохранения, т.е. увеличение числа родившихся не зависело от географических и демографических показателей.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары. 1963. С. 527.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 176-177.

³ Там же. Д. 131. Л. 2.

⁴ Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 527.

Т.Д. Надькин

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ во второй половине 1940-х годов*

Социальный протест крестьянства, проявившийся в двух основных направлениях: во-первых, в сфере хозяйственно-экономической жизни, и, во-вторых, в сфере общественно-политических отношений, стал неотъемлемой частью его взаимоотношений с властью в 1920-е – 1940-е гг. Различные аспекты истории социального протеста в условиях командно-административной системы нашли свое отражение в целом ряде работ таких российских историков как, например, О.М. Вербицкая, В.П. Попов, В.Ф. Зима, М.А. Безнин и Т.Д. Димони¹. Однако региональная специфика ответной реакции крестьянского социума на политику советского государства в отношении деревни по-прежнему представляет собой актуальную проблему. С этой точки зрения интерес представляют исследования по истории деревни Мордовии с 1946 по середину 1950-х гг. В.А. Ломшина, в которых обращается внимание и на социальный протест крестьянства в указанный период².

В начале 1930-х гг. деревню Мордовии** захлестнула волна массовых выступлений (за 1929 г. – 42 выступления, январь-май 1930 г. – 178, ноябрь-декабрь 1931 г. – 45³), явившихся самой радикальной формой борьбы против политики насильственной коллективизации и раскулачивания. По мере укрепления колхозно-совхозного строя, как составной части командно-административной системы, политическая активность крестьянства постепенно затухает. Это связано, прежде всего, с тем, что основная масса крестьянства устала морально и физически от нескольких лет (1929 – 1932 гг.) непрерывного противостоя-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Голодные годы в российской деревне в советское время: причины и последствия (на материалах Мордовии)» № 04-01-23009 а/В.

**1928-1930 гг. – Мордовский округ (МО); 1930-1934 гг. – Мордовская автономная область (МАО); 1934-1990 гг. – Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика (МАССР); 1990-1994 гг. – Мордовская Советская Социалистическая Республика (МССР); с 1994 г. – Республика Мордовия (РМ).

Обязательный минимум трудодней для трудоспособных колхозников и колхозниц с апреля 1942 г. был повышен до 120, для подростков – до 50.

ния с властями. Наиболее активные противники коллективизации были расстреляны, находились в тюрьмах, концлагерях или ссылке. Но это не означало, что крестьянство, а точнее колхозное крестьянство, на протяжении 30-х гг. смирилось со своим положением в общественных отношениях.

Полуголодное состояние деревни в годы Великой Отечественной войны могло еще найти оправдание в глазах простого колхозника или рабочего совхоза. Однако ужесточение политики в отношении деревни после Великой Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом вызывало только негативную реакцию, на формы проявления которой существенное влияние оказал послевоенный голод.

Анализ положения на селе в послевоенный период свидетельствует о том, что государство по-прежнему рассматривало деревню как источник трудовых ресурсов и продовольствия, были сохранены законы военного времени, усилены репрессивные меры в отношении деревенского населения. При этом совершенно игнорировались жизненные интересы сельских тружеников, которые оставались на положении людей «второго сорта». Колхозники были лишены некоторых прав, касающихся личной свободы: на добровольный выход из колхоза, на свободу передвижения, на легальный выбор места работы. Им было отказано в выдаче паспорта общегражданского образца, были недоступны почти все социальные гарантии, имеющиеся к тому времени у рабочих и служащих: право на гарантированный и регулярно выплачиваемый заработок, нормированный рабочий день, оплату сверхурочных, больничных листов, оплачиваемый отпуск, государственную пенсию по старости или инвалидности и т.д.

Наиболее массовыми формами крестьянского протеста хозяйственно-экономического направления в Мордовской АССР во второй половине 40-х гг. стало уклонение от обязательных повинностей (неучастие в общественных работах, растаскивание колхозной собственности, невыполнение обязательств по сдаче сельхозпродукции государству, рост хозяйств-«недоимщиков»), а так же легальный и нелегальный исход из колхозов.

Колхозники старались сократить долю своего участия в общественном хозяйстве, тем более что оплата труда (натуральная и денежная) или была минимальной или совсем отсутствовала. Так, в 1946 г. в 1385 колхозах республики из 1623 выдача хлеба по трудодням не производилась, кроме выдачи авансов по 50–150 г в счет 15% отчислений от сданного колхозниками хлеба государству⁴. В 1947 г. в МАССР

насчитывалось 626 колхозов (38,9%) с выдачей на трудодни до 300 г хлеба, а в 55 колхозах (3,4%) хлеб совсем не выдавался. В 45,4% колхозов республики деньги на трудодни не распределялись⁵.

Большим бедствием для послевоенной советской деревни стала засуха 1946 г., которая сначала охватила Молдавию и Украину, а затем и основные зерновые районы России. Под ударом засухи оказалась и территория Мордовской АССР. «Так, только за 1946 г. совершенно погибло 50,6 тыс. га озимых хлебов или 18,3% всего озимого клина, – говорится в записке Сталину, – а с остальных посевы оказались настолько изреженными, что урожай их не превышал 20-25% нормально-го»⁶.

Каких-либо кардинальных мер по предотвращению и смягчению сложившегося в деревне положения государством не предпринималось. Для колхозников, практически ничего не получавших за свой тяжелый труд, единственной надеждой на спасение оставалось личное подсобное хозяйство. Однако с 1946 г. приусадебные участки колхозников стали обрезать и облагать непомерными налогами, каждый двор должен был поставить государству определенное количество мяса, масла, яиц и шерсти. Особенно тяжело жили семьи колхозников и единоличников, чьи отцы и сыновья погибли или находились еще в армии. Они оказались к тому же беззащитными перед произволом местных властей.

Уклонение колхозников от трудового участия в «общественном хозяйстве» артелей в послевоенные годы приняло массовый размах. Документы отчетности колхозов фиксировали две категории «уклонистов» – это колхозники, не принимавшие участия в колхозном производстве в течение всего года и члены сельхозартелей работавшие, но не выработавшие установленного государством «годового минимума трудодней»⁷, т.е. трудившихся с недостаточной степенью интенсивности. На пленуме Мордовского обкома ВКП(б) еще в 1945 г. секретарь обкома И. Кочергин говорил, что в колхозах не выполняется обязательный минимум трудодней. Он напомнил, что в Законе от 29 мая 1939 г. в пункте № 14 сказано: «Рекомендовать колхозам установить, что трудоспособные колхозники и колхозницы, вырабатывающие в течение года ниже указанных норм, должны считаться выбывшим из колхозов и потерявшими права колхозников»⁷. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 мая 1939 г. установило порядок лишения приусадебных участков колхозников, не вырабатывающих минимума трудодней, однако в жизнь оно не претворялось. Поэтому обком ВКП(б) вырабо-

тал рекомендации, среди которых наиболее важными были: во-первых, навести строжайший порядок в пользовании приусадебными участками; во-вторых, добиваться строжайшего соблюдения выработки установленного минимума трудодней и участие всего трудоспособного населения в труде; в-третьих, организовать решительный отпор частнособственническим и рваческим элементам⁸.

Если в 1944 г. в колхозах МАССР число колхозников не выработавших установленного минимума трудодней составило 66626 чел. (или 32% от общего числа трудоспособных колхозников), а совершенно не выработавших ни одного трудодня – 9210 чел. (или 4,42%), в 1945 г. уже соответственно 74554 чел. (или 31,4%) и 13041 чел. (или 5,5%)⁹. В 1946 г. ситуация с отношением к труду в лучшую сторону не изменилась. Так, на июнь 1946 г. (за 1-й период сельхозработ) только не выработавших минимума трудодней колхозников насчитывалось 49215 чел., (или 22%), из которых без уважительной причины 13838 чел. (или 6%). В суд для привлечения к судебной ответственности были переданы дела на 5290 чел., из которых 1469 чел. было осуждено по состоянию на 5 июня т.г. по 27 районам республики¹⁰.

В 1946 г. число колхозников не выработавших установленного минимума трудодней составило 60892 чел. или 25,3% от числа трудившихся, а не выработало ни одного трудодня 11056 чел. или – 4,5% трудоспособных¹¹.

Если судить по отчетам районных земельных отделов в 1947 г. ситуация несколько изменилась: выработка трудодней увеличилась. Однако 56697 колхозников (21,7%) по-прежнему «отлынивало» от работы, при этом более 80% из них составляли женщины¹².

В 1948 г. снова наблюдается увеличение количества работавших колхозников, не выработавших минимума трудодней (в среднем по МАССР – 24,1%), а также тех, кто совсем не принимал участия в общественных работах (с 4,1% в 1947 г. до 6,02% в 1948 г.)¹³.

Наиболее тяжелое положение с трудовой дисциплиной на протяжении нескольких лет складывалось в Zubovo-Полянском районе (в 1946 г. работало «спустя рукава» более 50% колхозников, в 1947 г. – 45,9%, в 1948 г. – 35,9%), в Болдовском районе (31,1%, 30,1% и 24,0%), в Мельцанском районе (37,8%, 30,2% и 33,4%), в Атюрьевском районе (37,2%, 24,7% и 30,1%), в Теньгушевском районе (32,5%, 26,7% и 35,5%), в Рузаевском районе (39,3%, 26,9% и 28,2%). В 1946 г. из колхозов республики выбыло 1440 колхозников, не выработавших минимума трудодней, в 1947 г. – 880, а в 1948 г. – более 1500¹⁴.

Низкая трудовая дисциплина в колхозах проявлялась также и в отношении к работе в самое страдное время. Например, в колхозах имени Кирова, имени Калинина Ардатовского района, «13 мая» и «Большевик» Козловского района, «Красное знамя» Старошайговского района и т.д. имели место поздний выход и ранний уход с работы, хотя рабочий день длился не более 6 часов. На вопрос «Изленились?» колхозники отвечали, что просто нет заинтересованности в работе. Они хотели «лишь бы заработать минимум, дающий право на усадьбу, да выходить, чтоб не приставали»¹⁵. Необходимо отметить, что нередко колхозники просто были не в состоянии работать в полную силу из-за полуголодного состояния. О масштабах голода в деревне Мордовии можно судить по данным Министерства здравоохранения, а также спецсообщениям министра внутренних дел председателю Совета Министров МАССР. Так, в Краснослободском районе 25 июня 1946 г. зарегистрированы и взяты под контроль райздравотделом 1067 чел. в 278 семьях, находящихся на грани заболевания дистрофией, в 229 семьях военнослужащих, погибших на войне, и инвалидов было зафиксировано 780 больных дистрофией. В Кадошкинском районе от недоедания болели 260 чел., из которых 30% госпитализированы, а всего было учтено 1050 семей, которым требовалась немедленная помощь. В Ардатовском районе было учтено 1968 случаев заболевания дистрофией, из которых 256 больных госпитализированы. В Лямбирском районе – 136 ослабленных чел., а нуждающихся в немедленной поддержке 304 чел. В Инсарском районе на 1 июля было более 80 больных, из них 32 лежали в больнице и требовали немедленной помощи, в Большеигнатовском районе остро нуждающихся в продовольствии насчитывалось 45% семей и т.д.¹⁵ Подобное положение отмечалось в ряде других районах республики. В 1947 и первую половину 1948 г. голод продолжал «гулять» по районам Мордовии.

Коммунисты и комсомольцы, которые казалось бы должны показывать пример остальной массе населения, также не особенно желали зарабатывать трудодни. Например, в колхозе «Путь Ильича» Ладского района братья Сарыченковы, члены ВКП(б), не хотели работать в нём, а занимались распиливанием леса, зарабатывая по 60-70 руб. в день. На вопрос «Почему не хотят работать в колхозе?» отвечали: «Если работать в колхозе, то нечем будет прокормиться и будешь ходить голый». В этом же районе учитель-комсомолец Пятаев заявлял: «В первую очередь надо обработать приусадебные участки, а потом работать в колхозе. Если свой участок не обрабатываешь, нечего будет есть, а с колхозом

не проживешь»¹⁷. В колхозе «1-е мая» Большеигнатовского района коммунист и член правления Стенькин вместо сева пошел копать свой огород. А другой член правления Якушев в 12 часов ночи запряг в плуг пару колхозных лошадей и поехал обрабатывать свою усадьбу¹⁸.

В 1947 г. в Мордовии из 7297 коммунистов-колхозников на севе работали всего 3346 чел. или 45%. Члены ВКП(б) стремились устроиться начальниками, на трудные участки работы не шли. Так, в колхозе «Красная армия» Атюрьевского района из 14 коммунистов ни один в поле во время посевной не работал, а все устроились на административно-хозяйственные работы: кладовщиками, весовщиками, сторожами¹⁹.

Довольно значимую роль среди экономических форм социального протеста колхозников в рассматриваемые годы играли «покушения на колхозную собственность» и, прежде всего, самовольные захваты «общественной земли» в целях расширения личного приусадебного хозяйства. Однако борьбу за «незаконные» земельные «захваты», вопреки официальной версии властей об активизации спекулятивных и рваческих элементов, прикрывающихся членством в колхозе, нельзя рассматривать как стремление крестьян к дополнительной наживе, источнику обогащения. Она никогда не выходила за рамки борьбы с голодом в целях обеспечения приемлемого уровня биологического выживания и велась за жизненные, насущные интересы крестьянства. Захваты земли занимали одно из важнейших мест в системе социального протеста. Неслучайно хозяйственные органы отмечали, что «в республике нарушения закона о земле получили массовое распространение»²⁰.

Необходимо отметить, что размеры этих прирезок были, в массе своей, очень невелики, сопоставимы с размерами личных огородов. Однако такие действия колхозников расценивались властями как злостное и социально-опасное преступление, направленное на «подрыв общественного хозяйства колхозов», а виновные в захватах строго карались. Меры воздействия на нарушителей были усилены постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах», реализация которых должна была в корне пресечь «раздувание личного хозяйства в ущерб общественному»²¹. После его выхода в Мордовии были созданы комиссии, которые стали регулярно проводить контрольные обмеры земель крестьянского подворья. Выявленные земельные «излишки» (т.е. все, сверх разрешенных уставом норм землевладения) немедленно конфисковались вместе с урожаем²².

Согласно информации о выполнении по МАССР постановления от 14 сентября 1946 г. на 1 января 1947 г. было обмерено 169108 приусадебных участков колхозников, 14781 рабочих и служащих и 17078 единоличников. Было выявлено 45889 нарушений в приусадебных участках у колхозников, а отрезано 2154 га (в среднем – 0,046 га), 4344 - у рабочих и служащих, а отрезано 322 га (в среднем – 0,074 га), 5046 – у единоличников, а отрезано 314 га (0,062 га). Кроме того, изъято полностью приусадебных участков как незаконно предоставленных у 6345 лиц общей площадью в 1275 га (0,2 га). Были выявлены также самовольные захваты колхозных земель, а также случаи использования их без соответствующего разрешения Советом министров МАССР у 159 колхозов 273 организациями и учреждениями на площади 1692 га²³. Таким образом, было возвращено колхозам 5757 га самовольно захваченных земель.

Одной из форм социального протеста колхозников в экономической сфере стало «хищение и растаскивание колхозного имущества», которое носило как системный (организованный), так и спонтанный характер. Высокий уровень эксплуатации, низкие доходы крестьянской семьи, голод, заставляли сельских жителей рассматривать колхозное имущество как один из источников существования. Доказательством тому служит тот факт, что расхищались в основном продукты питания и корма для скота. Пик массовых хищений приходился на первые, самые голодные, послевоенные годы (1946-1948 гг.)²⁴.

Не гнушались хищениями и представители местного руководства, многие из которых чувствовали себя новыми «помещиками». Председатели колхозов часто «переавансировали» себя и правление колхоза деньгами и продуктами, «обменивали» свой некачественный скот на самый продуктивный из колхозного стада, платили из натуральных доходов госпоставки за себя и за родственников и т.д. Хлеб и другие продукты питания раздавался по ордерам и запискам, тем самым нарушался порядок распределения доходов в колхозах. Из колхозов бесплатно или за низкую плату представителями районных учреждений брались колхозный скот, хлеб, семена, корма. Например, по Рузаевскому району районными работниками за 1945-1946 гг. из колхозов было взято незаконно и бесплатно 5474 кг хлеба²⁵. С 1 января по 1 сентября 1946 г. за растрату были осуждены 67 председателей правлений колхозов и 13 председателей сельсоветов²⁶.

В тоже время в целом ряде колхозов их председатели пытались помочь рядовым колхозникам, пытаясь спасти людей от голода, скот от

падежа, а также обеспечить семенами новую посевную кампанию, не надеясь на помощь государства. Такие руководители также привлекались к уголовной ответственности. Например, председатель правления колхоза имени Куйбышева Дубенского района, член ВКП(б), в течение июля из нового урожая на внутриколхозные нужды «разбазарил» 1120 кг хлеба, тогда как государству сдал только 30 ц²⁷. Председатель правления колхоза «Коммунар» Ромодановского района Зеленцов «умышленно» не сдавал государству хлеб в количестве 50 ц, заявляя, что он этот хлеб разделит на трудодни²⁸. В Атюрьевском районе в колхозе «Новая жизнь» вместо 13 га пшеницы семенного участка было обмолочено 17 га, в колхозе «Заветы Ленина» вместо 27 – 61 га²⁹.

Существенный урон восстановлению и дальнейшему развитию производительных сил сельского хозяйства Мордовии, как и России в целом, наносил отток сельских жителей из деревень через легальные и особенно нелегальные каналы. «Именно в «самовольном», несанкционированном бегстве крестьян со всей очевидностью проявлялся протест против нищеты и несправедливости»³⁰. Стремясь избежать экономического и правового гнета в рамках колхозной системы, крестьянство всеми силами пыталось покинуть деревню, или хотя бы изменить свой социальный статус, оставаясь проживать в сельской местности. Молодые люди после окончания службы в армии либо старались остаться на службе, либо вербовались на стройки. Всеми правдами и неправдами старались получить паспорт, уехать в город и девушки.

Масштабы легальных, регулируемых государством каналов перераспределения людских ресурсов (организованный набор в промышленность, мобилизация молодежи через систему подготовки трудовых резервов, призыв на военную службу) не могли удовлетворить всех желающих, хотя вплоть до 1952 г. свыше 20 тыс. колхозников республики выехали на промышленные предприятия³¹.

Ежегодно сотни колхозников покидали деревню без разрешения правлений артелей, т.е. «самовольно». Послевоенный голод подхлестнул этот процесс. Например, согласно докладной записки руководству МАССР от председателя Краснослободского райисполкома Денисова и секретаря райкома ВКП(б) Каверина. «В связи с плохими видами урожая моральное состояние населения весьма подавленное. Уже свыше 130 семей без разрешения выехали из района (в Ленинград, Горький, Сибирь)»³². Секретарь Атяшевского райкома ВКП(б) Чернов в июне 1946 г. сообщал: «В настоящее время в районе создается тяжелое положение, большое количество населения в колхозах хлеба не имеет. В

связи с этим большая часть колхозников самовольно уходят с работы, уезжают в другие области» (например, в Горьковскую область)³³. По данным исследователя В.А. Ломшина, из сел Дубенского района летом 1946 г. жители уезжали целыми семьями (например, из с. Поводимово в г. Свердловск, из с. Кабаево в г. Баку, из с. Пурнаево в Якутию)³⁴.

Не менее развиты были различные формы протеста и в сфере общественно-политических отношений. В послевоенной деревне имели место и радикальные настроения, которые проявлялись в умышленном уничтожении колхозного и государственного имущества, в покушениях на жизнь представителей власти, распространении антисоветских слухов и т.д.

Такого размаха «террористических актов» как в годы коллективизации очевидно не было. Однако в целом ряде сел Мордовии отмечались случаи преступлений против местного руководства. Так, во время проведения общего собрания колхозников колхоза имени Андреева Мельцанского района вечером 12 мая 1947 г. был тяжело ранен председатель колхоза С.Е. Герасимов; 1 января 1947 г. в деревне Круженки Ковылкинского района «на посиделках гражданами этого же села тремя братьями Беяковыми... на почве мести, за то, что летом при проверки приусадебных участков, было отрезано 0,41 га земли, был избит член избирательной комиссии, он же бригадир колхоза имени Ворошилова Сивцов...»; 13 марта 1937 г. в 20.00 в момент проведения совещания с колхозным активом, которое проводилось в помещении избы-читальни Козловского сельсовета Инсарского района, с улицы через окно из пистолета неизвестным лицом (потом выяснилось, что им был гражданин с. Козловка единоличник И.Н. Ермаков, лейтенант запаса, демобилизованный из армии в июне 1946 г. – *Т.Н.*) был произведен выстрел в председателя колхоза А.А. Курочкину; в начале весны 1948 г. были подожжены дома председателей колхозов «Мазый Пакся», «Якстере Тяшти» Рыбкинского района и «13-й лет Октября» Кочкуровского района, а так же председателя колхоза имени Ворошилова Ардатовского района³⁵.

В июне 1946 г. министр госбезопасности МАССР Корниенко сообщал «В настоящее время антисоветскими элементами в МАССР враждебная агитация проводится в следующих направлениях: 1. Стремление скомпрометировать в глазах населения пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР; 2. Против колхозного строя; 3. Восхваление государственного строя Англии и Америки и надежды на их вооруженное вмешательство и давление на Со-

ветское правительство; 4. Восхваление репатриантами условий жизни за границей; 5. Распространение церковниками и сектантами провокационных слухов о скором падении Советской власти и роспуске колхозов. Имеет место так же вовлечение церковниками и сектантами молодежи в свою среду»³⁶.

О массовом распространении среди сельского населения Мордовии антисоветских настроений говорить не приходится, однако тяжелое положение, сложившееся в деревне после войны, являлось для этого довольно благодатной почвой. Побывавшие за границей солдаты, а также бывшие военнопленные могли сравнить условия жизни сельского и городского населения в странах Европы и Советской России. Например, бывший военнопленный, проживающий в Рузаевском районе «... о своем пребывании в плену с иронией рассказывал: «За время моего пребывания в плену мне пришлось побывать во многих государствах Запада: в Германии, Польше, Франции, Испании, Италии, Дании, Голландии, Швейцарии, Бельгии. На Западе живут плохо, особенно в Швейцарии и Франции. Ну, какая это жизнь, если у простого жителя имеется дом из 10 комнат, несколько голов крупного рогатого скота, автомашина, мотоцикл и несколько велосипедов. Такая жизнь мне не нравится, так не знаешь, чего надо предпринять: проехать на велосипеде или же прокатиться на машине... Что это за жизнь, если не знаешь, какой костюм одеть, потому что у него 10 и больше костюмов. В таких случаях теряешься. А мы живем и не знаем, что нас ожидает. Нам не приходится думать над тем, какой костюм надеть»³⁷.

«Правовое бессилие крестьян перед властями, униженное социальное положение, их отчужденность от общеполитического процесса вели к росту общественной апатии колхозников. Низкий уровень социальной активности можно, с полным основанием, рассматривать как своеобразную форму социального протеста»³⁸.

В послевоенный период все более распространенным становится отказ членов колхоза посещать общие собрания, тем более что так называемая «колхозная демократия» изначально являлась декоративным институтом. Например, в отчетно-выборных собраниях 44 колхозов Зубово-Полянского района, проведенных с 3 февраля по 1 марта 1947 г., посвященных итогам хозяйственной деятельности за 1946 г., не приняло участия до 30% членов колхозов³⁹.

Обстановку в послевоенной деревне Мордовии можно представить по такому ценнейшему источнику как письма в армию членов семей и односельчан военнослужащих, выявленные органами военной

цензуры Министерства госбезопасности МАССР в течение апреля-октября 1946 г., в которых они жаловались на материально-бытовые условия, продовольственные затруднения, на плохую работу колхозов и их руководителей, на налогообложение. Эти письма, очевидно, не дошли до адресатов или дошли с вымаранными цензурой строчками. Только по приезду домой демобилизованные солдаты понимали, что война это еще не самое страшное.

С жалобами на материально-бытовые условия и продовольственные затруднения (апрель-август и октябрь) было выявлено 7358 писем. Приведем лишь некоторые из них.

Из письма В.Г. Родькиной, с. Рыбкино Рыбкинского района (датовано апрелем): «... Мы живем голодные и, наверное, придется умирать. Едим только гнилой картофель, который собираем с поля и его не хватает. Здоровье мое плохое, еле хожу по земле, потому что плохое питание»⁴⁰.

Из письма Д.А. Калабаевой, с. Сабанчеево Атяшевского района мужу (датовано 15 мая): «Сейчас подошла весна, распускаются листья, и мы переходим на подножный корм. Хлеб едим из одних листьев. Наверное умрем с них. Митя в школу не ходит, потому что разутый и раздетый»⁴¹.

Из письма П.А. Судаковой, с. Токмово Майданского района сыну (датовано 20 июня): «... Дорогой мой сыночек Коля! Я замираю с голода, нет ни хлеба, ни картошки, и не знаю, где что брать. Продать нечего, заработать негде и некому... на огородах все посохло, ныне будет большая голодовка. Если есть у тебя деньги, то пришли, я совсем замираю с малыми детьми с голода. Сама болею, есть нечего, вся распухла...»⁴².

Из письма Т.Т. Власкиной, д. Советская Америка Краснослободского района мужу (датовано 28 июня): «... Степа, я вчера тебе писала письмо, а сегодня пишу обратно. Решила в последний раз хоть поговорить с тобой, а то скоро погибну с голода, потому что все посохло, объявляется смертельная голодовка. Если ты скоро нас не возьмешь, то погибнем. Прощай. Засуха не только у нас, а во всех областях. Люди хоть умирать будут вместе, а я страдала, страдала и так погибну без тебя... Если, как ты говорил, тебя до октября не отпустят, то нас уже не будет на свете. Прощай, может быть тебе придется жить с новой женой...»⁴³.

Из письма И. Тряпкина, с. Куликово Торбеевского района односельчанину (датовано 9 октября): «... Сообщаю о Вашей матери.

Мать с сиротами живет плохо. Отец Ваш погиб за Родину, оставив Вас сирот-малых детей и мученицу-мать. Теперь ты уехал защищать Родину, оставив здесь однокровных братьев, сестер и мать на голод... Зимой семья ваша погибнет от холода, мать день и ночь плачет... Если тебе их жалко, то приезжай. Было бы простительно на Украине, в Белоруссии, где грабил немец, а здесь непростительно...»⁴⁴

С жалобами на плохую работу колхозов и о незаконных действиях отдельных руководителей (апрель-октябрь) выявлено 1472 писем.

Из письма П.В. Трифонова, с. Изосимовка Ковылкинского района (датировано 25 мая): «В колхозе дело обстоит очень плохо, остается много земли не засеянной, поля не паханы. Весь народ ходит как чумной, из колхоза хлеба ни грамма не получили и ожидать нечего. На колхоз надежды нет»⁴⁵.

Из письма А. Морозовой, с. Навлей Болдовского района (датировано 2 июня): «... Жизнь наша невыносима. Огород мне сначала дали, а теперь не дают, им жалко 0,15 га. Наши сельские руководители ни о чем не думают. Они, как гады приехали сюда и издеваются над женщинами. Эх, ведь только Сталин не знает об этом, что твориться. У кого мужья героически погибли, им не только помощь, а, наоборот, над ними издеваются. И земли-то не дали и не считают за людей...»⁴⁶.

Из письма П. Явкина, с. Кельвядни Ардатовского района сыну (датировано 7 июня): «... Дорогой сынок, 6 июня к нам пришли из сельсовета и хотели отобрать овец за заем. Мама не хотела отдавать, ее избили. Больше бил секретарь сельсовета, также избили и Васюку за мою старую работу, хотя это незаконно. Они были пьяные. Миша, я попрошу тебя написать жалобу в райком и прокурору. Изложи, как Вы защищали Родину, и как я работал за Советскую власть и как работаю. У меня весь интерес отпал к работе»⁴⁷.

Из письма М.Г. Лисанина, с. Теньгушево брату (датировано 13 сентября): «Дела в нашем колхозе, можно сказать, плохие. Вместо хлеба выросла трава, да и та стоит в поле. Работать никто не ходит. Рожь еще не убрана, овес и просо тоже только только начали жать... а колхозникам о хлебе и думать не приходится»⁴⁸.

С жалобами на налогообложение (сведения за апрель-май) было выявлено 1105 писем.

Из письма Н.Г. Зиновьевой, с. Трепаловка Ардатовского района (датировано 9 апреля 1946 г.): «... Мы живем плохо, разоряют нас налоги. За 1945 г. наложили 1700 руб. денег, 40 кг мяса, 75 яиц. Продали

теленка и все отдали за налог, а сейчас требуют налог за 1946 г. хотят отобрать у нас последнюю корову. Справку твою не признают»⁴⁹.

Из письма А.А. Бобылевой, пос. Михайловка Темниковского района (датировано 21 мая): «На нас наложили налоги: масла 8 кг, яиц 75 шт., мяса 40 кг, картофеля 570 кг. Прямо обдерут с ног до головы. Видимо не в зачет, что пропал наш отец... Как обидно...»⁵⁰.

Из письма Ф. Едихановой, с. Старое Аллагулово Рыбчинского района (датировано 22 июня): «... положение у меня очень тяжелое. Из сельсовета ничего не помогают, а, наоборот, заставляют платить налоги – 600 руб. Где же я возьму такую сумму, когда не только хлеба, да же ложку щей не вижу. Раньше хоть был гнилой крахмал, а сейчас и его нет. От голода сама себя не могу таскать... Скоро от голода погибну...»⁵¹.

Из письма Ф.К. Аламаева, с. Большое Игнатово сыну (датировано 5 августа): «... Уважаемый сын, сообщаю, что живем плохо, ждем еще хуже. Урожай плохой, из колхоза ждать нечего, и раньше ничего не давали. Народ бросается кто куда, иначе умрешь с голода. Надо кормиться, да налоги дерут дуром, так что жить невозможно. Что мы сейчас едим, ни животные, ни звери не едят этот хлеб. Жизни здесь нет и не предвидится, народ пухнет с голода...»⁵².

Очевидно, по мере демобилизации количество подобных писем-жалоб сокращалось. Однако положение в деревне и в 1947 г. практически не менялось, и поэтому сельские жители продолжали писать в военные части своим родственникам и знакомым, которые еще не вернулись в родные края. Десятки выдержек из их писем направлялись каждый месяц в райсполкомы Советом министров МАССР для проверки изложенных фактов и принятия мер⁵³.

Возможно на самые вопиющие факты издевательств, особенно над семьями военнослужащих, власти были вынуждены реагировать и наказывать виновных в этом местных руководителей. Необходимо отметить, что без указаний центральных органов, требовавших неукоснительно выполнять различные государственные задания, такого размаха насилия в деревне не было бы.

Главными виновниками своего бедственного положения колхозники считали представителей местного уровня власти. С высшим же уровнем власти колхозники связывали «надежды на лучшее будущее». Часто коллективные письма о своем неблагополучии крестьяне посылали по адресу высших лиц государственной власти. Их число было значительным. Только за 1948 г. в Мордовский обком ВКП(б) посту-

пило 1354 жалобы⁵⁴. Жалобы в основном на председателей колхозов, что они грубо попирают права колхозников, пьянствуют и т.д.

«Потепление» с 1943 г. отношений советской власти и церкви привело, например, в Мордовии к возрождению деятельности загнанной в угол православной церкви. В 1945 г. на территории республики действовало 7 церквей (одна в г. Саранске и шесть – в селах и деревнях). С 1944 по 1946 гг. было подано 514 заявлений от верующих 170 населенных пунктов МАССР с просьбой об открытии церквей. С 1947 по 1949 гг. поступило еще 303 заявления из 138 пунктов. Позволили же открыть к 1955 г. всего 27 церквей. Кроме того, стали действовать в татарских селах и мусульманские мечети (например, в селах Алтары и Пензятка Лямбирского района). В ряде сел верующие сами открывали нелегальные места богослужения. Например, в с. Атюрьево Атюрьевского района, Четь-Верхляй Торбеевского района, с. Троицк Ковылкинского района, с. Старый Ковыляй Пурдошанского района и др.⁵⁵ У крестьян появился как бы «лучик света» в их тяжелой повседневной жизни.

Возрождение религиозного сознания не могло не беспокоить советско-партийное руководство, тем более что во время религиозных праздников в ряде сел отмечались случаи прекращения работы в колхозах, оживилось паломничество к «святым» местам. Такое положение вещей с точки зрения воинствующих атеистов было недопустимо и с начала 50-х годов официальная идеология перешла к открытому наступлению на религию и церковь.

Анализ различных форм социального протеста крестьянства многонационального региона Среднего Поволжья только за первые послевоенные годы показывает, что оно стремилось оказать сопротивление неоправданно высокому изъятию ресурсов из деревни, «сигнализировало», что рост насилия со стороны представителей советско-партийных органов и руководства колхозов и совхозов, пытавшихся любой ценой выполнить установки Центра, ведет к деградации сельского хозяйства и гибели десятков и сотен сельских жителей. В то же время отметим, что это крестьянство, оказывая пассивное (в основном) и активное сопротивление власти не преследовало, конечно, цель разрушения сложившейся в Советском Союзе политической системы, пытаясь лишь смягчить, приспособить ее «... к нуждам крестьянского хозяйства на «взаимовыгодных» условиях»⁵⁶.

Примечания

¹ Вербицкая О.М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Зима В.Ф. Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. 1993. №1; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов, 2000; Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. №3.

² Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг. / Дисс. канд. ист. наук. Саранск, 2003; Он же. Крестьянство Мордовии в послевоенный период // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. №1.

³ Надыкин Т.Д. Деревня Мордовии в начале 1930-х годов: коллективизация, репрессии, голод. Саранск, 2004. С.16, 29.

⁴ ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 138. Л. 90.

⁵ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. документов. М., 1993. С. 38, 41.

⁶ ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 138. Л. 92.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 6. М., 1971. С. 170.

⁸ Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг. / Дисс. канд. ист. наук. Саранск, 2003. С. 83.

⁹ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 4. Д. 222. Л. 58.

¹⁰ Там же. Д. 199. Л. 15.

¹¹ ЦГА РМ. Ф.Р. 662. Оп. 32. Д. 39. Л. 54.

¹² Там же. Д. 42. Л. 30.

¹³ Там же. Оп. 25. Д. 3. Лл. 1-359.

¹⁴ Там же. Оп. 32. Д. 39. Л. 54; Д. 42. Л. 30; Оп. 25. Д. 1. Лл. 8-137; Д. 2. Лл. 9-137; Д. 3. Лл. 1-359.

¹⁵ Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950- гг.). Саранск, 2003. С. 19.

¹⁶ Мордовия. 1941-1945: сб. документов. Саранск, 1995. С. 728, 730; ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 137. Лл. 18, 27, 30, 56-57.

¹⁷ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 4. Д. 222. Л. 58.

¹⁸ Там же. Л. 59.

¹⁹ Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). С. 85.

²⁰ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 4. Д. 229. Л. 33.

²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 6. М., 1971. С. 173-179.

²² См.: Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). С. 87.

²³ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 4. Д. 339. Л. 21-22.

²⁴ См. Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). С. 88.

²⁵ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 4. Д. 229. Л. 41.

- ²⁶ ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 137. Л. 168.
- ²⁷ Там же. Л. 146.
- ²⁸ Там же. Л. 323.
- ²⁹ Там же. Л. 451.
- ³⁰ Безнин М.А., Димони Т.М. Указ. соч. С. 89.
- ³¹ См.: Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). С. 78.
- ³² ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 137. Л. 80.
- ³³ Там же. Л. 18.
- ³⁴ См.: Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). С. 63.
- ³⁵ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 5. Д. 642. Л. 32; Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 136. Л. 58, 313.
- ³⁶ ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 138. Л. 410.
- ³⁷ Там же. Д. 136. Л. 332.
- ³⁸ Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). С. 90.
- ³⁹ ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 138. Л. 243.
- ⁴⁰ Там же. Д. 136. Л. 300.
- ⁴¹ Там же. Л. 317.
- ⁴² Там же. Д. 137. Лл. 47.
- ⁴³ Там же. Л. 46.
- ⁴⁴ Там же. Л. 465.
- ⁴⁵ ЦГА РМ. Ф.Р. 228. Оп. 3. Д. 136. Л. 322.
- ⁴⁶ Там же. Д. 137. Л. 43.
- ⁴⁷ Там же. Л. 41.
- ⁴⁸ Там же. Л. 307.
- ⁴⁹ Там же. Д. 136. Л. 296.
- ⁵⁰ Там же. Л. 325.
- ⁵¹ Там же. Д. 137. Лл. 47.
- ⁵² Там же. Л. 218.
- ⁵³ Там же. Д. 136. Л. 160.
- ⁵⁴ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 5. Д. 34. Л. 1-2.
- ⁵⁵ См.: Ломшин В.А. Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 – середина 1950-х гг.). С. 97-98.
- ⁵⁶ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.). С. 96.

В.Н. Клементьев

ОБРАЗОВАНИЕ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ: ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Этнотерриториальный аспект выделения чувашей в отдельную административно-территориальную единицу является недостаточно изученным в исторической науке. В большинстве работ, в которых рассматривались вопросы возникновения Чувашской автономии, главное внимание уделялось политическим предпосылкам, подготовительным мероприятиям организационного характера по ее созданию. Определенную разработку заданная тема получила в справочных изданиях об административно-территориальном устройстве и законодательстве, государственном строительстве Чувашской Республики¹. В них дана системная информация по вопросам статистики территории, населенных пунктов, административных единиц; приведены основные законодательные акты об административно-территориальном устройстве и его изменениях в Чувашии. Проблемы этнической географии чувашей, образования диаспорных групп чувашского населения и в увязке с ними вопрос формирования этнической территории чувашей исследованы этнологом В.П. Ивановым². Значительный фактический материал и ряд интересных выводов по проблеме образования Чувашской автономной области, особенностях формирования ее территории содержатся в работах А.В. Изоркина³. Однако сохраняется потребность на основе использования ранее неизвестных исторических материалов и фактов более глубокого аналитического осмысления поставленной проблемы.

В досоветский период времени чувашаи не имели своей фиксированной, очерченной границами официально признанной отдельной административной единицы. По переписи 1897 г., основная масса чувашского населения проживала на территории четырех Поволжско-Приуральских губерний – Казанской (60%), Симбирской (19%), Самарской (11%) и Уфимской (7%)⁴. Весьма мозаичными были и сами

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Голодные годы в российской деревне в советское время: причины и последствия (на материалах Мордовии)» № 04-01-23009 а/В.

основные ареалы обитания чувашей в Волго-Уральском регионе: в них имелось множество инациональных включений, во многих местах они разрывались на отдельные компактные массивы. Более концентрированную массу представляли чувашаи Казанской и Симбирской губерний, чувашаи же Самарской и Уфимской губерний находились далеко от основной массы. Уже в силу указанных географических особенностей расселения чувашей процесс становления и реализации идеи территориального самоопределения этноса не мог быть простым.

Активный поиск форм национального самоопределения чувашей начался после Октябрьской революции 1917 г. На протяжении 1917–1918 гг. в целом официальные программные цели чувашского национального движения не выходили за рамки требования предоставления расширенной национально-культурной автономии⁵. Экстерриториальный характер программы на этом этапе чувашского национального движения объяснялся объективной ситуацией и субъективными факторами: раскол чувашских национальных организаций на сторонников и противников советской власти, эскалация Гражданской войны, географическая распыленность этноса на территории нескольких губерний, незначительный практический опыт образования национальных субъектов в РСФСР, морально-психологическая, интеллектуальная неготовность и отсутствие политической воли у чувашских лидеров к административно-территориальному обособлению чувашского народа.

Позиция руководителей чувашского национального движения в вопросе о форме самоопределения этноса изменилась к концу Гражданской войны: она уже стала обсуждаться в аспекте образования самостоятельной чувашской административно-территориальной единицы. Этому способствовали результаты дискуссий вокруг проектов Волжско-Камского штата и Татаро-Башкирской республики, когда стало ясно, что национальные интересы чувашского этноса могут быть реализованы только путем выделения в самостоятельную территориальную единицу⁶. К консолидации вокруг идеи территориального самоопределения чувашей подтолкнули и действия лидеров башкирского и татарского национальных движений по организации самостоятельных Башкирской и Татарской автономий. В исторической литературе и источниках называются разные даты выдвижения в плане практической задачи создание чувашской административно-территориальной единицы: сентябрь 1918 г. (эту дату указывал И.С. Максимов-Кошкинский), осень 1918 г. (проект «Чувашской Республики» Г.Ф. Алюнова), лето 1919 г. (эту дату называл Г.Т. Титов), лето 1919 г.

(проект Козьмодемьянского уездного исполкома Советов образования национальной губернии из частей Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний), 28 декабря 1919 г. на съезде чувашей – представителей коммунистических ячеек Симбирской губернии в Симбирске (историк В.Н. Любимов)⁸.

Документально зафиксирован проект Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР под названием «Краткий доклад о выделении чувашского народа в особую административную единицу», представленный в наркомнац 3 января 1920 г. Основополагающим принципом ее образования в проекте был избран этнический состав населения. Проект предусматривал создание на территории с чувашским населением Казанской и Симбирской губерний самостоятельной административной единицы на правах губернии – Чувашской трудовой коммуны (по образцу Трудовой коммуны немцев Поволжья). В ее состав предполагалось включить все без исключения территории с относительно компактным чувашским населением названных губерний. Согласно проекту предполагалось, что Коммуна будет делиться на 12 районов, каждый в составе 5–7 волостей. Это – Шихранский, Курмышский, Норусовский, Присурский, Сундырский, Чебоксарский, Мариинскопосадский, Урмарский, Буинский, Тетюшский (с центром не в Тетюшах), Симбирский (центр не в Симбирске), Сунчелеевский районы. Почти все проектируемые районы совпадали с границами действия районных продовольственных комитетов. За исключением последних двух, они имели экономическое тяготение к железнодорожной станции Шихраны (ныне г. Канаш), которую планировалось сделать административным центром Чувашской трудовой коммуны (но из-за отсутствия подходящих помещений для административных учреждений временно им должны были стать Чебоксары). В Коммуну должны были войти Ядринский, Цивильский, Чебоксарский, части Козьмодемьянского, Тетюшского, Чистопольского и Спасского уездов Казанской губернии; Буинский, части Курмышского и Симбирского уездов Симбирской губернии⁹.

Проект создания Чувашской трудовой коммуны был рассмотрен I Всероссийским съездом чувашских коммунистов (4–9 февраля 1920 г.), который одобрил разработанный Чувашским отделом при наркомнаце «Положение об организации Чувашской Трудовой Коммуны». Последнее имело некоторые различия с «Кратким докладом...». В частности, в «Положении» проектировалось вместо Курмышского, Сундырского, Урмарского, Тетюшского, Симбирского образование Урмарско-

Козловского, Татаркасинского, Ибресинского, Яльчикского, Городищенского районов. При этом число районов оставалось неизменным – 12. Согласно «Положению» в Коммуну предполагалось включить следующие территории: из Казанской губернии – Цивильский (без части Новоковалинской волости), Ядринский (без Слободо-Стрелецкой волости) и Чебоксарский (без Помарской волости) уезды целиком (в исключенных волостях и части их жили либо татары, либо русские, либо марийцы); Янгильдинскую, Сундырскую, Татаркасинскую, Акрамовскую и Малокарачкинскую волости Козьмодемьянского уезда; Новошимкусскую, Большеятабинскую, Большефроловскую (чувашская часть), Большешемьякинскую (чувашская часть), Пролей-Кашинскую (чувашская часть) и Алькеевскую волости Тетюшского уезда; из Симбирской губернии – Атаевскую, Курмышскую, Ходаровскую, Тархановскую, Пандиковскую и Алгашинскую волости Курмышского уезда; Шамкинскую, Тимбаевскую, Рунгинскую, Бурундуковскую, Хомбусь-Батыревскую, Муратовскую, Тархановскую, Батыревскую, Шемуршинскую, Убеевскую и Городищенскую волости Буинского уезда; Верхнетимерьянскую, Большетархановскую (чувашская часть) и Сюндуковскую (чувашская часть) волости Симбирского уезда¹⁰. Из волостей с чувашским населением Чистопольского уезда: Аксубаевской, Билярской, Егоркинской, Кутеминской, Кутушской, Новоадамовской, Седелькинской, Старо-Мокшинской, Старо-Челнинской; и Спасского уезда: Базарно-Матаковской, Гусихинской, Кузнечихинской, Нижнеалькеевской, Успенско-Юхмачинской, расположенных в Закамье, намечалось образовать анклавный Сунчелевский район¹¹, не имевший общей границы с основной территорией планируемой административной единицы, отдаленный от нее на 150 верст.

Таким образом, решение вопроса об образовании национальной административной единицы его инициаторам виделось в объединении как можно большего числа средневожских уездов и волостей с чувашским населением независимо от того, в составе каких губерний и в состоянии какой чересполосицы они находились. Подробный этнотерриториальный состав проектируемой Чувашской трудовой коммуны дан в табл.

Впрочем, дальнейшая проработка проекта Чувашской трудовой коммуны в центральных правительственных учреждениях показала, что у его авторов так и не сложилось четко фиксированного представления о ее границах. В Коммуну намеревались включить и часть уез-

дов с чувашским населением Самарской губернии¹³, а также Козьмодемьянский уезд целиком¹⁴.

Этнотерриториальный состав Чувашской трудовой коммуны¹²

Район	волостей	Количество									
		селений				населения					
		чуваш.	со смешан. составом	нечуваш.	всего	чуваш.		других национал.		всего	
абс. цифры	в %					абс. цифры	в %	абс. цифры	в %		
Шихранский	7	188	–	15	203	117816	87,3	17219	12,7	135035	100
Урмарско-Козловский	6	126	–	18	144	84581	89,6	9789	10,4	94370	100
Мариинско-посадский	6	184	–	67	251	65310	75,3	21394	24,7	86704	100
Чебоксарский	6	222	–	33	255	66698	92,1	5715	7,9	72413	100
Татаркасинский	6	267	–	5	272	79577	98,9	915	1,1	80492	100
Присурский	6	197	–	2	199	90790	98,8	1096	1,2	91886	100
Норусовский	7	278	–	6	284	106249	91,7	9580	8,3	115829	100
Ибресинский	4	74	–	14	88	48831	89,3	5881	10,7	54712	100
Яльчикский	6	105	–	21	126	65560	89,5	7665	10,5	73225	100
Городищенский	5	55	–	37	92	49780	70,9	20415	29,1	70195	100
Буинский	5	28	–	21	49	32275	73,2	11807	26,8	44082	100
Сунчелеевский	14	46	61	47	154	107435	58	77940	42	185375	100
Итого	74	1770	61	286	2117	914902	82,9	189416	17,1	1104318	100

В стадию практического решения вопрос организации самостоятельного субъекта федерации для чувашей вступил весной 1920 г. 17 марта коллегия Чувашского отдела при наркомнаце постановила: возбудить ходатайство «перед соответствующими Центральными органами советской власти и РКП(б) о выделении чуваш в особую административную единицу Чувашскую Трудовую Коммуну на правах губернии»¹⁵. В целях подготовки необходимых статистических и картографических материалов по созданию Чувашской трудовой коммуны 14 апреля 1920 г. на своем заседании коллегия Чувашского отдела при НКН высказалась за образование специальной комиссии¹⁶. Данное намерение 6 мая поддержала Малая коллегия Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР и утвердила ее смету в сумме 1 млн. руб.¹⁷ 18 мая 1920 г. Чувашский отдел принял решение организовать Комиссию по подготовке материалов к объявлению Чувашской трудовой коммуны во главе с заведующим подотделом статистики Г.И. Ивановым¹⁸. В ее задачи входило проведение в сжатые сроки всестороннего сплошного обследования чувашского населения средне-

волжских губерний, привлечение специалистов и разработка справочно-информационных материалов и карт.

Материалы, подготовленные комиссией, активно были использованы руководителями Чувашского отдела при решении в Центре вопроса о выделении чувашей в самостоятельный субъект федерации. Однако воплощение в жизнь проекта Чувашской трудовой коммуны и прежде всего ее территориального формата столкнулось с сопротивлением. Против выступили организаторы Татарской АССР, согласно планам которых территория Яльчикского, Городищенского, Буинского, Сунчелеевского районов проектируемой Чувашской трудовой коммуны входила в Татарскую республику¹⁹. Ряд ответственных работников центральных учреждений на том основании, что «чувашаи будто бы лишены национальной культуры и все более и более обрусевают» также не поддерживали этот проект²⁰. 8 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), решая организационные вопросы, связанные с образованием Татарской АССР, рассмотрело и вопрос «О Чувашской Республике». В ходе его обсуждения некоторые участники заседания выступили против выделения чувашей в отдельную административную единицу, но их позиция не была поддержана В.И. Лениным, который решительно выступил за ее создание, вместе с тем, признав название «Коммуна» неприемлемым, т.к. чувашское крестьянство превратно истолкует его. Глава советского правительства предложил другое название – «Чувашская Область»²¹. С учетом результатов дискуссии Политбюро внесло значительные коррективы в проект образования Чувашской трудовой коммуны: признало необходимым образовать «Чувашскую единицу» лишь из 3-х уездов – Ядринского, Цивильского и Чебоксарского, которые временно «до организации чувашской власти» передавались в управление Нижегородского губернского исполкома Советов²²; отказалось от образования районов, оставив уезды как прежде; не приняло предложение об исключении из состава уездов, отнесенных к чувашской административно-территориальной единицы волостей с нечувашским населением²³.

Решения Политбюро ЦК партии не могли в полной мере удовлетворить инициаторов организации Чувашской автономии. Несмотря на то, что принципиально вопрос о ее образовании был решен, но не были определены конкретные сроки реализации принятого решения, существовали опасения по поводу временного характера управления чувашских уездов Нижегородским губернским исполкомом Советов, волно-

вала судьба Козьмодемьянского уезда, в котором чуваша составляли не менее половины населения²⁴. Неопределенность перспективы создания чувашской административно-территориальной единицы и принадлежности уездов Казанской губернии, не вошедших в Татарскую АССР, привела к появлению альтернативного проекта. Так, 14 июня 1920 г. президиум исполкома Козьмодемьянского городского Совета принял постановление о целесообразности образования самостоятельной губернской административной единицы из бывших уездов Казанской губернии – Чебоксарского, Свяжского, Ядринского, Козьмодемьянского и Краснококшайского; Вятской губернии – Яранского; Симбирской губернии – Курмышского; Нижегородской губернии – Васильсурского и Воскресенского с центром в Козьмодемьянске или в Чебоксарах²⁵.

Эти обстоятельства, а также постановление Президиума ВЦИК от 18 июня 1920 г., согласно которому Козьмодемьянский, Чебоксарский, Цивильский, Ядринский уезды Казанской губернии безоговорочно включались в состав Нижегородской губернии²⁶, резко активизировали действия чувашских лидеров. 19 июня 1920 г. Чувашский отдел при НКН с грифом «Весьма спешно» представил в Президиум ВЦИК «Меморандум» относительно разрешения в срочном порядке вопроса о «Чувашской трудовой коммуне». Он отвергал передачу чувашских уездов в Нижегородскую губернию и настаивал на скорейшем урегулировании проблемы выделения чувашей в самостоятельный субъект РСФСР. После этого вопрос о предоставлении чувашам автономии решался оперативно. 21 июня 1920 г. он рассматривался в НКВД РСФСР. 22 июня Политбюро ЦК РКП(б) утвердило форму автономии чувашского народа как «Чувашская область» вместо Трудовой коммуны; поручило заместителю наркома внутренних дел М.Ф. Владимирскому внести вопрос об учреждении Чувашской области на рассмотрение СНК РСФСР с последующим направлением во ВЦИК. 24 июня 1920 г. ВЦИК и СНК приняли декрет «Об Автономной Чувашской области». В состав вновь образованной административно-территориальной автономии вошли в полном составе Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды Казанской губернии, часть волостей Буинского и Курмышского уездов Симбирской, а также Козьмодемьянского уезда Казанской губерний. В то же время волости Чистопольского и Спасского уездов со значительным чувашским населением во-

шли в Татарскую АССР. Из-за территориальной чересполосицы временно в составе Татарии остались некоторые чувашские волости и селения бывших Буинского и Тетюшского уездов.

Итак, определенная декретом территория ЧАО оказалась намного меньше по сравнению с проектом Чувашской трудовой коммуны, всего лишь 11,6 тыс. км² с населением около 940 тыс. чел.; чуваша в ней составляли 86%. Это был наивысший показатель титульного этноса среди 9 автономных образований, имевшихся в РСФСР в конце 1920 г.²⁸ Однако территория автономной области оказалась без какой-либо серьезной промышленности, развитых городских центров, по почвенным условиям неблагоприятным для развития сельского хозяйства, с очень высокой плотностью населения: 63,8 чел. на 1 км². Таким образом, при образовании Чувашской автономной области, определении ее территории и границ были приняты во внимание, главным образом, национальные моменты, без достаточного учета факторов экономических и культурно-политических. Эти обстоятельства, наряду с рядом других, и стали причиной, что уже спустя два года руководители ЧАО поставили перед Центром вопрос о расширении ее территории за счет Симбирской, Самарской губерний, Татарской АССР с преобразованием в республику с центром в Симбирске²⁹.

Примечания

¹ Нестеров В.А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы. Справочник. Чебоксары, 1981; Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920–1987). Документы и материалы. Чебоксары, 1989.

² Иванов В.П. Этническая карта Чувашии. Чебоксары, 1997; Он же. Чувашская диаспора. Этнографический справочник. Чебоксары, 1999; Он же. Этническая география чувашского народа. Чебоксары, 2005.

³ Изоркин А.В. Иллюзии национального дома, или ностальгия по «Большой Чувашии» // Советская Чувашия, 1995. 5 февр.; Он же. От зарождения идеи самоопределения до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 20–37.

⁴ Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. С. 50.

⁵ Хотя неофициально еще в начале 1918 г. на I Всероссийском чувашском военном съезде (январь–февраль 1918 г.) некоторыми его делегатами предлагалось образовать отдельную чувашскую административно-территориальную единицу в виде штата в составе Советской России (Государственный истори-

ческий архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 23). В воспоминаниях И.С. Максимова-Кошкинского сообщается такой факт. В мае 1918 г. в Москве во время проведения совещания по вопросу образования Татаро-Башкирской республики, куда предполагалось включить и чувашское население Поволжья и Приуралья, на встрече И.В. Сталина с М. Вахитовым, М.Х. Султан-Галиевым, Д.С. Эльменем и башкирским представителем, нарком по делам национальностей заявил: «Если не хотите войти в Татаро-Башкирскую республику (имелись в виду Д.С. Эльмень и башкирский представитель. – В.К.), то создавайте свои Автономные советские республики». На что Эльмень ему ответил: «У нас для столицы пригодного города даже нет». В ответ Сталин сказал: «Вашингтон 100 лет тому назад каким городом был, знаете?... Насчет столицы не надо печалиться, создадим новый город», – успокоил его Сталин (И. Максимов-Кошкинский. «Такёр сул» // Ялав, 1960. № 4. С. 20 (на чув. яз.).

⁶ О спорах вокруг вхождения чувашей в Волжско-Камский штат и Татаро-Башкирскую республику см.: Изоркин А.В. От зарождения идеи самоопределения до образования автономии... С. 20–28.

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 1779; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5677. Оп. 1. Д. 260. Л. 6–7.

⁸ Любимов В., Юлдашбаев Б. Ленин и самоопределение наций. Чебоксары, 1967. С. 182.

⁹ Чувашия в годы Гражданской войны. Образование Чувашской автономной области. Сб. документов. Чебоксары, 1960. С. 339.

¹⁰ Изоркин А.В. От зарождения идеи самоопределения до образования автономии... С. 29–30.

¹¹ Чувашия в годы Гражданской войны... С. 375.

¹² Таблица составлена заведующим подотделом статистики Чувашского отдела при Наркомнаце Г.И. Ивановым в 1920 г. по данным по Казанской губернии за 1906 г. на основе статистических материалов 13 выпусков «Крестьянского землевладения Казанской губернии», изданных в 1907 г.; по данным по Симбирской губернии за 1910 г. на основе статистики 8 выпусков «Подворной переписи Симбирской губернии в 1910–11 гг.», изданных в 1914 г., и «Статистического ежегодника по Симбирской губернии за 1913 г.», изданных в 1913 г. (ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 260. Л. 17, 24).

¹³ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 110. Л. 51; Д. 93. Л. 102 об.

¹⁴ Там же. Д. 1. Л. 20 об.; Д. 48. Л. 87.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 260. Л. 4.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 127. Л. 15.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 126. Л. 52.

¹⁹ Там же. Д. 7. Л. 299 об.; ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 294. Л. 218.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 435. Л. 114.

²¹ Там же; ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 20. Следует отметить, что еще на начальной стадии продвижения проекта Чувашской трудовой коммуны в Москве на встрече чувашских деятелей (Д.С. Эльмень, Л.М. Лукин, В.А. Алексеев) с В.И. Лениным, последний предложил создать Чувашскую республику, причем с центром в г. Симбирске. В ответ Д.С. Эльмень высказался, что «слово республика понимается местными работниками как отделение от РСФСР, тогда как чувашаи, Владимир Ильич, хотят быть только в составе Российской Федерации. К тому же для образования республики пока нет достаточного количества подготовленных кадров...» (См.: Воспоминания А.Л. Лукина, хранящиеся в НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 761; Рождение республики (воспоминания И.И. Илларионова) // Молодой коммунист, 1990. 29 марта; Любимов В., Юлдашбаев Б. Указ. соч. С. 176) и др.

²² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 86. Л. 1.

²³ Нестеров В.А. Указ. соч. С. 25.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 435. Л. 114–115; ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.

²⁵ Из истории образования Марийской автономной области. Сб. документов. Йошкар-Ола, 2000. С. 58–59.

²⁶ Образование Марийской автономной области. Сб. документов и материалов. Йошкар-Ола, 1966. С. 99.

²⁷ Изоркин А.В. От зарождения идеи самоопределения до образования автономии... С. 34.

²⁸ Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. С. 205.

²⁹ Подробнее о перипетиях процесса преобразования Чувашской автономной области в республику см.: Клементьев В.Н. Чувашия: от автономной области к республике (1922–1925 гг.) // Чувашская Республика: проблемы национально-государственного строительства (история и современность). Чебоксары, 2005. С. 6–75.

Т.М. Иванова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЧУВАШИИ в 20-30-е гг. XX в.

В советский период периодическая печать всегда рассматривалась как важное средство повышения политической и трудовой активности трудящихся, проведения в жизнь официальной политики партии и государства, в том числе и в национальном вопросе. Само создание и развитие национальной печати являлось составной частью курса по ликвидации фактического неравенства наций. Так, в письме Отдела печати ЦК ВКП(б) от 22 сентября 1924 г. отмечалось, что в национальных районах требуется усилить работу по распространению советской печати, в том числе на национальном языке, организовать «институт чтецов»¹. Если в 1921 г. в Чувашии издавалось 6 газет и журналов, то в 1930 г. – 3 газеты (не считая районных) и 8 журналов общим тиражом 100 тыс. экземпляров, в том числе «Трудовая газета» («Красная Чувашия»), «Канаш» («Совет»), «Самрăк хресченё» («Молодой крестьянин»), «Капкăн» и другие². Распространение газет и журналов, создание газетных витрин, организация читки печати для неграмотных было важнейшим направлением просветительской работы. В Урмарском районе примерно на каждые пять дворов выписывалось 2 газеты и журнала (в то время как XIII съезд РКП(б) ставил задачу выписывать не менее 1 газеты на 10 крестьянских дворов)³. Движение рабочих и сельских корреспондентов выросло с 371 чел. в 1926 г. до 2500 в 1929 г. Только «Трудовая газета» за 6 месяцев 1929 г. напечатала 1840 статей и заметок рабселькоров⁴.

Одним из основных направлений деятельности прессы в 20-е гг. стало разъяснение теории национального вопроса, национальной политики ВКП(б), пропаганда идей интернационализма, советского патриотизма, идей равноправия и братства народов. Это нашло отражение в документах практически всех областных партийных конференций и пленумов ОК ВКП(б) этого периода⁵.

С 1 января по 15 августа 1927 г. только в «Трудовой газете» было опубликовано по национальной политике 54 статьи и заметки из них 22 – по вопросам национальной культуры⁶. Однако к концу 20-х гг. на содержании этих материалов все больше сказывается ожесточенная политическая борьба внутри ВКП(б), преследование инакомыслия и

поиски всевозможных «врагов социализма». В течение июня 1928 – января 1930 г. в «Трудовой газете» («Красной Чувашии») появляются статьи: «Болезненные явления в Алатырской организации», «Практика национальной политики в условиях ЧАССР», целая полоса «Право-опортунизму в национальном вопросе партия дает отпор», 2 большие статьи против «султангалиевщины» и др. В 2-х номерах за 1930 г. публикуется большая подвальная статья В. Андреева «Вопросы национальной политики», редакционные статьи «О состоянии работы по коренизации аппарата, реализации чувашского языка и подготовке национальных кадров»⁷. Наряду с констатацией неоспоримых достижений трудящихся Чувашии, помощи в этом национальных областей все больше трудности и недостатки в реализации национальной политики начинают списываться на происки «национал-уклонистов». Пиком этой кампании стало разоблачение «национал-уклонизма» после опубликования редакционной статьи Д.И. Эльменя о проблемах развития народного хозяйства республики в журнале «Чувашское хозяйство» (1928, № 3-4). «Национал-уклонисты» обвинялись в недооценке значения Октябрьской революции для чувашского народа, преуменьшении его достижений и помощи русского народа, «неклассовом подходе» к оценке чувашской культуры и истории чувашского народа. Эти обвинения коснулись как самой печати, так и ряда представителей чувашской интеллигенции. Так, в 1921 и 1926-х гг. были подвергнуты критике гражданский орган РОСТА «Красный вестник» и «Трудовая газета» за недооценку помощи чувашскому народу со стороны русского народа в борьбе с голодом, в 1928 г. – газета «Канаш» за неклассовый подход к оценке некоторых сторон национальной жизни, в частности за сравнение чувашей с евреями («мы – вторые евреи»). «Необходимо воспитывать нашу молодежь на основе классовой солидарности, пусть будет это еврей, китаец, негр и т.д., но он принадлежал бы к классу трудящихся. Чтобы он гордился не званием второго еврея, а званием частички класса, к которому принадлежит»⁸.

В национализме были обвинены некоторые молодые писатели объединения «Канаш». В статьях Н. Золотова «Не ослаблять борьбы с чувашским национализмом» и «Усилить борьбу на идеологическом фронте», опубликованных в газете «Красная Чувашия» летом 1930 г., говорилось о проявлениях национализма не только в прессе, но и в чувашских учебниках, литературе в целом и делался категорический вывод, что «национализмом пропитаны как старые, так и молодые писатели, поэты». 25 августа 1930 г. бюро Чувашского обкома ВКП(б) при-

нимает постановление «О журналах «Сунтал», № 6, 7 и 8 «Ёҫхёраҫ» № 7 за 1930 г., затем в «Красной Чувашии» в 3 номерах публикуется подвальная статья В. Токсина «Против извращений линии партии», где говорится об «однобоком» освещении национального гнета, недооценка борьбы с уклонами (в частности, помещении «недопустимого по содержанию» письма П. Хузангая к Юману, праздновании юбилея Симбирской школы И.Я. Яковлева и т.д.)⁹. На страницах газет в 1930-1931 гг. были также подвергнуты критике сборник тезисов и докладов I Всечувашского краеведческого съезда (1929), книга Г.И. Иванова «Климатические условия и урожай в Чувашии» (1927) как мелкобуржуазная, В. Краснова «Нарспа йупа Улах» («Февраль и Октябрь») 1931 г., оцененная как «националистически-эсеровская по духу своему и содержанию»¹⁰.

Печать Чувашии активно пропагандировала идеи международной солидарности трудящихся, освещала вопросы международного рабочего и революционного движения. На ее страницах публиковались материалы о революционном движении в Германии и Китае, забастовках английских и польских шахтерах, организовывались кампании помощи зарубежному пролетариату. «Женщины, помните детей труд трудящихся Германии!», «О работе Лиги помощи детям германского пролетариата» - вот только некоторые заголовки газетных материалов, призывавших к поддержке рабочих Рура в 1923-1924 гг. В 1927 г. в газете «Канаш» 9 передовых статей были посвящены международному рабочему движению. Выпускались специальные приложения, посвященные памяти К. Либкнехта, Р. Люксембург, празднованию Международного Юношеского дня (МЮД) и т.д.¹¹.

Широко освещались приезд и пребывание в Чувашии иностранных делегаций, публиковались выступления на митингах, интервью и статьи иностранных гостей: делегации рабочих из Канады, Германии на праздновании 10-летия Чувашской автономии (июнь - август 1930 г.); группы иностранных рабочих и студентов международной ленинской школы при Коминтерне (июль 1930 г.); китайской рабочей делегации (май 1931 г.); норвежской рабочей делегации (сентябрь 1931 г.), австрийской рабочей делегации (август 1932 г.) и т.д.¹².

Задачи интернационального воспитания рассматривались в тесной связи с военно-патриотической пропагандой. В центре которой была официальная установка о высшем интернациональном долге советских людей: строить и защищать социализм, «родину мирового пролетариата СССР». В циркуляре ЦК ВКП(б) 1924 г. указывалось, что в нацио-

нальных районах такую пропаганду надо сочетать с разъяснением национальной политики партии, особенно «роли Красной Армии в национальном освобождении и раскрепощении народов Союза»¹³. В газете «Канаш» был создан специальный раздел «Красная Армия», где публиковались заметки красноармейцев–военкоров. Газеты организовывали сбор средств для укрепления обороны страны. В 1927 г. «Трудовая газета» собрала для фонда «Наш ответ Чемберлену» более 1350 рублей, газета «Канаш» – более 12 тыс. рублей на строительство самолета «Красная Чувашия»¹⁴.

Регулярно появлялись на страницах печати материалы о деятельности МОПР, Осоавиахима, ОДН и других добровольных обществ. Так, в 1928 г. в «Трудовой газете» был опубликован целый ряд статей о работе МОПР по Чувашии и в районах, проведен «митинг-переключка» Осоавиахима, в ходе которой возникло 60 новых ячеек, активизировалась его работа в деревне. За успехи чувашская организация Осоавиахима была награждена грамотой Осоавиахима СССР¹⁵.

Пресса Чувашии способствовала улучшению работы среди национальных меньшинств республики: татар, марийцев, мордвы. В «Трудовой газете» был открыт постоянный «мордовский уголок», публиковались материалы о «татарском районе» (Шихирдановском)¹⁶.

Под постоянным контролем печати находились проблемы подготовки национальных кадров, «коренизации аппарата» и расширения использования чувашского языка (практически почти в каждом номере в 20-е гг. затрагивались эти вопросы). Резкой критике подвергались факты недооценки этих проблем, расцениваемые как проявление шовинизма. Так, низкий процент чуваш среди рабочих и специалистов отмечались на Козловском заводе стройдеталей, Шумерлинском комбинате и госучреждениях, алатырских предприятиях и учебных заведениях. Осуждались факты «бытового национализма» (пренебрежительные отзывы о чувашском народе, использовании обидных прозвищ), дискриминация в оплате, распределении жилья и т.д.¹⁷. В заметке «Сломить великодержавную практику. Подготовить национальные кадры», опубликованной в «Красной Чувашии» (1931 г.), наряду со слабыми темпами подготовки рабочих-чувашей высокой квалификации, ощущалось неиспользование чувашского языка на собраниях и делопроизводстве¹⁸.

Публиковались материалы о связях Чувашии с другими областями и республиками (помощь в подготовке кадров, участие чувашей в индустриальном строительстве, социалистическое соревнование и т.п.).

Так, в 1927-1928 гг. «Трудовая газета» («Красная Чувашия») провела «смотр-переключку» чувашских и белорусских предприятий, с 5 мая 1931 по август 1932 гг. поместила около 20 статей, заметок и сообщений об участии чувашских рабочих в строительстве Нижегородского автозавода и расширении в связи с этим культурных связей с крупным центром Поволжья (работа культбригад, декада чувашского искусства)¹⁹.

Со второй половины 30-х гг., особенно после вывода XVIII съезда ВКП(б) о победе социализма в СССР, меняется освещение национального вопроса на страницах печати. Национальный вопрос был объявлен в основном решенным в СССР, сужается проблематика, посвященная национальной политике в прессе. Отражением новых тенденций стала статья И. Левина «Победа ленинско-сталинской национальной политики»²⁰, в которой констатировалось, что советские республики «ликвидировали свою отсталость в ходе «сталинских пятилеток». Со страниц газет уходят темы «коренизации аппарата» и «реализации родного языка», борьбы с проявлениями «бытового национализма», главное место занимает пропаганда достигнутых, как считалось, расцвета наций СССР, отношений братства и дружбы между народами и культа личности Сталина, которому приписывалось в этом главная заслуга. Так, в тематике лекций и докладов отдела агитации и пропаганды Чувашского обкома ВКП(б) в январе 1940 г. даже не упоминается национальный вопрос, то же самое – в большой подвальной статье секретаря Чувашского обкома ВКП(б) Т. Ахазова «Итоги и дальнейшие задачи агитационной массовой работы». Нет ни слова о национальных кадрах и в статье зав. отделом кадров обкома ВКП(б) А. Смирнова «Подбор и воспитание кадров»²¹. Хотя в прессе сообщалось о переводе на чувашский язык и издании Чувашиздатом произведений В.И. Ленина тиражом 40 тыс. экз., в опубликованном к ленинским дням отделом агитации и пропаганды списке литературы из 22 названий: 4 работы Сталина и ни одной ленинской работы, 14 работ о Сталине и всего 4 - о Ленине²².

Сокращается по сравнению с 20-ми гг.ми количество названий чувашской республиканской периодической печати: в сер. 30-х гг. издавалось 5 республиканских газет (4 – на чувашском языке) и 8 журналов, в 1940 г. – 4 газеты и 4 журнала²³.

Положительным моментом можно считать значительное расширение во 2-ой половине 30-х гг. пропаганды культуры, истории и достижений народов СССР, культурных связей. Так, в 1938 г. в «Красной

Чувашии» регулярно печатались большие подвальные статьи о советских республиках, статьи и целые полосы, посвященные деятелям культуры разных народов (А.П. Чехову, Вольтеру, Ж.Ж. Руссо, Н.Г. Чернышевскому, В.Г. Короленко, Д.И. Писареву, Джамбулу и др.). С большой торжественностью (в том числе на страницах печати) были отпразднованы юбилеи К. Иванова, калмыцкого эпоса «Джангир», Шота Руставели. Сообщалось о приезде в 1938 г. в Чувашию делегации Татарской АССР, концертах Украинского ансамбля песни и пляски, капеллы хора и бандуристов из Полтавы, о концертах Чувашского государственного хора в Горьком, выпуске в Москве 5 пластинок чувашской музыки²⁴.

В то же время, пропагандируются реальные большие достижения в ликвидации национальной отсталости, газеты в духе времени часто отрицали достижения чувашского народа до советского периода. Научные концепции и факты, не укладывавшиеся в официальную классовую концепцию, объявлялись «буржуазно-националистическими», связанными с происками «троцкистско-бухаринских врагов народа». Так, их обвиняли в том, что они «пропагандировали, что чувашаи принадлежат к болгарскому родству по языку, ставили вопрос о латинизации письменности, искали связь с фашистскими странами»²⁵. В «Красной Чувашии» (5 июня 1938 г.) целая полоса, посвященная прошлому Чебоксар, описывала его как «сплошную дикость», где «Ефремовы, Шемякины, Хлебниковы только изнывали от безделья и пьянства».

После опубликования 13 марта 1938 г. указа Президиума Верховного Совета об обязательном преподавании русского языка в школах всех советских республик пресса усилила пропаганду изучения русского языка, укрепления связей с русским народом. Как отмечала «Красная Чувашия», советское государство вложило в 1937 г. в народное образование республики 52 млн. руб. (45% бюджета), тем не менее в 1937-1938 гг. не хватало 57 преподавателей русского языка²⁶.

Однако этот в целом положительный процесс сопровождался шумной кампанией поиска «врагов народа» в области образования. В марте - июле 1938 г. в «Красной Чувашии» публикуется ряд статей о преподавании русского и чувашского языков: А. Трофимова – «О чувашском букваре и русском языке»; Н. Резюкова – «Еще раз о правилах чувашского правописания»; А. Судакова – «Улучшить преподавание русского языка в школах»; С. Орлова – «О некоторых недостатках чувашской ботанической терминологии» и др.²⁷ В них звучали такие оценки: «передача русских слов чувашской графикой является одной

из форм проявления национализма»; «буржуазные националисты всячески сопротивлялись введению русского языка в чувашских школах» и т.д. В то же время некоторые авторы пытались внести критическую струю в эту дискуссию. Так, С. Орлов пишет о «необоснованном обвинении авторов в сознательном вредительстве», т.к. чувашская терминология в ботанике еще не разработана, А. Трофимов подчеркивает, что «некоторые из учителей, в искреннем стремлении улучшить постановку преподавания русского языка, забыли о роли родного языка в школе».

14 июля 1938 г. «Красная Чувашия» опубликовала постановление ЦИК и СНК «Об изменениях в чувашской орфографии», где говорилось, что «искаженную передачу русских и интернациональных слов в чувашском языке буржуазные националисты использовали для отрыва чувашского языка, а стало быть и чувашской культуры от передовой социалистической культуры русского народа». В чувашский язык были включены 6 букв русского алфавита.

Репрессии, обрушившиеся на национальные кадры, отражают и другие материалы того времени. Ряд резких статей (А. Орлов «Ликвидировать последствия вредительства в Чувашской высшей коммунистической сельскохозяйственной школе»; Д. Сильвестров «До конца очистить вузы Чувашии от буржуазных националистов» и др.) были направлены против некоторых преподавателей сельскохозяйственного и педагогического институтов²⁸.

В условиях надвигающейся мировой войны важной темой печати оставалась военно-патриотическая пропаганда, воспитывавшая преданность социалистической Родине, солидарность с борцами против фашизма. Так, в ряде номеров «Красной Чувашии» 1938 г. публиковались материалы о республиканской Испании, в том числе о комиссарах республиканской армии, статья Д. Ибаррури и др.²⁹. Однако в эти годы сокращаются непосредственные контакты с иностранными рабочими, приезд иностранных делегаций.

Газеты регулярно писали о службе посланцев Чувашии в Красной Армии, печатали письма красноармейцев. Чувашское подразделение Московской пролетарской краснознаменной стрелковой дивизии и другие части не только давали боевую выучку, служба в них повышала культурный уровень красноармейцев. Один из красноармейцев с гордостью писал, что до армии он никогда не был в театре, редко видел кино и читал книги, а здесь за полгода был 6 раз в театре, просмотрел 52 картины и посетил 10 музеев. Активно пропагандировал чувашскую

культуру Чувашский ансамбль красноармейской песни и пляски при этой дивизии, выступавший в Большом театре, домах культуры и рабочих клубах Москвы. Подобные же ансамбли существовали при военных частях на Украине, в Белоруссии, Сибири и Дальнем Востоке, где служили посланцы Чувашии³⁰.

В 1939 г. в Осоавиахим вступили более 10 тыс. трудящихся ЧАССР, в соревнованиях на звание «ворошиловский стрелок» участвовало 7607 чел., 9544 чел. Получили значок ПВО I степени³¹.

Таким образом, на страницах печати Чувашии 20-30-х гг. отразилась противоречивость процессов, происходивших в национальных отношениях и национальной политике того времени.

Примечания

¹ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 100. Л. 5.

² РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 15. Л. 53.

³ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Лл. 177-179; Оп. 9. Д. 108. Лл. 274-275; КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 90.

⁴ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 6. Л. 56; Оп. 8. Д. 237. Лл. 29-32; Оп. 9. Д. 12. Л. 140.

⁵ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Лл. 150, 187; Оп. 6. Д. 3. Л. 236.

⁶ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 67. Л. 24.

⁷ Трудовая газета (Красная Чувашия). 1928. 20 июня, 30 ноября; 1929. 17, 19 ноября; 1930. 11, 14 января.

⁸ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23. Л. 103; Оп. 6. Д. 172. Л. 19; Оп. 9. Д. 19. Лл. 66-67.

⁹ Красная Чувашия. 1930. 15, 17 августа; 30 сентября; 3, 17 октября.

¹⁰ Красная Чувашия. 1930 г. 18 ноября; 1931. 21 марта; 28 августа.

¹¹ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 10; Оп. 3. Д. 64. Л. 56; Оп. 2. Д. 161. Л. 13; Оп. 8. Д. 237. Л. 179.

¹² Красная Чувашия. 1930. 28, 29 июня; 3, 7, 17 июля; 1 августа; 7 ноября.

¹³ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 98. Л. 15.

¹⁴ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 237. Лл. 179-180; Д. 67. Л. 25.

¹⁵ РГУ ГАСИ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 237. Л. 54; «Трудовая газета». 1928. 13 января; 8, 10, 12, 17 февраля; 18 марта; 2 ноября.

¹⁶ Трудовая газета. 1928. 22 января; 9 мая; 1929. 5 декабря.

¹⁷ Красная Чувашия. 1929. 2 ноября; 1930. 15 июля; 14, 25 августа; 13 октября; 24 ноября; 1931. 30 января; 25 мая; 17 августа; 24 декабря; 1932. 5 мая.

¹⁸ Красная Чувашия. 1931. 25 мая.

¹⁹ Трудовая газета. 1928. 1 июня; Красная Чувашия. 1931. 5, 25, 30 мая; 10, 12, 18-21, 22 августа; 1, 10, 15 ноября; 30 декабря; 1932. 1 января; 21 июля; 4 августа.

²⁰ Красная Чувашия. 1938. 23 мая.

²¹ Красная Чувашия. 1940. 6, 12 января.

²² Красная Чувашия. 1940. 16 января.

²³ Сергеев Т.С. Культура Советской Чувашии. Чебоксары., 1989. С. 225; Из истории культуры Чувашской республики. Вып. 1. 1917-1985. Чебоксары., 1992. С. 119.

²⁴ Красная Чувашия. 1938. 22, 28 февраля; 22 июня; 5, 16, 18, 20, 27 июля; 2 августа; 1940. 6, 24 февраля.

²⁵ Красная Чувашия. 1938. 2 апреля.

²⁶ Красная Чувашия. 1938. 24 марта; 2 апреля.

²⁷ Красная Чувашия. 1938. 3, 21, 24 марта; 16 июня; 8, 14 июля.

²⁸ Красная Чувашия. 1937. 14 октября; 23 декабря; 1938. 26 января; 22 февраля; 12 июня.

²⁹ Красная Чувашия. 1938. 29 мая; 11 июня; 18 июля.

³⁰ Красная Чувашия. 1938. 28 февраля; 23, 29 марта; 27 апреля; 1940. 12 февраля.

³¹ Красная Чувашия. 1940. 12, 16 февраля.

А.В. Карпов

ИЗМЕНЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

в конце XX – начале XXI вв.

**(На примере института президентства
в Чувашской Республике)**

Результатом радикальной трансформации политической системы, происшедшей в России, стало реформирование избирательного законодательства, что привело к коренным переменам в электоральной практике. На рубеже XX-XXI вв. в стране прошли избирательные кампании по выборам в органы власти всех уровней: начиная от федеральных и региональных государственных органов и заканчивая органами местного самоуправления.

Выборы – один из важнейших компонентов современной политики. Они представляют собой способ формирования органов власти и управления по определенным правилам (в соответствии с избирательной системой) с апелляцией к политической воле граждан¹. Избирательные кампании являются отражением политических процессов, происходящих в стране, и дают богатый материал для исследования. Между тем, избирательная кампания любого уровня имеет свои особенности и состоит из ряда этапов, начиная от подготовки, организации и проведения выборов и заканчивая подсчетом голосов.

От организации и проведения всех этапов во многом зависели и итоги прошедших избирательных кампаний. Но их результаты зависят, помимо векторов народного волеизъявления, и от правил самих выборов. Если избирательное законодательство в мире достаточно стабильно и подвержено незначительным изменениям, то в России оно находится в стадии развития. Как и в других странах, каждые выборы в стране проводятся по специальным законам: о выборах Президента, Государственной Думы, о выборах подобных органов субъектов Федерации и т.д. В каждом акте излагаются общие положения, избирательные права и при сравнении можно увидеть, что одни и те же понятия толкуются множество раз и при этом не всегда совпадают². И.Ю. Еремин констатирует, что российское избирательное законодательство словно отпечатано с политической ситуации в стране: оно почти столь же противоречиво и имеет черты переходности³.

За рассматриваемый период в Чувашии прошли выборы Президента Чувашской ССР 8-22 декабря 1991 г., выборы Президента Чувашской Республики 12-26 декабря 1993 г., 28 декабря 1997 г. и 16 декабря 2001 г. Каждая из рассматриваемых избирательных кампаний имеет свои особенности, связанные как с организацией выборов, так и их непосредственным проведением и заслуживает отдельного рассмотрения.

В ходе прошедших кампаний в Чувашской Республике сформировался свой институт президентской власти. Процесс зарождения и становления нового органа региональной власти был тесно связан с политическими событиями, происходившими на территории СССР в 1990-1991 гг. Социально-экономические и политические изменения, которые произошли в Советском Союзе в 1985-1990 гг., привели к дальнейшему углублению кризиса центральной власти. Одним из способов ее укрепления было появление должности Президента СССР. Одновременно это стало началом внедрения президентской власти на территориях союзных республик, входивших тогда в состав Советского Союза⁴. В июне 1991 г. был избран Президент РСФСР. Новый институт власти нарушил существовавшую прежде единую советскую государственную систему организации власти в центре, что в последующем привело к аналогичным последствиям на местах. Хотя в начале этого процесса в ряде регионов Российской Федерации (в Коми ССР, Смоленской области и др.) предпринимались определенные попытки осложнить подготовку к референдуму РСФСР о введении поста Президента и раздавались призывы бойкотировать их⁵.

После августовских событий 1991 г. этот процесс затронул и Чувашскую Республику. Ранее руководство республики не решалось пойти на такой шаг, ограничившись лишь провозглашением суверенитета и односторонним повышением своего статуса до уровня ССР⁶. Лишь когда окончательно выяснилось, что центробежные силы одержали победу, а обновленный Союз Советских Суверенных Республик так и не появится на политической карте мира, властная элита Чувашской ССР решила в качестве проявления своей независимости ввести президентское правление. Как и при учреждении поста Президента СССР и РСФСР, решающим инструментом появления нового института власти стала инициатива со стороны верховного законодательного органа. Однако отдельного референдума по данному вопросу в республике не проводилось. Депутаты Верховного Совета Чувашской ССР ограничились принятием соответствующих изменений в действующие на тот

момент Конституции, касавшиеся должности Президента и его полномочий. В дальнейшем были приняты соответствующие избирательные законы, которые регламентировали условия и правила проведения выборов на появившиеся должности⁷. Это перекликалось с процессом появления института союзного президентства, за исключением того момента, что депутаты все же вынесли вопрос о конкретных кандидатах, достойных нового поста, на всенародное голосование, чем в последующем окончательно легитимизировали этот орган власти в глазах населения. Таким образом, в Чувашии события протекали по ускоренному варианту принятия важнейших политических решений, которые касались основ деятельности верховных региональных органов власти.

На непосредственную организацию и проведение выборов на должность Президента республики времени было крайне мало. Если решения об учреждении президентского поста принимались в августе-октябре 1991 г., то сами выборы прошли уже в декабре того же года. Эта их особенность во многом определила и результаты народного волеизъявления.

Принятые законодательные нормы, регламентировавшие властные полномочия, а также организацию и процедуру проведения голосования в ходе выборов на должность Президента ССР в республике, во многом повторили положения, которые действовали в отношении первого Президента РСФСР и использовались в ходе выборов 1991 г. Со стороны это отражало соотношение политических сил на местах и выглядело логичным продолжением процесса выстраивания новой вертикали власти в стране и в регионах, но в дальнейшем такое положение привело к ряду негативных последствий. Наиболее ярко это проявилось в ходе октябрьского кризиса власти 1993 г., ставшего поворотным пунктом строительства новой политической системы власти.

Отголоски этих событий, хотя и не в таких масштабах и с меньшим драматизмом, но не менее жестко проявились и в Чувашии. Это выразилось в противостоянии законодательной ветви власти с новой президентской. Однако характер разногласий и сроки их разрешения зависели не только от аналогичных процессов, протекавших в Центре, но и от конкретно-исторической обстановки, которая сложилась в регионе.

Непростая ситуация с организацией института президентства сложилась в Чувашской Республике. Первые выборы Президента в республике закончились провалом. Хотя население высказалось за сам институт президентства, кандидата на эту должность избрать не уда-

лось⁸. В 1992 г. президентским указом был введен в действие запрет на последующие выборы глав субъектов России сроком на один год⁹. Руководство Чувашской Республики, воспользовавшись ситуацией, отложило вопрос о Президенте на один год. Но впоследствии с формулировкой «учитывая складывающуюся политическую и социально-экономическую обстановку в Российской Федерации и Чувашской Республике» выборы Президента Республики был отложены на еще более поздний срок¹⁰.

Лишь после разрешения конфликта между Б.Н. Ельциным и Верховным Советом в октябре-ноябре 1993 г. на региональном уровне было принято решение провести новые выборы на должность Президента Чувашской Республики. Учитывая сложность социально-политической обстановки в стране и республике, местные законодатели решили совместить эти выборы с общероссийским голосованием по вопросу новой Конституции и выборами в обе палаты нового парламента страны¹¹. Таким образом, сроки организации и проведения президентских выборов 1993 г. также были максимально сжаты во времени. Вторые по счету президентские выборы были признаны состоявшимися, а их результаты действительными¹². Дальнейшее становление президентской власти натолкнулось на противостояние носителя этой власти – первого чувашского Президента Н.В. Федорова - с новым законодательным органом Госсоветом, в котором большинство мест получили оппозиционно настроенные по отношению к Президенту депутаты. Процесс борьбы за власть между местными ветвями государственной власти принял затяжной и ожесточенный характер (особенно в 1994-1995 гг.) и продолжался вплоть до 1998 г.¹³ Последующие избирательные кампании 1997-2001 гг. состоялись в сроки, установленные местным законодательством.

Таким образом, исторический опыт проведения избирательных кампаний на высшую должность главы Чувашской Республики свидетельствует, что на процесс становления президентской власти значительное влияние оказали как внешнеполитические (общероссийские), так и внутривнутриполитические факторы. Если общероссийские тенденции повлияли на появление поста Президента в республике, то следствием развития внутренних процессов были сроки и порядок проведения выборов на эту должность.

Что касается непосредственного законодательного обеспечения избирательного процесса, то здесь необходимо отметить следующее. Во-первых, каждая из упоминаемых кампаний представляет собой

уникальное сочетание федеральных и региональных законодательных норм. Достаточно сказать, что за этот период была принята новая Конституция РФ, несколько редакций общедоверительного закона «О гарантиях избирательных прав граждан РФ» и ряда других нормативно-процессуальных норм, которыми регулировался избирательный процесс¹⁴. На местах за этот период также активно шел законотворческий процесс, от выборов к выборам менялись или вносились значительные изменения в существовавшие избирательные законы¹⁵. То есть избирательный процесс в республике, как и в стране в целом, находился в постоянной динамике, проследить за всеми нюансами которой рядовому избирателю было довольно сложно. Это было обусловлено нестабильностью политической обстановки в стране и отражало изменения в соотношении властных структур в центре и на местах.

Не вдаваясь во все тонкости избирательного права, рассмотрим основные положения порядка проведения выборов и тех норм закона, осуществление которых на практике вызывало в 1990-е гг. большой общественно-политический резонанс. Это, прежде всего, процедурный вопрос: как определить победителя на выборах. Как отмечают исследователи, в математическом смысле, когда обществу предстоит делать выбор из более чем двух кандидатов (вариантов), идеальной демократической процедуры проведения этих выборов не существует. К любой процедуре, предназначенной для проведения выборов, всегда можно предъявить серьезные претензии – в каждом отдельном случае, разумеется, разные, но всегда обоснованные¹⁶.

В мировой истории существуют две основные демократические избирательные системы – мажоритарная и пропорциональная. При мажоритарных выборах учитывается мнение большинства населения и его пределы находятся в диапазоне от 100% до 25% списочного состава избирателей плюс один голос. При пропорциональной системе теоретически должен учитываться весь спектр мнений, но с учетом действия процентных барьеров и количества партий и избирательных блоков от 100% до 50% (при 5% барьере), от 100% до 30% (при 10%) и т.д. Иными словами, степень демократизации по мажоритарному принципу – 62,5%, учет мнения избирателей по пропорциональной системе составляет около 70%¹⁷. Но в то же время мажоритарная избирательная система может подразделяться на систему относительного большинства (набравший на выборах простое большинство голосов считается победителем) и систему абсолютного большинства (победителем при-

знается только тот, кто набрал «50% плюс 1 голос»¹⁸. Кроме этого, существуют требования к обязательной явке избирателей.

Определение победителя на выборах Президента Чувашской АССР в конце 1991 г. базировалось на системе абсолютного большинства с требованием явки на избирательные участки не менее половины населения, включенного в списки.¹⁹ В рамках такой системы прошли и последующие кампании 1993-1997 гг. Такая система фактически предполагает проведение выборов в два тура, т.к. набрать абсолютное большинство при явке избирателей «50% плюс 1 голос» при противостоянии большого количества электоральных группировок довольно сложно. Кроме того, это сильно осложняет сам механизм выборов в случае низкой явки населения на выборы. Но, с другой стороны, такая избирательная процедура свидетельствует о большой политической весомости избранных кандидатов, заручившихся гарантированной поддержкой не менее четверти населения региона. Последние выборы Президента Чувашской Республики 2001 г. проходили уже по новым правилам – по системе относительного большинства с 25%-ной обязательной явкой избирателей²⁰. Это, в свою очередь, существенно упрощает механизм выборов и процедуру определения победителя по итогам голосования, а, соответственно, приводит к экономии финансовых средств, но значительно снижает политический вес избранного претендента.

Определенные сложности в ходе избирательных кампаний вызвала реализация правовых норм, которые так или иначе противоречили федеральному законодательству и касались, прежде всего, пассивного права быть избранным на пост Президента республики. Особенно остро это проявилось в вопросе свободного владения кандидатами на высшую республиканскую должность «всеми государственными языками», что в Чувашии, например, формулировалось как «умение говорить, читать и писать на чувашском и русском языках»²¹. Определенные разногласия проявились по таким пунктам, как возрастные ограничения и вызвавший большой резонанс в республике вопрос о третьем сроке Президента.

Следует отметить, что все эти проблемные ситуации получили соответствующее разрешение. Так, в ходе подготовки выборов 2001 г. в Чувашской Республике вопрос о третьем сроке удалось обойти в результате взаимных уступок Госсовета и Президента, когда он в новой Конституции Чувашии был обойден с помощью расплывчатой формулировки, что «ограничения на занятие должности Президента Чуваш-

ской Республики устанавливаются только в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами»²² (самого такого закона на тот момент принято еще не было).

Спорным стал и вопрос о сроке полномочий Президента. Так, в 1991 г. Президент Чувашской Республики избирался на пять лет²³, в 1993-2001 гг. на четыре года²⁴, но в 2003 г. срок полномочий Президента был снова увеличен до пяти лет²⁵. По мнению Н.А. Сахарова, ограничение срока президентства и количества сроков его пребывания в должности в мировой практике стали важным барьером, препятствующим превращению президентской власти в многолетнюю личную диктатуру²⁶. Прошедшие избирательные кампании в Чувашии, к сожалению, продемонстрировали другую консервативную тенденцию властвующей региональной элиты – продлить срок действия президентских полномочий и увеличить количество избраний на этот пост.

Претерпел изменения и статус вице-президента. Первоначально, по общероссийскому образцу, эта должность была учреждена одновременно с президентской. Однако дальнейшее развитие событий как в России, так и в Чувашии, продемонстрировало политическую нецелесообразность этого института в системе организации верховной власти в центре и на местах. Полномочия вице-президентов не были четко очерчены, а любые попытки политиков, занимающих эту должность, играть самостоятельную политическую роль вызывали болезненную реакцию Президентов, трактовавших эти шаги как ущемление своих прав на реализацию полученных властных полномочий. Особенностью Чувашии было то, что законодательное положение об одновременных выборах Президента и вице-президента Чувашской Республики из кандидатур, предложенных Президентом при регистрации кандидата, просуществовала вплоть до избирательной кампании 1997 г.²⁷ Но уже к началу последних президентских выборов 2001 г. в Чувашии этот пост был упразднен²⁸.

Таким образом, важной составной частью трансформации политической системы России в 1990-е гг. стала реформа избирательного законодательства и электоральной практики. Анализ подготовки и проведения кампаний по выборам на должность Президента Чувашской Республики свидетельствует, что они сопровождались изменениями функций, структуры и полномочий государственных институтов и в целом повторяли путь, по которому шел конституционный и государственный процесс Российской Федерации.

Несмотря на определенные трудности, связанные с обострением отношений между ветвями власти, а также непостоянством и противоречивостью законодательства, в том числе и избирательного, институт президентства получил свое институциональное закрепление в новой системе власти и был легитимизирован в ходе периодических выборов. Важной чертой организации прошедших избирательных кампаний стало то, что их уровень позволил провести выборы в отведенные законом сроки и их результаты были признаны состоявшимися. Хотя вопрос об условиях, которые обеспечивают истинную свободу и действительность выборов, как и вопрос о правильной организации избирательных кампаний, в среде отдельных политиков и исследователей по-прежнему остается открытым²⁹.

Такой порядок формирования президентской власти в субъектах Российской Федерации путем проведения периодически повторяющихся выборов был закреплен на высшем законодательном уровне после принятия Государственной Думой РФ 22 сентября 1999 г. Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который предлагал субъектам РФ построить систему органов государственной власти в соответствии с ним. Органам исполнительной власти была посвящена отдельная глава III Федерального закона. В статье 17 закреплялось, что в субъекте РФ устанавливается система органов исполнительной власти во главе с высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, возглавляемым руководителем высшего исполнительного органа государственной власти. Конституцией субъекта РФ разрешалось устанавливать должность высшего должностного лица субъекта РФ. Особо подчёркивались в данной статье, что федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ образует единую систему исполнительной власти субъектов РФ³⁰. Принятие в 1999 г. Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» должно было способствовать постепенной унификации организации государственной власти в субъектах РФ, в том числе и в национальных республиках.

В целях сохранения и укрепления российской государственности начиная с 2000 г. в стране были приняты широкомасштабные меры по реформированию федеративных отношений, направленные на укреп-

ление Российской Федерации, выстраивание вертикали государственной власти, обеспечение единого правового пространства. Совокупность таких государственно-правовых действий и получила название федеративной реформы, которая затронула все субъекты РФ, в том числе и Чувашию.

Основной направленностью проводимых преобразований стала тенденция дальнейшей централизации государственной власти. В ходе реализации этой программы 13 сентября 2004 г. В.В. Путин выступил с инициативой изменения самого принципа формирования региональной исполнительной власти³¹. В соответствии с положениями этой реформы был принят новый Федеральный Закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Теперь гражданин РФ может быть наделен полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ по представлению Президента РФ, законодательным органом государства субъекта РФ, в порядке предусмотренным законом и конституцией субъекта РФ. Если законодательный орган государственной власти субъекта РФ по представленной Президентом РФ кандидатуре высшего должностного лица в установленный срок не принимает решение о её отклонении или о наделении ее должностными полномочиями, то Президент РФ назначает временно исполняющего обязанности высшего должностного лица субъекта РФ. При двухразовом отклонении представленной кандидатуры высшего должностного лица Президент может распустить законодательный орган субъекта РФ³².

Таким образом, можно констатировать, что в 1990-е гг. федеральное и региональное избирательное законодательство претерпело значительные изменения, вызванные модернизацией политической системы. Оно постоянно дорабатывалось, отличалось крайней неустойчивостью. Фактически любая общероссийская или региональная избирательная кампания проходила по новым избирательным нормам. Эта особенность избирательного законодательства ярко проявилась и в Чувашии. Процесс выстраивания новой «вертикали власти» в центре и на местах, начавшийся с 2000 г., отразился и на судьбе регионального президентства. С 2005 г. власть высших должностных лиц субъектов РФ, в том числе и в Чувашской Республике, находится в прямой зависимости от

воли центра. Данное обстоятельство характеризуется тем, что высшие должностные лица субъектов РФ не избираются (большинством голов) гражданами субъектов РФ, а назначаются самим Президентом РФ.

Примечания

¹ Пугачев В.П. Общая теория выборов в российских иллюстрациях // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. №4. С. 3.

² Кикоть В.И. Как выбирают президентов // Открытая политика. 1996. №5-6. С. 33.

³ Еремин И.Ю. Предвыборная агитация: нормы и коллизии // Власть. 1996. №7. С. 6.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1497; ГИА ЧР. Ф. 2545. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵ ЦГА РМЭ. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 1. Л. 158.

⁶ Краткая Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 9.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 2546. Оп. 1. Д. 2. Л. 196; Советская Чувашия. 1991. 3 сентября.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 2546. Оп. 1. Д. 4. Л. 87.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 47.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 112.

¹³ Захаров Д.А. Институт президентства в Чувашии (1991-2000). Чебоксары, 2004. С. 40.

¹⁴ См. Конституция РФ. М., 1993; Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. №33. Ст. 3406; Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. №38. Ст. 4339.

¹⁵ См. Закон Чувашской ССР от 17 октября 1991 г. «О выборах Президента Чувашской ССР» // Советская Чувашия. 1991. 26 октября; Закон Чувашской Республики от 21 октября 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской ССР «О выборах Президента Чувашской ССР» // Советская Чувашия. 1993. 28 октября; Закон Чувашской Республики от 17 мая 1997 г. «О выборах Президента Чувашской Республики» // Чебоксарские новости. 1997. 29 мая; Закон Чувашской Республики №17 от 23 мая 2001 г. «О выборах Президента Чувашской Республики» // СЗ ЧР. 2001. №5-6. Ст. 178.

¹⁶ Каюнов О.Н. Незримая логика избирательных законов. М., 1997. С. 9.

¹⁷ Степанов А.И., Уткин А.И. Исторические особенности и парадоксы политического процесса в России // Политические партии в условиях трансформации российского общества. Чебоксары, 1998. С. 38-39.

¹⁸ Шишкина Н.Э. Избирательные системы (практика зарубежных стран). Иркутск, 1993. С. 4-21.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 2546. Оп. 1. Д. 4. Л. 75-81.

²⁰ Закон Чувашской Республики №17 от 23 мая 2001 г. «О выборах Президента Чувашской Республики» // СЗ ЧР. 2001. №5-6. Ст. 178.

²¹ ГИА ЧР. Ф. 2546. Оп. 1. Д. 9. Л. 26.

²² Конституция Чувашской Республики. Чебоксары, 2001. Ст. 69.

²³ Советская Чувашия. 1991. 26 октября.

²⁴ Там же. 1993. 8 октября; 2001. 23 мая; Чебоксарские новости. 1997. 29 мая.

²⁵ Советская Чувашия. 2003. 19 марта.

²⁶ Сахаров Н.А. Институт Президентства в современном мире. М., 1994. С. 42.

²⁷ Линик Л.Н., Кузьмина Е.Е. Выборы Президента Чувашской Республики 28 декабря 1997 года. Чебоксары, 1998. С. 6-7.

²⁸ Советская Чувашия. 2001. 23 мая.

²⁹ См. Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. М., 1995.

³⁰ Российская газета. 1999. 19 октября.

³¹ Российская газета. 2004. 15 декабря.

³² О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.

А.В. Шумилов

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В условиях современной демократии выборы являются стержневым институтом проявления политической роли народа как источника власти. Для большинства граждан – это единственная форма реального участия в политике. Выборы позволяют осуществлять наибольшее влияние на власть: сохранять или сменять парламенты и правительства, обеспечивать их ответственность перед народом, изменять политический курс. Более чем пятнадцатилетняя история проведения выборов в постсоветской России позволяет рассмотреть состав законодательного корпуса власти на примере Госсовета Чувашской Республики трех созывов. Актуальность данной темы повышается тем, что в октябре 2006 г. в республике пройдут новые выборы.

24 ноября 1993 г. в Чувашии был конституционно закреплён принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Были приняты законы Чувашской Республики «О Государственном Совете Чувашской Республики» и «О выборах Государственного Совета Чувашской Республики»². В декабре 1993 г. население Чувашии впервые избрало своего президента Н.В. Федорова.

Выборы в новый законодательный орган по закону должны были проходить на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Для победы на выборах кандидату необходимо было набрать более 25% голосов граждан, внесенных в списки избирателей. Парламент состоял из 47 депутатов.

Выборы в Госсовет первого созыва носили альтернативный и состязательный характер. Выборы состоялись 13 марта 1994 г. В избирательной кампании участвовало более 360 кандидатов в депутаты на 47 мандатов. Среди зарегистрированных кандидатов в депутаты Госсовета значились 23 юриста; лиц, имевших педагогическое образование – 50; медицинское образование – 22; инженеров всех профилей – 103; лиц, имевших ученую степень – 29. Следует отметить особенность избирательной кампании в Госсовет первого созыва, т.к. она продолжалась со всеми перипетиями до конца 1995 г., когда была совмещена с выборами в Госдуму.

Всего за всю деятельность Госсовета с 1994 г. по 1998 г. в его состав были избраны 54 депутата. Этот состав депутатов отличался высоким процентом людей с высшим образованием. Преобладающее

большинство в нем имели депутаты среднего возраста, чувашки по национальности.

По роду занятий депутаты (на момент избрания) занимали должности руководителей сельскохозяйственных предприятий (6 человек), предприятий различных отраслей народного хозяйства (5 человек), органов местного самоуправления (7 человек). Большую поддержку получили депутаты, работавшие в бюджетной сфере – медработники (7 человек) и работники образования (7 человек)³.

Было переизбрано 12 человек, депутатов Верховного Совета, т.е. произошло увеличение числа людей, имевших опыт законодательной работы (на 19% больше, чем в Верховном Совете). Было избрано 17 представителей партий (все от КПРФ). Все депутаты имели высшее образование и пять человек ученую степень. Соотношение чувашек и русских было 2:1 (т.е. чувашек в 2 раза больше, чем русских; на момент созыва первой сессии соотношение составляло 4:1)⁴. Такое же соотношение присутствовало и в Верховном Совете республики двенадцатого созыва. В Госсовет прошло девять женщин, так же больше чем в Верховном Совете. Следует отметить, что в начале 90-х гг. произошла гендерная идентификация. На выборах в Государственную Думу 1993 г. политическое движение «Женщины России» в Чувашии набрало на 8,5%, больше чем в целом по России. По сравнению с парламентами Татарстана и Башкортостана подобного периода парламент Чувашии характеризуется, во-первых, мощной коммунистической оппозицией и, во-вторых, более сбалансированным (менее элитным) социальным составом⁵.

В 1998 г. был принят новый закон «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики». Согласно ему увеличивалось число депутатов до 87 человек, избирались они по одномандатным округам примерно с равным количеством избирателей. Это увеличение диктовалось требованиями закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также выборными коллизиями 1994-1995 гг. Из Конституции исчез запрет на участие в выборах глав местного самоуправления.

16 июня 1998 г. закончилась регистрация кандидатов в депутаты Государственного Совета второго созыва. Было зарегистрировано 618 кандидатов, т.е. на одну депутатскую вакансию приходилось примерно 7,1%. Из них выдвинутых от республиканской организации КПРФ — 41 человек, НДР — 17 человек, ЛДПР — 12 человек, гражданская инициатива (Партия конституционных демократов Чувашии) — 10 человек, избирательный блок «За справедливость» - 6, республиканское отделение

ние РНРП – 4, Фонд «Правосудие» и «Партия обездоленных и неимущих ЧР» - по 2 человека, и региональная организация движения «Вперед, Россия!» — 1 кандидат. Среди выдвинувшихся – 98 работников образования и 51 медицинский работник, 59 руководителей промышленных предприятий и организаций, 38 руководителей сельскохозяйственных предприятий и 23 главы районных и сельских администраций. По данным Центризбиркома, выдвинулись и 11 действующих депутатов Госсовета ЧР, но фактически их было гораздо больше — в статистике были отражены только те депутаты, которые работали в Госсовете на постоянной основе. Учитывая, что таковых в республиканском законодательном органе 20 человек, выходит, что баллотировался повторно практически каждый второй депутат Госсовета.

Итоги выборов в Госсовет второго созыва показали, что по составу он был представлен депутатами разного возраста, социального положения и образования, но преимущественно в него прошли люди с высшим образованием, средних лет, чуваша по национальности. Депутатский корпус второго созыва Госсовета заметно отличался от своего предшественника: в нем стало меньше людей с высшим образованием и ученой степенью и званием, по возрастному составу увеличился процент депутатов старше 50 лет. В то же время произошло заметное увеличение числа депутатов-чувашей и депутатов, проживавших в городах республиканского значения.

Госсовет второго созыва имел менее выраженную «красную» окраску - зарегистрированных членов Коммунистической партии было 22 человека⁶ вместо 4, указанных в сборнике «Депутаты Государственного Совета Чувашской Республики второго созыва». Тем не менее, коммунистов в новом парламенте было меньше, В.С. Шурчанов не был избран Председателем Госсовета второго созыва.

В числе избранных депутатов были: руководители Правительства – 2 человека, главы местного самоуправления – 13 человек, руководители предприятий в различных отраслях народного хозяйства – 21 человек, медработники – 16 человек, руководители сельскохозяйственных предприятий – 6 человек, работники вузов и школ – 13 человек, госслужащие (на момент избрания) – 4 человека, работники МВД, юристы - 3, 1 журналист, 2 предпринимателя, 1 банкир и 1 пенсионер⁷.

Постановлением Государственного Совета Чувашской Республики от 7 мая 2002 г. на 21 июля 2002 г. были назначены выборы депутатов Госсовета Чувашской Республики. В целях обеспечения правового регулирования выборов Государственный Совет Республики 15 марта 2002 г. принял Закон «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики». Конституция Чувашской Республики устано-

вила, что Госсовет Чувашской Республики состоит из 73 депутатов. Выборы депутатов Госсовета Чувашской Республики третьего созыва проводились по мажоритарной системе относительного большинства.

Выдвижение кандидатов в Госсовет третьего созыва началось 22 мая 2002 г., а закончилось 20 июня. Всего было выдвинуто 487 кандидатов в депутаты. Наибольшее их количество (351 человек) было выдвинуто группами избирателей. Способом самовыдвижения воспользовались 73 человека, избирателями было выдвинуто 16 кандидатов. 43 человека выдвинула КПРФ. В выборах в Госсовет республики принимали участие и центристские партии «Единая Россия» и «Народная партия», выдвинув четырех кандидатов, но ни та, ни другая своих представителей провести, не смогла. «Единая Россия» выдвинула 28 кандидатов от партии и 77 «кандидатов-единомышленников» – в сумме 105, т.е. несколько кандидатов в одном округе и борьба развивалась между ними⁸.

В среднем на избирательный округ приходилось по 5 кандидатов, вместе с тем в некоторых избирательных округах насчитывалось до 9 и 10 кандидатов, в то же время были округа, в которых на день выборов оставалось два зарегистрированных кандидата.

Среди кандидатов в депутаты количество мужчин составляло подавляющее большинство – 86%. По возрастной характеристике наиболее активно стремились реализовать свое право быть избранным в высший законодательный орган власти граждане в возрасте от 40 до 59 лет – 68%, кандидаты в возрасте от 30 до 39 лет составили примерно 20%.

Госсовет третьего созыва был избран практически полностью в первый тур. «Социальный» срез нового парламента был следующий. В него прошли 20 депутатов второго созыва из 48 баллотировавшихся, плюс четверо бывшие депутаты первого созыва или Верховного Совета, в том числе спикер М. Михайловский. Депутатские мандаты получили семь медиков (в основном главврачи), пять педагогов. Остальные – в большинстве своем руководители предприятий и организаций. Всего семь представителей партий, в данном случае КПРФ (и еще два депутата, поддержанные КПРФ)⁹. Все депутаты кроме двух имели высшее образование и двое имели ученое звание. По этническому признаку в парламенте преобладали чуваша, четвертую часть составляли русские, по двое татары, украинцы и евреи. В Госсовет прошло только семь женщин¹⁰.

Изменение электоральных предпочтений населения в последние годы отразилось на социальном представительстве в Госсовете. Уменьшилось число депутатов - врачей и педагогов, это профессии

наиболее уважаемые в традиционном обществе, что говорит об изменении сознания. Следует отметить, что на волне демократических преобразований в законодательном органе республики значительно увеличилось число депутатов с высшим образованием, так в 1985 г. из 200 депутатов Верховного Совета только половина имела высшее образование. Напротив, число партийных работников резко сокращалось с каждым созывом, т.к. население предпочитало избирать независимых кандидатов¹¹. Тем не менее, в Госсовете депутаты создавали фракции. В целом, в Государственном Совете Чувашской Республики трех созывов были представлены все слои населения. Новое законодательство по выборам в парламент республики (принято 14 марта 2006 г.) непременно приведет к увеличению партийных депутатов.

Примечания

¹ Советская Чувашия. 1993. 17 дек. С. 2.

² Там же. 1 дек. С. 5; 4 дек. С. 2-3.

³ Депутаты Государственного Совета Чувашской Республики первого созыва (1994-1998 гг.) / Сост. С.А. Иванов. Чебоксары, 1998. С. 14-67.

⁴ Захаров Д.А. Национально-государственное строительство в Чувашской Республике в 1990-2000 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. С. 112.

⁵ Шабунин Д.М. Чувашская Республика // Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато. Т.8. Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан. Саранск, 2003. С. 143.

⁶ Чебоксарская правда. 1998. 21 июля. С. 1; Там же. 3 ноября. С. 1.

⁷ Захаров Д.А. Указ. соч. С. 112.

⁸ Кузьмин Б. Избиратель определит, когда закончится жаркое политическое лето // Советская Чувашия. 2002. 19 июля. С. 2.

⁹ «Красные» мандаты – только у чебоксарцев // Правда КПРФ (Москва). 2002. 23 июля. С.1.

¹⁰ Депутаты Государственного Совета Чувашской Республики третьего созыва / Госсовет Чувашской Республики. <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/16014/16139/16428/>. 04.04.2006.

¹¹ См.: Шумилов В.К. Российская модернизация и студенческая молодежь / Под. ред. проф. Ф.И. Шаркова. М., 2005. С. 141-142.

О.В. Ершова

СОЗДАНИЕ НОВОЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИИ

Изучение становления системы образования и принципов строительства школьной политики советского государства приобретает особую актуальность в условиях модернизации, происходящей сегодня в образовательной сфере. Современные проблемы школы невозможно решать без учета традиций.

Первой целью, которую поставила советская власть, было достижение всеобщей грамотности в кратчайший срок. Решение этой проблемы виделось в организации сети школ, отвечающих требованиям всеобщего бесплатного обучения, организации единой для всех граждан и абсолютно светской школы, состоящей из нескольких ступеней¹.

Преобразование прежней разнотипной школьной системы в единую трудовую школу на практике было делом не простым. В условиях гражданской войны и военной интервенции этот процесс во многих областях страны завершился в 1919/1920 учебном году, а в Сибири в 1920/1921 учебном году. Еще сложнее обстояло дело с организацией школьной сети в национальных районах. Правовые аспекты деятельности национальных школ не прописаны в первых законодательных документах о системе образования. Лишь в ноябре 1918 года принимается постановление Наркомпроса РСФСР о школе национальных меньшинств, где говорилось, что все национальности, населяющие РСФСР, получили право организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях Единой трудовой школы и в высшей школе². Необходимо отметить, что уже в 1917-1920 годах была проявлена большая активность в деле создания национальной школы светской по своему характеру. Эта работа осуществлялась в основном под руководством соответствующих отделов Наркомата по делам национальностей. Повсеместно проходили съезды, конференции и совещания, посвященные вопросам школы и народного образования³.

До образования автономии чувашское население было сосредоточено на территории Казанской и Симбирской губерний. В пределах бывшей Казанской губернии делом народного просвещения чуваш в первые годы после Октябрьской революции руководил Комиссариат по чувашским делам, организованный в марте 1918 года при Казанском

губернском совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В мае 1918 года было принято постановление «Об учреждении Чувашского отдела при Наркомнаце»⁴, который стал вести работу по просвещению населения, а в 1919 году при Отделе просвещения национальных меньшинств был организован специальный Чувашский подотдел для общего руководства делом народного образования среди чувашского населения РСФСР. Фактически этот подотдел начал свою деятельность только в мае 1920 года, когда во главе его был назначен один из энергичных учителей - Ф.Н. Сергеев. С этого же времени при губернских и уездных отделах народного образования с чувашским населением были организованы чувашские секции⁵.

Образование автономии стало новым этапом в деле организации управления народным образованием чувашского народа. Проект образования самостоятельной административной единицы на территории с чувашским населением Казанской и Симбирской губерний был представлен на рассмотрение Наркомнаца РСФСР 3 января 1920 года. Основным принципом был избран этнический состав населения⁶.

24 июня 1920 года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом был издан декрет об образовании Чувашской Автономной области. В состав области вошли в полном составе Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды Казанской губернии, часть волостей Бунинского и Курмышского уездов Симбирской губернии и Козьмодемьянского уезда Казанской губернии⁷. К 1921 году в области проживало 805 тысяч человек на площади, составлявшей 10 тысяч квадратных верст⁸.

Руководство всей учебной, научной, политико-просветительной и художественной работой в ЧАО осуществлял Отдел народного образования Облсполкома Чувашской Автономной Области (Облоно). Сложностей в строительстве новой школы было много. Мешало отсутствие квалифицированных кадров, материальных средств и помещений, учебных пособий. В организации дела народного образования советское государство отводило большое место инициативе местных органов власти и населения. На практике встречались случаи довольно пассивного отношения местных исполнительных властей к проблемам школы. Подобное положение отмечалось на II съезде работников просвещения и социалистической культуры Цивильского уезда: «Отношение сельсоветов к школе и школьным работникам разнообразное: враждебное, боязливое, безразличное»⁹.

Анализ статистических данных показывает, что, начиная со второй половины 1921 года и до начала 1922/1923 учебного года, шло интенсивное сокращение сети образовательных учреждений и контингентов. Количество начальных школ на 1 июля 1921 года составляло 901, а на 1 сентября осталось лишь 585, т.е. сеть сократилась на 45%. Количество учащихся за то же время сократилось на 16%, количество преподавателей - на 50%. Наличной сетью школ из 80.000 детей возраста начальной школы обслуживалось 55,3%. Остальные 44,7% оставались за бортом школы¹⁰.

Включение в состав Чувашской Автономной области Ибресинского уезда привело к увеличению количества школ, особенно начальных, но недостаток денежных и материальных средств, а также квалифицированных педагогических кадров по-прежнему приводил к сокращению школьной сети¹¹. 1922-1923 годы для Чувашии стали годами с самыми низкими показателями культурного строительства. Если на 1 января 1922 года в области насчитывалось 934 школы I ступени и 36 школ II ступени, то во второй половине марта количество школ I ступени составляло 841, а школ II ступени - 29¹². Таким образом, за несколько первых месяцев 1922 года сеть начальных школ сократилась на 10%, а школ повышенного типа на 24%. Но необходимо отметить, что сокращение сети общеобразовательных учебных заведений в этот период происходило и в других регионах страны. По РСФСР сеть начальных школ 1922/1923 учебного года составляла 83,7% количества школ довоенного времени, а количество учащихся в них составляло 94,1% сравнительно с данными 1914/1915 учебного года¹³.

В 1922 году произошли важные изменения в школьной системе. Первое Партийное совещание установило в качестве основного типа общеобразовательной школы семилетку вместо девятилетки, т.е. продолжительность начального обучения сократилась на год. Фундаментом всей школьной системы вплоть до 1930 года стала школа I ступени с четырехлетним курсом обучения. Н.К. Крупская подчеркивала, что уровень экономического и культурного развития страны позволяет пока развивать в качестве действительно массового ее типа только школу I ступени¹⁴. В то же время четырехлетка могла вырасти в пяти-, шести- и семилетку там, где позволяют условия. Это положение было утверждено в «Уставе единой трудовой школы»: «Школа I ступени для детей от 8 до 12 лет (четыре возрастные группы)... Школа I ступени может быть расширена до пяти-, шести- и семилетнего курса, причем последние один, два или три года по программам должны соответство-

вать первому, второму и третьему году школы II ступени»¹⁵. Таким образом, шести- и семилетки занимали промежуточное положение между начальным и повышенным образованием. Шестилетка давала повышенную грамотность и готовила к поступлению в школу II ступени, а семилетка готовила к поступлению в техникум. В связи с тем, обучение в национальных школах велось на родном языке, продолжительность начального обучения увеличивалась на один год: «Если на изучение русского языка положить 6 часов в неделю в каждой группе школы I ступени, то в течение четырех лет обучения это дает цифру 24 часа в неделю, т.е. ровно 1 год, поэтому вместо трех годов обучения мы получаем четыре года обучения. На съездах деятелей народного образования было принято, что в чувашских школах I ступени обучение продолжается вместо пяти лет шесть лет»¹⁶.

Вместо семилеток в Чувашской Автономной Области создавались восьмилетки, связь которых со школами II ступени сохранялась преемственно в виде возможности перехода из восьмой в третью (при четырехлетнем курсе) или четвертую (при пятилетнем курсе) группы школы II ступени¹⁷.

Потребность быстрой подготовки кадров для народного хозяйства обусловила появление особого типа школы – школы крестьянской молодежи для деревни (с 1923/1924 года) и фабрично-заводской семилетки для города (с 1925 года). Создание подобного варианта семилетки воплотило в себе идею ранней профессионализации школы, приближения ее к требованиям жизни. ШКМ и ФЗС получили большую поддержку государства и развивались достаточно быстрыми темпами. Факт их появления показывает, что линия раздела между профессионально-техническим и общим образованием была снижена еще на один год (седьмой класс ШКМ или ФЗС). Кроме того, существование разных вариантов школ для деревни и для города фактически приводили к нарушению принципа единства в системе народного образования.

Важной и первоочередной задачей было осуществление преподавания в школах ЧАО на родном языке и, прежде всего, чувашском. Чтобы решить эту проблему, необходимо было подготовить соответствующие кадры, учебные пособия и программы на родном языке. Разработка планов и программ занятий для всех типов культурно-просветительных учреждений области с учетом условий местной жизни стала одной из задач Научно-методического бюро при Облоно ЧАО, образованного в 1923 году. В первую очередь, членами бюро разрабатывались учебные планы и соответствующие методические материалы

для начальной школы, затем остальных типов общеобразовательных учреждений. С учетом того, что ЧАО в начале 1920-х годов являлась регионом с преобладанием сельского населения, большое внимание Научно-методическое бюро уделяло постановке преподавания предметов сельскохозяйственного цикла и выработке у учащихся практических навыков.

Дальнейшее развитие национальной школы требовало, по мнению некоторых работников Облоно, создания такого органа, который бы объединил всю методическую работу среди чувашского населения. Поэтому в это же время Облоно вел работу по организации Чувашского Ученого Совета (ЧУС).

Анализ развития школьной системы в начале 20-х годов XX века показывает, что под влиянием ряда объективных причин таких как историческое прошлое, экономические и культурные особенности развития страны и ее отдельных регионов идея Единой трудовой школы вынуждена была трансформироваться, и реализовалась на практике в многотипности школ. Строительство новой школьной системы в Чувашии в условиях создания и становления автономии сопровождалось многими трудностями, нехваткой материальных и денежных средств вследствие голода 1921 года, недостатком квалифицированных кадров. В Чувашии к середине 1920-х годов были установлены следующие типы школ: начальная школа с четырехлетним курсом обучения, начальная школа с шестилетним курсом обучения, школа восьмилетка с четырьмя старшими годами обучения, школа II ступени с четырехлетним курсом обучения, после шестилетки, школа крестьянской молодежи и фабрично-заводская семилетка. Полный курс обучения в Чувашской Автономной области составлял 10 лет.

Примечания

¹ Обращение народного комиссара по просвещению 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. Москва, 1974. С. 7-8.

² Постановление Наркомпроса о школах для нерусских народов республики // Культурное строительство в РСФСР. Т.1. Ч.1. М., 1983. С. 101.

³ Эфиоров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. М., 1948. С. 106; Бендриков К.Е. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в области просвещения народов СССР (1917-1920) // Советская педагогика. 1951. № 5. С.51-57.

⁴ Бендриков К.Е. Указ. соч. С. 51-57.

⁵ Трофимов А.Т. Народное образование в Чувашии за 15 лет (1920-1935 гг.). Чебоксары, 1935. С. 5.

⁶ Нестеров В.А. Населенные пункты Чувашской АССР. 1917-1981 гг. Справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары, 1981. С. 24.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Государственный Исторический Архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф.Р. 123. Оп. 1. Д. 23. Л. 78.

¹⁰ Трофимов А.Т. Указ. соч. С. 7.

¹¹ ГИА ЧР. Ф.Р. 123. Оп. 1. Д. 167. Л. 33.

¹² Там же. Л. 23.

¹³ Трофимов А.Т. Указ. соч. С. 7.

¹⁴ Тезисы доклада Н.К. Крупской «Система народного образования в РСФСР» // Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик 1919-1924 гг. М., 1985. С. 65.

¹⁵ Устав Единой трудовой школы от 18 декабря 1923 г. // Народное образование в СССР. М., 1974. С. 146.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф.Р. 123. Оп. 1. Д. 439. Л. 37.

¹⁷ Там же. Л. 38.

А.В. Рыбалка

**РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
МАРИЙСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
(К вопросу о методической помощи
районным и сельским библиотекам)**

Условия военного времени потребовали от Республиканской научной библиотеки изменений в методической помощи библиотекам Марийской АССР в их работе.

Для проведения намеченных мероприятий библиотека старалась использовать все имеющиеся возможности и объекты. В 1941 году Республиканская научная библиотека организовала четыре выезда в шесть районных и пять сельских библиотек (Сотнурский, Моркинский, Куженерский, Козьмодемьянский и Йошкар-Олинский районы). Районным и сельским библиотекам была оказана практическая помощь по всем направлениям работы библиотек. В Козьмодемьянскую районную библиотеку, как в одну из крупных районных библиотек республики, специально выезжала заведующая справочно-библиографическим отделом Республиканской научной библиотеки оказать помощь в организации справочно-библиографической работы. В том же году было организовано 17 выездов в городские библиотеки.

Для изучения лучшего опыта работы библиотек и его пропаганды методическим кабинетом библиотеки во второй половине 1941 года были организованы специальные выезды в Моркинский и Сотнурский районы, а также в Нурминскую сельскую библиотеку Йошкар-Олинского района. Материалы о работе этой библиотеки были размножены и разосланы в библиотеки Марийской АССР. Опыт работы Нурминской сельской библиотеки был использован другими библиотеками республики.

Нурминская сельская библиотека действительно стала центром агитационно-массовой работы на селе, где вся работа была подчинена задачам и условиям военного времени. Здесь систематически проводилась работа по разъяснению населению значения и цели Великой Отечественной войны и мобилизации населения на выполнение всех хозяйственных мероприятий. Библиотекарь А. Васильева умело моби-

лизовывала актив и рационально использовала его для проведения массовых мероприятий: громких чтот, бесед, докладов, справок для книгоношей и передвижной работе. Здесь была организована справочная работа, регулярно выходила стенгазета. Об опыте работы этой библиотеки была специальная передача по марийскому радио и статья в печати¹.

Для оказания практической помощи библиотекам районов республики в 1942 году было организовано 12 выездов в шесть районных, три сельских библиотеки, две избы-читальни, библиотеку МТС и библиотеку при эвакогоспитале.

Выезды на места показали, что районные и сельские библиотеки недостаточно перестроили свою работу в связи с военной обстановкой: во всех библиотеках плохо было поставлено дело с комплектованием литературы. К примеру, Юринская районная библиотека в 1942 году приобрела всего лишь шесть книг по сельскому хозяйству, Козьмодемьянская районная библиотека – 30 книг. Такое же положение было и в остальных библиотеках республики. Райисполкомы плохо финансировали библиотеки, а РОНО в этом направлении никаких мер не принимал².

Все выезды сотрудников Республиканской научной библиотеки в основном были с целью общего знакомства с работой библиотек и оказания им на месте практической помощи. Лишь один выезд в Нурминскую библиотеку, лучшую сельскую библиотеку республики, был необходим для описания опыта ее агитационно-массовой работы в летний период.

Во время выездов в районы сотрудники Республиканской научной библиотеки оказывали значительную помощь библиотекам. Так, Йошкар-Олинская районная библиотека в течение ряда лет была одной из самых отстающих и ввиду отдаленности от районного центра (15 км) и фактически находилась на положении сельской библиотеки. В апреле 1942 года эту библиотеку перевели в райцентр – в трех км от г. Йошкар-Олы. Помощь сотрудников методического кабинета этой библиотеке началась с планирования нового помещения, приведения в порядок и расстановки книжного фонда. В библиотеке до войны вели каталог, но он не был завершен, а в годы войны совершенно не велся. С помощью сотрудников методического кабинета был оформлен систематический каталог, составлен план работы на второе полугодие

1942 года и библиотека намного улучшила свою работу. В библиотеке был организован справочный уголок, постоянно действовали выставки, хорошо оформлялись плакаты, библиотекари проводили агитационно-массовую работу среди населения³.

Мари-Турекская районная библиотека продолжительное время работала плохо. Из-за частой смены руководства фонд библиотеки расхищался, инвентаризация была затянута на долгий период. К зимним условиям работы библиотека совершенно не была подготовлена: прекрасное помещение читального зала не имело вторых рам, абонемент не был отгорожен капитальной стеной от помещения двухэтажного клуба, дров не запасли. Смета библиотеки не выполнялась, библиотека свою работу ограничивала выдачей художественной и детской литературы. Основные разделы фонда – произведения классиков марксизма-ленинизма и оборонная литература – были недоступны читателю из-за преступно затянувшейся переинвентаризации. Результаты проверки были доведены до Мари-Турекского РК ВКП(б) и областного комитета партии. В печати была опубликована статья о плохой работе библиотеки.

В конце 1942 года библиотека была переведена в другое помещение, сменили руководство и она значительно улучшила свою работу⁴.

В 1942 году методический кабинет Республиканской научной библиотеки разработал и разослал районным библиотекам методические письма на следующие темы:

1. Под знаменем Ленина, под водительством Сталина мы победим (к Ленинским дням).

2. Участие библиотек в подготовке и проведении весенне-посевной кампании 1942 года.

3. Работа с программами чтения сельскохозяйственной литературы по 32 темам.

4. К 24-й годовщине РККА.

5. Об использовании рекомендательных списков, получаемых от методического кабинета и др.⁵

Кроме этого были перепечатаны и разосланы в районы республики семь рекомендательных списков Центрального методического кабинета библиотечной работы⁶.

В 1943 году было организовано шесть выездов в пять районных и три сельских библиотеки, две библиотеки воинских частей и три биб-

лиотеки госпиталая. Во время оказания практической помощи Параньгинской районной библиотеке методист Республиканской научной библиотеки обнаружил полнейший беспорядок как в системе охраны книжного фонда, так и в его использовании. Библиотека не проводила культурно-массовую работу, отсутствовала связь с районными руководящими органами. Плохо руководил работой библиотеки Параньгинский РОНО. Председателем методического кабинета была оказана помощь в составлении плана работы библиотеки, в приведении в порядок книжного имущества, в оформлении помещения библиотеки и т.д.⁷

В 1944 году для оказания практической помощи в проведении кустовых совещаний было организовано четыре выезда (Сернур, Козьмодемьянск, Медведево, Семеновка). В Сернуре и Козьмодемьянске с помощью сотрудников Республиканской научной библиотеки были проведены семинары, на которых обсуждались следующие вопросы:

а) задачи библиотечной работы в условиях Великой Отечественной войны;

б) учет и хранение библиотечных фондов;

в) о проверке библиотеки.

Такой же семинар был проведен в Йошкар-Олинском районе при Республиканской научной библиотеке.

Во время этих выездов, кроме вышеуказанных вопросов, давались консультации и по другим вопросам библиотечной работы.

На кустовых семинарах участвовало 28 человек. К сожалению, некоторые заведующие районными библиотеками не приехали. Очень мало было заведующих сельскими библиотеками. Для них инструктаж по проверке библиотеки проводили представители районных библиотек. Для оказания помощи городским библиотекам было организовано 14 выездов. После таких встреч работники городских библиотек начали посещать методический кабинет Республиканской научной библиотеки для получения консультаций, ознакомления с методическими материалами и самостоятельной работы с ними. К примеру, заведующая библиотекой ремесленного училища Е. Гордеева изучала «Руководство чтением подростков-производственников», а заведующая детской библиотекой Л. Киреева – «О детском чтении» и т.д. 11 подобных посещений в методический кабинет Республиканской библиотеки было во второй половине 1944 года⁸.

Республиканская научная библиотека Марийской АССР оказала в 1945 году помощь в проведении массовых мероприятий следующим организациям:

1. Ремесленному училищу была оказана помощь в подготовке читательской конференции по повести Крушинского «Мой товарищ». Организатору этого мероприятия Л. Польшаловой была дана консультация о методике проведения читательской конференции.

2. Поволжскому лесотехническому институту была оказана помощь в подготовке читательской конференции по повести В. Василевской «Просто любовь».

С преподавателем литературы Е. Потапьевой был разработан план проведения читательской конференции, намечены темы для выступлений, и, наконец, имеющиеся в читальном зале экземпляры журналов, где напечатана эта повесть, были переданы в институт.

3. Горкому комсомола была оказана помощь в проведении Ленинских дней (в апреле):

а) на большом щите был оформлен плакат на тему: «75 лет со дня рождения Ленина»;

б) на двух других щитах были оформлены книжные выставки на темы: «Ленин – организатор и вождь партии большевиков», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина мы победим»⁹.

За годы Великой Отечественной войны Республиканская научная библиотека в Марийской АССР оказала методическую помощь 21 районной, 19 сельским, 41 поселковым и городским библиотекам. По инициативе библиотеки была проведена также большая работа по сбору литературы для воинских частей, госпиталей и районов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. Было собрано и послано в воинские части свыше 10 500 экз. книг, в освобожденный от немецкой оккупации Ставропольский край – 12 000 экз. книг¹⁰.

Примечания

¹ Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. Р. 993. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.

² ГА РМЭ. Ф. Р. 993. Оп. 1. Д. 22. Л. 48.

³ ГА РМЭ. Ф. Р. 407. Оп. 1. Д. 182. Л. 65.

⁴ ГА РМЭ. Ф. Р. 407. Оп. 1. Д. 182. Л. 66.

⁵ ГА РМЭ. Ф. Р. 993. Оп. 1. Д. 22. Л. 47.

⁶ ГА РМЭ. Ф. Р. 993. Оп. 1. Д. 22. Л. 48.

⁷ ГА РМЭ. Ф. Р. 407. Оп. 1. Д. 222. Л. 15; Ф. Р. 993. Оп. 1. Д. 26. Л. 51.

⁸ ГА РМЭ. Ф. Р. 407. Оп. 1. Д. 222. Л. 43.

⁹ ГА РМЭ. Ф. Р. 993. Оп. 1. Д. 26. Л. 37а.

¹⁰ ГА РМЭ. Ф. Р. 783. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

Н.В. Сакович

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ 1938-1945 гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема деятельности центральных и местных органов власти, так же как и функционирования системы здравоохранения накануне и в годы Великой Отечественной войны, не получила должной оценки в отечественной историографии как в целом по стране, так и по отдельным ее областям.

Нет на сегодняшний день специальных обобщающих исследований по данной проблеме и в масштабах Российской Федерации.

Однако за большой хронологический период накопилось все же немало литературы, где нашли отражение отдельные аспекты обозначенной изданной преимущественно в послевоенное время. Изучение изданных работ по теме, можно попытаться разделить на ряд периодов: первый – непосредственно годы войны 1941-1945; второй большой период - 1946-1985; третий – 1985-2000 годы.

Для первого этапа историографии характерно накопление материалов по истории здравоохранения накануне и в годы войны. Особенностью выходящих работ данного этапа является, во-первых, их малочисленность; во-вторых, целенаправленность тематики; в-третьих, преимущественно очерковый характер. В основном – это статьи в специальных медицинских журналах руководителей здравоохранения, известных медицинских деятелей. Они посвящались либо отдельным отраслям медицины, либо состоянию здравоохранения отдельных областей тыла¹. В основе этих работ лежит описательный метод подачи материала. Ценность их, тем не менее, несомненна. На сегодняшний день они служат источниками для осмысления и написания специальных и обобщающих исследований по теме.

Второй этап историографии (1946-1985) был, на наш взгляд, самым плодотворным в изучении состояния здравоохранения СССР в военный период.

В этот период защищаются первые диссертации на соискание степени кандидата медицинских наук Н.В. Узденниковой., Ф.М. Улупиной и др., посвященные здравоохранению отдельных городов тыла². Диссертация Н.В. Узденниковой (1948 г.) рассматривала состояние здравоохранения в Сормовском районе г. Горького. Это – одна из первых краеведческих работ по историко-медицинской тематике.

На данном этапе уже появляются обобщающие труды, как по здравоохранению всего тыла, так и по отдельным его регионам³. Особо следует выделить работу Н.А. Виноградова, выпшедшую в издательстве «Медгиз» в 1955 г. и посвященную здравоохранению в годы Великой Отечественной войны⁴. Автор одним из первых анализирует достижения советской медицины за военный период.

В 60-е годы выходят работы, в основном научные статьи, по отдельным аспектам проблемы: роли эвакогоспиталей в лечении раненых и больных воинов, деятельности Общества Красного Креста и Красного Полумесяца в 1941-1945 гг.⁵

Из крупных работ обобщающего плана 70-х годов следует выделить очерки М.К. Кузьмина, где автор делает попытку с исторических позиций осветить пройденный советской медициной военный период⁶.

Следует заметить, что в 60-70-е годы по историческим проблемам медицины книг выходит не так много. В основном, это очерки-воспоминания⁷. В них, к сожалению, не нашла отражения деятельность медицинских работников Горьковской области. Лишь только в работах по истории Горьковской области, посвященных военному периоду, прослеживаются отдельные аспекты темы⁸.

Новым подходом к анализу проблем войны отличается книга профессора М.Б. Мирского «Обязаны жизнью», изданная в 1981 г.⁹ К сожалению, названные выше работы в большинстве своем несли на себе отпечаток своего времени; а именно изложение преимущественно позитивных моментов в деятельности органов системы здравоохранения. Анализ статистики не всегда соответствовал выводам.

Третий этап в изучении проблемы здравоохранения накануне и в годы войны охватывает постперестроечный период: 1985-2000 гг. Среди работ монографического характера, изданных в эти годы, заметно выделяется книга Н.Г. Иванова, А.С. Георгиевского, О.С. Лобастова «Советское здравоохранение и военная медицина в годы Великой Отечественной войны» (Л., 1985). Впервые была предпринята попытка показать в совокупности деятельность гражданской и военной медицины в годы войны¹⁰. Авторы, являясь живыми участниками событий, постарались не просто обобщить материалы на основе уже имеющихся публикаций и архивных документов, но и как можно объективнее подойти к оценкам событий. В целом же в книге отражен в основном позитивный материал. Не упоминается и Горьковская область.

С середины 80-х годов наметился сдвиг в изучении проблемы здравоохранения в годы войны, в том числе и среди региональных ис-

ториков. Появляются в сборниках научных трудов первые исторические публикации ныне д.и.н., профессора Ю.А. Перчикова, освещающие деятельность местных органов власти по охране здоровья трудящихся и раненых воинов в 1941-1945 гг. на территории Центра РСФСР¹¹. Характерным для названных работ является богатая источниковая база. Впервые вводится в научный оборот значительное количество архивных документов по различным аспектам темы, предпринят их научный анализ. Многоплановость подхода, уточнение многих хронологических дат, введение статистических данных, новых имен и фамилий медицинских работников Горьковской области, внесших значительный вклад в охрану здоровья населения, – другая отличительная особенность статей Ю.А. Перчикова. Эти работы, долго остававшиеся единственными по истории здравоохранения Горьковской области, не утратили своей научной значимости по сей день. К сожалению, в них не оказалось материала по предвоенному периоду, так как, во-первых, автор не ставил задачу исследовать этот отрезок времени, во-вторых, в большей степени такой материал находился под грифом «секретно». Данное обстоятельство наложило отпечаток и на оценку автором эпидемического состояния Горьковской области в 1941-1945 гг.

В 1995г. появляется первое обобщающее исследование по здравоохранению Верхнего Поволжья кандидата медицинских наук И.Ю. Семеновой¹². Книга заслуживает более детального рассмотрения, так как в объект исследования, наряду с Калининской, Костромской, Ивановской, Ярославской областями, вошла и Горьковская область, географически относящаяся к названному району. Предметом исследования автор избрала организацию госпитального лечения раненых воинов, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия, охрану труда и здоровья женщин и показатели естественного движения населения в регионе.

Труд И.Ю. Семеновой ценен тем, что он написан на большом массиве материалов центральных и местных областных архивов, в том числе и Горьковских. Использовались так же материалы музеев медицинских учреждений. Материалы естественного движения населения (рождаемости и смертности) получены из закрытых ранее фондов. На наш взгляд, эта глава наиболее объективно изложена и оценена автором. Изложение И.Ю. Семеновой материала с использованием проблемно-хронологического метода позволили ей показать формы и методы лечебно-профилактической помощи раненым и больным воинам в эвакогоспиталях. В описании их деятельности большое место отво-

дится госпиталям Горьковской области как центральной госпитальной базе тыла. Рассмотрены такие малоизученные вопросы как охрана материнства и детства в военных условиях. Проанализированы организационные формы работы по снижению и предотвращению заболеваемости населения инфекционными заболеваниями, вплоть до венерических. Однако, на наш, взгляд недостаточно изученным остался такой аспект темы как организация здравоохранения на оборонных предприятиях.

Автор, видимо в силу закрытости материала, сделала акцент на охране здоровья молодых рабочих пополнений, учащихся системы ФЗО и РУ. Вызывают возражения выводы о том, что в годы войны удалось избежать эпидемий сыпного и брюшного тифа¹³. Вновь открытые архивные материалы опровергают эту точку зрения, устоявшуюся в медицинской и исторической литературе прошлых лет. Хотелось бы также больше узнать о научных исследованиях медицины в военный период. В целом же деятельность органов и учреждений здравоохранения в годы Великой Отечественной войны показана в труде И.Ю. Семеновой в ее сложности и многообразии, с учетом трудностей и недостатков. Автор сумела ответить на вопросы: почему при наличии колоссальных трудностей и имевшихся недостатков здравоохранение выдержало испытание войной, оказалось в целом способным решить задачи военного времени.

Кроме доктора исторических наук Ю.А. Перчикова, кандидата медицинских наук И.Ю. Семеновой проблемы здравоохранения Горьковской области в военный период касается в своей докторской диссертации, монографиях и научных статьях Г.В. Серебрянская¹⁴. Круг ее интересов в этой области – организация здравоохранения на оборонных предприятиях и помощь тружеников тыла в восстановлении здоровья раненых фронтовиков в военных госпиталях, поддержка инвалидов войны Волго-Вятского региона. Но так же, как и в работах предыдущих авторов, в ее исследованиях имеются погрешности в объективной оценке эпидемиологического состояния Горьковской области в годы войны в отношении заболеваний сыпным и брюшным тифом¹⁵. Вновь открытый архивный материал позволяет уточнить и дать иную оценку этому явлению.

Таким образом, благодаря усилиям, прежде всего научных медицинских работников и ученых историков-краеведов накоплен большой пласт научных знаний, позволяющий обобщить и проанализировать

состояние здравоохранения Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны по следующим направлениям:

1. характеристика здравоохранения Горьковской области накануне войны;
2. санитарно-эпидемиологическое состояние Горьковской области в годы войны;
3. деятельность лечебно-профилактических учреждений по охране здоровья населения в военных условиях.

Примечания

¹ См.: Колтыпин С.Н., Стовбун В.Т. Опыт работы по лечебной физической культуре в тыловых эвакогоспиталях. Куйбышев: ВМА Красной Армии, 1941; Гуринов Б.Л. Опыт перестройки в военное время работы госсанинспекции на оборонных заводах // Гигиена и здоровье. 1942. № 8-9. С. 43-45; Дворкин А.М. Медико-санитарное обслуживание оборонных предприятий // Советское здравоохранение. 1942. № 5-6. С. 38-41; Виноградов Н.А. Работа с медицинскими кадрами и мероприятия по повышению их квалификации // Советское здравоохранение. 1944. № 1-2. С. 34-39; Альбов Н.А. Опыт организации терапевтической службы в эвакогоспиталях Московской области в годы Великой Отечественной войны // Госпитальное дело. 1945. № 10-11. С. 3-8; Ворси М.С. Терапия и терапевты в Отечественной войне // Клиническая медицина. 1945. № 12. С. 5-12 и др.

² Узденникова В.Н. Здравоохранение в Сормовском районе г. Горького в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис. на соиск. уч. степени к.м.н. Горький, 1948; Улупина Ф.М. Госпитальная база Ивановской области в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис. на соиск. уч. степени к.м.н. Иваново, 1950.

³ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948; Ривлин П.Л. Организация противэпидемических мероприятий в очагах среди гражданского населения в период Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1948. № 4. С. 53-58; Трудящиеся Ивановской, Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) Иваново, 1959 и др.

⁴ Виноградов Н.А. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: Медгиз, 1955.

⁵ Селиванов В.И. Советское Общество Красного Креста и Красного Полумесяца в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 // Советское здравоохранение. 1965. № 5. С. 20-26; Самоотверженный труд детских врачей Москвы в первые годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Педиатрия. 1966. № 5. С. 27-31; Росточкий И.Б. Тыловые эвакогоспитали: Очерки по организации лечения больных и раненых воинов Советской Армии в тыловых эва-

когоспиталях народного комиссариата здравоохранения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: Медицина, 1967 и др.

⁶ Кузьмин М.К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны: Очерки. М.: Медицина, 1979.

⁷ Здравоохранение Калининской области за 50 лет. Калинин, 1967; Кротков Ф.Г. Советские гигиенисты в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Гигиена и санитария. 1975. № 5; Кувшинский Д.Д. Опыт Великой Отечественной войны и проблемы клинической медицины // Клиническая медицина. 1975. № 5. С.10-21; Митерев Г.А. В дни мира и войны. М.: Медицина, 1975; Петровский Б.В. Советское здравоохранение в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. 1975. № 5. С. 5-12; Смирнов Е.И. Война и военная медицина 1939-1945. 2-е изд. М.: Медицина, 1979 и др.

⁸ См.: Горьковчане в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. Горький, 1970; Горьковчане в Великой Отечественной войне: Словарь-справочник. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990.

⁹ Мирской М.Б. Обязаны жизнью. М.: Политиздат, 1981.

¹⁰ Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в годы Великой Отечественной войны. Л.: Медицина, 1985.

¹¹ Перчиков Ю.А. Деятельность местных Советов по охране здоровья трудящихся и раненых воинов в 1941-1945 гг. (на материалах Центра РСФСР) / Укрепление союза рабочих и крестьян в период социалистического строительства. Межвуз сб. Горький: ГГУ, 1986. С. 38-50; Горьковский областной Комитет помощи раненым и больным воинам в 1941-1945 годах / Проблемы региональной истории XX века, формирование и использование архивных фондов. Материалы науч.-практич. конф. Нижний Новгород. Изд-во «КиТиздат», 1998. С. 79-82.

¹² Семенова И.Ю. Здравоохранение Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны / Под ред. М.Б. Мирского. Нижний Новгород: Изд-во НГМА, 1995.

¹³ См. там же. С. 4.

¹⁴ Серебрянская Г.В. Промышленность Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов. Дис. на соиск. уч. степени д.и.н. Нижний Новгород, 1998 С. 318-325, 337-342; Она же. Человек – война – здоровье (Лечение защитников Родины в госпиталях Волго-Вятки. 1941-1945 гг.) / Homo belli - человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII-XX веков. Нижний Новгород, Нижегородский гуманитарный центр, 2000. С. 250-255.

¹⁵ Серебрянская Г.В. Промышленность Волго-Вятского региона... С. 321.

Секция 4

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ В XX ВЕКЕ

В.А. Юрченков

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОРДОВИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Проблемы развития промышленности Мордовии в годы Гражданской войны и военного коммунизма частично затрагивались нами при характеристике социальной истории той эпохи¹. Отдельные аспекты затрагивались в общих работах по истории региона². Настоящая работа – своеобразное продолжение исследований прошлых лет, соотносенных с современным уровнем развития исторической науки.

Важнейшим элементом политики военного коммунизма явилась обширная полоса национализации промышленности, которая имела своей целью сконцентрировать в руках советского государства необходимые материальные ресурсы для упрочения новой власти и борьбы с «инакомыслящими» в период Гражданской войны. Фактически отрасли промышленного производства были преобразованы для организации снабжения Красной Армии, а промышленная политика стала частью военной стратегии. Национализация промышленного производства не вытекала из запрограммированной жесткой «социализации». Первые шаги в этом направлении носили скорее стихийный и карательный характер. Они были реакцией на особые обстоятельства, которые, как правило, были связаны с какими-либо враждебными акциями со стороны предпринимателей. Будь ситуация другой, экономическая политика «была бы гораздо более планомерной и осторожной. Мы конфисковали бы только те предприятия, которые могли бы при данном положении наших средств и сил организовать... Мы оставили бы до поры до времени в средних предприятиях частный капитал – в интересах этих средних предприятий, но, конечно, с точки зрения экономической»³.

Национализация промышленности в регионах значительно отличалась от общероссийских процессов, что было обусловлено рядом особенностей промышленного развития. Мордовия являлась типичным регионом, в котором сельскохозяйственное производство было ведущей отраслью хозяйства. Ее промышленность до революции не играла существенной роли в экономике края и давала около 2% общего объема продукции⁴. Из функционирующих в регионе предприятий можно выделить всего около 50 ценовых, большая часть которых была осно-

вана в последней четверти XIX - начале XX вв. Характерной особенностью промышленности Мордовии этого периода было отсутствие крупных заводов и фабрик и преобладание мелких и средних предприятий.

Структура промышленного производства Мордовии была относительно несложной. Наиболее значимой была пищевкусовая промышленность, включавшая мукомольно-крупяное, винокуренное, махорочное, маслособойное, крахмалопаточное производство⁵. На ее долю приходилось в общей сложности около 38 значимых предприятий или 76% от общего числа производственных учреждений. На них было занято 57,8% рабочих от общего количества занятых в производстве рабочих и вырабатывалось 79,4% общего объема валовой продукции. Значительный вес имела суконная промышленность, представленная Ширингушской суконной фабрикой с выработкой в 8,7% валовой продукции; бумажная промышленность выпускала 3,1% валовой продукции⁶. Metallургическая промышленность была незначительной и состояла из 5 небольших полукустарных предприятий, где выработка валовой продукции составляла 1,5%⁷. Значительное развитие получили лесная (25% территории Мордовии покрыто лесом) и мелко-кустарная промышленность, являющаяся традиционной для крестьянского населения Среднего Поволжья.

Особенностью Мордовии была слабая концентрация промышленных предприятий в городах. Большинство предприятий, главным образом винокуренные, вес которых в промышленном производстве был велик, располагалось в сельской местности. В Саранске, крупнейшем из всех городов на территории Мордовии того времени, было расположено всего 4 ценовых предприятия: маслозавод купца Овечкина, две махорочные фабрики братьев Никитиных и Покровского, мукомольная мельница Якушева. Пролетариат, занятый на предприятиях Мордовии, в большей степени не представлял собой кадровых, потомственных рабочих, в лучшем случае это были вчерашние крестьяне, которые разорились в связи с изменениями в экономике страны. Чаще всего эти люди не порывали с земледелием. Большинство заводов находилось в сельскохозяйственной местности, где рабочие имели свою землю и свое хозяйство, которым занимались в свободное время.

Начало Гражданской войны ухудшило и без того сложную экономическую ситуацию. В условиях хозяйственной разрухи национализация промышленного производства представлялась советским органам реальным выходом из создавшегося положения. Она была подготовле-

на установлении рабочего контроля над производством и распределением продукции, которое в городах края фиксируется с апреля 1917 г.⁸, а получает развитие позже опубликования декрета от 14 ноября 1917 г., и созданием фабрично-заводских комитетов (ФЗК).

В историографии принято считать началом процесса национализации ноябрь 1917 г.⁹, в Мордовии же национализация началась только в начале лета 1918 г. Хотя требования о «социализации фабрично-заводских предприятий» было высказано еще в начале 1917 г. в наказах делегатов съездов советов¹⁰. Кроме того, основной процесс национализации был фактически завершен в течение 1918 г., между тем как общероссийские сроки растянуты до конца 1920 г., когда вышло постановление ВСНХ о национализации всех мелких предприятий (29 ноября 1920 г.). Ускоренная национализация, стремление местных органов власти национализировать всю промышленность, в том числе и значительную часть нецензового производства связаны с тем, что в Мордовии не оказалось крупных промышленных предприятий, обобщественные которых предусматривалось декретами о национализации в первую очередь. Кроме того, важным обстоятельством, подтолкнувшим местные власти к национализации, стали беспорядки, разграбление местным населением имевшегося имущества заводских предприятий. В первую очередь пострадали винокуренные заводы и склады готовой винной продукции. Результатом растаскивания спирта часто становилась анархия, царившая среди жителей в течение нескольких дней. В начале декабря 1917 г. в Саранске произошел пожар винного склада, это привело к дезорганизации всей жизни города на 10-12 дней¹¹. Местные органы управления буквально забрасывали губернские органы власти срочными телеграммами с просьбой о помощи в охране заводов или в наведении порядка в уездах¹²; неоднократно отмечали плачевное положение в промышленности и необходимость ее коренной реорганизации¹³.

Национализация частновладельческих предприятий проходила в 1918 г. во всех уездах Мордовии. Инициаторами национализации на местах выступали различные организации: коллективы рабочих, фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, местные советы. Основанием практически во всех случаях служил декрет от 28 июня 1918 г. Советы брали в свои руки предприятия, удовлетворяющие местные потребительские нужды. 17 сентября 1918 г. Саранский уисполком принимает решение: «Немедленно приступить к национализации всей промышленности»¹⁴. Данное постановление по существу за-

вершало начавшийся ранее процесс национализации промышленности в Саранске и уезде. 29 августа 1918 г. в городе были национализированы мастерские Корнилова и Воронина, 16 сентября – взяты на учет маслобойный завод и мельница Овечкина¹⁵. В Саранске, начиная с лета 1918 г., было национализировано 15 наиболее значительных предприятий города¹⁶. Уже 1 апреля 1919 г. Саранский уисполком отметил как отрадное явление, что в уезде все фабрики и заводы взяты в ведение центра и что все средства УСНХ затрачены на ремонт фабрик и заводов¹⁷. В мае 1919 г. на Саранском уездном съезде СНХ в числе национализированных за последнее время были названы сапоговальное заведение Бараблина и мельницы Романова, Цикунова, Якушева¹⁸. В Краснослободском уезде 18 октября 1918 г. были национализированы мыловаренный завод Тихомирова и кожевенный Болотникова¹⁹. Решением Темниковского уездного совета в июле 1918 г. была национализирована Кондровская бумажная фабрика. Тогда же решением Спасского уездного совета национализирована у Суворовых Ширингушская суконная фабрика²⁰. В Ардатовском уезде национализирована Тургеневская мукомольная и крупяная мельницы Попова²¹.

Достаточно часто решения о национализации, принимаемые на местах, противоречили установкам центра. Так, 22 июня 1918 г. Пензенский губернский совет телеграфировал в уезды: «В некоторых местах Советы производят национализацию заготовок леса, флота, торговли, домов, других отраслей хозяйства без декретирования и согласования центральной власти... Советы упускают из виду, что этим наносят громадный ущерб государству и вносят анархию в организацию дела»²². В ходе национализации в ряде мест обобществлялись крупные, но разрушенные предприятия, в частности, винокуренные заводы. Губернские власти рассматривали подобные шаги как ошибочные. Так, на это указал 11 февраля 1919 г. Пензенский губернский совет²³. Подобная практика беспокоила и центральные органы власти, что отмечалось декретом СНК 26 апреля 1919 г.

В процессе национализации промышленного производства в Мордовии достаточно четко прослеживаются специфические особенности, обусловленные целым рядом факторов. В первую очередь следует отметить интенсивность принятия решений о национализации. По степени интенсивности национализации регион занимал первое место в европейской части России²⁴. Темпы объяснимы широкой инициативой местных органов власти в проведении национализации, в результате чего была отчуждена основная масса предприятий. Скоротечность

процесса обобществления в значительной степени была связана и с превращением края в непосредственный тыл Восточного фронта. Интенсивность национализации привела к несколько иным, чем в центре временным рамкам означенного процесса. Под контроль местных властей уже в 1918 г. были поставлены не только предприятия ценовой промышленности, но и основная часть нецензового производства. В связи с этим нам представляются ошибочными утверждения о том, что полностью промышленность Мордовии была национализирована только в 1920 г.²⁵. Особо стоит отметить стремление национализировать мелкую кустарную промышленность в деревне, зависевшую в значительной мере от надомной работы или труда крестьян и членов их семей, занятых неполный рабочий день. Такие предприятия играли огромную роль в региональной экономике, именно они в значительной степени удовлетворяли простые потребности населения.

Параллельно с национализацией активно шел процесс создания органов управления обобществленными предприятиями, начатый в общероссийском масштабе декретом ВЦИК и СНК от 15 декабря 1917 г. о создании центрального органа управления народным хозяйством – Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Следом стали создаваться губернские и уездные СНХ. В Мордовии УСНХ стали возникать во второй половине 1918 г. Одним из первых УСНХ стал Инсарский, образованный решением уездного совета 6 апреля 1918 г. в качестве одного из отделов уисполкома²⁶. 1 сентября было принято решение уисполкома о реорганизации отдела в УСНХ с передачей в его ведение ремонтных мастерских, типографии и телефонной сети. Однако только 2 ноября состоялось пленарное заседание УСНХ, избравшее президиум. 17 ноября 1918 г. оформление УСНХ было завершено путем организации отделов – промышленного и отдела местного хозяйства. Последний имел ряд подотделов: строительный, гидротехнический, кустарный, дорожный, заготовки дров, жилищный, лесозаготовительный²⁷.

Саранский УСНХ был создан на основе решения уездного съезда советов 26 апреля 1918 г.²⁸. Первоначально он существовал в форме коллегии народного хозяйства, которая после упразднения городского и земского самоуправления приняла в свое ведение электростанцию, пожарное дело, артезианские колодцы, отдел по постройке военных бараков и сельскохозяйственный склад²⁹. В июне 1918 г. коллегия была реорганизована в комиссариат народного хозяйства, а ее комиссару было «предоставлено право весь строительный материал, который он

найдет возможным и нужным реквизировать, национализировать и покупать»³⁰. 21 июня 1918 г. на уездном съезде советов перед комиссариатом была поставлена задача установления связи с волостными советами и организации при них отделов народного хозяйства. Было принято решение в основу деятельности комиссариата положить «принцип поддержания существующих хозяйств, а не увлекаться грандиозными планами»³¹. К весне 1919 г. система управления местной промышленностью в уезде окончательно оформилась. К этому времени сложилась система УСНХ, включавшая отделы – производственно-промышленный, электрический, технический, технико-строительный и квартирно-жилищный. Как особые структурные подразделения существовали управление кирпичным заводом и складами³².

Краснослободский УСНХ возник как отдел уездного совета в июле 1918 г., однако только в январе 1919 г. состоялся его пленум, который структурировал управление хозяйством в рамках уезда, избрав президиум УСНХ и его отделы. В ведение производственного отдела был передан контроль над кирпичным, кожевенным, мыловаренным заводами, столярной, кузнецко-слесарной мастерскими. Отделу местного хозяйства были подчинены дорожное дело, кооперация, трудовые артели, лесные заготовки, типография и телефон³³.

Определенные трудности возникли при формировании Рузаевского УСНХ, что было связано со сложностями структуризации уезда в самостоятельную административную единицу. Однако уже в мае 1919 г. инструктор поезда «Октябрьская революция» доложил во ВЦИК: «Совнархоз организован достаточно удачно, хотя переживает болезни в организации производства. Кустарный отдел работает (благодаря неопытности сотрудников) не весьма широко»³⁴.

Существенно затруднял работу УСНХ края двойственный характер их подчинения – с одной стороны местным советам, которые чаще всего проводили национализацию и имели своих представителей в управлении заводов, с другой стороны – губернскому центру в лице ГСНХ, исполнительными органами которого являлись. В этом проявлялся принцип централизации, столь характерный для политики военного коммунизма. Причем губернские органы власти жестко следили за его реализацией. Так, 22 июня 1918 г. Пензенский губернский совет потребовал от уездных властей согласовывать с ним национализацию промышленных предприятий³⁵. Однако губернские органы не выделяли средства для УСНХ и последние в большинстве случаев работали как отделы исполкомов местных советов. Кроме того, ситуация ослож-

нялась требованиями, которые предъявляли главки, структурные части ВСНХ, ставшие ведущими органами отраслевого управления экономикой. В их ведение попадали крупные или средние предприятия, продукция которых была необходима для удовлетворения нужд воинских частей (Ширингушская суконная фабрика, Кондровская оберточная фабрика, Саранская табачная фабрика и т.д.). Подобное положение приводило к постоянным трениям и конфликтам местных властей с вышестоящими.

Несмотря на то, что предприятия функционировали на средства местного совета, подчинялись они главкам, которые распоряжались произведенной продукцией. На этой основе возникли трения между Саранским уисполкомом и главками «Главтабак», «Главмасло», «Главмука»³⁶. Аналогичная ситуация складывалась и в других уездах³⁷. В ряде случаев главки силовыми действиями прекращали работу УСНХ и волостных отделов народного хозяйства, как это было отмечено в мае 1919 г. на Саранском уездном съезде СНХ³⁸. Кроме того, центральные органы систематически задерживали поступления средств и утверждение смет³⁹. Претензии местных органов были в значительной степени обоснованными, поскольку вмешательство центра чаще всего не было связано с непосредственным производством. По воспоминаниям И. Рапопорта, проработавшего полтора года в Управлении деревообрабатывающей промышленности в Москве, «управление промышленностью из центра сводится к составлению и пересоставлению всевозможных организационных, производственных и строительных планов, к громадной, но случайной переписке по выплывающим отдельным вопросам и к разрешению дрязг и конфликтов местных органов»⁴⁰. Кроме того, работа центральных ведомств, их взаимодействие с местными органами в значительной степени дестабилизировались таким явлением как взяточничество. Тот же И. Рапопорт свидетельствовал: «Независимо от этого непосредственного присвоения и расхищения казенного имущества, процветает и взяточничество в собственном смысле... В области заготовки и вывоза дров и лесных материалов, где допускается, в извращенной и хищнической форме, частная инициатива, в виде сдачи подрядов, берут при подписании договоров, берут за отвод лесных площадей, берут за выдачу авансов, берут за отпускаемое продовольствие и инструменты, берут при приемке дров, берут за подлоги в обмере дров и в указании расстояния возки, — словом, всех возможностей взять не перечесть»⁴¹.

Стоит отметить, что местные органы власти пытались противопоставлять свою деятельность центру только в 1918-1919 гг. К 1920 г. жесткий централизм утвердился достаточно прочно и уже не вызывал нареканий. Достаточно показательна резолюция Саранского уисполкома по докладу представителя УСНХ от 19 мая 1920 г.: «Исполнять все задания центра в полном контакте, никакого сепаратизма в работе не должно [быть]»⁴².

Жесткая централизация в управлении промышленностью явилась одним из проявлений волевых, командных методов руководства, сложившихся в период военного коммунизма. Они могли до известной степени координировать количественное приращение продукции, но не ее качество и разнообразие. Сложившаяся система была уязвимой, т.к. не содержала ни элементов саморегуляции, ни внутренних стимулов роста производительности труда. Она могла основываться лишь на внеэкономическом принуждении или беззастенчиво эксплуатировать самый искренний трудовой энтузиазм. Местные советы в какой-то мере сглаживали порожденные ей отрицательные моменты. На заседаниях уисполкомов, съездах советов обсуждалась деятельность предприятий, УСНХ делали отчеты, а советы принимали по ним резолюции, направляли средства на оказание помощи промышленности. Так, IV Инсарский уездный съезд советов в январе 1919 г. постановил: «Напрячь все усилия к быстрой организации массовой выработки возможных по местным условиям предметов широкого потребления»⁴³. Однако вопросы промышленного производства не преобладали в деятельности советов и их исполнительных органов. С июня 1918 г. по июль 1919 г. Рузаевский уездный совет рассмотрел 45 вопросов, связанных с управлением местной промышленностью, что составило только 6,5% от общего числа рассмотренных дел⁴⁴.

Национализация промышленных предприятий и малоэффективная работа УСНХ по организации управления им породили серьезные процессы, связанные со свертыванием производства. Даже на региональном уровне сокращение производства было систематическим и кумулятивным, т.к. прекращение деятельности предприятий в одной отрасли промышленности ставило в зависимость другие отрасли, вплоть до их полной остановки. Среди исследователей существуют определенные разногласия относительно цифр закрытых в крае промышленных предприятий. Так, М.З. Бор утверждал: «По Краснослободскому, Рузаевскому и Саранскому уездам, составляющим 1/3 территории Пензенской губернии, в 1920 году насчитывалось 38,8 процента всех бездей-

ствующих предприятий в губернии»⁴⁵. В какой-то мере аналогичны подсчеты И.М. Корсакова и М.И. Романова: «На долю уездов, вошедших в Мордовию, приходилось более 40 процентов закрытых предприятий губернии»⁴⁶. В определенной степени с подобными утверждениями можно согласиться. Тем более, что председатели УСНХ в своих отчетах систематически указывали на разруху, отсутствие сырья, рабочих рук⁴⁷. Однако статистические данные за 1920 г. позволяют внести определенную ясность в характеристику процесса свертывания производства в уездах Мордовии (табл. 1)

Таблица 1
Промышленное производство в уездах Мордовии (1920 г.)*

Уезд	Число промышленных предприятий					
	Всего	%	Действующие	%	Бездействующие	%
Ардатовский**	—	—	—	—	—	—
Инсарский	732	100	532	72	200	28
Краснослободский	898	100	614	68	284	32
Наровчатский	471	100	395	83	76	18
Рузаевский	516	100	399	77	117	23
Саранский	1034	100	730	70	304	30
Темниковский	697	100	554	79	143	21
ИТОГО	4348	100	3224	74	1124	26

* Таблица составлена на основе данных: Труды ЦСУ. М., 1921. Т. III. Вып. I. С. 18, 42.

** Данные по Ардатовскому уезду Симбирской губернии отсутствуют.

Данные за 1920 г. свидетельствуют, что наибольшее количество бездействующих предприятий наблюдалось в Краснослободском (32%) и Саранском уездах (30%). Наименьшее количество закрытых производств зафиксировано в Наровчатском (18%) и Темниковском уездах (21%). Однако приводимые цифры нельзя абсолютизировать. Дело в том, что на протяжении Гражданской войны они неоднократно менялись, что было связано с деятельностью местных органов власти по восстановлению промышленного производства. Достаточно активно этот процесс шел в Саранском уезде. С момента организации УСНХ и до 1 сентября 1918 г. на налаживание производства им было потрачено более 547 тыс. руб.⁴⁸. В 1918 г. УСНХ были открыты механические мастерские по чугунному литью, ремонту сельскохозяйственных машин и т.д. Было открыто предприятие по изготовлению веревки и начаты работы по восстановлению кирпичного, маслособойного, спиртового-

го заводов, табачной фабрики⁴⁹. К лету 1919 г. в Саранске пущены в ход маслобойный завод, махорочная фабрика, кожевенный завод. К 1920 г. в Саранском уезде работали технические столярные и плотничные мастерские, веревочный, кожевенный и мыловаренный заводы, мукомольная мельница, электрическая станция и типография. В уезде и городе Саранске развивались кустарные (деревообрабатывающее и кирпичное) производства; началась разработка мела, извести, залежей сланца; производство черепицы; обжигание и выгонка смолы и скипидара⁵⁰. В Ардатовском уезде стала работать Тургеневская мельница, которая только лишь за 7 месяцев (с 1 августа 1918 г. по 4 марта 1919 г.) смолола 373740 пудов ржи и пшеницы. 13 февраля 1919 г. Наровчатский Усовдеп на своем заседании отметил, что УСНХ наладил работу на черепичном заводе. Выработано черепицы 13000 штук и приступили к оборудованию кирпичных заводов и изучению природных богатств уезда. Краснослободский УСНХ в первой половине 1919 г. наладил работу кирпичного, сухоперегонного и кожевенного заводов. Кожевенный завод наряду с производством продукции для нужд местного населения выполнял заказы по изготовлению сыромятных кож для Красной Армии. Кирпичный завод за летний сезон 1919 г. выработал более 200 тыс. кирпичей. Сухоперегонный завод в значительной степени удовлетворял нужды населения в дегте и скипидаре⁵¹. В Темниковском уезде в 1919 г. были пущены в ход национализированные чугуно-литейные заводы Пондмаревой и Скоробогатова. С января по апрель 1919 г. включительно на них было выплавлено 2650 пуд. литья, т.е. по 650 пуд. в среднем в месяц. Был пущен Тенишевский завод сухой перегонки дерева. За первые четыре месяца 1919 г. им произведено 1155 чет. древесного угля, 230 пуд. дегтя, 20 л спирта, 820 пуд. смолы, 535 пуд. древесной кислоты. За это же время кожевенный завод, действовавший не на полную мощность, обработал 700 кож⁵². Аналогичные процессы происходили и в других уездах Мордовии⁵³.

Однако в процессе восстановления промышленного производства местные органы власти сталкивались с рядом трудностей. Так, один из активных участников советского строительства в Рузаевском уезде И.А. Чичаев вспоминал: «Рузаевский Совет в 1918 году пытался наладить мыловаренное, кожевенное, свеклосахарное и другое производство по переработке продуктов сельского хозяйства, но у него не хватило для этого финансов. Совет вынужден был ограничиться открытием небольших ремонтных мастерских по обслуживанию нужд местных жителей и хлебопекарни. Для сельского населения была восстановлена механизированная мельница, создана уездная кузница по ремонту сельскохозяйственных орудий с выдачей их напрокат»⁵⁴.

Определенную роль в налаживании промышленного производства в Мордовии к концу гражданской войны сыграл план ГОЭЛРО, уделявший большое внимание электрификации кустарной и местной промышленности путем сооружения и эксплуатации электростанций местного значения. Одной из таких электростанций стала Ладская ГЭС, идея строительства которой была предложена заводделом электрификации Нарокомзема РСФСР В.З. Есиным. В марте 1920 г. он приезжал в Саранский уезд специально для этой цели. На объединенном собрании представителей Ладской, Пушкинской, Резоватовской и Оброчинской волостей был организован кооператив, который заключил договор с государственной электромонтажной конторой на разработку проекта и сметы по электрификации названного района. Местные органы власти оказали финансовую поддержку начинанию⁵⁵. В Рузаевском уезде местный совет утвердил проект постройки электростанции для освещения города и окрестных сел и деревень, однако реализован он был только в условиях НЭПа⁵⁶.

Подводя итоги, отметим, что мероприятия в рамках политики «военного коммунизма», проводимые в сфере промышленного производства, не смогли решить наиболее важные проблемы экономики региона. Наоборот, они их обострили, а в ряде случаев завели в тупик. Национализация предприятий, складывание централизованной системы управления, в значительной степени малоэффективной, породили реакцию общественных структур в виде дальнейшего свертывания производства, безработицы, деклассирования рабочего класса и т.д. Однако мобилизационные методы позволили местным органам власти наладить производство в ряде отраслей, связанных с военными нуждами. Но любые диспропорции в развитии системы, сбои управления могли привести к серьезному кризису. С целью создания дополнительных опорных факторов местные органы власти в 1920 г. были вынуждены пойти на некоторое допущение частной инициативы в отдельные отрасли промышленного производства. Ее существование в рамках «военно-коммунистической» системы фактически создавало предпосылки для последующего НЭПа.

Примечания

¹ См.: Юрченков В. А. Рабочий класс Мордовии в первые годы Советской власти (опыт структурного анализа) // Из истории формирования и развития рабочего класса Мордовии. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1989. Вып. 91; Он же. Рабочий класс Мордовии в первые годы Советской власти (проблема гегемо-

нии) // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность. Саранск, 1989.

² См.: Юрченков В. А. Мордовия в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920 гг.) // История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней. Саранск, 1984; Он же. Саранск советский. На защите завоеваний Великого Октября // Саранск: Историко-экономический очерк. Саранск, 1985; Он же. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Мордовии // История советского крестьянства Мордовии. В 2 ч. Саранск, 1987. Ч. 1.

³ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1922. С. 114-115.

⁴ Адушкин Н.Е. Рабочий класс Мордовии: Страницы биографии и тенденции современного развития. Саранск, 1981. С. 10.

⁵ Подробнее см.: Дорожкин М.В. Указ. соч. С.28.

⁶ Адушкин Н.Е. Указ. соч. С. 10 - 12.

⁷ Дорожкин М.В. Указ. соч. С. 28.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 393.

¹⁰ Установление Советской власти в Мордовии: Документы и материалы. Саранск, 1957. С. 50, 158.

¹¹ Воронин И.Д. Саранск. Историко-документальные очерки. Саранск, 1961. С.184-186.

¹² Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1957. С. 89, 112, 152, 153, 145, 162.

¹³ ЦГА РМ. Ф.Р. - 37. Оп. 1. Д. 19. Л. 130.

¹⁴ ЦГА РМ. Ф.Р. - 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 402.

¹⁵ Там же. Д. 19. Л. 139-140; Д. 31. Л. 5 об.

¹⁶ Воронин И.Д. Указ. соч. С. 193.

¹⁷ Корсаков И.М., Романов М.И. Из истории Мордовии в годы гражданской войны. Саранск, 1958. С. 155.

¹⁸ ЦГА РМ. Ф.Р. 275. Оп. 3. Д. 1. Л. 94 об.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф.Р. 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 58, 458; Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 2 ноября.

²⁰ Дорожкин М.В. Указ. соч. С. 224.

²¹ Юрченков В.А. Рабочий класс Мордовии в первые годы Советской власти (проблема гегемонии) // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность. Саранск, 1989. С. 46.

²² ЦГА РМ. Ф.Р. 37. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.

²³ Там же. Д. 37. Л. 23.

²⁴ Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 39.

- ²⁵ См.: Бор М.З. Развитие социалистической промышленности МАССР. Саранск, 1941. С. 9; 50 лет созидания. Саранск, 1979. С. 44.
- ²⁶ ЦГА РМ. Ф.Р. - 364. Оп. 1. Д. 2. Л. 58 об.
- ²⁷ Там же. Л. 58 об. - 59 об.
- ²⁸ Там же. Ф.Р. - 37. Оп. 1. Д. 31. Л. 5 об.
- ²⁹ Там же. Д. 19. Л. 139.
- ³⁰ Там же. Д. 19. Л. 139 об.
- ³¹ Там же. Л. 99 об.
- ³² Там же. Ф.Р. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 204-207.
- ³³ Там же. Ф.Р. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 21 об.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 31. Л. 5-6.
- ³⁵ ЦГА РМ. Ф.Р. 37. Оп. 1. Д. 9. Л. 47.
- ³⁶ Там же. Ф.Р. 275. Оп. 3. Д. 1. Л. 94 об.
- ³⁷ Там же. Ф.Р. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 22; Ф.Р. 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 199.
- ³⁸ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Документы и материалы. Саранск, 1959. С. 288.
- ³⁹ Там же. С. 281, 288.
- ⁴⁰ Рапопорт И. Полтора года в советском Главке // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т.2. С. 100.
- ⁴¹ Там же. С. 104.
- ⁴² ЦГА РМ. Ф.Р. 37. Оп. 1. Д. 41. Л. 88.
- ⁴³ Там же. Ф.Р. 364. Оп. 1. Д. 2. Л. 60 об.
- ⁴⁴ Подсчитано по: ЦГА РМ. Ф.Р. 37. Оп. 1. Д. 10.
- ⁴⁵ Бор М.З. Указ. соч. С. 8.
- ⁴⁶ Корсаков И.М., Романов М.И. Указ. соч. С. 169.
- ⁴⁷ ЦГА РМ. Ф.Р. 62. Оп. 1. Д. 234. Л. 50-51; Ф.Р. 364. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.
- ⁴⁸ Саранск: Историко-экономический очерк. Саранск, 1985. С. 73.
- ⁴⁹ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Документы и материалы. Саранск, 1959. С. 190-193.
- ⁵⁰ Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1961. Т.2. С.108-115.
- ⁵¹ Корсаков М.И., Романов М.И. Указ. соч. С. 155.
- ⁵² ЦГА РМ. Ф.Р. 62. Оп. 1. Д. 234. Л. 44-50, 142-144, 201-203, 283.
- ⁵³ Саранская правда. 1919. 9 мая; ЦГА РМ. Ф.Р. 37. Оп. 1. Д. 10. Л. 113; Д. 14. Л. 171; Д. 26. Л. 455, 637; Д. 43. Л. 440; Ф.Р. 275. Оп. 3. Д. 1. Л. 94; Ф.Р. 364. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 60; Пахомов И.П. Борьба трудящихся Мордовии за восстановление и развитие социалистической промышленности (1921-1928) // Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1961. Вып. 21. С. 40-41.
- ⁵⁴ Чичаев И.А. Рузавка на заре Октября. Саранск, 1970. С. 50.
- ⁵⁵ Краеведение Мордовии. Саранск, 1973. С. 164.
- ⁵⁶ Чичаев И.А. Указ. соч. С. 50.

В.И. Белоус

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1941-1953 гг.

Социальные проблемы и в военное лихолетье, и в первое послевоенное десятилетие продолжали оставаться острыми. Речь идет не только о том, что, как пишет Е. Осокина, «в результате огосударствления и централизации в СССР был создан тип хозяйства, который определил низкий материальный уровень жизни общества на все годы существования советской власти»¹. Но и о том, что в конце 30-х годов явно ощущалась угроза всеобщей войны, а Великая Отечественная война и послевоенная разруха многократно усилили крайне тяжелое материальное положение людей. Вполне можно согласиться с суждениями Е. Осокиной, что «никогда во все десятилетия существования социалистического хозяйства производство товаров народного «потребления», несмотря на официальные заверения, не имело главного приоритета. Тяжелая индустрия - машины ради машин, а также военная промышленность стояли на первом месте»². Все это справедливо, однако с одним «но» - нельзя забывать, что вопрос стоял о выживании и во время вооруженного противостояния, и в годы «холодной войны». Чрезвычайные условия привели к растущему дефициту всех материальных благ. Хотя ситуация была не однозначна, не линейна и не столь очевидна.

Пожалуй, главное здесь в том, что именно в бытовой сфере, как совершенно справедливо отмечает Е. Зубкова, «... взаимообусловленность политики и повседневности выступает как очевидность»³. И, наоборот, «... власть, ее политика формируют повседневное поведение людей и восприятие ими бытовых проблем, добиваясь общественного согласия и лояльности по отношению к самой себе»⁴.

В статье поставлена задача: раскрыть материальное и бытовое положение в основном городских жителей Советской России и на основе документов Государственного общественно-политического архива Нижегородской области, ранее закрытых и неопубликованных, проанализировать социальную ситуацию в одном из крупнейших и наиболее развитых в промышленном отношении, а, следовательно, и типичном для страны, Горьковском (Нижегородском), регионе в годы Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия. Как

рассказывают источники, несмотря на общность, эти два периода имели свою специфику.

В годы войны на первом месте среди социальных вопросов стояли проблемы снабжения населения промышленными и продовольственными товарами и уровень здравоохранения. В послевоенное время к ним добавились в качестве первоочередных жилищная проблема и материально-бытовое обслуживание. Великая Отечественная война вызвала необходимость перехода от свободной торговли к нормированной продаже товаров по карточкам и поставила задачу максимального привлечения в товарооборот промышленных и продовольственных товаров из местных источников за счет развертывания децентрализованных заготовок сельскохозяйственных продуктов в колхозах, собственного вылова рыбы, сбора дикорастущих ягод и развития подсобного хозяйства. Горьковская область, как и многие другие промышленные регионы, относилась к числу потребляющих, и оккупация немецкими войсками производящих продовольствие областей поставила ее в сложное положение. Немецкие войска летом 1942 г. перерезали Волгу в районе Сталинграда, в результате чего прекратился подвоз рыбы и соли из Астрахани. Ситуация стала меняться лишь после победы советских армий под Сталинградом и освобождения Волги от льда весной 1943 г.

Для решения продовольственной проблемы в течение 1941 – 1943 гг. при промышленных предприятиях области были созданы отделы рабочего снабжения (ОРСы). Для создания и укрепления продовольственной базы ОРСов оборонным заводам области было передано: 31 совхоз с общей посевной площадью в 25086 га, 10855 голов крупного рогатого скота, 8842 свиней, 594 головы меткого рогатого скота, 1095 лошадей⁵. Одновременно создавались и подсобные хозяйства, которыми в 1943 г. была освоена посевная площадь в 18914 га⁶.

В 1941 - 1942 гг. произошло резкое сокращение розничной торговой сети. За это время в целом по области она сократилась на 31,3%, в том числе по магазинам на 25,8%, по ларькам на 46,4%⁷. В городах и рабочих поселках закрывались специализированные магазины – рыбные, мясные, галантерейные; в сельской местности – продовольственные и хозяйственные магазины. Но уже в 1942 г. после коренного перелома в боевых действиях наметился некоторый рост количества магазинов и ларьков. Если на 1 января 1943 г. в области их имелось 4916, то на 1 октября 1943 г. – 5004 единицы⁸.

В структуре розничного товарооборота региона удельный вес продовольственных и непродовольственных товаров за годы войны почти не изменился. Если в 1940 г. удельный вес продовольственных товаров составил 36,1%, то в 1942 г. – 35,6%, а за первые полгода 1943 г. – 36,8%⁹. По непродовольственным товарам в 1940 г. удельный вес составлял 63,9%, в 1942 г. – 64,4%, за 6 месяцев 1943 г. – 63,2%¹⁰. А вот удельный вес водки и водочных изделий в продовольственном товарообороте повысился с 24,3% в 1940 г. до 43% в 1942 г. и 49,3% за первую половину 1943 г.¹¹ В сельской местности удельный вес продовольственных товаров повысился с 60,7% в 1940 г. до 69,5% в 1942 г. и до 71,6% в первом полугодии 1943 г.¹²

В годы Великой Отечественной войны в Горьковской области развернулась работа по организации предприятий бытового обслуживания и по выпуску товаров широкого потребления. Если, например, в г. Горьком в 1940 г. было 24 пошивочных, починочных, ремонтных и производственных мастерских, то в 1941 г. их число возросло до 34, в 1942 г. до 54, а в 1943 г. до 133¹³. Этими предприятиями было изготовлено большое количество жестяных изделий, мебели, галантереи, трикотажа, культтоваров. Тем не менее, выпуск товаров широкого потребления децентрализованные закупки внутри области не смогли восполнить ассортимент товаров, снятых во время войны с производства фабрик и заводов, и обеспечить товарооборот на уровне 1940 г. с последующим ростом.

В связи с сокращениями розничной торговли в военные годы существенно возросло значение общественного питания по сравнению с довоенным периодом. На оборонных предприятиях количество столовых к концу 1943 г. увеличилось на 42,9%. Наряду с организацией новых рабочих столовых проводилась большая работа по увеличению количества посадочных мест. Если в г. Горьком их число в столовых в 1940 г. составляло 12961, то в 1943 г. – 51950, в г. Дзержинске соответственно 3700 и 10500¹⁴. Существенно выросло число детских столовых для обслуживания в первую очередь детей фронтовиков. Так в г. Горьком в 1942 г. имелось две детских столовых на 200 посадочных мест, а в 1943 г. – 13 столовых на 1265 мест¹⁵.

Наиболее серьезное положение с обеспечением населения Горьковской области продовольствием наблюдалось в 1942 и 1943 гг., когда резко снизились заготовки мяса, молочных продуктов, животного и растительного масла, картофеля, хлебных продуктов, что повлекло за собой сокращение рациона и значительное повышение цен на продук-

ты питания, а также увеличение числа хищений продовольственных товаров и рост социальной напряженности среди жителей области, о чем красноречиво свидетельствуют документы, которые приводятся в книге.

В годы Великой Отечественной войны обострилась и санитарно-эпидемиологическая обстановка. Резко поднялась заболеваемость сыпным тифом (рост в 1941 г. по сравнению с 1940 г. на 40%) и корью – на 20% и одновременно снизилась желудочно-кишечными заболеваниями, скарлатиной и дифтерией¹⁶. Особую опасность представлял сыпной тиф, получивший широкое распространение по городам и районам, расположенным на железной дороге и имеющим железнодорожные узлы и станции, а именно: г. Горький, Муром, Арзамас, Кулебаки, Дзержинск, ст. Шахунья, Починковский район. Из сельских районов высокую заболеваемость давали южные районы области, граничащие с Мордовией и Чувашией. Для борьбы с тифом было организовано 19 эпидотрядов¹⁷, проводилась стопроцентная госпитализация больных с подозрением на сыпной тиф, санитарная обработка, систематический профилактический осмотр школьников, уборка и дезинфекция вокзалов и т.д. И тем не менее заболеваемость этой инфекционной болезнью на протяжении всех лет войны продолжала оставаться высокой.

Большое внимание органы здравоохранения области уделяли предупреждению желудочно-кишечных заболеваний, таких как брюшной тиф и дизентерия. Если, например, в 1943 г. было выявлено 823 случая заболевания брюшным тифом, то в 1944 г. – 725, а зимой 1945 г. – всего 23; дизентерией, соответственно, 2187, 2375 и 6¹⁸. Основной причиной этих заболеваний была крайняя загрязненность населенных пунктов Горьковской области, особенно городов.

Но, пожалуй, самой острой проблемой и в довоенные годы, и в военные годы, была жилищная. В 1941 - 1942 гг. жилье действительно практически не строили. Реальные подвижки в жилищном строительстве начались с 1943 г., хотя началом его следует считать постановление СНК СССР от 9 апреля 1942 г., которым ряд оборонных наркоматов были обязаны во II и III кварталах 1942 г. выполнить работу по жилищному строительству на предприятиях г. Горького и построить на заводах №469 и №119 – 20 каркасных восьмиквартирных домов, 5 каркасных бараков общей площадью 8000 кв. м, на заводе №215 – 20 каркасных восьмиквартирных домов, 5 каркасных бараков общей площадью 8000 кв. м, на заводе №112 – 9 двухэтажных и один каркасный дом, на мотоциклетном заводе – 6 каркасных бараков, на заводе №718

– 10 каркасных восьмиквартирных домов и 5 каркасных бараков¹⁹. Однако сроки и окончание работ по строительству жилья были сорваны как из-за общей тяжелой военной обстановки того периода, так и из-за нехватки строительных материалов. Так, например, на заводе №112 из 9 домов к февралю 1943 г. было построено только 2²⁰. В военные годы рабочий люд в основном ютился в общежитиях барачного типа без элементарных удобств.

Показательной является характеристика жилого фонда второго по величине и значимости в Горьковской области г. Дзержинска. В 1944 г. в жилом фонде города насчитывалось 1048 домов с жилой площадью 407958 кв. м. Из них каменных - 137, деревянно-рубленых – 494, шлакобетонных – 70, бараков и домов фибролитовых – 440²¹. На этой площади проживали 86450 человек, остальные жили в домах частного сектора. Средняя жилая площадь на одного человека в домах госжилфонда составляла 4,7 кв. м, в общежитиях от 2,5 до 3 кв. м²². 42% жилищного фонда города состояло из домов барачного, тесово-засыпного типа, отличающихся недолговечностью и требующих ежегодно больших затрат на капитальный и текущий ремонт.

Хорошо известно, что материальное положение и приемлемый быт существенно влияют на социальный уровень и психологическое состояние людей. Однако и этот сегмент социальной сферы области в конце 30-х – первой половине 50-х гг. оставался в запущенном состоянии.

В 1942 г. в г. Горьком неожиданно возникла проблема с банями, которые работали крайне неудовлетворительно, особенно зимой. Например, баня Свердловского района в ноябре 1942 г. из 30 рабочих дней работала только 19 и по несколько часов в сутки; баня №2 Сталинского района в ноябре семь суток совсем не работала²³. Хотя здесь сыграли свою роль обстоятельства военного времени – несвоевременный подвоз топлива из-за отсутствия достаточного количества транспорта.

Исключительно тяжелым в военные годы было материально-бытовое положение интеллигенции, особенно сельской. В 1942 г. была проведена проверка материально-бытовых условий учителей пяти сельских районов Горьковской области. Оказалось, что учителя Больше-Болдинского района, например, по два месяца не получали заработную плату. Учителя снабжались хлебом плохо и с задержкой, им не продавали картофель, не соглашались держать на квартирах, не подвозили дрова на зиму. Особенно страдали молодые учителя и эвакуиро-

ванные. Всего 400 граммов хлеба в день²⁴ – такова была учительская норма, по крайней мере, в 1942 г. Некоторые исключения только подтверждали правило.

Да и рабочие в городах жили не намного лучше. Существовали трудности с продуктами питания, одеждой, домашней обстановкой, особенно это касалось эвакуированных и мобилизованных из других регионов на работу на оборонные предприятия Горьковской области. Вот, например, каково было материально-бытовое положение испанских рабочих, прибывших в г. Горький на завод «Серп и молот» через несколько месяцев после начала войны. Обещанное жилье им так и не дали, хотя эвакуированные русские рабочие получили комнаты, а испанцы, люди теплолюбивые, холодной осенью 1941 г. продолжали жить в летнем клубе и спали на полу при температуре ниже нуля. Правда потом самостоятельно нашли частные дома, где жили в кухнях и коридорах, во всяком случае до лета 1942 г. Им было отказано в приобретении одежды и обуви. На заводе они ели один раз в день, хотя другие рабочие питались по 2 и 3 раза. Их зарплата, в связи с ростом рыночных цен, не позволяла что-либо купить из продовольственных товаров²⁵. Иной была картина материально-бытового положения рабочих из Средней Азии, прибывших на работу в ОСМЧ Стройгаза №2 летом 1943 г. Для них был организован специальный городок из 23 палаток и 2-х бараков легкого типа. Всех рабочих обеспечили матрасами и обувью для работы; организовали медпункт; открыли сапожную мастерскую, парикмахерскую, для них работали хлебный и продуктовый ларьки; была открыта чайхана. Им организовали двухразовое питание, в частности, ужин состоял из 100 г мяса, 150 г крупы, 200 г хлеба. Проблемы были только с кипяченой водой и неполным комплектом одеял, подушек, простыней²⁶.

Итак, все факты говорят, что социальная сфера в целом и ее отдельные сегменты в частности, являлись ахиллесовой пятой советского общества в период 40-х - 50-х гг. За все годы сталинской эпохи так и не было сделано ни одной попытки ее радикального реформирования. Советское руководство не могло, да, видимо, и не хотело особенно предпринимать какие-либо шаги в этом направлении. Всегда находились так называемые «объективные» причины. И далеко не все можно объяснить войной и ее последствиями.

Примечания

¹ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927-1941. М., 1998. С. 236.

² Осокина Е. Указ. соч. С. 236.

³ Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. М., 2000. С. 5.

⁴ Зубкова Е. Указ. соч. С. 5.

⁵ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3307. Л. 1а.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3307. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 250. Л. 23.

¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2671. Л. 14.

¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1840. Л. 46.

¹⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3357. Л. 71.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4449. Л. 94.

²² Там же.

²³ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2701. Л. 292.

²⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2760. Л. 43.

²⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2669. Л. 28-31.

²⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3358. Л. 23-23 об.

Ю.А. Перчиков

ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ¹

В отечественной историографии по этой проблеме имеются самые разнообразные исследования² как общероссийского, так и регионального характера, опубликованы новые документы³. Это говорит о том, что интерес к этой тематике не ослабевает, а, наоборот, возрастает в силу того, что появляются новые пласты рассекреченных документов в разных архивах России.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в Нижегородском крае как и по всей стране происходил процесс коллективизации в деревне, преследовалось и разоблачалось кулачество. Однако все это сопровождалось острейшей борьбой нового со старым. Так, в Порецком районе в селе Алгаши осенью 1929 г. произошли небольшие волнения, связанные с некоторыми людьми села. Известно, что кулак являлся основным классовым врагом при проведении аграрных преобразований. Но наряду с кулаками были еще и священники, которых советская власть не жаловала, проводя политику воинственного атеизма ко всем верующим. Так, в этом селе налогообложению подвергся местный священник в виде сдачи картофеля государству в размере 600 пудов. Все это как раз совпало с празднованием религиозного праздника «Казанская» (4 ноября)⁴. Верующие возмутились подобным решением власти. Тогда руководство сельсовета послало в церковь делегацию для того, чтобы объявить священнику о выполнении обязательств по сдаче картофеля. Но в это же время группа верующих в количестве от 200 до 300 человек вместе со священником и дьяконом направились к сельсовету с предъявлением следующих требований: 1) снять налог со священника; 2) провести собрание женсовета по этому вопросу; 3) обратиться в райисполком и 4) разрешить сбор среди верующих хлеба и картофеля для священника⁵. Эти скромные требования не были удовлетворены сельсоветом и группа верующих мирно разошлась. Однако верующие предполагали, что священнослужителя ночью могут арестовать, поэтому они установили охрану, но несмотря на это его все-таки арестовали. И тогда наиболее религиозные женщины (человек 70) направились на выручку священника в Порецкое. Но до него они не дошли, и вернулись обратно. Чем закончилось дело из документа не ясно. Но аналогичные явления произошли в Гарте, Урусове и Сияве.

По сведениям партийного инструктора В.И. Пожеданова, который выступал в качестве проверяющего, видно, что в селе Алгаши партийка по отношению к кулакам занимала нейтральную позицию. Работа среди основной массы крестьян ограничивалась только в основном в период уборочно-посевных кампаний. В селе проживало около 4,5 тыс. жителей, среди которых насчитывалось 600 неграмотных, для обучения которых был открыт всего один пункт по ликвидации безграмотности⁶. Среди взрослого населения сильно был развит религиозный фанатизм, особенно среди женщин, которые сыграли важную роль в оставлении церкви для верующих, хотя батрацко-бедняцкие массы голосовали о передаче ее под культурно-просветительские учреждения⁷.

В селе Алгаши (ноябрь 1929 г. – Ю.П.) имелся колхоз «Красноармеец», в который входило 119 едоков. Кулачество хитростью пыталось «пролезть в колхоз». К сожалению, середняцкие хозяйства зачастую смешивались с кулацкими. Хотя работа среди середняков велась, особенно по вопросу колхозного строительства. В итоге были образованы добротные два Семеновских колхоза на 545 едоков, а жители села Полибино полностью перешли в колхоз.

Однако трудностей при образовании колхозов встречалось немало, особенно со стороны женщин. Имелись факты, когда бедняк-активист входит в колхоз, об этом узнает его жена, то нередко ставится вопрос о немедленном выходе из колхоза, иначе дело может закончиться разводом. Одна беднячка-активистка вошла в колхоз, а две ее дочери 16-17 лет не хотели идти в него, потребовав раздела с матерью⁸.

В те годы значительный интерес представлял классовый подход ко всем решаемым проблемам, а особенно на селе. Да, в те годы, там, где еще сохранялись храмы, местные власти хотели их использовать под хозяйственные нужды. В Алгашах помимо священника с дьяком (последний отказался от сана – причина не ясна – Ю.П.). Имелось более 70 человек, которые по тем или иным причинам были лишены избирательных прав. 13 монашек, о которых проверяющий говорил, что это непосредственные исполнители воли священников и кулаков⁹. В этом же селении проживала бывшая помещица. Кроме того, еще с дореволюционных времен в Засурье существовала эсеровская организация, осколки которой «присосались к советскому аппарату». В качестве доказательства источник называет колхозных работников: секретарем сельсовета работает Бахарев – эсер и бывший офицер, учитель Ермишин – эсер, Петров – эсер, он работает объездчиком Алгашинского

лесничества. А почти рядом с селом имеется деревня Мыслец¹⁰, являющаяся якобы центром эсеровщины.

Партийное местное руководство оказалось практически в плену у этой «реакционной силы». Когда речь зашла об увольнении «лишущих» из сельской кооперации, то учитель Курманин сказал, что если мы их уволим, то «кооперация лопнет». Секретарь партячейки Зудин заявил, что «мы твердо настаивать боялись» в виду того, что они могли работу кооперации провалить. Дело доходило до того, что отдельные работники открыто нападали на женсовет, заигрывая с бедняцкими массами. Источник отмечает, что батрак председатель сельсовета Шишов все сведения о работе Советов с беднотой передавал кулакам и священнику. За эти «услуги» ему выдали пиджак и сахар. Работник сельсовета Ширяев, издеваясь над малограмотностью председателя сельсовета, написал бумагу, в которой написал о нем, что он стар и плешив, а последний поставил на этой бумаге печать.

В связи с вышеизложенными фактами следует отметить, что при помощи проверяющего инспектора были сделаны некоторые организационно-практические выводы. Было отмечено, что партячейка села занимает правый уклон. В докладной записке на имя секретаря Ниж-крайкома ВКП(б) А. Жданова в начале ноября 1929 г. было намечено по коллективизации на 1930 г. добиться не 7%, а 10,5% и не 20 тыс. хозяйств, а 148,1 тыс. Однако отмечено, что без тракторов будет трудно, но «в помощь нам идут огромные силы партии, советской власти и силы организационно в профсоюзе рабочего класса и мы должны этот темп выдержать»¹¹.

О темпах коллективизации в Нижегородском крае (февраль 1930 г.) говорили такие факты: на 1 февраля 1930 г. в Чувашской области было организовано 688 колхозов, Можгинский район Вотской области коллективизирован на 98%. В целом же в этой области (на 10.02.1930 г.) сплошной коллективизацией было охвачено лишь 55,6% всех колхозов¹². А между тем секретарь Нижгубкома ВКП(б) А. Жданов отмечал, что «мы должны идти бешеными темпами по линии коллективизации»¹³. По данным Нижегородского крайкома ВКП(б), в 18 районах Чувашии по постановлению общих собраний бедноты проведено раскулачивание 1111 кулацких хозяйств¹⁴. Из материалов по Марийской области было видно, что «раскулачивание производили массы, а Советы и другие работники госаппарата плелись в хвосте и не руководили этой работой»¹⁵. Прокуратура Чувашской Республики вскрыла массу безобразий и извращений в связи с раскулачиванием.

Так, в Цивильском районе была раскулачена батрачка, у которой отобрали единственный дом за то, что она жила в этом домике, а работала в другой деревне¹⁶. В селе Ковалях этого же района раскулачиванию подвергся красноармеец, который активно боролся в деревне с недостатками в сельсовете и разложившимися коммунистами¹⁷. К сожалению, в ряде мест со стороны властей проявлялись элементы издевательства, хулиганства и воровства во время раскулачивания. Так, в Чувашии в селениях Шемуршинского и Батыревского районов местные власти раскулачивали совместно с беднотой. Они являлись в дом к кулаку ночью, приставляли к груди оружие с командой «Руки вверх», затем обыскивали и выгоняли всех членов семьи, почти раздетыми на улицу, причем население предупреждалось о том, чтобы выгнанных из домов никто не пускал на квартиру¹⁸. Форсированный рост колхозов в феврале 1930 г. сменился на понижение их процента. Если на 1 марта 1930 г. по Нижегородскому краю было коллективизировано 48,2%, то на 1 апреля этого же года – 22,4%¹⁹. Это являлось результатом извращений на местах. Всего по краю в марте месяце 1930 г. вышло из колхозов 173833 хозяйства, в том числе по Чувашии 13040 хозяйств²⁰. Настроение крестьянства оставляло желать лучшего. В некоторых местах края появлялись листовки, которые призывали даже к вооруженным выступлениям. Так, в селе Вятские Поляны Вятского округа листовка выражала поведенческие тенденции.

«Советское правительство – враг крестьянству, оно довело крестьянина до разорения, залило себя потоком слез и позора и уже подписал для себя смертный приговор. Недалек тот день, когда советская власть рухнет под напором вооруженного восстания. Крестьяне! Выбирайте: быть ли вам палачом своего же народа, или же защитниками и борцом за право и свободу. Собирайтесь в вооруженные отряды и уничтожайте активных советских работников» (подпись: Начальник штаба «Крестьянских отрядов»)²¹. Подобные призывы в листовках имели место и в других местах края.

Таким образом, представленный материал показывает, что советская власть не всегда последовательно решала проблемы аграрных преобразований, используя в основном силовые и административные методы работы. Дело видимо заключалось еще и в том, что порою местные власти перегибали указания центральных властей, которые, особенно при раскулачивании, к классу кулаков относили тех, кто не имел никакого отношения к последним.

Примечания

¹ В 1929 г. в край входили Нижегородская и Вятская губернии, Чувашская АССР, Марийская, Вотская автономные области и др.

² См. новейшие исследования: Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары). М., 2005 и др.

³ Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородско-Горьковском крае (1927-1937). Документы и материалы. Киров, 1985; Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. М., 1989 и др.

⁴ См.: Общество и власть. Российская провинция. Т.1. 1917 – сер. 30-х гг. Москва – Нижний Новгород – Париж, 2002. С. 485.

⁵ Там же. С. 485.

⁶ Там же. С. 486.

⁷ Там же. С. 487.

⁸ Там же. С. 487.

⁹ Там же. С. 487-488.

¹⁰ Там же. С. 488.

¹¹ Там же. С. 485.

¹² Там же. С. 492-494.

¹³ Там же. С. 460.

¹⁴ Там же. С. 496.

¹⁵ Там же. С. 501.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 502.

¹⁸ Там же. С. 504.

¹⁹ Там же. С. 519.

²⁰ Там же; в Марийской области – 10508 хозяйств.

²¹ Там же. С. 521.

**С.М. Михайлова,
О.Н. Коршунова**

ТРАДИЦИИ ФИННОУГРОВЕДЕНИЯ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Начало интенсивного изучения финно-угорских языков приходится на первую половину XIX столетия. В позапрошлом веке научное направление возглавляли ученые из Европы. Это венгры А. Регули, И. Буденц, финны М.А. Кастрен¹, А. Генец, О. Доннер, А. Альквист, датчанин В.Л. Томсен. В России специалистами были статский советник, академик Петербургской академии наук А.М. Шегрен (1794-1855) и академик той же Академии Ф.И. Видеман (1805-1887). Здесь издавались записки и труды этнографов, историков, путешественников, описавших быт, нравы, психологию финно-угорских народов. Это книги Г.Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то Черемис, Чуваши и Вотьяков» (СПб., 1771), В. Кошурникова «Быт вотьяков Сарapulьского уезда» (Казань, 1880) и др.

Тесно связанным с удмуртами был город Ижевск - современная столица Удмуртской Республики. В населении заводского города преобладали русские. Однако татары составляли 5% населения, или 570 человек. До отмены крепостного права владельцы оружейного завода требовали квоту для работы из удмуртов окрестных деревень. В 1807 г. она составляла 750 человек². Однако ключевое значение для регулирования отношений имперского центра с многонациональной Волго-Уральской провинцией принадлежало Казани. Уже на строительстве будущей «столицы Востока» трудились пленные мордва, чуваша, вотьяки, русские³.

Миссия, которую отводило Казани правительство, на протяжении веков концентрировалась вокруг задачи освоения и управления Востоком России, его христианизацией. Реализация установки предполагала европеизацию многих аспектов жизни и быта населения, структур государственного и административного управления. В XVIII-XIX вв. в городе возникли духовная и учительская семинарии, переводческая комиссия имени святителя Гурия⁴, императорский университет, этнографический музей. Организация подобных структур означала подвижки в сфере образования. Прогрессивное значение деятельности официальных образовательных учреждений признают и зарубежные исследователи этнической истории России. Хотя официальное назна-

чение дореволюционной Казани - воспитание народов в духе православной покорности, наряду с этим губернский город выполнял миссию содействия "цивилизированности, культурному подъему", прогресса гуманности, - констатирует венгерский ученый П. Домокош. "Среди исполнителей официальных программ были понимавшие и сочувствовавшие нерусским народам"⁵.

Созданный в 1804 г. Казанский университет, ориентированный на подготовку кадров для востока России, заложил основы и впоследствии развивал традиции научного сообщества. Благодаря разнообразным формам самоорганизации деятельность этого сообщества во многом определила контуры культурного прогресса в крае. Университет превратился в один из центров финноугроведения. Выдающийся венгерский языковед, фольклорист и этнограф академик Бернат Мункачи (1860-1937) называл Казань «Меккой финно-угорских языковедов». В письме казанскому профессору И.Н. Смирнову от 20 февраля 1900 г. он заверял в своем глубоком уважении к «русской учености» и ее представителям. «Не проходит и дня, в который я бы не читал русскую книгу, едва ли имею публикацию, в которой бы не ссылался на русские источники»⁶. Немалую толику в авторитет российского финноугроведения внесли казанские ученые.

Фаза накопления материалов сменилась периодом овладения методом сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, семья которых ныне включает в себя около 100 различных языков. Сравнительное языкознание, основываясь на сравнении фонетики, грамматики, словарного состава, устанавливает связь между языками. Эта отрасль филологической науки в Казани имеет давние традиции. В числе достижений – сравнительное изучение финно-угорских языков, которые являются родными для проживающих в России удмуртов, мордвы, марийцев, хантов, манси, карелов и иных народов.

Один из «пионеров» Российского языкознания Иоганн Фридрих Эрдман – он проработал в Казанском университете семь лет - посетил в 1816 г. с визитацией училища Казанского учебного округа. Целью его командировки было посещение Вятской, Пермской и Тобольской гимназий. Записи ученого об удмуртах, опубликованные в труде «Beitrag zur Kenntniss des Innern von Russland», не утратили значения до сих пор. До 1860-х гг. непосредственных наблюдений подобного рода в литературе не было. В переводе с немецкого языка, сделанном в 1892 г. С.К. Кузнецовым, находим у Эрдмана характеристику этнопсихологических качеств вотяков (удмуртов): от природы вотяк «понятлив и тру-

долюбив, нередко зажиточен и при этом гостеприимен. В остальном он упрям и горяч до того, что способен убить противника; ярость его заходит так далеко, что он готов лишиться себя жизни в доме соседа, лишь бы навлечь на него тяжелое следствие»⁷.

В культурном отношении регион Поволжья и Приуралья - место длительного сосуществования фрагментов многих цивилизаций, конфессий и этнических групп можно рассматривать как уникальную лабораторию этнокультурного развития через взаимодействие. Изучая социокультурные процессы в крае, казанские ученые наметили методологические ориентиры анализа взаимовлияния православной, мусульманской и языческой культур, которое отражало глобальный процесс взаимодействия культур Запада и Востока. Плодотворности исследований способствовало сотрудничество востоковедов, специализировавшихся в разных областях знаний. Координирующим центром выступал университет и его «ученые» общества. Они составляли костяк научных школ.

Казанскую школу востоковедов и угроведов отличали комплексный подход к предмету исследования, сочетание публикаторской, экспедиционной, археографической деятельности, обширные контакты с зарубежными коллегами. Ей были присущи многонациональность состава ученых, политическая неангажированность, универсальность интересов, симпатии к объекту изучения - этническим формам бытования и культуре народов Востока. Эти качества определили высокий международный авторитет казанской школы исследования. Посетивший Казань в 1843 и 1845 гг. финский ученый М. Кастрен предрекал ей большое будущее: «Казанский университет считает в числе своих ориенталистов мужей европейской известности, и я вполне убежден, что в близком будущем именно здесь найдут свое решение важнейшие проблемы касательно Востока»⁸. На труды казанских ученых В.В. Радлова, Н.И. Золотницкого, И.Н. Березина, М.Я. Глухарева, В.И. Вержбицкого, Н.И. Ильминского ссылался в своих работах известный в Европе венгерский востоковед Герман Вамбери (1832-1913).

О высоком статусе и больших перспективах развития отечественных научных школ в конце XIX в. свидетельствовала динамика численного «прироста» научных обществ. В России их был немало. О популярности такой формы объединения по профессиональным интересам говорит факт, что к 1917 г. научных обществ было около 120. В Казанском университете к началу XX в. действовали 8 научных обществ, среди которых своей исследовательской активностью и диапа-

зоном контактов выделялось Общество археологии, истории и этнографии, возглавляемое с 1898 г. Н.Ф. Катановым. Устав ОАИЭ при Казанском университете утвержден Министерством просвещения 18 марта 1878 г. Через год в Обществе числился 171 член, в 1887 г. - 138, в 1890 г. - 189, в 1901г. - 111.⁹ В основном это были преподаватели Казанского университета, Ветеринарного института, гимназий, училищ, общественные деятели, сотрудники периодической печати и др. В архивах Общества, хранящихся в отделе редких рукописей и книг библиотеки Казанского университета, только рукописей по черемисской словесности насчитывается 12.

За полвека деятельности Общество издало 34 тома «Известий» общим объемом более тысячи печатных листов. Около половины публикаций посвящены истории края и его народов, свыше ста - истории и культуре народов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока.

Члены ОАИЭ выступали застрельщиками оформления экспозиций на научно-промышленных выставках. В конце XIX в. подобные выставки имели заметный культурно-общественный резонанс в жизни крупных российских городов. Об этом свидетельствуют и данные о численности посетителей выставок. В частности, выставку 1890 г., проходившую в Казани, посетили более пятидесяти тысяч человек. Помимо практической и коммерческой нагрузки экспонаты выполняли и научно-познавательную функцию. Так, на Сибирско-Уральской выставке, проходившей в Екатеринбурге (1887 г.), «особое помещение» было выделено для инородцев. Экспозиция Казанского университета, размещенная в отделе географии, включала коллекции «башкирских и киргизских (казахских - С.М., О.К.) принадлежностей обыденной жизни врача Никольского». Университет экспонировал также русские и инородческие костюмы, вещи старых инородческих кладбищ и т.п. Казанский университет был тогда награжден золотой медалью за коллекцию предметов каменного века, представленную ОАИЭ. Награды получили и отдельные коллекционеры¹⁰.

Многообразии экспонатов и этнографических коллекций выставки отражено в специальной статье И.Н. Смирнова «Этнография на Казанской научно-промышленной выставке». Из 91 этнографического экспоната, переданных после выставки Казанскому городскому музею, особую ценность представляла коллекция марийской одежды с уникальными образцами домашнего ткачества и национальной вышивки, датируемые концом XVIII - началом XIX вв.¹¹

Учеными-членами Общества созданы классические труды по истории и культуре финских народов. Десятки статей о культуре народов

мари и мордвы принадлежат перу И.Н. Смирнова. Его очерк «Черемисы» был удостоен Уваровской премии и золотой медали Русского географического общества. Значение награды оттеняет тот факт, что именно деятельность этого общества ознаменовала рождение в России науки этнологии. К началу работы VIII археологического съезда Смирнов выпустил работу «Вотяки: Этнографический очерк». Некролог по случаю смерти М.П. Веске, опубликованный в «Ученых записках» Казанского университета, составил И.Н. Смирнов. Он же – автор статей о черемисах, чувашах, чудской древности в Энциклопедическом словаре Брокгауза - Ефрона.

Следует отметить, что до Смирнова многочисленные труды, упоминавшие удмуртов, не затрагивали проблем этногенеза и ранней истории этого народа. Другим вариантом упоминания о происхождении удмуртов было «отражение полуфантастических представлений исследователей о далекой восточной прародине»¹².

Один их пионеров исследования ассимиляционных процессов в Поволжье, Смирнов составил специальную «Программу для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России», опубликованную в X томе ИОАИЭ (вып. 5, 1895 г.) Сочетая филологические и исторические приемы анализа, ученый исследовал болгарские заимствования, их проявления в бытовании мари, удмуртов и пермяков. В ИОАИЭ было опубликовано и сообщение «У вотяков Елабужского уезда», сделанное Г.Н. Потаниным¹³. Записи Потанина, сделанные в 80-е гг. XIX в. и хранящиеся в ОРРК библиотеки им. Лобачевского, содержат краткий зооботанический словарь в порядке латинского алфавита с переводом на русский, удмуртский, татарский и марийский языки¹⁴.

Внимание Общества к народам финской языковой группы было замечено коллегами из Финляндии. Пресса Казани зафиксировала факты сотрудничества финских востоковедов с казанскими учеными. На одном из заседаний ОАИЭ, состоявшемся в 1884 г., командированные в край Гельсингфорским университетом Гейкель (Heikel)¹⁵ и Рейнбот демонстрировали рисунки типов, видов, костюмов, узоров и сцен быта инородцев Поволжья. В свою очередь, местный исследователь Кузнецов сообщил о постановке «изучения историко-археологических и этнографических данных в Финляндии, родственной нам по составу». Казанским ученым не чуждо было определенное чувство ревности, ведь в Финляндии существовали «сотни членов ученых обществ, общественное сочувствие и жертвования во всех слоях, включая крестьян, широкий размах приняла система изучения родного края»¹⁶.

Заметный вклад в развитие казанской школы востоковедения и финноугроведения во второй половине XIX в. внес известный знаток финского языка Михаил Петрович Веске (1843-1900) - поэт, журналист, талантливый ученый. В 1885 г. по ходатайству Дерптского¹⁷ университета он был отправлен на два года в Венгрию, а оттуда - на Волгу и на Урал для изучения мадьярского и восточно-финских языков. Пережив отказ в получении профессуры по эстонскому языку в Юрьевском университете, он оказался в Казани, где стал преподавать финские языки в местном университете. Недостаточное владение русским языком и малоизученность предмета стали причиной того, что в течение трех лет Михаил Петрович имел дело с одним слушателем. Но именно в этот период Веске совершил путешествие к черемисам и мордве, собрал до двухсот черемисских и мордовских песен и создал первый том «Славяно-финских культурных отношений по данным языка»¹⁸.

В этом труде он первым высказал мысль о доисторическом и развернутом влиянии славянства на финский мир. Материалы, хранящиеся в библиотеке Казанского университета, свидетельствуют о намерении Веске издать для ОАИЭ «сборник произведений народной словесности черемис». В рамках этой инициативы энтузиасты прислали в Казанский университет 12 текстов по черемисской словесности. В частности, записи легенд из марийской старины записал в селе Седельникове Чебоксарского уезда учитель М.П. Давыдов¹⁹.

В Казани Веске опубликовал лишь четыре работы, издание первого тома его масштабного труда имеет уникальное значение для начертания «начальной истории славянского и финского миров» (И.Н. Смирнов). Во время подготовки 2-го тома труда М.П. Веске неожиданно умер.

В январе 1894 г. преподавателем финских наречий в Казанском университете назначен выпускник Дерптского университета Н.И. Андерсон. Признанием уровня этого языковеда стало избрание его в 1895 г. членом-корреспондентом финского литературного общества в Гельсингфорсе.²⁰ Несмотря на отсутствие научных структур, подобных Восточному разряду, Казань располагала научными силами ориенталистов, некоторые из которых обеспечили себе репутацию крупнейших исследователей с мировым именем.

Именно вторая половина XIX - начало XX вв. - время плодотворных изысканий казанского ориенталиста Н.Ф. Катанова (1862-1922), ученого-энциклопедиста, полиглота, историка, этнографа и языковеда. Сын хакасов (отец происходил из сагайцев, мать - из качинцев) становится студентом арабо-персидо-турецко-татарского разряда филологии восточных языков Санкт-Петербургского университета. Сдав экзамен

на степень магистра турецко-татарской словесности, при содействии профессора В.Р. Розена (1849-1908) Катанов назначен экстраординарным профессором Казанского университета. Преимущества Казани Катанов усматривал в том, что здесь «татары под руками». Масштаб таланта Николая Федоровича запечатлен в словах близко знавшего его Н.А. Васильева. Катанов, по его оценке, владел культурой слова, донося ее от санскритских корней до наречий Подмоскovieя¹.

Вскоре после смерти М.П. Веске Николай Федорович по праву принял эстафету преподавания в Казанском университете восточных и финских языков. В Казань он приехал в 1894 г. Через год наряду с лекциями по тюркским диалектам он читал лекции по арабскому и персидскому языкам. Эрудиция, фантастическое трудолюбие и талант обеспечили Катанову не только репутацию блестящего лектора, но и выдающегося тюрколога и финнолога: он изучал киргизский, бурятский, башкирский, монгольский, калмыцкий, хакасский языки. Размах диапазона интересов и филологических знаний позволил ему обрести репутацию преподавателя финских языков экстра-класса.

С 1888 г. Катанов начал коллекционировать предметы, относящиеся к истории и этнографии тюркских и финно-угорских народов. Всю сознательную жизнь он жертвовал вещи в музей Казанского университета и города. Помогал коллегам из числа нерусских народов. Был, в частности, близко знаком с марийским просветителем В.М. Васильевым, татарским просветителем Каюмом Насыри. Заслуги Катанова были высоко оценены коллегами в России и за рубежом. В 1898 г. Международное общество наук и литератур города Левена (Бельгия) приняло Николая Федоровича в свои ряды. Вместе со своим учителем Радловым он вскоре стал членом Венгерского этнографического общества. С 1894 г. Катанов состоял в Русском археологическом обществе.

К началу XX в. Николай Федорович испытывал противоречивые настроения, своеобразное смятение. Революционная эпоха не только затруднила развитие научных школ, функционирование университетов как очагов академической науки, но и обострила социокультурный раскол в обществе. Для нерусских народов это было время самоопределения в широком смысле слова. Круг «проклятых вопросов» России дополнился проблемами общественной «идентификации» национальной интеллигенции народов России, поиском ею своего «лица» и ниши в модернизирующемся российском обществе. В беседе с Заки Валиди, которая произошла вечером на банкете в честь 50-летнего юбилея профессора, Н.Ф. Катанов в порыве откровенности жаловался, что русские коллеги учили преимущественно выпивке. Изливая чувства «ино-

рода», Николай Федорович полагал в тот момент, что нерусские народы в русской среде остались чужими²².

Невзирая на напряженную социальную и политическую обстановку начала XX в. энтузиасты из ОАИЭ продолжали работу по фиксации и анализу этнокультурного развития нерусских народов. На собрании, состоявшемся 15 декабря 1914 г., известный востоковед, ветеран Общества Николай Васильевич Никольский выступил с докладом «Религиозные воззрения черемис». При обсуждении доклада прозвучала постановка проблемы отличия этнографии от этнологии. Незадолго до этого Никольский, продолжая дело И.Н. Смирнова, разработал и опубликовал Программу для собрания сведений об инородцах Поволжья. Ее целью был анализ «влияния на инородцев Поволжья христианства, мусульманства и язычества».²³

Неизгладимый след в истории народов Поволжья оставил еще один востоковед Казанского университета - И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845-1929). Он известен как основоположник казанской лингвистической школы. Оказал влияние на развитие такой универсальной отрасли науки как общее языкознание.

Казанская школа востоковедения и финноугроведения за более чем столетний период существования могла записать на свой счет немало достижений по изучению исторического, лингвистического, этнокультурного наследия народов России. Не были исключением народы финно-угорской языковой группы. Казанские ученые обосновали принципиальные методологические положения и установки исследования этнических сообществ востока России. На массиве филологического, этнографического и фольклорных материалов апробированы постулаты изучения культурного взаимодействия в Поволжье. Казанские ориенталисты и исследователи финских языков и культур внесли неоценимый вклад в формирование позитивного имиджа народов, изучая их с позиций признания самоценности культуры.

Примечания

¹ Казань Кастрен посещал неоднократно. Одну из своих поездок описал в «Путевых заметках». О значительности научного наследия Кастрена свидетельствует факт, что в 1991 г. в Финляндии создано общество М.А. Кастрена под председательством Л. Лаулайнена.

² См. Кобзев И. Ижевские картинки: Фотоальбом. - Ижевск, 2000.

³ Показательно, что в рукописи мордовской песни, представленной в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, фигурирует сюжет о принесении в жертву богам при закладке Казани девушки. См.:

Отдел редких рукописей и книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (ОРПК). Ед. хр.1565.

⁴ Начиная с 1867 г. Комиссия издавала на языках нерусских народов края религиозные книги и учебники.

⁵ Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. - Йошкар-Ола, 1993. - С. 126-127.

⁶ Цит по: Памятники Отечества. Полное описание России. №33. Удмуртия. - М., 1995. - С. 22.

⁷ Там же. С. 17

⁸ Castren M.A. Nordische Reisen und Forschungen. SPb., 1856. – S. 21.

⁹ Волжский вестник. 1887, №93. С. 3; ИОАИЭ. Т. XVIII. Вып.1-3. С. 20-26.

¹⁰ Волжский вестник. 1887. №№173, 207.

¹¹ См.: Назипова Г.Р. Казанский городской музей: Очерки истории 1895-1917 годов. - Казань, 2000.

¹² Во второй половине XX века исследователи встали на позиции автохтонизма удмуртов. Голдина Р.Д. Историки и этнографы о происхождении удмуртов // Этнический фактор и политика: Тез. докл. - Ижевск, 2000. - С. 6.

¹³ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее ИОАИЭ). Т. 2. Казань, 1882. - С. 241-307.

¹⁴ Отдел редких рукописей и книг научной библиотеки Казанского университета им. Н.И. Лобачевского (далее ОРПК). №1825. Л. 4-8.

¹⁵ Выдержки из работ Гейкеля о постройках у мари, мордвы и балтийских финнов включил в свои записки о банях у финских народностей С.П. Шестаков. См. ОРПК. №2410.

¹⁶ Волжский вестник. 1884. №118. 7 октября. С. 1-2.

¹⁷ В 1893 г. Дерпт переименован в Юрьев.

¹⁸ Результатом двух путешествий к черемисам и мордве стали «Исследования о наречиях черемисского языка» (Казань, 1889). См. также: Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // ИОАИЭ. 1890. Т. VIII. Вып.1; Исследования о наречиях черемисского языка // ИОАИЭ. 1889. Т. VII. - С.1-150.

¹⁹ ОРПК. №1395.

²⁰ Загоскин Н.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804-1904). Ч.1. - Казань, 1904. - С. 25-26.

²¹ Кокова И.Ф. Н.Ф. Катанов: Документально-публицистическое эссе. - Абакан, 1991. - С. 39-40.

²² Заки Валиди. Воспоминания. Кн.1. - Уфа, 1994. - С.126; Заки Валиди - будущий лидер башкирского национального движения.

²³ ИОАИЭ. Т. 29. Вып.4. - Казань, 1916. - С. 52, 173-187.

И.И. Бойко

**ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЧУВАШИИ
в середине 1960-х – конце 1970-х гг:
ПОИСКИ ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА И КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ**

Истории промышленности Чувашии 1960–1970-х гг. посвящено немало трудов исследователей. С начала 1990-х гг. вышел ряд статей и книг, авторы которых привлекали к анализу ранее недоступные документы, по-новому осмысливали хорошо известные факты и принятые решения¹. В настоящей статье предпринята попытка показать на примере промышленности Чувашии проблемы реализации экономической реформы во второй половине 1960-х гг. и дальнейшего развития отрасли на протяжении последующего десятилетия.

Серьезные дискуссии о принципах планирования велись в стране с конца 1950-х гг. Ряд экономистов выступили с предложениями повысить роль такого показателя работы предприятия, как прибыль. Обосновывалась идея «хозрасчетной системы планирования». В апреле 1965 г. правительством страны было решено провести опыт нового порядка планирования на пяти крупных автохозяйствах Москвы и Ленинграда, которые переводились на полную самоокупаемость. Им устанавливался всего один плановый показатель – размер отчислений от прибыли в бюджет. По всем остальным, ранее обязательным критериям (по перевозкам, по труду, себестоимости и др.), решение принималось руководителями этих хозяйств.

29 сентября 1965 г. председатель правительства страны А.Н. Косыгин выступил на пленуме ЦК КПСС с докладом «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства». Среди основных причин неэффективного руководства промышленностью называлось превалирование административного метода в ущерб экономическим. Хозяйственный расчет на предприятиях носил формальный характер, а их права в хозяйственной деятельности ограничивались. На пленуме шла речь и о зарегламентированности производственников большим количеством плановых показателей, которые, в конечном итоге, сковывали самостоятельность и инициативу трудовых коллективов. Идеи и положения доклада А.Н. Косыгина и решения пленума были конкретизированы в совместном постановле-

нии ЦК КПСС и Совета Министров СССР 4 октября 1965 г. В этот же день правительство страны утвердило «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии», которое несколько расширило права руководителей в планировании и развитии производства². Принятыми решениями была восстановлена отраслевая система управления промышленностью с одновременной ликвидацией совнархозов. Главным критерием оценки работы отдельных предприятий и отраслей вместо объема валовой продукции должен был стать показатель ее реализации. Таким образом, предполагалось на более высокий уровень поставить интересы потребителя.

В документах в основном верно были выявлены проблемы, болевые точки реальной экономики. Механизм преодоления трудностей, находившихся в рамках действовавших доктринальных установок, позволил добиться определенных положительных тенденций, но они оказались непродолжительными. Исследователи и практики отмечают, что возросшая активность и инициатива предприятий во второй половине 1960-х гг. определялась не только проводимой реформой, но и достаточно уникальной ситуацией в руководстве индустрией, когда совнархозы уже прекратили свое существование, а воссозданные министерства еще не успели использовать в полную силу свои властные возможности. Таким образом, в течение непродолжительного времени хозяйственные руководители были достаточно самостоятельными, что совпадало с общей направленностью реформы, но уже в 1967 г. правительство утвердило «Общие положения о министерствах СССР», которые увеличивали административные и экономические полномочия ведомств. В самих документах, определивших направление и последовательность этапов реформы, имелись существенные противоречия. Одновременное повышение самостоятельности предприятий и рост всевластия министерств не могли не привести к коллизиям, которые заканчивались в пользу директивного управления производством. Предприятия, стремясь получить прибыль, ставшую важнейшим показателем эффективности их деятельности, зачастую шли не по пути снижения издержек производства и, в конечном итоге, себестоимости продукции, а стремились завышать цены. Потребитель был отстранен от механизма их формирования. По подсчетам экономистов, скрытый рост оптовых цен в машиностроении СССР в годы восьмой пятилетки (1966-1970 гг.) достиг 33%, что превышало этот показатель за 1961-1965 гг. в два раза³.

Тем не менее, потенциал реформы позволил сократить падение темпов промышленного производства, а восьмая пятилетка в целом стала одной из самых успешных в истории страны. В эти годы было построено около 1900 крупных промышленных предприятий и объектов. Появились первые автомобили Волжского автозавода, шло активное освоение нефтегазовых месторождений Севера и Сибири, была завершена прокладка нефтепровода Средняя Азия – Центр, пущены Приднепровская ГЭС, Волжский трубный завод и т.д.

В Чувашии после упразднения совнархозов и восстановления союзно-республиканских министерств около 80 крупных предприятий было передано в ведение этих органов управления. Для руководства средними и мелкими предприятиями в республике были созданы министерства местной и пищевой промышленности, лесного хозяйства, бытового обслуживания, а также управления промышленности строительных материалов и топливной промышленности.

Задачи, которые предстояло решать экономике Чувашии во второй половине 1960-х гг., были обсуждены на пленуме обкома КПСС в октябре 1965 г. Руководитель областной партийной организации С.М. Ислуков в жесткой манере напомнил участникам пленума, что в индустрии снижались темпы роста производительности труда, сокращался выпуск продукции в расчете на рубль основных промышленно-производственных фондов, имелось много претензий к качеству, надежности и долговечности изделий чувашских предприятий, существовали серьезные кадровые проблемы⁴. Он констатировал, что среднегодовые темпы роста производительности труда в промышленном секторе экономики в 1951-1957 гг. составляли 9,6%, в 1958-1964 гг. – 6,4%⁵. Серьезные нарекания вызывала и система планирования. Например, Чебоксарскому хлопчатобумажному комбинату в 1964 г. планы по производственным показателям и труду менялись по 14 раз, по себестоимости и финансам – 18 раз. В самих планах имелись серьезные несогласования. Госплан, подчинявшийся ВСНХ СССР, не мог предотвратить корректировки плановых заданий со стороны совнархозов различных уровней, Госстроя, разных госкомитетов и др.⁶

Секретари партийных комитетов, руководители предприятий связывали большие надежды с реализацией реформы. Первый секретарь Чебоксарского комитета КПСС Г.П. Ковалев рассчитывал, что новые условия работы промышленных предприятий, сочетание единого государственного планирования и повышение самостоятельности заводов и фабрик смогут вывести уровень их работы на качественно новый уро-

вень. Директор Чебоксарского электроаппаратного завода К.Я. Яковлев говорил о необходимости создания условий для повышения экономической эффективности производства, повышения уровня рентабельности, материальной заинтересованности работников. Первый секретарь Шумерлинского горкома КПСС А.М. Серов считал, что должны улучшаться условия подготовки кадров для новых производств, поскольку при существующей системе нельзя было вести такую работу с опережением. Предприятия получали средства для этих целей только после доведения планов выпуска продукции, поэтому освоение технологий и оборудования шло не так эффективно, как это могло быть, процент брака был достаточно высоким. Словом, потенциал реформы представлялся значительным.

В Чувашии реформа начала осуществляться с 1966 г. Большое внимание придавалось овладению экономическими методами хозяйствования, для чего планировалось повысить уровень знаний как руководителей и специалистов, так и рабочих. С этой целью в 1966 г. при обкоме, горкомах и райкомах партии создавались семинары, на которых руководители изучали вопросы экономики и организации промышленного производства. На предприятиях действовали экономические школы для руководителей среднего звена и рабочих. С апреля 1966 г. первым в республике на новые условия хозяйствования перешел Чебоксарский завод резинотехнических изделий (ныне объединение им. В.И. Чапаева), с июня еще два чебоксарских завода – электроаппаратный и электроисполнительных механизмов. За первый год осуществления реформы опыт трех предприятий показал, что на них произошло реальное повышение производительности труда, были успешно выполнены планы реализации продукции, получена сверхплановая прибыль, повышена средняя заработная плата работников⁸. На следующий год количество предприятий, работающих по новой системе хозяйствования, увеличилось на 30 и стало составлять 14,2% от количества всех заводов и фабрик Чувашии. Их опыт изучался в марте 1967 г. на республиканской научно-практической конференции, а местные наработки были обобщены в мае 1968 г. на Всесоюзном экономическом совещании в Москве. Через год количество предприятий, включившихся в хозяйственную реформу, возросло до 143, а в 1970 г. их стало 220 из 263, функционировавших в республике. На их долю приходилось 97% реализуемой продукции. Но если в первые годы реформирования промышленности и отсутствия массовости этого процесса были возможны детальный экономический анализ, корректировка деятель-

ности и т.д., то с переходом к новым условиям хозяйствования практически всех предприятий стали заметными противоречия, заложенные в самой концепции реформирования. Проблемы, связанные с природой экономических показателей и усилением ведомственных начал, не могли быть решены в действовавших рамках планирования. Объемы фондов, предназначенных для поощрения работников, не были достаточными для повышения их интереса к повышению производительности труда, качеству продукции, освоению новых технологий и т.д. Большое внимание в ходе реализации реформы предполагалось уделять внедрению конструктивных и технологических нововведений, связанных с техническим прогрессом, эффективному использованию имеющегося оборудования. В целом за пятилетку в республике было модернизировано более 5 тысяч единиц оборудования, осуществлено около 5 тысяч мероприятий по внедрению новой техники. В промышленности было введено в действие 346 автоматических, механизированных поточных и конвейерных линий. Большой вклад в создание и внедрение серьезных разработок по защите мощных генераторов линий электропередач, по управлению электроприводами внес Всесоюзный институт релестроения. Внедрением автоматических систем управления производством стали заниматься кафедры недавно созданного Чувашского государственного университета, новые товары и прогрессивные технические линии создавались в более 20 проектных и конструкторских бюро⁹. За пятилетку было освоено около 1200 новых видов изделий, энерговооруженность труда в промышленности возросла в 1,8 раза, производительность труда – на 45%. В 1970 г. за счет ее роста было получено 87% прироста продукции, а за пять лет – 70%. Но практический ход реформы выявил, что научно-технический прогресс реализуется на предприятиях Чувашии не так, как ожидалось. Установленные планы научно-исследовательских работ и практической их реализации не выполнялись. Медленное освоение вновь введенных и недостаточное эффективное использование действовавших производственных мощностей приводили к снижению темпов роста выпуска продукции. В целом за пятилетку прирост объема промышленного производства составил 13,2%, что было несколько выше аналогичного показателя за семилетку (12,1%). Но если в 1966 г. прирост выпуска продукции по сравнению с 1965 г. составил 15,6%, то прирост 1967 г. равнялся 14,4%, 1968 г. – 11,8%, 1969 г. – 11,5% и 1970 г. – 8,8%¹⁰. Серьезной проблемой оставалось освоение установленного оборудования и загруженность производственных мощностей. Так, в начале

1969 г. в Чебоксарах из 52 предприятий 27 не достигли проектных мощностей, а на 16 из них некоторые мощности использовались менее, чем на 75%. В промышленное строительство химического комбината к началу 1970 г. было вложено 165 млн. рублей, введено в эксплуатацию более чем на 100 млн. рублей основных производственных фондов, но в 1969 г. выпуск продукции на 1 рубль производственных фондов составил 36,7 копейки, в пяти вновь введенных цехах мощности использовались менее, чем на 50%. Причины такого положения дел определялись неотлаженностью технологических процессов, недостатками в организации производства и труда, низкой квалификацией кадров, слабой трудовой и производственной дисциплиной. Все эти проблемы можно было адресовать и ряду других предприятий.

В 1966-1968 гг. в республике были введены 43 объекта индустрии, и к марту 1970 г. на 30 из них мощности использовались ниже проектного уровня. На протяжении ряда лет коэффициент сменности работы оборудования не превышал 1,35. В машиностроении, на долю которого приходилось 22% всего промышленного производства, простаивал каждый шестой станок. Особенно плохо использовалось оборудование на Канашском заводе резцов, Мариинско-Посадском обособленном заводе¹¹. Показателем поверхностного проведения реформы было и попадание в этот ряд одного из первых предприятий, перешедших в 1966 г. на новые условия хозяйствования – Чебоксарского завода электроисполнительных механизмов.

Партийное руководство ответственными за такое положение дел считало руководителей предприятий, которые, якобы, неглубоко вникали в дело, допускали неувязки в планировании, неразбериху при определении потребности в технике, плохо знали характеристики заказываемого оборудования и т.д. Заводские парторганизации, в свою очередь, не предъявляли к таким руководителям необходимой требовательности – критиковал своих подчиненных первый секретарь обкома КПСС Н.А. Вороновский на пленуме в марте 1969 г.¹² Но ситуация с использованием оборудования, внедрением достижений научно-технического прогресса в промышленности оставалась хронической и высшее руководство страны пыталось выправить ситуацию. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, проходившему весной 1971 г., был выделен самостоятельный раздел «Научно-техническая революция. Соединение науки с производством». В реальной экономике не удалось добиться воплощения этих решений в жизнь. По данным Госкомитета по науке и технике, 80% новых разработок внедрялись только

на одном предприятии, менее 20% – на трех-четырех. Только 0,6% применялись на пяти предприятиях и более¹³. Попытки организационного объединения науки и производства, а также представление о большей эффективности крупных предприятий, привели к созданию производственных и научно-производственных объединений, которые не дали ожидаемых результатов в развитии индустрии.

В Чувашии конец 1960-х – 1970-е гг. стали временем большого строительства. В феврале 1970 г. началась хозяйственная деятельность уникального комплекса по созданию электронного оборудования – Чебоксарского приборостроительного завода «Элара», 20 марта 1970 г. было торжественно начато строительство Чебоксарской ГЭС, 12 января 1972 г. в Чебоксарах приступили к возведению завода промышленных тракторов. Осваивались новые мощности на химическом комбинате, электроаппаратном заводе, хлопчатобумажном комбинате, заводе электроизмерительных приборов и т.д., строились предприятия легкой и пищевой промышленности.

В первой половине 1970-х гг. при росте объемов производства в промышленности на 70%, наиболее быстрыми темпами развивались химическая отрасль (рост в 2,9 раза) и машиностроение (86%). Удельный вес продукции предприятий машиностроения и металлообработки увеличился с 27,6% до 31,8%, химической – с 11,4% до 21,4%. Доля энергетики уменьшилась с 1,8% до 1,4%, промышленности стройматериалов с 4,3% до 3,5%, легкой с 25,2% до 19,3%, лесной и деревообрабатывающей – с 9,7% до 9,0% и пищевой – с 18,9% до 13,2%¹⁴. Таким образом, в промышленности республики все более весомой становилась доля предприятий и производств, выпускающих продукцию группы «А», то есть средства производства. За пятилетие объемы этой отрасли возросли на 85%, в то время, как рост товаров народного потребления составил 39%. Такая же тенденция продолжалась и в последующие пять лет. За десятилетие был освоен выпуск 2780 новых изделий, организовано производство бесчелночных ткацких станков, в конце 1975 г. было собрано пять опытных образцов трактора Т-330, в конце 1980 г. был поставлен под промышленную нагрузку первый агрегат Чебоксарской ГЭС. С 1983 г. Чувашская энергосистема начала передавать электроэнергию в соседние регионы через Единую европейскую энергосистему. Потребителям направлялись новые виды электрических аппаратов, электроизмерительных приборов и электроисполнительных механизмов. В 1970-е гг. вступили в строй около 200 промышленных предприятий, цехов и производств. С точки зрения наращивания про-

изводственных мощностей при всей сложности эффективного освоения уже введенных в эксплуатацию, республика делала заметные шаги вперед.

Доля Чувашии в общем объеме промышленного производства страны была небольшой (в 1985 г. 0,43%), но с точки зрения освоения достижений научно-технического прогресса и, в конечном итоге, повышения уровня и качества выпускаемой продукции продвижение было не таким заметным, как намечалось планами и директивными партийных документов. Это была сложная и комплексная задача, имевшая непосредственное отношение к внедрению конструкторских и технологических новшеств, квалификации кадров, эффективному использованию оборудования, технологической и трудовой дисциплине и т.д. По ряду из этих направлений в республике были достигнуты заметные успехи. На Чебоксарском машиностроительном заводе в короткое время освоили выпуск бесчелночных ткацких станков типа СТБ, которые увеличивали производительность труда в 2-2,5 раза. Помощь в освоении производства этих станков коллективу завода оказали специалисты и предприятия из Болгарии, Венгрии, Польши и Чехословакии, работавшие по созданию комплектующих изделий к различным типам станков. Готовая продукция пользовалась широким спросом не только в СССР, но и за рубежом, в том числе в ряде капиталистических стран. За успехи в организации серийного производства ткацких бесчелночных станков завод в 1976 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Промышленность республики выпускала ряд сложнейших измерительных приборов и средств автоматизации. Так, на Ленинградской и Белоярской атомных электростанциях, всех значительных энергоблоках страны, объектах металлургии и химии успешно работали средства автоматизации, созданные на Чебоксарском заводе электроисполнительных механизмов. Все выпускаемые в СССР панели защиты, 97% реле защиты, 86% контакторов постоянного тока выпускались на Чебоксарском электроаппаратном заводе, который в 1971 г. был награжден орденом Октябрьской Революции. Завод тесно сотрудничал со специалистами ВНИИРа, которому по итогам работы в 1976-1980 гг. был вручен орден Трудового Красного Знамени. Но в целом не эти отдельные предприятия определяли технический уровень и эффективность индустрии республики.

К середине 1970-х гг. только 15,5% заводов и фабрик республики имели комплексно-механизированные и автоматизированные участки и цехи, но и существовавшие механизированные линии использовались

недостаточно, поскольку пятая их часть работала в одну и менее смен, более половины всех линий не достигли проектной производительности¹⁵. Станки с числовым программным управлением были только на пяти предприятиях республики. Устаревшее оборудование заменялось крайне медленно. В 1971-1975 гг. его среднегодовое выбытие в промышленности республики составляло около 1,5%, а в машиностроении – 1,1%. Более 30% всего металлорежущего и кузнечно-прессового оборудования имело возраст более 10 лет, а 9% – свыше 20 лет. Постоянной и нерешенной проблемой было недостаточно интенсивное использование оборудования. По данным статистических органов республики, с середины 1960-х до второй половины 1970-х гг. коэффициент сменности оборудования в ведущей отрасли промышленности – машиностроении и металлообработке не увеличился и составлял 1,4, а в 1980 г. он равнялся 1,3. В 1978 г. на Чебоксарском заводе «Энергозапчасть» коэффициент сменности оборудования равнялся 1,4, на Алатырском паровозоремонтном заводе – 1,2, на Чебоксарском авторемонтном заводе – 0,6. Коэффициент сменности станков с числовым программным управлением не дотягивал до единицы и равнялся 0,97¹⁶. В первой половине 1980-х гг. ситуация практически не изменилась. Так, на Канашском автоагрегатном заводе мощности по выпуску запасных частей в начале 1982 г. использовались на 68%, в производственном объединении «Чувашстройматериалы» по производству кирпича – на 65%. Коэффициент сменности импортного оборудования на машиностроительных предприятиях составлял 1,1¹⁷. В третьей смене использовались только 4,3% всего оборудования. На Алатырском электромеханическом заводе, Ишлейском заводе высоковольтной аппаратуры, Чебоксарском заводе промышленных тракторов коэффициент его сменности был меньше единицы. Пример и опыт Чебоксарского хлопчатобумажного комбината, в основных производствах которого оборудование использовалось на 90-100% в три смены, изменить ничего не мог¹⁸. Значительным оставалось количество неустановленного оборудования, и в 1976-1977 гг. эти объемы возросли в 2 раза. Основные причины этого – невыполнение в срок строительно-монтажных работ, а также приобретение оборудования без учета реальных потребностей.

Постоянной оставалась проблема «штурмовщины», с одной стороны, и нарушения трудовой дисциплины – с другой. В 1969 г. потери рабочего времени составили 500 тыс. человекоднев, в то же время количество сверхурочных работ в этом году равнялось 869 тыс. человекочасов, что оказалось в 1,5 раза больше, чем в 1968 г. и в 3 раза – чем

в 1967 г. В середине 1970-х гг. сверхурочная нагрузка на одного рабочего увеличилась еще на 28%. К середине 1980-х гг. каждый рабочий промышленности республики отработал сверхурочно около 9 часов. Из потерянного времени около четверти приходилось на прогулы. В 1981 г. текучесть кадров в промышленности республики составляла 16,7%, в строительстве – 17,4%. Из-за прогулов было потеряно в промышленности 43,9 тыс. человекодней, в строительстве – около 15,9 тыс. человекодней. Всего потери рабочего времени в этих отраслях составляли соответственно 0,68% и 0,86% к отработанному времени¹⁹.

Фондоотдача продолжала неуклонно снижаться, хотя при этом следует иметь в виду, что на этот показатель эффективности производства оказывало влияние и увеличение пассивной части основных производственных фондов (вспомогательные помещения, вентиляционное оборудование, рост в целом фондоемких отраслей и др.). Но в общем определяющим было нерациональное использования промышленно-производственного потенциала и трудовых ресурсов, слабое внедрение в производство достижений науки и техники. Если в 1960 г. на 1 рубль основных производственных фондов промышленность республики выпускала продукции в сопоставимых ценах на 2,67 руб., в 1965 г. – на 2 руб., в 1970 г. – на 1,61 руб. и в 1980 г. – на 1,24 руб. Некоторые положительные тенденции наблюдались только в годы восьмой пятилетки (1966-1970 гг.), когда особенно заметно фондоотдача возросла в пищевой промышленности (с 4,16 до 6,49 руб.), в легкой промышленности (с 2,79 до 3,02 руб.), в электроэнергетике (с 0,15 до 0,26 руб.), в лесной отрасли (с 2,08 до 2,80 руб.). Но в последующие периоды этот показатель стал уменьшаться во всех отраслях промышленности.

Одним из путей повышения производительности труда был пересмотр норм времени и расценок по мере повышения квалификации и успешного освоения выпуска качественной продукции все большему числу рабочих. Проблема была назревшей и решение ее было необходимым. В Чувашии к середине 1960-х гг. на промышленных предприятиях и строительстве чуть более половины действовавших норм были технически обоснованными, а остальные – опытно-показательными. В начале 1970-х гг. рабочие-сдельщики составляли почти 57% от всей численности промышленно-производственных рабочих. В основных цехах промышленных предприятий республики удельный вес технически обоснованных норм составлял около 58%, во вспомогательных – чуть более 41%²⁰. В республике активизировалась деятельность школ

передовых методов труда, в ходе работы которых опытные мастера разных профессий делились своим опытом с молодежью и менее квалифицированными коллегами. Но не всегда этот вполне объективный и необходимый процесс проходил безболезненно. Когда увеличение норм выработки проходило в некоторых трудовых коллективах без предварительных разъяснений или вовсе необоснованно, то на предприятиях возникали конфликтные ситуации, выразившиеся чаще всего в отказах от работы. Так, в августе 1967 г. на Алатырском заводе «Электроавтомат» новые нормы и расценки были введены на одном из участков вопреки возражению цехового комитета профсоюзов и без обсуждения и разъяснения на рабочем собрании. В течение двух дней коллектив рабочих участка отказывался от работы. Лишь после вмешательства горкома и обкома партии конфликт был улажен. Подобная же ситуация возникла на Шумерлинском заводе спецавтофургонов в феврале-марте 1973 г., в марте 1974 г. на Чебоксарской чулочнотрикотажной фабрике и Чебоксарском электроаппаратном заводе. Случаи отказа от работы имелись и по причинам плохой организации труда и быта, несправедливыми, по мнению рабочих, денежными вычетами, как это было на Чебоксарском пивоваренном заводе в марте 1979 г. и Чебоксарском пассажирском автохозяйстве в мае 1983 г.²¹

Серьезные претензии предъявлялись и к качеству изделий. С середины 1970-х гг. на предприятиях стала внедряться комплексная система управления качеством продукции. В 1972 г. была введена единая система аттестации промышленных товаров, лучшим образцам присваивался государственный Знак качества. В 1976 г. таким знаком было удостоено 177 изделий, что составляло 3,7% номенклатуры промышленных товаров республики. Выпускались аттестованные продукты на 14 предприятиях, в основном на чебоксарских заводах и фабриках (140 изделий). В РСФСР доля продукции со Знаком качества составляла в середине 1970-х гг. 8,2%, в Горьковской области – 11,2%, в Мордовской АССР – 14,6%²². В 1981 г. удельный вес лучших по качеству товаров возрос в промышленности Чувашии до 12,8%. В машиностроительном комплексе удельный вес продукции, находящейся на мировом уровне, в 1985 г. составил 7,6%, в то время как по ведущим машиностроительным министерствам страны он доходил до 40-50%. В республике некоторые коллективы также достигли серьезных успехов в освоении высокотехнологичной и уникальной продукции высшего качества: этот показатель на чебоксарских объединениях «Промприбор» достиг 72,3%, «Электроприбор» - 56,5%, на чебоксарских заводах

«Контур» - 53,9%, электроаппаратном – 50,7%. На фабрике «Паха тере», выпускавшей швейные изделия с традиционной чувашской вышивкой, половина продукции (50,6%) была удостоена Знака качества, но в то же время на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате, Шумерлинской кожгалантерейной фабрике, Канашском заводе пластмассовых и лакокрасочных изделий доля лучших товаров колебалась от 0,1% до 6%²³.

Тяжелая ситуация с качеством продукции и с освоением мощностей сложилась на Чебоксарском заводе промышленных тракторов. Доводка до нужного уровня конструкции базового трактора Т-330 шла с большими трудностями. Дело дошло до того, что в 1979 г. на ноябрьском пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев критиковал руководителей Министерства сельскохозяйственного машиностроения и Чебоксарского завода за низкую отдачу от больших средств, которые были вложены и в строительство предприятия и в выпуск продукции²⁴. Проблема с качеством трактора продолжала оставаться актуальной и к середине 1980-х гг. В 1985 г. наработка на каждый трактор составила 1,9 тыс. моточасов при норме не менее 3 тыс. У трактора Т-330 был высок процент отказов и поломок из-за несовершенства двигателя²⁵.

В начале 1980-х гг. сократился спрос иностранных потребителей на бесчелночные ткацкие станки, производимые на Чебоксарском машиностроительном заводе. Потребителей в основном не удовлетворяла техническая оснастка, уступающая соответствующим образцам западных фирм. Кроме того, покупателей не устраивало техническое обслуживание станков. Существовавшая процедура замены вышедших из строя деталей (составление акта, отправка его через внешнеторговые инстанции, рассмотрение акта заводом и принятие мер по замене) занимали от 3 до 9 месяцев, вместо положенного по стандарту предприятия срока в один месяц. Подобным несовершенством системы, не зависящей от производителя, пользовались фирмы ФРГ и Италии, закупавшие эти ткацкие станки. Они меняли ряд основных деталей на более качественные, устанавливали новую оснастку и реализовали станки на международном рынке по более высоким ценам. Направление деталей на предприятия для замены вышедших из строя производилась ими в течение одного-двух дней²⁶.

В 1970 – первой половине 1980-х гг. во всех отраслях экономики страны происходило снижение главных экономических показателей: замедлялись темпы роста производительности труда и национального дохода, экономические рычаги, определенные экономической рефор-

мой, уступили место административным методам хозяйствования. С целью выправить ситуацию была предпринята еще одна попытка активизировать экономический механизм хозяйствования, найти новые показатели, оценивающие деятельность предприятий, но идеи экономической реформы середины 1960-х гг. не получили дальнейшего развития. В июне 1979 г. были приняты постановление ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и хозяйственных органов» и совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства», в которых закреплялось дальнейшее повышение государственного регулирования экономических процессов. Было увеличено количество обязательных плановых показателей.

30 октября 1979 г. в Чебоксарах прошел пленум обкома КПСС, на котором были рассмотрены задачи коммунистов республики по выполнению поставленных руководством задач. Первый секретарь областного комитета КПСС И.П. Прокопьев обращал внимание на то, что должна повыситься роль пятилетних планов, в которых будет предусматриваться система взаимосвязей перспективных и текущих проблем, сочетание отраслевого и территориального планирования, обеспечение сбалансированности плановых заданий. Одновременно предполагалось усилить роль трудовых коллективов в разработке планов и в осуществлении контроля за их выполнением. Должно было повыситься значение встречного планирования. Для устранения негативных сторон валовых стоимостных показателей объема продукции вводился показатель нормативно-чистой продукции (НЧП). Руководство страны особое внимание уделяло завершению формирования производственных объединений, которые должны были стать основным хозяйственным звеном промышленности. При этом предполагалось провести специализацию и кооперирование производств, централизовать управление, вспомогательные и подсобные службы. В Чувашии в конце октября 1979 г. насчитывалось 10 производственных объединений, которые выпускали около 28% общего объема продукции. Но эти реорганизации не давали и не могли дать ожидаемого эффекта, а директивный метод управления оставался господствующим. Система планирования имела те же недостатки, которые обсуждались десятилетиями. Так, например, в октябре 1979 г. участники пленума Чувашского обкома КПСС говорили, что сохранилась практика планирования по «необсчи-

танному валу», когда задание не всегда подкреплялось ресурсами, транспортом. Руководители предприятий и министерств не занимались внутренними ресурсами, а делали все, чтобы скорректировать планы. Например, в том же 1979 г. Ишлейский завод высоковольтной аппаратуры и Алатырский паровозоремонтный завод шесть раз прибегали к такому методу «обеспечения» выполнения плана, Алатырский завод «Электроавтомат» - три раза и т.д. Из-за несбалансированности заданий срывались поставки продукции, имелись значительные перерасходы сырья, электроэнергии, топлива и т.п.²⁷ Одним из основных и постоянных направлений работы партийных органов было оперативное реагирование на регулярные сбои в работе хозяйственного механизма. Им часто приходилось «расширять» узкие места в снабжении и обеспечении предприятий. В октябре 1979 г. первый секретарь Алатырского горкома КПСС Шубовский и директор Чебоксарского электроаппаратного завода Г.В. Бритвин говорили на пленуме о важности и необходимости сбалансированности объемов выпускаемой продукции с планами перевозок, поскольку по этой причине регулярными были срывы планов поставок и реализации готовых изделий. Руководитель электроаппаратчиков сетовал на то, что в Чебоксарах получением вагонов занимаются все руководители: и райком, и горком, и обком партии, но вопрос этот не решается. Только один их завод ежемесячно из-за отсутствия вагонов недогружал продукцию на сумму от 700 тыс. до 1,5 млн. рублей при наличии ее на складе на 3-4 млн. рублей. Проблемная ситуация была и с обеспечением лесо- и пиломатериалами²⁸. Руководители предприятий были поставлены в такие условия системой дефицитного планирования, поэтому ее экономические недостатки являлись неизбежными и хроническими, а избавиться от них нельзя было не только действиями отдельных хозяйственников, но и постановлениями ЦК КПСС.

Политика, проводимая пришедшим к власти в 1982 г. Ю.В. Андроповым, несколько улучшила показатели эффективности индустрии, сократились потери рабочего времени, укрепились дисциплина, но в целом ситуация свидетельствовала о серьезных проблемах, накопившихся в экономике, развивающейся в значительной мере по экстенсивному пути. Все наболевшие проблемы, о которых регулярно говорили как ученые, так и практики хозяйственного строительства, оставались нерешенными.

Примечания

¹ См., например: Смирнов Ю.П., Степанов В.Р. Техническое перевооружение промышленности Чувашской АССР в 70-е годы: опыт и проблемы // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары, 1990; Смирнов Ю.П. Некоторые причины нереализованных возможностей в промышленности (На примере деятельности партийных организаций Мордовской и Чувашской АССР) // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары, 1991; Он же. Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в 50–80-е годы: опыт и проблемы. Чебоксары, 1996 и др.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. М., 1968. Т.5. С. 620-622, С. 658-685, С. 691-716.

³ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. №2. С. 191-194.

⁴ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (Далее ГАСИ ЧР). Ф.1. Оп. 28. Д. 733. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 32, 38, 52.

⁸ История промышленности и рабочего класса Чувашской АССР. Т.2. Чебоксары, 1982. С.163-164.

⁹ Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974. С. 510.

¹⁰ ГАСИЧР. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 10; Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее ГИА ЧР). Ф. 872. Оп. 26. Д. 50а. Л. 16.

¹¹ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 11.

¹² Там же. Оп. 33. Д. 16. Л. 29-30.

¹³ На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 227-228.

¹⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 40. Д. 29. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 7; Д. 36. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 34. Л. 7-8.

¹⁷ Там же. Оп. 52. Д. 5. Л. 54-55.

¹⁸ Там же. Оп. 49. Д. 25. Л. 6.

¹⁹ Там же. Оп. 46. Д. 35. Л. 7; Оп. 52. Д. 5. Л. 8.

²⁰ ГИА. Ф. 872. Оп. 26. Д. 77. Л. 14.

²¹ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 34. Д. 42. Л. 74-75; Оп. 37. Д. 44. Л. 133; Оп. 38. Д. 49. Л. 8-9; Д. 50. Л. 2-3; Оп. 46. Д. 60. Л. 66-68; Оп. 54. Д. 134. Л. 38-39.

²² Там же. Ф. 1. Оп. 40. Д. 36. Л. 15.

²³ Там же. Оп. 50. Д. 6. Л. 13.

²⁴ Там же. Оп. 49. Д. 25. Л. 8.

²⁵ Там же. Оп. 60. Д. 220. Л. 21.

²⁶ Там же. Оп. 54. Д. 134. Л. 51-52.

²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 46. Д. 36. Л. 5-6.

²⁸ Там же. С. 22-26.

С.М. Михайлова,
О.Н. Коршунова

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ в начале XX века

В начале XX века Россия переживала бурный процесс социально-экономической трансформации. Он происходил и в сфере образования. Уровень грамотности, по данным переписи населения и опросов солдат-новобранцев в начале XX века, резко вырос. Однако по сравнению с развитыми странами Европы положение оставалось малоутешительным. Подавляющее большинство жителей индустриальных стран было грамотным. В России, по данным переписи 1897 г., доля грамотных составляла лишь 21,1%. В канун Первой мировой войны в 1914 г. она достигла 27%, то есть почти за два десятилетия рост составил около 6%¹. По другим данным, к 1913 г. грамотность среди мужчин возросла до 40%, а к 1920 г. этот показатель вырос еще больше². Контраст по показателю количества учащихся на тысячу населения между Россией и странами индустриальных стран накануне Первой мировой войны был весьма впечатляющим³.

Формирование государственного сектора высшей школы происходило во второй половине XIX века. В 1892 г. в стране было 48 вузов, в 1917 г. – 65. Большинство вузов основано в XIX веке. За полтора столетия создано одиннадцать университетов, причем в начале XX века – Саратовский (1910 г.) и Пермский (1916 г.). В 1916 г. МНП составило перспективный план университетского строительства с учетом общественных пожеланий. Эти пожелания свидетельствовали не только о стремлении к расширению сети университетов, но и о готовности ассигновать на эти цели финансовые средства⁴.

Медленно, но увеличивалось число высших учебных заведений. По данным известного исследователя истории отечественной высшей школы А.Е. Иванова, к 1917 г. в России было 65 вузов, в том числе 11 университетов. К тому времени студенчество рекрутировалось из всех сословий российского общества. В 1897-1898 учебном году студентов было 31427, в 1917 г. - 135065 человек⁵.

К началу XX века обозначилась роль университетов как эпицентров многомерного культурного пространства. Они стали не только культивировать идеалы рационального познания мира и знания как такового, но и обрели ключевое место в системе национального общероссийского образования и воспитания. Не случайно и то, что универ-

ситеты длительное время были генераторами и трансляторами идей усовершенствования системы народного образования в целом и ее звеньев в частности. Миссию просвещения Казанский университет выполнял и в ипостаси руководителя учебного округа, и как центр зарождения национальной светской школы у народов Поволжья. «Вся система народного образования, - говорил участник международного конгресса по высшему образованию в Париже (1900 г.), профессор Казанского университета А.В. Васильев, - нуждается в благотворном влиянии университета, в котором все науки направлены к выработке в слушателях того философского миросозерцания и того гуманитарного направления, которое должно характеризовать умственную аристократию».

Политические настроения студентов даже на протяжении двух десятилетий менялись. Если в предреволюционные годы страна переживала период бурных выступлений учащейся молодежи, то послереволюционная обстановка предопределила тенденцию к изменению социально-психологического тонаса. Доминантой общественных устремлений становятся групповые инициативы в сфере культуры и благоустройства общественного быта⁶.

В первые годы XX века градус молодежного радикализма нарастал. 9 февраля 1902 г. на собрании московских студентов была принята резолюция, где студенты отмежевывались от «иллюзии академической борьбы» и выражали солидарность с рабочими и иными общественными силами в борьбе за демократизацию социально-политического строя России. Показательно, что среди требований общегражданских свобод в резолюции были пункты об общедоступности образования и допущении женщин в университеты⁷. Все участники сходки были арестованы, исключены из учебных заведений и высланы в Сибирь сроком от трех до пяти лет.

С начала 1904-1905 учебного года во многих вузах России были прекращены занятия. Параллельно проведены некоторые демократические преобразования. Наиболее значительной уступкой самодержавия в университетском вопросе, вызванной напряжением революции, были «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» (27 августа 1905 г.). Они предоставляли университетам автономию, восстановив выборность ректора, деканов, секретарей факультетов и возложили на Совет заботу о поддержании правильного хода учебной жизни. В некоторых университетах инспекцию заменили канцелярией по студенческим делам, не

дожидаясь Министерских санкций. Нарушается процентная норма приема евреев, которая, впрочем, и раньше не очень соблюдалась⁸. В Февральскую революцию Казанский университет «вошел на плечах студентов» (М.К. Корбут). С 14 февраля нормальная жизнь была прервана, а аудитории вновь, как и в годы Первой русской революции, превратились в помещения для митингов и собраний. Учебная и научная жизнь отошла на задний план. Профессура заняла выжидательную позицию⁹.

Социокультурная роль Казанского университета менялась под влиянием этнокультурных и социально-экономических реалий буржуазного развития, обретших на рубеже XIX-XX веков ускоренную динамику. Они затронули и провинциальное Поволжье. В конце XIX века Казань получила название «звезды Востока», «великих ворот в Азию». Для России и Поволжья Казань по-прежнему играла роль крупного торгового «перекрестка». Миллионы пудов грузов проходили ежегодно через казанские пристани. Сбывалась продукция городских фабрик преимущественно на Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской и Симбирской ярмарках, а также в столицах и соседних губерниях.

Устойчивые торговые контакты с Китаем, Хивой и Персией придавали городу особый колорит. Русские купцы города торговали преимущественно с Китаем и Персией, а татарские торговые дома – с Хивой и Бухарой. В 1912 году предприимчивые татарские купцы открывают в Казани контору по торговле с Берлином и Лондоном. Национальный татарский капитал все активнее проникает на заграничные рынки. Через три года у татарских коммерсантов рождается инициатива по организации в Казани татарского банка. Этот план будет вскоре реализован.

Близость Нижегородской ярмарки препятствовала широкой ярмарочной торговле в Казани. Товары, свозившиеся на основную ярмарку – «Биржу», стоили не более полумиллиона рублей. Главными предметами сбыта были посуда, ярославское полотно, сарпинка из немецких колоний Саратовской губернии, изделия из уральских минералов, «красный» товар из Москвы, церковные принадлежности и иконы из Владимирской губернии.¹⁰

В органической связи с торговлей заключались преимущества татарского промышленного капитала. Его подъем в начале XX века был важнейшим признаком оформления татарской нации. К началу 1914 года татарские предприниматели имели 141 крупное предприятие, большинство которых располагались в Поволжье и на Урале.¹¹

Деятельность европейски образованных представителей татарской интеллигенции и рост национального капитала стали основой культурного подъема. Уже с конца XIX века оформляется политическая идеология татарской нации - следствие поступательного прогресса модернистского течения (джадидизм). К концу XIX века одной из крупных диаспор Поволжья были поляки. По численности они находились на пятом месте после русских, татар, немцев и евреев, составляя один процент всего населения¹².

1 декабря 1907 г. в Казани организован «Восточный клуб». Он провозгласил целью устройство «музыкальных и литературных вечеров, драматических представлений, народных гуляний и игр во время «Сабана», различных игр (кроме игры в карты)». Предполагалось выписывать книги, газеты, приглашать ученых для чтения лекций¹³. Поначалу вход в клуб был разрешен только мужчинам-мусульманам. При клубе имелась русско-мусульманская библиотека, оркестр музыкальных инструментов. На вечерах, проходивших в рамках народного университета, звучала народная музыка. Активно участвовали в работе клуба и казахские студенты¹⁴.

В Восточном клубе, посещаемом как мусульманами, так и русскими в 1913 г., по сообщения тогдашней печати, любительскими труппами ставились отрывки из опер и оперетт, а в смешанных татаро-русских концертах Нового клуба звучала и оперная музыка. Незадолго до революции 1905 г. в Казани возникло Общество народных университетов, пропагандировавшее знание среди населения и состоявшее из профессоров университета, врачей, учителей, деятелей искусства. С целью ознакомления с европейской оперной культурой татар Казани главный режиссер оперы Н.Н. Боголюбов издавал на татарском языке пояснительные либретто опер с восточным элементом в музыке.

В начале XX века ценность образования осознается многими татарскими женщинами. Начинает складываться система женского образования. Динамика ее развития связана с особенностями места женщины в татарском обществе. Западноевропейский наблюдатель, побывавший в Поволжье в начале XX века, отмечал: «Взгляды здешних мусульман на женщин совсем иные, нежели у других народов Востока. Во всех делах у них играют роль женщины». Поборник национального образования Гаяз Исхаки отмечал, что в обществе утверждается мысль о большой роли женщины как «хранительницы чистоты произношения и особенностей языка», воспитательницы будущих поколений. В 1906-

1910 гг. открываются курсы для женщин, на которых преподавали лекторы из университета.

В создании системы женского образования участвовали Л. Хусаинова, М. Музафарова, Р. и С. Амирхания, Ф. Гайнутдинова, Ф. Аитова. После 1905 г. в Казани возникли специальные национальные школы и училища для девочек. Создаются высшие государственные и частные женские учебные заведения. Первой студенткой-татаркой была Амина Мухутдиновна (1883-1941) - уроженка Казани. Она окончила Московскую гимназию с золотой медалью. После женских курсов поступила на медицинский факультет Казанского университета. Вскоре перевелась на юридический факультет¹⁵. Прием женщин в число студентов был разрешен в 1915 г. До этого они допускались лишь на правах «вольных» или «посторонних» слушателей.

Процессы, происходившие в Казанском университете в первые десятилетия XX века, не отличались от вектора общественно-политических настроений в стране в целом. Так, в 1900 г. Совет университета высказал убеждение в необходимости восстановить автономию университетов с принципами выборности ректора, проректора, членов университетского суда, деканов и членов хозяйственного комитета, правом разрешать публичные курсы и лекции, составлять инструкции проректора, правил поведения студентов и т.п.¹⁶

Удельный вес Казанского университета в контингенте студентов в начале XX века едва превысил 5%¹⁷. Резкие количественные и качественные изменения университет переживает с 1917 г.¹⁸ Высокий прирост численности студентов наблюдался в 1903-1910 гг.: благодаря первой русской революции стремление к высшему образованию обозначило себя как органическая черта общественных настроений. В то же время события вынудили правительство открыть дорогу в университеты не только выпускникам классических гимназий, но и питомцам духовных семинарий, реальных и коммерческих училищ. Администрация университетов стала самовольно отменять процентные нормы национального приема, введенные в годы правления Александра III.

Необходимо напомнить, что за время царствования Николая II сменилось восемь министров народного просвещения. Это усиливало нестабильность правительственной политики и без того непоследовательной по причине политических установок императора. Ректоры университета также сменялись довольно часто. Ими были Д.И. Дубяго (1899-1905 гг., ушел в отставку под давлением студентов),

Н.М. Любимов (1905-1906 гг., скончался скоропостижно), Н.П. Загоскин (1906-1909)¹⁹.

Особой любовью студентов пользовался Н.П. Загоскин. Это был человек удивительной разносторонности и интеллигентности. Особую известность он снискал в среде студенчества. Обращаясь к студентам, он говорил: «Вы избираете юридическое образование, этим самым вы взяли на себя высокую цель, цель жизни, которая будет заключаться в проведении идеи правды в народ». Университет, по мнению Николая Павловича, готовит людей, «способных разумно и сознательно проводить в жизнь идею правды, а не казуистов, способных ловить рыбу в мутной воде российских законов»²⁰. По воспоминаниям дочери, он «с жаром и любовью одновременно занимался наукой, газетой, археологией, искусством». Несколько раз ему предлагали кафедры в других университетах, но он не хотел расстаться с любимым университетом и Казанью. Даже после избрания его депутатом Государственной Думы от Казани Николай Павлович, бывший тогда ректором, отказался, не желая оставить университет²¹.

К началу XX века роль Казанского университета в духовной и культурной жизни народов Востока России дополнилась новыми измерениями. Происходивший процесс формирования национальной и региональной интеллигенции был неразрывно связан с Казанью. Так, по данным статистики, в 1855-1861 гг. количество сибиряков, поступивших в Казанский университет, составило 77 из 113 поступивших в российские университеты. С 1915 г. был разрешен прием в студенты женщин.

К своему столетию Казанский университет имел 56 кафедр, 53 ординарных профессора, 87 экстраординарных профессора, 2 преподавателя восточных языков, 3 лектора, профессора богословия и 48 внештатных преподавателей в звании приват-доцента. Незамещенными оставались двадцать профессорских кафедр²².

Невосполнимые утраты понес в канун революции юридический факультет. Один за другим покинули Казань Г.Ф. Шершеневич, А.И. Елистратов, Г.Г. Тельберг. Скончались Н.П. Загоскин, А.А. Пинотковский, А.А. Завадский. Вследствие этого вместо 11 ординарных профессоров и 4 экстраординарных профессоров, положенных по штату, на факультете осталось 7 ординарных и 3 экстраординарных профессора. Несколько кафедр оказались вакантными. Основная нагрузка легла на приват-доцентов²³.

Начало XX века ознаменовано рождением российского парламентаризма. В составе законодательного органа власти – Думы и Государственного Совета – 47 выпускников Казанского университета. Одним из основателей первой политической партии мусульман был Саид-Гирей Шагиахметович Алкин. Он закончил юридический факультет в 1893 г. с дипломом первой степени. Стал первым присяжным поверенным из татар, а в 1903 г. избран гласным Казанской городской Думы. В январе следующего года избран одним из представителей городской думы в юбилейную комиссию по празднованию столетия Казанского университета. Помимо активной работы в ЦК партии «Иттифак» и съездов мусульман он явился первым редактором газеты «Казанский вестник», издававшейся на татарском языке²⁴.

Выпускники университета были в составе Государственной думы. Среди депутатов – выпускник юридического факультета Ахмед Беремжанов, закончивший университет с серебряной медалью, Бодуэн де Куртенэ был в кругу идейных борцов за равноправие народов России в начале XX века. В 1913 г. он издал сочинение под названием «Национальный и территориальный признак в автономии» (написан в 1905 г.). В нем подвергнута анализу дискриминационная система управления народами России, чреватая катастрофическими последствиями для правительства. По обвинению в антигосударственной деятельности, автор брошюры был заточен в «Кресты».

Среди активистов политического движения был и выпускник Казанского университета Сахмуд-Фуад Фасахович Туктаров, которых получил право поступления на юридический факультет преодолев сопротивление губернских властей. По окончании университета (1915 г.) Фуад Туктаров вступил в сословие помощников присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты под патронажем Саид-Гирея Алкина²⁵. Наибольшую известность Туктаров получил как секретарь мусульманской фракции и фактический идеолог мусульманской трудовой группы.

Резонанс политических акций и проблем, характерный для России начала XX века, не помешал развитию науки. Ученые-математики продолжали нести эстафету Казанской математической школы. Одним из зачинателей фундаментальных исследований по истории математики в России был А.В. Васильев. В Казани он защитил диссертацию на право чтения лекций и в 1874 г. начал работать в должности приват-доцента. Через четыре года он был откомандирован за границу для подготовки магистерской диссертации. Посещает лекции К. Вейерштрасса и

Л. Кронекера в Берлине и Ш. Эрмита в Париже. В Берлине и Париже он познакомился с новыми веяниями в математике. Благодаря научным командировкам в европейские вузы Васильев был хорошо знаком с системой преподавания в германских и австрийских университетах. На протяжении 33 лет Александр Васильевич читал курс чистой математики. Его ученик Н.Н. Парфентьев вспоминает его как «редкостного педагога». Александр Васильевич «всегда поражал новизной идеей, всегда последние новинки иностранной и русской науки сообщались студентам, а непосредственная близость» его «к ученым запада и России ставила в контакт с ними и молодежь».²⁶ Васильев был одним из основателей в Казани физико-математического общества, председателем которого был до 1905 г.

Васильев занимался автоморфными функциями многомерных пространств и проблемами отделения корней. Имея большой научный вес, Александр Васильевич участвовал в многочисленных научных конгрессах естествоиспытателей, в философских съездах, проходивших в Петербурге, Париже, Дрездене, Гейдельберге, Лондоне и других городах Европы. Во время годичного пребывания в Европе совместно с немецкими профессорами Штекелем и Энилем перевел на немецкий язык «Новые начала геометрии» Н.И. Лобачевского. Васильев – один из инициаторов учреждения международной премии имени Лобачевского, а также издания первого полного собрания его сочинений по геометрии. О многообразии его интересов и сфер деятельности говорит факт, что в 1902 г. он вступил в Казанское юридическое общество. В Первой Государственной думе представлял население Казанской губернии, будучи членом фракции кадетов. В 1907 – 1917 гг. был сенатором²⁷. Возглавил инициативную группу при Казанском физико-математическом обществе, занимался подготовкой торжеств по случаю 100-летия со дня рождения Лобачевского²⁸.

Выдающимся представителем Казанской химической школы, получившим общероссийское и международное признание, был Флавиан Михайлович Флавицкий. Будучи учеником А.М. Бутлерова, он развивал учение о строении органических соединений в приложении к природным соединениям терпены. С 1884-1917 гг. преподавал в университете неорганическую химию. Является автором оригинального учебника «Общей или неорганической химии». В 1907 г. академик Н.Н. Бекетов выдвинул кандидатуру Ф.М. Флавицкого в члены-корреспонденты Академии наук на место, освободившееся за смертью Д.И. Менделеева²⁹.

1910 гг. открываются курсы для женщин, на которых преподавали лекторы из университета.

В создании системы женского образования участвовали Л. Хусаинова, М. Музафарова, Р. и С. Амирхания, Ф. Гайнутдинова, Ф. Аитова. После 1905 г. в Казани возникли специальные национальные школы и училища для девочек. Создаются высшие государственные и частные женские учебные заведения. Первой студенткой-татаркой была Амина Мухутдиновна (1883-1941) - уроженка Казани. Она окончила Московскую гимназию с золотой медалью. После женских курсов поступила на медицинский факультет Казанского университета. Вскоре перевелась на юридический факультет¹⁵. Прием женщин в число студентов был разрешен в 1915 г. До этого они допускались лишь на правах «вольных» или «посторонних» слушателей.

Процессы, происходившие в Казанском университете в первые десятилетия XX века, не отличались от вектора общественно-политических настроений в стране в целом. Так, в 1900 г. Совет университета высказал убеждение в необходимости восстановить автономию университетов с принципами выборности ректора, проректора, членов университетского суда, деканов и членов хозяйственного комитета, правом разрешать публичные курсы и лекции, составлять инструкции проректора, правил поведения студентов и т.п.¹⁶

Удельный вес Казанского университета в контингенте студентов в начале XX века едва превысил 5%¹⁷. Резкие количественные и качественные изменения университет переживает с 1917 г.¹⁸ Высокий прирост численности студентов наблюдался в 1903-1910 гг.: благодаря первой русской революции стремление к высшему образованию обозначило себя как органическая черта общественных настроений. В то же время события вынудили правительство открыть дорогу в университеты не только выпускникам классических гимназий, но и питомцам духовных семинарий, реальных и коммерческих училищ. Администрация университетов стала самовольно отменять процентные нормы национального приема, введенные в годы правления Александра III.

Необходимо напомнить, что за время царствования Николая II сменилось восемь министров народного просвещения. Это усиливало нестабильность правительственной политики и без того непоследовательной по причине политических установок императора. Ректоры университета также сменялись довольно часто. Ими были Д.И. Дубяго (1899-1905 гг., ушел в отставку под давлением студентов),

Н.М. Любимов (1905-1906 гг., скончался скоропостижно), Н.П. Загоскин (1906-1909)¹⁹.

Особой любовью студентов пользовался Н.П. Загоскин. Это был человек удивительной разносторонности и интеллигентности. Особую известность он снискал в среде студенчества. Обращаясь к студентам, он говорил: «Вы избираете юридическое образование, этим самым вы взяли на себя высокую цель, цель жизни, которая будет заключаться в проведении идеи правды в народ». Университет, по мнению Николая Павловича, готовит людей, «способных разумно и сознательно проводить в жизнь идею правды, а не казуистов, способных ловить рыбу в мутной воде российских законов»²⁰. По воспоминаниям дочери, он «с жаром и любовью одновременно занимался наукой, газетой, археологией, искусством». Несколько раз ему предлагали кафедры в других университетах, но он не хотел расстаться с любимым университетом и Казанью. Даже после избрания его депутатом Государственной Думы от Казани Николай Павлович, бывший тогда ректором, отказался, не желая оставить университет²¹.

К началу XX века роль Казанского университета в духовной и культурной жизни народов Востока России дополнилась новыми измерениями. Происходивший процесс формирования национальной и региональной интеллигенции был неразрывно связан с Казанью. Так, по данным статистики, в 1855-1861 гг. количество сибиряков, поступивших в Казанский университет, составило 77 из 113 поступивших в российские университеты. С 1915 г. был разрешен прием в студенты женщин.

К своему столетию Казанский университет имел 56 кафедр, 53 ординарных профессора, 87 экстраординарных профессора, 2 преподавателя восточных языков, 3 лектора, профессора богословия и 48 внештатных преподавателей в звании приват-доцента. Незамещенными оставались двадцать профессорских кафедр²².

Невосполнимые утраты понес в канун революции юридический факультет. Один за другим покинули Казань Г.Ф. Шершеневич, А.И. Елистратов, Г.Г. Тельберг. Скончались Н.П. Загоскин, А.А. Пионтковский, А.А. Завадский. Вследствие этого вместо 11 ординарных профессоров и 4 экстраординарных профессоров, положенных по штату, на факультете осталось 7 ординарных и 3 экстраординарных профессора. Несколько кафедр оказались вакантными. Основная нагрузка легла на приват-доцентов²³.

Начало XX века ознаменовано рождением российского парламентаризма. В составе законодательного органа власти – Думы и Государственного Совета - 47 выпускников Казанского университета. Одним из основателей первой политической партии мусульман был Саид-Гирей Шагиахметович Алкин. Он закончил юридический факультет в 1893 г. с дипломом первой степени. Стал первым присяжным поверенным из татар, а в 1903 г. избран гласным Казанской городской Думы. В январе следующего года избран одним из представителей городской думы в юбилейную комиссию по празднованию столетия Казанского университета. Помимо активной работы в ЦК партии «Иттифак» и съездов мусульман он явился первым редактором газеты «Казанский вестник», издававшейся на татарском языке²⁴.

Выпускники университета были в составе Государственной думы. Среди депутатов – выпускник юридического факультета Ахмед Беремжанов, закончивший университет с серебряной медалью, Бодуэн де Куртенэ был в кругу идейных борцов за равноправие народов России в начале XX века. В 1913 г. он издал сочинение под названием «Национальный и территориальный признак в автономии» (написан в 1905 г.). В нем подвергнута анализу дискриминационная система управления народами России, чреватая катастрофическими последствиями для правительства. По обвинению в антигосударственной деятельности, автор брошюры был заточен в «Кресты».

Среди активистов политического движения был и выпускник Казанского университета Сахмуд-Фуад Фасахович Туктаров, которых получил право поступления на юридический факультет преодолев сопротивление губернских властей. По окончании университета (1915 г.) Фуад Туктаров вступил в сословие помощников присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты под патронажем Саид-Гирея Алкина²⁵. Наибольшую известность Туктаров получил как секретарь мусульманской фракции и фактический идеолог мусульманской трудовой группы.

Резонанс политических акций и проблем, характерный для России начала XX века, не помешал развитию науки. Ученые-математики продолжали нести эстафету Казанской математической школы. Одним из зачинателей фундаментальных исследований по истории математики в России был А.В. Васильев. В Казани он защитил диссертацию на право чтения лекций и в 1874 г. начал работать в должности приват-доцента. Через четыре года он был откомандирован за границу для подготовки магистерской диссертации. Посещает лекции К. Вейерштрасса и

Л. Кроннекера в Берлине и Ш. Эрмита в Париже. В Берлине и Париже он познакомился с новыми веяниями в математике. Благодаря научным командировкам в европейские вузы Васильев был хорошо знаком с системой преподавания в германских и австрийских университетах. На протяжении 33 лет Александр Васильевич читал курс чистой математики. Его ученик Н.Н. Парфентьев вспоминает его как «редкостного педагога». Александр Васильевич «всегда поражал новизной идеей, всегда последние новинки иностранной и русской науки сообщались студентам, а непосредственная близость» его «к ученым запада и России ставила в контакт с ними и молодежь».²⁶ Васильев был одним из основателей в Казани физико-математического общества, председателем которого был до 1905 г.

Васильев занимался автоморфными функциями многомерных пространств и проблемами отделения корней. Имея большой научный вес, Александр Васильевич участвовал в многочисленных научных конгрессах естествоиспытателей, в философских съездах, проходивших в Петербурге, Париже, Дрездене, Гейдельберге, Лондоне и других городах Европы. Во время годичного пребывания в Европе совместно в немецкими профессорами Штекелем и Энилем перевел на немецкий язык «Новые начала геометрии» Н.И. Лобачевского. Васильев – один из инициаторов учреждения международной премии имени Лобачевского, а также издания первого полного собрания его сочинений по геометрии. О многообразии его интересов и сфер деятельности говорит факт, что в 1902 г. он вступил в Казанское юридическое общество. В Первой Государственной думе представлял население Казанской губернии, будучи членом фракции кадетов. В 1907 – 1917 гг. был сенатором²⁷. Возглавил инициативную группу при Казанском физико-математическом обществе, занимался подготовкой торжеств по случаю 100-летия со дня рождения Лобачевского²⁸.

Выдающимся представителем Казанской химической школы, получившим общероссийское и международное признание, был Флавиан Михайлович Флавицкий. Будучи учеником А.М. Бутлерова, он развивал учение о строении органических соединений в приложении к природным соединениям терпены. С 1884-1917 гг. преподавал в университете неорганическую химию. Является автором оригинального учебника «Общей или неорганической химии». В 1907 г. академик Н.Н. Бекетов выдвинул кандидатуру Ф.М. Флавицкого в члены-корреспонденты Академии наук на место, освободившееся за смертью Д.И. Менделеева²⁹.

Казанские юристы способствовали развитию российской юриспруденции, формируясь в условиях города, совмещающего культурные начала Запада и Востока. Это обстоятельство стимулировало интерес к таким проблемам, как национальный вопрос, проблемы федеративного устройства государства, уникальности отечественных правовых традиций и т.д. В создании отечественного научного направления, связанного с изучением международного частного и публичного права, заметную роль сыграл Н.П. Иванов (1833-1903). Его установка на необходимость разрешения конфликтных ситуаций путем переговоров были созвучны чаяниям прогрессивно мыслящей части общества. Крупным ученым-юристом был и Н.П. Загоскин. Наряду с проблемами истории русского права и государственных институтов Российского государства в сферу его научных интересов входили история Казанского Поволжья и краеведение. Среди его многочисленных трудов наибольшее признание получили опубликованные в 1902-1904 гг. четыре тома «Истории Казанского Императорского университета за первые сто лет его существования. 1804-1904». «История Казанского университета» - труд не только большого научного изучения и замечательной ревности к просвещению, но и высокого академического, в самом благородном смысле этого слова, воодушевляющий, почерпывающий свою лучшую силу в искренней любви к университету», - отмечал журнал «Вестник Европы» в 1905 г.³⁰

Весьма существен вклад в правовую мысль декана юридического факультета А.А. Пионтковского (1862-1915), известного за пределами России специалиста в области уголовного права. Он выступал с идеей условно-досрочного освобождения и отмены смертной казни в России. Показательно, что в ряде корреспонденций столичных газет из Казани авторы обвиняли местных приват-доцентов как «ветеранов революции». Это относилось и к отдельным представителям юридического факультета. Так, попечитель Казанского учебного округа не утвердил деканом факультета В.В. Ивановского по причине «противоправительственного направления» не только его предшествующей деятельности, но и изданных по государственному и административному праву учебников. Летом 1908 г. лишен звания приват-доцента и права преподавать в университете А.И. Елистратов. Накануне он не был утвержден на должность экстраординарного профессора вследствие «крамолы», содержащейся в лекциях³¹.

На юридическом факультете в предвоенные годы докторские диссертации защитили В.Ф. Матвеев (1915 г.), В.Н. Ширяев (1917 г.). В УЗКУ в 1916-1917 гг. публиковались исследования А.В. Завадского, С.П. Покровского.

Видным российским историком широкого профиля с обширными международными научными связями был Михаил Михайлович Хвостов. В Казанском университете он работал с 1901 г. В 1901-1914 гг. одиннадцать раз в поисках исторических источников находился в заграничных командировках. Работал в библиотеке Оксфорда, в Британском музее, в Берлинской королевской библиотеке. Очерк развития текстильной промышленности в греко-римском Египте автор представил в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора всеобщей истории. Блестящая речь соискателя на диспуте и прекрасные отзывы оппонентов позволили Совету университета удостоить Хвостова степени доктора всеобщей истории. Б. Адлер, преемник Хвостова на посту председателя ОАИЭ, отмечал, что Михаил Михайлович был одним из наиболее выдающихся педагогов нашей *almae matris*.

Кроме работы в университете он участвовал в организации высших женских курсов в Казани, был членом комитета по их созданию и помощником Директора Е.Ф. Будде. На курсах читал лекции по истории Греции, философии и методологии истории, вел практические занятия по всеобщей истории. Оценкой его авторитета стала рекомендация Хвостова на крупные международные форумы ученых. Весной 1912 г. в Афинах намечалось провести XVI конгресс ориенталистов. Казанский университет командировал на него В.А. Богородицкого и М.М. Хвостова. 5 декабря 1913 г. Хвостов вместе с профессором М.В. Бречкевичем по проекту АН был делегирован в Петербург для участия в работе преподавательского совещания по вопросам организации IV Международного исторического съезда. Съезд должен был состояться в 1918 г. в Петербурге³².

Выступления в защиту студенчества и критика в адрес властей снискали славу профессора-демократа Н.Н. Фирсову. Бурные события революционного времени стимулировали интерес историка к крупным социальным движениям в истории России. В 1906-1908 гг. он опубликовал труды по истории крестьянской войны под предводительством С.Т. Разина и Е.И. Пугачева. В статьях, опубликованных «Волжским вестником», Фирсов обращал внимание на проблему колонизации края в период создания Русского централизованного государства.³³

В круге научных интересов ученых-гуманитариев Казанского университета в начале XX века все ошутимее обозначалась тема истории народов Поволжья, в частности, финно-угорских этносов. Декан историко-филологического факультета в 1901-1905 гг. Д.А. Корсаков³⁴ внес предложение создать кафедры этнографии и истории первобытной культуры. Он отстаивал идею организации в университете кафедр угоро-финской и турецко-татарской филологии, рассматривая Казань как

центр культуры многих народов. В 1905 г. в Казанском университете в очередной раз обсуждался вопрос о расширении преподавания на историко-филологическом факультете дисциплин исторического цикла и об организации новых кафедр. Декан Корсаков указал на необходимость обновить содержательную сторону преподавания отечественной истории. «Русскую историю должно преобразовать в историю России, то есть в историю всех племен и народов, населявших ее прежде и населяющих в настоящее время»³⁵.

Несмотря на отсутствие поддержки властей в начале XX века развивалось и востоковедение. Крупнейшей фигурой ориенталистики оставался Н.Ф. Катанов, труды которого составили «золотой фонд мировой тюркологии» (А.Н. Кононов). Тюркология в Казанском университете в это время была также представлена выпускником арабо-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1909). В 1917-1922 гг. в Казани работал С.Е. Малов. На протяжении последней четверти XIX – первых десятилетий XX вв. преподавание и изучение истории, языка и культуры финно-угров Евразии шло благодаря представителям европейского и российского угро-финноведения М. Веске, Н. Андерсона, Я.Г. Калинина. Они занимали одну из первых отечественных кафедр угро-финской филологии, созданную в Казанском университете в XIX в. История и филология финно-угорских народов Урало-Поволжья были в центре внимания казанской школы востоковедов конца XIX – начала XX веков.³⁶

Общественная и социокультурная жизнь университета в канун первой революции отмечена попыткой реанимировать литературное сообщество. В канун 100-летия А. Пушкина, в мае 1899 г., Совет университета утвердил Устав общества любителей русской словесности с целью продолжить традиции Пушкинского общества литературы и искусства «в новой форме и на иных началах, более соответствующих университетским задачам» и плану историко-филологического факультета. В составлении Устава общества, предусматривающего публичные лекции, выставки, свою библиотеку и музей, участвовали профессора Будде, Архангельский, Корсаков, Нагуевский, Мищенко, Бобров, Катанов³⁷.

К 1903 г. в университете работали восемь научных обществ. На заседании казанского юридического общества выступили М.М. Агарков, Уляницкий, Н.Н. Мироедов.³⁸ В числе членов юридического общества с 1901 г. был и Саид-Гирей Алкин.

По-прежнему наиболее масштабной была деятельность ОАИЭ, 15 членов которого были профессорами и преподавателями Казанского университета. В 1897 г. в Устав общества были внесены изменения,

предусматривавшие расширение региона изучения: в него были включены Сибирь, восточная часть России и Средняя Азия. В начале XX века научная деятельность ОАИЭ была связана с национальными процессами. В Обществе сотрудничали примерно тридцать татар. Это не мешало ученым продолжать традиции краеведения. Благодаря оригинальным трудам о народах края ОАИЭ завоевало большую популярность среди отечественных и зарубежных ученых. За период 1878-1904 г. оно имело контакты - в основном через подписку на издания ОАИЭ - с 167 лицами и учреждениями в России и 44 - из-за рубежа³⁹.

Научные исследования, проводимые в Обществе, были неразрывно связаны с научными проблемами, которые изучались в Казанском университете. Помимо тюркских и финно-угорских народов Общество изучало русских, чехов, якутов, урянхайцев (тувинцев), чукчей, калмыков, киргизов и другие народы. Общество оказывало помощь в работе музеев городов Минусинска, Тобольска, Астрахани и других городов. Оно помогало создавать новые Общества и комиссии по охране памятников в городах Поволжья и Урала⁴⁰. Под влиянием ОАИЭ происходила европеизация татарских историков и филологов нового поколения⁴¹.

Таким образом, вплоть до 1917 г. Казанский университет играл роль центра науки, культуры и образования Востока России. Особенно велика эта роль для народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Просветительская миссия университета оставалась существенной и значимой и после 1917 г. Но это уже тема специального исследования.

Примечания

¹ Ерофеев Н.Д. Уровень жизни населения в России в конце XIX - начале XX вв. // Вестник МГУ. Сер. История. 2003. №1. - С. 66.

² Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. - М., 1964. - С. 358-359.

³ См. Миронов Б.Н. Социальная история России. - СПб., 1999. Т.2. - С. 387.

⁴ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. - М., 1991. - С. 22-23.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. - М., 1999. - С. 5-7.

- ⁷ Хрестоматия по истории России с древнейших времен до нашего времени // А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. - М., 2000. - С. 344.
- ⁸ Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. - С. 125
- ⁹ Емельянова И.А. Юридический факультет. С.143-
- ¹⁰ Подробнее см. Казань: Времен связующая нить. – Казань, 1999. С. 175.
- ¹¹ См. Тагиров И.Р., Валеев Р.К. Общественно-политическая жизнь в первой четверти XX века // Материалы по истории татарского народа. - Казань, 1995. - С. 388-389.
- ¹² Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н. Национальный состав населения Поволжья в конце XIX в. Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. - Казань, 1990. - С. 104.
- ¹³ Волжский листок, 8 декабря 1907, №552.
- ¹⁴ Кенжетаев Б.Л. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX - начале XX вв. – Казань, 1998. - С. 70-71.
- ¹⁵ Окончив университет в 1919 г., работала судьей, а после образования ТАССР - заместителем наркома юстиции республики
- ¹⁶ Очерки истории Казанского университета. С. 121.
- ¹⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России. С. 23.
- ¹⁸ Численность студентов в 1918 г. составляла 4157 человек, из которых 3744 были первокурсниками. См. Корбут М.К. Указ. соч.
- ¹⁹ Очерки истории Казанского университета. С. 125-128.
- ²⁰ Загоскин Н.П. Лекции по энциклопедии права, прочитанные в 1886-1887 acad. году. – ОРРК. С. 2-3.
- ²¹ Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине / Подг. В.А. Бажанов. - Казань, 2002. - С. 7, 15.
- ²² Шакирова Л.Р. Казанская математическая школа, 1804-1904. – Казань, 2002. - С. 200.
- ²³ Емельянова И.А. Юридический факультет. С.139.
- ²⁴ Усманова Д.М. Депутаты Государственной Думы и Государственного Совета - выпускники Казанского университета. - Казань, 2002. - С. 62.
- ²⁵ Там же. С.123.
- ²⁶ Цит. По: Шакирова Л.Р. Указ. соч. С. 187.
- ²⁷ Усманова Д.М. Указ. соч. С.19-20.
- ²⁸ Бажанов В.А. Александр Васильевич Васильев, 1853-1929: Ученый, организатор науки, общественный деятель. - Казань, 2002. - С.14-15.
- ²⁹ Ключевич А.С. Флавиан Михайлович Флавицкий. - Казань, 1978. - С. 22, 113.
- ³⁰ См. Казанский университет в юбилейных изданиях, 1856-1980: Библиографический указатель / Сост. В.И. Шишкин. - Казань, 2003. - С. 24.

³¹ Михайлов Э.Ю. Н.П. Загоскин как представитель Казанской школы правоведения // Совершенствование преподавания в высшей школе. - Казань, 2002. - С. 33, 37

³² См. Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. - Казань, 1979. - С. 29-37.

³³ См. Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов: Очерк жизни и деятельности. - Казань, 1976. - С. 25,43.

³⁴ В декабре 1905 г. Корсаков избирается членом-корреспондентом историко-филологического отделения Российской Академии наук

³⁵ См. Мухамадеев А.И. Дмитрий Александрович Корсаков, 1843-1919. - Казань, 2002. - С. 19.

³⁶ См. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX - 20-е гг. XX в.). - Казань, 1998. - С. 190-192.

³⁷ Российский государственный исторический архив. Ф.733. Оп. 143. Ед. хр. 175. Лл. 1-13.

³⁸ Емельянова И.А. Юридический факультет. С. 140-141.

³⁹ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1905. Т.XXI. Вып. 2. С. 26.

⁴⁰ Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878-1917 гг.). Дис... канд. ист. наук. - Казань, 1979. - С. 4-17.

⁴¹ Усманов М.А. В поисках неутраченного // Восточная коллекция. Осень 2002, №4(11). С. 14.

Г.А. Николаев

**ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ в конце XIX – начале XX вв.
В ЭТНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Естественное движение сельского населения – главный фактор, обеспечивавший его прирост в Среднем Поволжье в начале XX в. В каждой из его административных единиц оно имело некоторое своеобразие, обусловленное комплексом условий и причин. В 1901–1905 гг. в Казанской губернии на 1000 чел. населения рождаемость в среднем составляла 47,5, смертность – 31,4 и естественный прирост – 16,1 чел.; в 1906 – 1910 гг. соответственно – 45,2; 30,7 и 14,5 чел. Симбирская губерния имела более высокие статистические характеристики и по уровню рождаемости (53,8‰ и 53,8‰), и по уровню смертности (35,5‰ и 34,1‰), и по уровню естественного прироста (18,3‰ и 19,7‰)¹. В первом десятилетии двадцатого столетия в Поволжье последняя выделялась самым высоким естественным приростом населения (19,0‰; Самарская – 18,6‰, Пензенская – 18,1‰, Саратовская – 17,5‰ и Казанская – 15,3‰)².

Как и для Европейской России в целом, так и для поволжских губерний в начале XX в. было характерно некоторое падение уровня рождаемости. На 1000 чел. населения уменьшение этого показателя с 1901–1905 гг. по 1911–1913 гг. составило: в Казанской губернии – на 4,7 чел., в Симбирской – 4,3 чел., в Саратовской – 5,9 чел., в Пензенской – 3,8 чел. и в Самарской – 3,3 чел.³ Снижение рождаемости было обусловлено ростом городского населения и вовлечением женщин в промышленное производство. Относительное падение рождаемости имело своим следствием некоторое снижение смертности. За период с 1901–1906 гг. по 1911–1913 гг. коэффициент смертности снизился: в Казанской губернии – на 1,5‰, в Симбирской – на 3,4‰, в Пензенской – на 4,5‰, в Саратовской – на 4,1‰ и в Самарской – на 3,9‰⁴. Разумеется, сказывался и достигнутый прогресс, хотя и весьма незначительный, в медицинском обслуживании населения. Особо отметим, что, несмотря на некоторое снижение, смертность в регионе, особенно среди детей, продолжала оставаться очень высокой. По данным земских врачей, в Симбирской губернии в 1896–1899 гг. количество умерших в возрасте до 10 лет составляло примерно 5/7 общего числа ушедших из жизни. Особенно высокой была смертность детей в возрасте до 1 года

– почти 50%⁵. В 1908–1910 гг. Симбирская губерния по уровню смертности грудных детей входила в число 11 губерний Европейской России, где этот показатель был очень высоким: 30% и более⁶.

В региональной историографии вопрос о воспроизводстве сельского населения Среднего Поволжья на рубеже XIX – XX столетий в этническом измерении глубоко и всесторонне никем не изучался. Эта сложная и полная загадок тема еще ждет своего пытливого исследователя. В этой ситуации мы вынуждены ограничиваться наблюдениями самого общего плана. Контуры протекавших демографических явлений в какой-то мере могут быть восстановлены на основе материалов земских обследований пореформенного периода. Обратимся к ним. В 80-е гг. XIX в. Казанское земство осуществило крупное оценочное «хозяйственно-статистическое» обследование надельного землевладения в губернии. Объект изучения наблюдался в тесной увязке с другими составляющими социально-экономической жизни села, в том числе и с естественным движением населения. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения при этом фиксировались и в конфессиональном ракурсе, что позволяет в какой-то мере рассмотреть протекавшие здесь демографические процессы через призму этнической принадлежности жителей деревни. Из выполненного обследования явствует, что в пореформенное время в среде православного населения (в данном случае русские, чуваша, марийцы, мордва, удмурты и крещеные татары) чуть ли не повсеместно демографическая ситуация была менее благоприятной, чем в среде приверженцев ислама (считай татар. – Г.Н.). Обработав достаточно объемный статистический материал, земские статистики установили, что христиане, опережая мусульман по уровню рождаемости, имели очень высокий, относительно своих соседей – приверженцев ислама, уровень смертности⁷. Особенно большая разница наблюдалась в младенческой смертности – до 2 и более раз. По мнению специалистов губернского земства, причина подобной ситуации крылась в том, что татарки, уходя даже на полевые работы, брали с собой детей и кормили там их грудью, а не оставляли дома, сунув им в рот соску с жеванным хлебом, как сплошь и рядом это делали православные русские крестьянки⁸. Данные наблюдения могут быть подкреплены и другими свидетельствами. Так, венгерка Юлия Вихманн (1881–1974), вместе с мужем финским языковедом-исследователем Юрьё Вихманном (1868–1932), в 1905–1906 гг. принявшая участие в его экспедиции в среду марийцев Среднего Поволжья, после ночлега «в одной татарской семье» г. Казани в своем дневнике 18 июля 1906 г.

сделала следующую запись об увиденном: «Для меня было очень интересным опытом побывать в татарском доме, немного лучше познакомиться с жизнью и бытом татар... Тогда как русские женщины оставляют маленьких детей на попечении у родителей, пока сами работают в поле, то татарские женщины всегда берут с собой своих детей в маленькой коляске, изготовленной из бересты. Татарская женщина лучше содержит свой дом, сама она всегда чистая, и ее дом чист в той мере, насколько это возможно»⁹. Попутно подчеркнем, что подобная картина была характерна и для других местностей Российской империи, где проживало мусульманское население. Демографическую ситуацию в Уфимской губернии, в частности, историк-аграрник М.И. Роднов находит аналогичной: маленькие дети в русских крестьянских семьях с рождения получали соску-жовку, малышей обычно оставляли дома на попечение немощных старух и девочек-подростков, татарки, напротив, всюду брали младенцев с собой и кормили грудью до двух лет, лишь после чего начинали прикармливать их коровьим и козьим молоком¹⁰. Для отдельных уездов Казанской губернии земскими специалистами был рассчитан и уровень естественного прироста двух категорий населения за пореформенные годы. Более высоким, как и следовало ожидать, он оказался у мусульман. Так, в Спасском уезде, к примеру, данный показатель соответствовал: у православных (преимущественно русские) – 15,0%, у мусульман (татары) – 16,2%¹¹.

В 1906 г. оценочно-статистическое бюро Казанского губернского земства провело второе крупное исследование крестьянского землевладения. Демографический блок и в ней не обойден. Используя формулу «сложных процентов»¹², земские специалисты вычислили средний годовой прирост общинного населения в разрезе этнических групп за полувековой отрезок времени – с 1858 по 1906 гг. Самым высоким среднегодовой естественный прирост оказался у татар (1,2%), вторую позицию заняли чуваша (1,1%), третью – русские (1,0%) и четвертую – марийцы (0,9%)¹³. Подчеркнем, что объектом анализа земцев стали лишь те общины, величина наделов которых не претерпела изменений за пореформенные годы, что было сделано с целью повысить репрезентативность искомых результатов.

Какой же была демографическая ситуация в многонациональной деревне региона в начале нового столетия? В табл. 1 приведены статистические характеристики, отражающие воспроизводство сельского населения в разрезе уездов в 1901 – 1910 гг. в губерниях Среднего Поволжья. В Симбирской губернии по уровню естественного прироста

Буинский уезд (21,63%), основное население которого составляли чуваша и татары, опережает пять из семи аналогичных административных единиц преимущественно с русским компонентом – Сенгилеевский (17,37%), Симбирский (17,53%), Алатырский (17,67%), Сызранский (18,78%) и Курмышский (21,63%). В Казанской губернии наблюдаем во многом схожую картину. Превышающий порог в 17% уровень естественного прироста здесь имеют следующие уезды: Ядринский (17,14%), Мамадышский (17,21%), Цивильский (18,25%), Чистопольский (18,74%) и Спасский (18,71%). По составу сельского населения первые четыре административные единицы являются или чувашскими, или татарскими, или чувашско-татарскими. Спасский уезд заселен преимущественно русскими (57,97%), но и в ней «примесь» из чувашей и татар весьма значительна (37,87%). Минимальные параметры – ниже 13% – имеют два уезда: Козьмодемьянский (12,08%) и Царевококшайский (12,40%). Относительное большинство в первом составляли чуваша и марийцы, во втором – марийцы. Лаишевский (15,27%) и Свияжский (15,43%) уезды с преимущественно русским населением занимают срединную между этими двумя полюсами позицию.

Итак, с высокой долей вероятности можно утверждать, что на рубеже XIX – XX вв. демографическая ситуация в татарской деревне была более благоприятной, чем в русской. Полученные нами цифровые данные позволяют считать, что по уровню воспроизводства населения русских сельских жителей опережали и чувашские хлебопашцы. Последнее обстоятельство, надо полагать, определялось особенностями демографического поведения чувашских женщин. Согласно обнаруженным свидетельствам, уход за младенцами в чувашской среде был более внимательным и щадящим, чем в русской. В «Кратких этнографических описаниях чувашей», вышедших из-под пера С.М. Михайлова еще в середине XIX в., читаем: «Разрешение женщин от бремени совершается у чувашек, несмотря на их суровую жизнь, благодаря натуре, весьма благополучно, однако же, все-таки при пособии бабок *карчик...* (курсив автора. – Г.Н.). Мать питает свое дитя сначала грудью, а не соскою, как у русских; по миновании нескольких месяцев, когда уже оно свободно от шнуровки, начинают кормить его хлебною жевкою пополам с молоком или яйцами. С освобождением ребенка от пеленания одевают его в рубашку с красненьким воротничком. Часто его моют, начиная от самого рождения, согретою в котле водою, а богатые даже с мылом, в ночвах тагана... В рабочую пору небольшие, а в особенности грудные, дети берутся матерями с собою»¹⁴. Заметим так-

же, что и земские специалисты Казанской губернии, весьма детально изучавшие социально-экономическую действительность деревни, подчеркивали, что кроме татарок, и женщины-«инородки» щепетильно относились к рациональному питанию младенцев¹⁵. И замыкали ряд по уровню воспроизводства сельского населения средневожской деревне, надо полагать, марийские крестьяне.

Таблица 1.

*Естественное движение сельского населения в губерниях
Среднего Поволжья в 1901–1910 гг., в ‰*

Уезды	Основные этнические группы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Казанская губерния				
Казанский	Русские и татары	42,55	29,47	13,08
Козьмодемьянский	Чуваши и мари	45,98	33,90	12,08
Лавшевский	Русские и татары	46,51	31,54	15,27
Мамадьшский	Татары	44,78	27,57	17,21
Свияжский	Русские	45,22	29,79	15,43
Спасский	Русские и татары	50,76	32,05	18,71
Тетюшский	Татары и русские	47,53	30,84	16,69
Царевококшайский	Мари и русские	44,97	32,57	12,40
Цивильский	Чуваши	46,11	27,86	18,25
Чебоксарский	Чуваши	46,74	30,69	16,05
Чистопольский	Татары и чуваши	51,11	32,37	18,74
Ядринский	Чуваши	51,23	34,09	17,14
Итого		47,15	30,89	16,26
Симбирская губерния				
Алатырский	Русские	48,17	30,50	17,67
Ардатовский	Русские и мордва	54,88	33,23	21,65
Буинский	Чуваши и татары	52,21	30,58	21,63
Квирсуиский	Русские	59,47	37,15	22,32
Курмышский	Русские и чуваши	51,39	31,63	19,76
Сенгилеевский	Русские	56,55	39,18	17,37
Симбирский	Русские	50,65	33,12	17,53
Сызранский	Русские	57,66	38,88	18,78
Итого		54,06	34,32	19,74

(Подсчитано по: Обзор Казанской губернии за 1901 (1902–1910) год Казань, 1902 (1903–1912), Статистический обзор Симбирской губернии за 1901 (1902–1909) год Симбирск, 1902 (1903–1910) год; Обзор Симбирской губернии за 1910 год. (Симбирск. 1911.)

Примечания

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811 – 1913 гг.): Статистические очерки. М., 1986. С. 167, 168, 187, 188, 217, 218.

² Там же. Подсчет наш.

³ Там же. С. 167, 168. Подсчет наш.

⁴ Там же. С. 187, 188. Подсчет наш.

⁵ Деревенские ясли-приюты в Симбирской губернии летом 1899 г. // Симбирские епархиальные ведомости. 1900. № 19. С. 576.

⁶ Рашин А.Г. Указ. соч. С. 197.

⁷ Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань, 1896. С. 132, 133.

⁸ Там же. С. 124, 125.

⁹ Дневниковые записи Юлии Вихманн // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 144, 145.

¹⁰ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 76, 77.

¹¹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Спасский уезд. Казань, 1892. Вып. 11. Таблицы. С. 59, 61.

¹² Формула «сложных процентов»: $A = B(1 + p/100)^n$, где А – население в году Х, В – население в году У, n – число лет, прошедших между Х и У годами и p – процент, который требуется определить.

¹³ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. Казань, 1909. Вып. 13. С. 94, 95. Самый высокий среднегодовой прирост крестьянского населения зарегистрирован у контингента сельских жителей, объединенного под рубрикой «остальные народности» - 1,3%. В данную категорию общинников вошли: 1) мордва и удмурты; 2) русские, удмурты, мордва, татары, чуваш и марийцы, совместно проживавшие в составе отдельных сел и деревень. Распределение выделенной группы по национальностям, если эта операция была бы возможной технически, вероятно несколько изменила бы статистические характеристики среднегодового прироста этносов, но полученная общая картина осталась бы прежней: в общем числе сельских жителей «остальные народности» составляют всего 11,5%.

¹⁴ Михайлов С.М. Собрание сочинений. Автобиография. Статьи и корреспонденции. Публикация документов. Очерки и рассказы. Фольклорные записи. Письма. Чебоксары, 2004. С. 93, 94, 95.

¹⁵ Общий свод данных ... С. 125.

С.Н. Кодыбайкин

**ДОХОДНОСТЬ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ
КРЕСТЬЯН ЧУВАШИИ
в конце XIX – начале XX вв.***

Одной из характеристик сельской экономики Чувашского края второй половины XIX – начала XX вв. является быстрое развитие кустарных промыслов. За пореформенные годы на территории Чувашии сложились различные виды мелкотоварного крестьянского производства, во многом определяющих многоукладность экономики региона. При этом положение и роль кустарных производств на протяжении указанного периода сильно менялось. В этой связи представляется интересным выявить их доходность, т.е. определить долю заработков от промыслов в крестьянском бюджете и их значимость для развития хозяйства кустаря. Наиболее крупный вклад в изучении крестьянских промыслов Чувашии был сделан И.Д. Кузнецовым. Опираясь на его труды, можно продолжить исследование доходности сельских промыслов, рассмотрев их динамику в быстроменяющихся условиях развития региона. В данной работе рассматриваются заработки крестьян, занятых в массовых видах кустарных промыслов, их динамика и факторы, повлиявшие на них. Целью статьи является анализ изменений доходности массовых видов сельских промыслов в конце XIX – начале XX вв. в волостях Козьмодемьянского, Тетюшского, Чебоксарского, Цивильского, Ядринского уездов Казанской губернии и Алатырского, Буинского, Курмышского уездов Симбирской губернии, частично или полностью вошедших в состав Чувашской Республики. Основными источниками явились опубликованные и архивные материалы периода второй половины XIX – начала XX вв. Спецификой документов является то, что при недостаточной разработанности терминологической основы статистики промыслов изучаемой эпохи, корреспонденты и информаторы, особенно низовых звеньев административной структуры, часто смешивали такие категории, как «годовой оборот», «сумма продаж», «годовой доход», «прибыль производства», «выручка» и т.п. В настоящем исследовании терминология (по возможности) унифицирована под понятием «годовой доход» или «годовой заработок». При этом автор отдает себе отчет в условности этих понятий, но такое упрощение с известной долей допустимости позволяет, на его взгляд, сделать

корректные сравнения и анализ фактов различного источникового происхождения.

В пореформенный период экономическое положение крестьян Чувашского края было сложным: невысокий уровень культуры сельскохозяйственного производства в условиях преимущественно малоплодородных почв осложнялись все увеличивающейся нехваткой леса, аграрной перенаселенностью, ростом недоимок, углублением имущественного неравенства. О низком бюджете чувашских крестьян по сравнению с крестьянами других национальностей не раз писали исследователи. Например, В.Ф. Залесский отмечал: «Любопытно, что у чуваш – даже и в хозяйствах с промыслами – бюджет ниже среднего по губернии». Объяснение такому факту исследователь находил в особенностях национального характера: «Чувашское племя отличается крайней бережливостью и умеет сокращать свои потребности до такого минимума, который для русских недостижим»¹. И.Д. Кузнецов, сделав средневзвешенный расчет бюджета крестьян Чувашского края за 1896-1905 гг., пришел к выводу, что доход «бедняка» в начале XX в. составлял 67,8 рубля, «средняка» – 80 и «кулака» – 303 рубля². К этим расчетам близки и примерные цифры Н.В. Никольского, оценивающего «годовой приход и расход» бедных крестьян в 30-50 рублей, зажиточных (т.е. середняков) – в 70-125 и богатых – в 100-250 рублей³. Ориентируясь на эти данные рассмотрим как изменялись заработки сельских кустарей в рассматриваемый период.

Наиболее распространенным промыслом крестьян Чувашии к началу XX в. становится кулеткачество. Обнаружен только один источник, сообщающий о большой выгодности этого занятия: в конце XIX в. в Ядринском уезде «промысел считается одним из лучших по доходности... Средний заработок их [кулеткачей] колеблется от 20 до 100 рублей» за сезон⁴. Многие другие источники, наоборот, содержат сведения о крайне низкой доходности этого промысла. В 1890 г. 80 кулевщиков Цивильской волости имели доход в 12,5-16 рублей на человека (I и II Семеновское, I и II Тувсинское общества и др.), а в 1896 г. 82 кулеткача тех же семей имели уже доход в 9,38 -10 рублей⁵. В 1905 г. заработки кулеткачей Цивильского уезда оценивались в среднем до 12 рублей⁶. Заработки крестьян-кустарей самого крупного кулеткацкого района Чувашского края – Козьмодемьянского уезда по сведениям волостных правлений составляли в первое десятилетие XX в. в среднем 10 рублей⁷. В 1910-1911 гг. кустарь Чебоксарского уезда за сотню кулей получал от скупщика, являвшегося контрагентом организаторов производства – купцов Тихомирновых, Елкина, Майкова, Курбатова

или другого промышленника, 2 руб. 50 коп. - 3 руб., кулеткач из с. Янгильдино (Козьмодемьянский уезд) – до 8 руб. (1909 г.)⁸, в то время как в Нижнем Новгороде, Чебоксарах или Чистополе в зависимости от качества и сорта продукции рыночная цена составляла от 13 – 21 руб. и до 28 руб.⁹ Заработки скупщиков заметно отличались. В 1910 г. контрагент Тихомирновых из Чебоксарского уезда, содержащий в наемных работниках 3 взрослых и 6 мальчиков, имевший в своем хозяйстве 3 лошади, 3 коровы, 30 овец, 10 свиней и др., а среди сельхозинвентаря и железный плуг, принимал от своих работников кули по 2 руб. 50 коп. за 100, а отдавал Тихомирновым за 6 руб. Взрослые работники зарабатывали в день 30, а мальчики - по 15 коп. при 16-18 часах работы; за сезон (5-6 месяцев) - 15-20 и 8-10 руб. соответственно. Доходы хозяина достигали 100 руб.¹⁰ Несмотря на столь низкие заработки непосредственных производителей, число крестьян, вовлекаемых в производство кулей и рогож, увеличивалось на протяжении всего рассматриваемого периода. Не случайно именно в северной части Чувашии, где условия хозяйствования на земле сложнее, особенно был развит этот промысел.

Относительно широко были распространены среди крестьян Чувашии и другие промыслы по обработке дерева. Оригинальным в Казанской губернии производством чувашских кустарей являлось изготовление тарантасных корзин (плетушки, курманы). Центром производства являлась преимущественно Алымкасинская волость Чебоксарского уезда, где с 1908 г. число кустарей-«плетушечников» резко увеличивается¹¹. Немаловажным фактором в этом процессе было и то, что это производство было относительно прибыльным. Корреспондент казанской газеты писал о селениях указанной волости: «В любое время, когда выедешь в какое-либо из названных селений и заглянешь в избу зажиточного чувашина, то первым долгом глазам представится переполненное черемуховыми прутьями помещение избы и людей, занятых плетением корзин»¹². Причиной этого было, во-первых, увеличение спроса на продукцию – известны заказы и не только на товар, но и на мастеров, пришедшие в Чебоксарскую уездную управу из Нижегородской, Самарской, Орловской, Курской губерний¹³. Во-вторых, для кустаря не требовалось ни специального помещения, ни сложного оборудования, да и проблем с сырьем – черемуховые, ивовые и т.п. прутья – больших не было. Если в 1890 г. заработки кустарей оценивались в 3-10 руб. (т.к. объем производства был очень небольшой), то в 1911 г. средний заработок составлял уже 35-40 руб.¹⁴ Ещё больший доход имели мастера-«плетушечники», которые организовали относительно крупное производство. Не случайно из 50 заявлений на выдачу ссуд на кустарное производство в Чебоксарском уезде в 1911 г. 22 принадлежало крестьянам, занимавшимся плетением тарантасных и пивных

корзин. Эти мастера, работавшие с членами своих семей, нанимали иногда работников и имели часто отдельные мастерские, получая доход в 100-300 руб. в год¹⁵. Годовая выручка среднего изготовителя пивных корзин составляла обычно 30 иногда 40-50 руб. за 5-7 месяцев работы в год¹⁶. Несмотря на то, что реализация изделий лозоплетения довольно быстро попадает под контроль скупщиков, заработки кустарей сохраняются неплохими, возможно потому, что здесь не возникло торговой монополии. Наоборот, благодаря скупщикам объемы производства, увеличиваясь, позволяли поддерживать достаточно высокий уровень доходности при производстве тарантасных и пивных корзин.

Плетение из лыка, в отличие от лозоплетения, в качестве товарного производства всегда считалось «нищенским ремеслом». В начале XX в. заработки кустарей, изготавливавших лапти, оценивались от 2,2 до 15-17 руб., в редких случаях до 30 руб.¹⁷. Последняя цифра встречается в характеристике производства лаптей относительно Хормалинской волости Цивильского уезда, где товарное лаптеплетение было развито особенно широко.

Глубокие корни в крестьянском ремесле имели промыслы по обработке древесины. Важным фактором развития этих промыслов являлась тенденция постоянного вздорожания леса вследствие усиленной его разработки. К началу XX в. происходит значительное сокращение площади общинных лесов. Результатом стало то, что крестьяне-промышленники, имеющие средства, чаще приобретают лес у лесопромышленников или их агентов, а менее зажиточные кустари сокращают или совсем прекращают производство¹⁸. Такая экономическая конъюнктура отразилась и на промыслах по сухой перегонке древесины. До 1880-х гг. в Козьмодемьянском и Чебоксарском уездах смолокурение считалось занятием выгодным: чистый доход оценивался здесь в 150-170 руб.¹⁹ А в начале XX в. о смолокурах писалось: «... годовой заработок ничтожен – 10,25 рублей»²⁰. Объяснить это можно тем, что при наличии достаточных трудовых и сырьевых ресурсов, удобных транспортных путей и близости крупных торговых центров, этот промысел попадает под полный контроль крупных промышленников. В то же время на юге исследуемой территории смолокурение и углежжение приносило больше прибыли. Так углежюги Старых и Новых Айбесь и Сойгино Буинского уезда в начале XX в. зарабатывали до 150 руб.²¹.

Так называемые «экипажные промыслы» - изготовление телег, саней, дровней, колес, ступиц, ободьев, дуг – издавна были распространены в лесных районах Среднего Поволжья. Но растущая дороговизна леса сокращала число крестьян, занятых их изготовлением. Позволить

обработку дерева в сколько-нибудь значимых масштабах и, соответственно, иметь заметный доход, в начале XX в. могли себе лишь промысловики, имеющие достаточный начальный капитал. Соотношение стоимости сырья и заработков кустарей некоторых видов промыслов по обработке древесины можно наблюдать в табл.

*Экономическое положение некоторых традиционных промыслов
Чувашского края во второй половине XIX – начале XX вв.**

Вид промысла	Заработки кустарей в год, руб			Стоимость инструмента	Стоимость сырья, от продажной цены товара, (%)	Продолжительность работы
	XIX век		XX век			
	80-е гг.	конец века	10-е гг.			
Колесный	18,5	15-25				5 мес
Санной и тележный	18,5	5-3, до 60	30-60 до 80	6,7	20-70	5 мес
Бондарный	8,5 до 40	10-30 (до 75 в д. Новинская)	50	1,75	40-66	5 мес
Изготовление долбленных изделий	до 15		30-40 до 100	1-2,10	30-75	5-7 мес
Столярный: - мебель - рамочные улья	24	15-30 до 50	10-50 до 100 50-100	10-25	Ок 66 50-66	на заказ 6-7 мес
шепной: - хомутные клещи - трубочный			70-100 15-20 до 40		33-70 33 и более	7 мес
Токарный - прялочный		30-60	50-70 30-40 до 100			

* Составлена по: Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Казань, 1890. Вып. 8. С. 68; 1890. Вып. 9. С. 86-87; 1891. Вып. 10. С. 84-85; Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань, 1911. С. 37, 49, 306-314; ЦГА ЧР. Ф 151 Оп. 1. Д. 3, Д 1306. Л. 117-118; НА ЧГИГН Отд. 1. Т. 167. С. 243.

Таким образом, представленные здесь промыслы могли приносить достаточно высокий доход, но при этом были необходимы довольно высокие затраты на сырьё.

Для повышения доходности промыслов имело значение и применение новых технологий. Так бондари русской деревни Новый Починок (позже Новинская), организовавшие крупное товарное производство и зарабатывающие до 70-75 руб. в год, одними из первых в Чебоксарском уезде стали заменять древесные обручи бочек на железные²².

В пореформенный период быстрое развитие в Чувашском крае получают строительные промыслы: печной, плотницкий, малярный, стекольный, штукатурный, кирпичный и другие. Связано это было с изменениями в быте чувашских крестьян, прежде всего, с переходом к белым избам. По этой же причине начинают развиваться изготовление мебели и столярный промысел. Доходы промысловиков часто зависели и от их национальной принадлежности. Так, в конце XIX в. Чебоксарская уездная земская управа отмечала: «... чуваша-плотники работают по очень дешевым ценам: при отходной работе хороший плотник получает 25-30 копеек в день... [потому что] чуваша – плохие плотники». Здесь же отмечалось, что чуваша-печники могут класть только простые русские печи, поэтому чаще заказчики предпочитают нанимают русских и татар²³. Но и заработки русских плотников часто были невелики. Так русские плотники Ядринского уезда в 1886 г. имели доход 5-25 руб.²⁴. Заработки плотников были в сильной зависимости от урожая зерновых. Производство кирпича у чувашских крестьян начинается позже чем у их соседей и приобретает заметные масштабы также в пореформенные годы. Заработки здесь заметно варьировались и зависели, прежде всего, от наличия (или отсутствия) собственного горна и печного сарая и их размеров. Хозяин крупного производства, привлекавший наёмный труд, мог зарабатывать до 200 руб. в год и более²⁵. Доходы наемных работников и производителей сырцового кирпича при невысокой интенсивности труда могли не достигать и 10 руб.²⁶

Так называемые «кочевые» промыслы - портняжный, шерстобитный, иногда валяльный и овчинный – также получили распространение в пореформенный период. Их заработки могли заметно различаться. Сельские портные Чебоксарского уезда в 1895 г. зарабатывали всего 9 руб. в год, очень редко их заработки достигали 30 руб.²⁷ Последние были возможны при наличии швейной машинки, которую могли себе позволить далеко не все портные. Шерстобиты, в свою очередь, испытывали сильную конкуренцию со стороны владельцев шерстобоек. Но

и владельцы последних также не всегда могли получать высокий доход: в 1906 г. в Цивильском уезде 16 шерстобоек были включены в число недоимочных, а средняя их доходность составляла всего лишь около 9 руб.²⁸ Значительно выше были заработки валяльщиков. «Отхожие» валяльщики зарабатывали до 40 руб. за сезон, если же мастер имел отдельное помещение – до 100 руб.²⁹ В последнем случае не редкостью являлось использование наёмного труда. Средний заработок овчинников Казанской губернии к 1911 г. составлял 50 руб. в год. Хозяин заведения силами семьи или наёмных работников зарабатывал 100-150 руб.³⁰

Отдельные помещения требовались для красильного, поташного и кузнечного производств. Поташный и красильный промыслы переживали расцвет в начале пореформенной эпохи. На изучаемой территории это относится, прежде всего, к промысловикам Порецкой волости. Владельцы поташных заведений зарабатывали здесь до 100 руб. в год³¹. «Оборотные капиталы» владельцев 30 красилен в 1868 г. доходили до 500-1500 рублей серебром³². Заметно скромнее были доходы чувашских крестьян-красильщиков: 10-30, редко до 100-200 руб.³³ К началу XX в. эти промыслы, в качестве товарного производства, приходят в упадок, не выдержав конкуренции со стороны промышленных предприятий.

Особняком стоит сельский кузнечный промысел. Как известно, с начала XVII до конца XVIII в., т.е. почти два столетия, чувашам, как и некоторым другим народам Поволжья, было запрещено заниматься кузнечным и серебряным делом. В результате этого даже после отмены запрета металлообработка в Чувашии находилась на относительно невысоком уровне. В 1868 г. в среднем в каждой волости Цивильского уезда насчитывались всего 3-4 кузницы, со средним доходом чуть более 10 руб. в год³⁴. Такое положение определялось и неблагоприятной экономической конъюнктурой: удаленность сырьевых баз, повышение спроса на сырье и отсутствие железных дорог в крае приводит к тому, что «в Казанском уезде железо ставится по цене на 30-50 % выше рыночной»³⁵. Объем производства соответственно был очень невысок и сводился в основном к производству мелких изделий, что определяло невысокие заработки большей части чувашских кузнецов. К 1911 г. число лиц, занимавшихся кузнечным делом, возросло, что было естественным процессом в условиях ускоренного экономического развития страны. Но заработки оставались относительно невысокими: например, средняя годовая выручка кузнецов Чебоксарского уезда на рубеже ве-

ков составляла в среднем 29,82 руб.³⁶. Немногие чувашские кузнецы имели доход свыше 100-200 руб.

В начале XX в. значительные масштабы в Чувашии приобретает канатно-верёвочный промысел, центром которого становится д. Старые Урмары. Промысел зачастую носил здесь семейный характер. Кустари, успешно наладив торговлю сырьем и готовой продукцией, могли иметь от 80 до 100-150 руб. в год³⁷.

Исходя из вышеприведенных данных, можно разделить промыслы на две группы: те, которыми занимались крестьяне, не имевшие значительных средств для капиталовложений в промышленное производство, и те, которые характерны для более зажиточных селян. К первой группе можно отнести лаптеплетение, кулеткачество, лесные промыслы (рубка и своз леса, лесопиление, изготовление клепки, углежжение, добыча и переработка мочала и лыка), бондарный, щепной, трубочный; промыслы отхожего характера: плотницкий, кирпичный, портняжный, стекольный, малярный, валяльный и шерстобитный. Ко второй группе - поташный, красильный, овчинный, валяльный, веревочно-канатный, кирпичный - промыслы, требующие часто отдельных помещений, а также плетущечный, сапожный, мебельный, кузнечный. Некоторые промыслы совершили «переход» из одной группы в другую. Так, смолокурный промысел, который попал под власть крупного капитала в начале XX в., можно отнести к первой группе. Экипажным промыслом (тележный, ободный, колесный, санный) и другими видами деревообработки в заметных масштабах все чаще занимаются крестьяне небогатые, способные купить все дорожающее сырье. К тому же надо учитывать продолжительность работ, поскольку только в определенных масштабах он может приносить сколько-нибудь заметный доход. Поэтому крестьяне, занятые одним промыслом, могут быть отнесены как к одной, так и другой группе (кузнечный, кирпичный, бондарный промыслы).

Картину заработков кустарей необходимо дополнить данными о средних доходах. По сведениям 1894 г. по Ядринскому уезду средняя доходность «кустарных занятий» определялась в 9,26 руб.³⁸. Много это или мало? Здесь особенно важна оценка современников, т.к. абсолютные цифры доходов, в зависимости от условий жизни крестьян различных национальностей и их понятий об уровне жизни, могли оцениваться по-разному. В 1905 г. волостные старшины Цивильского уезда провели обследование четырех обществ. По закону 1899 г. при исследовании выделялся один «средний» населенный пункт общества. В четырех

обследованных селениях кустарной промышленностью занимались от трети до половины домохозяев (главным образом кулеткачи), кроме того, некоторые крестьяне занимались возкой хлеба. Доходы до 12 руб. оценивались как низкие: «эти заработки особого значения для крестьянского хозяйства не имеют, но служат больше подспорьем в домашнем обиходе (покупают чай, сахар, мыло и т.п.)». Доходы до 25 руб. (сапожники, бондари, портные) оцениваются как имеющие «для населения большое значение, т.к. благодаря ним население в годы выше среднего урожая эти заработки идут на приобретение предметов домашнего обихода и отчасти для покупки мыла, скота и ремеслен[ных] построек». Наконец, доходы до 40-50 руб. (валяние сапог, выделка овец) «имеют существенн[ое] значение для населения этих обществ...»³⁹. В 1909 г. о мастере из с. Асакасы Ядринского уезда, делавшем деревянную утварь (ковши, блюда, лукошки и др.) писалось, что его «... доход несомненно порядочный. Ежегодная выручка от сего ремесла предполагается от 20-30 руб. средним»⁴⁰.

Таким образом, большинство кустарей занимались промыслами «бедняцкими». По отношению к тому же Ядринскому уезду исследователи в 1890 г. сообщали, что доходы от неземледельческих занятий не доходят даже до трети платежей, которые у чувашских крестьян составляли в это время 6,53 руб. в среднем⁴¹. Большинство промыслов, отнимавших много сил и времени, носили только «подсобный» характер для крестьянских хозяйств.

Оценивая долю средних доходов от промыслов у крестьян различных категорий, И.Д. Кузнецов на основании данных 1899 г., определяет их следующим образом: у «бедняков» – 14%, у «средняков» – 21,7%, у «кулаков» – 41,5%. Здесь исследователь учитывал и такие промысловые предприятия, как мельницы и крупорушки, находящиеся в руках зажиточных крестьян. По его подсчетам, в среднем хозяйстве маломощных крестьян доход от производств крестьянской промышленности составляет около 9,5 руб., крестьян среднего достатка – 17,36 руб. и зажиточных – 125,7 руб.⁴².

Таким образом, исходя из анализа сельских промыслов Чувашского края, можно сделать вывод о том, что даже на протяжении относительно недолгого исследуемого периода доходность промысловых занятий могла меняться значительно и варьировалась от различных (географических, социально-экономических, этнических и др.) факторов. Подобная картина развития одного из элементов сельской экономики Чувашского края является показателем быстрого изменения социаль-

но-экономической структуры изучаемого общества, что является показателем быстрого проникновения в него новых общественных отношений.

Примечания

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 06-01-22105 а/В.

¹ Цит. по: Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963. С. 302.

² Кузнецов И.Д. Указ. соч. С. 305.

³ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Собр. соч. Т. 1. Чебоксары, 2004. С. 76.

⁴ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий Казанской губернии. Вып. 9. Казань, 1890. С. 82-83.

⁵ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 149. Оп. 1. Д. 73. Л. 41-42; Д. 103. 32-46.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 149. Оп. 1. Д. 275. Л. 21, 26-28, 41-43, 35-45.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 149. Оп. 1. Д. 1048, 1202 и др.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 168. Д. 5. Л. 3, 90; Д. 23. Л. 21.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 46. Д. 516. Л. 24-25.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 168. Д. 5. Л. 33, 90.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. 55. Д. 447. Л. 59.

¹² Казанская газета. 1904. 7 марта.

¹³ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1469. Л. 1-2, 13-14; Д. 1828. Л. 103.

¹⁴ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 682. Л. 12-15; Мелкая промышленность Казанской губернии. Казань, 1911. С. 123-124.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. 168. Д. 23. Л. 5-306.

¹⁶ Краткие сведения о мелкой промышленности Казанской губернии. Казань, 1909. С. 18.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 970. Л. 12-15; Ф. 15. Оп. 1. Д. 682. Л. 17-18; Д. 1036. Л. 10-11 и др.

¹⁸ См. подробнее: Кодыбайкин С.Н. Предпринимательская деятельность в сфере лесных промыслов Чувашии во второй половине XIX – начале XX веков // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе: Материалы научной конференции. Чебоксары, 15 – 16 ноября 2001 г.

¹⁹ Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С. 97.

²⁰ Краткие сведения... С. 10.

²¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 1. Т. 174. С. 21, 23.

- ²² Мелкая промышленность... С. 36.
- ²³ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1071. Л. 16-17.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. 151. Оп. 1. Д. 13 и другие дела этого фонда.
- ²⁵ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1036. Л. 10-11, 68-69 и др.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1071. Л. 17; Ф. 44. Оп. 1. Д. 1355.
- ²⁸ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1403.
- ²⁹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий Казанской губернии. Вып. 9. Казань, 1890. С. 88; ГИА ЧР. Ф. 54. Д. 34. Л. 62.
- ³⁰ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1469. Л. 28-29; Мелкая промышленность... С. 243-244, 331.
- ³¹ Научный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 359. Д. 45. Л. 18-19.
- ³² Липинский А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. СПб., 1868. Кн. 2. С. 293.
- ³³ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1071. Л. 142-143; Д. 1036. Л. 26-27, 35-36 и др.
- ³⁴ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 59.
- ³⁵ Материалы для исследования промыслов... С. 37, 288-289.
- ³⁶ ГИА ЧР. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1071. Л. 127-128 (подсчет мой).
- ³⁷ Канаш. 1926. № 160. 17 июля (на чуваш. языке).
- ³⁸ ГИА ЧР. Ф. 359. Оп. 1. Д. 15. Л. 17-18.
- ³⁹ ГИА ЧР. Ф. 149. Оп. 1. Д. 275. Л. 21, 28, 43, 45.
- ⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. 1. Т. 167. С. 243.
- ⁴¹ Материалы для сравнительной оценки... Вып. 9. С. 82-83.
- ⁴² И.Д. Кузнецов Указ. соч. С. 300.

Н.Н. Толстова

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Земельный вопрос является традиционным в истории Российского государства. Обозначен он был давно, решался разными способами, имел различные итоги и последствия, сохранив актуальность и злободневность и до настоящего времени.

Деревенская революция – шаг более глубокий, чем октябрьский переворот. Эти слова принадлежат Ленину. Революцией оценивалось начавшееся социалистическое строительство в стране, преобладающим населением которой было крестьянство. И первым шагом в этом направлении должно было стать решение вопроса о земле. 26 октября 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов принял декрет о земле.

Историко-партийная наука сделала немало для того, чтобы представить этот первый акт революционной ломки аграрных отношений только в розовых тонах: «крестьянство получило колоссальные материальные выгоды»; «декрет удовлетворил экономические нужды крестьян»; «осуществил все насущнейшие нужды большинства крестьян». Принято было говорить, что крестьяне получили землю по решению Второго Всероссийского съезда Советов и получили (причем, бесплатно!) ни много, ни мало – 150 млн. десятин. Таковы политические штампы. Посмотрим на факты...

Крестьянская (мелкобуржуазная) революция шла на селе полным ходом еще до октябрьских событий 1917 г. и сопровождалась разделом помещичьих имуществ «по уравнительному принципу». Уточним: захваченная земля и движимости переходили в руки хозяйственно активной сельской верхушки, способной, с обоюдною выгодой для себя и для общества, освоить награбленное. Цифра – 150 млн. переданных крестьянству десятин была названа Сталиным в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» 26 ноября 1936 г. на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов¹. Цифру эту никто не оспаривал и не смел перепроверить, хотя она явно завышена (сколько же в действительности передано земли крестьянам – вопрос не исследован ни по одному региону). Да, с крестьян за дополнительные наделы плату не брали но получаемый с этих наделов продукт крестьяне отдавали государству. Свертывание кооперации, помогавшей крестьянскому хозяйству выживать; затухание агрономической службы; резкое падение культуры земледелия; постоянные реквизиеты скота, лошадей, подвод, денег, лю-

дей; всякого рода повинности, исполнявшиеся крестьянами в годы гражданской войны. Во сколько все это обходилось крестьянству? Никто никогда не подсчитывал. Стереотипом было и утверждение, что «прирезки» изменили деревню, она стала середнячком. «Прирезки» же были мизерны и не создавали погоды. Земля – это еще не все, что хотелось иметь крестьянину. Он хотел быть хозяином на своей земле и распоряжаться самостоятельно результатами своего труда. Введение продовольственной диктатуры, продразверстки, направление в деревню продотрядов (формировались даже целые продовольственные армии!) и другие меры новой власти свели почти на нет надежды крестьянства.

Революционным актом была ликвидация частной собственности на землю. Эта революционность была усилена тем, что, аннулировав все нормативные акты (купчие крепости, нотариальные акты, арендные договоры и т.п.), власти провели тотальный передел земли и имущества... в пользу государства и бедноты по схеме «совхозы – коммуны – артели – ТОЗы - индивидуальные (единоличные) владения». Землеустроители назовут его «черным переделом». Он был оформлен в ряде законодательных актов. Начался почти неуправляемый процесс перекраивания границ сел, волостей, уездов с целью проведения уравнительного наделения землей. Недовольных было много, сопротивление – явное. Уравнительное распределение выявляло наличие излишков земли от установленной для данного района нормы наделов. И опять, как это было после 1861 г., их стали отрезать.

В годы гражданской войны власти смогли сохранить (в скромных объемах 2,7% земельной площади) крупное землепользование в лице «культурных», образцовых, государственных хозяйств на базе бывших помещичьих или монастырских владений. И одновременно эти власти согласились (точнее, смирились) на индивидуальную форму землепользования с целью привлечь крестьянство на свою сторону для защиты Советской власти, создания Красной Армии (она ведь на 70% состояла из крестьян) и тем самым обеспечивать социалистическое строительство. К началу 1920 г. по стране в целом 96,8% земли оказалось у крестьян. В коллективных хозяйствах разного типа к 1920 г. было сосредоточено 0,5% земельных площадей, и решение своей программной установки на социалистическое переустройство сельского хозяйства, то есть на создание в аграрном секторе экономики крупного, коллективного, высокорентабельного хозяйства, было отодвинуто, но не снято.

Очень долго советская историко-партийная литература критиковала зарубежных советологов за то, что они отрицательно оценивали итоги первых аграрных преобразований и считали, что с ликвидацией помещичьего землевладения крестьяне почти ничего не получили, что выгод было меньше тех жертв, которые принесло крестьянство. Фальсификацией называли утверждения зарубежных авторов о том, что с заменой крупного помещичьего землевладения мелким крестьянским производством в России началось снижение уровня производительных сил в аграрном секторе экономики, произошло не осереднячивание, а пауперизация деревни. А между тем, такие выводы делали отечественные статистики, проведя в 20-е годы обследование состояния сельского хозяйства. Стремясь равномерно, руководствуясь классовым подходом, распределить рабочий и продуктивный скот и землю (стало меньше безземельных, безлошадных, безкоровных хозяйств, исчезли крупнопосевщики, сократилось число хозяйств, нанимавших срочных и годовых рабочих). Россия получила нивелировку². Экономисты подсчитали, что середняцким можно считать хозяйство с 16-ю десятинами земли. В России же в начале 20-х - годов 74% крестьянских хозяйств были мелкими (до 4-х десятин). Они стали производить всего понемногу, что не могло не привести к уменьшению их товарного характера.

Борьба за землю в годы НЭПа не приобрела широкого размаха, хотя шло отчуждение земель под строительство промышленных и т.п. объектов, для нужд развития коневодства, сахарной промышленности (земельные площади для возделывания сахарной свеклы отводились, например, в Курской, Брянской, Орловской, Харьковской губерниях). Исследователи назвали это «вторичной национализацией» земли, которая сопровождалась захватными действиями крестьян в целях увеличения своих земельных наделов.

Земельные отношения регулировались земельными кодексами РСФСР (1923 г.) и СССР (1928 г.), главным в которых был запрет на куплю-продажу, завешание, дарение и залог земли. В годы НЭПа решалась главная задача – восстановление экономики. Аграрный ее сектор был представлен миллионной массой мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, с ними Советской власти пришлось иметь дело, прилагая массу усилий, чтобы не допускать возрождения капиталистических элементов среди крестьян.

Оставив за собой право собственника на землю и контрольные функции, государство предоставило большую хозяйственную самостоятельность крестьянам: разрешило аренду земли и наем рабочей

силы; укрепило финансовое положение в стране и через созданный Всероссийский сельскохозяйственный кредитный банк начало кредитование; отменило продразверстку, заменив ее вдвое меньшим, как считалось, продналогом (исследования последних лет в ряде регионов документально доказали, что для губерний промышленного центра продналог был на 12-20% выше продразверстки); было восстановлено многообразие видов кооперации. В 20-е годы в России было 82000 кооперативов³. Экономисты обосновывали различные пути дальнейшего развития деревни. Однако с 1926 г. началось свертывание НЭПа и пересмотр курса. Его направление было озвучено на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.). В докладах (отчетном – Сталина, о работе в деревне – Молотова) на съезде были названы цифры: потребительской кооперацией было охвачено 38% крестьянских дворов, сельскохозяйственной – 32%. Колхозов же насчитывалось 15 тыс. и объединяли они 1% крестьянских дворов. «Страшно мало», - сказал Сталин⁴.

В 1929 г. был обнаружен курс государства на массовое создание колхозов и ликвидацию кулачества как класса с конфискацией у них всей земли. Эти взаимосвязанные процессы, названные «аграрной революцией», «великим переломом», осуществлялись одновременно и в сжатые сроки, а механизм их реализации в директивах центральной власти был расписан почти до деталей. Критериями завершения этой политики считались: охват коллективными хозяйствами до 70% крестьянских дворов и обобществление до 80% сельскохозяйственных земель.

Считалось, что в основных сельскохозяйственных районах страны колхозный строй победил к началу 2-й пятилетки (62,8% крестьянских хозяйств было объединено в колхозы). Однако вне этого колхозного строя оставалось еще достаточно большое количество единоличных хозяйств (38,2% от их общего числа)⁵. Эти цифры, средние для страны в целом, разнятся по регионам. Так, в Горьковской области к началу 2-й пятилетки было коллективизировано 227,7 тыс. единоличных хозяйств (41,6% их общего количества)⁶. И во 2-й пятилетке предстояло завершить коллективизацию и предпринять разносторонние меры по организационно-хозяйственному укреплению созданных и создаваемых колхозов. Среди этих мер была борьба за землю. Со стороны партийно-советско-колхозного руководства – в целях увеличения общественного поля, со стороны колхозного крестьянства – сохранение и по возможности увеличение размеров приусадебных участков.

Своеобразным завершением в оформлении колхозного строя стал Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый 17 февраля 1936 г. Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный в тот же день СНК СССР и ЦК ВКП(б). Во втором его разделе – «О земле» - было прописано, что все полевые наделы превращались в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели. Эта земля является государственной собственностью, но закрепляется за артелью в бессрочное пользование, т.е. навечно, и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче в аренду. Райисполкомы выдают каждой артели государственный акт на бессрочное пользование землей, с описанием размеров и границ артельного владения. Землю артели не допускалось сокращать, можно было лишь увеличивать ее размеры (за счет государственного фонда и земель единоличников). Из обобществленного массива в личное пользование каждому колхозному двору выделялся небольшой участок в виде приусадебной земли. Размеры приусадебной земли могли колебаться от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ га, в отдельных районах – до 1 га, по согласованию с Наркоматом земледелия СССР⁷.

Это касалось и земельных наделов единоличников. Зам. наркома земледелия СССР А. Муралов 25 марта 1935г. разъяснял позицию наркомата о размерах приусадебной земли колхозников и единоличников: они должны быть одинаковыми. И одновременно уточнялось: «... в тех районах, где не хватает приусадебных земель для колхозников, можно допустить уменьшение приусадебной земли единоличников на 10% по сравнению с размерами приусадебной земли колхозников»⁸.

Завершение коллективизации столкнулось с такой категорией сельских жителей, как единоличники. Они проживали в хуторах и селах, владели наделной и приусадебной землей и не вступали в колхоз. Взаимоотношения с ними как властей, так и самих колхозников, строились по-разному (сюжет, кстати сказать, в отечественной историографии почти не изучен). Центральные партийные органы не раз указывали на необходимость всячески привлекать единоличников к колхозу, не допуская при этом какого-либо насилия или нажима. На деле же контроль за единоличниками с середины 30-х годов начал усиливаться. Им спускали план сева, выявляли обеспеченность хозяйств семенным материалом, лошадьми, удобрениями. Вместе с колхозниками единоличники выполняли обязательные поставки зерна государству, а нормы сдачи всех сельскохозяйственных продуктов для них устанавливались в 1,5-2 раза выше по сравнению с нормами для колхозников. Выше был и сельскохозяйственный налог, а земли единоличников

то и дело обмеривались с целью очередного выявления излишков. И хотя наркомат земледелия СССР разъяснял (в сентябре 1936 г.) местным органам, что единоличники **имеют право (!)** на приусадебные участки определенных размеров, незаконное изъятие земли у единоличников, причем не только приусадебных, но и наделных участков, проходило почти ежегодно. И жалобы их чаще всего были связаны именно с этой стороной ущемления интересов.

На 1 января 1937 г. в Горьковской обл. насчитывалось 54363 единоличных хозяйств⁹.

В июле этого года редакция «Крестьянской газеты» (орган ЦК ВКП(б)) получила несколько писем, индивидуальных и коллективных (с несколькими десятками подписей), от единоличников Межевского, Наруксовского, Починковского, Сергачского, Спасского, Шахунского районов Горьковской обл. Крестьяне жаловались, что местные власти (Советы, райисполкомы, земельные отделы) отобрали у них наделные земли и приусадебные участки. В с. Кладбищи Сергачского района из 600 единоличных хозяйств у 380-ти сельсовет изъяс луговые угодья и наделные земли, причем уже засеянные. Обобщив эти сигналы, сгруппировав письма по хронологии, редакция газеты направила эту информацию в Горьковский обком ВКП(б) с припиской: «Крестьянская газета», придавая большое значение этим сигналам трудящихся единоличников, ждет от Вас сообщения о принятых вами мерах по этому письму»¹⁰. Сельскохозяйственный отдел обкома партии организовал проверку изложенных в письмах единоличников фактов. Факты подтвердились. Об этом было сообщено в октябре месяце редакции «Крестьянской газеты» и сообщено о принятых мерах: изъятые у единоличников Спасского и Сергачского районов приусадебные участки возвращены (между прочим, в их жалобах речь шла не только о приусадебных участках, но и о наделных землях!). Для ускорения проверки в другие районы области власти направили 11 человек землеустроителей¹¹.

В поле зрения властей были и приусадебные участки колхозников. Так, зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлев телеграммой от 9 сентября 1937 г. затребовал с мест сведения о размерах приусадебных участков колхозников по каждому району, сгруппировав сведения по семи группам, от 0,10 га и свыше 1 га, со средними показателями. Из ответов с мест явствовало, что превышение установленных норм – явление распространенное. И вскоре было принято постановление ЦК ВКП(б) и СМ СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны

общественных земель от разбазаривания»¹². Оно предписывало всем регионам провести к 15 августа этого года обмер приусадебных участков колхозников, единоличников и не членов колхозов и разъясняло порядок этого обследования. Специально созданные обмерочные комиссии, с участием землеустроителей, с 1 июля 1939 г. приступили к исполнению предписания. Проводился обмер с большими нарушениями, иногда даже в отсутствие владельца. Оформление актов по результатам обмера затягивалось. Тем не менее, по итогам фронтально проведенного контрольного обмера в Горьковской обл., например, отрезки (излишки земли) составили 8148,18 га.

Проводимая политика властей по отношению к единоличникам дала нужный результат: если на 1 января 1933 г. 45,1% крестьянских хозяйств Горьковской обл. было в колхозах, то на 1 января 1937 г. этот показатель составил 89,8%¹³. Число единоличников к концу 30-х годов уменьшилось значительно, и официальная статистика перестала отслеживать динамику их земельных наделов. На местах же учет единоличников продолжался, ибо они оставались объектом налогового обложения. А что касается приусадебных участков колхозников, то в годы Великой Отечественной войны их размер возрос. Власти «прикрывали на это глаза», тем более, что изъятие колхозных земель проводилось промышленными, строительными, военными организациями, школами, госпиталями и др. После окончания войны, несмотря на тяготы ее последствий, 19 сентября 1946 г. СМ СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В перечне этих нарушений значилось и разбазаривание общественных земель колхозов. При выявлении таких нарушений ссылались на постановление от 27 мая 1939 г. Более того, председатели колхозов, чьи земли разбазаривались, привлекались к уголовной ответственности. В 1946 г. по Горьковской обл. таких председателей было 12, в 1947 г. – еще 3 человека. Так, председатель колхоза «Гудок Октября» Пильнинского района В.И. Уханкин продал 130 га колхозу «Память Ленина» за 20000 руб. и 20 га – колхозу «Рассвет» этого же района за 5 пудов ржи и одну годовалую телку. Осужден на 6 лет лишения свободы¹⁴.

Возвращаемые колхозам земли не приводили к улучшению экономического положения колхозов, ибо увеличение сельскохозяйственных площадей обгоняло техническую оснащенность хозяйств и механизацию труда, приводило к возрастанию нагрузки на одного трудоспособного колхозника. Сказывались и ухудшавшаяся демографиче-

ская ситуация, и отсутствие кадров руководителей крупных хозяйств. Эффективность колхозных земель должна была решаться другими способами, что начало реализовываться в 50-е годы.

Примечания

- ¹ Сталин И.В. Избранные соч. в 3-х томах. Т.2. М., 2000. - С. 392.
- ² Экономическое расслоение крестьянства в 1917-1919 гг. // Труды ЦСУ. Отдел сельскохозяйственных переписей. М., 1922. Т.6. Вып. 3. - С. 78 – 80.
- ³ История советского крестьянства. Т.1. М., 1986. С.105.
- ⁴ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. 2-е изд. М.- Л., 1928. С. 92.
- ⁵ История советского крестьянства. Т.2. М., 1986. С. 309.
- ⁶ Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородском – Горьковском крае 1927-1937. Документы и материалы. Киров, 1985. С. 325.
- ⁷ Примерный устав сельскохозяйственной артели // Справочник деревенского коммуниста. М., 1936. С. 181.
- ⁸ Там же. С. 191.
- ⁹ ГУ ЦАНО. Ф. 3074. Оп. 1. Д. 637. Л. 61.
- ¹⁰ Общество и власть. Российская провинция. Т.2. 1930 - июнь 1941 г. М. – Нижний Новгород, 2005. С. 745. Док. № 248.
- ¹¹ Там же. С. 750, 753.
- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т.7. М., 1985. С. 113.
- ¹³ ГУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 408. Л. 77.
- ¹⁴ Общество и власть. Российская провинция. Т.3. Июнь 1941 г. – 1953 г. М. – Нижний Новгород, 2005. С. 503 - 504. Док. № 206.

**А.Ю. Суслов,
А.Р. Шигазимов**

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ФИРМЫ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН во второй половине 1980-х годов: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

ТАССР к середине 1980-х годов представляла собой регион с мощным экономическим потенциалом. В обстановке перестройки, растущая самостоятельность хозяйствующих субъектов проявилась, в числе прочих, и в создании хозрасчётных внешнеторговых фирм (ВТФ) на промышленных предприятиях республики. В январе-феврале 1987 года в Татарии было создано три фирмы подобного профиля в составе ПО «КАМАЗ» Минавтопрома, «Нижекамскнефтехим» Миннефтехимпрома и «Оргсинтез» Минхимпрома.

Будучи в целом положительным, этот факт имел и свои внутренние проблемы. По истечении некоторого времени в деятельности фирм был выявлен ряд нерешённых вопросов, сдерживающих нормальную работу. Они появились вследствие несогласованных действий центральных структур с ведомствами на местах, практически сразу после образования фирм.

В правительственных постановлениях конца 1980-х годов, касающихся развития внешнеэкономической деятельности предприятий, отмечались тенденции возврата к централизованным принципам управления. Список предприятий, которым предоставлялось право работы на международном рынке, расширялся. Однако это право ограничивалось сокращением списка товаров, разрешённых для экспорта. К тому же вводились такие мероприятия, как квотирование и лицензирование. Следовательно, кроме значительных отчислений в госбюджет из полученной экспортной выручки, требовалось приобретение лицензии на право экспорта ряда товаров, и также предприятие должно было уложиться в экспортную квоту, определявшуюся централизованно. Возникла угроза полной зависимости фирмы от вышестоящих организаций. Речь шла о прямом ущемлении права предприятия изыскивать максимум резервов на увеличение выпуска конкурентоспособной продукции и соответственного прироста валютной выручки.

Нередко возникали ситуации, когда внутренние потребители по той или иной причине отказывались от приобретения запланированной и произведённой для него продукции. Появлялась возможность экспортировать её избыток. Пока же фирма добивалась разрешения на

вывоз, проходило немало времени, в течение которого можно было оперативно проводить маркетинговую разработку рынков сбыта. Зарубежный потребитель тем временем находил более проработанные варианты, а если он соглашался на ожидание для получения разрешения на вывоз, то цены за этот период на требуемые виды товаров снижались. Тем более длительное хранение продукции на складах объединения не предусматривалось и приходилось искусственно сокращать её производство. По мнению директора внешнеторговой фирмы “Нижнекамскнефтехимэкспорт” Е.М. Коцаги, “... новые административные ограничители прямо нарушали основы хозяйственного расчёта”².

Проблемной оставалась и ситуация с валютными отчислениями. Изначально за проданную на экспорт продукцию предприятие-экспортёр получало валютные отчисления по утверждённым нормативам. И согласно первым правительственным постановлениям объединения предписывалось тратить свои валютные ресурсы на реконструкцию и модернизацию производств. Но последние постановления правительства СССР предусматривали также приобретение предприятиями за счёт собственной валюты сырья и других материалов, тогда как нормативы валютных отчислений оставались прежними. Сюда же прибавлялись суммы, которые предприятие-экспортёр обязывалось дополнительно отчислять в бюджет автономной республики и субпоставщикам. Таким образом, суммы валютных поступлений на объединения не покрывали их потребностей. Объединения были оснащены большим количеством импортного оборудования, нуждающегося в запчастях, но создавшаяся ситуация исключала возможность финансирования собственными средствами наращивания и модернизации закупленных по импорту производственных линий, выпускавших экспортную продукцию. Размеры валютных отчислений обсуждались в Госплане и профильных министерствах без дифференцированного учёта особенностей предприятий. При определении валютных нормативов было необходимо учитывать конкретное положение вещей и объективно оценивать потребности производителей экспортной продукции с учётом перспектив.

Был ещё один проблемный момент, о котором особо отметил директор фирмы в своём интервью корреспонденту газеты “Советская Татария” в июне 1989 года: “Сейчас много говорят о необходимости всестороннего обсуждения намечаемых мер по перестройке жизни страны. Нас, предприятий-экспортёров этот процесс не коснулся. А ведь мы могли бы кое-что посоветовать по усовершенствованию наших внешних связей. Что делается сейчас? Ошибки, допускаемые внешнеторговыми фирмами “наверху” учитываются, а достижения умалчиваются, Министерству внешнеэкономических связей и внешне-

экономической комиссии при Совете Министров СССР пора бы сделать объективный анализ не только наших промахов, но и успехов и не диктовать нам, а давать толковые рекомендации”³.

Присутствовали и другие проблемы и вопросы. Как правило, внешнеторговые организации, осуществлявшие экспортные и импортные операции, помимо непосредственной коммерческой работы с иностранными партнёрами производили большое количество вспомогательных операций, выполняемых функциональными подразделениями фирм. Это были такие операции как валютно-финансовые вопросы, бухгалтерские операции, вопросы конъюнктуры и цен, реклама и выставки, инженерно-технические вопросы, транспорт и страхование, юридические вопросы. Например, в штатном расписании фирмы “Нижнекамскнефтехимэкспорт” не были предусмотрены должности работников для выполнения такой важной работы, как валютно-финансовая и кредитно-ценовая. Следствием этого был тот факт, что фирма была лишена возможности самостоятельно выполнять такую основополагающую работу, как расчёт и согласование цен на экспортируемую продукцию, изучение конъюнктуры рынков по видам продукции, выбор предпочтительных видов валют, в которых оценивается товар и осуществляется платёж. И если валютно-ценовую работу ещё можно было проводить путём перераспределения нагрузок между работниками ВТФ и проведения соответствующего обучения, то с конъюнктурной работой дело обстояло сложнее. Проблема заключалась в том, что данная работа в Министерстве внешней торговли СССР выполнялась на базе большого количества разнообразной информации, получаемой из зарубежных источников (биржевые котировки, прейскуранты, сводки по ценам по группам товаров и так далее)⁴, а внешнеторговая фирма объединения доступа к такой информации не имела.

Существовавшая система обучения и повышения квалификации внешнеторговых работников определялась центром и предусматривала только очную форму обучения в Москве, что было неприемлемо для ВТФ, расположенных в других городах. Нереально было предположить, что фирмы на этапе своего становления смогут безболезненно лишиться на срок до трёх лет своих ведущих сотрудников, дублёров для которых не предусмотрено штатами⁵. Было очевидно, что требовалась какая-то новая, нетрадиционная, но обязательно заочная форма обучения без ограничения возрастного лимита, предусматривающая, тем не менее, определённую часть практического обучения и сдачи определённых зачётов или экзаменов. Также требовалась единая высокоэффективная и достаточно универсальная система обучения иностранным языкам. В исследуемый период в данном вопросе не было

единой системы, и внешнеторговые фирмы придумывали и разрабатывали собственные методы, которые были несовершенны хотя бы по причине отсутствия достаточного количества учебных пособий.

Также было чрезвычайно важно упростить и модернизировать систему планирования экспортных поставок. На тот момент предприятия получали напряжённый экспортный план, составляемый организациями Госплана СССР, Госснаба СССР, отраслевых министерств, но зачастую не учитывавший объективных возможностей и предложений самого предприятия⁶. Так, например, на 1987 год в ПО «Нижнекамскнефтехим» планировался экспорт большого количества окиси этилена без учёта специфики её перевозки, конъюнктуры рынка конкретного продукта и возможности транспортных организаций⁷. Поставки указанной продукции были даже теоретически невозможны.

На 1988 год объединению был запланирован экспорт каучука СКИ-3 на свободно конвертируемую валюту в количестве в пять раз превышающем план 1987 года, и который, в свою очередь, выполнялся с большим трудом из-за неблагоприятной конъюнктуры СКИ, имевшей устойчивую и прогрессирующую тенденцию к понижению. В то же время объединению был уменьшен план экспорта в социалистические страны на 4,5 тысяч тонн, то есть объединение волевым решением удалили с рынка, отличавшегося традиционной стабильностью и надёжностью⁸. Продукция, пользующаяся спросом на мировом рынке (например, стирол), или же не планировалась на экспорт вообще, или её поставки предельно регламентировались⁹. Возникал резонный вопрос: чем торговать? Как развивать уже сложившиеся связи, завоевывать новые рынки, зарабатывать валюту? Требовались определённые резервы для торговли по произвольной программе, в противном случае никакая предприимчивость в коммерции не была нужна, а ВТФ лишь являлись бы дублёрами сбытовых организаций. В таком случае сама идея внешнеэкономической активности губилась в корне. Особенно это касалось фирм таких структур как министерство нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности СССР, продукция которых в основном конкурентоспособна и творческая работа с которой весьма целесообразна.

Большие затруднения были связаны с транспортировкой продукции и хранением её в перевалочных пунктах. Необходимо было решение вопроса целевого выделения достаточного количества железнодорожных цистерн (включая алюминиевые и нержавеющей)¹⁰ и спецвагонов тем предприятиям, которые значительную часть своей продукции поставляли на экспорт. Серьёзный дефицит транспортировочной тары служил основной причиной срывов плановых экспортных поставок и сковывал возможность оперативного выхода на рынок с продук-

цией, получавшей благоприятную конъюнктуру или произведённую сверх плана за счёт экономии ресурсов.

В то же время был установлен стабильный процент отчислений валютных средств предприятию-экспортёру за поставленную на экспорт продукцию. Однако этот процент не учитывал объективных индивидуальных условий работы отдельных предприятий, таких как: необходимость использования импортных материалов, катализаторов, реагентов и тому подобных, не имевших отечественных аналогов; количество импортного оборудования, нуждающегося в модернизации, ремонте, обеспечении запчастями; уровень постановки научно-исследовательской работы, требующей определённых затрат и многое другое.

В результате сложилась ситуация, когда самая оптимистическая внешнеторговая деятельность при существовавшей системе отчислений была не в состоянии обеспечить даже жизнедеятельность предприятия, не говоря уже о его техническом, научном и социальном развитии. Имело место чётко прослеживаемое падение заинтересованности непосредственных производителей экспортной продукции в повышении её качества и увеличении количества из-за нереальности получения за это достаточной компенсации в виде запчастей, передовой техники и так далее.

В соответствии с существовавшим тогда порядком, стоимость товара, реализованного в результате бартерной сделки, не засчитывалась внешнеторговой фирме ни в экспортный, ни в валютный план. Такое решение было непонятным и нуждалось в пересмотре. Была также необходима разработка более благоприятной для промышленных предприятий системы привлечения государственных кредитов, предназначенных для финансирования крупных мероприятий по модернизации заводов или установок, производящих экспортную продукцию или сырьё для неё.

В процессе экспортной деятельности ВТФ очень часто имела заинтересованность в приглашении потенциальных покупателей для осмотра предприятия, знакомства с его базой и определения уровня стабильности и надёжности производств, выпускающих экспортную продукцию. Для серьёзного ведения этой работы было необходимо решить вопрос возможности получения иностранными партнёрами въездных виз в Советский Союз по заявкам внешнеторговых фирм предприятий. Была нужна разработка современной и дееспособной системы образования представительских фондов ВТФ, избавив от мелкой регламентации и упростив порядок отчётности и списания затраченных представительских средств¹¹.

Актуальным оставался вопрос создания единой и доступной полиграфической базы, где внешнеторговые фирмы объединений и предприятий могли бы печатать свои рекламно-информационные материалы с оплатой в рублях и гарантией хорошего качества. Также был необходим печатный орган, типа бюллетеня, где оперативно можно было бы помещать материалы нормативного и информационного плана, которые до этого момента публиковались бессистемно и большей частью не всегда доходили до коллективов объединений и фирм, которым они принадлежат¹². Очень болезненными оставались вопросы прикладного характера, например, вопросы обеспечения работников фирм республики гостиницами в Москве, куда необходимо было выезжать особенно на первоначальном, организационном этапе. Дело доходило до срыва запланированных мероприятий, проводившихся в Москве из-за невозможности предоставления им какой-либо гостиницы¹³.

Приведённые выше проблемы были характерны для большинства предприятий и фирм такого профиля и, поэтому требовалась разумная, хорошо просчитанная и последовательная система для нормального их функционирования.

Руководствами фирм был сделан ряд предложений по улучшению и совершенствованию внешнеэкономической деятельности производственных объединений и внешнеторговых фирм:

1) Было необходимо в корне менять существовавшее отношение к рекламной и выставочной работе, выделять для этой цели требуемые средства, определить систему, которой следовало придерживаться всем отечественным предприятиям.

2) Требовалось решить вопросы организации конъюнктурной и маркетинговой работы, обеспечения фирм необходимой информацией, нужной для определения базисной цены на экспортируемые товары, координации действий фирм, экспортирующих аналогичные товары во избежание возникновения конфликтных ситуаций между ними.

3) В скором времени нужно было завершить согласование взаимодействия с Внешторгбанком СССР и Госбанком СССР для упрощения процедуры расчётов и недопущения возникновения нарушений в этой принципиально новой и весьма ответственной работе.

4) Было актуально обеспечение в ближайшие сроки проведения единой технико-экономической политики, органично сочетающей технические возможности и перспективы развития объединений с расширением и углублением экспортной работы и научно-технического и производственного сотрудничества со странами-членами СЭВ, а также капиталистическими и развивающимися странами¹⁴.

По результатам же первых после образования лет функционирования внешнеторговых фирм на предприятиях республики можно сде-

лать вывод о том, что эффективная и полезная для объединений и всего хозяйственного комплекса в целом деятельность внешнеторговой фирмы промышленного предприятия – дело реальное и приносящее выгоду как в экономическом, так и в политическом плане, позволяя объектам и субъектам народного хозяйства республики выходить на новый, качественно более высокий уровень своего развития.

Примечания

¹ Снять ограничители // Советская Татария. – 1989. – 8 июня.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп.15. Д. 465. Л. 61.

⁵ Там же. Л. 62-63.

⁶ Там же. Л. 63.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 64.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 66.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 58-59.

Г.А. Никитина

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКИХ УДМУРТОВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

С самого начала российских трансформаций неясность целей и методов, непоследовательность и противоречивость их реализации непосредственным образом повлияли на стратегии социально-экономического поведения населения, стремящегося приспособиться к изменяющимся условиям жизни. Российский социум вынужден был менять привычные модели поведения в соответствии с новыми требованиями формирующейся институциональной среды, причем в условиях, когда скорость и масштабы реформ явно не соответствовали адаптационным возможностям большинства населения. Тем не менее, за годы реформ россияне мобилизовали достаточно широкий спектр адаптационных ресурсов и практик, используемых в сложившихся обстоятельствах, научное осмысление которых началось едва ли не параллельно с российскими трансформациями. Предприняты успешные попытки изучения, классификации и расчета адаптационных ресурсов, практик их реализации, механизмов воспроизводства стратегий приспособления к изменяющейся среде. По результатам исследований опубликованы авторские и коллективные монографии, статьи в журналах «ОНС», «СоцИС», «Вопросы экономики», «Психологический журнал», которые принадлежат в основном перу социологов, экономистов и психологов, рассматривающих социальный и психологический уровни адаптации человека в стрессогенных ситуациях, каковыми стали для россиян реалии трансформаций. География исследований варьируется в широких рамках: имеются труды, базирующиеся как на общероссийском, так и региональном материале (например, Нижегородская, Самарская, Новосибирская области, Карелия и др.).

В отечественной этнологии обозначенные выше проблемы пока не стали предметом специального научного интереса. Между тем, их разработка представляется актуальной не только в научно-познавательном, но и прикладном аспектах. В полиэтничной и поликонфессиональной России, в которой исторически сложились большие различия в потенциале, реальном социально-экономическом статусе и интересах различных субъектов, мы еще долго будем наблюдать противоречия во взглядах центра и регионов на перспективы развития страны. Как показывает опыт, основные рычаги структурирования со-

циальных отношений в регионах по-прежнему остаются у региональной власти. У нее же оказался сконцентрированным большой реформационный потенциал, поступательный момент которому придал, в том числе, и процесс регионализации.

«Этническое измерение» социально-экономических адаптационных ресурсов и практик населения в регионах необходимо, на мой взгляд, потому что этносы осуществляют свою жизнедеятельность в адекватной для них социальной среде, на всех уровнях которой идут разнообразные процессы, в том числе этнодемографические, этносоциальные, этнокультурные. Сегодня важно получить ответы на вопросы о «тональности» (позитивной, негативной) взаимосвязи российских трансформаций и «этнического ренессанса», угрозе (реальной или кажущейся) социально-экономических реформ этнокультурному плюрализму РФ, о вызовах, которые они несут этнокультурной динамике страны и т.д.

Таким образом, разработка проблем адаптации людей к меняющейся социально-экономической реальности на уровне конкретных регионов и этносов представляется оправданной и своевременной. В основу данной статьи легли полевые материалы автора, собранные в удмуртских деревнях УР в 2004–2005 гг., а также информация, почерпнутая из республиканских периодических печатных изданий за 2000–2005 гг. Автор ставит перед собой цель рассмотреть примеры адаптационных практик, наиболее характерные для сельских удмуртов.

Любая адаптационная практика а priori подразумевает наличие определенного комплекса ресурсов, без которых невозможны попытки приспособления к сложившейся институциональной среде. В публикациях отечественных авторов-обществоведов обычно выделяются индивидуальные и групповые, материальные и нематериальные, законные и нелегальные ресурсы, к которым прибегает российский социум в своих адаптационных поведенческих стратегиях. А последние, т.е. адаптационные практики, в свою очередь, подразделяются на публичные и приватные, успешные и безуспешные, единичные и типичные.

По своим адаптационным ресурсам и практикам удмуртское село сегодня едва ли радикально отличается от среднестатистической деревни нечерноземной полосы России. В критической ситуации адаптационным ресурсом человека могут стать его опыт занятий предпринимательством, социально-профессиональная принадлежность, возраст, место жительства (регион и тип поселения), состояние здоровья, мобильность психики, принадлежность к руководящему составу, уровень

образования, особенности трудовых мотиваций, пол и другое. А аренной, где эти ресурсы могут быть мобилизованы и апробированы, – различные рынки приложения труда, самозанятость, многозанятость и другие виды практик. Как правило, активным личностям резкое ухудшение «внешних» условий дает дополнительный импульс к поискам средств улучшения ситуации и, напротив, пассивные, патерналистски настроенные люди, не способные к самостоятельной мобилизации в борьбе с объективными трудностями, с высокой долей вероятности могут оказаться жертвами обстоятельств. Люди с высоким профессиональным статусом, образованием, с широкими сетевыми связями, имеющие хорошее здоровье, мобильную психику и индивидуальные достижительные мотивации, обычно оказываются в более выгодном положении, нежели лица, не обладающие такими ресурсами. Ресурсы традиционалистски настроенных сельских жителей, по всей вероятности, будут иметь более ограниченные рамки, нежели у жителей урбанизированной, модернизированной среды. Исследователь, поставивший себе целью изучить адаптационные ресурсы и практики, по видимому, должен иметь в виду и то, что при всех равных ресурсных возможностях они могут быть иначе использованы в практике людей различной этнической или конфессиональной принадлежности.

Исследование показало, что в условиях российских трансформаций выбор ресурсов сельскими удмуртами осуществлялся как на коллективном / групповом, так и приватном / семейном / индивидуальном уровне. При этом виды деятельности, направленной на жизнеобеспечение, варьируются в достаточно широких границах и реализуются, как правило, в комплексе. Труд в общественном производстве, занятие фермерством, различные виды несельскохозяйственной предпринимательской деятельности, временная / сезонная работа по найму, личное подсобное хозяйство, самозанятость, многозанятость, сетевые ресурсы, эпизодические «рейды» в рыночную экономику – это далеко не исчерпывающий перечень адаптационных практик, демонстрируемых современным сельским социумом.

Одним из наиболее крупных объектов приложения адаптационных практик селян являются «тяжеловесы» современной сельской экономики – сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК). На конец 2005 г. в аграрном секторе республики их насчитывалось 530¹. Как и в целом в России, будучи преемниками советских колхозов и совхозов, они выдержали несколько этапов преобразований и реорганизаций, неоднократно меняли (и до сих пор продолжают менять)

свой юридический статус². Часть СПК сменила организационно-правовую форму и перешла в статус закрытых или открытых акционерных обществ (ЗАО, ОАО), обществ с ограниченной ответственностью (ООО). При этом в большинстве реформируемых хозяйств частично сохранились специализация производства, костяк трудового коллектива, идеология трудовых отношений, ответственность за социальное развитие села³. Может быть, в силу этого крупные хозяйствующие субъекты, особенно СПК, в глазах сельских тружеников по-прежнему ассоциируются с колхозами. То же самое характерно и для руководителей районов: в общении все оперируют прежним понятием «колхоз»⁴.

В последние два-три года среди крупных хозяйствующих субъектов села, в первую очередь – слабых, «лежачих» – процессы перехода от СПК в ООО, ОАО, ЗАО заметно активизировались. Так, в 2005 г., по сравнению с 2004 г., число ООО в республике увеличилось почти в два раза (62 и 121 соответственно)⁵. Смена организационно-правовых форм на местах происходит при поддержке, а то и под давлением руководителей районов. Видимые последствия мер по «спасению» хозяйств не однозначны, а в среднесрочной перспективе – проблематичны, по крайней мере, для сельского социума, который в данном процессе выступает только в качестве объекта реформирования и оказывается в весьма уязвимом положении. Особенно наглядно это проявляется в практике сокращения рабочих рук: новые хозяева (обычно – приезжие из города или районного центра) освобождаются от «балласта» – рабочих, злоупотребляющих спиртным, не соблюдающих трудовую дисциплину, имеющих низкую квалификацию, пенсионеров и т.п.

Почти каждое третье крупное производственное хозяйство (далее – «крупхоз») Удмуртии – убыточно⁶, и потому даже с натяжкой не может быть названо гарантом достойной жизни селян. В успешных сельхозпредприятиях, сумевших минимизировать риски и сохранить рентабельное производство, рабочие места, продолжающих оказывать социальные услуги населению, имеются свои риски и проблемы. Например, велика угроза того, что запас финансовой прочности может быть исчерпан, причем зачастую по причинам, не зависящим от самих хозяйств. Усугубляющаяся ситуация на сельских рынках труда, сужение «поля» социальных услуг (особенно безвозмездных), низкая заработная плата, тяжелые условия труда и другие негативные факторы также снижают привлекательность «крупхозов» как незыблемых защитников и покровителей в глазах сельских тружеников. Тем не менее,

преобладающая часть сельских тружеников не спешит порывать с «крупхозом», можно сказать – держится за него до «последнего». Повидимому, данное поведение, прежде всего, объясняется тем, что здесь им гарантируется трудовая занятость и минимальная заработная плата. Кроме того, в пользование дворохозяйств выделены сенокосные участки, трава с которых убирается или своими силами, или с помощью колхоза (скашивание, подвоз до усадьбы). Колхозник всегда может обратиться в правление за помощью в технике, строительном материале, фуражном зерне и при этом рассчитывать на определенные льготы и скидки. В необходимых случаях вполне реально получение помощи и консультации от сельских специалистов (например, ветеринара, агронома). Дети колхозников посещают дошкольные учреждения (по возможности – за минимальную оплату). Как правило, руководство успешных, экономически состоятельных крупхозов берет на себя добровольное обязательство по обеспечению дошкольных и школьных учреждений продуктами питания (хлеб, мясо, молоко, масло и др.) по льготным ценам или даже бесплатно, иногда оказывает единовременную помощь многодетным семьям, пенсионерам. Это то не малое и не последнее, чем может сегодня поддержать общественное хозяйство своих членов. Даже то, что мы в деревне не видим нищих и бездомных, брошенных сирот и стариков – заслуга не только конкретных людей или семей, но и руководителей хозяйств.

Наиболее сильную «привязанность» к крупным производственным коллективам проявляют, похоже, удмурты. Даже из слабых, как выразился один из руководителей района – «вшивых» колхозов, удмурты «разбегаются» последними. На вопрос, «почему так происходит?», сами же удмурты обычно отвечали: «наивны, нет больших претензий. Только «пашем» и «пашем», «у удмурта ум запаздывает, и несмелые мы, это и держит», «не можем отстаивать свою точку зрения. Нам сказали, надо сделать – мы и идем, хотя иногда надо бы подумать, а надо ли так делать. Привыкли делать, что скажут. Но что важно – мы надежно работаем», «удмурты к земле привязаны, а почему это так, не задумывался»⁷.

К сожалению, баланс интересов крупных предприятий, с одной стороны, и сельских тружеников, с другой, – сегодня достаточно хрупок, и поэтому значительная часть крестьян предпочитает вкладывать основные свои усилия не в «крупхоз» (даже если остается в его пространстве институционально), а в личное дворохозяйство. Исследования показали, что чем ниже уровень социально-экономического разви-

тия СПК, тем большую роль в выживании семей имеет личное подсобное хозяйство (ЛПХ)⁸. Сегодня ЛПХ можно рассматривать уже не столько как потребительскую, а в основном как производственную единицу, функционирующую по законам семейной экономики. Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание обычной жизнедеятельности, использование при этом всех доступных ресурсов, которые помогают сохранить материальный и социальный статус. Любопытно, что включение в неформальную экономику становится стратегией самозащиты, основной адаптационной практикой не только для тружеников-земледельцев, но и сельской интеллигенции, в результате чего происходит ее «окрестьянивание».

Происходит изменение сути адаптационных процессов – от приспособления к изменившимся условиям к постепенному включению в рыночные отношения. К примеру, для реализации продукции подсобного хозяйства сельчане ищут наиболее выгодные каналы сбыта: в районном центре, в близлежащих городах, договариваются с перекупщиками, совершают бартерные сделки с заезжими торговцами. Особенность такого рода адаптации в том, что она носит ограниченный характер и по-прежнему содействует скорее выживанию, чем развитию. За счет реализации продуктов домашнего хозяйства (огородничества, животноводства, ремесел, промыслов) строят новые дома, приобретают необходимое по хозяйству, учат детей. Хотя все считают, что усилия не оправдывают ожиданий.

Вынужденная натурально-потребительская ориентация в хозяйственной деятельности семьи приводит к появлению психологического типа селянина с выраженным эгоцентризмом, склонного полагаться на самого себя и домочадцев. Каждое отдельно взятое дворохозяйство борется за свое жизнеобеспечение своими силами. Подобная ситуация отчуждает дворы друг от друга, замыкает их в рамках семейных коллективов, ослабляя традиционную деревенскую открытость и солидарность. Хотя, и об этом не стоит забывать, индивидуализм современного селянина пока рано называть индивидуализмом буржуазного типа: ни жесточайшего утилитарного аскетизма, ни самоограничения во имя максимального накопления сбережений или действенного предпринимательского духа пока в деревне не ощущается.

Взаимоотношения семейных хозяйств с «крупхозами» носят симбиотический характер, более или менее удовлетворяющий обе стороны. Дворы заинтересованы в получении разных видов услуг и помощи от крупного хозяйства, которое, в свою очередь, в меру своих возмож-

ностей продолжает их оказывать, руководствуясь представлением о социальной ответственности.

В аграрном секторе Удмуртии личные домохозяйства представляют динамично развивающийся и мобильный слой субъектов хозяйствования. Они надежно занимают нишу мелкотоварного сельхозпроизводства, по словам руководителя Удмуртпотребсоюза Р. Каримова, в 2005 г. 60% полученной сельскохозяйственной продукции (мяса, молока, овощей) произведено в ЛПХ и фермерских хозяйствах Удмуртии.

Принимая «рыночные условия игры», удмуртские земледельцы (и не только они, но и сельская интеллигенция), в своих практиках адаптации прибегают к испытанному, привычному и надежному ресурсу – труду. Все наши собеседники, в том числе не только удмурты, с непоколебимым убеждением заявляли, что в трудолюбии равных удмуртам нет. Руководители СПК также почти единодушно высказывались, что представителям этого народа присущи такие качества как «соревновательность, нежелание быть хуже других, стремление угнаться за более сильными, крепкими хозяйствами». По-моему, в пользу этого мнения говорит и то, что наиболее сильные хозяйства республики – «Чутырский» Игринского, «Молодая гвардия», «Решительный» – Алнашского, «Родина» – Граховского, «Россия» – Можгинского, СХПК им. Мичурина, «Колос», «Удмуртия» – Вавожского районов и др. – действительно являются «удмуртскими» как по составу рабочих, так и их руководителей.

Сокращение удельного веса социальных благ, получаемых легально (законно), общее снижение уровня жизни, другие негативные факторы постсоветских трансформаций привели к расширению на селе криминальных или полукриминальных способов добывания ресурсов. Участилось обращение селян к более примитивным или незаконным средствам существования. Местное руководство вынуждено «закрывать глаза» на откровенное изъятие кормов, топлива, запасных частей к технике и др. – всего, что может быть использовано в личном подсобном хозяйстве. Происходит неформально узаконенная комбинация колхозной экономики с экономикой крестьянского двора. По словам одного из представителей местной власти, из хозяйства тащат по мелочи (где-то без спроса, по взаимной договоренности с конюхом, механизатором, воспользуются лошадей, трактором; горсть зерна, охапку сена, соломы унесут, колхозную траву скосят и пр.).

О расширении сферы добычи жизненных средств нелегитимными способами открыто говорят и сами сельчане.

В молчаливой борьбе субъектов крестьянского сообщества наиболее мобильным и инициативным выглядит, конечно, крестьянский двор. Стремясь выжить, сельчане стараются больше не отягощать себя прежними идеями о «родном колхозе», о работе на общую, коллективную пользу. Назвать криминальную или полукриминальную добычу социальных благ обретением новейшего времени, на мой взгляд, нельзя. Просто в последние годы амбивалентность поведения сельского социума стала почти нормой, правилом поведения как реакция на неадекватную по отношению к нему политику постсоветской власти.

Достаточно серьезной ареной адаптационных практик удмуртских тружеников стало занятие фермерством. Фермерский сектор УР начал складываться в 1990-е гг. и интенсивно расширялся до 1994 г. В последующие годы, особенно начиная с 1997 г., характерной тенденцией становится процесс ликвидации хозяйств. По словам председателя ассоциации фермеров Удмуртии С.Н. Данилова (2004 г.), с момента начала фермерского движения в Удмуртии его ряды покинули более 2 тыс. хозяйств, не выдержавших процесс естественного отбора. На сегодняшний день в республике насчитывается около 3360 фермерских хозяйств⁹. В целом, фигура фермера в деревне стала узнаваемой, но оснований говорить о том, что фермерский уклад стал (или в ближайшей перспективе станет) ведущим в сельском хозяйстве республики, нет. Мотивация социально-экономического поведения сельчан слабо вбирает в себя категории рыночного хозяйства. Беседы с тружениками села, особенно удмуртской национальности, наводят на мысль, что они предпочли бы скромный, но гарантированный доход, нежели возможность получать более высокую прибыль, но при этом экономически рисковать. Численно в общей массе «вольных хозяев» фермеры-удмурты, пожалуй, даже доминируют, но объяснение этому кроется не в либеральной их ориентации, а в более прозаичной статистике: удмурты составляют более 53% сельского населения Удмуртии.

На сегодняшний день в республике имеются отдельные фермерские хозяйства, крепко стоящие на ногах, сосредоточивающие в руках до 1 и более тыс. га земель, но преобладающая часть фермеров не в силах приобрести даже необходимую технику. Производство и реализация продукции в большинстве фермерских и крестьянских хозяйств осуществляется в рамках натурального обмена, распространены формы неэкономического взаимодействия хозяйств. Многие хозяйства функционируют в режиме самообеспечения, что свидетельствует о доминировании стратегий выживания, а не развития. Как и в целом по стране,

эволюционно в более благоприятных условиях оказались фермерские хозяйства первой волны, так называемые «долгожители», сумевшие получить кредиты до тотальной инфляции, размер которых был адекватен стоимости приобретенной техники¹⁰. В целом, из общего фонда земель сельскохозяйственного назначения на фермерские хозяйства в начале 2000 г. приходилось 70,8 тыс. га угодий (4,2%), к концу 2003 г. – 75,5 тыс. га, в том числе 66 тыс. га пашни, что составляло 4,6% всей пахотной земли республики¹¹. При вялой динамике роста численности фермерских хозяйств увеличение площади земель в их владении (тоже, впрочем, очень небольшое) свидетельствует, по-видимому, о том, что растут участки только малой доли реальных фермеров, и в целом внутри фермерского сообщества происходит концентрация земель, поляризация хозяйств. Средний размер фермерского хозяйства в республике составляет чуть больше 22 га. Как говорят сами хозяева, «обрабатывать и ждать отдачи от пяти га в нашей климатической зоне все равно, что поросенка стричь: визгу много, шерсти мало»¹².

Доля фермерских хозяйств в общем объеме валовой продукции сельского хозяйства республики сравнительно невелика. По данным Госкомстата, в начале 2000 г. 35% молока, 51% мяса, 95% картофеля и овощей производилось в личных подворьях и крестьянских (фермерских) хозяйствах, но вычислить «чистую» долю продукции фермеров практически невозможно. Фермеры скрывают и свою выручку, и размеры посевных площадей, и объемы полученной продукции. Таким образом, за прошедшие десять с лишним лет фермеризация республики в сколько-нибудь заметных масштабах не состоялась. Стать фермерству равноценным укладом в сельскохозяйственной отрасли Удмуртии помешали, по-видимому, те же проблемы, с которыми сталкивается и коллективный сектор. Однако в своем становлении и развитии фермерам приходится решать и сугубо специфические для них проблемы (например, получение полноценных земельных наделов и кредита, дефицит рабочей силы, повышение квалификации, подготовка молодых кадров фермеров, отсутствие информационных коммуникаций).

Взаимоотношения фермеров с «крупхозами», пройдя период явного или скрытого противостояния, буквально в последние годы приняли относительно устойчивый партнерский характер, не исключая, впрочем, элементов соперничества и конкуренции (например, на рынке рабочей силы, в сфере мотивации качественного труда).

Отношение сельского сообщества к «вольным» хозяевам» тоже склонилось в позитивную сторону. Страхи селян, связанные с перспек-

тивной сосуществования в едином сельском пространстве с «новыми» кулаками» (и даже – «врагами народа»), почти потеряли свою актуальность¹³. В большинстве случаев фигура фермера сегодня ассоциируется с работодателем, регулярно выплачивающим достойное, по сельским меркам, денежное вознаграждение за труд, поддерживающим социальную инфраструктуру села, оказывающим спонсорскую помощь учреждениям образования, культуры, малообеспеченным семьям.

В число адаптационных практик сельских жителей можно также включить занятие предпринимательской деятельностью, не связанной с сельскохозяйственным производством. Сегодня во многих крупных деревнях, селах, районных центрах можно увидеть небольшие магазинчики, в которых реализуются продукты питания и иные товары, пользующиеся спросом у сельских тружеников. Данную практику приспособления к изменениям во внешней среде нельзя назвать распространенной. Она обычно мобилизуется татарами, русскими и совсем редко – удмуртами. В удмуртских деревнях занятие торговлей обычно практикуется фермерами как дополнение к основному виду деятельности – фермерству. В некоторых селениях встречается вид деятельности, связанный с оказанием бытовых услуг (ремонт обуви, пошив одежды, закупка сырья), но практически для всех авторов подобная практика является сопутствующей, дополнительной к основной трудовой занятости в рамках «крупхоза», бюджетной организации, ЛПХ или фермерства.

Одним из последствий формирования рыночных отношений стало появление на селе сегмента «наемной работы» / батрачества. Часть безработных селян, как правило, имеющих низкий социальный, профессиональный статус, приспособилась жить за счет поденной работы у пенсионеров, фермеров, в хозяйствах преуспевающих односельчан. Почти привычной стала картина, когда здоровые, трудоспособного возраста мужчины (часто с криминальным прошлым), не обзаведясь семьей, предпочитают паразитировать на престарелых родителях, обычно – матерях, лишь изредка пристраиваясь на временные, сезонные работы. По словам руководителей хозяйств, селян, это самый тяжелый нравственный «крест» современной деревни, главный источник пьянства, воровства, насилия¹⁴.

Функционирует в сельской экономике и так называемый сектор «самозанятости», акторы которого не зарегистрированы в статусе фермеров, не являются членами «крупхоза», но их хозяйства нельзя назвать и традиционными подсобными: в данном случае личное хозяйст-

во становится основным источником доходов. Обычно «самозанятые» хозяйства имеют расширенные размеры (по площади земли или количеству скота) и работают по бизнес-плану, под которые получают определенные кредиты, т.е. на них распространены определенные меры государственной поддержки, как и на других сельхозтоваропроизводителей.

В попытках создания условий для выживания сельское сообщество достаточно активно мобилизует разветвленную сеть родственной и соседской взаимопомощи, дружеской поддержки. В современной деревне нехватка рабочих мест, предопределяющая труд на личном подворье как обязательное условие существования, сильнее всего бьет по молодым, экономически неокрепшим семьям. В результате складывается ситуация, когда родители вынуждены «тянуть на себе» хозяйства детей. Более того, теперь характер межпоколенной взаимопомощи приобрел новые черты – родители-пенсионеры стали источником не только продовольственных, но и денежных поступлений. Денежные ссуды от родителей чаще всего носят безвозмездный характер, «расплачиваются» взрослые дети услугами, например, работой на родительском огороде, заготовкой кормов для скота.

К соседям обычно обращаются при осуществлении каждодневной хозяйственно-бытовой деятельности: обмен различными вещами, услугами, мелким сельхозинвентарем. В качестве примера можно привести случаи одалживания продуктов питания (хлеба, песка и др.); обмена рассадой, семенами; присматривания за огородом, домом, скотиной в недолгое отсутствие хозяев. К помощи соседей прибегают при некоторых видах работ (посадка картофеля, ремонт колодца и др.), при необходимости обращаются за небольшими денежными ссудами – «до пенсии», «до полочки». По словам одной из собеседниц, «если односельчане обращаются к нам за техникой для вспашки огорода, мы не отказываем. Сын пашет бесплатно. Как деньги со своих брать, они же тоже нам помогают. Мы и картофель садим сообща. Звать никого не надо, сами приходят. Привезем сено, поднимать на сеновал тоже помогают»¹⁵.

К друзьям обращаются при совершении обрядов, кооперировании трудовых усилий, за деньгами, за советом. Взаимопомощь и взаимовыручка, коллективное проведение праздников, установление связей свойства особенно характерно для молодых сельских семей. Конечно, определенная эрозия традиционных этических норм уже произошла и продолжает углубляться. Так, ощущается переоценка в отношении к

неимушим, немощным старикам. Если раньше удмуртская деревня однозначно отрицательно относилась к детям, не желающим призреть своих престарелых родителей, то сегодня чувствуется некоторая индифферентность общественного мнения к этой проблеме. Она стала «частной» и решать ее, по-видимому, каждый вправе по своему усмотрению.

В последние годы современному сельскому образу жизни стали присущи несвойственные или мало распространенные прежде негативные черты, угрожающие социальной целостности и органичности деревенского общежития. В беседах то и дело заходила речь о неизбежной поляризации деревенских жителей: в зависимости от индивидуальной активности, профессионализма, возраста, финансовой состоятельности, людности семейств. Наряду с крепкими хозяйствами («успешно адаптировавшимися»), есть дворы (и их немало), балансирующие на грани бедности. В проигрыше, как правило, оказываются одинокие пенсионеры, семьи с пьющими мужьями (неполноценный хозяин), многодетные, люди с малым социальным и культурным капиталом (в первую очередь – без образования). Поляризация, естественно, актуализирует чувство неприязни и осуждения, замешанное на зависти по отношению к «преуспевающим».

Социальным бичом деревни стала ее алкоголизация. Степень интенсивности патологии связана с состоянием предприятий на месте проживания: там, где они влачат жалкое существование, алкоголизм распространен больше всего, но в общем и целом, злоупотребление спиртным становится достаточно типичным явлением для сельского общества. Как высказался один из собеседников, «в последние годы пить стали много. Даже молодые пьют. В сельской местности самогон – «конвертируемая валюта»: между собой за все расплачиваются самогоном». Простейшая самооценка жителей наводит на мысль, что преобладающая их часть склонна объяснить причину бедности именно пьянством. Крайне опасной становится алкоголизация женщин и молодежи. К примеру, в Алнашском районе еще 10 лет назад в наркологическом отделении районной больницы на учете стояли 17 женщин, в начале 2004 г. их численность превышала уже 80 человек. По словам местного врача-нарколога, чтобы получить близкую к реальной картину, цифру нужно увеличить как минимум в 10 раз¹⁶.

Близость к городу, районному центру, к перерабатывающим, нефтедобывающим предприятиям, железнодорожным станциям позволяет сельским жителям мобилизовать ресурс, реализуемый в практике «маятниковой» трудовой занятости «на стороне», вне постоянного места

жительства. На промышленных предприятиях обычно работают главы семей, молодые неженатые мужчины, не желающие оставаться в пространстве коллективного хозяйства в первую очередь из-за низкой оплаты труда. Среди женщин подобная адаптационная практика в основном характерна для тех, кто имеет образование в области здравоохранения, образования, торговли, оказания бытовых услуг. В связи с оптимизацией бюджетных организаций (закрытие ФАПов, дошкольных учреждений и школ, сельских клубов) масштабы подобной трудоустроенности среди сельских жителей в перспективе, по-видимому, расширятся¹⁷.

Наконец, в число ресурсов выживания селян можно включить государственные социальные гарантии (пенсии, детские пособия и др.), денежные отчисления из органов службы занятости для людей, зарегистрированных в статусе безработного, а также некоторые республиканские программы, реализующиеся в Удмуртии. В ходе бесед сложилось впечатление, что наиболее привлекательными для селян являются программы, направленные на поддержку строительства индивидуального жилья, особенно для молодых семей.

В целом, можно сделать вывод о том, что современному удмуртскому селу присущ ранний этап спонтанного приспособления к изменившимся условиям. Адаптация происходит двумя основными способами: предпринимаются попытки, традиционные по форме, с элементами нового содержания, или, напротив, наблюдается традиционалистское использование новых форм. Повсеместно доминирует установка на тяжелый и усердный труд. Как земледельцы, так и работники умственного труда в своей хозяйственной (и социальной) деятельности руководствуются «этикой существования», ориентированной не на прибыль, а на обеспечение более или менее удовлетворительного уровня жизни.

Традиционализм, здоровый крестьянский консерватизм (нежелание рисковать, осторожное отношение к новшествам), перманентное недоверие к власти как таковой, некоторые другие нюансы сельской ментальности вносят коррективы в адаптационные практики сельского социума. Деревенский житель, убедившись, что в условиях трансформаций практически оказался один на один со своими проблемами, в меру возможностей постарался избавиться от патерналистских иллюзий, стал рассчитывать в первую очередь на себя и основные усилия сосредоточил на личном подворье, которое в результате превратилось в довольно сильного «игрока» сельской экономики. При всем том, сельский труженик не стал спешить и с добровольным разрывом отношений с крупным товаропроизводителем, видя в нем не только источник некоторых ресурсов, но и арену приложения своих адаптацион-

ных практик. Одним словом, современный крестьянин традиционно продолжает действовать как человек «комплексный». В своих адаптационных практиках он сочетает труд в СПК и ЛПХ, не пренебрегает при этом сетевыми ресурсами, криминальными и полукриминальными способами добычи средств к существованию, а также эпизодическими «рейдами в рынок» для сбыта продукции, полученной в ЛПХ. Такое же комплексное сочетание адаптационных ресурсов и практик демонстрируют работники бюджетной сферы села. При этом, в отличие от городской многозанятости, комплексный труд сельского жителя не всегда оплачивается институционально, и количество труда не всегда ограничивается законом.

Сельский (социальный) менталитет во многом определяет особенности выбора стратегий, позволяющих выживать за счет проверенных, привычных и более надежных, с точки зрения сельчан, ресурсов – самозащиты, натурализации, в чем-то даже примитивизации. Данный выбор позволяет выживать, но редко – развиваться, тормозит интегрирование социума в процессы либерализации производственной жизни и отношений. Селяне демонстрируют витальность, упорство и упрямство, пластичность, но при этом основная логика их выживания связана с традиционализмом.

Попытки выхода за рамки крестьянского традиционализма наиболее успешны у фермеров, которые в своей производственной деятельности больше руководствуются рыночными интересами и нацелены на получение прибыли. По сравнению с основной массой селян, многие (потенциальные) фермеры изначально обладали большими адаптационными ресурсами, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что рекрутирование слоя сельских предпринимателей шло в первую очередь из рядов руководителей и специалистов разваливающихся / разваливаемых хозяйств. Они в массе своей имели высокий социально-профессиональный статус, образование, опыт организаторской работы, широкие сетевые связи (не ограничивающиеся, как у остальных, только родственными и соседскими связями), первоначальные накопления. В конце концов, у них был доступ к административному ресурсу, которым они не преминули воспользоваться, чтобы раскупать по заниженным ценам бывшую колхозную технику. Таким образом, круг лиц, претендующих на успешную реализацию адаптационной практики в виде занятия фермерством, был не настолько широким, чтобы произошла фермеризация республики. Она в принципе не могла состояться, т.к. фермером может стать далеко не каждый. Для этого необходим комплекс знаний (экономических, юридических, технических, технологических, биологических и т.д.), нужны соответствующий опыт ра-

боты, врожденные качества предпринимателя и хозяина, а мировой опыт свидетельствует, что таких людей – не более 4–5 % от всего самодостаточного сельского населения.

В настоящее время среди реально действующих фермерских хозяйств можно выделить три типа: фермеры-энтузиасты, движимые идеей преобразования земли вопреки экономической целесообразности; умельцы, обеспечивающие свое хозяйство техникой, собранной своими руками при незначительных расходах; фермеры, активно поддерживаемые республиканскими или местными властями¹⁸. Судя по полевым материалам, в республике представлены все три типа предпринимателей, но в ряды крупных фермеров-«долгожителей» в основном входят те, кто имеет поддержку «сверху» и потому может позволить себе относительно крупное по республиканским меркам товарное производство. Среди таковых удмуртов – единицы.

Имеющийся в распоряжении автора материал пока не позволяет достаточно уверенно ответить на вопрос, как повлиял (и повлиял ли вообще) этнический (национальный) характер удмуртов на их адаптационные практики и стратегии использования ресурсов. Эта проблема требует специального исследования. Здесь же ограничимся осторожным суждением, что специфика ментальности все же сыграла свою роль. Кажется, присущие большинству удмуртов качества – неверие в собственные силы, терпеливость, скромность, замкнутость, склонность к мимикрии, нежеле к активному действию, социальная апатия, этнический нигилизм, уход в пассивные формы протеста (алкоголизм, суицид) – вольно / невольно ограничили их психологическую и социальную мобильность, а тем самым – и их инициативность, и возможности активного участия «в рынке». Преобладающее большинство удмуртов пока предпочли остаться в привычном пространстве коллективного хозяйства, сочетая работу в нем с жесточайшей самоэксплуатацией в семейном хозяйстве.

Трудности экономического, социального, нравственного, психологического характера продолжают плотным кольцом окружать деревню. Она научилась жить с ними, при этом значительно утратила социальный оптимизм, но не отказалась от попыток преодолеть деструкцию и приспособиться к сложившейся ситуации.

Примечания

¹ Статистические данные, полученные из Министерства сельского хозяйства УР.

² Фадеева О.П. Многоукладная экономика сибирского села: выбор между социальной стабильностью и экономической эффективностью // Перемены в сельской России. 1991–2003: оценки, подходы, методы. Петрозаводск, 2005. С. 89.

³ Там же.

⁴ Полевые материалы автора, собранные в 2004–2005 гг. в Игринском, Алнашском, Граховском, Можгинском, Балезинском, Юкаменском районах Удмуртии // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ, оп. 2-Н, д. 1331, л 66.

⁵ Статистические данные, полученные из Министерства сельского хозяйства УР.

⁶ Статистические данные, полученные из Министерства сельского хозяйства УР.

⁷ Полевые материалы автора, собранные в 2004–2005 гг. в Игринском, Алнашском, Граховском, Можгинском, Балезинском, Юкаменском районах Удмуртии // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ, оп. 2-Н, д. 1331, л 66.

⁸ Там же.

⁹ Статистические данные, полученные из Министерства сельского хозяйства УР.

¹⁰ Морозова Т.В. Современный социально-экономический потенциал и перспективы развития сельских сообществ приграничного северного российского региона // Перемены в сельской России. 1991–2003: оценки, подходы, методы. С. 61.

¹¹ Статистические данные, полученные из Министерства сельского хозяйства УР.

¹² Полевые материалы автора, собранные в 2004–2005 гг. в Игринском, Алнашском, Граховском, Можгинском, Балезинском, Юкаменском районах Удмуртии // НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ, оп. 2-Н, д. 1331, л 66.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Морозова Т.В. Современный социально-экономический потенциал и перспективы развития сельских сообществ приграничного северного российского региона // Там же.

Г.А. Куршева

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ 1930-х гг. И РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Модернизацию можно охарактеризовать как процесс, посредством которого традиционные, аграрные общества трансформируются в индустриальные. Данный переход приводит к появлению и развитию индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими. Модернизационный переход редко протекает спокойно и равномерно; он оказывает воздействие на все социальные институты, всех членов общества. Модернизация сопровождается расширяющейся дифференциацией экономической, организационной, политической и культурной сфер¹.

Особо стоит вопрос о российской модернизации, ее специфических чертах, повлиявших на характер, пределы и содержание модернизационных процессов. Исследователи подчеркивают особую роль государства в проведении модернизации в России, пишут об имперской модели, существовавшей под иными лозунгами и в период Советского Союза. При этом модернизация выступала как коренная ломка всего социального и культурного уклада, как процесс, потрясший все основы жизни. Так писал об этом А.Г. Вишневский, охарактеризовавший модернизацию советского периода как всеохватывающую революцию, обеспечивавшую какое-то время быстрые и довольно эффективные технические и другие инструментальные перемены за счет консервирования многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства². В.А. Красильщиков подчеркивал противоречивый характер советской модернизации. С одной стороны, советское государство заимствовало западный опыт, к которому следует относить тейлоризм в экономике, впоследствии выродившийся в простое «выжимание пота», общедемократические принципы, значительная часть которых так и осталась простой декларацией, модель национально-государственного строительства. С другой стороны, коммунисты «решили подчинить абсолютное господство функции (управления, контроля и т.д.)... задаче лишения всех и вся какой-либо реальной собственности»³. При этом большевистская модернизация осуществлялась как «модернизация мобилизационная, с опорой на широкие массы»⁴.

Модернизация, проводившаяся в СССР в 1930-е гг., породила принципиально иное отношение к системе образования, существенно трансформировав образовательную политику в регионах, прежде всего национальных. Мордовия может выступать в данном случае достаточно типичным примером. Если в первые годы советской власти образовательная политика была призвана сделать из представителей мордовского народа союзников новой власти, то в 1930-е гг. она была направлена на его превращение в активного участника социалистического строительства, под лозунгами которого и осуществлялась модернизация.

Первостепенное внимание в 1930-е гг. уделялось преодолению неграмотности. 18 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О завершении ликвидации неграмотности среди трудящихся в возрасте от 16 до 50 лет», в котором были отмечены некоторые успехи, но главным образом жестко указывалось на существующие недостатки в деле ликвидации неграмотности. В соответствии с этими установками в Мордовии провели республиканские совещания культурно-просветительских работников, собрание рабочих и служащих предприятий, учреждений, совхозов, МТС с повесткой дня о ликвидации неграмотности. Повсеместно проводился учет неграмотных, определялось количество культармейцев для этой работы, помещений для занятий, обеспеченность учебными принадлежностями. Был утвержден план, согласно которому завершение к ликвидации неграмотности и малограмотности в республике было намечено к концу 1937 г. На решение этой задачи было ассигновано 553,6 тыс. рублей и в школах неграмотных и малограмотных увеличили на 253 человека количество работников различных категорий.

Вместе с тем необходимо признать, что в процессе ликвидации неграмотности и малограмотности Мордовия отставала и в темпах, и в результатах от средних показателей по РСФСР. Так, Н.К. Крупская – заместитель наркома просвещения РСФСР – в своем письме первому секретарю Мордовского обкома ВКП(б) И.А. Кузнецову и председателю Совнаркома МАССР В.В. Верендякину отмечала, что в республике срывался последний срок завершения ликвидации неграмотных и малограмотных – 1 мая 1939 г. Среди причин этого срыва Н.К. Крупская указывала на слабую работу Наркомпроса, районо; отсутствие со стороны райкомов партии и РИКов необходимого внимания к этому участку работы.

В октябре 1940 г. был издан приказ Министерства НКП РСФСР «О мероприятиях по ликвидации неграмотности и малограмотности в Мордовской АССР», который обсуждался в каждом культурно-просветительном учреждении. Работники изб-читален, библиотек и клубов брали на себя конкретные обязательства по обучению неграмотных. В Саранске было проведено совещание интеллигенции, принявшее обращение ко всей интеллигенции Мордовии и вызвавшее на соревнование интеллигенцию Рузаевки. В некоторых районах республики (Атяшевский, Zubovo-Полянский и Инсарский) дело снова пошло вперед, однако во многих районах к проблеме ликвидации неграмотности опять отнеслись формально. Так, в Дубенском районе было учтено 1994 неграмотных и малограмотных, а обучалось только 334, в Торбеевском районе соответственно 4305 и 803.

Состояние общеобразовательной школы Мордовия в 1930-е гг. было весьма тяжелым. Особая напряженность обозначилась в наболевшей проблеме со школьными помещениями. Даже в Саранске – столице республики – в 1937/38 учебном году необходимо было срочно заменить ряд школьных зданий, совершенно непригодных к дальнейшему использованию. Причем одна из школ в промышленном районе Саранска размещалась в бывшей конюшне пригородного совхоза. Между тем Госплан РСФСР планировал в 1938 г. строительство всего одной школы в Саранске на 400 мест и одной сельской школы на 400 мест, общей площадью на 8,0 т.м.². Партийное и советское руководство Мордовии сообщало секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву и председателю СНК РСФСР Н.А. Булганину, что это крайне недостаточно. В Саранске срочно необходимо строить несколько школ общей площадью в 20,0 т.м.², в сельской местности в 201,6 т.м.². Обком ВКП(б) и СНК Мордовской АССР так же сообщали в Москву, что школы республики недопустимо перегружены. В Саранске на один класс приходится до 53 учеников. В Рузаевке всего 5 школ и все они работают в 2 смены. Из общего контингента учащихся Мордовии в 221,2 тыс. человек, 36,4 тыс. занимаются во вторую смену. В заключение ставился вопрос о значительных дополнительных ассигнованиях Мордовии, отмечалось, что Мордовский обком ВКП(б) и СНК Мордовской АССР настаивают на этом⁵. Это была достаточно рискованная и несколько дерзкая постановка вопроса, т.к. в стране и в Мордовии нарастала волна репрессий, в ходе которых нетерпимо относились к тем, кто «настаивает». Кроме того, бюджет на народное просвещение и так неуклонно рос. В 1929 г. он составил 4648,7 тыс. руб.; 1933 г. –

16250,8 тыс. руб.; 1934 г. – 23193,8 тыс. руб.; 1935 г. – 31930,4 тыс. руб.; 1936 г. – 50443,9 тыс. руб.; 1937 г. – 61753,3 тыс. руб.; 1938 г. – 73474,5 тыс. руб.; а в 1939 г. достиг 82220,3 тыс. руб.⁶, т.е. за десятилетие вырос в 17,6 раз, это при учете, что республика относилась к числу дотационных.

Развитие сети школьных учреждений в Мордовии в 1930-е гг. позволяет представить табл. 1.

Таблица 1

*Сеть школьных учреждений Мордовии в 1930-е гг.**

Типы школ	1928	1932	1939
Начальные	1223	1251	891
Неполные средние	36	146	296
Средние	3	5	96
Итого	1262	1402	1283

* Таблица составлена по данным: Советская Мордовия. Статистико-экономический очерк. Саранск, 1940. С. 52; Мордовская АССР за годы Советской власти. Саранск, 1967. С. 156-157.

Динамика численности школьных учреждений свидетельствует о сокращении числа начальных школ, однако оно объяснимо процессом укрупнения школ и ликвидацией малокомплектных школ.

Инфраструктура школ в предвоенные годы была сравнительно развитой, хотя и существовали различия между количеством и качеством школ в городской и сельской местности.

Таблица 2

*Число общеобразовательных школ в городах
и поселках городского типа Мордовии**

Типы школ	1927/28	1932/33	1940/41
Начальные	6	7	14
Семилетние	2	3	7
Восьмилетние	–	–	–
Средние	3	5	18
Итого	11	15	44

* Таблица составлена по данным: Мордовская АССР за годы Советской власти. Саранск, 1967. С. 156-157; Народное хозяйство Мордовской АССР. 1922–1972 годы. Саранск, 1972. С. 209.

Таблица 3
Число общеобразовательных школ в сельской местности Мордовии*

Типы школ	1927/28	1932/33	1940/41
Начальные	1217	1244	844
Семилетние	34	143	290
Восьмилетние	—	—	—
Средние	—	—	102
Итого	1251	1387	1241

* Таблица составлена по данным: Мордовская АССР за годы Советской власти. Саранск, 1967. С. 156-157; Народное хозяйство Мордовской АССР. 1922-1972 годы. Саранск, 1972. С. 209.

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что первоначально среднее образование было доступно только жителям городов и поселков городского типа. Лишь накануне войны средние школы появились в сельской местности.

Достаточно остро стояла в Мордовии проблема кадров учителей. В 1937/38 учебном году в республике было 6895 учителей, а в 1940/41 учебном году – их стало 7873. Однако кадров явно не хватало, особенно в сельской местности. Много лучшего желал и качественный профессиональный уровень учителей. Так, в 1937 г. в 15 районах республики провели аттестацию учителей всех школ и всех классов – всего 4675 человек. Результаты оказались достаточно удручающими: решили освободить от работы 366 учителей и временно разрешить остаться в школе 1826 учителям, что составляло 47%, совсем освобождены – 7,8%. Последние «оказались не подготовленными и совершенно негодными для работы в школах». В национальном разрезе результаты аттестации выглядели так: русских учителей из общего числа 2832 человека было освобождено 111 человек (3,9%), оставлено временно 989 учителей (38,8%); мокшан из общего числа прошедших аттестацию – 796 учителей, освобождено 123 человека (15,4%) и временно оставленные 291 учитель (36,7%); эрзян из общего числа 809 учителей – освобождено 79 человека (9,8%) и временно оставленных 375 человек (56%). Причины создавшегося положения заключались в том, что учителя были подготовлены для работы в школе еще на краткосрочных курсах и качество подготовки оставляло желать лучшего⁷.

Динамика преподавательских кадров представлена в табл. 4.

Таблица 4

*Динамика преподавательских кадров Мордовии**

	1928	1932	1937	1939
Город	120	181	494	504
Село	2934	4443	6353	7563
Всего	3054	4624	6847	8144

* Таблица составлена по данным: Советская Мордовия. Статистико-экономический очерк. Саранск, 1940. С. 54.

Характеризуя учительские кадры тех лет, авторы статистико-экономического очерка «Советская Мордовия» (1940 г.) писали: «В основной своей массе армия просвещенцев на педагогическую работу пришла в последние годы и состоит, главным образом, из советской молодежи, проявившей себя энтузиазмом и преданностью делу культурной революции»⁸.

Если темпы начального образования удалось заметно поднять по сравнению с дореволюционным уровнем, то неполное среднее и особенно среднее образование количественно выросшее, серьезно отставало, несмотря на благотворные изменения, внесенные революцией в содержание обучения. Один из важных причин такого положения состояла в необоснованном увеличении нагрузки учителей, лишаящихся возможности вести индивидуальную работу с учащимися. Если в дореволюционной неполной средней школе на каждого учителя приходилось 15-17 учеников, то в советской школе в рассматриваемый период – 30 учеников. Другой причиной достаточно низкого качества работы старших классов средней школы было снижение престижа учительской профессии, низкий уровень оплаты и неустроенный быт, которые глушили желание и способности учителей к самообразованию. Массовые советские школы при недостатке средств порождали, с одной стороны, переполненные классы, с другой стороны, массового учителя, собственный профессиональный багаж которого был невелик. В массе своей эти учителя могли быть не столько творцами-воспитателями, сколько ограниченными предметными функционерами. Стоит отметить, что определенное невнимание к качеству работы на всех уровнях общеобразовательной школы вырабатывало среди учителей психологию равновесия «на узкие места», консервировало отсталость мышления, порождая вместе с тем преувеличенное представление о количественных валовых успехах.

Однако в Мордовии было немало и учителей достаточно высоко-го профессионального уровня и творческих устремлений. В рассматриваемый период успешно работали подлинные мастера своего дела, ли-

деры и энтузиасты, на которых равнялись, тогда это было особенно модно, и городские и сельские учителя. В школах Саранска такими были известные учителя: географии И.Н. Гридин, математики М.И. Кузавенков, Н.И. Писклигин и др. За самоотверженный и творческий труд в народном образовании в республике в 1940 г. были награждены 8 человек – орденом «Трудового Красного Знамени», 9 человек – орденом «Знак Почета», 12 – медалью «За трудовое отличие». Учителя М.М. Алеева (Чамзинская средняя школа), Д.А. Журавлева (Лопатинская неполная средняя школа), А.Г. Кучаева (Ремезенская начальная школа Чамзинского района) были удостоены высшей награды Родины – ордена Ленина. Нередко учителями становились отставные военные. Так, с 1931 г. в совпартшколе военное дело и математику преподавал И.А. Юрченков, до этого служивший начальником штаба полка в г. Березове Белорусского военного округа. Позднее, в годы войны, он будет директором Старо-Горяшинской неполной средней школы в Краснослободском районе.

В условиях модернизации заметно увеличивались ассигнования на народное образование. В 1940/41 учебном году на него были израсходовано 55,5% всех средств государственного бюджета Мордовской АССР. Развитие народного образования несколько ускорилось, повышалось его качество. К 1940 г. было создано свыше 900 начальных, 296 семилетних и 114 средних школ. Активизировались этнокультурные процессы, способствовавшие развитию национальной школы, разработке учебной литературы для мордовских школ. Было издано около 150 наименований методической литературы и учебников. Усилилась и подготовка национальных кадров. В вузах и техникумах обучалось около 1,8 тыс. человек, в том числе около 1 тыс. мордовской молодежи. В 1934 г. был образован Мордовский республиканский институт повышения квалификации работников народного образования. Основное внимание в нем уделялось подготовке и повышению квалификации учителей начальных сельских и национальных школ, обобщению опыта в осуществлении всеобщего начального обучения и ликвидации неграмотности, организации движения учителей-ударников.

Крайне негативно сказывалось отсутствие стабильности в республиканском и районном руководстве народным образованием. Их просто лихорадило. Так, только за один 1937 г. сменилось 3 народных комиссариатов просвещения: Н.Н. Важдаев, Т.И. Борисов, И.Т. Сайгушев. Второй из них работал наркомом всего несколько недель. Обычно после смещения наркома начинали увольнять его сторонников в наркомате, в районных управлениях, в городских и сельских школах. Ситуация несколько нормализовалась только в конце следующего года.

В русле модернизационных процессов шло формирование сети техникумов и других средних специальных учреждений в Мордовии. В основном она сложилась еще в начале 1930-х гг. В 1927 г. их было всего 3, а в 1933 г. стало уже 19, в 1938 г. – 18, в 1940 г. – снова 19. Соответственно было в них и студентов: 0,6 тыс., 2,7 тыс., 5,3 тыс., 5,1 тыс. юношей и девушек. Наиболее значимыми и необходимыми для экономики и культуры республики были Саранское медицинское училище, Мордовское культурно-просветительское училище в Ардатове, Zubово-Полянское педагогическое училище, Кемлянский совхоз-техникум, Краснослободский зооветеринарный техникум и др. С созданием в октябре 1940 г. в СССР новой системы государственных трудовых ресурсов в Мордовии были открыты железнодорожное училище в Рузаевке, 4 ремесленных училища в Саранске, 2 в Ардатове и Темникове, а также 3 школы ФЗО. Однако в развитии среднего специального образования Мордовия несколько уступала некоторым республикам Среднего Поволжья. Так в 1940/41 учебном году в Чувашской АССР было 6,8 тыс. студентов, в Марийской – 3,3 тыс., а в Мордовской АССР – 5,1 тыс. студентов.

Нарастающее развитие народного хозяйства, особенно проблемы завершения коллективизации, ускоренной индустриализации и широкого культурного строительства неукоснительно и жестко требовали роста количества специалистов различного уровня образования. С 1920 г. в Мордовии, как и во всей многонациональной стране, появились техникумы – специальные средние учебные заведения для подготовки специалистов различных отраслей народного хозяйства, здравоохранения, культуры и просвещения. С 1937 г. в РСФСР стали преимущественно развиваться техникумы и другие средние специальные учреждения технического профиля. Этого не произошло в Мордовии, где, как и прежде, тон задавали средние специальные учреждения гуманитарного направления. Они доминировали еще потому, что значительно ускорили процесс подготовки остро необходимых специалистов для относительно отсталой республики: в них учились всего 2 года, а в вузах – 4 года. Однако существенный недостаток состоял в том, что в некоторых из них обучение осуществляли по сокращенной программе, снижалось качество подготовки специалистов. Руководство республики не обращало внимания на эти существенные недостатки, его в основном устраивало количественное состояние средних специальных учреждений и рост числа их выпускников. Однако объективность и реальное понимание проблем того периода требуют говорить и том, что у республики еще не имелось необходимых средств для развития и качественного совершенствования среднего специального образования.

В 1929 г. в Саранске появилась новая для Мордовии форма общеобразовательной средней школы – мордовский рабочий факультет – рабфак, на который приняли 107 слушателей. Тогда же сюда были переведены мордовские отделения Самарского и Ульяновского рабфаков. В 1938 г. здесь было открыто русское отделение. Рабфак в Саранске был создан для подготовки рабочих и крестьян к поступлению в высшие учебные заведения. Комплектование контингента слушателей строго осуществлялось по классовому принципу: 70–80% – крестьян, 20–25% – рабочих, остальные служащие и воспитанники детских домов. Учебный план рабфака был рассчитан на 3 года, а на заочном отделении – 4 года⁹. Его особенность состояла в том, что наряду с общеобразовательными дисциплинами в него включалось достаточно много общественно-политических предметов. Организатором и первым директором рабфака был А.М. Чурин – воспитанник Казанской учительской инородческой семинарии, ученик М.Е. Евсевьева. Первый выпуск рабфака состоялся в 1931 г. За 10 лет он подготовил около 500 юношей и девушек для продолжения образования в высшей школе.

Сложно, трудно и противоречиво развивалась высшая школа в Мордовии. В 1930-е гг. в ней открывались и ликвидировались некоторые вузы, не было стабильным их количество; часть из них меняли свой профиль и специализацию; отдельные институты снижали свой уровень и статус и превращались в техникумы, как это, например, произошло Инсарским институтом коноплеводства¹⁰. Вследствие всех этих реорганизаций и перестроек в 1937–1941 гг. в Мордовии осталось 3 вуза.

Особенность развития высшей школы в республике состояла и в том, что она становилась все более односторонней, а точнее однобокой – в Мордовии развивались только педагогические вузы. Определенное своеобразие вузовской системы в Мордовской АССР заключалось также и в том, что из 3 вузов – 2 были учительскими институтами, в которых готовились всего за 2 года специалисты только неполного высшего образования: в 1939 г. был открыт Саранский, а в 1938 г. Темниковский учительский институт. Необходимо также подчеркнуть, что немало молодежи мордовской национальности обучалась в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда (ныне С-Петербург), Куйбышева (ныне Самара), Саратова, Пензы и других городов страны.

В конце 1920-х гг. партийное и советское руководство Мордовии неоднократно ставило вопрос о создании в республике высшего учебного заведения, чье все настоятельнее требовали проблемы развития ее народного хозяйства и культуры. Развернулась необходимая соответствующая работа. С 3 мая 1931 г. она приняла характер непосредственных практических мер. Их осуществляло Мордовское областное

отделение народного образования, заведующим которого был Данилов. Тщательно обследовали наличие и состояние учебно-школьного фонда Саранска. Он оказался весьма скудным и устаревшим. Решили выделить для института небольшое трехэтажное каменное здание дореволюционной постройки на улице Троицкой (ныне В. Володарского). Ясно было, что этого явно недостаточно, но лучшего просто не было. Несмотря на это, начали создавать и оборудовать учебные кабинеты, лаборатории. Еще более острой оказалась проблема с кадрами для института. Поэтому решили на первое время укомплектовать институт путем использования имеющихся кадров в техникумах, рабфаках и в Советской партийной школе, а также широкого использования на педагогической работе специалистов, занятых на производстве. Трудно переоценить смелость, и точнее дерзость этого решения Мордовского облисполкома. Он также постановил определить прием на первый курс в 120 человек и только по социально-классовому и национальному признаку: в первую очередь юноши и девушки рабочих, крестьян бедняков и середняков, а потом уже – служащих и интеллигенции. Около половины студентов должна составлять молодежь мордовской национальности.

В октябре 1931 г. по решению СНК РСФСР в Саранске открыли агропединститут – первый вуз в истории Мордовии. До этого планировали, что в нем будет три отделения, на которых будут готовить специалистов для Мордовии (60%) и для других мордовских районов Средне-Волжского края (40%). Однако так получилось, что образовали 4 отделения: агрохимико-биологическое, историко-экономическое, политическое и физическо-техническое. На них создали 4 кафедры в том числе и мокшано-эрзянского языка, что было весьма важным для Мордовии. Однако количественное и особенно структурное сочетание отделений и кафедр оказалось в некотором несоответствии и несколько осложняло их совместную деятельность. В институте начали работать всего 25 преподавателей. Число студентов 166 человек, из них по социально-классовому происхождению оказалось: крестьян бедняков и середняков – 118, рабочих – 15, служащих – 14 и прочих (так в документах) – 19. Больше половины составили юноши и девушки мордовской национальности. Новому национальному вузу присвоили имя М.М. Хатаевича – первого секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б). В 1932 г. в институте провели реорганизацию, ликвидировали в программах обучения агрономическо-естественные циклы, институт стал только педагогическим. По всей видимости, это было ошибочное решение: Мордовия – сравнительно отсталый аграрный регион Сред-

него Поволжья – особо нуждался в кадрах хотя бы несколько разбирающихся в некоторых вопросах сельского хозяйства.

Уже первый учебный год ясно показал, что необходимо срочно увеличить число, а главное поднять качество профессионального уровня преподавателей института, т.к. местные работники не в состоянии обеспечить его деятельность и развитие. Сложилась кризисная ситуация, которая все больше обострялась. Дело дошло до того, что дирекция института вынуждена была на вакантные должности преподавателей иногда принимать студентов-отличников 1-го курса. Партийное и советское руководство Мордовии, рассмотрев ситуацию в пединституте с кадрами, признала ее действительно критической и обратилось за помощью в Средне-Волжский краевой комитет ВКП(б). Он достаточно оперативно решил срочно послать в Саранск квалифицированных специалистов: кого под административным нажимом, а некоторых как выполняющих ответственное партийное поручение. В мордовский пединститут были направлены из Саратовского пединститута 4 преподавателя, в их числе профессор И.Я. Бондяков. Самарский пединститут прислал 6 доцентов и перспективных молодых преподавателей. В 1936 г. в Саранск были приглашены еще 15 квалифицированных работников высшей школы. Пробовали в институт опытные преподаватели из Москвы и некоторых других городов.

Необходимо отметить, что в конце 1934 г. после убийства С.М. Кирова и особенно в 1935 г. в Мордовском пединституте преднамеренно нагнеталась сложная и опасная атмосфера подозрительности и доносительства. Активно и целенаправленно развернулась кампания по выявлению так называемых «врагов народа», вредителей, троцкистов и националистов. Все это делалось по указаниям и установкам НКВД, обкома и горкома партии, которые неукоснительно исполняли приказы из Москвы. В институте все это осуществляли партийное бюро, профсоюзный комитет и комитет комсомола. Необходимо уточнить, что необоснованные репрессии в Мордовском пединституте начались не в 1937 г., а в 1936 г., когда была арестована И.В. Тарле – преподаватель немецкого языка. Ее приговорили к тюремному заключению сроком на 5 лет с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях НКВД и отправили в Казахстан¹¹. В этом же году начались гонения и травля некоторых других преподавателей. В 1937 г. развернулись массовые репрессии, достигшие в 1938 г. своего апогея. 23 июня 1939 г. было принято постановление СНК МАССР «О Мордовском государственном педагогическом институте». В нем утверждалось: «Совнарком МАССР отмечает, что в результате бывшего вражеского руководства институтом в период 1933-1937 гг. и безответственного и бесхозного руководства бывшего директора института Т. Шоя институт оказался на грани пол-

ного закрытия из-за развала учебного процесса, отсутствия квартир для профессорско-преподавательского состава, отсутствия общежития для студентов»¹².

Мордовский пединститут в предвоенный период внес существенный вклад в дело подготовки высококвалифицированных кадров, особенно национальных, для народного просвещения, культуры, общественно-политической деятельности. Первый его выпуск состоялся в 1934 г., когда его закончили 73 специалиста: мордовской национальности – 38 человек, русских – 35 человек. К 1941 г. он выпустил более тысячи историков, филологов, химиков, физиков, математиков и других специалистов. Большой вклад в развитие высшего образования внесли М.Г. Сафаргалиев, А.Я. Коковин, Е.П. Иванова, В.А. Козюченко, Н.А. Иванов (исторический факультет); Ф.С. Стэфкин, Я.М. Попов, Н.П. Виноградова (естественный факультет); А.М. Бихтер, М.А. Петрокеев, Ю.Ф. Никулина, А.А. Амкуэль, М.И. Пигиль (литературный факультет); П.В. Ромадин, Я.Ф. Борщин, В.Ю. Бурьян, Ф.Т. Шарков (физико-математический факультет) и др.¹³.

Результаты деятельности образовательной системы Мордовии показали результаты переписи 1939 г., зафиксировавшие рост процента грамотных по сравнению с 1926 г. практически вдвое¹⁴. Представляют интерес данные о грамотности в городе и на селе, среди мужчин и женщин (табл. 5).

Таблица 5
*Грамотность городского и сельского населения Мордовии **

Население	Процент грамотности в возрасте от 9 лет и старше					
	Мужчин		Женщин		Всего	
	На 17.12 1926 г.	На 17.01. 1939 г.	На 17.12. 1926 г.	На 17.01. 1939 г.	На 17.12. 1926 г.	На 17.01. 1939 г.
Городское	88,2	95,9	69,1	82,6	78,1	89,1
Сельское	56,2	87,1	17,8	54,8	35,6	69,1

* Таблица составлена по данным: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги М., 1992. С. 45

Приводимые выше данные показывают высокий процент грамотности городского населения – на 17 января 1939 г. 89,1%, причем среди мужчин – 95,9%, женщин – 82,6%. В сельской местности процент грамотных был ниже – 69,1%, среди мужчин – 87,1%, женщин – 54,8%. К 1939 г. вырос уровень образования населения Мордовии, увеличилось число лиц, имеющих среднее и высшее образование и т.п.

Модернизационные процессы в образовательной сфере Мордовии в 1930-е гг. характеризуется сложными и противоречивыми процессами. С одной стороны, предпринимались серьезные усилия по подъему образовательного уровня населения республики. Резко росли капиталовложения в народное образование, строились школы, оформилась система среднего профессионального образования, был открыт первый в республике вуз. С другой стороны, имели место репрессии, которые серьезно трансформировали позитивные результаты модернизации.

Примечания

-
- ¹ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 15.
 - ² Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 7.
 - ³ Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 70.
 - ⁴ Там же. С. 73.
 - ⁵ ЦГА РМ. Ф. 269, оп. 2, д. 309, л. 1-2.
 - ⁶ ЦГА РМ. Ф. 269, оп. 2, д. 295, л. 6; Советская Мордовия. Статистико-экономический очерк. Саранск, 1940. С. 56.
 - ⁷ ЦГА РМ. Ф. 269, оп. 2, д. 295, л. 6.
 - ⁸ Советская Мордовия. Статистико-экономический очерк. Саранск, 1940. С. 54.
 - ⁹ Ивашкин И.С. Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917–1941 гг.). Саранск, 1972. С. 75–76.
 - ¹⁰ История Мордовской АССР. Саранск, 1981. Т. 2. С. 209.
 - ¹¹ Юрченков В.А. Образ и судьба российского интеллигента // Гуманитарий. Саранск, 2000. С. 78-81.
 - ¹² ЦГА РМ. Ф. 269, оп. 16, д. 842, л. 652.
 - ¹³ 2001 факт из жизни Мордовского университета. Саранск, 2001. С. 34.
 - ¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 41.

И.Е. Кознова

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ XX в. И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КРЕСТЬЯНСТВА

Для России XX в. стал периодом глубинных политических, социально-экономических и культурных трансформаций. На протяжении столетия она прошла через процессы модернизации, превратилась из сельской в преимущественно городскую страну.

В последнее десятилетие происходит переосмысление отечественного модернизационного опыта с учетом того, что в XX в. теории модернизации претерпели эволюцию, пройдя путь от экономикоцентризма к признанию значительной роли антропологического, социокультурного фактора и от западоцентризма и вестернизации к пониманию конструктивной роли самобытного социокультурного наследия незападного мира. В широком плане модернизация понимается как освобождение личности, создание гражданского общества, демократизация; в более узком – как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному.

В исторической науке исследование модернизации российского аграрного общества является динамично развивающимся направлением. Благодаря привлечению нестандартных источников, значительного массива архивных документов, их новому прочтению, социально-культурные сдвиги в российской деревне видятся более объемно и многопланово. Изучение этих изменений в контексте и с позиций памяти представляется перспективным. Сформулированная в крестьяноведении концепция «моральной экономики» и «оружия слабых» для описания воздействия модернизации на традиционную аграрную культуру обращает внимание на действие памяти.

В общем виде память представляет собой систему, с помощью которой фиксируется, сохраняется, передается социально-значимая информация. Память является процессом конструирования прошлого (в том числе – посредством воспоминаний), воображаемое актуализированное прошлое.

Развитость среди жителей деревни объединяющей их памяти и способность к совместной духовной практике – важнейшая культурная традиция, направленная на поддержание крестьянского образа жизни. Хозяйствование на земле – это те, по определению М. Хальбвакса, «социальные рамки», которые организуют профанно-сакральное един-

ство народной жизни. В структуре памяти обычно выделяются два уровня – событийный (ретроспективная память о прошлых событиях) и уровень универсальный, связанный с ценностными представлениями. Оба уровня определяют сознание и поведение людей. В крестьянской памяти эти уровни тесно переплетены между собой и имеют свою специфику, определяемую особенностями народной культуры – ее устным характером и традиционностью. Крестьянская культура по своей сути является «помнящей культурой». Социальные функции прошлого – сохранение образцов жизнедеятельности: память имеет нормативный, обрядово-ритуальный характер, поддерживает порядок. Репродуктивная функция памяти находит выражение в формуле «наши деды и прадеды жили, и мы так будем».

Эти основополагающие принципы функционирования памяти терпели в XX в. серьезные изменения в связи с модернизацией. В аспекте последней можно выделить несколько направлений изучения крестьянской памяти.

Первое связано с анализом основных тенденций эволюции крестьянской памяти в контексте социокультурной трансформации страны в целом и деревни в частности. Для изменения памяти существуют общественицизационные основания, связанные с урбанизацией, раскрестьяниванием, разрывом локальности, ростом социальной мобильности, образованности, секуляризацией. Так, в начале XX в. Россия переживала противоречивый, переломный период, связанный с активным вхождением в товарно-рыночные отношения и модернизацией всех сфер общественной жизни, который осмысливается в работах Б.Н. Миронова, В.П. Булдакова, С.В. Леонова, Т.Г. Леонтьевой, О.С. Поршневой и др. Хотя исследователями отмечается неравномерность ускорения хода социального времени для различных групп общества и известную приверженность традиционной культуре подавляющей части крестьянства, новые идеи и ценности проникали и в деревенскую среду. Происходил распад патриархальных отношений, повышалась роль малых семей, молодежи, женщин в общественных и общинных делах. Возрастала мобильность сельского населения, расширялось влияние городской материальной и духовной культуры, росла грамотность. Вхождение крестьянства в рынок сопровождалось нарастанием противоречий в деревне и социуме в целом, дезинтеграцией сельского мира. Под воздействием модернизации в традиционной системе ценностей российского крестьянства происходили серьезные изменения («коррозия базовых ценностей», по выражению О.С. Поршне-

вой). Рубеж XIX-XX вв. был временем кризиса психологии, порожденной «моральной экономикой», деформации привычных мировоззренческих установок. Исследователи обращают внимание как на «истощение религиозного чувства», так и на усиливающиеся процессы десакрализации монархии. С начала XX в. в России получают распространение девиантные образцы поведения, затронувшие даже патриархальную деревню. Перемены в сознании вели к конфликту поколений. В деревне появляется «контркультура», и непосредственно деревенская среда становится средоточием «противостояния культур».

Революция и сформированная ею новая советская система не изменили основного вектора движения российского общества – перехода России от традиционного сельского к индустриальному и городскому обществу, однако внесли в этот процесс очевидную специфику, что отмечается в работах Б.Н. Миронова, А.С. Сенявского, О.В. Горбачева и др.

Проблема трансформации социальной структуры и изменения социально-психологического, культурного облика деревни в процессе советской модернизации рассматривается в работах историков прежде всего в контексте раскрестьянивания (М.А. Безнин, О.М. Вербицкая, Л.Н. Денисова, Т.М. Димони, О.Ю. Ельчанинова, В.А. Ильиных, Г.Е. Корнилов). Раскрестьянивание рассматривается в единстве двух факторов – внешних (депопуляция, миграция в город) и внутренних (трансформация крестьянского двора) и подразумевает, таким образом, во-первых, количественное убывание единоличного и колхозного крестьянства из состава сельских жителей; во-вторых, существенную трансформацию традиционного крестьянского хозяйственного, жизненного уклада и внутренней социальной природы крестьянства.

Раскрестьянивание - объективный процесс. Оно происходит в индустриальном обществе независимо от вмешательства политических структур, которое может быть различным по направлениям, формам и результатам. В советских условиях раскрестьянивание происходило ускоренными темпами. В начале XX в. сельское население составляло абсолютное большинство, к концу 1926 г. – более трех четвертей (82%). По переписям, в 1939 г. на долю жителей села приходилось 67%, в 1959 г. – 48%, в 2002 г. – 27% (доля населения, занятого в сельском хозяйстве – 15,6%). Если по переписи 1926 г. на долю тех, кому было меньше 25 лет, приходилось в деревне 59,3% (на момент коллективизации эта группа включала не менее двух третей сельского насе-

ления), то в 2002 г. 60% взрослых, живущих на селе, - это люди старше 40 лет, треть – старше 55 лет.

В 1920-е гг., как и на предыдущем этапе развития деревни, капиталистическое раскрестьянивание по типу сельские буржуа-пролетарии не стало определяющим фактором социальной жизни. Начало интенсивного раскрестьянивания обычно связывают с коллективизацией. Некоторые исследователи, в частности, сибирские (В.А. Ильиных и др.), считают, что этот вариант следует считать принципиально новым типом раскрестьянивания и называют его «социалистическим». Его содержанием является отчуждение работающих в сельском хозяйстве от земли и средств производства, превращение их в наемных работников с «наделом» (ЛПХ). Особенно активно раскрестьянивание происходило в 1960-1980-е гг. На него действовали такие факторы, как урбанизация, активная миграция, увеличение социальной и территориальной подвижности, смена поколений, изменение норм репродуктивного поведения, переход к современному типу воспроизводства, вытеснение традиционной народной культуры, перевод колхозов в совхозы, ликвидация неперспективных деревень, интеграция личного подсобного хозяйства в колхозно-совхозное производство и т.п.

Значительным изменениям подвергся важнейший регистр крестьянской памяти – ритуал. Он оказался утерянным в сфере сельскохозяйственных работ. По мере развития урбанизационных процессов ведущей тенденцией стал отход колхозного крестьянства от традиций сельского общества с одновременным их замещением городской поведенческой и ценностной ориентацией. Раскрестьянивание проявилось в изменении отношения к земле и эрозии трудовой памяти. «Миграционные настроения» и конфликт поколений стали неотъемлемой частью действительности. Все вместе работало на редукцию крестьянской памяти, истощение ее потенциала.

В ходе советской модернизации основной удар государства был направлен на традиционное крестьянское хозяйство. Однако крестьянская традиция продолжала существовать и в советских условиях, она определяла и облик городов. Существует выражение: в XX в. наша страна урбанизировалась, но сами города рурализовались.

Конечно, в главном крестьянская память изменилась, потому что ушел ее основной носитель – традиционный, универсальный, единственный крестьянин. Но у памяти есть своя логика, которая не поддается непосредственно логике социально-экономической трансформации. Сознание модернизируется по другому вектору, оно «запаздывает».

Социокультурные процессы обладают инерционностью. XX в. продемонстрировал рецидивы архаизации. Так, изменение половозрастной структуры сельского населения в сторону преобладания старших возрастных групп и женщин способствовало сохранению ценностно-смыслового ядра деревенской культуры, а также консервации некоторых форм сознания и поведения, направленных на поддержание коллективной идентичности и социального контроля в отношении отдельной личности. Именно эту функцию выполняет крестьянская историческая память. Сохраняя историю раскрестьянивания, память одновременно является и реакцией на раскрестьянивание: она удерживает значимые для сельской общности социокультурные деревенские образцы.

Появление в деревне в процессе модернизации различных слоев и групп оказало влияние на историческую память деревни, ее неоднородность и выборочность. Поэтому второе направление связано с изучением различий в отношении исторического прошлого различных групп крестьянства, различных носителей модернизации.

Для традиционных, достаточно устойчивых сообществ, в которых сознание и социальная реальность меняются медленно, характерно совпадение памяти индивида и памяти сообщества. Все это вполне относится к российскому крестьянскому обществу начала XX в. Однако перемены, которые в нем обозначились в связи с модернизацией, дали импульс формированию разных типов хозяйствующих субъектов, разных типов памяти, разных ценностных представлений, как на дореволюционном, так и раннесоветском (нэповском) этапе модернизации. Один тип («традиционный крестьянин») ориентировался на общинное начало и стратегию выживания. Другой («интеллигентный крестьянин», по выражению П.С. Кабытова) – на развитие и хозяйствование вне рамок общины, для него было также характерно критическое отношение к аграрной традиции и нацеленность на «культурничество» не только по отношению к земле, но и в самых разных проявлениях. И в то же время этот тип интересен с точки зрения преемственности крестьянского образа жизни.

При этом оба типа отличало понимание социального долга («кормилец общества»), активное трудовое начало. Третий был готов порвать с крестьянством. Вместе с тем, все три типа объединяли настроения ожидания земли или других социальных благ от власти, «сверху», независимо от того, была ли это старая царская власть или новая – большевистская. Все это закладывалось в память, находило отражение в ментальном облике народа.

Советская власть, провозгласив «отказ от прошлого» и устремляясь в будущее, одновременно конструировала новый образ прошлого. Социальные ожидания крестьянства способствовали тому, что определенная часть деревни, прежде всего молодежь, активисты и беднота, создавала «новое прошлое» совместно с властью. Носителями модернизационных изменений, вызванных коллективизацией, исследователями называется новый слой сельского населения – механизаторы. Для определенной его части, прежде всего молодого поколения, было характерно скептическое отношение к традиции, на отношение к прошлому еще более сильное влияние оказывала советская идеология. «Агентами» модернизации можно назвать и колхозную элиту – председателей, управленцев. В их воспоминаниях заметна двойственность в отношении прошлого. Например, «модельные» автобиографии председателей колхозов включали в себя образ счастливой, сытой, зажиточной колхозной жизни. Социальный статус председателей ориентировал на критическое восприятие прошлого. Но крестьянские корни, сама работа на земле, наконец, семейная память не позволяли отмежеваться от него.

Третье направление связано с пониманием «низового», повседневного опыта переживания расширения товарного производства, усиления власти и бюрократии, способов презентации и трансляции этого опыта в памяти. Оно направлено на изучение того, как память крестьянства фиксировала основные вехи исторического процесса модернизации. Например, колхозники - потомки деревенской бедноты, колхозная элита воспринимали советскую модернизацию позитивно, потомки зажиточных – неоднозначно. Но, так или иначе, в коллективной памяти сохранился сам процесс раскрестьянивания: социальные конфликты, давление властей, то, что связано с деревенскими и городскими стандартами потребления, питания. Земля постепенно ушла на периферию крестьянской памяти, первый план прочно заняла тема «продовольственного снабжения» и денег. Образ прошлого в крестьянской памяти связан с событиями аграрной революции, коллективизации и войны. Он основан также на отношениях с властью. С последней ассоциируются страх и насилие, ставшие нормами повседневности. В качестве негативных переломных этапов жизни деревни в разных крестьянских свидетельствах отмечались: создание колхозов; наступление на личные подсобные хозяйства в 40-50-е годы, а также укрупнение колхозов; деколлективизация начала 90-х годов.

Современная аграрная эволюция проявляет себя в стратегиях выживания и стратегиях развития. Обращение к глубинной исторической традиции выживания и пассивная адаптация сопровождаются поиском разнообразного опыта активной адаптации и коллективной солидарности, выстраиванием разнообразных «сетей поддержки» в условиях социальной дифференциации села. Обнаруживаются элементы континуума социокультурных процессов в деревне, связанные как с раскрестьяниванием, которое продолжает оставаться ведущей тенденцией, так и хозяйствованием на земле. В первом варианте разрыв межпоколенных связей и отъезд молодежи в город стимулируется, кроме социально-экономических факторов, травматическим опытом отношений сельского мира и власти в XX в., размыванием трудовой памяти и выходом на первый план памяти потребления, ностальгией по недавнему советскому прошлому. Во втором варианте используется опыт позитивных отношений крестьянства с властью, представление о его социальном долге, символическом статусе «кормильца» общества. Сохраняется ценность трудового поведения, хозяйственной активности в рамках разных организационно-правовых форм. Возрождается крестьянское семейное домохозяйство, восстанавливаются его родовые качества, рыночная ориентация.

Проблема влияния российской модернизации на крестьянскую традицию, его образ жизни и историческую память нуждается в дальнейшем осмыслении. Ее разработка связана с региональными исследованиями. Весьма значима и актуальна она для Поволжья как полиэтничного и многоконфессионального региона.

В.И. Рыбалка

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА КОЛХОЗНИКОВ В МАРИЙСКОЙ АССР в 60-е годы XX века

В начале 60-х годов темпы роста сельскохозяйственного производства замедлились. Состоявшийся в марте 1965 года Пленум ЦК КПСС указал, что основными причинами отставания сельского хозяйства явились нарушения экономических законов развития производства, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъеме общественного хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов. В значительной мере сказался также субъективизм в руководстве. Серьезные недостатки имелись в организации заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов, в работе с кадрами и т.д.

По решению Пленума была введена новая система заготовок сельскохозяйственных продуктов, в соответствии с которой устанавливались твердые размеры (планы) государственных закупок на ряд лет. Тем самым восстанавливался принцип стабильности заготовительного плана. Наряду с твердыми плановыми заготовками вводились сверхплановые закупки излишек продукции колхозов и совхозов по более высоким ценам. Были увеличены закупочно-сдаточные цены с тем, чтобы сделать все отрасли общественного хозяйства рентабельными. С колхозов была списана и отсрочена задолженность по государственным ссудам. В апреле 1965 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О подоходном налоге с колхозов», установивший принцип начисления налога с чистого дохода колхоза, а не от валового дохода, как было раньше. От этого выиграли в первую очередь экономически слабые колхозы, платившие прежде налог независимо от того, получали ли они чистый доход, т.е. оставались ли у них средства после расчетов с государством, организациями и колхозниками. Чтобы усилить роль государственного кредита в развитии колхозного производства, колхозы были переведены на прямое банковское кредитование. С июля 1966 года на основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» во всех колхозах была введена гарантированная оплата труда колхозников. Если раньше фонды оплаты труда в колхозах формировались после расчетов с государ-

ством и отчислений в общественные фонды, то теперь они стали формироваться в первую очередь, а средства, выделенные для них, не подлежали использованию на другие цели.

Действенность уровня и форм оплаты труда обуславливались в рассматриваемый период в основном тем, насколько обеспечивали они удовлетворение необходимых потребностей работника и возмещение затраченной им физической и умственной энергии, т.е. насколько они обеспечивали воспроизводство затраченной рабочей силы. До введения гарантированной оплаты труда во многих хозяйствах и, прежде всего, в экономически слабых, эти условия не соблюдались.

К концу 1964 года в Марийской АССР появились хозяйства с гарантированной оплатой труда колхозников. Такая оплата была установлена в колхозах «Искра», «Путь Ленина» Мари-Турекского района, в колхозе «Сила» Горномарийского района, им. Ухтомского Медведевского района. На один человеко-день за 1964 год в колхозе «Путь Ленина» оплата труда составляла 1 руб. 65 коп., в «Искре» – 1 руб. 61 коп., в колхозе «Сила» – 1 руб. 94 коп. В результате твердой денежной оплаты труда в этих хозяйствах более эффективно использовалась земля, трудовые ресурсы, росло производство сельскохозяйственной продукции.

Во многих хозяйствах применение ежемесячного и ежеквартального авансирования по трудодням или натурой, по желанию колхозников, улучшило состояние всей работы. Удельный вес дополнительной оплаты труда работников к общему фонду составил в 1964 году по колхозам республики 13,8%¹.

Таким образом, ежемесячное авансирование колхозников явилось важным стимулом повышения производительности труда в колхозах Марийской АССР, подняло роль трудодня и повысило заинтересованность колхозников в развитии общественного хозяйства. Гарантированное денежное авансирование явилось преддверием прямой денежной оплаты труда.

Переход к денежной оплате труда колхозников заметно улучшал их материальное положение. К примеру, в колхозе «Победитель» в 1965 году в среднем на один человеко-день оплата составила 2 руб. 61 коп. Месячный заработок колхозника, занятого в полеводстве, равнялся 56 руб., животноводов – свыше 80 рублей и механизаторов – около 100 рублей².

Однако подобных хозяйств было мало. В среднем в 1960 – 1965 гг. стоимость человекодня повысилась в республике с 91 коп. до 1 руб.

76 коп. В 1965 году по сравнению с 1964 годом оплата человекодня выросла на 36,4%, а в 1970 году соответственно – в 2,3 раза³.

В хозяйствах с денежной оплатой труда заработки колхозников были выше, чем в колхозах, распределявших доходы по трудодням. В 1960 году в первой группе хозяйств средняя оценка человекодня была 1 руб. 20 коп., а во второй – 86 коп., в 1965 году она составила соответственно 2 руб. 15 коп. и 1 руб. 75 коп.

Уровень оплаты человекодня в колхозах все еще оставался ниже совхозного, хотя за последние годы рассматриваемого периода эта разница уменьшилась. В 1970 году средний дневной заработок в совхозах республики составил 3 руб. 74 коп., а в колхозах – 2 руб. 93 коп., или на 21,7% меньше.

В 1960 – 1970 гг. среднегодовой заработок на одного работающего в совхозах был значительно выше, чем в колхозах. К концу 60-х годов разница в оплате труда колхозников и рабочих совхозов несколько сократилась. Так, в 1970 году по сравнению с 1960 годом среднегодовой заработок рабочих совхозов увеличился в 2,2 раза, а колхозников – в 3,2 раза. Однако годовая оплата работающих в совхозах осталась в 1,7 раза выше, чем в колхозах.

Разница в уровне оплаты труда колхозников и рабочих совхозов объяснялась: во-первых, различиями в достигнутом уровне производительности труда (в 1970 году на один человеко-день, отработанный в сельском хозяйстве, совхозы республики произвели валовой продукции в сопоставимых ценах на 10 руб. 16 коп., а колхозы – на 8 руб. 21 коп., или на 19% меньше); во-вторых, с января 1968 года в совхозах были введены новые тарифные сетки с уровнем ставок, которые обеспечивали минимальный заработок 60 руб. в месяц; в-третьих, для обеспечения связи оплаты труда с количеством и качеством производимой продукции в совхозах создали надтарифный фонд в растениеводстве и животноводстве в размере 25%, а большинство колхозов такой возможности не имели; в-четвертых, разной занятостью в течение года. В 1970 году в среднем на одного постоянного рабочего совхоза было отработано 280 человеко-дней, а в колхозах на одного работающего трудоспособного – 192 человекодня.

Уровень оплаты труда колхозников по районам до 1966 года имел значительные колебания, а с введением гарантированной оплаты разрыв в их дневном и годовом заработке по районам сократился. В 1965 году уровень оплаты труда в колхозах Волжского района был на 27% ниже, чем в среднем по республике. В 1970 году эта разница со-

кратилась. В 1965 году уровень оплаты труда колхозников в Медведевском районе был на 25,6% выше, чем в среднем по колхозам республики. В 1970 году наиболее высокая средняя оплата человекодня была в хозяйствах Параньгинского района, но она превышала среднереспубликанскую только на 15,7%.

В 1964 – 1970 гг. в республике резко сократилось количество колхозов с низким уровнем оплаты труда. В 1964 году уровень оплаты человекодня до 1 руб. 50 коп. имели 75,9% колхозов, в 1965 году – 6,2%, а в 1968 году таких хозяйств уже не было. В 1970 году 51,1% колхозов оплачивали в расчете на человекодень свыше 2 руб., в т.ч. 48,9% хозяйств – более 3 руб.

В 1966 – 1970 гг. произошло не только выравнивание уровня оплаты труда по районам и отдельным колхозам республики, но и сократился разрыв в уровне заработков по категориям колхозников.

За рассматриваемые годы повысился уровень оплаты труда всех категорий колхозников. Средняя оплата человекодня административно-управленческого персонала за этот период возросла в 1,9 раза, специалистов и обслуживающего персонала – в 2,4 раза, трактористов-машинистов – в 1,5 раза, шоферов – в 1,5 раза, работников животноводства – в 2,6 раза, строителей – в 3,2 раза, колхозников, занятых на конно-ручных работах – в 2,7 раза. Годовой заработок специалистов и обслуживающего персонала, животноводов и колхозников, занятых на конно-ручных работах, увеличился более чем в 2 раза, строителей – в 3,4 раза. Несмотря на большой рост уровня оплаты человекодня колхозников, занятых на конно-ручных работах, в 1970 году их годовой заработок был в два с лишним раза меньше заработков всех других категорий работников.

На размер годового заработка большое влияние оказывало трудовое участие колхозников в общественном производстве. В 1970 году те, кто был занят на конно-ручных работах, отработали в среднем по 157 человеко-дней, в то же время животноводы в общественном хозяйстве были заняты 314 человекодней, административно-управленческий персонал – 295, специалисты и обслуживающий персонал – 212, шоферы – 242, строители – 223, трактористы-машинисты – 212 человеко-дней.

Хотя в 1970 году уровень оплаты труда всех категорий колхозников значительно повысился, но он все еще отставал от уровня заработной платы соответствующих категорий рабочих совхозов. Годовой заработок на одного работающего тракториста-машиниста в совхозах в 1970 году составлял 1189 руб., а в колхозах 1018 руб., шоферов соот-

ветственно – 1141 и 940, работников животноводства – 1146 и 975, в том числе: доярок 1307 и 1256, скотников-пастухов – 1114 и 985, телятниц – 1095 и 1059, свинаярей – 1163 и 1091, птичниц – 1129 и 1059, а колхозников, занятых на конно-ручных работах 843 и 393 руб.

Повышению жизненного уровня колхозников в восьмой пятилетке способствовали: укрепление экономики колхозов на основе претворения в жизнь решений мартовского (1965 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС, введение гарантированной оплаты труда, изменение порядка распределения доходов, предоставления колхозам долгосрочных кредитов Госбанка на оплату труда.

К концу 60-х годов во всех колхозах республики была введена гарантированная оплата труда. Но и это мероприятие при всем его положительном значении не сняло проблем, связанных с дальнейшим увеличением заработков колхозников.

В 1966 – 1970 гг. на оплату труда колхозы взяли 18,8 млн. руб. долгосрочных кредитов. В 1970 году из 139 колхозов долгосрочными кредитами на эти цели пользовались 82 хозяйства, которые получили 2,1 млн. рублей.

Практика показала, что с переходом колхозов на прямое банковское кредитование долгосрочные кредиты им давались не только на оплату труда, но и на покрытие всего недостатка собственных оборотных средств.

Важной задачей колхозного производства являлось подтягивание оплаты труда в отстающих и средних хозяйствах до уровня передовых, а также сближение уровня оплаты различных категорий колхозников. Только на этой основе решалась проблема выравнивания уровня оплаты труда в колхозах, более последовательно осуществлялся принцип равной оплаты за равный труд в масштабе всей республиканской системы.

Проблема повышения уровня оплаты труда в колхозах решалась в рассматриваемый период, главным образом, на основе дальнейшего увеличения производства продукции в общественном хозяйстве, сокращения затрат труда и средств на единицу продукции, высоких темпов повышения производительности труда.

Значительную роль в совершенствовании форм и систем материального стимулирования в колхозах Марийской АССР сыграло введение в начале рассматриваемого периода гарантированной оплаты труда, которая была основана на совхозных нормах выработки и тарифных ставках. Она имела важное социальное и экономическое значение, яви-

лась важным шагом в дальнейшем развитии и укреплении колхозного строя, сближении жизненного уровня рабочих, служащих и крестьян.

Начиная с 1969 года вся продукция, включаемая в гарантированный фонд оплаты труда, оценивалась по внутриколхозным ценам, но не выше государственных закупочных цен.

Порядок выдачи продукции в счет оплаты труда устанавливался каждым колхозом с учетом местных условий. Так, в среднем по колхозам республики в 1970 году натуральная часть в гарантированном фонде оплаты труда составляла 16%, в т.ч. в колхозах Куженерского района – 22,9%, Горномарийского – 20,5%, Советского – 13,4%, Звениговского – 12,2%.

В ряде хозяйств было дифференцированным соотношение денежной и натуральной части по категориям колхозников. Например, в колхозе «Коммунизм» Горномарийского района в 1968 году продавали колхозникам по 1,5 кг зерна на заработанный рубль. Колхозникам, занятым на конно-ручных работах, ежемесячно выдавали деньгами 70% заработка, а животноводам – 80%. Остальная сумма удерживалась для оплаты за произведенную продукцию.

С введением гарантированной оплаты труда в колхозах республики произошло снижение удельного веса дополнительного материального поощрения. Если в 1965 году оно составляло 15% всего фонда распределения по труду, то в 1968 году его удельный вес снизился до 6,6%. Здесь повлиял, главным образом, рост уровня основной оплаты труда колхозников.

В повышении материального благосостояния тружеников села, более полном удовлетворении их растущих потребностей, а также в сближении уровня доходов городского и сельского населения все возрастающую роль играли выплаты и льготы из общественных фондов потребления.

После мартовского (1965 год) Пленума ЦК КПСС были осуществлены важные мероприятия по более полному обеспечению жителей марийской деревни благами, распределяемыми через общественные фонды потребления. Особенно много сделано по улучшению пенсионного обеспечения и социального страхования членов колхозов. На них распространены условия и порядок начисления пенсий, определенные для рабочих и служащих государственных предприятий и организаций. Принятый Верховным Советом Союза ССР Закон о пенсионном обеспечении колхозников положил начало сближению социального обеспечения трудящихся, работающих на предприятиях общенародной и

колхозно-кооперативной форм собственности. Был создан централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников за счет средств колхозов и государства. Колхозы с 1971 года отчисляли в этот фонд пять процентов валового дохода, полученного хозяйством в предыдущий год.

Введение гарантированной оплаты труда обеспечило устойчивость доходов колхозников, получаемых от общественного хозяйства. Размеры оплаты труда перестали подвергаться колебаниям в зависимости от погодных условий и уровня валовых доходов колхозов. Введение гарантированной оплаты ускорило переход на денежную оплату труда. Еще в начале 60-х годов около 80% колхозов страны применяли систему оплаты труда по трудоводням⁴. Во второй половине 60-х годов переход колхозов на денежную форму оплаты труда в основном завершился. Новая система полнее соответствовала возросшим социально-культурным запросам колхозников, их желанию сократить расходы времени на переработку и реализацию продуктов, получаемых по трудоводням.

Примечания

¹ Якимов С.Г. Трудовые ресурсы и их использование в колхозах Марийской АССР в 1953-1965 гг. // ИРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 882. ЛЛ. 9, 10.

² Марийская правда. 1966. 16 марта; Рыбалка В.И. Материальное положение марийского крестьянства в послевоенный период (1946-1965 гг.) // Проблемы истории марийской деревни XX века. Йошкар-Ола, 2001. С. 85.

³ Кочергин Л.А. Оплата труда в колхозах. Йошкар-Ола, 1971. С. 29.

⁴ Оплата труда в сельском хозяйстве СССР. М., 1962. С. 21.

О.Г. Вязова

**ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В ЧУВАШИИ
И РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА
(На примере деятельности
жилищно-строительной кооперации)**

Годы первых пятилеток в Чувашии ознаменованы началом активного промышленного строительства. Возводятся такие крупнейшие предприятия союзного значения, как Козловский домостроительный комбинат, Вурнарский фосфоритный завод, Шумерлинский дубильно-экстрактовый завод «Большевик», Канашский вагоно-ремонтный завод. В 1930-е гг. были реконструированы и расширены старые предприятия: Алатырский паравозоремонтный завод, Чебоксарский кожевенный, Сюктерский и Сосновский деревообрабатывающие заводы, Урмарская мебельная фабрика, Ядринский маслозавод и другие.

Промышленное строительство привело к росту численности городского населения. В 1926 г. в городах Чувашии проживало 45,2 тыс. человек, в 1930 г. - 49,4 тыс., в 1931 г. - 58,8 тыс., в 1933 г. - 77,6 тыс., в 1935 г. - 144,4 тыс. человек¹. В связи с этим появилась проблема обеспечения жильем в первую очередь рабочих, советских служащих, учителей, врачей, инженеров, техников, проживающих в городах. Разрешение данного вопроса требовало огромных капиталовложений, которые государство не могло обеспечить. Как дополнение к исполкомовскому и промышленному жилищному строительству в конце 1920-1930-х гг. выступало кооперативное строительство, основанное на привлечении личных средств граждан.

Жилищное строительство в Чувашии в конце 1920-х гг. не успевало за активным ростом промышленного развития. Об этом говорит факт снижения средней жилой площади, приходящейся на одного трудящегося. Если в 1928-1929 гг. этот показатель составлял 5 кв. м. на человека, то уже в 1929-1930 гг. он снизился до 4,33 кв. м. Наиболее плохо жилой площадью были обеспечены рабочие. На них с семьями по республике приходилось вообще по 2,16 кв. м.² Поэтому восстановление и нормальное содержание имеющегося жилого фонда приобрело особенно важное значение. Данным видом деятельности помимо городских и поселковых коммунальных отделов занимались жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы).

Первый рабочий жилищно-строительный кооператив в Чувашии был создан в Чебоксарах в 1925 г. По Положению «О жилищной кооперации», изданном 19 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР, строитель-

ные кооперативные товарищества подразделялись на рабочие (РЖСКТ) и общегражданские (ОЖСКТ). Наиболее благоприятные условия обеспечивались рабочим жилищно-строительным кооперативным организациям, куда могли вступить рабочие, частично служащие, инвалиды труда и войны. В них согласно типовому уставу РЖСКТ, утвержденному НКВД, НКЮ и НКТ СССР 15 сентября 1928 г., паевые взносы членов товариществ могли оплачиваться не только деньгами, но и строительными материалами, строениями, личным трудом и т.п.³. Государство поддерживало рабочие кооперативы и другими способами. Постановление СНК РСФСР от 29 сентября 1927 г. определяло, что для РЖСКТ с преимущественным составом из рабочих, паевые взносы должны составлять 13% стоимости намеченного строительства, для РЖСКТ, с преобладающим составом служащих – 20%⁴. Таким образом, РЖСКТ получали от государства огромные денежные ссуды в размере 80-87% стоимости домов, причем на очень длительные сроки: для каменных домов до 60 лет и деревянных до 45 лет. В общегражданские товарищества принимались все граждане, не лишенные избирательных прав. Они не пользовались специальными льготами и кредитами, которые предоставлялись рабочим строительным кооперативам, поэтому не получили широкого распространения, к примеру, в Чувашии их вообще не было.

До 1929 г. на территории республики действовало только два рабочих жилищно-строительных кооперативных объединений: в Чебоксарах и Алатыре, причем Чебоксарский достаточно активно взялся за строительство жилья для своих членов. В 1926-1927 гг. им было построено 15 домов на 28 квартир. В 1927 г. также был возведен один ларек ГОРПО с канцелярией правления РЖСКТ и один кирпичный сарай для производства кирпича. Все дома строились в одном районе города. В ноябре 1927 г. состоялось торжественное открытие поселка, который получил название «Рабочий поселок имени Томского», точно также стал называться и Чебоксарский РЖСКТ⁵. В 1928 г. в Чебоксарах были построены кооператорами еще 4 дома на 6 квартир. В следующем году в Алатыре был возведен 1 дом на 3 квартиры. Всего в 1927-1929-х гг. в Чувашии было введено в эксплуатацию 1606 кв. м. новой жилой площади, из них кооперацией, молодой структурой - 604,4 кв. м., что составило 37,7% от всего возведенного жилья⁶.

В заключение Госплана ЧАССР от 1 января 1928 г. о деятельности Чебоксарского РЖСКТ имени Томского подчеркивалось, что средства на строительство расходовались экономно, и стоимость кубического метра строений не превысила средних справочных единичных расценок. Дома строились с соблюдением всех установленных технических

требований⁷. Чебоксарский РЖСКТ сумел в 1927-1928 гг. получить ссуду из Центрального Коммунального Банка (ЦКБ) в размере 54000 руб. и из фонда рабочего жилищного строительства 50000 руб. В 1929 г. кредит ЦКБ был отпущен Алатырскому РЖСКТ в размере 19000 руб. Дополнительные средства добывались с большими затруднениями. Первоначально ЦКБ на 1927 г. вообще отказал в выдаче чувашской кооперации кредитов. Чувашское представительство все же добилось включения республики во вторую очередь отпуска средств, и в 1927 г. Чебоксарский РЖСКТ получил ссуду в размере 30000 руб., что оказалось несколько меньше, чем первоначально рассчитывали кооператоры⁸.

В 1929 г. рабочие жилищно-строительные кооперативы создаются при фабрике «Единство» в Урмарах, при Ядринском маслозаводе, при заводе «Дубитель» и Шумерлинском деревообрабатывающем комбинате. Их появление объяснялось необходимостью обеспечения жильем трудящихся вновь строящихся и реконструируемых предприятий выше отмеченных населенных пунктов. Большую роль в организации новых жилищно-строительных кооперативов в 1929 г. сыграло Организационное бюро жилкооперации, созданное в 1928 г. при Наркомате труда ЧАССР. В последующем руководство развитием жилищно-строительной кооперацией взял в свои руки республиканский союз жилищной кооперации – Чувашжилсоюз, организованный в июле 1929 г.

Жилищно-арендные кооперативные товарищества начали создаваться в ЧАССР с 1930 г. В первую очередь они появились в наиболее крупных городах: Алатыре, Чебоксарах, затем Канаше, Мариинском Посаде. ЖАКТы, также как и РЖСКТ, входили в систему Чувашжилсоюза. Наиболее успешно жилищно-арендная кооперация развернула свою работу в Алатыре, где дома горсовета, простоявшие без эксплуатации несколько лет, кооперация сумела отремонтировать в течение короткого времени.

В первой половине 1931 г. в Чувашской Республике было уже 3 ЖАКТа с общей жилой площадью 17015 кв. м., из них в Чебоксарах – 7320 кв. м., в Мариинском Посаде – 1963 кв. м., в Алатыре – 7732 кв. м.⁹ В последующие годы жилая площадь, эксплуатируемая жилищно-арендной кооперацией, продолжала увеличиваться. В 1933 г. – первом квартале 1934 г. она равнялась 26689 кв. м., на 1 января 1935 г. – 27789 кв. м., что составляло 48% и 47,7% соответственно от всего муниципального фонда городов республики¹⁰. Расширение жилья, эксплуатируемого ЖАКТаами, происходило в первую очередь за счет передачи муниципального фонда, как правило, находящегося в плохом

состоянии. К примеру, 1 октября 1932 г. в Чебоксарах при восемнадцати квартирном доме по улице К. Маркса по предложению НК РКИ был организован ЖАКТ. До этого дом находился в ведении Чебоксарского горкоммунотдела. Необходимость организации отдельного ЖАКТа была вызвана плохой организацией управления домом, бесхозяйственной эксплуатацией социалистического имущества. Безответственное отношение имело место как со стороны Чебоксарского коммунотдела, так и со стороны самих жильцов. Создание жилищного кооперативного товарищества улучшило содержание дома и условия проживания людей. Были построены сараи-кладовые, налажены учет и отчетность, своевременно стали завозиться дрова, была обеспечена их сохранность. Изменилась в лучшую сторону и ситуация с уплатой квартирной платы. Если к моменту организации ЖАКТа за некоторыми жильцами задолженность по квартирной плате доходила до 1 года, то на 20 октября 1933 г. она не превышала уже более одного месяца¹¹.

Одновременно с увеличением жилой площади, находившейся в распоряжении ЖАКТов, возрастала и численность населения, проживавшего в кооперативных домах. Так, если в 1932 г. в них насчитывалось 3907 человек, то на 1 января 1935 г. – 6660 человек. Их этого общего числа жактовского населения в 1932 г. рабочих было 1024 человека, в начале 1935 г. – 1565 человек¹². Жители кооперативных домов были лучше обеспечены жилой площадью. На 1 января 1935 г. в среднем на одного городского жителя приходилось 4 кв. м., по отдельным городам данный показатель распределялся следующим образом: Чебоксары – 3,3 кв. м., Алатырь – 4,1 кв. м., Канаш – 1,1 кв. м., Мариинский Посад – 4,7 кв. м. В домах ЖАКТов, на одного проживающего на 1 января 1935 г. приходилось: в Чебоксарах – 4,3 кв. м., Алатыре – 6,2 кв. м., Канаше – 6,7 кв. м., Мариинском Посаде – 5,9 кв. м.¹³ Таким образом, члены жилищно-арендных товариществ не только обеспечивались жилой площадью, но и получали возможность заселения в более просторное жилье.

Кооперация Чувашии принимала участие в решении жилищного вопроса не только посредством восстановления муниципального жилого фонда, но и самостоятельного строительства нового жилья для своих членов через систему рабочих жилищно-строительных кооперативов (табл.)¹⁴.

*И.Д. КУЗНЕЦОВ – ученый, педагог,
человек, переживший репрессии 30 – 40-х годов XX века*

*Объемы жилищного кооперативного строительства
в ЧАССР в 1930-1935-х гг.*

Год	Площадь построенной жилой площади жилищно-строительной кооперацией (кв. м.)	Доля кооперации в общей новой жилой площади (%)
1930	641,99 (271,700)	≈6,2
1931	882 (200)	≈2,6
1932	1841 (912)	≈12
1933	326 (719,983)	≈10
1934	640	≈11
1935	84 (163,42)	≈2,4

Примечание. Основные показатели взяты из отчетов Чувашжилсоюза. В скобках приводятся сведения Народного комиссариата коммунального хозяйства ЧАССР, Статистического управления Чувашской АССР. Доля кооперации в общей новой жилой площади была подсчитана нами

Из данных таблицы видно, что в процентном отношении место кооперации в жилищном строительстве республики на протяжении всех 1930-х гг. было небольшим. Этот процент не поднялся до показателей конца 1920-х гг., что было связано с существенным ростом промышленного жилищного строительства союзного значения в 1930-х гг., сосредоточенного в Шумерле и Козловке. Несмотря на достаточно скромное место кооперации в возведении нового жилья, ее деятельность расширяла возможности решения жилищного вопроса для городских жителей республики. Особенно это было актуально в условиях, когда муниципальное и промышленное жилищное строительство продолжало не успевать за ростом численности людей, нуждающихся в жилье. Отсутствие нормальных жилищных условий даже мешало успешной деятельности отдельных предприятий, учреждений. К примеру, Чувашстройтрест, ведущая строительная организация Чувашии, в 1936 г. и в 1937 г. испытывал сильную текучесть кадров, которая доходила до 127% в год из-за отсутствия достойных условий жизни для рабочих. Большинство работников стройтреста ютилось в бараках, без освещения и часто без тепла из-за недостатка дров для отопления¹⁵.

Для обеспечения нормальных условий жизни важно было не только увеличивать строительство новых метров жилой площади, но и поддерживать уже имеющиеся в нормальном для проживания состоянии. Этим целям служили текущие и капитальные ремонты, проводимые ежегодно кооператорами. За первые два года существования ЖАКТов в Чувашии были проведены два ремонта: в 1931 г. и в 1932 г. Оба раза качество ремонтных работ было неудовлетворительным. Этот факт стал поводом для создания ремонтной бригады в 1933 г. в составе Чу-

вашжилсоюза, которую возглавил техник-строитель¹⁶. Качественное проведение ремонтных работ было особенно важно в жилищно-арендных товариществах, в которых износ жилого фонда даже в 1934 г. иногда доходил до 90%, а в среднем он составлял 40-50%. Данная ситуация была связана с тем, что в ЖАКТах почти не было домов постройки 1925-1934-х гг.

В 1934 г. и в 1935 г. улучшилось проведение ремонтных работ. В 1935 г. по сравнению с 1934 г. план капитального ремонта был выполнен на месяц раньше. В 1935 г. жилкооперации удалось добиться снижения себестоимости проведенных работ на 11%. Положительные результаты были достигнуты благодаря значительному росту активности, личного и материального участия членской массы трудящихся, живущих в домах жилкооперации. Благоприятно сказались также установление контрольных постов на каждой стройке из квартиросъемщиков, передача отремонтированных домов через специальные комиссии, ужесточение дисциплины среди строителей, поднятие ответственности за порученное дело техперсонала и каждого работника. В 1935 г. была также получена экономия в размере 18000 руб., что было достигнуто главным образом за счет создания собственного транспорта, использования старых и экономии новых стройматериалов. В то же время за счет переоборудования и перепланировки квартир жилплощадь в системе жилищной кооперации была увеличена на 131 кв. м., из них по Чебоксарам на 101 кв. м.¹⁷

В 1920-1930-х гг. жилищно-строительная и жилищно-арендная кооперация в силу присущей ей коллективной формы владения и управления жилищным фондом рассматривалась не только как эффективное средство организации управления хозяйством, но и как одно из направлений социалистического преобразования бытового уклада¹⁸. Культурно-бытовые направления деятельности кооперативов фиксировались даже в их основных правовых документах. В уставе Чувашжилсоюза подчеркивалось, что он должен содействовать жилищно-кооперативным объединениям по коллективизации быта, по организации общих столовых, прачечных, бань, яслей, дошкольных уголков и пр.¹⁹

В первое время республиканский кооперативный жилищный союз, как и первичные кооперативные предприятия, культурно-бытовыми мероприятиями занимались не очень активно. В последующие годы этому направлению деятельности стало уделяться больше внимания. В 1934 г. в системе жилищной кооперации действовали 2 детских сада: при Чебоксарском РЖСКТ имени Томского и при Шумерлинском РЖСКТ «Новый быт». Они обслуживали 131 ребенка. В Чебоксарском

детском саду было осуществлено разделение детей по возрасту на младшую, среднюю и старшую группы. Данное дошкольное учебное заведение находилось на хорошем счету не только по городу Чебоксары, но и в целом по Нижегородскому краю. В отчете инструктора жилищного союза за 1934 г. отмечалось также, что работа детсада в Шумерлинском РЖСКТ поставлена хорошо, в комнатах уютно, чисто. Детский сад проверялся РОНО и получил хорошие отзывы.²⁰

Кооператорами проводилась работа и среди детей школьного возраста, особенно в летнее время. Для них организовывались детские площадки. В 1936 г. их имелось 12 с охватом 286 детей. На детских площадках работали выделенные работники комсомола, кроме того, ежедневно занимались с детьми сами родители. В зимнее время при отдельных кооперативах устраивались катки, ледовые горки. В 1935 г. при Шумерлинском РЖСКТ был организован даже районный каток для детей и взрослых²¹.

В ЖАКТах и РЖСКТах вели не только сезонную работу с детьми, но и в течение всего года посредством организации различных кружков. В системе чувашской жилищной кооперации в 1935 г. действовали 1 хоровой, 1 физкультурный, 4 шахматных кружка²².

Культурно-массовые мероприятия проводились не только среди детей, но и среди взрослых. Они тесно были связаны с теми общественно-политическими задачами, которые стояли перед страной. Среди населения, проживающего в кооперативных домах, проводилась работа по ликвидации неграмотности, организовывались кружки текущей политики, ячейки различных добровольных обществ. Наиболее активно действовали ячейки Общества содействия авиации и химической обороне (Авиахим), Российского общества Красного Креста (РОКК) – по оказанию первой помощи больным, увечным и раненым. За успешную организацию работы ячеек Авиахима в 1934 г. Чебоксарский РЖСКТ имени Томского был премирован специальной грамотой²³.

В системе жилищно-строительной кооперации большое внимание уделяли работе среди домохозяек, вовлекая их в различные кружки и комиссии, при ЖАКТах и РЖСКТах. Так, в 1930-е гг. действовали хозяйственные, культмассовые, санитарные комиссии, уличные комитеты. Хозяйственные комиссии следили за проведением текущих и капитальных ремонтов, за своевременным исправлением поломок в квартирах самими жильцами. Санитарные группы добивались улучшения содержания квартир, домов, улиц. Наиболее нерадивых квартиросъемщиков они вызывали на свои заседания, критиковали их через стенные газеты, выпускаемые в кооперативах. Работа, проводившаяся комиссиями, приводила к конкретным, положительным результатам. В неко-

торых Чебоксарских ЖАКТах, именно в результате их деятельности, были полностью изжиты грязь и сырость в квартирах и домах, а также было значительно повышено качество ремонтных работ.

Жилищно-строительная кооперация не оставалась в стороне от мероприятий, осуществлявшихся в городах по озеленению. С этой целью весной 1934 г. была организована специальная кампания, в ходе которой было посажено около 2000 деревьев различных пород. Особое внимание уделялось домам, расположенным на центральных улицах городов и рабочих поселков. Они все были озеленены. Перед домами деревья высаживались по планам, предоставленными городскими и поселковыми советами. Ко всем высаженным деревьям были прикреплены для ухода и сохранения жильцы²⁴.

Хорошим подспорьем для кооператоров в обеспечении некоторыми продуктами питания могло стать освоение территории вокруг домов через организацию садово-огородных товариществ. Их создание активно поддерживалось Центргилсоюзом и Крайжилсоюзом. В 1934 г. в системе Чувашжилсоюза имелись 3 садово-огородные артели: по одной в Алатыре, Канаше и Шумерли. При Чебоксарском ЖАКТе №12, при Алатырском РЖКСТ «Ильич» и некоторых других кооперативах были разбиты фруктовые сады. Канашский РЖКСТ располагал также пчеловодным уголком с 20 семьями пчел. Урожай, собранный в артелях, распределялся между членами по трудодням. В результате каждый член садово-огородной артели в 1934 г. получил в среднем по 0,77 т. овощей и картофеля, в Канашской артели - фруктов 0,29 т. и меда около 6 кг.²⁵. Неплохой урожай, собранный в 1934 г., существенно укрепил и создал условия для дальнейшего развития садово-огородных артелей. Однако они и в конце 1930-х гг. не стали повсеместно распространенным явлением, что было связано с недостаточной активностью населения, проживающего в кооперативных домах.

В деятельности жилищно-строительной кооперации Чувашии существовали и негативные моменты. Некоторые из них были обусловлены общими социально-экономическими и политическими условиями конца 1920-1930-х гг., другие непосредственно зависели от работы самих кооператоров. Очень часто причиной неудач в деятельности кооперации являлось переплетение двух отмеченных моментов. К примеру, в 1933 г. произошло сокращение государственного финансирования нового строительства из-за того, что кооператоры своевременно не осваивали выделяемые лимиты. Дома строились по 2-3 года. Причинами медленного строительства являлись: несвоевременное снабжение дефицитными стройматериалами, отсутствие квалифицированной рабочей силы, недостаточность собственных средств у жилищных коопе-

ративных товариществ²⁶. В 1935 г. Крайжилсоюз вообще не выделил Чувашжилсоюзу лимитов на жилищное строительство, в результате строительство осуществлялось только на собственные средства кооперации, что привело к резкому уменьшению введения в эксплуатацию новой жилой площади. Несмотря на имеющиеся трудности и недостатки система жилкооперации Чувашии развивалась и по некоторым показателям вполне достойно выглядела на фоне всей России. В 1935 г. за досрочное выполнение плана ремонта жилищного фонда и жилищного строительства Крайжилсоюзом были премированы председатель Чувашжилсоюза Астраханцев и председатель ЖАКТа города Канаша Захаров. Всего по региону было награждено 20 человек²⁷. На высокую оценку работы Чувашского жилсоюза повлияли и очень хорошие показатели по снижению себестоимости ремонтных работ, достигнутые в 1935 г. в Чувашии. Как уже отмечалось, они составили 11%, в то время как в среднем по РСФСР они равнялись 6,3%²⁸.

О достаточно стабильном положении в системе жилищной кооперации ЧАССР говорит и тот факт, что в 1936 г., несмотря на неоднократные изъятия горсоветами домов ЖАКТов без основательных на то причин, в распоряжении жилищно-арендной кооперации республики продолжало оставаться около 48% муниципализированного жилого фонда. По отдельным городам этот показатель был еще выше: в Алатыре – 64,2%, в Канаше – 50,6%, в Шумерле – 88,4%²⁹. Немаловажно и то, что жилищно-строительная кооперация не только заботилась об улучшении условий проживания в кооперативных домах, проводя электричество, водопровод, организуя своевременный текущий и капитальный ремонт, но и организовывала досуг детей, занимая его полезными вещами, такими как участие в различных кружках, занятиях спортом. Проблема организации свободного времени детей, подростков, особенно в летнее время, продолжает оставаться актуальной и сегодня. В рамках жилкооперации решались вопросы вовлечения женщин-домохозяек к участию в общественной работе. Именно на них, как незанятых весь день на производстве и проводивших основную массу времени дома, ложились обязанности по работе с детьми, участию в различных комиссиях, создаваемых для улучшения организации жизни в домах ЖАКТов и РЖКСТов. Женщины-домохозяйки организовывали работу кружков по борьбе с неграмотностью, красных уголков, куда выписывались газеты, журналы.

К сожалению, возможности жилищно-строительной кооперации в решении жилищного вопроса в 1920-1930-х гг. не были в полной мере использованы, как в стране в целом, так и в Чувашии, т.к. данная сис-

тема без объективных на то причин была ликвидирована Постановлением ЦИК и СНК СССР 17 октября 1937 г.

В связи с реформой жилищно-коммунального хозяйства, проводимой в нашей стране, принятием нового Жилищного Кодекса Российской Федерации 29 декабря 2004 г. вводится новая система управления многоквартирными домами. Теперь граждане могут самостоятельно выбрать один из трех вариантов управления: непосредственное управление, управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом, управление через управляющую организацию. Какая бы форма управления не была выбрана, перед всеми выше названными структурами будут стоять схожие задачи: организации нормального содержания домов, обустройство прилегающей к домам территории. Таким образом, они будут выполнять те же функции, что и жилищно-строительные кооперативы в 1920-1930-х гг. Возможно, многие проблемы, которые появятся перед ними, будут очень схожими с теми, что стояли перед ЖАКТами и РЖСКТами. Следовательно, в современных условиях может быть востребован и опыт их решения жилищной кооперацией 20-30-х гг. XX в.

На наш взгляд, в рамках национального проекта «Доступное жилье», разработанного на 2006-2010 гг., возможно обращение не только к системе ипотечного кредитования в решении жилищного вопроса, но что делается основной упор, но и к другим формам, таким как жилищно-строительная кооперация. Тем более что она использовалась в нашей стране не только в 1920-1930-х гг., но вносила свой вклад в строительство нового жилья в городах и в 50-80-х гг. XX в.

Примечания

¹ Сводная таблица главнейших показателей хозяйственного и социально-культурного строительства Чувашской АССР за второе пятилетие (1933-1937 гг.). Госплан ЧАССР, 1938. С. 1.

² Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 430. Оп. 1. Д. 62. Л. 163.

³ Горлов В.Н. Жилищный вопрос как социальная проблема. Из истории создания ЖСК // Социально-гуманитарные знания, 2004. № 1. С. 264.

⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 101. Ст. 683.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 2. Д. 141. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 23. Л. 13, 25. Подсчет наш.

⁷ Там же. Ф. 203. Оп. 2. Д. 141. Л. 4.

⁸ Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 13. Л. 44; Ф. 203. Оп. 2. Д. 141. Л. 2.

⁹ Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 118. Л. 113.

¹⁰ Там же. Д. 299. ЛЛ. 38, 83; Ф. 1284. Оп. 6. Д. 54. Л. 21. Подсчет наш.

¹¹ Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 50. Л. 15.

¹² Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 299. Л. 38.

¹³ Там же. Ф. 1284. Оп. 6. Д. 24. Л. 7.

¹⁴ Контрольные цифры народного хозяйства и социально-культурного строительства Чувашской АССР на 1932 г. Чебоксары, 1932. С. 64; ГИА ЧР. Ф. 430. Оп. 1. Д. 62. Л. 163; Д. 299. Л. 37, 116; Ф. 872. Оп. 11. Д. 503. Л. 67; Ф. 1284. Оп. 6. Д. 54. Л. 17.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 2. Д. 1004. Л. 32.

¹⁶ Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 299. ЛЛ. 4 об., 190.

¹⁸ Горлов В.Н. Указ. соч. С. 266.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 430. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

²⁰ Там же. Д. 257. Л. 25.

²¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 6. Д. 33. ЛЛ. 22, 52.

²² Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 300. Л. 277.

²³ Там же. Д. 299. Л. 9 об.

²⁴ Там же. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 8 об.

²⁶ Там же. Д. 299. ЛЛ. 84, 88.

²⁷ Там же. Ф. 1284. Оп. 6. Д. 33. Л. 40.

²⁸ Там же. Д. 30. Л. 97.

²⁹ Там же. Д. 30. Л. 108. Подсчет наш.

И.Е. Ильин

**СЕЛЬСКАЯ ЧУВАШИЯ
в конце XX – начале XXI века
(Историко-социологический анализ)**

Проблема аграрных реформ волновала умы ученых на протяжении столетий. В процессе предпринимавшихся попыток реформирования сельского хозяйства был накоплен определенный опыт принятия концептуальных решений и их реализации, отражающий содержание эволюции аграрных отношений в России¹.

Вопросы более глубокого и конкретного знания аграрного реформирования России, его социальных последствий для различных социальных групп сельского населения, выявления региональных особенностей в теоретическом и прикладном аспектах являются дискуссионными. Не проработаны модели аграрного реформирования страны, отсутствуют четкие представления о потребностях, интересах, ценностных ориентациях сельского населения, его электорального поведения как специфического типа социального поведения в период демократизации общественных отношений. В публикациях по аграрной проблематике нет ясной и апробированной программы вывода агропромышленного комплекса страны из кризиса, по материалам исследований нельзя судить о степени доверия крестьян к проводимой аграрной политике.

Основная тяжесть реформ легла на жителей села. Различия между городом и деревней в условиях труда и быта, качестве жизни нарастают. При этом проблема их преодоления не только игнорируется текущей хозяйственной практикой, но «выпадает» из формируемых правительством средне- и долгосрочных целей и задач социальной политики. Соответственно все более скудеет информационное обеспечение аналитических разработок в области социального развития села. Между тем социальная ситуация на селе подошла к тому рубежу, когда она может стать необратимой в течение многих десятилетий.

В Чувашской Республике сложное положение сельского хозяйства объясняется малоземельем и относительной сельской перенаселенностью; всеобщим спадом производства, разрывом хозяйственных связей, снижением платежеспособного спроса населения; отсутствием научно обоснованной концепции в осуществлении реформы в аграрной сфере; усилением экономической зависимости сельского хозяйства от

отраслей, производящих средства производства для села, сферы агро-сервисного обслуживания, хранения, переработки и реализации продукции; возрастанием диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и продукцию промышленности, поступающей в аграрную сферу; экономически необоснованной повсеместной реорганизацией крупнотоварного производства; наличием финансово-кредитного механизма, не создающего экономических условий для расширенного воспроизводства; отсутствием государственного регулирования и управления агропромышленным комплексом и невозможностью в связи с этим реализации научно обоснованных рекомендаций в организации производства предприятий различных форм хозяйствования; ущемлением, а порой игнорированием экономических интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей; недостаточным социальным обустройством, поддержанием и развитием сельской социальной инфраструктуры².

Агропромышленный комплекс является одним из жизненно важных секторов экономики Чувашской Республики. Сельское хозяйство производит 15,7% внутреннего валового продукта республики. Доля производства продукции перерабатывающими предприятиями АПК в промышленности составляет 15,1%. В ведении землепользователей, занимающихся сельскохозяйственным производством, находится 1038,0 тыс. га сельскохозяйственных угодий, или 56,6% всего земельного фонда.

За 1995—2004 гг. в результате значительного сокращения количества сельскохозяйственных предприятий, объемов сельскохозяйственного производства только численность занятых в сельском хозяйстве Чувашской Республики уменьшилась с 108308 до 47175 человек. Ухудшается качественный состав кадров сельского хозяйства. За 1998-2002 гг. удельный вес механизаторов 1 и 2 классов снизился с 72% до 52%. Тенденция снижения масштабов занятости наблюдается и в других отраслях сельской экономики, что привело к снижению общего уровня занятости сельского населения в общественном производстве, росту безработицы, массовому оттоку трудоспособного населения в личное подсобное хозяйство. Ухудшение ситуации в сфере занятости ослабило экономическую базу формирования доходов жителей села, что в свою очередь непосредственно отразилось на материальном положении сельских семей, падении уровня жизни крестьянства, на его социальном самочувствии.

Чувашская Республика по многим показателям уровня и качества жизни относится к категории депрессивных регионов, более 70% сельского населения находится за чертой среднего прожиточного минимума. Поскольку большая часть населения Чувашии не смогла успешно «войти» в новые экономические условия, актуальными по сей день являются поиск оптимальных механизмов социальной адаптации, органичных и естественных для общества, а также выявление адаптивного потенциала и создание благоприятных условий для жизнедеятельности регионального социума.

Нравственная и духовная атмосфера в обществе в первую очередь определяется усилиями общества и государства в областях науки, образования, здравоохранения, в создании условий и возможностей работать и иметь достойную заработную плату. В конкретно-исторических условиях России государство в начале 1990-х годов, провозгласив либеральные реформы, взяло на себя определенные этические обязательства и несет моральную ответственность. Особенность современного этапа развития страны такова, что моральный климат в обществе в значительной мере определяется социальной эффективностью реформ - динамикой количества граждан, улучшивших свои условия и уровень жизни, заявляющих об удовлетворении результатами реформ. Данные свидетельствуют о том, что треть опрошенных в 2000-2003 гг. сельских жителей Чувашии выделили ухудшение своего материального положения, возможности отдыха, плохую работу клубов, библиотек. Особенно сильно озабочены наши респонденты качеством медицинского обслуживания на селе - 49,1% ответили, что оно стало хуже по сравнению с началом 1990-х годов.

Академик Г.В. Осипов утверждает, что между реальными возможностями России, ее геополитическим положением, сырьевым и интеллектуальным потенциалом и реальным уровнем и качеством жизни народа продолжает существовать и углубляться неоправданный разрыв. Страна продолжает находиться в состоянии системного кризиса. Его основной причиной является избранный путь реформ, в результате которого осуществлен антинациональный передел собственности. Сегодня Россия, как свидетельствует система предельно-критических показателей ее развития, вплотную подошла к той черте, когда выбор социальной стратегии и социальных приоритетов ее развития становится жизненно важной проблемой¹.

В сложных социально-экономических, психологических, политических условиях, вызванных переходом к рынку, в числе наблевших,

ведущих проблем должна стать категория социальной устойчивости сельского регионального социума. Социальная устойчивость понимается учеными как баланс между социально-позитивной деятельностью человека и теми социальными благами, которые предоставляет ему общество. Мировой опыт свидетельствует о меньших социальных издержках в тех странах, где государство жестко регулирует социальную устойчивость общества. Ее основными направлениями являются: соблюдение социальных гарантий для трудоспособного населения, социальная защита для нетрудоспособных, обеспечение реального доступа населения к основным социальным благам, регулирование социальной дифференциации населения⁴.

Известно, что состояние социальной устойчивости сельского общества и ее изменение на личностно-мотивационном уровне отражается в оценках условий сельской жизни. В качестве основного показателя рассмотрим удовлетворенность селян жизнью в целом. В 2002 г. в Чувашской Республике доля удовлетворенных жизнью на селе составляла 51,0% (55,6% мужчин и 45,5% женщин), неудовлетворенных – 37,4% (36,3% и 38,7%). В 2002 г. 49,6%, а в 2005 г. 58,3% опрошенных были не удовлетворены количеством свободного времени, а многие были не удовлетворены способом проведения свободного времени.

По мнению общества, власть и собственность сосредоточились в руках бюрократов, богатых и криминала. Умалчивать или стараться не замечать эту ситуацию политически непродуктивно. Представления о справедливо и несправедливо нажитой собственности лежат в фундаменте исторического сознания россиян и коррелируются с главными моральными понятиями добра и зла. Для социально и классово детерминированного нашего общества в прошлом они неизбежны. Обойти или забыть их не удавалось никому⁵.

Аграрный труд сегодня характеризуется противоречиями, которые выступают не стимулом к динамическому развитию, а скорее причиной его постепенной деградации. Сохранение тяжелого, малооплачиваемого физического труда и соответствующей ему психологии поденщика не позволяет труду стать мерилом социального статуса крестьянина. В аграрной сфере до сих пор сохраняются виды труда, не требующие ни общеобразовательной, ни специальной профессиональной подготовки, в то время как количество образованной молодежи в избытке. В чувашской деревне большинство молодых людей получают среднее образование, соответственно все стремятся к высококвалифицированному труду, но, к сожалению, рынок труда в сельской местно-

сти слабый, нет достаточного количества рабочих мест для всех желающих.

В настоящее время именно выпускники сельских общеобразовательных школ являются основным резервом квалифицированных кадров для сельского хозяйства, гарантом благополучного существования многих и многих деревень и деревушек. Поэтому стоит задача формирования положительного отношения к сельским профессиям в целом, сельского хозяйства в отдельности, улучшения работы по социально-профессиональной ориентации учащихся, которая способствует оптимальному воспроизводству рабочей силы, является основой выбора профессии.

Социологическое исследование, проведенное нами в 2002 г., показало палитру предпочтений сельской молодежью Чувашии наиболее популярных профессий. Так, на первых трех позициях явные лидеры - предприниматель (35,1%), юрист (17,6%), экономист (13,5%), далее - инженер (9,5%), учитель (2,7%), врач (1,3%). Из числа опрошенных юношей и девушек никто не захотел стать фермером, рабочим, что наводит на грустные размышления. При выборе профессии сельская молодежь преимущественно ориентируется на получение большой зарплаты (35,1%) и интересную работу (35,1%).

В XXI веке для получения хорошей работы 56,2% респондентов считают, что нужен «блат» (связи и знакомство), а 32,4% выделяют качественное образование. В людях сельская молодежь ценит следующие качества личности: справедливость, скромность, честность (46,0%), образованность, воспитанность (20,3%), взаимопомощь, отзывчивость (12,2%), трудолюбие (6,8%), самостоятельность, личную ответственность (6,8%), предприимчивость (5,4%) и т.д.

Для молодежи показатель «жить хорошо» означает: быть материально обеспеченным (66,2%), иметь хорошую семью и детей (62,2%), быть здоровым (47,3%), чтобы в стране не было войны (24,3%), иметь здоровых детей (20,3%), интересную работу (20,2%) и т.д.

И последний сюжет, характеризующий социальный и духовный облик современной сельской молодежи. Отвечая на вопрос о том, надеетесь ли сегодня достичь успеха в обществе благодаря честному, добросовестному труду, 29,7% респондентов выбрали отрицательный вариант.

Сегодня у сельской молодежи интерес к содержанию работы, ориентация на квалифицированный, интеллектуально насыщенный труд становятся доминирующими в системе трудовых интересов. Качест-

венно меняется отношение к интеллектуальной насыщенности труда, преобладающей становится ориентация на умственный, нежели на простой физический труд. Работой меньше всего удовлетворены молодые труженики, занятые мало- и неквалифицированным ручным трудом. Их неудовлетворенность усугубляется тем, что многие из них имеют сравнительно высокое образование и поэтому рассматривают свой труд как сугубо временный этап жизни, вызванный отсутствием в деревне широких возможностей для получения профессионально-технического образования.

«По устоявшейся традиции молодежь манят общественное производство и огни больших городов, т.е. жизнь, далекая от насущных забот подворья. Свое положение в настоящий момент основная часть молодежи рассматривает как сугубо временное. Тем не менее реальность состоит в том, что многим из них просто предписано быть первым поколением новых крестьян - мелкотоварных производителей»⁶.

Однако молодежь, как наиболее мобильная социально-демографическая группа населения, не всегда реально представляет стоящие перед ней серьезные проблемы социально-экономического, психологического характера в условиях адаптационного периода.

Как отмечает В.П. Фоминых, основная беда современной молодежи заключается в наличии серьезных противоречий между явно завышенным уровнем притязаний в материальной сфере (желанием иметь высокую зарплату, собственный коттедж, дорогую иномарку, открыть свой бизнес и т.п.) и наличным уровнем трудолюбия, настойчивости, целеустремленности, специальных знаний и способностей. Это расхождение между желаниями и личными возможностями оборачивается для многих стремлением к легкой жизни, доступом к материальным благам путем преступных действий. Доказательством этому служит прогрессирующая статистика уголовных преступлений на почве воровства. Основным контингентом в этом виде преступлений является неработающая молодежь, подростки⁷.

За годы реформ произошли опасные для будущего страны изменения в экономике, отразившиеся в повальном снижении уровня жизни людей. Экономические преобразования отвечают интересам не большинства населения, а узкой группы людей. Изменения в социальной структуре населения региона повлекли за собой имущественное расслоение сельской общности, резко упал уровень жизни ее членов. В 2003 г. 47,9% респондентов ответили, что жить достаточно трудно, выживают, а 33,3% - материально живут хуже, чем 10 лет назад (в на-

чале 90-х годов). В свою очередь снабжение продовольственными, промышленными товарами стало намного лучше (более 70% респондентов выделили данное обстоятельство), то есть сегодня существует не дефицит товаров, а отсутствие денег.

Сегодня в ситуации обвального глубокого имущественного расслоения у сельских жителей растет экономическое отчуждение от сферы социально-культурного обслуживания, превращая для них многие, особенно наиболее качественные услуги в недоступные. Все это в первую очередь отражается в духовно-нравственных ориентациях отдельного человека, социума в целом.

И поэтому совершенно прав С.В. Полутин, утверждающий о необходимости социологического подхода к проблеме обеспечения социального развития регионального молодежного субсоциума (РМС). Проведение государственной политики в отношении молодежи предполагает организацию информационно-социологического наблюдения (мониторинга) за функционированием РМС, обеспечивающего регулярную и многоаспектную оценку процессов, происходящих в молодежной среде⁸.

Уровень социального и духовного развития села, отмечает Д.А. Дорш, во многом объясняется характером экономических отношений, и без активной социальной и культурной политики село не поднять. Многие чисто экономические проблемы сельской жизни порождены глубоким разрушением социальных и духовных основ сельского образа жизни⁹.

Для успешного функционирования аграрного сектора в целом необходимо знать особенности духовного развития современного села, динамику и тенденции, определяющие развитие духовного мира различных категорий сельского населения. Выходцы из села постоянно пополняют состав жителей городов, привнося в них свои ценностные ориентации и установки, вследствие чего в социальную, идейную и нравственную жизнь общества вносятся определенные особенности.

Решение многих практических задач общества невозможно без конкретного и детального анализа общего и специфического в духовном развитии сельского населения, в функционировании основных институтов культуры на селе, без учета связи современного сельского хозяйства с промышленностью, образа жизни деревни и города.

При рассмотрении культуры необходимо помнить, что она имеет всеобъемлющий характер и разновидности материальной (включающей всю сферу материальной деятельности и ее результатов) и духовной (включающей духовную деятельность и ее продукты). Обычно исследуются составляющие культуры экологической, производственной, экономической, профессиональной; рынка, труда, быта, досуга;

потребления, общения, демографического воспроизводства и т.д. А также материальные основания сельской культуры, в том числе духовной, поскольку в развитой стадии она может существовать, сохраняться и передаваться главным образом посредством материальных учреждений (клубов, театров, музеев и т.д.) и в материальной форме — книг, экспонатов, национальных парков и т.п.

В своем взаимодействии эти разновидности культуры, как отмечает В.И. Староверов, обуславливают формы общежития и образа жизни сельского населения, его социальную активность, а во взаимосвязи и совокупности их с материальными основаниями образуют *социокультурное* пространство деревни. От уровня развитости последнего зависит эффективность ее функционирования, которая характеризуется, с одной стороны, степенью гуманизации условий существования и развития самого сельского населения, с другой — вкладом его в благополучие и развитие общества в целом¹⁰.

По материалам наших социологических исследований видно, что «западничество» или «американизм» как образ жизни россиянам пока не грозит. Так, в 2002 г. 78,0% опрошенных крестьян Чувашии хотели бы видеть Россию в будущем самобытной страной, похожей только на себя. В числе друзей России респонденты назвали Белоруссию (56,3%), Украину (18,6%), то есть 75% граждан российского полиэтнического региона солидарны с народами славянских государств.

Проведенные учеными Института аграрной социологии в 1991–2005 гг. мониторинговые социологические обследования сельского населения свидетельствуют, что на всем протяжении либеральных псевдореформ в агросфере и в деревне в целом ценностные ориентации подавляющего большинства ее населения расходятся с ценностной основой идеологии проводимой здесь аграрной и социальной политики¹¹.

Сегодня объективно назрела острая необходимость корректировки курса аграрных преобразований, в основе которых должны быть принципы шumpетерианской парадигмы, когда государство выполняет роль активного социально-экономического партнера, а не пассивного участника рыночного механизма. Но когда речь идет о корректировке аграрной политики, необходимо иметь в виду, что она не может носить характер политического выбора.

Таким образом, необходим мониторинг социально-психологических факторов изменения отношения различных социальных групп сельского населения к аграрной реформе, нужна системная работа по воспитанию предприимчивости в сознании людей, поддержка духа предпринимательства крестьян. Решение всех вышеназванных

задач представляется наиболее кардинальным шагом в реформировании российского агропромышленного комплекса, от успехов которого в конечном счете зависит судьба крестьянства и перспективы дальнейшего развития Российской Федерации в целом, ее субъектов в общности.

Примечания

¹ См.: Берсенева В.Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1994; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996; Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005; Милосердов В.В. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. Ч. I. М., 1999; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др. / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002; Староверов В.И., Захаров А.Н. Рыночное приручение российского мужика. М., 2005; Они же. Новая спираль радикально-либеральной модернизации российской агросферы. М., 2005; Судьбы российского крестьянства / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.

² Федоров Н.В., Кураков Л.П. Прогнозирование социально-экономического развития регионов Российской Федерации. М., 1998. С. 587

³ Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке. М., 2003. С. 34.

⁴ Блинова Т.В., Кутенков Р.П., Рубцова В.Н. Социальная устойчивость сельского сообщества // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 35.

⁵ Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях нелиберальных трансформаций // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 39.

⁶ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2003. С. 108.

⁷ Психология и духовно-нравственное здоровье российского общества: Материалы региональной науч.-практ. конф. / Под общ. ред. В.П. Фоминых. Чебоксары, 2004. С. 4.

⁸ См.: Полутин С.В. Региональный молодежный субсоциум как категория социологического анализа // Регинология. 2000. № 2. С. 289.

⁹ Дорш Д.А. Управление социальными процессами на селе: диагностика и пути оптимизации: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1994. С. 27.

¹⁰ Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 65.

¹¹ См.: Захаров А.Н., Староверов В.И. Новая спираль радикально-либеральной модернизации российской агросферы.

Н.С. Яковлева

**УРОВЕНЬ КВАЛИФИКАЦИИ ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧУВАШИИ
в конце 1960-х – начале 1980-х гг.**

Одной из основных качественных характеристик труда является уровень квалификации. Он формируется под влиянием ряда факторов, среди которых важную роль играют общее и специальное образование, производственный стаж, возраст, содержание и условия труда, семейное положение, материальное благосостояние семьи и т.д. Анализ воздействия данных факторов на квалификационный уровень работниц содержится в ряде исследований, посвященных проблемам женского труда. Так, в монографии Е.Б. Груздевой и Э.С. Чертихиной показана взаимосвязь уровня образования и квалификации труда. Авторы отмечают, что малоквалифицированным трудом заняты в основном работницы с довольно низким уровнем образования, в то время как в квалифицированных профессиях представлены наиболее образованные женщины¹. А.Э. Котляр и С.Я. Турчанинова в своей работе указывают на то, что общее и специальное образование по-разному воздействуют на уровень квалификации рабочих. Профессиональное обучение непосредственно и наиболее эффективно влияет на квалификацию. Общеобразовательная подготовка непосредственно не влияет на повышение квалификации, однако способствует более быстрому овладению специальными знаниями и профессиональными навыками. Вместе с тем, роль как общего, так и специального образования в качестве квалификационного фактора в большей степени зависит от содержания и степени механизации труда рабочего. На тех работах, где преобладает ручной труд, роль образования в повышении квалификации ограничена, и степень умелости почти целиком зависит от производственного опыта рабочего, соответствующего стажу по профессии. Однако в профессиях высококвалифицированного труда для роста квалификации рабочего на первый план выдвигается необходимость высокой общеобразовательной подготовки в сочетании с профессиональной. Исследуя воздействие возраста и стажа на уровень квалификации рабочих – мужчин и женщин, авторы приходят к следующим выводам. У работниц рост квалификации во времени идет медленнее и в более узких пределах, чем у рабочих-мужчин. Общий стаж как квалификационный фактор оказывает более слабое и ограниченное влияние, чем стаж по

профессии. В свою очередь, степень влияния профессионального стажа на повышение квалификации у женщин выражена слабее, чем у мужчин. Накопление опыта, знаний, навыков работы по определенной профессии у них происходит медленнее². В монографии В.Б. Михайлюк анализируется связь уровня квалификации с семейным положением женщин, числом детей в семье, уровнем обеспеченности семьи. Очевидно, что наибольшие возможности для повышения квалификации имеют женщины, не имеющие детей, и те, у кого дети воспитываются в детских учреждениях. Заинтересованность в повышении квалификации выше у женщин из более обеспеченных семей³.

Различное влияние перечисленных факторов на квалификацию рабочих – мужчин и женщин, связанное с социально-демографической спецификой женской и мужской рабочей силы, обуславливает отставание квалификационного уровня работниц. Многие авторы причины различий в уровне квалификации и темпах ее повышения у мужчин и женщин объясняют естественными перерывами в трудовой деятельности работниц, вызванными рождением и воспитанием детей, практическим отсутствием у них времени для повышения квалификации из-за домашней занятости, несовершенством системы бытового обслуживания, остатками традиционных представлений о месте и роли женщины в общем разделении труда, сложившимся отраслевым распределением и т.д.⁴.

Рассмотрим, как менялся уровень квалификации промышленно-производственных рабочих Чувашской АССР – мужчин и женщин в конце 1960-х – начале 1980-х гг.

В качестве источника были использованы материалы единовременных статистических учетов численности рабочих по профессиям, тарифным разрядам за 1969, 1972, 1975, 1982 гг., хранящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики и в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук.

В целом для промышленности республики в указанный период было характерно небольшое повышение уровня квалификации рабочих – мужчин и женщин. Причем, средний тарифный разряд у мужчин вырос на 0,5 пункта (с 3,4 в 1969 г. до 3,9 в 1982 г.), а у женщин – лишь на 0,2 пункта (соответственно с 2,8 до 3,0) (табл.).

*Распределение рабочих промышленности Чувашской АССР
по уровню квалификации в 1969-1982 гг.³*

	Всего рабочих без учеников (чел.)	в т.ч. в процентах к общей численности рабочих						Средний тарифный разряд рабочего
		тарифные разряды						
		I	II	III	IV	V	VI	
1969 г.								
мужчины	41873	8,2	17,9	24,5	24,9	18,5	6,0	3,4
женщины	49244	15,9	24,5	31,5	16,8	10,6	0,7	2,8
1975 г.								
мужчины	51250	4,4	17,2	25,0	26,6	19,7	7,0	3,6
женщины	58504	11,9	29,6	35,3	15,5	7,3	0,4	2,8
1982 г.								
мужчины	60954	2,4	13,5	24,3	24,4	23,7	11,7	3,9
женщины	60782	7,0	24,7	38,1	20,2	9,5	0,5	3,0

Данные табл. 1 демонстрируют устойчивое снижение за 13 лет доли малоквалифицированных рабочих, как среди мужчин (с 26,1 до 15,9%, т.е. в 1,6 раза), так и среди женщин (с 40,4 до 31,7% - в 1,3 раза). В то же время удельный вес квалифицированных работников незначительно уменьшился у мужчин (с 49,4 до 48,7% - на 0,7 пункта) и существенно возрос у женщин (от 48,3 до 58,3% - на 10 пунктов). Для рабочих-мужчин также была характерна высокая интенсивность процесса повышения доли тех, кто имел самые высокие разряды (от 18,7 до 35,4% - в 1,9 раза). У женщин наблюдалась обратная ситуация: удельный вес высококвалифицированных работниц сократился с 11,3 до 10%, т.е. на 1,3 пункта.

Более низкий уровень квалификации работниц объяснялся довольно широким использованием женской рабочей силы в массовых профессиях основного производства, тарифицируемых по средним разрядам, а также на малоквалифицированных подсобных и вспомогательных работах. Так, более половины квалифицированных работников промышленности составляли женщины среди машинистов, мотористов (41,9% в 1969 г. и 51,5% в 1982 г.), аппаратчиков (53,4 и 55,6%), станочников по деревообработке (76,2 и 65,3%), сборщиков изделий, деталей (80,4 и 87,9%), штамповщиков, прессовщиков (81,2 и 69,7%), лаборантов (97,6 и 98,1%). На операциях вспомогательного производства женщины-работницы преобладали среди сортировщиков-разборщиков (55,3 и 62,2%), подносчиков-транспортировщиков (60 и 43,9%), укладчиков, весовщиков, фасовщиков (76,7 и 71%), подсобных

рабочих (81,3 и 83,4%), кладовщиков (88 и 94,3%)⁶. Для этих профессий был характерен небольшой диапазон сложности труда и низкие тарифные разряды, поэтому работницы фактически не имели возможности повышать свою квалификацию. Что касается высококвалифицированных работников, труд которых требовал высокого уровня профессиональной подготовки был связан с необходимостью конкретного знания техники производства, то среди них женщин было мало. Например, доля работниц среди наладчиков и настройщиков станков, наладчиков автоматов уменьшилась за 1969-1982 гг. с 10,4 до 6,9%, электромонтеров – с 13,6 до 12,1%, немного повысилась среди электрослесарей – с 6,8 до 9,7%⁷.

Характерной чертой рассматриваемого периода явилось заметное увеличение разрыва в уровнях квалификации мужчин и женщин. Так, в 1969 г. он равнялся 0,6 разряда, в 1975 г. – 0,8, в 1982 г. – 0,9. Данная тенденция наблюдалась в торфяной, химической, легкой, в том числе в текстильной, и пищевой промышленности. В других отраслях промышленности - машиностроении и металлообработке, лесозексплуатации, деревообрабатывающей, промышленности строительных материалов, полиграфической происходил обратный процесс, но он был слабо выражен и не мог компенсировать увеличения квалификационной дистанции между мужчинами и женщинами. Что касается электроэнергетики и черной металлургии, то в статистической отчетности нет данных об уровне квалификации работников этих отраслей в зависимости от пола.

Наивысший разрыв в квалификационном уровне рабочих - мужчин и женщин отмечался в торфяной промышленности, где разница в их средней квалификации достигла в 1982 г. 1,6 разряда, увеличившись по сравнению с 1969 г. на 0,2 пункта. Если основная часть работниц здесь входила в группу малоквалифицированного (23,7% в 1969 г. и 29,7% в 1982 г.) и квалифицированного (соответственно 70,9 и 70,3%) труда, то почти половина всех работников имела высшие (5 и 6) разряды (45,6 и 46,1%)⁸. Сокращение общего числа рабочих в данной отрасли происходило за счет женщин преимущественно с высокими и средними разрядами, работающими, прежде всего, машинистами и мотористами. Так, численность женщин-машинистов, мотористов за 1972-1982 гг. сократилась в 3,5 раза, в то время как общая численность работниц - в 1,5 раза. Женский труд все больше применялся среди низкоквалифицированных профессий, требующих значительных физических

усилий - подсобных рабочих, торфорбочих («прочих»), выполняющих работу вручную, где доля женщин достигала 90-100%⁹.

В химической промышленности различия в уровне квалификации рабочих - мужчин и женщин также усиливались. Так, в 1969 г. разрыв среднетарифных разрядов составлял 0,5, в 1975 г. – 0,8, в 1982 г. – 1,2. Высокие темпы роста численности рабочих в интенсивно развивавшейся химической отрасли обусловили значительное увеличение удельного веса низкоквалифицированных работниц – на 10,7 пункта (с 16,3% в 1969 г. до 27% в 1982 г.), при существенном уменьшении удельного веса лиц с высокими (5-6) тарифными разрядами - на 11,2 пункта (с 17,2 до 6%). Однако самой массовой для женщин оставалась группа среднеквалифицированного труда (66,5% в 1969 г. и 67% в 1982 г.)¹⁰. Здесь женщины были широко представлены среди лаборантов-рабочих (98,8% от общего числа работающих в 1972 г. и 91,4% в 1982 г.), контролеров, браковщиков (95,3 и 97,7%), аппаратчиков (57,6 и 56,1%), машинистов и мотористов (47,6 и 48,7%)¹¹. У мужчин же, наоборот, уменьшилась доля малоквалифицированных работников (соответственно с 19 до 8,9%) и вырос удельный вес тех, кто имел средние и высокие разряды (от 81 до 91,1%)¹².

Квалифицированный уровень работниц отставал от уровня квалификации рабочих-мужчин даже в традиционно «женской» - легкой промышленности (без текстильной). Разница средних тарифных разрядов составляла в 1969 г. - 1,1, в 1975 г. – 1,2, в 1982 г. - 1,3 пункта. В 1969 г. 1-3 разряды имели 69,4% женщин, в 1982 г. - 79,4%, 4-6 разряды – соответственно 30,6 и 20,6%. Среди мужчин в эти годы ситуация была обратной: одна треть была занята малоквалифицированным и две трети – высококвалифицированным трудом¹³. Самые многочисленные и феминизированные профессиональные группы в легкой промышленности - швей-мотористки, швеи на ручных и ножных машинах, швейручницы и ткачи на механических ткацких станках входили в группу среднеквалифицированного труда.

Относительно высокий уровень квалификации имели работницы предприятий текстильной промышленности республики. Так, среднетарифный разряд у них оставался практически неизменным в течение всего рассматриваемого периода – 3,5. У мужчин же данный показатель увеличился на полразряда (с 3,9 до 4,4). Таким образом, если в начале исследуемого периода разрыв в уровне квалификации рабочих – мужчин и женщин составлял всего 0,3 разряда, то в конце - почти целый разряд (0,9). Удельный вес мужчин, имеющих наивысшую квали-

фикацию (5 и 6 разряды), вырос за 1969-1982 гг. в полтора раза (с 37,1 до 55,6%). В текстильной промышленности рабочие-мужчины были заняты на высококвалифицированных работах по ремонту и наладке оборудования (вспомогательные операции), а среди рабочих основного производства они работали помощниками мастеров. Что касается женщин-текстильщиц, то среди них, наоборот, сократилась доля тех, кто входил в группу высококвалифицированного труда (с 25,5 до 23,6% - на 1,9 пункта). Основная масса работниц имела 3-4 разряды, здесь было сосредоточено 58,3% в 1969 г. и 59,6% в 1982 г., в то время как по низким разрядам работало соответственно 16,2 и 16,9% женщин¹⁴. По 3-5 разрядам обычно тарифицировались ткачихи, прядильщицы, ровничницы, мотальщицы, ленточницы и другие ведущие профессии текстильного производства¹⁵. Причем выпускники ПТУ, где готовили большинство рабочих основных профессий отрасли, получали почти всегда максимально возможные разряды. Таким образом, формально расти квалификационный уровень не мог, хотя он, безусловно, отличался у многоопытных работниц и выпускниц технического училища¹⁶.

Отставание квалифицированного уровня работниц на предприятиях пищевой промышленности Чувашской АССР было выражено немного сильнее, чем в текстильной отрасли. Разница средних тарифных разрядов рабочих - мужчин и женщин составляла в 1982 г. один разряд, увеличившись по сравнению с 1969 г. на 0,3 пункта¹⁷. Сопоставление квалификации мужчин и женщин в пределах ряда одноименных профессий также показывает, что средний ее уровень у мужчин был выше, чем у женщин. Так, среднетарифный разряд мужчин-рабочих хлебопекарного, мясного, маслосыродельного и молочного производств равнялся в 1982 г. 3,9, а у женщин-работниц - 3,0¹⁸. Самая многочисленная группа работниц - 59,9% в 1969 г. и 64,7% в 1982 г. - имела 3-4 тарифные разряды, примерно та же доля (соответственно 57,2 и 70,9%) среди рабочих-мужчин концентрировалась уже в более высоких разрядах - в 4-6¹⁹. По средним и высоким разрядам, кроме указанных выше профессий, женщины работали среди лаборантов-рабочих, аппаратчиков, операторов, машинистов пищевой промышленности, удельный вес работниц среди них достигал 70-100%²⁰. Малоквалифицированным трудом у женщин было занято соответственно 32,2 и 26,7%, у мужчин - всего 10,5 и 7,6%²¹.

В машиностроении и металлообработке, в отличие от вышеперечисленных отраслей, разрыв в уровнях квалификации мужчин и жен-

щин, наоборот, сокращался (с 1,1 среднетарифного разряда в 1969 г. до 0,9 в 1982 г.). В 1969 г. 69,9% работниц имели самые низкие разряды и лишь 7,5% из них тарифицировались по 4-5 разрядам, тогда как среди рабочих-мужчин по 1 и 2 разрядам работало всего 36,8%, а по 4-6 разрядам – 37,9%. Спустя 13 лет доля малоквалифицированных рабочих заметно уменьшилась – на 30,3 пункта у женщин и на 17,2 пункта у мужчин. Ведущей, как среди работниц (53,6%), так и среди работников (47,6%), стала категория рабочих с 3-4 разрядами при возрастании доли высококвалифицированных рабочих (у женщин – на 6 пунктов, у мужчин – на 15,9 пункта)²². Невысокий уровень квалификации работников машиностроительных заводов в значительной степени был обусловлен тем, что они были сконцентрированы в таких многочисленных профессиях, как сборщики изделий, деталей (78,8% от общего числа рабочих в 1972 г. и 87,9% в 1982 г.), слесари механосборочных работ, слесари-сборщики (67,5 и 32,8%), тарифицируемых по 1-3 разрядам. В то же время среди высококвалифицированных рабочих, таких, как наладчики, занятые ремонтом и наладкой оборудования, женщины были представлены слабо (соответственно 9,8 и 3,5%). В других массовых профессиях основного производства, таких как сверловщики (доля работниц равнялась 69,4% в 1972 г. и 60,4% в 1982 г.), токари-револьверщики (54,3 и 66,3%), шлифовщики (33,5 и 52,8%), гальваники (66,3 и 78,4%), маляры, лакировщики по металлу (79,5 и 92,8%), штамповщики, прессовщики (82,2 и 66,1%)²³, женщины имели достаточно низкие разряды, уступая в профессиональном мастерстве и сложности выполняемых работ мужчинам соответствующих профессий. Например, средний разряд мужчин – станочников по металлу составлял в 1982 г. 3,6 разряда, у женщин – всего 2,6²⁴. На вспомогательных работах женщины преобладали среди упаковщиков, укладчиков (52,7% в 1972 г. и 54,1% в 1982 г.), подносчиков-транспортировщиков (67,2 и 78%), подсобных рабочих (84,9 и 69,2%), контролеров, браковщиков (88,1 и 90,1%) и кладовщиков (90,8 и 94,%)²⁵. Это профессии низкой и средней квалификации, не требующие больших знаний, но связанные со значительными физическими затратами.

Расхождения в квалификационных уровнях рабочих – мужчин и женщин также сокращались в лесной и деревообрабатывающей промышленности. В первой отрасли разрыв в среднетарифных разрядах уменьшился в течение рассматриваемого периода на 0,3 пункта (с 1,2 до 0,9), во второй – на 0,2 пункта (с 0,8 до 0,6). Абсолютное сокращение числа работающих в этих отраслях, связанное с уменьшением лесозаготовок и дальнейшей механизацией труда на лесоразработках и

лесообработке, произошло за счет существенного снижения удельного веса низкоквалифицированных рабочих, при заметном увеличении удельного веса лиц со средними и высокими тарифными разрядами. Так, за 1969-1982 гг. в лесной и деревообрабатывающей промышленности доля рабочих 1-2 разряда уменьшилась у женщин соответственно в 1,4 (с 55,7 до 38,9%) и в 2,5 (с 42,1 до 16,8%) раза, у мужчин - в 1,3 (с 12,4 до 9,7%) и в 3,3 (с 21,9 до 6,7%) раза. В то же время удельный вес тех, кто тарифицировался по 3-6 разрядам повысился среди работников в лесозексплуатации на 16,8 пункта (от 44,3 до 61,1%), деревообрабатывающей отрасли - на 25,3 пункта (от 57,9 до 83,2%), среди работников - соответственно на 2,7 (от 87,6 до 90,3%) и на 15,2 (от 78,1 до 93,3%) пункта²⁶. Высокая концентрация женщин здесь наблюдалась среди таких массовых квалифицированных профессий, как отделочники (66% в лесной и 100% в деревообрабатывающей) и станочники (соответственно 55-80 и 83%) по деревообработке²⁷.

Сравнение квалификационного состава мужчин и женщин, работающих в промышленности строительных материалов, показало небольшое уменьшение отставания уровня квалификации работниц. Если в 1969 г. разница средних тарифных разрядов составляла 1,3, то в 1982 г. она равнялась 0,9. Объяснялось это тем, что у женщин с большей интенсивностью, чем у мужчин, снижалась доля малоквалифицированных рабочих (у работниц - с 37,7 до 26,5%, у работников - с 12,9 до 9,5%)²⁸, в первую очередь, за счет грузчиков, выгрузчиков, упаковщиков, подсобных рабочих²⁹, и повышался удельный вес лиц со средними разрядами (соответственно от 49 до 65,6% и от 48,8 до 52,2%)³⁰ - за счет арматурщиков, крановщиков, прессовщиков, сушильщиков, съемщиков-укладчиков и других профессий основного производства³¹.

Самое значительное снижение разрыва в производственной квалификации мужчин и женщин отмечалось в полиграфической отрасли (на полразряда - с 1,3 в 1969 г. до 0,8 в 1982 г.). Среднетарифный разряд у работниц за исследуемый период вырос с 2,9 до 3,4, у работников же он почти не менялся и составлял 4,2. В 1969 г. 37,1% всех женщин имели 1-2 разряды и 62,7% - 3-5 разряды, в 1982 г. соответственно 24,2 и 75,8%. В то время как у мужчин в начале рассматриваемого периода около половины всех работающих тарифицировалось по 5 и 6 разрядам, в конце - столько же по 3 и 4³². Женщины здесь были заняты преимущественно на основных производственных операциях, мужчины - на высококвалифицированных ремонтно-вспомогательных.

На предприятиях промышленности Чувашии женщины-работницы повышали свою квалификацию на производственно-технических курсах, курсах целевого назначения, в школах по изучению передовых методов труда, на курсах бригадиров, в порядке обучения вторым и

смежным профессиям, в народных университетах, экономических школах и т.д. В общей численности рабочих, прошедших обучение по повышению квалификации, женщины составляли в 1976 г. 40,6%, в 1982 г. – 48,6%. Естественно, что данный показатель был намного выше в «женских» отраслях промышленности – пищевой (соответственно 76,4 и 63,7%), легкой (70,4 и 79,7%), в том числе текстильной (66,6 и 78,5%) и значительно ниже – в «мужских» - электроэнергетике (6,5 и 14,8%), черной металлургии (15,5% в 1982 г.)³³.

На государственном уровне проблема роста квалификации женщин-работниц, совершенствования их подготовки и переподготовки, решалась путем принятия специальных постановлений. Одно из них – «О работе профсоюзных органов по дальнейшему улучшению условий труда, профессионального обучения, культурно-бытового и медицинского обслуживания женщин, работающих на предприятиях народного хозяйства» было принято Президиумом ВЦСПС в 1975 г. В нем указывалось о том, что профсоюзные организации должны были дать возможность приобрести новую профессию, помочь овладеть новой техникой, организовать дело так, чтобы на курсах повышения квалификации обучение проходило в удобное для женщин время, обеспечить работницам возможность сдать экзамен на более высокий разряд³⁴. Создание лучших условий для овладения женщинами профессиями, требующими высокой квалификации, предусматривало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию подготовки и повышения квалификации рабочих на производстве» (1979 г.), в соответствии с которым работницы, имеющие детей в возрасте до 8 лет, должны были проходить переподготовку и повышать свою квалификацию с отрывом от работы и сохранением на время обучения среднемесячной заработной платы³⁵. Однако, несмотря на эти мероприятия, тенденция увеличения разрыва в уровнях квалификации промышленно-производственных рабочих Чувашии - мужчин и женщин в конце 1960-х – начале 1980-х гг. сохранялась.

Примечания

¹ Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советских женщин. – М., 1983. – С. 39.

² Котляр А.Э., Турчанинова С.Я. Занятость женщин в производстве. – М., 1975. – С. 72-77.

³ Михайлюк В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. – М., 1970. – С. 75-76.

⁴ Данченко Н.И. Правовая охрана труда женщин. – Киев, 1985. – С. 74; Новикова Э.Е., Язова В.С., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. – М., 1978. – С.19; Сидорова Т.Н. Труд и современная женщина. – М., 1981. – С. 44 и др.

⁵ Таблица рассчитана по материалам единовременных обследований Статуправления ЧАССР за 1969-1982 гг.: НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 27-30; Ед. хр. 1065. Л. 23.

⁷ Там же. Ед. хр. 840. Л. 27, 29; Ед. хр. 1065. Л. 23.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 3, 5; Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 112. Л. 40-49; Д. 1099. Л. 23-26.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 3, 5; Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 112. Л. 50-59; Д. 1099. Л. 70-186.

¹² НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 3, 5; Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

¹³ Там же. Ед. хр. 840. Л. 4, 6; Ед. хр. 1065. Л. 4, 5.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 840. Л. 4, 6; Ед. хр. 1065. Л. 4, 6.

¹⁵ Единый тарифно-квалификационный справочник: текстильная промышленность. – М., 1970. – С. 523-526.

¹⁶ Бойко И.И. Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960-1985 гг.). – Чебоксары, 1997. – С. 118.

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 4, 6; Ед. хр. 1065. Л. 4, 6.

¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 1104. Л. 2, 6.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 4, 6; Ед. хр. 1065. Л. 4, 6.

²⁰ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 112. Л. 130-139; Д. 1101. Л. 70-74.

²¹ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 4, 6; Ед. хр. 1065. Л. 4, 6.

²² Там же. Ед. хр. 840. Л. 3, 5; Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

²³ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 112. Л. 60-69; Д. 1095. Л. 4-15.

²⁴ Там же. Д. 1095. Л. 3.

²⁵ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 112. Л. 60-69; Д. 1095. Л. 4-15.

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 3, 5, 6; Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

²⁷ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 112. Л. 70-79, 80-89; Д. 1099. Л. 58-164. Д. 1101. Л. 39-40.

²⁸ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 3, 6; Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

²⁹ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 112. Л. 90-99; Д. 1099. Л. 172-183.

³⁰ НА ЧГИГН. Отд. X. Ед. хр. 840. Л. 3, 6; Ед. хр. 1065. Л. 3, 5.

³¹ Там же.

³² Там же. Ед. хр. 840. Л. 4, 6; Ед. хр. 1065. Л. 4, 6.

³³ ГИА ЧР. Ф. 872. Оп. 28. Д. 446. Л. 113; Д. 1085. Л. 3.

³⁴ Данченко Н.И. Правовая охрана труда женщин. – К., 1985. – С. 88.

³⁵ Новикова Э.Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. – М., 1985. – С. 66.

Г.А. Тимофеев

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СССР во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов

Экономические итоги 1989 года со всей ясностью дали понять, что политика «радикальной экономической реформы», объявленной на июньском Пленуме ЦК КПСС (1987 год), по существу провалилась. Основанная на «трех китах» – законе о госпредприятии, законе о кооперативах и законе об аренде земли и техники крестьянами – эта экономическая политика пыталась построить абсолютно необходимые рыночные элементы в прокрустово ложе административно-командной системы. Правительство СССР считало, что это позволит совершить значительный рывок вперед, т.е. выведет экономику из застойно-кризисного состояния, сохранив при этом базовые социалистические ценности. Фактически «речь шла исключительно о совершенствовании социализма с широким использованием товарно-денежных отношений»¹. О рынке, как таковом, и речи не было.

Противоречия, заложенные в модели 1987 года, стали очевидны к концу 1989 г. Прирост производства, даже по данным лукавой статистики Госкомстата, упал до самых низких величин за все послевоенные годы – в промышленности он составил 1,7%, в сельском хозяйстве – 1,3%². Реальность же была еще хуже, поскольку валовой принцип подсчета не учитывал, что часть продукции так и не была реализована либо из-за крайне низкого качества, либо по причине несообразно высокой цены, заявленной предприятиями – так называемый «коллективный эгоизм» предприятий³. Более того, во второй половине 1989 года наметилась явная отрицательная динамика, которая уже прослеживалась и по статистическим данным. Тот же «коллективный эгоизм» при явном попустительстве региональной, а порой и центральной власти привел к существенному разрыву между ростом производительности труда и ростом денежных доходов населения. В 1989 году эти показатели составили соответственно 2,3 и 13,1 %⁴. Такая ситуация, с одной стороны, вела к росту товарного дефицита в госторговле, с другой, запускала механизм инфляции. Даже по статданным рост цен в 1989 году составил 2,4% против 0,2% в 1988 г.⁵ По другим же расчетам, с учетом так называемой «скрытой инфляции», эти цифры можно было увели-

чить на порядок, а то и больше⁶. Старая командно-административная система все более впадала в состояние паралича, новые рычаги при сохранении базовых социалистических основ экономики не действовали и даже ухудшали положение. «Все большая часть страны садилась на карточки»⁷. Неопределенность и незавершенность экономической модели 1987 стала очевидной. Необходимо было искать новые пути в экономике. При этом средства лечения болезни были очевидны для всех – рынок и демократизация – но по вопросу о способах их применения возникли серьезные разногласия.

Впервые о планах правительства частично пересмотреть экономическую концепцию было заявлено еще в мае 1989 года. Председателем Совета Министров СССР Н.И. Рыжковым был представлен план поэтапного перехода к регулируемой рыночной экономике. Однако по своей обтекаемости и отсутствию конкретики он напоминал партийные постановления предыдущих лет и не мог стать даже основой для разработки модели экономических реформ⁸. Необходимость более радикальных реформистских шагов становилась все более очевидной. В августе 1989 года разработкой концепции новой экономической реформы занялась по поручению Верховного Совета СССР группа под руководством академика Л.И. Абалкина, только что назначенного зампредсовмина СССР. Параллельно разрабатывалась еще одна модель – социалистами из Госплана СССР. К началу 1990 года обе эти модели – более радикальная и с явным монетаристским уклоном у Л.И. Абалкина и опирающаяся на концепцию 1987 года госплановская разработка – были объединены в так называемый проект союзного правительства. Уже в самом этом объединении достаточно альтернативных программ прослеживается и наличие в центральном руководстве серьезных противоречий в направлении курса реформ, и непонимание лидерами страны базовых принципов рыночной экономики – «сказывался длительный застой экономической мысли в СССР»⁹.

Между тем, экономическая ситуация в стране продолжала ухудшаться. Наметившаяся в конце 1989 года отрицательная динамика приобретала вид все более стремительно опускающейся кривой. В этих условиях рыжковский союзный проект с его чрезвычайно медленным – рассчитанным на шесть лет – движением к регулируемому государством рынку становился неприемлемым. Этот путь, во многом основанный на старых схемах, нес угрозу уже национальной безопасности страны мог привести к полному коллапсу экономики.

Автором совершенно новой модели экономической реформы, основанной почти исключительно на рыночных принципах, стал молодой и неизвестный тогда экономист Г.А. Явлинский. К лету 1990 года им была разработана так называемая «программа «400 дней», в основе которой была идея о массовой приватизации советской экономики¹⁰. Вскоре этот проект, доработанный и несколько растянутый по срокам, был взят на вооружение Советом Министров РФ и противопоставлен упомянутому плану реформ союзного правительства. В историю он вошел как «Программа «500 дней».

Программа Г.А. Явлинского предусматривала четыре важнейших этапа по внедрению рыночных отношений и оздоровлению экономики. Первый этап – законодательный (100 дней) – рекомендовал быстрое принятие законов по разгосударствлению экономики, установлению равенства прав собственников и свободы предпринимательства. На втором этапе (100-250 дней) главной должна была стать либерализация цен на потребительском рынке, при одновременной жесткой монетаристской политике, которая должна была сдерживать инфляцию и сбалансировать госбюджет. Третий этап (250-400 дней) уже подразумевал стабилизацию рынка, снятие последних административных социалистических регуляторов экономики и ускорение разгосударствления экономики. На четвертом этапе (400-450 дней) должна была закончиться фаза экстренных рыночных преобразований, доля государства в экономической собственности снижена до 10-30%. С этого момента должен был начаться и экономический подъем¹¹. Несомненно, «Программа «500 дней» была излишне оптимистична, что вполне доказывают последующие события, связанные с реформированием уже российской экономики. В ней явно недооценивался вероятный спад производства, возлагались излишние надежды на монетаризацию как способ обуздать инфляцию. Однако в целом проект Г.А. Явлинского предлагал совершенно необходимые и очевидные шаги к оздоровлению экономики. В свете данной программы стали еще более ясно видны надуманность и противоречивость рыжковско-абалкинского проекта. Осознал ее перспективность и М.С. Горбачев, давший задание разработать союзную программу реформ, близкую к проекту Явлинского. Был даже заключен временный союз с Б.Н. Ельциным, результатом которого стала разработка базовой программы «Переход к рынку», близкой к «Программе «500 дней»¹². Для страны появился реальный шанс ре-

формировать и оздоровить экономику при сохранении ее единства. Однако в силу ряда причин: политических и экономических разногласий двух президентов, разницы их мировоззрений и присутствующей личной неприязни – шанс этот так и не был использован.

Примечания

¹ Рыбаков Ф.Ф. Вестник С.-Петербургского университета. Вып.3. СПб., 1997. С. 33.

² Шубин А. В. Парадоксы Перестройки. М., 2005. С. 401.

³ Согрин В. В. Политическая история России: 1985-1994 от Горбачева до Ельцина. М., 1994.

⁴ Шубин А. В. Указ. соч. С. 398.

⁵ Россия в меняющемся мире. ИЭА. М., 1997. С. 591.

⁶ Аргументы и факты. 1990. № 9.

⁷ Гайдар Е.Г. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 57.

⁸ Шубин А.В. Указ. соч. С. 402.

⁹ Боффа Дж. От СССР к России: история неоконченного кризиса, 1964 – 1994. М., 1996. С. 174.

¹⁰ Там же. С. 216.

¹¹ История отечества. XX век. Н. Новгород, 1999. С. 255-257.

¹² Курс экономики. Учебник под ред. Б.А. Райзберга. М., 2001. С. 700.

А.А. Данилов

ЭВОЛЮЦИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ЧУВАШИИ

С момента начала работы в октябре 1961 г. в Чебоксарской студии телевидения (далее ЧСТ) возникал ряд трудностей в вопросах подбора кадров. Студия испытывала острую нехватку квалифицированных кадров режиссеров и редакторов. Продолжительное время не была укомплектована киногруппа. Например, в 1962 г. вместо семи необходимых режиссеров на студии работало пять, вместо пяти ассистентов режиссера – три, вместо пяти помощников режиссеров – три¹. Работники редакций ЧСТ в практической работе сталкивались с некоторыми проблемами. Так, в течение полугода не выписывались газеты, журналы и другие периодические издания, которые были на тот момент, наряду с радио, единственным источником получения информации о произошедших событиях в стране и за рубежом. Студия также долгое время не имела телефонной связи и собственного транспорта. Разумеется, все это серьезно повлияло на оперативность². В связи с вводом в эксплуатацию магистральной радиорелейной линии увеличился объем вещания, и необходимо было принимать меры по подбору новых специалистов. Однако подбор и укомплектование кадров иногда производились без достаточного изучения, и в результате этого были случаи увольнения с работы после прохождения испытательного срока. Отсутствие среди работников профессиональных журналистов также усложняло работу. В штате были филологи и историки, фотографы и юристы. Многие работники имели смутное представление о ТВ. Такая ситуация характерна для начала 60-х годов – периода становления ЧСТ³.

1 сентября 1959 г. на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова было создано отделение радиовещания и телевидения (далее РВ и ТВ)⁴. Но, к сожалению, выпускники этого отделения «не доезжали» до Чувашии, а в Чувашском государственном университете (далее ЧГУ) специализация по телевизионной журналистике была открыта намного позже, лишь в 1995 г. Специализированная кафедра по ТВ – кафедра электронных средств массовой информации (далее СМИ) и рекламы – в ЧГУ открыта в 1999 г.

В 60-х гг. вузы страны – Институт кинематографии, театральные институты и институты культуры, факультеты и отделения журналистики университетов – начали подготовку специалистов для ТВ; были открыты постоянно действующие курсы повышения квалификации для работников студий всех профессий.

Считалось, что подбор и расстановка кадров на различных участках – это лишь одна сторона дела, а другая, не менее важная и сложная часть, – это обучение и воспитание кадров. В Комитете по РВ и ТВ при Совете Министров ЧАССР принимались меры по повышению образования работников, по обеспечению Чувашского ТВ высококвалифицированными сотрудниками. Поскольку студия не была в состоянии самостоятельно организовать учебу режиссеров, помощников и ассистентов режиссера, дикторов, операторов, редакторов и корреспондентов, в целях повышения телевизионной квалификации практиковались командировки сотрудников ЧСТ на другие студии страны по изучению опыта их работы, курсы техминимума на студии, проводимые Комитетом по РВ и ТВ при Совете Министров ЧАССР. Тематика курсов была разработана с таким расчетом, чтобы слушатели имели возможность глубже ознакомиться с творческой работой всех редакций и служб, учиться на их успехах и ошибках. Важным обстоятельством в подборе кадров оставалось то, что студия готовила передачи на чувашском и русском языках, поэтому особое внимание уделялось привлечению и подготовке национальных кадров. Трудно обстояли дела и с наличием собственных рабочих корреспондентов. Для решения этого вопроса в октябре 1962 г. в ЧСТ была организована школа рабочих корреспондентов, которую регулярно посещали в течение семи месяцев и окончили 20 рабочих корреспондентов. Впоследствии многие из них активно сотрудничали с ТВ⁵. В режиссерской, телеоператорской, звукорежиссерской и дикторской группах организовывались творческие занятия, техническая учеба, проводился анализ текущих передач⁶. Обычным явлением было приглашение работников студий других регионов. Так, в 1962 г. из Горьковской студии ТВ на должность главного режиссера был приглашен В.С. Репин⁷.

В главной редакции художественного вещания (в ее состав входили три редакции – литературно-драматическая, музыкальная и редакция передач для детей и юношества) первоначально работали только один редактор и режиссер. В дальнейшем с 1 марта 1962 г. появляется младший редактор детских передач, с 1 апреля 1962 г. – режиссер детских передач, с 1 июля 1962 г. – редактор музыкальных передач, с 1 февраля 1963 г. – режиссер музыкальных передач, с 16 февраля 1963 г. – главный редактор художественных программ, с 1 мая 1963 г. – старший редактор детских передач⁸. К 1963 г. в редакции работало пять редакторов и три режиссера⁹.

К 1966 г. кадровый вопрос по-прежнему оставался острым. Комитетом по РВ и ТВ при Совете Министров ЧАССР принимались меры по повышению профессионального уровня и квалификации творческих и технических работников, уже имеющих опыт работы на ТВ. Наряду с

максимальным использованием опыта и знаний старых квалифицированных кадров привлекались к работе и молодые перспективные специалисты, т.е. соблюдалась преемственность. Но не всегда удавалось сохранить принятых на работу молодых специалистов. Некоторые из них по разным причинам (непосредственное соприкосновение с профилем работы и разочарование выбранной профессией, неудовлетворенность оплатой труда и т.д.) оставляли работу.

Выполняя указания директивных органов о необходимости работы с женскими кадрами, Комитет стремился выдвигать женщин на ответственные участки. Так, В.П. Большова и Е.Г. Дьяконова возглавляли важные отрасли: первая являлась заместителем председателя Комитета, вторая – главным инженером РТЦ (из 147 сотрудников, работающих в Комитете, женщин было 67)¹⁰.

Самой острой проблемой на ЧСТ было закрепление квалифицированных работников ведущих творческих профилей, без которых невозможно осуществлять телевизионное вещание на высоком уровне. Проблема с кадрами была связана не только с тем, что их мало готовили и готовили только в центральных городах, но и с бытовыми условиями, прежде всего, с отсутствием жилья для работников ТВ. Например, в 1966 г. из работников Чувашского Комитета по РВ и ТВ при Совете Министров ЧАССР нуждались в улучшении жилищных условий не менее 35 человек и совсем не имели жилья 25 человек (приложение 13)¹¹.

Особо трудное положение сложилось в киносъёмочной группе. В связи с вводом в эксплуатацию в июле 1967 г. нового аппаратно-студийного комплекса Чувашского телецентра с двумя студиями расширился объем вещания и киносъёмок. Необходимо было увеличить штат работников, особенно кинооператоров. Но самые опытные и нужные студии кадры кинооператоров покидали ЧСТ в связи с отсутствием жилья. Это вело к срывам планов киносъёмок по времени, ухудшало их качество. Только за первое полугодие 1967 г. студию оставили пять кинооператоров. Работавший со дня организации студии А.Н. Лаптев – оператор многих фильмов, в том числе телефильма «Чудесные узоры», отобранного на конкурс лучших телефильмов студий страны (Киев, ноябрь 1967 г.), уехал в Ленинград. Из-за необеспеченности жильем ушел оператор А.В. Васильев, автор показанного по центральному ТВ фильма «Волшебная Малютка», телефильма «Сегодня в Ходарах» и других. В 1967 г. подал заявление об уходе с работы кинооператор и режиссер М.В. Гаврилов – специалист с 9-летним стажем¹². Положение усугублялось тем, что на тот момент в стране не хватало

телевизионных кинооператоров, тем более владеющих чувашским языком.

В сентябре 1967 г. был создан хор Комитета по РВ и ТВ при Совете Министров ЧАССР. В состав хора вошло 26 человек, в числе которых было 16 артистов, 6 солистов, 1 баянист, 1 пианист, 1 руководитель хора и 1 администратор. У истоков формирования и профессионализации хора стоял видный деятель чувашской художественной культуры, заслуженный артист РСФСР и народный артист Чувашской АССР, композитор А.Г. Орлов-Шузым¹³. Неизменным хормейстером коллектива стал народный артист Чувашской Республики М.М. Михайлов. Соответствующей комиссией были отобраны по конкурсу более подготовленные артисты-хористы. В исполнении хора записывались новые песни чувашских композиторов, восстанавливались старые записи. Кроме Чебоксар, хор выступал с концертами в колхозах, совхозах, в центрах Урмарского, Мариинско-Посадского, Ядринского и Моргаушского районов. Коллектив хора также участвовал в киносъемках фильма Ленинградской студии ТВ «В краю ста тысяч песен», посвященного Чувашии¹⁴.

12 июля 1970 г. Указом Президиума Верховного Совета образованный в 1957 г. Комитет по РВ и ТВ при Совете Министров СССР был преобразован в Комитет по ТВ и РВ Совета Министров СССР¹⁵. Исчезновение трех букв «при» означало, что электронные СМИ официально включаются в систему государственного управления: режиссеры и журналисты теперь не «при» власти, а являются частью самой власти – государственными служащими, связанными жесткой дисциплиной и обладающими некоторыми привилегиями. Престиж ТВ в обществе и в партийно-государственной иерархии к этому времени необычайно вырос. И то, что в названии ведомства ТВ оказалось поставленным впереди РВ – констатация заслуженной победы, приоритета более молодого и прогрессивного СМИ¹⁶. Работники ТВ сами стали чиновниками, потому что в то время журналисты являлись частью власти. Съемки никогда не проводились без участия местного партийного руководителя. Это явление стало особенностью советской журналистики 1970-х гг. Журналист считался профессионалом, если он умел красиво рекламировать работу комбайнеров и доярок, трактористов и овощеводов, рабочих заводов.

5 июля 1978 г. из названия Комитета исчезло упоминание Совета Министров. Это означало, что с этого момента Госкомитет по ТВ и РВ подчинялся напрямую руководителю государства¹⁷.

Коллектив ЧСТ 70-х гг. представлял собой журналистские кадры, художественно-производственный персонал, инженерно-технические работников и другие категории сотрудников. К 1973 г. в коллективе ТВ

работало 69 человек (в 1974 г. – 71), в радиотелецентре 118 человек, в административно управленческом аппарате Комитета по ТВ и РВ при Совете Министров ЧАССР 13 человек, в хоре 34 человека, в коллективе РВ 31 человек¹⁸. Если сравнивать образовательный уровень работающих в 1973 г. с уровнем работников 6-7 лет назад, то налицо явный рост в лучшую сторону. К 1973 г. из всех редакторов и корреспондентов 82% – это были люди с высшим образованием, 7% - с незаконченным высшим и лишь 4 человека со средним образованием (в 1974 г. на ТВ работало с высшим образованием – 29 человек, с неоконченным высшим – 7, со средним специальным – 6)¹⁹.

В 1971 г. Комитетом по ТВ и РВ при Совете Министров СССР создан Всесоюзный институт по повышению квалификации работников ТВ и РВ, где с отрывом от работы обучались на одно-двух и четырехмесячных курсах направляемые с мест сотрудники. Работники ЧСТ также направлялись на обучение в этот институт²⁰.

Развитию ТВ в регионах эффективно способствовали решения ЦК КПСС. Так, в постановлении 1972 г. «Об улучшении экономического образования трудящихся» ЦК КПСС признал необходимым рассматривать экономическую подготовку как обязательную, важную сторону повышения квалифицированных работников²¹. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и приказом председателя Комитета по ТВ и РВ при Совете Министров СССР от 31 декабря 1972 г. в Чувашском Комитете была организована экономическая учеба кадров по программе курса «Совершенствование систем управления социалистическим производством на современном этапе». Для работников РВ, ТВ, радиотелецентра и административно-управленческого аппарата было прочитано 9 лекций (18 часов). Для чтения лекций привлекались ученые и преподаватели высших учебных заведений города²².

Определяющим в работе с кадрами на ЧСТ явилось постановление областного Комитета КПСС от 7 декабря 1972 г. «О работе Комитета по ТВ и РВ при Совете Министров ЧАССР», где было указано на недостаточную работу с кадрами. Постановление рекомендовало взять курс на укрепление редакций молодыми, способными журналистами, повышение профессионального мастерства, расширение идейно-политического кругозора работников. Подчеркнуто, что некоторые отраслевые отделы и редакции возглавляются работниками, не имеющими специального образования. Таким образом, с 1971 по 1974 г. количество работников с высшим образованием в Комитете увеличилось на 4 человека (в 1971 г. – 44, в 1974 г. – 48, из них 12 с высшим специальным образованием), со средним специальным образованием – на 5 человек (1971 г. – 21, в 1974 г. – 26); уменьшилось число работников с

неполным средним образованием на 18 человек (в 1971 г. – 44, в 1974 г. – 26). Особое внимание в то время уделялось наличию в редакциях специалистов с высшим партийным образованием. Если оценивать работников ТВ в этот период по возрастным данным, то людей до 30 лет стало больше на 10 человек, до 40 лет меньше на 15 человек. Наблюдалось заметное увеличение количества работников в возрасте (до 50 лет – на 8 человек, старше 50 – на 13)²³.

Важное значение для развития региональной журналистики имело постановление ЦК КПСС «О дальнейшей подготовке и переподготовке журналистских кадров» (1975 г.), которое обязывало направлять студентов из вузов национальных республик для учебы на факультетах журналистики Московского, Ленинградского и Свердловского государственных университетов²⁴. Но это также не решило проблему кадрового дефицита местных телевизионных каналов. Многие «направленцы» регионов заполнили определенную нишу в управляющих структурах редакций СМИ.

В работе с кадрами большую роль играло обеспечение стабильности состава, создание условий, при которых они могли наиболее успешно выполнять порученное дело. Трудное положение с текучестью кадров сохранялось на студии и в дальнейшем. В 1981 г. в радиотелевизионном центре работало 129 человек, в Комитете 153 человека, всего в коллективе было 282 человека. Из них творческих работников 109 человек. Шло омоложение состава работников. Если в 1978 г. до 30 лет было 13 человек, то в 1981 г. – 45. Работающих до 30 лет – 61 человек (около 40%). В возрасте 55-60 лет в 1978 г. – 20 человек, в 1981 г. – 9. Однако текучесть кадров была высока: в 1978 г. – 18,1%; 1979 г. – 18,8%; 1980 г. – 14,2%; к июню 1981 г. – 4,6%. В 1978 г. было уволено 28 чел.; 1979 г. - 23 чел.; 1980 г. - 16 чел.; к 1 июня 1981 г. - 7 чел. Главная причина – отсутствие жилья. В очереди на получение жилья на тот момент находилось 72 человека²⁵. Следует отметить, что причина текучести кадров на ТВ заключалась не только в отсутствии жилья, но и в недостаточной работе по повышению общеобразовательного и профессионального уровня творческих и инженерно-технических работников. Учеба редакторов, режиссерского состава ограничивалась принятием планов. Особо остро встал вопрос подготовки кадров в связи с переходом на цветное кинопроизводство. Инженерно-технические работники выезжали в Казань, Волгоград с целью ознакомления с работой местных работников ТВ.

Сложилась определенная система подготовки и переподготовки телевизионных журналистских кадров на курсах семинаров, пресс-конференций, практик-стажировок, курсах переподготовок и других форм обучения. Таким образом, по мнению заведующего сектором

печати, ТВ и радио отдела пропаганды и агитации Чувашского обкома КПСС А.И. Михайлова, можно выделить основные звенья системы подготовки журналистских кадров в Чувашии на тот момент:

1. *Учеба во Всесоюзном институте повышения квалификации работников ТВ и РВ Гостелерадио СССР.* За 1976-1979 гг. в этом учебном заведении прошли двухмесячные курсы 24 сотрудника Госкомитета Чувашской АССР по ТВ и РВ.

2. *Пресс-конференции.* Одной из форм учебы работников ТВ, улучшения их информированности стали встречи руководителей партийных и советских органов, министерств и ведомств с журналистами, проведение пресс-конференций по наиболее важным вопросам развития экономики и культуры.

3. *Подготовка журналистских кадров в университете.* В ЧГУ им. И.Н. Ульянова путем специализации на историко-филологическом факультете велась подготовка журналистских кадров для республики. Так, за период с 1971 по 1980 г. в редакции газет, ТВ и радио было направлено 78 выпускников этого вуза²⁶.

В период становления и развития ТВ в Чувашской Республике не было факультета, который мог бы целенаправленно заниматься подготовкой журналистских (телевизионных в том числе) кадров. Возрастающая необходимость в профессиональных журналистских кадрах как для республики, так и для чувашской диаспоры потребовала открытия специальности «Журналистика». В своем решении от 19 апреля 1994 г. Научно-методический совет по специальности «Журналистика» Учебно-методического объединения государственных университетов отметил, что «Чувашский государственный университет располагает необходимой материально-технической базой, достаточным профессорско-преподавательским составом для подготовки журналистов». 1 сентября 1995 г. для целенаправленной подготовки работников прессы, радио и ТВ в ЧГУ им. И.Н. Ульянова был открыт факультет журналистики. А в 1997 г. ЧГУ и Гостелерадиокомпания «Чувашия» заключили договор о долгосрочном сотрудничестве. Телерадиокомпания нуждалась в целевой подготовке и переподготовке кадров, консультациях по правовым, языковым, социально-экономическим и иным вопросам; в свою очередь, профессиональные сотрудники компании могли предоставить студентам базу для производственной практики²⁷.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что за 45 лет существования чувашского телевидения сложилась определенная система журналистского образования. Этот процесс шел медленно, но целенаправленно от любительского подхода через специализацию к профессиональной подготовке работников телевизионного вещания.

Профессиональный кадровый потенциал стал основой создания целой сети телеканалов в республике.

Примечания

- ¹ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.
- ² ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.
- ³ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 70.
- ⁴ Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917-90-е гг.). М., 1999. С. 167.
- ⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 70-81.
- ⁶ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 24. Д. 1844. Л. 55.
- ⁷ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.
- ⁸ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 24. Д. 1844. Л. 54.
- ⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 504. Л. 91.
- ¹⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 43. Л. 76.
- ¹¹ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 24. Д. 1844. Л. 144-145.
- ¹² ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 24. Д. 2144. Л. 15-16.
- ¹³ См.: Иванов Н.И. Чувашской советской автономии – 50 лет. Чебоксары, 1970. С. 30.
- ¹⁴ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 24. Д. 2562. Л. 25.
- ¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета ЧАССР «О преобразовании Комитета по РВ и ТВ при Совете Министров Чувашской АССР в Комитет по ТВ и РВ Совета Министров Чувашской АССР» // Сов. Чувашия. 1970. 13 дек.
- ¹⁶ Кузнецов Г., Месяцев Н. Золотые годы отечественного телевидения (1957-1970): Интернет-музей телевидения и радио // http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=4623/.
- ¹⁷ Телевизионная журналистика / Редкол.: Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.А. Юровский. М., 2005. С. 76.
- ¹⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 43. Л. 76.
- ¹⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 47. Л.13.
- ²⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 43. Л. 114-115.
- ²¹ Об улучшении экономического образования трудящихся. Из постановления ЦК КПСС 31 августа 1971 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 60.
- ²² ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 47. Л.15.
- ²³ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 47. Л.16.
- ²⁴ О мерах по улучшению подготовки и переподготовки журналистских кадров. Постановление ЦК КПСС 20 января 1975 г. // Об идеологической работе КПСС. М., 1983. С. 525-527.
- ²⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 53. Л. 34-35.

²⁶ См.: Михайлов А.И. Подготовка журналистов и повышение их творческого мастерства // Повышать эффективность идейно-воспитательной работы. Опыт и проблемы: Сб. ст. / Редкол. А.П. Петров и др. Чебоксары, 1980. С. 376-378.

²⁷ Вуз и телерадиокомпания договорились о взаимовыгодных услугах // Сов. Чувашия. 1997. 30 июля; Данилов А.П. На пути становления // Средства массовой информации России: история и современность. Чебоксары, 1999. С. 178-181; Кураков Л.П. Новому тысячелетию – новые кадры // Там же. С. 7-8; Димов В. Университетга телерадиокомпани килэш туни (Университет и телерадиокомпания заключили соглашение) // Хыпар (Весть). 1997. 31 июля.

О.В. Андреев

МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов молодежь была объектом постоянного внимания советского государства. Большие изменения произошли с принятием Конституции 1977 г., закрепившей принципы демократической избирательной системы, позволявшей молодежи активно участвовать в управлении делами государства. Для юношей и девушек реально были расширены возможности для участия в формировании, организации и деятельности органов представительной власти. Если по Основному Закону страны 1936 г. правом быть избранным в Верховный Совет СССР могли пользоваться лица, достигшие 23 лет, в Верховный Совет союзной и автономной республики – 21 года, то согласно статье 96 Конституции СССР 1977 г. в Советы всех ступеней, за исключением Верховного Совета СССР, могли быть избраны граждане, достигшие 18 лет. Депутатом Верховного Совета СССР мог быть избран гражданин, достигший 21 года.

Свидетельством высокой активности юношей и девушек в политических процессах страны является, например, тот факт, что при проведении выборов в Верховный Совет СССР десятого созыва в работе 174547 избирательных комиссий с участием более 1 миллиона 600 тыс. членов треть их состава представляла молодежь в возрасте до 30 лет¹.

Наиболее значимой формой проявления общественно-политической активности молодежи стала ее деятельность в системе государственной власти, прежде всего, в Советах депутатов трудящихся всех ступеней. Политика партийно-государственных органов по привлечению молодежи в управление делами государства и общества во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов обеспечила рост числа молодых депутатов в Советах. Итоги выборов в Верховный Совет СССР в 1966 – 1984 гг. подтверждают динамику возрастания общего числа представителей молодежи в верховном органе страны. Так, если в 1966 г. они составляли 12,0% от общего числа избранных, то к 1984 г. – 22,0%, т.е. в относительном исчислении их представительство возросло в 1,8 раза².

При этом наблюдался рост представительства рабочих и колхозников в Верховном Совете СССР с 46% до 51,3% за период с 1966 г. по 1984 г.

Представительство молодых депутатов в Верховном Совете РСФСР в относительном исчислении увеличилось с 1967 г. по 1985 г. почти в 2 раза с 10,3% до 20,3%³, а представительство рабочих в Верховном Совете РСФСР возросло с 1967 г. по 1985 г., почти в два раза. Доля молодежи в составе местных Советов с 1977 г. по 1985 г. возросла с 32,3% до 34,3%, а в составе Верховных Советов союзных республик с 18,2 до 20,3%⁴.

Если в 1965 г. депутатов-рабочих в составе местных Советов было 28,8%, то в 1971 г. - 36,5%, причем в городских Советах – почти две трети. По данным статистики, количество молодежи, избранной в местные Советы депутатов трудящихся, также возрастало: в 1967 г. - 16,4%, в 1969 г. - 23,8%, в 1971 г. - 25,6%, в 1973 г. - 28,2%. В составе Верховного Совета СССР депутатов в возрасте до 30 лет было в 1966 г. – 12%, в 1970 г. - 18,5%⁵. В 1980-1984 гг. рабочие составляли треть депутатов Верховных Советов союзных республик, 37,5% - депутатов Верховных Советов автономных республик, 44,3% - депутатов местных Советов⁶.

Рабочая молодежь Чувашской АССР имела представителей в высшем органе страны. Так, в Верховном Совете СССР седьмого созыва (1966 г.) она была представлена одним депутатом - Н.И. Пичугиной, контролером-регулирующим ремонтного завода г. Алатырь. В составе депутатского корпуса Верховного Совета СССР восьмого созыва (1970 г.) от Чувашской АССР насчитывалось три представителя молодежи, причем двое из них – работники промышленных предприятий республики. Это В.И. Сорокина, отделочница мебели Шумерлинского завода автофургонов и А.Д. Ильин, электросварщик Канашского вагоноремонтного завода. По итогам выборов 1974 г., число представителей молодежи увеличилось до четырех человек, причем трое из них были рабочими: М.П. Павлова, электросварщица Канашского вагоноремонтного завода, группкомсорг комсомольско-молодежной бригады В.А. Ибрина, ткачиха ткацкой фабрики Чебоксарского хлопчатобумажного комбината, член комитета комсомола фабрики, Е.Н. Гаврилова, токарь Шумерлинского завода спецавтофургонов, член бюро ВЛКСМ. В последующие годы (1979, 1984) количество представителей молодежи Чувашии в Верховном Совете СССР не изменилось, однако наблюдалось уменьшение числа представителей молодых рабочих. Так, если в 1979 г. были избраны двое: Т.И. Белова, намотчица Алатырского завода «Электрприбор» и К.В. Мосолова, монтажница-намотчица Чебоксарского электроаппаратного завода, то в 1984 г. только один из четырех молодых депутатов являлся представителем

рабочей молодежи: Н.М. Трофимова, штамповщица Шумерлинского комбината автофургонов.⁷ Таким образом, наблюдалась отрицательная динамика: при увеличении общего числа молодежи (в относительном исчислении – более, чем в 3 раза) произошло уменьшение представительства молодых рабочих, что объяснялось недостаточно целенаправленной деятельностью комсомольских организаций республики всех уровней.

Наиболее активно выдвигалась молодежь на таких промышленных предприятиях республики, как Шумерлинский завод спецавтофургонов и Канашский вагоноремонтный завод, молодые представители которых работали в Верховных Советах СССР восьмого, девятого и одиннадцатого созывов.

Хотя в Верховном Совете РСФСР восьмого и последующих созывов была представлена молодежь Чувашии, но лишь в 1975 г. посланцем республики в высшем законодательном органе был молодой рабочий промышленного предприятия, а во всех других случаях это были представители колхозной молодежи. Необходимо отметить невысокий (немногим более 11%), но неизменный уровень этого представительства.

Молодежь республики также была представлена в Верховном Совете Чувашской АССР, причем её участие постоянно увеличивалось. Так, в 1967 г. из 149 депутатов, избранных в высший законодательный орган республики, было 14 представителей молодежи, что составляло 9,4% от общего состава выборного органа⁸. В 1975 г. было избрано 165 депутатов, из них 30 представителей молодежи что составляло 18,2% от общего числа, причем половину из них составляла рабочая молодежь⁹. В Верховный Совет ЧАССР десятого созыва было избрано 39 представителей молодежи (практически каждый пятый), из них 7 были молодыми рабочими промышленных предприятий республики¹⁰. Из 43 представителей молодежи в Верховном Совете ЧАССР одиннадцатого созыва (21,5% от общего числа) было 14 молодых производственников¹¹.

Таким образом, наблюдался постоянный количественный рост представительства молодежи в верховном законодательном органе республики на 12,1%, но увеличение числа молодых депутатов проходило в основном за счет колхозной, а не рабочей молодежи. Наиболее широко были представлены молодые работники таких промышленных предприятий, как Чебоксарский приборостроительный завод, «Чувашкабель», Чувашское швейное производственное объединение «Рассвет», Алатырский завод «Электроприбор», Урмарская мебельная

фабрика, Козловский комбинат автофургонов, Ибресинский завод электроизмерительных приборов.

Молодежь Чувашии более широко была представлена в местных Советах депутатов трудящихся. Так, если данное представительство в 1969 г. составляло 19,2%, то к 1985 г. оно возросло до 34,0%, т.е. в относительном исчислении – в 1,75 раза¹².

Необходимо отметить, что в исследуемый период существовал регламентированный персональный подбор кандидатов. Депутатами Советов различных уровней избирались в основном передовики производства, активно участвовавшие в общественной жизни предприятий.

Активное участие в работе Советов через молодежных депутатов-производственников принимали комитеты комсомола, в частности, по контролю за соблюдением законодательства по вопросам труда, обучения, быта и отдыха молодежи. В 1982 г. этими мероприятиями было занято 29 комсомольцев-депутатов¹³. В деятельности 105 комиссий по делам молодежи в 1971 г. участвовало 448 молодых депутатов, в том числе 310 членов ВЛКСМ¹⁴.

Комитеты комсомола совместно с партийными организациями проводили работу с молодыми депутатами Верховных Советов СССР, РСФСР, ЧАССР и местных Советов: организовывались встречи, слеты-совещания по обмену опытом, семинары, практиковались отчеты молодых депутатов. Комитеты ВЛКСМ ЧЭАЗ, ХБК, ЗЭИП проводили встречи молодых депутатов с комсомольским активом. Многие депутаты привлекались горкомом и райкомами ВЛКСМ к совместной работе по контролю за соблюдением трудового законодательства, организацией досуга молодежи. Ежемесячно проводились рейды по проверке идейно-воспитательной работы, жилищно-бытовых условий в молодежных общежитиях города. Молодые депутаты считали главной задачей воспитание подрастающего поколения, поэтому эти вопросы часто обсуждались на сессиях Советов. В целях предупреждения детской безнадзорности и преступности за молодыми депутатами закреплялись дети и подростки, склонные к правонарушениям¹⁵.

Существенным было представительство рабочих в постоянных комиссиях. В 1967 г. в этих формированиях Верховного Совета республики рабочие составляли 18,2% членов, в 1971 г. - 25,9%, в 1975 г. - 27,8%. В состав постоянных комиссий Чебоксарского городского Совета 11 созыва было избрано 125 рабочих, что составило 42,0% всех депутатов, избранных в комиссии, в 1969 г. рабочие составили 49,4%, в 1971 г. - 49,7%, в 1975 г. - 49,9%¹⁶. В постоянных комиссиях Шумер-

линского и Алатырского городских Советов рабочие составили более половины их членов¹⁷.

Однако не во всех органах активность рабочих была высокой. Так, в постоянных комиссиях по делам молодежи и по охране природы она была значительно ниже. 20 заседаний провела комиссия по охране природы и только на одном выступил рабочий. 17 заседаний провела комиссия по делам молодежи, рассмотревшая 20 вопросов и только в подготовке и обсуждении 3 вопросов участвовали рабочие¹⁸.

Постоянные депутатские комиссии по делам молодежи были созданы и начали функционировать в Верховном Совете СССР, Верховных Советах союзных и автономных республик, краевых, областных, окружных, городских и районных Советах депутатов трудящихся с 1969 г. В их работу вовлекались представители молодежи, депутаты в возрасте до 30 лет. В Верховном Совете Чувашской АССР десятого созыва было три представителя: Н.Я. Петрова, В.В. Прокопьев и В.Ф. Смирнова¹⁹. В Верховном Совете одиннадцатого созыва лишь двое из 11 членов комиссии по делам молодежи были депутатами в возрасте до 30 лет: Л.Я. Семенова и В.В. Шакин²⁰. В этом проявилась общая тенденция при формировании органов управления, руководящих структур, характерная для второй половины 1970-х – первой половины 1980-х годов: сдерживание молодёжи при выдвижении к управлению.

Комиссия по делам молодежи Верховного Совета Чувашской АССР осуществляла свою деятельность в соответствии с перспективным и текущим планом. Так, перспективный план на 1980-1985 гг.²¹ включал следующие мероприятия: о состоянии физкультурно-спортивной и оборонно-массовой работы среди молодежи на Чебоксарском заводе промышленных тракторов и Канашском автоагрегатном заводе; о развитии наставничества среди работающей молодежи на предприятиях Чувашпотребсоюза; об улучшении условий труда и быта молодых рабочих на Новочебоксарском химическом комбинате имени Ленинского комсомола и Чебоксарском чулочно-трикотажном комбинате.

Круг вопросов для подготовки необходимых материалов к заседанию комиссии был широк и вместе с тем конкретен. В целом можно констатировать: комиссия по делам молодежи Верховного Совета Чувашской АССР выполняла важную функцию контроля за деятельностью местных Советов народных депутатов в вопросах дальнейшего улучшения производственных, социальных и бытовых условий для молодежи.

Проведенное исследование даёт основание сформулировать следующие выводы:

1. Вопрос формирования и развития политической культуры молодежи находился в центре внимания государственных и партийных органов.

2. Юноши и девушки имели реальную возможность участвовать в формировании и деятельности представительных органов власти, эти права были законодательно закреплены за общественными организациями и творческими объединениями молодежи.

3. Молодежь широко привлекалась к подготовке и проведению выборов в Советы депутатов трудящихся всех ступеней.

4. Юноши и девушки были достаточно широко представлены в системе Советов депутатов трудящихся. Причем на всем протяжении исследуемого периода наблюдалась положительная динамика увеличения числа их представительства как в верховных органах страны, так и в местных.

5. Молодые производственники проявляли значительную активность в работе постоянных депутатских комиссий.

Примечания

¹ Просто, удобно, понятно // Молодой коммунист. 1984. 21 января. С. 2.

² Депутаты Верховного Совета СССР. Седьмой созыв. М., 1966. 552 с.; Депутаты Верховного Совета СССР. Восьмой созыв. М., 1970. 552 с.; Депутаты Верховного Совета СССР. Девятый созыв. М., 1974. 552 с.; Депутаты Верховного Совета СССР. Десятый созыв. М., 1979. 544 с.; Депутаты Верховного Совета СССР. Одиннадцатый созыв. М., 1984. 544 с.

³ Заседания Верховного Совета РСФСР седьмого созыва (первая сессия). Стенографический отчет. М, 1967. 22 с.; Депутаты Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва, М., 1985. 360 с.

⁴ Бовкун В.В. Образ жизни советской молодежи: тенденции, проблемы, перспективы. М., 1988. С. 138.

⁵ Иконникова С.Н. Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л., 1974. С. 89.

⁶ Молодой рабочий: Становление социально активной личности / Сост. И.Б. Хлебников. М., 1986. С. 65.

⁷ Депутаты Верховного Совета СССР. Седьмой созыв; Депутаты Верховного Совета СССР. Восьмой созыв; Депутаты Верховного Совета СССР. Девятый созыв; Депутаты Верховного Совета СССР. Десятый созыв; Депутаты Верховного Совета СССР. Одиннадцатый созыв.

⁸ Заседания Верховного Совета Чувашской АССР седьмого созыва. Первая сессия, стенографический отчет. Чебоксары, 1967. С. 17.

⁹ ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 20. Д. 20. Л. 165-167.

¹⁰ Депутаты Верховного Совета Чувашской АССР. Десятый созыв. Чебоксары, 1981. 128 с.

¹¹ Депутаты Верховного Совета Чувашской АССР. Одиннадцатый созыв. Чебоксары, 1985. 12 с.

¹² Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся РСФСР. М., 1969, С. 35, 111, 134, 157; Советская Чувашия 1983-1985 гг. к XXXX областной партийной конференции. Чебоксары, 1986. С. 14-15.

¹³ Отчет Центрального Комитета ВЛКСМ на XIX съезде ВЛКСМ // Молодой коммунист. 1982. 19 мая. С. 7.

¹⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 16. Д. 15. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 40.

¹⁶ Смирнов Ю.П. Общественно-политическая деятельность рабочего класса в условиях развитого социализма // Рабочий класс СССР на современном этапе. Вып. 7. Чебоксары, 1980. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 84.

¹⁹ Депутаты Верховного Совета Чувашской АССР. Десятый созыв. С. 13.

²⁰ Там же. С. 12.

²¹ ГАСИ ЧР. Ф. 1041. Оп. 6. Д. 969. Л. 14-17.

Г.В. Серебрянская

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТЫЛОВЫХ РАЙОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ в 1941-1945 гг. В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Изучение промышленного развития тыловых районов России в 1941-1945 годы практически до начала 90-х годов было делом весьма нелегким, так как большинство архивных материалов было засекречено. Особенно малоисследованными в доперестроечный период оставались те регионы, которые являлись и в послевоенные годы оборонными центрами страны и относились к закрытым территориям, например, Горьковская (ныне Нижегородская) область.

Поскольку за военный период сложились крепкие кооперативные связи между различными как дальними, так и ближними тыловыми промышленными узлами, засекреченных объектов становилось все больше и больше. Большинство заводов, работавших на оборонку, были номерными и, следовательно, закрытыми для доступа исследователей. Так образовался вакуум вокруг важнейших оборонных предприятий, как среди изученных, так и практически среди неизученных тыловых территорий.

Учитывая, что исследователи советского периода историографии были поставлены в определенные идеологические рамки, большинство ранее написанных ими научных работ требовало объективного переосмысления и переоценки. Таким образом, перед учеными, занимающимися проблемами Великой Отечественной войны и, в частности, промышленного развития, лежало огромное поле деятельности.

Наша же задача, в рамках статьи дать хотя бы краткий историографический обзор историческим работам по истории промышленности, вышедшим в последнее десятилетие ушедшего XX в. и первые годы нового XXI в.

В 90-е годы на базе более полных и разносторонних источников начинают появляться интересные и содержательные работы по войне в целом и по различным ее аспектам, в том числе и по промышленности, в которых поднимаются малоизученные проблемы истории Российской Федерации¹.

В 1996-2002 годы вышел новый обобщающий труд «Великая Отечественная война 1941-1945: Военно-исторические очерки в 4-х книгах», получившей положительную оценку на страницах журнала «Вопросы истории» и других изданий (М., 1996-2002). Однако, что касает-

ся промышленного развития, то здесь явно недостаточно нового архивного материала по большинству регионов Российской Федерации.

Причиной, на наш взгляд, являлось то обстоятельство, что научные труды по отдельным областям страны только еще начали издаваться, шел период накопления нового исторического материала. Об этом свидетельствуют исследования по Астраханской, Калужской, Курской, Ленинградской и другим областям, как коллективов, так и отдельных авторов: И.И. Панина, И.С. Писаренко, И.Г. Гришкова, А.Р. Дзенискевича, М.В. Ежова, М.И. Фролова². Промышленность Урала и Сибири по-новому освещалась в работах А.А. Антуфьева, В.П. Могутнова, А.В. Федоровой, А.А. Пасс, Н.П. Шуранова, Д.Д. Петрова, И.И. Ермакова и др.³. Вышли книги М.М. Ибрагимова, Г.Х. Азашикова по Северному Кавказу в годы войны, В.А. Селконина по промышленности и транспорту Юга России⁴.

Развитие местной промышленности областей и автономных республик Волго-Вятского региона проанализировал Ю.А. Перчиков, одновременно исследуя проблему деятельности Советов в годы войны⁵. Выходят работы и по другим автономиям Российской Федерации⁶.

Вклад интеллигенции России, ученых, инженерно-технических кадров в развитие военного производства нашел отражение в книгах Н.И. Кондаковой и В.Н. Маина, В.А. Попова, А.В. Сперанского, Г.А. Широкова, Э.И. Гракиной, Б.П. Белозерова, Е.Л. Храмковой и др.⁷ Социальной политике военных лет посвящены работы Г.Г. Загвоздкина, М.С. Зинич, Н.П. Палецких, А.В. Шалак, А.В. Похилюка, Л.Г. Сахаровой⁸. Влияние последствий блокады Ленинграда на здоровье граждан, в том числе работников промышленности, показаны в книгах санкт-петербургских ученых⁹. В научных трудах Н.Д. Козлова, Е.М. Малышевой исследуются проблемы взаимоотношения народа и власти, вопросы обыденного сознания, в том числе и тружеников индустрии¹⁰.

Например, профессор Н.Д. Козлов пытается разобраться и ответить на вопрос: почему голодные, работающие в не отапливаемых цехах, рабочие не только не уходили с производства, но и участвовали в соревновании за высокопроизводительный труд, выполняли по две и более нормы за смену?

Многоплановой является вышедшая в 2000 г. в Майкопе монография Е.М. Малышевой. В ней, наряду с другими аспектами, раскрываются такие интересующие нас проблемы, как национальный состав рабочего класса Северного Кавказа, восстановление промышленности

и транспорта на завершающем этапе войны, всенародное патриотическое движение по сбору средств на оборону Родины.

Однако непосредственно проблемам промышленности и кадрам посвящены единичные работы, вышедшие в этот период. Впервые в конце 90-х годов появляются работы по развитию оборонной промышленности Поволжья - В.Т. Анискова и А.Р. Хаирова «История ВПК России в региональном аспекте: от начала до окончания второй мировой войны. На примере Верхневолжья» (Ярославль, 1996) и Волго-Вятского региона - Г.В. Серебрянской «Волго-Вятский арсенал. Промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945» (Н. Новгород, 1997).

Книга В.Т. Анискова и А.Р. Хаирова дает возможность проследить все этапы развития военной промышленности, ее трудности, производственные связи между оборонными предприятиями различных районов Поволжья и других регионов России. Обращаясь к читателям, авторы подчеркивают дозированное освещение в исторической литературе до самых последних лет предопределяющей роли военно-оборонной промышленности в достижении нашей победы.

Монографическое исследование автора данной статьи по истории промышленности Волго-Вятского региона 1938-1945 гг. вышло в 1997 г. в Нижнем Новгороде. В книге впервые дан сравнительный анализ отраслевого развития индустрии, прослеживается роль кооперации в развитии оборонного производства, показан процесс эвакуации производительных сил и размещение их на территории Горьковской, Кировской областей, Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик в военный период. В конце 2003 г. также в Нижнем Новгороде вышла очередная монография Г.В. Серебрянской «Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х - первой половине 40-х годов XX в.» (Н. Новгород, 2003), восполнившая многие пробелы в исследовании данного региона предвоенного и военного периодов.

Продолжали создаваться специальные труды по промышленности областей и автономных республик различных регионов. Анализ оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны посвящена недавно вышедшая в Кемерове монография Н.П. Шуранова¹¹.

За исследуемый хронологический период было проведено немало научно-практических конференций, опубликовано огромное количество докладов и статей в профессиональных журналах, газетах, сборни-

ках научных трудов, где нашли отражение те или иные аспекты проблемы промышленного развития страны в те далекие суровые годы.

Однако при всем многообразии изданной в новейший период историографии исторической литературы нельзя не обратить внимания на тематическую неравномерность в изучении обозначенной темы.

Следует заметить, что многие аспекты истории промышленного развития России и отдельных ее регионов накануне и в годы войны остаются по сей день малоизученными. Пока еще малоисследованным остается ряд таких ключевых проблем как управление промышленностью в Центре и на местах; развитие отдельных, особенно ее гражданских отраслей, кооперативные связи, эвакуация производительных сил, изменение демографической ситуации в регионах, история оборонных предприятий, трудовая дисциплина и дезертирство с производства, медико-санитарное обслуживание, жизнь и быт, настроения работников индустрии и др.

В каждой из обозначенных проблем можно также выделить темы для отдельного исторического исследования. Например, что касается жизни и быта тружеников тыла, то требует досконального изучения вопрос об оплате труда работников индустрии в довоенный и военный периоды, соблюдения техники безопасности на производстве, наличии в связи с этим профзаболеваний и оказании медицинской помощи, общественная и культурная жизнь и т.д.

По-прежнему серьезным пробелом российской историографии, как уже неоднократно отмечалось историками, является отсутствие комплексного труда по истории Российской Федерации накануне и в годы Великой Отечественной войны, где мог бы быть реализован богатый фактический и статистический материал по истории промышленности, накопленный усилиями многочисленного отряда историков, работающих в различные периоды историографии.

Примечания

¹ Савушкин Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941-1945. Воронеж, 1990; Гаврилов Н.С. Алтай в Великой Отечественной войне. Барнаул, 1990; Шуранов Н.П. Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово, 1992; Парамонов В.Н. Россия в 1941-1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999 и др.

² Панин И.И. Астраханская область в годы Великой Отечественной войны. Астрахань, 1995; Писаренко И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны. Калуга. 1998; Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. 2 изд., доп. Курск, 1999; Дзени-

скевич А.Р. Накануне и в дни испытаний (Ленинградские рабочие в 1938-1945 гг.) Ленинград, 1990; Он же. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда (1941-1944) СПб., 1998; Он же. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998; Ежов М.В. Роль органов местного самоуправления в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1992; Фролов М.И. Салют и реквием. Героизм и трагедия ленинградцев 1941-1944 гг. СПб., 2003 и др.

³ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992; Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995; Могутнов В.П. Война. Урал. Резервы. 1941-1945 гг. Курган, 1999; Пасс А.А. Кооперативная промышленность и торговля на Урале в 1939-1941 гг. Челябинск, 2000; Он же. Война и кооперация. Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941-1945 гг. Челябинск, 2000; Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч.2. Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск, 1992; Шуранов Н.П. Кузбасс - фронту. Кемерово, 1995; Ермаков И.И. Тюмень тыловая. Екатеринбург, 1995 и др.

⁴ Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941-1945 гг. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1997; Ибрагимов М.М. Народы Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1997; Он же. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998; Азашиков Г.Х. Адыгея в годы войны. Майкоп, 1998; Битва за Кавказ. 1942-1943. М., 2002.

⁵ Перчиков Ю.А. Советы Волго-Вятского региона в 1941-1945 гг. Самара, 1992.

⁶ Мерзлякова Г.В. Героини второго фронта. О вкладе женщин автономных республик РСФСР в победу в Великой Отечественной войне. Ижевск, 1992; Закиров И.М. Эшелоны идут на Восток (Эвакуация и размещение промышленных предприятий в Башкортостане в годы Великой Отечественной войны). Уфа, 1994; Аюпов Р.С. Башкирия в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1995; Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941-1945гг.). Ижевск, 1996 и др.

⁷ Попов В.А. Мобилизация и использование потенциала производственно-технической интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Казань, 1991; Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941-1945 гг. М. Рязань, 1995; Кондакова Н.И., Маин В.Н. Интеллигенция России 1941-1945 гг. М., 1995; Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Екатеринбург, 1996; Широков Г.А. Во имя Победы: Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Самара, 1998; Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 2000; Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2003 и др.

⁸ Кожурин В.С. Неизвестная война: Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; Загвоздкин Г.Г. Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990; Зинич М.С. Будни военного лихолетья, 1941-1945. Вып. 1-2. М., 1994; Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995; Шалак А.В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Иркутск, 1998; Похилюк А.В. Война, власть, народ. (Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов Северо-Запада СССР в период Великой Отечественной войны). СПб., 1998; Сомов В.А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) Н. Новгород, 2001; Сахарова Л.Г. Церковь. Власть. Война Региональная политика военных лет в Горьковской и Кировской областях. Киров, 2004 и др.

⁹ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001; Дзенискевич А.Р. На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002.

¹⁰ Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941- 1945. Майкоп, 2000; Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995; Он же. С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М., 2003 и др.

¹¹ Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004.

К.Л. Андреев

ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ОСВЕЩЕНИИ И.Д. КУЗНЕЦОВА

Научные интересы И.Д. Кузнецова характеризовались широким диапазоном и содержательной многоаспектностью. В его трудах представитель практически всех отраслей естествознания может найти свое. Он может не писать напрямую о некоторых темах, но глубина его личности как ученого, содержание его исследований позволяет вычлени то, что интересует специалиста, историей не занимающегося.

У И.Д. Кузнецова нет трудов, посвященных непосредственно духовности, но мысли о ней проявляются во многих его работах как важный и даже неотъемлемый компонент общественного развития. Так, в совместном труде, написанном в 1965 г.¹ им подчеркиваются «достижения нашей страны в области духовной культуры»². Историк делает важный, в известном смысле базовый, вывод о высоком интеллектуальном развитии советских людей, богатстве их духовного мира³.

Это суждение показывает нам способность И.Д. Кузнецова делать из казалось бы не лежащего на поверхности факта глубокое обобщение. Подобные оценки не рождаются на ровном месте уже в силу их емкости и высокой степени собирательности, И.Д. Кузнецов не был бы столь высокопрофессиональным историком, если бы просто постулировал подобные обобщения.

Он исходит из того, что духовный прогресс невозможен без материального, но последнее выступает лишь основой углубления духовного потенциала и не должно превалировать. В этом случае будет осуществляться гармоничное развитие личности «материальный и духовный прогресс»⁴ (в трактовке И.Д. Кузнецова).

Одним из важнейших факторов углубления духовности историк считал литературу, ее глубокое воздействие на человека. По его мнению, начиная с М. Сеспеля в чувашской литературе утверждаются и «мотивы советского патриотизма и интернационализма, которые стали определяющим фактором идейного содержания всей современной чувашской литературы»⁵.

И.Д. Кузнецов усматривал в воздействии литературы на человека существенное условие раскрепощения его сознания, разрушения догм и стереотипов, а «мотив выхода творческих сил на широкий жизненный простор становился основным в мироощущении народных масс»⁶.

По сути, речь идет об освобождении мировосприятия, являющимся также одним из существенных условий формирования духовности.

Значительную роль при формировании духовности И.Д. Кузнецов отводил социальной практике, которая реализуется в производственной деятельности, общении в коллективе. В этом смысле несомненный интерес вызывают его труды по истории предприятий и их трудовых коллективов⁷. Характеризуя воспитательное воздействие большого производственного коллектива, ученый подчеркивал высокий духовный потенциал советского общества.

Духовность пронизывает всю сознательную жизнь человека, проявляясь во всех его действиях и И.Д. Кузнецов будучи не только историком, но и настоящим гражданином, глубоко богатой личностью не мог этого не осознавать, поэтому практически во всех его трудах в той или иной мере проявляется уровень развития духовности человека, коллектива, общества.

Примечания

¹ Кузнецов И.Д. и др. Чувашия на путях коммунистической цивилизации. Чебоксары, 1965.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 9-10.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары, 1975.

И.Л. Корнаковский

СЛОВО О ИВАНЕ ДАНИЛОВИЧЕ КУЗНЕЦОВЕ

Мне доводилось встречаться с И.Д. Кузнецовым и, к счастью для меня, неоднократно. Этот яркий, неординарный, по-настоящему глубокий человек всегда производил самое благоприятное впечатление как истинный ученый.

Я был научным сотрудником Института советской истории Академии наук СССР и участвовал в реализации нескольких масштабных проектов по проведению социологических исследований. В число территорий, где работала наша группа, вошла Чувашия. Так, в мою судьбу вошел И.Д. Кузнецов, возглавлявший кафедру Истории СССР Чувашского госуниверситета, ставшую для нас опорной в республике.

С первой встречи меня поразило, что он – ученый в общем-то старой, довоенной научной школы, когда социология была чем-то диковинным, сам до знакомства с нашими программами разрабатывал и проводил социологические исследования. Так, еще в 1930-е годы он первым ввел понятие репрезентативность, естественно, без употребления этого термина, неизвестного в то время. Но методика его была именно такова: анализируя показатель заболеваемости населения с целью дать демографические рекомендации, он ввел понятие «в расчете на 1000 человек» при анализе таких проявлений медицинской практики, как общее число заболеваний, впервые зарегистрированных и хронических. Их введение заметно прояснило общую картину по республике. А для нас, современных социологов – это и бесценный материал и отличный пример инновационной деятельности.

И.Д. Кузнецов впервые в Чувашии не только стал применять такие понятия, как затраты труда – расход рабочей силы на производство продукции, осуществляемое в общественном производстве, отрасли, предприятии; измерение производительности труда в человекочасах, человекоднях, человекомесяцах, человекоквартилах, человекогодах; затраты живого труда; прямые затраты на единицу произведенного продукта; методы измерения производительности труда, но и проводить по ним исследования. Для нашей научной группы, проводившей социологические исследования в режиме сравнения данных 1938 и 1970 годов это были без преувеличения золотые сведения.

Мне никогда не забыть отношение Ивана Даниловича к статистике. В принципе, это достаточно хорошо известная область знаний, использовавшаяся еще в дореволюционной России, но как он ею владел,

как виртуозно применял! Он первым в республике ввел такие понятия, как «многомерная статистика», «санитарная статистика», «статистика сельского хозяйства», «статистика семей нового бюджета», «статистика уровня жизни» (в первой половине 1930-х годов!). Он не только не боялся вводить новые показатели, но и активно, творчески делал это. Он на практике стал использовать термин «ядро семьи: полная или неполная», а также многие другие.

Особого разговора заслуживает полевая деятельность Ивана Даниловича. Начав организовывать экспедиции по изучению различных аспектов жизни сельского населения в 1930-е годы, он организовывал эти мероприятия в 1960-е, 1970-е, 1980-е годы. В результате из-под его пера выходили бесценные труды: «Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема. Очерки по материалам экспедиции 1934 г.»; «Итоги экспедиции по изучению быта сельского населения Чувашии 1960 г.»; «Изменения материальной культуры сельского населения Чувашии по материалам 1933, 1960, 1970 и 1980 годов». Кладезь сведений для современных социологов!

Нельзя не вспомнить о роли И.Д. Кузнецова в борьбе с таким социальным злом в Чувашии, как трахома. 14 февраля 1933 г. Иван Данилович выступил на объединенном пленуме Чувашского обкома и Чебоксарского горкома ВКП(б) с докладом «На путях ликвидации трахомы». В 1936 г. он выступал по этому вопросу в Ленинграде. В том же году вышли две его брошюры: «Организация борьбы с трахомой в Чувашии» и «Сельсоветы и трахомсестры». Воистину удивительно многогранная и неутомимая натура!

Незаурядность И.Д. Кузнецова, проявилась в том, что будучи человеком почтенного возраста, он оставался столь чутким ко всему новому, прогрессивному, перспективному. Это характеризовало его как ученого не по социальному положению или занимаемой должности, что, увы, бывает нередко, а как человека глубоко преданного науке и служившего ей по призванию.

Я знал, какие испытания выпали на долю этого мужественного человека, и как по мальчишески он радовался, что они не сломили его, что он сохранил и свой дар, и свой оптимизм, и свое невероятное трудолюбие. Нередко люди после такого замыкаются или становятся озлобленными на весь свет. Это ни в коей мере не относилось к Ивану Даниловичу, он всегда оставался спокойным, ровным и как-то посвоему жизнерадостным. Возможно, он черпал душевные силы от общения с молодежью – студентами, аспирантами и начинающими пре-

подавателями. Это было его тайной, но он всегда оставался Человеком с большой буквы.

Когда мне рассказали о том, что при обсчете информационных массивов, полученных в результате проведения обследований, Иван Данилович пользовался арифмометром – ныне раритет, - в то время как его коллеги считали, используя счеты, я по-хорошему обрадовался, что мои лучшие представления о нем нашли подтверждение и в этом факте. Он всегда опережал время, и окружающие нередко не поспевали за его мыслью и действием.

По прошествии многих лет после нашего общения я отчетливо понял, что всегда учился у него, не имея официального статуса его ученика. Перебирая в памяти наши встречи, я интуитивно ощущал, что подсознательно пытался перенять у него только лучшие качества, подходы к делу, методы работы. Сейчас я твердо знаю, что Иван Данилович ощутимо влиял на меня, не применяя для этого никаких видимых усилий. Это было одно из свойств, раскрывающих мастера.

Не знаю, каким бы я стал человеком, если бы судьба не столкнула меня с Иваном Даниловичем. Наверное, другим, неважно, лучше или хуже. Не скажу, что мы встречались часто, но это общение всегда длилось долго и оказывало на меня глубокое, незабываемое воздействие.

ПРИЛОЖЕНИЕ *

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ
И.Д. КУЗНЕЦОВА

1956

1. Новая книга по чувашской истории (К выходу кн. «Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 2». Чебоксары: ЧНИИ, 1955) // Советская Чувашия, 1956, 20 сентября.

2. Чувашия в первой русской революции // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1956. Вып. 13.

1957

3. К вопросу о происхождении чувашской народности // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.

4. Первая чувашская газета «Хыпар» // О дореволюционной культуре чувашского народа: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1957. Вып. 15. С. 210-220.

5. Очерки по истории Чувашского крестьянства. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. Ч.1. Чувашские коштаны до XX века. 344 с.

6. Понятия об экономике геолого-поисковых работ (Беседы с буровиками по опыту работы Геолого-поисковой конторы треста). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 144 с.

7. В ногу с жизнью: (К 50-летию народного поэта Чувашии П.П. Хузангая) // Советская Чувашия, 1957, 26 января.

8. Первый чувашский поэт — большевик: к 35-летию со дня смерти М.К. Сеспеля // Советская Чувашия, 1957, 21 июня.

9. Месячник распространения книги // Советская Чувашия, 1957, 5 октября.

10. Заметки об этнографии чувашского народа // Советская Чувашия, 1957, 7 мая.

11. Социалистическая революция и крах буржуазного национализма в Чувашии // Советская Чувашия, 1957, 25 октября.

12. Заметки об этнографии чувашского народа (о книге «Этнографические исследования» Ч.1) // Советская Чувашия, 1957, 7 мая.

1958

13. Заметки о монографии «Чуваши» // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 16. С. 323-334.

14. Октябрьская революция и крах чувашского буржуазного национализма // Установление Советской власти в Чувашии: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1958. С. 158-181.

15. Почему срывается выпуск чувашских книг и журналов // Советская Чувашия, 1958, 2 июля.

16. Серьезный шаг в изучении истории Чувашии // Советская Чувашия, 1958, 6 августа.

17. О переводах и переводчиках (Отклик на одноим. ст. Я. Ухсая) // Литература и жизнь, 1958, 13 августа.

1959

18. Матэ Залка. «Звезда золотой Булгарии» (Публ. и предисл. И.Д. Кузнецова) // Дружба, 1959, № 7. С. 172-181.

19. В.И. Ленин и освободительная борьба чувашского народа // Советская Чувашия, 1959, 24 апреля.

20. К вопросу о национальном социализме и национальном комму-

* Приложение выполнено Ю.А. Богомазовой.

низме (Из истории чувашской партийной организации) // Советская Чувашия, 1959, 28 апреля.

21. Поучительная книга (Рецензия на работу В.Н. Калашникова «Борьба КПСС за укрепление и дальнейшее развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период подготовки и введения новой Конституции (1935 - 1937 гг.)»). Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1959. 240 с.) // Советская Чувашия, 1959, 8 сент.

1960

21. Итоги экспедиции по изучению быта и культуры сельского населения Чувашии 1960 года (Тезисы докл. на науч. сессии НИИ) // Научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ института в 1960 г. Чебоксары, 1960. С. 6

22. В.И. Ленин и освободительная борьба чувашского народа // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1960.

23. Установление Советской власти в уездах Чувашского края: Тезисы докладов, обсуждаемых на заседаниях секции истории. Научн. сессия, посвященная итогам исслед. работ ЧНИИ за 1960 г. Чебоксары, 1960. С. 7-12.

24. Очерки истории и историографии Чувашии. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1960. 380 с.

25. Победа ленинской правды: (О газете «Правда») // Советская Чувашия, 1960, 5 мая.

26. Создадим историю колхозов республики // Советская Чувашия, 1960, 17 марта.

27. Под надзором жандармерии: (О некоторых документах, показывающих преследование Л.Н. Толстого. По материалам Чувашского гос.

архива) // Советская Чувашия, 1960, 20 ноября.

28. Рецензия на работу М.К. Корбута. Василий Константинович Магницкий и его труды, 1839-1901. (Чебоксары, 1929. 97 с.) // Книга и революция, 1929, № 13-14. С. 53 - 54; Перепеч.: Кузнецов И.Д. Памяти В.К. Магницкого // Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 340-342.

29. О книге проф. Н.В. Никольского // Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 336 - 340.

30. Люди коммунистического труда (Рецензия на работу Маркина П., Пономарева А., Сидорова Г. Аллея почета: (Об ударниках и бригадах коммунистического труда на предприятиях Чувашии. Очерки). Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1960. 59 с.) // Советская Чувашия, 1960, 16 ноября.

1961

30. Урожайность надельных земель в Чувашском крае в пореформенный период и значение ее в классовой дифференциации крестьянства // Науч. сессия, посвящ. итогам исследовательских работ за 1961 г.: Тез. докл., обсужд. на заседаниях секции истории ЧНИИ. Чебоксары, 1961. С. 25-35.

1962

31. Чувашия - родина Николаева // Московские новости, 1962. 24 ноября (на англ., испан. и франц. яз.).

32. Карл Маркс о некоторых вопросах истории народов Поволжья // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21. С. 179-194.

33. Аграрный вопрос в Чувашии накануне Октября // Особенности

аграрного строя в России в период империализма. М., 1962. С. 254-264.

34. Урожайность надельных земель чувашского крестьянства при Царизме и влияние ее на классовую дифференциацию деревни (тезисы). Чебоксары, 1962.

1963

35. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963. 584 с. (или Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 24. 584 с.)

36. Заметки по некоторым вопросам истории социалистической революции в Чувашии // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 301-306.

37. В.И. Ленин в исторических судьбах чувашского народа (на чувашском языке) // К некоторым вопросам о развитии чувашской культуры и литературы. Чебоксары, 1963.

38. Научная сессия, посвященная задачам института в свете решений XXII съезда КПСС и итогам исследовательских работ института за 1962 г. // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 319-325.

39. Обсуждение письма А.В. Васильева на заседании сектора истории ЧНИИ, состоявшемся в 1962 г. и обсудившем письмо бывшего председателя исполкома Цивильского уездного совдепа по поводу брошюры Яснопольского Н.А. «Свет Октября») // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 324-325.

40. Кузнецов И.Д., Денисов П.В. Вопросы экономики и истории Чувашской АССР (Рецензия на работу С.М. Дубровского Столыпина

земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963. 599 с.) // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 23. С. 266-269.

41. Они сражались за Родину (Рецензия на работу М.В. Румянцева Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны. Чебоксары: ЧНИИ, 1963. 132 с.) // Советская Чувашия, 1963, 4 июня.

42. Никто не свернет нас с ленинского пути // Советская Чувашия, 1963, 18 июля.

1964

43. Кризис крепостнической системы // В помощь учителю истории (Материалы по истории Чувашской АССР). Чебоксары, 1964. С. 52 - 63.

44. Борьба крестьян против усиления крепостнического гнета // В помощь учителю истории (Материалы по истории Чувашской АССР). Чебоксары, 1964. С. 63-68.

45. Культура и просвещение в Чувашии в дореволюционный период // В помощь учителю истории (Материалы по истории Чувашской АССР). Чебоксары, 1964. С. 68-70.

46. Великий кобзарь Тарас Шевченко в Чувашии (В связи с 150-летием со дня рождения) // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. 27. С. 190 - 201.

47. Своеобразие национально-освободительного движения в Чувашии на первом этапе Октябрьской революции // Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (Материалы к

сессии Науч. Совета). Вып. 1. М.: Наука, 1964. С. 99-109.

48. Идея научного коммунизма живут и побеждают. К 100-летию I Интернационала // Советская Чувашия, 1964, 26 сентября.

1965

49. К вопросу об изучении исторического опыта перехода народов Поволжья к социализму // Вопросы истории Чувашии: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1965. Вып. 29. С. 127-134.

50. Кузнецов И.Д., Маркелов И.А., Сироткин М.Я. Чувашия на путях коммунистической цивилизации. Чебоксары: ЧНИИ, 1965. 35 с.

51. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Доклад по монографии на соиск. учен. степени доктора ист. наук. Пермь, 1965. 37 с. На правах рукописи.

52. Кузнецов И.Д., Любимов В.Н. К истории Чувашии // Вопросы истории КПСС, 1965, № 4. С. 133-134.

53. Образ молодого современника (в литературе) // Молодой коммунист, 1965, 30 июля, 1 августа.

54. К истории первых Советов в Чувашии (Рецензия на работу Артемьева С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917–1918 гг. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. 195 с.) // Советская Чувашия, 1965, 14 окт.

1966

55. К вопросу о мировоззрении К.В. Иванова // Классик чувашской поэзии: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1966. С. 10-24.

56. Буржуазные реформы 60 – 70-х годов XIX века и развитие капитализма в Чувашии // История Чувашской АССР. Чебоксары:

ЧНИИ, 1966. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Гл. 10. С. 155-181.

1967

58. Социалистическая Чувашия в первые годы строительства коммунистического общества // История Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1967. Т. 2. От Великой Октябрьской революции до наших дней. Гл. 10. С. 158-186.

59. Борьба за организационное и идейное сплочение Чувашской областной организации КПСС (1921-1930): Тезис доклада на научной сессии «Некоторые вопросы истории Чувашской областной организации КПСС». Чебоксары: ЧНИИ, 1967. 13 с.

1968

61. В бой за свободу (Архивные документы о формировании отрядов Красной Армии на территории Чувашии и помощи местного населения продовольствием) – Документы комментирует доктор исторических наук И.Д. Кузнецов // Советская Чувашия, 1968, 21 февраля.

62. Развитие социальной структуры Чувашии в период перехода от капитализма к коммунизму // Чувашия за 50 советских лет: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары. 1968. С. 13-31.

63. Чувашия // История философии СССР. М., 1968. Т.1. С. 6, 491.

64. Верный идеалам юности: (К 120-летию со дня рождения И.Я. Яковлева) // Литературная Россия, 1968, 15 ноября. С. 7.

1969

65. Величайший земельный переворот в Чувашии // В.И. Ленин и

чувацкий народ. Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 44. С. 62-71.

66. Деятельность И.Я. Яковлева по национальному подъему чувашей // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1969, Вып. 42: Посвящается 100-летию со времени открытия чувашской учительской школы и 120-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. С. 15-29.

67. Очерки по истории Чувашского крестьянства. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969. 426 с.

68. Кузнецов И.Д., Дедушкин Н. Слово о великом просветителе (К 120-летию со дня рождения И.Я. Яковлева) // Волга, 1969, № 1. С. 121-126.

69. Речь на IX (внеочередном) съезде писателей Чувашии // Советская Чувашия, 1969, 30 мая.

70. «Наш край возродится родной...»: О делах и мечтах М. Сеспеля // Молодой коммунист, 1969, 7 ноября.

71. Следуя по ложному пути (рецензия на литературные произведения М. Ильина – Юхма) // Ялав, 1969, № 10.

72. Кузнецов И.Д., Кузьмичев И.И. В плену теоретической сумятицы: (Полемика с журналом «Дружба народов» по поводу статьи М. Юхмы «Золотое руно традиций») // Советская Чувашия, 1969, 16 мая.

1970

73. Ленин и трудящиеся Чувашии. Документы. Материалы. Воспоминания. Предисл. И.Д. Кузнецова и В.Л. Кузьмина. Чебоксары, 1970. 359 с.

74. Энгельс и пролетарский интернационализм // Тезисы докл. на науч. сессии, посвященной 150-

летию со дня рождения Ф. Энгельса (ЧГУ им. И.Н. Ульянова). Чебоксары, 1970. С. 21-26.

75. В.И. Ленин и самоопределение народов Поволжья и Приуралья // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары, 1970. Вып. 1. С. 3-26.

76. Первый этап национального самоопределения народов Поволжья и Приуралья // Торжество ленинской национальной политики: Тезисы докладов и сообщ. первой секции «Марксистско-ленинская теория по национальному вопросу. Национально-государственное строительство в СССР». Чебоксары, 1970. С. 41-46.

77. В.И. Ленин и социалистическое возрождение народа Чувашии. Чебоксары, 1970. 47 с.

78. Чуваши: этнографическое исследование: В 2-х ч. Ч.2. / И.Д. Кузнецов, Н.И. Иванов. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1970. 300 с.

79. Рецензия на работу Маркелова И.А. Культура возрожденного народа, развитие культуры в Чувашии (Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969. 207 с.: 11 л. ил.) // Советская Чувашия, 1970, 30 января.

80. Кузнецов И.Д., Кузьмичев И.И. Еще раз о путанице в вопросах миропонимания: (По поводу статьи «В плену теоретической сумятицы» // Советская Чувашия, 1969, 16 мая) // Советская Чувашия, 1970, 10 апреля.

1971

82. Это было 50 лет назад: (Из истории борьбы за упрочнение Советской власти в Чувашии) // Блокнот агитатора, 1971, № 4. С. 19-26.

1972

83. Путевка в жизнь: (Воспоминания) // Нас водила молодость... Чебоксары, 1972. С. 73 – 76.

84. Акрамовская война 1842 г. (Восстание чувашских и марийских крестьян). Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1972. 44 с.

85. Ленин В.И. – основатель и организатор многонационального Советского государства // Молодой коммунист, 1972, 28 сентября.

1973

86. Три концепции развития капитализма в Чувашской деревне // Вопросы истории и историографии Чувашского народа. Чебоксары, 1973. Вып. 2. С. 82-100.

87. Некоторые вопросы истории народов Поволжья феодально-крепостнического периода в рукописном наследстве Карла Маркса // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья. Науч. сессия Ин-та ист. СССР АН СССР и ЧНИИ: Тез. докл. Чебоксары, 1973. С. 57 – 61.

88. В семье единой: К 50-летию образования СССР // Советская Чувашия, 1973, 30 мая.

89. Виктор Нерубенко – рабочий поэт: (К 60-летию рождения) // Советская Чувашия, 1973, 8 сентября.

90. Великая битва за мир: (О поездке Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в ФРГ) // Советская Чувашия, 1973, 30 мая.

1974

91. Кузнецов И.Д., Иванов Н. Областная партийная организация в годы развернутого строительства коммунизма (1959-1965 гг.) // Очерки истории Чувашской областной

организация КПСС. Чебоксары, 1974. С. 451-504.

92. С именем Ленина (Рецензия на монографию В.А. Долгова «Образ Ленина в сердце народа») // Молодой коммунист, 1974, 19 октября.

1975

93. Ленинская концепция социалистической культуры и некоторые вопросы художественного творчества в чувашском литературоведении: Национальное и интернациональное в Чувашской советской литературе и искусстве. Чебоксары, 1975. С. 3-17.

94. Кузнецов И.Д., Петров Г.П. История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1975. 280 с.

95. Родина Чапая // Советская Чувашия, 1975, 6 января.

96. И оружием и пером! (К 60-летию со дня рождения Н.С. Дедушкина) // Литературная Россия, 1975, 28 марта, с. 17.

1976

97. Кузнецов И.Д., Буцевицкий В.С. Съезд деятелей по образованию чувашей (К 70-летию со времени созыва) // История Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 68. С. 126-129.

98. На съезд вела лыжня // Советская Чувашия, 1976, 28 января.

99. Незабываемые встречи (С К.В. Волковым и М.И. Калининым) // Молодой коммунист, 1976, 19 февраля.

1977

100. Кузнецов И.Д., Дедушкин Н. И.Я. Яковлев и его школа // Советская Чувашия, 1977, 29 января.

101. Счастье свободного труда // Советская Чувашия, 1977, 21 июля. С. 2-3.

102. В памяти народной: (О помощи Советского государства голодающему населению Чувашии в 1921 – 1922 годах) // Советская Чувашия, 1977, 20 сентября.

103. Время и литература. Чебоксары: Чувашгиз, 1977.

104. Рецензия на книгу Емельянова «Колокольчики» // Ялав, 1977, №6.

105. В памяти народной // Советская Чувашия, 23 ноября, 1977.

106. Знамя труда и счастья // Та-ван Атӑл, 1977, №10.

107. Молодежь Чувашии на ленинском пути // Дружба, 1977, №30.

1978

108. Кузнецов И.Д., Петрухин А. Видный ученый-историк: (П.В. Денисов) // Советская Чувашия, 1978, 27 августа.

1980

109. Практикум по истории Чувашской АССР (период капитализма): Учебное пособие / Кузнецов И.Д., Кузьмин В.П., Сергеев Т.С. Чебоксары: ЧГУ, 1980. 128 с.

110. Ленин и Чувашия. Документы, материалы, воспоминания: Сборник / Сост.: Дмитриев К.Д., Кузнецов И.Д., Кузьмин В.Л. и др. 2-ое изд., доп. Чебоксары, 1980. 390 с.

111. Кузнецов И.Д., Матросов И.М. Делегат V (Лондонского) Съезда РСДРП: Анисимов Василий Анисимович (1978 – 1939) // Они боролись за счастье народное. Чебоксары, 1980. С. 11 – 16.

1981

112. Об изучении «этнопедагогики» чувашского народа // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 114-130.

113. Имя его незабвенно (К 100-летию Шелеби) // Молодой коммунист, 1981, 14 мая.

1982

114. Кузнецов И.Д., Фокин П.П. Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 139-152.

115. Чемеевские баррикады: К 75-летию восстания // Советская Чувашия, 1982, 20 февраля.

1983

116. Кузнецов И.Д., Рожнов В.П. Буржуазные реформы 60 – 70-х годов XIX века и развитие капитализма в Чувашии // История Чувашской АССР. 2-е изд., перераб. Чебоксары: ЧНИИ, 1983. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Гл. 10. С.173-202.

117. К вопросу о предпосылках массовой коллективизации сельского хозяйства ЧАССР // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1983. С. 58 – 71.

1984

118. Некоторые методологические вопросы изучения истории крестьянства Чувашии периода капитализма // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашии: Сб. статей ЧНИИ Чебоксары. 1984. С. 20-25.

119. Кузнецов И.Д., Смирнов Ю.П. История Козловского завода автофургонов. Чебоксары, 1984.

1985

120. Эволюция сельского хозяйства и крестьянства Чувашии XIX – начала XX веков // Исследования по

истории Чувашии дооктябрьского периода: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 3-30.

121. Некоторые особенности сплошной коллективизации сельского хозяйства Чувашской АССР // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 21-51.

1986

122. Кузнецов И.Д., Иванов Л.А., Сидоров П.А., Фокин П.П. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 45-93.

123. Из духовного наследия Яковлева И.Я. // Советская Чувашия, 1986, 28 февраля.

1988

124. Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии // Великий Октябрь и проблемы перестройки. Чебоксары, 1988. С. 42-49.

125. Как это было // Советская Чувашия, 1988, 10 - 15 марта.

1989

126. Кузнецов И.Д., Шорников А.М. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР (1928 – июнь 1941 гг.) // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. Ч. 1. С. 119-180.

127. Кавалер ордена Славы: Его прах покоится в Латвии на братском кладбище «Иецава»: (О судьбе незаконно репрессированного Кутяшо-

ва С.С.) // Советская Чувашия, 1989, 29 апреля. С. 5.

128. Кузнецов И.Д., Николаев Г.А. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в конце XIX – начале XX веков // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии / отв. ред. А.М. Шорников: В 2-х ч. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. Ч. 1. Гл. 1. С. 12-44.

1993

129. Из истории Чувашии // Данилов Д.Д. при участии Кузнецова И.Д., Петрова С.П., Люблина И.В. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. М., 1993. С. 9-65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айплатов Г.Н., д-р ист. наук, профессор каф. Отечественной истории Марийского государственного университета.

Алметева И.В., канд. ист. наук, старший преподаватель каф. Отечественной истории Марийского государственного университета.

Андреев В.В., Глава города Новочебоксарска Чувашской Республики.

Андреев О.В., канд. ист. наук, старший преподаватель каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Андреев К.Л., старший преподаватель каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Арсентьева А.В., канд. ист. наук, профессор, зав. каф. средневековой и новой истории Отечества, проректор Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Белоус В.И., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. Современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Богомазова Ю.А., аспирант каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Бойко И.И., д-р ист. наук, профессор каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, зав. отделом энциклопедии ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Выйкин А.В., зам. министра культуры, по делам национальностей, информационно-политики и архивного дела Чувашской Республики.

Вязова О.Г., канд. ист. наук, доцент каф. археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Григорьев А.Д., канд. ист. наук, старший преподаватель каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Григорьев В.С., д-р ист. наук, профессор, директор ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Данилов А.П., канд. ист. наук, профессор, декан факультета журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Данилов А.А., аспирант каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Демидова И.И., канд. ист. наук, доцент каф. средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Денисов П.В., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Димитриев В.Д., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Ертмакова Г.В., директор РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики».

Ершова О.В., ассистент каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Иванов А.А., канд. ист. наук, доцент каф. Отечественной истории Марийского государственного университета.

Иванов А.Г., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. Отечественной истории Марийского государственного университета.

Иванов В. П., д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Иванова И.П., соискатель кафедры средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, учитель истории и обществознания СОШ № 31.

Иванова Т.М., канд. ист. наук, доцент каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Ильин И. Е., канд. филос. наук, доцент, зав. отделом социологии и межнациональных отношений ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Карпов А.В., канд. ист. наук, доцент каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Касимов Е.В., канд. ист. наук, научный сотрудник отдела истории ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Клементьев В.Н., канд. ист. наук, зав. отделом истории ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Кодыбайкин С.Н., канд. ист. наук, доцент каф. археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Кознова И.Е., канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Корнаковский И.Л., канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Коршунова О.Н., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета.

Кураков Л.П., академик РАО, ректор Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Чувашской Республики.

Куршева Г.А., канд. пед. наук, доцент, заместитель директора по научной работе ГУ «НИИГН при Правительстве республики Мордовия».

Малюгин А.И., преподаватель Чебоксарского педагогического колледжа.

Минеева Е.К., канд. ист. наук, доцент, докторант каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Михайлова С.М., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. политической истории Казанского государственного университета.

Михайлова С.Ю., канд. ист. наук, доцент, докторант каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Морозов Д.М., аспирант каф. источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Мочалов А.Л., студент III курса исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Надикова О.А., старший научный сотрудник, руководитель организационно-научной и редакционно-издательской группы Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД России.

Надькин Т.Д., канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры всемирной истории и права Мордовского государственного педагогического института.

Никитина Г.А., д-р ист. наук, профессор, зам. директора по научным вопросам Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Перчиков Ю.А., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. современной истории России Нижегородского государственного педагогического университета.

Петров А.Г., канд. ист. наук, доцент, начальник Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД России.

Петров Н.А., канд. ист. наук, зав. каф. археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Петрянкина А.П., канд. пед. наук, доцент каф. средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Пинаева Д.А., аспирант каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Питернова В.Ф., главный специалист отдела публикации и использования документов РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики».

Рыбалка А.В., студентка IV курса историко-филологического факультета Марийского государственного университета.

Рыбалка В.И., канд. ист. наук, доцент каф. журналистики Марийского государственного университета.

Сакович Н.В., аспирант Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

Сергеев Т.С., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Серебрянская Г.В., д-р ист. наук, профессор, проректор по воспитательной работе Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

Смирнов Ю.П., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. Отечественной истории XX-XXI вв., декан исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Соколова В.И., канд. ист. наук, доцент каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Степанов В.Р., д-р ист. наук, профессор каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Суслов А.Ю., канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета.

Таймасов Л.А., д-р ист. наук, профессор каф. археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Тенюшев И.Я., канд. ист. наук, доцент, зав. каф. литературного редактирования и стилистики, председатель Совета ветеранов войны и труда Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Тимофеев Г.А., аспирант кафедры современной отечественной истории исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Тимофеев В.В., канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей истории Отечества, декан факультета довузовской подготовки Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Тимофеев В.Г., д-р юрид. наук, профессор, зав. каф. государственно-правовых дисциплин юридического факультета, декан факультета права, управления и повышения квалификации Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Тимофеева Л.П., канд. ист. наук, старший преподаватель Чувашского педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Ткаченко В.Г., доцент каф. источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Толстова Н.Н., канд. ист. наук, доцент каф. историографии и источниковедения ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Харитоновна С.Б., канд. ист. наук, научный сотрудник НИЧ Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Черкасова М.С., д-р ист. наук, профессор каф. Отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Щербаков С.В., главный специалист отдела публикации и использования документов РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики».

Шигазимов А.Р., старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета.

Шумилов А.В., младший научный сотрудник ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Юрченков В.А., д-р ист. наук, профессор, директор ГУ «НИИГН при Правительстве республики Мордовия».

Яковлева Н.С., аспирант каф. Отечественной истории XX-XXI вв. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Ялтаев Д.А., канд. ист. наук, доцент каф. средневековой и новой истории Отечества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....	3
<i>Кураков Л.П.</i>	
Социально-экономические проблемы в исследованиях И.Д. Кузнецова	3
<i>Смирнов Ю.П., Выйкин А.В., Богомазова Ю.А.</i>	
Школа И.Д. Кузнецова: традиции, новаторство в развитии исторической науки.....	11
<i>Григорьев В.С.</i>	
Научно-организационная деятельность И.Д.Кузнецова: к проблеме координации научных исследований в регионе.....	35
<i>Денисов П.В.</i>	
И.Д. Кузнецов – неумимый ученый, труженик исторической науки... <i>Секция 1</i>	42
ЖИЗНЬ, НАЦИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Д. КУЗНЕЦОВА, ЕГО ЭПОХА.....	47
<i>Иванов А.Г.</i>	
Из опыта написания истории сел и деревень.....	49
<i>Степанов В.Р.</i>	
Философские воззрения чувашского народа в научном наследии И.Д. Кузнецова	54
<i>Сергеев Т.С.</i>	
Учитель учителей (К 100-летию со дня рождения профессора И.Д. Кузнецова).....	58
<i>Тенюшев И.Я.</i>	
Трудна дорога к вершинам науки (К 100-летию со дня рождения И.Д. Кузнецова).....	62
<i>Демидова И.И.</i>	
Воспоминания об учителе.....	66
<i>Соколова В.И.</i>	
Научно-литературная деятельность И.Д. Кузнецова в области критики, публицистики и перевода.....	71
<i>Щербаков С.В.</i>	
И.Д. Кузнецов и «платформа капитулянтов и правых националистов в Чувашии» (Современный взгляд на события 1937 года по материалам уголовного дела).....	79
<i>Ершова О.В.</i>	
Путь И.Д. Кузнецова в большую науку.....	94
<i>Надикова О.А.</i>	
И.Д. Кузнецов – человек неиссякаемой энергии.....	98
<i>Тимофеев В.В.</i>	
Комсомол в судьбе И.Д. Кузнецова.....	101
<i>Данилов А.П.</i>	
Ученый, педагог, современник И.Д. Кузнецова (Творческая деятель- ность Ивана Яковлевича Тенюшева).....	103

<i>Богомазова Ю.А.</i>	
Люди и судьбы в годы репрессий (По воспоминаниям И.Д. Кузнецова «Как это было»).....	109
Секция 2	
ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ, СРЕДНЕВЕКОВОЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ И.Д. КУЗНЕЦОВА.....	123
<i>Иванов В.П.</i>	
Расселение чувашей в российской империи.....	125
<i>Таймасов Л.А.</i>	
Вопросы церковно-монастырского землевладения в трудах И.Д. Кузнецова.....	131
<i>Малюгин А.И.</i>	
Освещение развития неземледельческих промыслов в трудах И.Д. Кузнецова.....	143
<i>Петров Н.А.</i>	
Вопросы крестьянской общины и обычного права в трудах И.Д. Кузнецова.....	153
<i>Андреев В.В.</i>	
Отражение в трудах И.Д. Кузнецова революционных событий 1905-1907 гг.....	156
<i>Минеева Е.К.</i>	
Концепция национально-государственного развития чувашского народа в трудах И.Д. Кузнецова.....	160
<i>Михайлова С.Ю.</i>	
«В коллективном подвиге труда ...» (рабочая молодежь промышленных предприятий Чувашии в трудах профессора И.Д. Кузнецова).....	175
<i>Касимов Е.В.</i>	
Освещение истории коллективизации сельского хозяйства Чувашии в трудах И.Д. Кузнецова.....	185
<i>Линаева Д.А.</i>	
История колхозов Чувашии в трудах И.Д. Кузнецова: источниковедческий анализ	190
<i>Ертмакова Г.В., Питернова В.Ф.</i>	
Коллективизация и колхозное строительство на территории Новощимкусского сельского поселения Яльчикского района в 1930-е гг. (По документам ГИА Чувашской Республики)	196
<i>Григорьев А.Д.</i>	
И.Д. Кузнецов – организатор и автор создания книги «История Чебоксарского электроаппаратного завода».....	206
<i>Харитонова С.Б.</i>	
Формы работы женотделов среди крестьянского населения в 20-30-е гг. XX в. (на материалах Чувашии).....	210
<i>Яковлева Н.С.</i>	
Освещение проблем женского труда в работах И.Д. Кузнецова.....	226

<i>Мочалов А.Л.</i>	
Изучение И.Д. Кузнецовым истории культуры Чувашии новейшего времени.....	231
Секция 3	
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ.....	239
<i>Черкасова М.С.</i>	
Монастыри Среднего Поволжья по описи 1641-1643 гг.....	241
<i>Айплатов Г.Н.</i>	
Илья Иванов и Мирон Мумарин – сподвижники Разина (о социальном факторе в крестьянской войне 1670 – 1671 гг.).....	245
<i>Морозов Д.М.</i>	
К вопросу о складывании системы управления казанской землей во второй половине XVI – начале XVII веков.....	263
<i>Арсентьева А.В., Петрянкина А.П.</i>	
Роль городских училищ в повышении грамотности сельского населения Чувашии в конце XVIII – начале XX вв.	275
<i>Иванова И.П.</i>	
Земские и другие начальные школы в Чувашии в последней трети XIX – начале XX Век (По материалам Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов).....	283
<i>Ялтаев Д.А.</i>	
Борьба полиции казанской губернии с крестьянскими волнениями в начале XX в. на территории Чувашии.....	292
<i>Тимофеев В.Г.</i>	
Формирование государственности чувашского народа: историко-правовой аспект (1917-1925 гг.).....	302
<i>Тимофеева Л.П.</i>	
Участие женщин в строительстве основ социализма в 1917 – 1929 гг. ..	312
<i>Алметева И.В., Иванов А.А.</i>	
Изъятие ценностей в церквях Марийской автономной области в 1922 г. (По документам ГА РМЭ).....	319
<i>Петров А.Г.</i>	
И.Д. Кузнецов – человек, переживший репрессии 30 - 40-х годов.....	326
<i>Матюшин П.Н.</i>	
Трагизм и величие в судьбе И.Д. Кузнецова.....	329
<i>Кириллова Д.А.</i>	
Основные тенденции рождаемости в СССР в первой половине 1930-х годов.....	333
<i>Надькин Т.Д.</i>	
Социальный протест крестьянства Мордовии во второй половине 1940-х годов.....	336

<i>Клементьев В.Н.</i> Образование Чувашской автономной области: этнотерриториальный аспект.....	352
<i>Иванова Т.М.</i> Национальный вопрос на страницах периодической печати Чувашии в 20-30-е гг. XX в.....	362
<i>Карпов А.В.</i> Изменения в избирательной системе Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. (На примере института президентства в Чувашской Республике).....	371
<i>Шумилов А.В.</i> Народное представительство в законодательном собрании Чувашской Республики.....	382
<i>Ершова О.В.</i> Создание новой школы в условиях становления Чувашской автономии	387
<i>Рыбалка А.В.</i> Республиканская научная библиотека Марийской АССР в годы великой отечественной войны: к вопросу о методической помощи районным и сельским библиотекам.....	393
<i>Сакович Н.В.</i> Основные проблемы здравоохранения 1938-1945 гг. в отечественной историографии	399
Секция 4 ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СТРАНЫ В XX ВЕКЕ...	405
<i>Юрченков В.А.</i> Промышленность Мордовии в условиях военного коммунизма: основные тенденции развития.....	407
<i>Белоус В.И.</i> Социальные проблемы индустриализации Горьковской области в 1941-1953 гг.....	420
<i>Перчиков Ю.А.</i> Из истории коллективизации в Нижегородском крае.....	427
<i>Михайлова С.М., Коршунова О.Н.</i> Традиции финноугроведения в казанском университете.....	432
<i>Бойко И.И.</i> Промышленность Чувашии в середине 1960-х – конце 1970-х гг.: поиски путей повышения эффективности производства и качества продукции.....	441
<i>Михайлова С.М., Коршунова О.Н.</i> Казанский университет в начале XX века.....	457
<i>Николаев Г.А.</i> Естественное движение сельского населения Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. в этническом измерении: к постановке проблемы.....	471

<i>Кодыбайкин С.Н.</i>	
Доходность кустарных промыслов крестьян Чувашии в конце XIX – начале XX вв.....	477
<i>Голстова Н.Н.</i>	
Земельный вопрос и коллективизация.....	488
<i>Сулов А.Ю., Шигазинов А.Р.</i>	
Внешнеторговые фирмы предприятий Республики Татарстан во второй половине 1980-х годов: проблемы функционирования.....	496
<i>Никитина Г.А.</i>	
Адаптационные практики сельских удмуртов в условиях российских трансформаций.....	503
<i>Куршева Г.А.</i>	
Модернизационные процессы 1930-х гг. и региональная система образования.....	519
<i>Кознова И.Е.</i>	
Российская модернизация XX в. и историческая память крестьянства.....	532
<i>Рыбалка В.И.</i>	
Совершенствование системы оплаты труда колхозников в Марийской АССР в 60-е годы XX века.....	539
<i>Вязова О.Г.</i>	
Индустриализация в Чувашии и решение жилищного вопроса (на примере деятельности жилищно-строительной кооперации).....	546
<i>Ильин И.Е.</i>	
Сельская Чувашия в конце XX – начале XXI века (историко-социологический анализ)	557
<i>Яковлева Н.С.</i>	
Уровень квалификации женщин-работниц в промышленности Чувашии в конце 1960-х – начале 1980-х гг.....	566
<i>Гимофеев Г.А.</i>	
Экономические концепции 1990-х годов СССР.....	576
<i>Данилов А.А.</i>	
Эволюция кадрового потенциала телевидения в Чувашии.....	580
<i>Андреев О.В.</i>	
Молодые рабочие в органах государственного управления.....	589
<i>Серебрянская Г.В.</i>	
Промышленное развитие тыловых районов Российской Федерации в 1941-1945 гг. в трудах отечественных историков.....	596
<i>Андреев К.Л.</i>	
Духовный потенциал советского общества в освещении И.Д. Кузнецова.....	602
<i>Корнаковский И.Л.</i>	
Слово об Иване Даниловиче Кузнецове.....	604
Приложение	607
Сведения об авторах	615

**И.Д. КУЗНЕЦОВ – ученый, педагог,
человек, переживший репрессии 30 – 40-х годов XX века**

Научное издание

**И.Д. КУЗНЕЦОВ – УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК,
ПЕРЕЖИВШИЙ РЕПРЕССИИ 30 – 40-х годов XX века**

**Сборник статей
Всероссийской научной конференции историков
(Чебоксары, 15-16 июня 2006 г.)**

Отв. за выпуск В.Р. Степанов
Технические редакторы О.А. Надикова, М.Ю. Харитонов
Редакторы Ю.А. Богомазова, Н.Е. Чекурина
Корректоры А.Л. Смирнова, Е.А. Гришина

Подписано в печать 30.05.2006. формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать оперативная. Усл. печ. л. 39,0. Уч.-изд. л. 39,55.
Тираж 300 экз. Заказ № 525.

Отпечатано в типографии Издательства «Клио»
428008 Чебоксары, а/я 64

